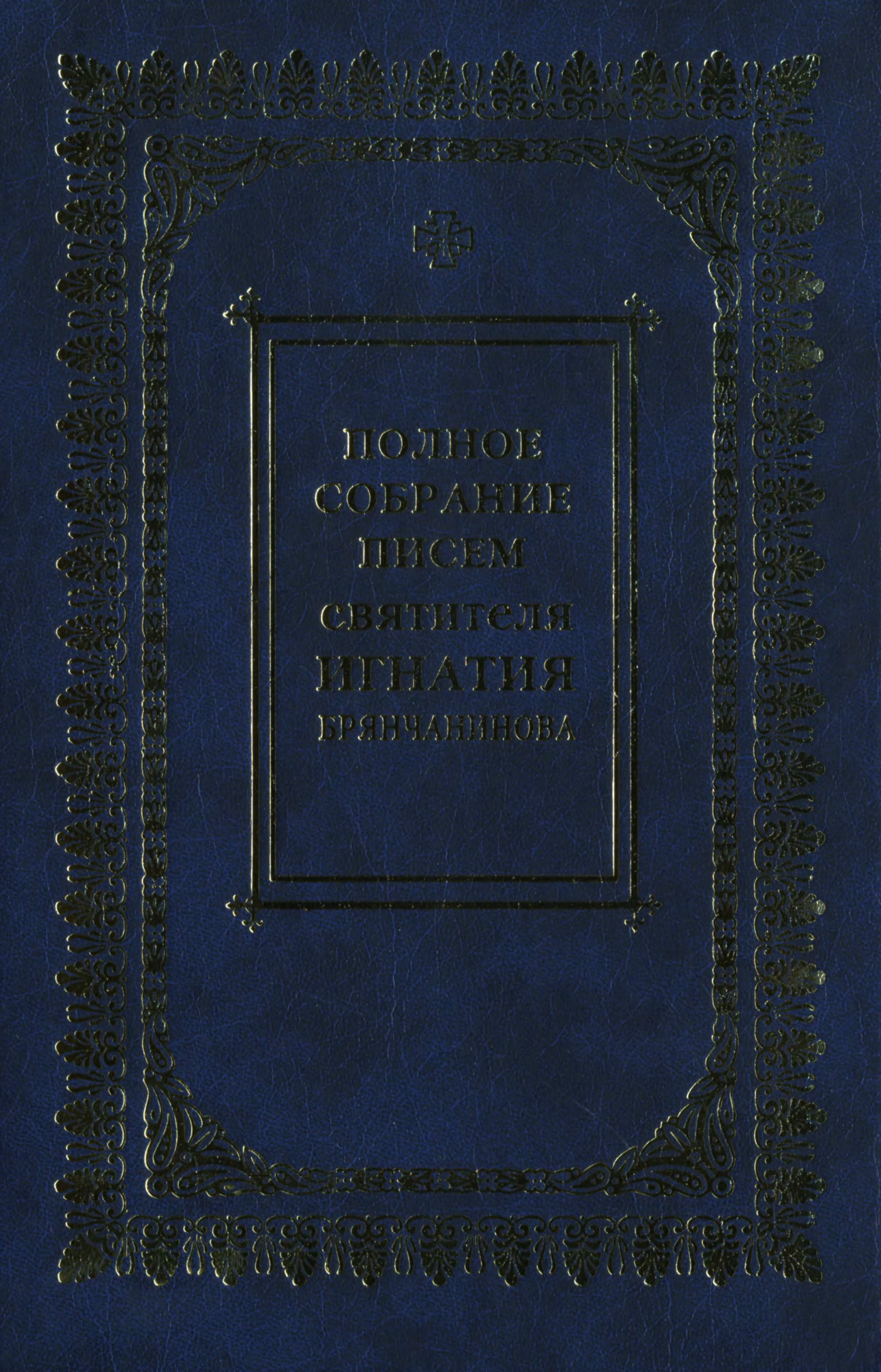
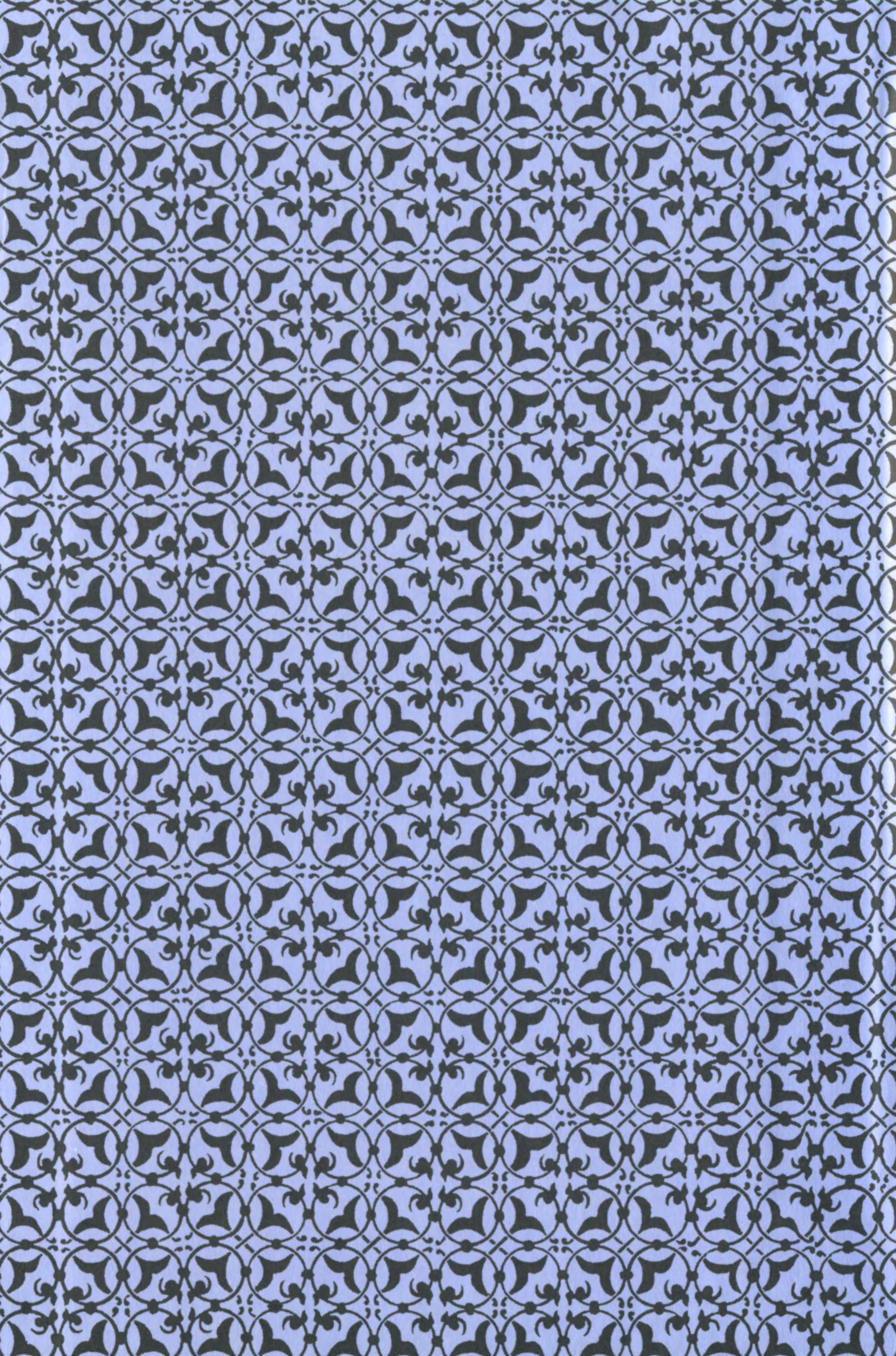
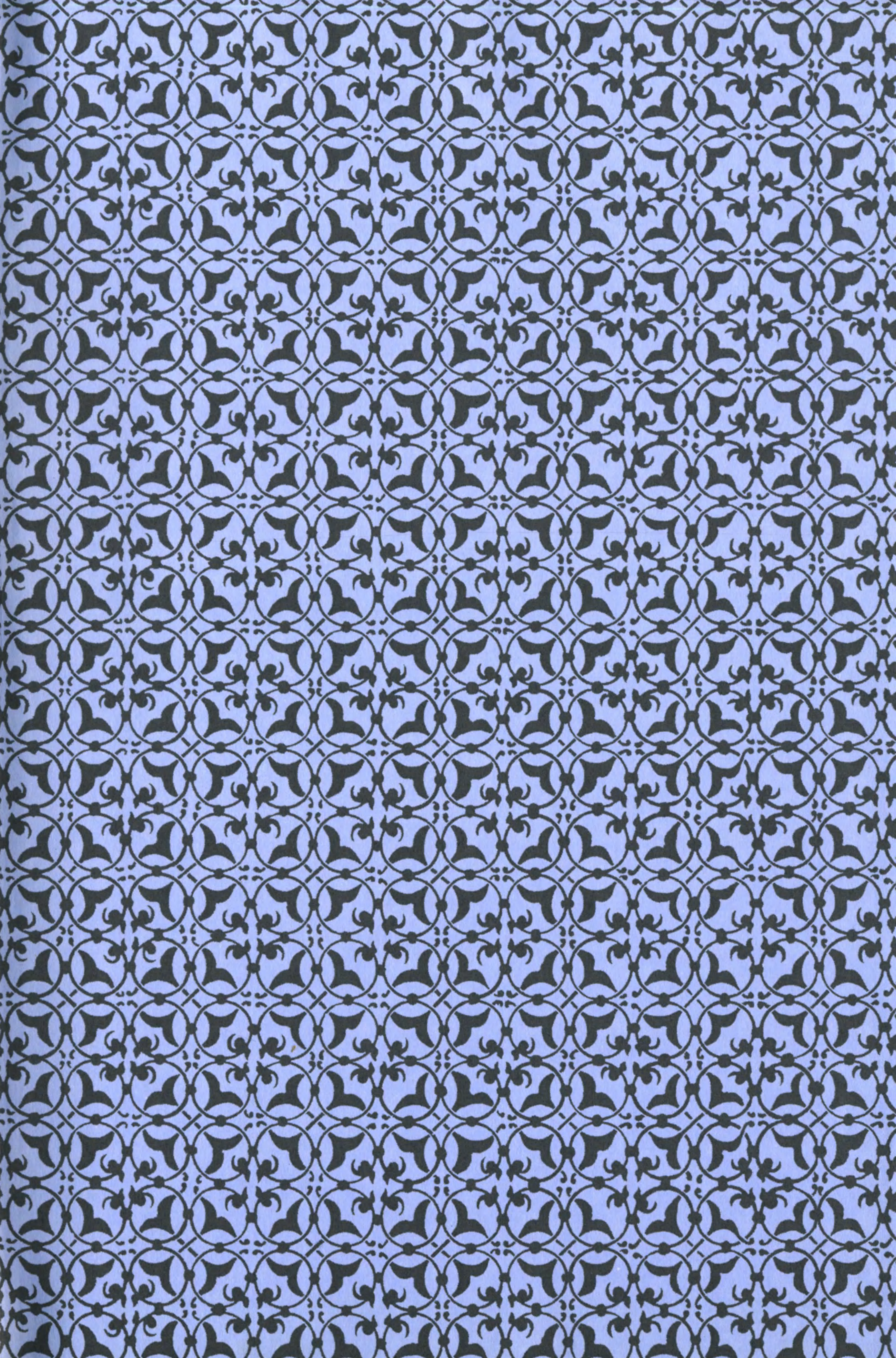

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
ПИСЕМ
СВЯТИТЕЛЯ
ИГНАТИЯ
БРЯНЧАНИНОВА





ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПИСЕМ

святителя

ИГНАТИЯ

БРЯНЧАНИНОВА

Том II

Переписка с монашествующими

УДК 242
ББК 86.37.42
Б 89

**Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 10-09-0532**

Составление
О. И. Шафранова

Игнатий Брянчанинов, святитель.
Б 89 Полное собрание писем: В 3 т. Т. 2: Переписка с монашествующими / Сост. О. И. Шафранова. — М.: Паломник, 2011. — 704 с.

ISBN 5-88060-249-4

Предлагаемое читателям полное собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова в 3-х томах представляет собой драгоценнейшее эпистолярное наследие этого выдающегося подвижника Божия. «Пишу к вам прямо из сердца», — обращался святитель Игнатий к своим корреспондентам. Современные боголюбивые читатели, несомненно, также смогут ощутить это сердечное участие, находя в письмах великого учителя благочестия духовное утешение, разрешение своих недоумений, конкретные духовные советы на пути ко спасению.

Полное собрание писем входит в Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова.

УДК 242
ББК 86.37.42

ISBN 5-88060-249-4

ПЕРЕПИСКА СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА С МОНАШЕСТВУЮЩИМИ

Ольга Шафранова

Святитель Игнатий Брянчанинов и благословенная Оптина Пустынь

Никогда не давали они советов из себя: всегда представляли в совет изречение или Писания, или Отцов.

Святитель Игнатий Брянчанинов

Святитель Игнатий, в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов, еще в раннем детстве полюбил проводить время в уединении, в ближайшем соприкосновении с природой, «внушавшей ему высокие стремления, какими бывает полна жизнь пустынная». Его религиозное настроение замечали даже посторонние люди. Много позже, в 1839 г., уже будучи архимандритом Троице-Сергиевой пустыни, он вспоминал в письме к старинному другу его отца, в то время Архиепископу Херсонскому и Таврическому Гавриилу[1]: «Из детей я старший, Димитрий, который пользовался особенным Вашим расположением, о котором Вы говаривали Александру Семеновичу: уступите его в монашество!»

---

[1] *Высокопреосвященный Гавриил* — в миру Василий Федорович Розанов; 1781–1858. В 1837–1848 гг. Архиепископ Херсонский и Таврический; в начале своей духовной карьеры он служил в Вологде, в 1814–1819 годах был ректором Вологодской семинарии и настоятелем Спасо-Каменского монастыря. См. также: Полное собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова: В 3 т. М.: Паломник, 2011. Т. 1. С.150. (Далее ссылки на настоящее издание приводятся с указанием тома и страницы).

Прошли годы. В конце лета 1822 г., когда Дмитрию Александровичу пошел шестнадцатый год, отец привез его в Санкт-Петербург для определения в Главное инженерное училище, куда он и поступил, пройдя первым по конкурсу. «Вступил я в военную службу и вместе ученую службу, не по своему избранию и желанию. Тогда я не смел, не умел желать ничего... Протекли почти два года в занятиях земных: родилась и уже возросла в душе моей какая-то страшная пустота, явился голод, явилась тоска невыносимая — по Боге. Я начал оплакивать нерадение мое, оплакивать то забвение, которому я предал веру, оплакивать сладостную тишину, которую я потерял, оплакивать ту пустоту, которую я приобрел»[1].

Не найдя сочувствия и понимания своего состояния у законоучителя и духовника училища, Дмитрий Александрович вместе со своим другом Михаилом Васильевичем Чихачевым обратились к инокам Валаамского подворья. Те, видя в них искреннее стремление к Богу, приняли их с любовью, но, не умея вполне удовлетворить их духовные потребности, посоветовали обратиться к инокам Александро-Невской Лавры. Там в это время подвизались некоторые ученики опытных в духовной жизни старцев — отца Феодора и отца Леонида. Молодые люди стали ходить к этим инокам, и особенно тесная дружба у них завязалась со свечником Лавры, отцом Иоанникием, родным племянником отца Феодора, и лаврским духовником отцом Афанасием. А в 1826 г. в Петербург прибыл по своим делам сам старец отец Леонид и тоже остановился в Александро-Невской Лавре. В келье отца Иоанникия состоялась встреча отца Леонида и Дмитрия Александровича, которая оказала решающее влияние на всю последующую жизнь юноши.

* * *

Старец Леонид (в миру Лев Данилович Наголкин, в схиме Лев)[2] родился в 1772 г. в городе Карачеве Орловской губернии. Здесь в 1798 г. он оставил мир и поступил первоначально в Оптину Пустынь, а через два года перешел в Белобережную пустынь Орловской губернии. В 1801 г. он был пострижен с именем Леонид известным выходцем с Афона старцем Васили-

---

[1] *Святитель Игнатий Брянчанинов.* Аскетические опыты // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова: В 8 т. М.: Паломник, 2001–2007. Т. 1. С. 515. (Далее — ПСТ). ‖ [2] Жизнеописание Оптинского старца иеромонаха Леонида, в схиме Льва. Одесса, 1890.

ем Кишкиным († 1831); в 1804 г. отец Леонид определен настоятелем этой обители. Большую роль в формировании его как монаха сыграл переселившийся в 1805 г. в Белобережную пустынь ученик великого старца Паисия Величковского схимонах Феодор.

Отец Феодор[1] был на двенадцать лет старше отца Леонида и тоже родом из Карачева. В молодости ему пришлось пережить многие искушения, от которых он бежал наконец в Молдавию, в Нямецкий монастырь, к знаменитому старцу архимандриту Паисию. Он прожил в молдавских монастырях около двадцати лет, из которых пять лет — в дикой пустыне при потоке Поляна-Ворона с двумя старцами: отшельником Онуфрием, «украшенным сединами лет и сединами мудрости Божественной», и другом его, иеромонахом Николаем. Пройдя все виды тяжелого послушания, Феодор после смерти отца Онуфрия вернулся в монастырь и занимался переписыванием книг святых Отцов, переводимых старцем Паисием с греческого на славянский язык, пел и читал на клиросе. Под руководством великого учителя он вполне усвоил образ иноческой жизни, в особенности так называемое старчество, восстановленное в молдавских монастырях Паисием.

Вернувшись после кончины учителя на родину, отец Феодор, по благословению Преосвященного Досифея, управлявшего в то время орловской паствою, поселился в Чолнском монастыре. Здесь он познакомился с навестившим Чолнский монастырь отцом Леонидом и, когда обстоятельства заставили его искать новое место для своего пребывания, перешел к нему в Белобережную обитель. Смиренномудрый старец с любовью был принят отцом Леонидом. Отношения между ним и отцом Феодором, вначале складывавшиеся как отношения послушного ученика и учителя, в ближайшие годы переросли в дружбу во Христе и таковыми сохранились до последних дней отца Феодора.

Спустя некоторое время в Белобережную обитель занесена была горячка, и ею заразились многие иноки. Отец Феодор, ухаживая за больными, заразился сам и находился уже при смерти, но чудесным образом выздоровел. «После сладостных ощущений даров Духа Божия он возжаждал еще более уединенной и безмолвной жизни». Братия монастыря устроила ему келью в глуши леса, где он поселился вместе с добродетельнейшим иеросхимонахом Клеопой. Вскоре к ним присоединился и отец

---

[1] Жизнь и подвиги Схимонаха Феодора. М., 1839.

Леонид, сложивший с себя достоинство настоятеля монастыря. Недолго, однако, им пришлось пользоваться вожделенным уединением. «Провидение открыло людям великие подвиги пустыннолюбивого Феодора», и к дверям его кельи стали стекаться тысячи посетителей.

«Безмолвные пустынники, утомленные молвой, столь приятной для самолюбия и столь тягостной для смиренномудрия», решили переселиться подальше, «в отдаленные пределы северные Царства Российского». Отец Феодор первым оставил Белые берега. Он побывал в нескольких монастырях, но не встретил там благожелательного приема. Причина была в том, что, глубоко проникнутый духом подвижничества, привитым ему в Нямецком монастыре, он был чрезвычайно строг к себе, но также и к братии монастырей. Те же, не привыкшие к столь великим лишениям, всячески старались избавиться от старца. Наконец Митрополит Новгородский Амвросий определил отцу Феодору для жительства Палеостровский монастырь, находящийся на одном из островов Онежского озера. Но и здесь старцу пришлось перенести великое испытание: «Зависть и клевета два года сплетали венцы терпения для мужественного подвижника».

Измученный борьбой престарелый Феодор вновь принужден был искать убежище и в 1812 г. переместился в скит, принадлежащий Валаамскому монастырю, куда к тому времени уже переселились приверженцы его, Клеопа и Леонид. «В пустынной тишине и молитвенных подвигах текли дни старцев-подвижников». В 1816 г. окончил здесь свою благочестивую жизнь старец Клеопа. Но снова «враг начал вооружать против старцев некоторых из старшей братии монастыря», а большое число паломников, прибывающих для общения с ними, вызывало неудовольствие валаамского настоятеля.

Во избежание искушений старцам пришлось в 1817 г. перебраться в Александро-Свирский монастырь. Здесь наконец смиренный Феодор смог обрести покой. С уважением и любовью относились к нему и к отцу Леониду настоятель монастыря архимандрит Макарий, а также пребывавший там на покое Митрополит Имеретинский Евфимий. «О! Велик Феодор, велик Феодор!» — нередко восклицал сей святитель после бесед со старцем.

Воистину велик был схимонах Феодор: его нестяжательность и самовольная нищета достигали крайних размеров. «Вынуж-

денный обстоятельствами переходить из одной обители в другую, не брал он с собой никаких вещей, ни даже лишней одежды. Одно неоцененное сокровище составляла для него книга преп. Исаака Сирина в переводе старца Паисия с собственноручною его подписью, которую Феодор всегда брал с собой».

7 апреля 1822 г. окончилась многотрудная земная жизнь смиренного старца. Отец Леонид тяжело переносил утрату друга и учителя. Он снова хотел перейти в более уединенное место, но его удерживали в Свирском монастыре еще несколько лет. Возможно, что в связи с этими обстоятельствами он и приезжал в Петербург, где у него состоялась встреча с Дмитрием Александровичем Брянчаниновым.

* * *

Исполненная мудрости и монашеского опыта беседа с отцом Леонидом произвела необыкновенное впечатление на Дмитрия Александровича. «Сердце вырвал у меня отец Леонид, — говорил он об этом Чихачеву, — теперь решено дело: иду проситься в отставку от службы и последую старцу, предамся ему всей душой и буду искать единственно спасения души в уединении». Однако осуществить свое намерение он смог только через год. 6 ноября 1827 г. он получил отставку и сразу же отправился в Александро-Свирский монастырь к отцу Леониду.

Много лет спустя архимандрит Игнатий Брянчанинов писал об отце Леониде: «Он имел ко мне особеннейшее расположение и любовь, следствие коих постоянно в себе ощущаю». Однако послушничество Дмитрия Александровича у отца Леонида было очень нелегким. Отец Леонид, желая победить в ученике высокоумие, гордость и самомнение, обыкновенно присущие всякому благородному и образованному человеку, попавшему в среду простолюдинов, часто налагал на него самые тяжелые и неприятные послушания. «Как нелицемерный наставник, в духе истинного монашества, по примерам святых Отцов, он постоянно подвергал своего ученика испытаниям, и такие опыты смирения не могли не нравиться благородному послушнику, с искреннею любовью к Богу предавшемуся иноческим подвигам»[1].

Встречая в Дмитрии Александровиче искреннее смирение и беспрекословное послушание, отец Леонид старался воспиты-

[1] ПСТ. Т. 1. С. 28.

вать его не только телесными подвигами, но и словом и делом. Он приблизил его к себе, сделал его своим келейником. Находясь при отце Леониде, Дмитрий Александрович имел возможность наблюдать, как старец проводит жизнь свою: в молитве, с постоянным сокрушением о своей греховности, с состраданием к людям. Он мог видеть, с каким терпением и любовью старец относился к обращавшимся к нему за советом, как старался помочь страдающим душевными недугами. Уроки эти хотя и продолжались недолго, но запечатлелись на всю его жизнь.

Весною 1828 г. отцу Леониду представилась наконец возможность переместиться из Свирского монастыря, и сначала он вместе с учениками перешел в Площанскую пустынь. Привлекло его туда желание сожительствовать с тамошним иеромонахом Макарием (Ивановым), также несколько лет состоявшим под духовным руководством одного из учеников Паисия Величковского и потому особенно ему духовно близким. Однако те же обстоятельства, что случились с ним и отцом Феодором на Валааме, вынудили отца Леонида через полгода оставить Площанскую пустынь и уйти в скит Оптиной Пустыни. В летописи скита, составленной предположительно иеромонахом Макарием (Ивановым), об этом событии записано:

«1829 года в апреле месяце преселился на жительство в скиту, из Свирского монастыря знаменитый старец иеросхимонах Леонид (Лев — это имя принято им в схиме, в которую пострижен был тайно, а посему оно не всем было известно), побыв прежде с полгода в Площанской пустыни; а с ним пришли и ученики его 7 человек, а именно: монах Макарий (Грузинов) из петербургских купцов; послушники: Диомид Кондратьев из вольноотпущенников, Александр Михайлов Сапожников из солигаличских посадских, Георгий Васильев из московских купеческих детей, Иван Николаев из московских мещан, Павел Петров Тамбовцев, белогородский купеческий сын. В этом же году два иные, офицеры, ученики же о. Леонида Дмитрий Александрович Брянчанинов и Михаил Васильевич Чихачев пожили в скиту несколько времени и отправились в Вологодскую епархию»[1].

Расстаться с отцом Леонидом Дмитрия Александровича и Михаила Васильевича заставили два обстоятельства: настоятель и братия Оптиной Пустыни отнеслись с недоверием к молодым дворянам, а условия жизни были таковы, что оба они один

[1] Российская Государственная библиотека. Отдел рукописей (РГБ ОР). Ф. 214. К. 359.

за другим тяжело заболели. Им пришлось уйти из монастыря и для поправки здоровья провести некоторое время у родителей Дмитрия Александровича в селе Покровском Вологодской губернии.

С этого времени пути старца и его ученика разошлись, но, как позже архимандрит Игнатий писал: «Отклонясь телесно, я не отклонился в противное мудрование...»

* * *

Отец Леонид до конца своих дней оставался в Оптиной Пустыни. Там он, по желанию настоятеля отца Моисея, ввел образ монашеской жизни, который ему преподал отец Феодор и который называется старчество. «Старчество предполагает искреннее духовное отношение духовных детей к своему духовному отцу, чистосердечную исповедь пред ним своих помыслов, полное отсечение своей воли, когда и шагу нельзя ступить без ведома или разрешения старца».

Введение старчества в Оптиной Пустыни поменяло весь внутренний строй монастырской жизни. Без совета и благословения старца ничего важного не делалось в обители. Братия монастыря ежедневно, особенно по вечерам, собиралась в келье старца со всеми своими душевными потребностями. «Всему этому, — писал много лет спустя архимандрит Игнатий, — и к состоянию Скита до прибытия о. Леонида, и к состоянию его по прибытии Старца, я был очевидцем. Старец распростер благотворное влияние на самый Монастырь, поддерживал братию в расположении к настоятелю, укрепляя их в душевных бранях. Такое обилие окормления удвоило число братства в самом Монастыре и потому возвысило в нем порядок и привлекло в оный значительные пожертвования, при помощи которых Монастырь отстроился и, сверх того, обеспечил свое содержание».

Поменялся и образ монашеской жизни самого отца Леонида. Он теперь искал спасения не в уединенном сосредоточенном безмолвии, а в оказании помощи страждущим, которых все больше стекалось к дверям его кельи ради его пастырских советов.

Общественное положение приходящих не имело никакого значения для отца Леонида. Он всем равно доставлял свободный доступ к себе, и никто не выходил от него, не быв утешен им духовно. «Отец Леонид для всех, относившихся к нему за духовными советами и наставлениями, был живою книгою. Учил делом, что более всего действует на наше сердце и нас убеждает;

учил и словом, как понимать евангельское учение, как приводить его в исполнение и как врачевать им наши души. Стяжав от божественного просвещения духовный разум, отец Леонид ясно распознавал дух истинный и дух лестчий, действие благодати Божией и прелесть вражию, хотя бы тонкую и сокровенную... верно мог судить о душевном устроении других».

Прибывший в 1832 г. в Оптину Пустыню Петр Дмитриевич Мясников (будущий Угрешский архимандрит Пимен) оставил словесный портрет старца, относящийся к этому времени: «Отец Леонид был ростом выше среднего, довольно полный, лицо имел круглое, взгляд быстрый и проницательный, бороду небольшую, седую и волосы густые, длинные, спускавшиеся на плечи»[1].

Однако не все в Оптиной Пустыни были довольны нововведениями. «Старичкам» они казались ересью, и снова начались гонения, жалобы начальству и разные изветы. Жаловались также на многолюдные стечения, нарушающие скитское безмолвие.

«Много действовал, — говорит летописец, — против начальников, о. Моисея и о. Антония, живущий в ските Схимонах Вассиан, употребив во зло доверенность к себе Архипастыря, облекшего его в Ангельский образ... Он завидовал, что имели почтение к о. Леониду как начальник и брат, так и многие светские люди, и что ему не отдавали такого почету за мнимо святую жизнь...

В течение предыдущего [1835], а паче сего лета умножилось стечение народа к отцу Леониду из разных городов и поселений разного звания: дворян, купцов, мещан и простонародья обоего пола, — и всякий был принимаем от него с сердобольным отеческим расположением, изливали пред ним душевные свои скорби и раны, получали чрез него утешение и исцеление, а многие и телесными болезнями одержимые... получали облегчение чтением от него молитв и помазанием елея, и почти никто не отходил от него, не быв утешен им духовно или телесно, чрез что и обитель Оптина видимо процветала [как увеличением дохода, так и братства], и о. Строитель Моисей, будучи уверен в его к обители и к нему расположении и зная искусство его в духовной жизни, приходивших для жительства в обитель поручал его духовному окормлению, хотя и сам имел дар сей, но не имел времени, занимаясь по обители служебным управлением, хозяйством, постройкой и другими делами, сопряженными с его настоятельской должностью.

[1] Воспоминания паломников об обители и ее старцах. М., 1998. С. 31.

Но зависть не могла смотреть на сии действия спокойными глазами. Сх<имонах> Вассиан, [подвигаемый] ревностью и завистью за хождение к о. Леониду народа, а паче женского пола, писал неоднократно к Преосвященному Николаю, Епископу Калужскому свои доношения… и разжигал молву. Преосвященный, желая утолить молву, а может быть и опасаясь, чтобы не дошло до высших властей и не было бы ему взыскания, приказал перевести о. Леонида в монастырь и запретить к нему вход светским людям, паче же женскому полу.

Великодушно перенес старец сие потрясение»[1].

Однако гонения, «неизбежный удел почти всех истинных рабов Божиих», не прекращались и следовали за отцом Леонидом до самой его кончины. Так что в разрешении последнего испытания пришлось принять активное участие бывшему его смиренному ученику.

* * *

Между тем Дмитрий Александрович Брянчанинов, испытав свои силы в борьбе со стихиями мирской жизни и одержав в ней свои первые победы, 28 июня 1831 г. был пострижен с именем Игнатия Преосвященным Стефаном, епископом Вологодским, в малую схиму.

«Свершилось! — сообщал он своему другу. — Я пострижен и посвящен в иеромонаха. Когда меня постригли, казалось мне, что я умер, когда посвятили — казалось, воскрес. Живу какою-то новою жизнию; весьма спокоен; не тревожит меня никакое желание; во время каждой обедни ощущаю, что достиг конца желаний, ощущаю, что получил более, нежели сколько бы мог пожелать.

Не хочу описывать Вам наружных обстоятельств, сопровождавших мое пострижение и посвящение; предполагаю, другие расскажут. Сказываю вам о себе то, чего другие о мне знать и сказать не могут: я щастлив!

Преосвященный не открывает ясно своих намерений относительно меня. Но я спокоен: полагаюсь на волю и милосердие Создателя моего и Бога».

6 января 1832 г. иеромонах Игнатий Брянчанинов был назначен строителем Пельшемского Лопотова монастыря в Кадниковском уезде Вологодской губернии. «Приехав в монастырь, —

---

[1] РГБ ОР. Ф. 214. К. 359.

писал он ему же, — нашел все в большом расстройстве; похоронил покойного Строителя, моего предшественника, приложив для сей церемонии несколько из своего кошелька: ибо в Монастыре наличной суммы было 1 рубль 33 коп. Начал помаленьку сбираться с силами и строить келлии и трапезу: ибо сии постройки состояли почти из одних развалин. Теперь живу в маленьком флигильчике, мною выстроенном; когда перешел в оный, то почувствовал ощутительное облегчение в здоровьи. Пособралось несколько и братии, — в числе коих и Михайло Васильевич прилетел. Живет он в одном со мною флигеле, — ибо в оном имеется седмь келлий. Есть слухи, будто меня хотят переводить куда-то».

28 мая 1833 г. он был возведен в сан игумена. «Хлопочу около своего монастырька и помаленьку стараюсь приводить оный в хорошее состояние...»

Но уже в ноябре этого года он был вызван в Петербург. Здесь, по воле Государя Николая Павловича, он был назначен настоятелем Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом с одновременным возведением в сан архимандрита. И 5 января 1834 г. архимандрит Игнатий Брянчанинов приехал в обитель, которой должен был в дальнейшем посвятить почти 24 года своей жизни.

Неожиданным и нерадостным был для отца Игнатия перевод в Сергиеву пустынь. «Непостижимыми судьбами Промысла, я помещен в ту обитель, соседнюю северной столице, которую, когда жил в столице, не хотел даже видеть, считая ее по всему несоответствующей моим целям духовным»[1]. В самом деле, Сергиева пустынь, основанная в 1734 г. и пережившая в середине XVIII в. свой расцвет, когда предполагалось, что она станет для северной столицы то же, что Троице-Сергиева Лавра для Москвы, в последующие годы по ряду причин начала приходить в упадок и к концу столетия своего существования являла самый жалкий вид.

Внешнее убожество сочеталось в ней с распущенностью внутренней жизни, упадком нравственности среди братии. Можно себе представить, какое впечатление это производило на ученика старца Леонида, искавшего «единственно спасения души в уединении». Весь уклад жизни, к которому он стремился и приучался, должен был здесь измениться. Смиренный инок должен был превратиться в энергичного исполнителя монаршей воли по возрождению монастыря не только как духовного заведения, но

[1] ПСТ. Т. 1. С. 42.

и как представительного учреждения, находящегося на пути из столицы в загородные царские резиденции.

Назначая его сюда, Государь сказал: «Ты у меня в долгу — за воспитание, которое я тебе дал, и за мою любовь к тебе. Ты не хотел служить мне там, где я предполагал тебя поставить, избрал по своему произволу путь,— на нем ты и уплати мне долг твой. Я тебе даю Сергиеву пустынь, хочу, чтобы ты жил в ней и сделал бы из нее монастырь, который в глазах столицы был бы образцом монастырей»[1].

С сознанием долга и с присущей ему добросовестностью архимандрит Игнатий принялся за дело. Нужно было все восстанавливать, вводить вновь, нужны были огромные материальные средства, которых в обители не было. Но зато, вспоминает один из его учеников, «новый настоятель был богат духовными: умом, волей, энергией», а также знаниями, полученными в Инженерном училище, и хозяйственной опытностию, унаследованной от родителя. Он и начал с главного — с восстановления дисциплины среди братии и устроения чинного богослужения. Его усилия в этом направлении были сразу же замечены: число богомольцев, притекающих в обитель, непрерывно увеличивалось, а следовательно, увеличивались и материальные средства. Это позволило уже в ближайшее время приступить к возобновлению обветшавших зданий и восстановлению хозяйства. Работы велись так интенсивно, что Государь Император, посетивший Пустынь 18 августа 1834 г., остался ими очень доволен и повелел выдать из государственной казны 96 808 рублей (по смете) на возобновление главного — Троицкого собора. Примеру Государя последовали другие благотворители, на пожертвования которых в последующие годы было возведено несколько зданий, ставших украшением монастыря.

Круг деятельности архимандрита Игнатия расширился еще назначением его 22 июня 1838 г. благочинным всех монастырей Санкт-Петербургской епархии. Казалось бы, успехи его монастырской деятельности и это новое назначение, делавшее его весьма влиятельным лицом в епархии, внимание к нему Государя Николая Павловича и членов его семьи — все ему благоприятствовало, ничто не могло омрачать его пребывания в Сергиевой пустыни. Однако с ним повторялась та же история, что и с его учителем. Скорби и гонения были постоянным уделом архи-

[1] ПСТ. Т. 1. С. 40.

мандрита Игнатия. В Сергиевой пустыни он был у всех на виду, и серость, как это обычно бывает, не могла простить ему его строго аскетической жизни, его таланта, образованности, даже благоволения к нему Государя.

«Здесь поднялись и зашипели зависть, злоречие, клевета, здесь я подвергся тяжким, продолжительным, унизительным наказаниям, без суда, без малейшего исследования...»[1] К тому же климат петербургский оказывал пагубное влияние на его здоровье. Неоднократно, когда не было уже сил бороться ни с обстоятельствами, ни с усиливавшейся болезнью, архимандрит Игнатий предпринимал попытки «удалиться от Петербурга и от шумных должностей навсегда». Но «не сбывалось» по его желанию и предположению.

Вероятно, некоторым утешением в его положении был тот факт, что он мог использовать свое влияние для оказания помощи нуждающимся в ней. Так, не прерывая письменных сношений со своим духовным учителем отцом Леонидом, он по просьбе старца принимал участие в некоторых делах Оптиной Пустыни. В 1837 г. он занимался делом о нарезке земли для обители; в 1839 г. хлопотал о напечатании жития Георгия, затворника Задонского[2], подготовленного к изданию рясофорным монахом Оптиной Пустыни отцом Петром (Григоровым)[3].

Самое живое участие он принял в разрешении последнего предсмертного испытания старца Леонида. Дело заключалось в следующем. Среди духовных детей отца Леонида находились старица, мать Анфия, и близкие ей сестры Белевской обители. Их деятельная духовная жизнь под руководством старца отца Леонида вызвала зависть у нерадивых сестер, которые обвини-

---

[1] ПСТ. Т. 1. С. 42. || [2] *Задонский затворник Георгий* (в миру Георгий Алексеевич Машурин, в монашестве Стратоник; 1789–1836) — в 29 лет вышел в отставку с военной службы и по благословению воронежского епископа Епифания был приписан к воронежскому Алексиеву-Акатову монастырю, затем в 1818 г. поступил в Задонский Богородицкий монастырь. Через год, испытав многие искушения от монастырской жизни, решился затвориться в уединенной келье и вести отшельническую жизнь по строжайшему уставу. Семнадцать лет подвижник Божий провел в затворе в молитвенных трудах, чтении Священного Писания и святых Отцов, а также занимаясь литературными трудами и перепиской с обращавшимися к нему за советами и утешением. || [3] *Григоров Петр Александрович* (в монашестве Порфирий) — из гвардейских офицеров; при поступлении в монастырь был келейником Задонского затворника Георгия, опубликовал его письма и составил «Житие Георгия, затворника Задонского». Скончался в Оптиной Пустыни в 1851 г. Письма его и святителя Игнатия см. ниже.

ли их в ереси. «Дело дошло до того, что мать Анфию изгнали из монастыря, а на отца Леонида начали распространять разные хулы», даже стали говорить о нем как о самовольном нарушителе монашеских правил и упорном ослушнике начальства.

Видя, что старцу угрожает ссылка, его ближайший сподвижник отец Макарий, перешедший из Площанской обители в Оптину в 1834 г., отец Иоанникий, который также перешел из Александро-Невской Лавры в Оптину, и другие ученики стали уговаривать отца Леонида написать об этом архимандриту Игнатию Брянчанинову. Так как старец не соглашался, то отец Макарий вместе с отцом Иоанникием сами написали письмо от его имени. В ответном письме архимандрит Игнатий, выразив большое беспокойство, пообещал немедленно предпринять необходимые меры.

Тогда отец Леонид решился наконец сам изложить суть дела: «В писании вашем к собрату нашему о. Иоанникию, от 2-го числа Генваря писанном, не забыли и моей худости вспомянуть. Благодарю вас за принятие участия в моем положении, о котором описывал вам о. Иоанникий: впрочем, заметно из письма вашего, что он не так вам выразил наши происшествия...», далее он подробно рассказывает о сложившихся обстоятельствах (см. ниже его письмо от 11 февраля 1841 г.).

Оптинские хроники рассказывают, что архимандрит Игнатий на следующее же утро по получении письма, написанного отцом Макарием и отцом Иоанникием, отправился к Московскому Митрополиту Филарету. Выслушав о деле, великий Святитель написал Калужскому епископу: «Ересь предполагать в отце Леониде нет причины», — и старца оставили в покое. Через некоторое время, 4 октября 1841 г., и мать Анфия была возвращена в монастырь. А 11 октября скончался отец Леонид, успокоенный вестью о прекращении гонений на его духовных дочерей.

Иеросхимонах Лев (старец Леонид) в 1996 г. был прославлен Русской Православной Церковью.

«Угодно было Господу призвать от здешних болезней и скорбей к вечному упокоению любезного нашего Батюшку о. Леонида сего Октября 11-го числа в 7 часов и 20 минут по полудни. Он скончался, к немалому прискорбию нас, любящих Его и пользующихся спасительными Его наставлениями и любовию, но мы не смеем роптать на Милосердого Творца, положившего предел жизни каждому из нас... Зная ваше к нему расположение

и любовь, равно и Его к вам таковые ж, считаем себя обязанными известить вас о кончине Его. Вы, конечно, пожалеете о старце и о нас, оставшихся в сиротстве; и не оставите поминать его при Бескровной Жертве и ваших молитвах, о чем и осмеливаемся всеусерднейше вас просить, а равно и о неоставлении нас вашею отеческою любовию и покровительством», — писал отец Макарий архимандриту Игнатию.

«Душа моя исполнилась печали, — отвечал архимандрит Игнатий, — и как не вспомяну о нем — каждый раз обильная печаль изливается в мое сердце. Точно как вы пишете, он имел ко мне особеннейшее расположение и любовь, следствие коих постоянно в себе ощущаю: отклонясь телесно, я не отклонился в противное мудрование, но многие его изречения остались у меня в памяти, и доселе меня руководствуют, — особливо произнесенные в Свирском монастыре».

* * *

Кончина старца Леонида явилась невольной причиной сближения архимандрита Игнатия и отца Макария, свидетельством которого осталась их деятельная переписка.

Отец Макарий (в миру Михаил Николаевич Иванов)[1] родился 20 ноября 1788 г. в сельце Железняки, в окрестностях Калуги. В 1810 г. он поехал на богомолье в Богородицкую Площанскую пустынь и домой уже не вернулся. 24 декабря 1810 г. он был пострижен и наречен Мельхиседеком; 7 марта 1815 г. пострижен в мантию и наречен Макарием.

В том же 1815 г. в Площанскую обитель поступил ученик Паисия Величковского схимонах Афанасий (Захаров). Пребывая в Нямецком монастыре, отец Афанасий, как и отец Феодор, занимался переписыванием Отеческих и церковно-учительских книг и имел у себя верные списки многих письменных трудов старца Паисия. Отец Макарий вошел в духовное общение с отцом Афанасием, почитал и любил старца как своего отца и наставника. По благословению старца он «принялся утолять свою духовную алчбу» чтением и переписыванием рукописей, специально выучившись для этого уставному письму.

В 1825 г. отец Афанасий умер. Отец Макарий, потеряв старца, скорбел о своем духовном сиротстве и посчитал прибытие в

[1] Сказание о жизни и подвигах Иеромонаха Макария в книге Л. Кавелина «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни». СПб., 1862.

1828 г. в Площанскую обитель иеросхимонаха отца Леонида за утешение, посланное ему Промыслом Божиим. Отец Леонид также был рад встретить здесь иеромонаха Макария, который, как и он, был напитан чтением святых Отцов и наследовал учение Паисия Величковского. По отбытии отца Леонида в Оптину отец Макарий продолжал с ним духовное общение посредством переписки, а в 1833 г. начал хлопотать о своем перемещении туда же. Примерно через год это его желание осуществилось, и 5 февраля 1834 г. он прибыл в оптинский Скит.

Здесь вначале он помогал отцу Леониду в переписке с его учениками и духовными детьми; с октября 1836 г. был определен духовником обители; с 1 декабря 1839 г. был назначен скитоначальником (пробыл в этой должности до 1853 г.). Однако, несмотря на эти назначения, он до самой кончины отца Леонида продолжал относиться к нему как смиренный послушник к своему наставнику и учителю и ничего не предпринимал без благословения старца. А отец Леонид хотя и считал его более своим спостником и духовным другом, но по его смирению продолжал обращаться с ним как с возлюбленным учеником.

Свою любовь и уважение к отцу Макарию старец Леонид выражал в том, что приблизил его к себе, сделал своим помощником, разделявшим с ним труды по духовному окормлению братии и посетителей. Преосвященный Игнатий Брянчанинов их труды в этом направлении считал лучшим примером успешного врачевания душ в монастырях: «В Калужской ерпархии, близ города Козельска,— писал он в “Аскетических опытах”,— находится общежительная Оптина Пустыня. Туда в 1829 г. прибыл на жительство известный по знанию деятельной монашеской жизни иеросхимонах Леонид; впоследствии присоединился к нему ближайший ученик его, иеросхимонах Макарий. Оба старца были напитаны чтением Отеческих писаний о монашеской жизни, сами руководствовались этими писаниями, руководствовали ими и других, обращавшихся к ним за назидательным советом. Такой род жительства и поведения они заимствовали от своих наставников; он начался с первых иноков, достиг по преемству до нашего времени, составляет драгоценное наследство и достояние монахов, достойных своего имени и назначения. Братство Оптиной Пустыни начало немедленно умножаться в значительном размере и совершенствоваться в нравственном отношении... С состраданием

смотрели они на страждущее человечество; облегчали пред ним значение греха, объясняя значение Искупителя и из значения Искупителя объясняя необходимость для христианина в оставлении греховной жизни; были снисходительны к немощи человеческой и, вместе, сильно врачевали эту немощь!.. Память их была богато украшена мыслями святыми. Никогда не давали они советов из себя: всегда представляли в совет изречение или Писания, или Отцов. Это давало советам их силу: те, которые хотели бы возразить на слово человеческое, с благоговением выслушивали Слово Божие и находили справедливым покорить ему свое умствование. Такой образ действия содержит в величайшем смирении преподающего совет, как это явствует из "Предания" преподобного Нила: преподающий преподает не свое, — Божие»[1].

По кончине отца Леонида все его духовные дети, естественно, перешли к отцу Макарию, и число желавших пользоваться его советами из года в год возрастало. Тысячи людей приезжали, тысячи присылали письма. Смиренный старец скорбел из-за народного множества и лишения вожделенного уединения: «Скажу тебе брате великую скорбь сердца моего, — писал он духовному другу отцу Алипию,— от многих благорасположенных к моей худости получаю письма в весьма не малом количестве, кои все требуют ответа, а я так нахожусь не исправен в сем, что многим разве на 2, на 3, а иногда и на 4 одним отвечаю; а между тем, глядя на них, сокрушаюсь сердцем, что чрез молчание мое остаются оскорбленными, но я ни времени, ни сил не имею столько, чтоб мог исполнить их желания, всякое свободное время от занятий посвящаю на писание, а уж чтением напитать гладную мою душу совсем не имею время; боюсь, да не в суд будет мне сие делание; людям предлагаю пищу, сам гладен пребываю...»

К счастью, в 1848 г. его ближние ученики Иван Васильевич и Наталья Петровна Киреевские[2] построили ему домик в своих владениях в селе Долбине, куда он мог время от времени уединяться для келейных занятий. Особенно необходимо было ему уединение потому, что он тогда уже интенсивно трудился над изданием рукописей Паисия Величковского.

---

[1] ПСТ. Т. 1. С. 448–449, 454. || [2] *Киреевский Иван Васильевич* (1086–1856) — критик и мыслитель, славянофил, один из крупнейших русских писателей-прозаиков. *Наталья Петровна* — его жена.

* * *

Великий старец Паисий Величковский[1] (1722–1794) юношей ушел из Киевской академии сначала в молдавские монастыри, потом на Афон: «из латинской школы в греческий монастырь». На Афоне он поселился вначале в уединенной келье близ монастыря Пантократора. Сюда к нему начали собираться некоторые соотечественники — славяне и молдаване. «И собралось всех двенадцать братии. И начали вычитывать и петь правило в церкви по-славянски и по-молдавски. Оказалась теперь крайняя нужда в иеромонахе и духовнике». С большим трудом братии удалось уговорить отца Паисия взять на себя сей труд. Против воли он покорился, сказав: «Воля Божия да будет!»

Все вместе они переселились в упраздненный и обветшавший скит Св. Пророка Илии того же монастыря Пантократора. Они вновь обустроили его, построили церковь, трапезу, пекарню, странноприимницу и шестнадцать келлий.

Во время пребывания на Афоне Паисий Величковский тщательно изучал греческий язык, древний и новейший, и с великим трудом собирал греческие рукописи творений аскетических писателей, в которых содержалось учение о монашеской жизни вообще, а в особенности о духовном отношении к старцам.

«Путь старческого окормления во все века христианства признавался всеми великими пустынножителями, Отцами и учителями церкви самым надежным и удобнейшим из всех, какие были известны в Христовой Церкви. Старчество процветало в древних Египетских и Палестинских киновиях, впоследствии насаждено на Афоне, а с востока перенесено в Россию. Но в последние века, при всеобщем упадке веры и подвижничества, оно понемногу стало приходить в забвение».

Между тем духовная семья Паисия непрерывно умножалась. Многолюдство братии заставило его в конце концов оставить Святую Гору и вернуться в Молдавию, где спустя некоторое время ему была предоставлена обитель Нямец. Вместе с ним туда переместились многие его ученики. «В непродолжительном времени из Нямецкого монастыря образовалась многолюдная иноческая Лавра, и слава духовной опытности ее настоятеля разносилась повсюду».

---

[1] Житие Паисия Величковского // *Паисий Величковский.* Крины сельные, или Цветы прекрасные. М., 1998.

Здесь Паисий усердно занялся переводом греческих рукописей на славянский язык с целью их широкого распространения в России. «Им переведены духовно-подвижнические святоотеческие творения, вошедшие в состав обширного сборника, именуемого "Добротолюбием", а также книги преп. Исаака Сирина, преп. Варсонофия и Иоанна, преп. Феодора Студита, Аввы Фалассия и многие другие». Около него образовался большой кружок переписчиков и переводчиков, которые помогали ему в этой работе. Он чрезвычайно строго относился к своим переводам, так что и в следующем, XIX столетии сделанные им переводы святоотеческих книг считались образцовыми.

Будучи архимандритом молдо-влахийских монастырей, Паисий сочетал свою литературную деятельность с духовным и «умным» деланием, с восстановлением в монастырях забытых заветов монашества, с возрождением старчества. Его ученики, как это видно на примере отца Феодора и отца Афанасия, возвращаясь в Россию (после кончины учителя), как драгоценную память брали с собой копии его рукописей, а также разносили по монастырям возрожденный им образ монашеского жития. Этот «возврат к источникам,— пишет автор книги "Пути русского богословия" прот. Г. Флоровский,— был открытием новых путей, обретением новых кругозоров».

* * *

Отец Макарий благодаря тому, что его жизненный путь пересекся с путем отца Афанасия, уже с первых дней своего монашества получил возможность «утолять свою духовную алчбу» чтением и переписыванием рукописей, принесенных последним из Нямецкого монастыря. Впоследствии его интерес к святоотеческим творениям возрос и углубился благодаря общению с отцом Леонидом.

По кончине старца у него возникло желание заняться изданием рукописей на общую пользу. В Оптиной к этому времени, при посредстве учеников старцев отца Феодора, отца Леонида и в особенности отца Афанасия, сосредоточились верные копии рукописей Паисия Величковского: а) с исправленных Паисием древних славянских переводов писаний Макария Великого, Иоанна Лествичника, св. Варсонофия и Иоанна; б) с переведенных им самим книг: Максима Исповедника, Феодора Студита, жития Григория Синаита, слов Григория Паламы и некоторых других творений святых Отцов-подвижников, а так-

же рукопись «слов великого учителя внутренней жизни св. Исаака Сирина».

Намерение отца Макария издать эти рукописи было сочувственно принято настоятелем монастыря отцом Моисеем и горячо поддержано И. В. и Н. П. Киреевскими, а также отцом Ф. А. Голубинским[1] и профессором С. П. Шевыревым[2]. Благожелательно отнесся к проекту Митрополит Московский Филарет. Из писем Преосвященного Игнатия Брянчанинова, который, можно сказать, жизнь свою посвятил глубокому изучению творений святых Отцов, видно, что и он с энтузиазмом относился к начинанию отца Макария и по мере возможностей старался помочь Оптиной при возникающих трудностях.

* * *

Первое знакомство Преосвященного Игнатия Брянчанинова со старцем Макарием Оптинским произошло еще в 1828 г. в Площанской пустыни, куда смиренный ученик отца Леонида прибыл вместе со своим учителем. Их заочное знакомство продолжилось позже благодаря переписке архимандрита Игнатия со старцем отцом Леонидом во время пребывания последнего в Оптиной Пустыни.

Так, в письме от 15 сентября 1837 г. архимандрит Игнатий обращается с просьбой к отцу Леониду: «Между тем осмеливаюсь обеспокоить Вас покорнейшею просьбою. Помнится мне, что в библиотеке Скита есть письменная книга Святого Иоанна Лествичника перевода Старца Паисия. Весьма бы благодарен я был, если б кто взялся списать для меня оную верно: я бы заплатил какие угодно деньги».

Отец Леонид отвечает: «...Во оном же писании вашем изволите вы вспоминать о книге Святого Иоанна Лествичника переводу Молдавского старца Паисия, имеющейся в скитской библиотеке, чтоб списать с оной повернее, доставить к вам; о книге сей узнал я у Отца Игумена, что оная есть, но теперь не находится здесь, а отдана какому-то лицу для прочтения в отдаленное место. Но таковая ж переводу старцева письменная имеется у отца Макария площанского, в скиту ныне живущего...

[1] *Голубинский Федор Александрович* (1794–1854) – протоиерей, профессор Московской Духовной академии; в 1826 г. назначен цензором духовных книг. || [2] *Шевырев Степан Петрович* (1806–1864) – профессор Московского университета, историк русской словесности, критик, поэт. В 1840–1850 гг. активно участвовал в изданиях Оптиной Пустыни.

предлагаю вам мое мнение: не соблаговолите ли прислать к вам оную книгу, которую рассмотрев... прикажите ее там переписать, а по списании паки к нам доставить». В конце письма отец Макарий приписывает: «Осмеливаюсь и я вашему Высокопреподобию принести мое нижайшее высокопочитание с земным поклонением».

В ответ архимандрит Игнатий пишет 14 октября 1837 г.: «Если Вы делаете мне доверие и располагаетесь прислать мне имеющуюся у Вас книгу для переписки, то с признательностию сие приемлю, тем более, что в обители нашей один из братии постоянно занимается сим рукоделием; по окончании переписки обязываюсь возвратить в должной целости». А в конце письма пишет: «Ваше Преподобие, Честнейший отец Макарий! Покорнейше благодарю Вас за память о мне, грешном, и за все прежние ко мне милости. Прошу продолжения Вашей отеческой любви и Святых молитв. Потрудитесь засвидетельствовать мое усерднейшее поклонение всей единомудренной братии. Ваш покорнейший послушник Архимандрит Игнатий».

В письме от 14 ноября 1837 г. отец Макарий отвечает: «Имея счастие читать писание Ваше и к моей худости в письмах к батюшке Отцу Леониду за долг поставляю принести вам мою всепокорнейшую благодарность за труд сей и за память Вашу обо мне. С удовольствием исполнил Ваше поручение изъявления братиям нашим вашей об них памяти с поклонением».

По-видимому, эти письма и явились возобновлением их знакомства. Несомненно также, что сближению с Оптиной способствовал и тот факт, что в числе тамошней братии находились старые знакомые отца Игнатия: это, во-первых, друг его молодости, бывший свечник Александро-Невской Лавры отец Иоанникий (в схиме Леонид), любовь во Христе к которому он сохранил на всю жизнь; затем бывшие ученики отца Леонида, прибывшие в Оптину вместе с учителем в 1829 г. — Макарий Грузинов, Диомид Кондратьев, Иван Николаев — их имена неоднократно встречаются в его письмах, и некоторые другие, прибывшие в Оптину позже.

* * *

А среди тех, кто вместе с отцом Макарием подписывал письма, адресованные архимандриту Игнатию, появляется новое имя — иеросхимонаха Иоанна (Малиновкина,1763–1849). Потеряв в младенческом возрасте родителей, он воспитывался у ста-

рообрядцев и пребывал в расколе. Однако сомнения о правильности выбранного им пути к спасению все больше овладевали им. Он начал посещать многие православные монастыри, из которых наибольшее впечатление произвела на него Саровская пустыня. «При том же еще,— писал он сам, — достовернейшего ради уверения о святости Православной Церкви, я вдался прилежному чтению Священного Писания и разных изданных от Святой церкви книг против непокоряющихся ей. Такими путями стал я яко от сна пробуждаться, и в чувство приходить, и признавать совершенное свое старообрядческое заблуждение»[1]. Образовав себя сам, он к пятидесяти годам «совершенно присоединился к Святой Церкви». О трудностях, с которыми ему приходилось сталкиваться при издании и распространении своих «книжиц», направленных против раскола, он сам рассказывает архимандриту Игнатию в публикуемом ниже письме.

* * *

Переписка между архимандритом Игнатием и старцем Макарием сразу стала весьма интенсивной. Основная тема писем — издание трудов Паисия Величковского. Можно даже сказать, что отец Макарий — единственный из многочисленных корреспондентов архимандрита Игнатия, с которым он обсуждал вопросы, касающиеся трудов великого старца и его переводов святоотеческих книг на славянский язык.

Письма, как это обычно бывает, позволяют уточнить и дополнить и описания Оптиной Пустыни, и жизнеописания святителя Игнатия. Так, из писем узнаем, что издательская деятельность в Оптиной началась не в 1845 г. (как сказано в книге Л. Кавелина), а раньше. Уже в 1839 г. архимандрит Игнатий помогал советами при издании писем и жития Георгия, затворника Задонского, а 20 августа 1843 г. он спрашивал уже об их втором издании.

Письмо это интересно и тем, что в нем он сообщал об окончании «преложения на Российский язык книги Святыя Лествицы к особенной моей радости и утешению. По сей причине имею честь при сем препроводить к Вам Словенскую рукописную

[1] Подробнее о нем см.: *Нилус С. А.* Полное собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. М.: Паломникъ, 2000. С. 37–63. (Далее — ПСС). Примечания, относящиеся к другим Оптинским старцам, имена которых встречаются в тексте настоящей статьи и писем, приводятся там, где помещена их переписка со святителем Игнатием.

книгу с принесением чувствительнейшей благодарности за одолжение оной и с прошением прощения в долговременном задержании оной». А в конце письма имеется знаменательная приписка: «Благословенная Оптина Пустыня не выходит из моей памяти. Приглянулась она мне, и Скит с его вдохновенною тишиною. Шум сосен, когда ветер начнет ходить по их вершинам, для меня приятнее, чем шум разъяренных волн, препирающихся с вихрями...»

Также из писем можно узнать о непосредственных связях архимандрита Игнатия с Нямецким монастырем, о которых не упоминается ни в одном его жизнеописаний: «...когда отправил я к Вам прошедшее письмо мое,— пишет он 11 января 1846 г., — то вскоре после онаго получил из Нямецкого монастыря копию с собственноручного о умной молитве письма Старца Паисия, которое хранится в тамошней библиотеке. (Нямецкий Отец Архимандрит столько ко мне милостив, что приказал собрать все всевозможные рукописи, из коих многие писаны рукою Старца Паисия, имеющиеся в Нямце, Секуле и ските Ворона, для доставления недостойному и присноунывающему Игнатию; и доколе сие собирание совершается, прислана мне по особенной ревности скорее чем-либо утешить мою грешную душу означенная копия)». Он предоставляет эту копию Оптиной для присовокупления к издаваемому в это время Житию Старца Паисия.

А в письме от 11 июля 1846 г. архимандрит Игнатий сообщает: «Около сего времени я получил из Нямецкой обители несколько рукописей, между прочим книгу Св. Григория Синаита, которая гораздо полнее напечатанной в Добротолюбии, и с житием Преподобного; написана книга сия рукою Схииеромонаха Николая, жившего с о. Феодоритом в Скиту Поляна Ворона. Нямецкие Старцы пишут, что у них прежде было много рукописей, но большая часть из них погорела при случавшихся в монастыре пожарах. Таким образом много из трудов Старца Паисия погибло».

Неоднократно в письмах архимандрит Игнатий подчеркивает значение трудов Паисия Величковского. Так, в письме от 26 декабря 1845 г. он пишет: «Благодарю Вас за назначение для меня ста экземпляров вновь издаваемой Вами книжки [Житие старца Паисия Величковского]. Она по нынешнему времени может быть особенно полезна. Из жизни Старца Паисия видно, что в нынешние времена, по крайнему оскудению Старцев, должно с особенной тщательностию исследовать Отеческие деятель-

ные писания и ими руководствоваться за неимением духоносных Старцев, что уже и Преподобный Нил Сорский советует». Или в письме от 30 апреля 1853 г.: «Я совершенно согласен с Вами, что для монашества, которое жительствует по книгам святых Отцов, необходим точный перевод с подлинников посредством лица, вполне знающего монашескую жизнь. Таковым лицем без сомнения был Старец Паисий».

И в письме от 8 апреля 1858 г., уже будучи епископом Кавказским и Черноморским, повторяя мысль об «оскудении опытных в монашеской жизни наставников», он советует: «По мнению моему, книгу Пр<еподобного> Исаии лучше бы перевести с Славянского, присматриваясь к Латинскому для объяснения мест, которые темны на Латинском. Славянский перевод с Греческого отеческих книг, сделанный Старцем Паисием, несравненно точнее выражает мысль авторов, нежели перевод Латинский».

В 40–50-х г. XIX в. издание духовных книг на славянском и русском языках встречало определенные препятствия (об этом см.: Прот. Г. Флоровский «Пути русского богословия»). Архимандрит Игнатий часто, используя свое положение, брал на себя ходатайство о разрешении на печатание оптинских книг то у цензора, то в Святейшем Синоде или у митрополитов Московского и Санкт-Петербургского. И иногда даже почерк, каким написано письмо, выражал его радость в связи с полученным разрешением, как это имело место в коротенькой записке от 26 февраля 1856 г.: «Испрашивая Ваше благословение на прохождение Святыя Четыредесятницы, имею честь уведомить Вас, что сегодня я получил из Св. Синода уведомление о том, что Св. Синодом дано на днях разрешение Московской Цензуре о напечатании рукописи Житие Симеона Нового Богослова».

При этом архимандрит Игнатий неизменно отмечал благожелательное отношение к оптинским трудам Московского Митрополита Филарета: «Сообразно тому, как Вы изволите писать, Высокопреосвященный Митрополит Московский Филарет благоволил написать мне, что он желает напечатания книги преподобного Исаака Сирского. Все монашество Российское обязано благодарностию этому Архипастырю за издание Отеческих книг Оптиною Пустынею. Другой на месте его никак бы не решился дать дозволение на такое издание, которое едва ли уже повторится» — писал он 30 апреля 1853 г.

Тем более и сам архимандрит Игнатий постоянно в своих письмах отзывается с энтузиазмом об оптинских трудах: 26 декабря 1845 г.: «Напечатанное в третьей части писем Затворника Георгия предисловие на книгу Пр<еподобного> Григория Синаита приносит многим значительную пользу; тем обильнее будет сия польза при издании всех предисловий. За сие Вам — мзда от Господа и благодарность от всех благомыслящих»; 20 июля 1855 г.: «Все Русское монашество обязано особенною благодарностию Оптиной Пустыни за издание многих творений святых Отцов перевода старца Паисия, столь точно передававшего отеческие мысли. И перевод на Русский язык монашеских и отеческих писаний, по знанию монашеской жизни, гораздо удовлетворительнее совершается братьями обители Вашей, нежели перевод их людьми, чуждыми этой жизни»; 1 сентября 1856 г.: «Все монашество Российское должно благодарить Вас и почтенных братий, сотрудников Ваших, за обильную и превосходную духовную трапезу, которую доставляет чтение книги Святого Дорофея» и т. д.

При таком интересе архимандрита Игнатия Брянчанинова к трудам старца Макария и оптинских братий удивительно, что, за исключением известия о переводе на русский язык «книги Святыя Лествицы» в одном из первых писем, он никогда не писал о своих литературных занятиях, которые уже с раннего возраста составляли важную часть его деятельности.

Еще в 1828 г., будучи простым послушником, находясь с отцом Леонидом в Александро-Свирском монастыре, он написал небольшую прозаическую поэму «Древо зимою пред окнами келлии». В следующем году в Площанской пустыни он написал поэтическое «Воззвание к моей келье, а с нею вместе и ко всему видимому миру» и там же, по благословению старца Леонида и по его рассказам, начал писать «Жизнеописание схимонаха Феодора».

О публикации этого «Жизнеописания» в доработанном виде старец отец Леонид сообщал в 1839 г. архимандриту Игнатию: «Зная ваше усердие и любовь к Достоблаженному Старцу нашему батюшке отцу Феодору, и какой труд вы полагали в описании жития Его, обязанностию считаю представить вам напечатанных жизни и подвигов Его пять экземпляров. Во многом сделана перемена, а некоторые материи цензура не согласилась утвердить к напечатанию по правилам ее. Но мы хотя и тем довольны, что не останется совсем в забвении жизнь праведника, заслужившего, несомненно, от Бога вечную награду, и будет

для нас, любящих и почитающих его, утешением вспоминать Его и Боголюбезные труды Его».

В годы пребывания в Сергиевой пустыни архимандрит Игнатий интенсивно трудился над важнейшими своими произведениями — «Аскетическими опытами» и «Словом о смерти», создавал «Отечник». Возвратом к живым источникам отеческого богословия называли его труды историки русской церковной мысли. А автор книги «Пути русского богословия» прот. Г. Флоровский писал: «К старым и переводным книгам присоединялись новые и самостоятельные опыты. Прежде всего нужно назвать епископа Игнатия Брянчанинова (1807–1867)... Это был очень строгий ревнитель аскетической традиции. Он тоже примыкает к традиции старца Паисия, через учеников известного о. Леонида, впоследствии Оптинского старца. "Аскетические опыты" епископа Игнатия Брянчанинова написаны с большим вдохновением и очень выразительны. Начертывается идеал духовной трезвости, с особенным предостережением против мечтательности. Но аскетическое приготовление, смирение и самоотречение не заслоняет таинственной цели всего пути: стяжание мира Христова, встреча с Небесным Странником и Гостем ищущих душ».

Тем не менее в письмах архимандрита Игнатия отцу Макарию нет и намека на то, чтобы он посылал в Оптину свои труды. Вообще создается впечатление, что тема писем раз и навсегда определена и другие темы в них почти не вторгаются. Например, о сопереживании архимандритом Игнатием перипетий Крымской и Кавказской войн можно судить по его письмам П. С. Нахимову и особенно Н. Н. Муравьеву-Карскому[1]. Старец Макарий тоже был «патриот в душе» и в событиях войны принимал «самое страдательное участие». Однако в их переписке эта тема прозвучала только два раза: 20 июля 1855 г. архимандрит Игнатий рассказывает об уходе англо-французского флота от Кронштадта, а 17 сентября этого же года он пишет: «Молитесь милосердному Господу, чтоб помог нашему любезному отечеству против врагов его. Испания присоединилась к Англии и Франции для действий против России; да имеются еще и другие державы, нам недоброжелательствующие».

И только с 1855 г. в письмах появляется новая тема. На протяжении всех лет служения в Сергиевой пустыни архиманд-

[1] См.: Т. 3. С. 259–311.

рита Игнатия преследовала мысль «оставить многосуетную... настоятельскую должность и сколько-нибудь подготовиться покаянием в согрешениях к переходу в будущую жизнь». В конце 1855 г. он снова начал хлопотать об увольнении и одновременно начал переговоры о своем перемещении в «благословенную Оптину Пустынь». «Соображая потребность души моей и моего тела, я избрал [Оптинский] скит местом для окончания дней моих в безмолвии»,— писал он брату Петру Александровичу.

Он даже начал переговоры о строительстве новых келлий, где было бы удобно поместиться не только ему, но и его другу Михаилу Чихачеву и его келейнику Иоанну. 14 января 1856 г. он писал отцу Макарию: «Прошу Ваших Святых молитв, чтоб милосердый Господь даровал и мне исторгнуться из челюстей мира и присоединиться к Вашему Богоспасаемому Стаду, если есть на то Его Святая Воля». В мае этого же года, получив отпуск, он отправился в путь, чтобы «соглядать собственными очами Оптину Пустынь, которая в настоящее время есть, бесспорно, лучший монастырь в России, особливо Скит ее».

О своих впечатлениях архимандрит Игнатий подробно писал Н. Н. Муравьеву-Карскому в письме от 12 июня 1856 г.: «Оптина Пустынь есть один из многолюднейших Российских монастырей по количеству братии и, конечно, первый монастырь в России по нравственному качеству братии; особливо это достоинство принадлежит Скиту ее, в котором живет много дворян. Некоторые из них очень образованы, знакомы с новейшими и древнейшими языками, занимаются духовною литературою, преимущественно же переводами самых глубоких сочинений святых Отцов.

Духовным назиданием братства занимается так именуемый Старец их, иеромонах Макарий, 68-ми лет, из дворян, с юности монах, обогащенный духовным чтением и духовными опытами, он живет в Скиту, ему обязана Оптина Пустынь своим нравственным благосостоянием. Много монахов из других монастырей, много монахинь, множество мирских людей, удрученных скорбями и нуждающихся в наставлении, стекается в Оптину Пустыню к Отцу Макарию за спасительным советом и словом утешения. Его непринужденность, простота, откровенность совсем противоположны той натянутой и жесткой святости, за которою ухаживают различные Графини и Княгини.

Скитская семья иноков подобна, в религиозном отношении, корням дерева, трудящимся в мраке неизвестности и добывающим, однако, для дерева необходимые жизненные соки. На заглавных листах трудов скитян нет имени автора; оно заменено скромною строкою: издание Оптиной Пустыни. В самом монастыре устав общежительный, то есть общая трапеза, общая одежда, общая библиотека, церковная служба ежедневная и продолжительная, общие и специальные труды. В Скиту служба церковная отправляется дважды в неделю, в субботу и воскресение; в прочие дни недели производится денно-нощное чтение псалтыри братиею поочередно; трудятся братия по келлиям, но труды их преимущественно умственные. Женскому полу воспрещен вход в Скит; да и из Скитской братии кто нуждается выдти из Скита, каждый раз должен просить на то благословения у Старца; монастырской братии предоставлен вход в Скит во всякое время дня для удовлетворения их духовных нужд. Трапеза в Скиту самая постная.

Из этого описания Вы можете видеть, как близок мне Скит! Тщательное чтение и изучение самых глубоких Писаний святых Отцов привело меня в монастырь, поддерживало, питало в нем. В Скиту я нахожу свой род занятий, свой род мыслей; в Скиту я вижу людей, живущих в точном смысле для человечества в духовном, высоком его назначении; вижу людей, с которыми могу делиться мыслями, ощущениями, пред которыми могу изливать свою душу.

Начальник Оптиной Пустыни и главные иноки оной знакомы со мною около 30-ти лет; а с о. Макарием я нахожусь, смею сказать, в самых дружеских отношениях. Наконец — здешний климат благодетелен для моего здоровья. Все причины, вне и внутри меня соединяются для того, чтоб заставить меня употребить все усилия к перемещению моему в Скит. Чтоб хотя конец моей жизни провести на правах человека и для человечества в духовном и обширном смысле этого слова. — Напротив того, все причины, внутри и вне меня, заставляют меня употребить все усилия, чтоб вырваться из Петербурга и Сергиевой Пустыни».

Пребывание архимандрита Игнатия в Оптиной Пустыни оставило след в оптинских хрониках: «26 мая 1856 г. Во время благовеста к вечерне прибыл в Обитель Архимандрит Троицко-Сергиевой, что близ Стрельны, Пустыни о. Игнатий Брянчанинов, намеревается погостить в Обители до 20-го июня и пользоваться

минеральною водою из Пафнутьева колодца, которую доктор его по разложении признал полезною от геморроя, золотухи и ревматизма.

Приятно встретились с ним Старцы наши: Батюшка о. Макарий у перевоза, а о. Архимандрит на монастырском дворе у Церкви. Поместился в Монастыре, в Корпусе, занимаемом о. Игуменом Антонием. Привез Старцам в подарок на ряски камлота, похожего видом на мухояр.

31 мая 1856 г. Старцы наши и о. Ювеналий Половцев с приезжим о. Архимандритом ездили на обед в Козельск к Почетному Гражданину Дмитрию Брюзгину.

22 июня 1856 г. Поутру в 9 часов проводили в обратный путь нашего гостя о. Архимандрита Игнатия. о. Архимандрит поехал с ним до Калуги, дабы вместе быть у Преосвященного[1] и изложить пред ним просьбу о. Игнатия о построении для него в Скиту корпуса келлий, а Старцы — о. Игумен Антоний и Батюшка о. Макарий — провожали его до Прысковской церкви и, по взаимном пожелании всего благого, возвратились домой. В Калуге Пр<еподобный> Григорий принял просьбу о. Архимандрита Игнатия холодно и с возражениями, что Скит не для этого основан и т. п. Что воспоследствует из сего — неизвестно»[2].

В другом варианте летописи за 22 июня 1856 г. записано следующее: «В 5 часов утра от нас отправились в Калугу к Преосвященному Григорию отец Архимандрит Игнатий Брянчанинов, гостивший в нашей обители с 26-го мая, и с ним настоятель наш о. Архимандрит Моисей. Добрую оставил по себе у нас память Архимандрит Игнатий: смиренный муж и духовный. Из многих духовных бесед его с нашими старцами записываю от многого малое, но, на мой взгляд, глубоко знаменательное: “В ямщицком селе Тосне, под Петербургом, в 1817 г. произошел такой случай, о котором,— так сказывал о. Игнатий,— я узнал со слов лица, заслуживающего всякого доверия. В этом селе жил богобоязненный ямщик Феодор Казакин, женатый, но бездетный, неграмотный, кроткий и поведения во всех отношениях примерного. Был он уже человек лет пожилых, к себе

[1] *Преосвященный Григорий* (в миру Митькевич Николай Васильевич; 1807–1881) – епископ Калужский и Боровский. В 1831 г. принял монашеский постриг и был назначен соборным иеромонахом Киево-Печерской Лавры, в 1836 г. — архимандрит; в 1844 г. — ректор Казанской Духовной академии; с 13 октября 1851 г. определен на Калужскую кафедру; с 20 апреля 1869 г. — архиепископ. || [2] РГБ ОР. Ф. 214. К. 359.

внимательный, не только на выдумку, но и на какую-либо неправду, по простодушию своему, неспособный. Занимаясь кузнечным мастерством, он сам для дела своего выжигал уголья в лесу, версты за три от села, на правом берегу реки Тосны, в местности, называемой Дубок. Однажды Казакин работал один около своей угольной ямы и внезапно, среди бела дня, увидел множество бесов в образе людей обоего пола. Бесы в странных одеждах и в колпаках сидели на высоких деревьях, играли на каких-то невиданных музыкальных инструментах и припевали:

— Наши годы! наша воля!

Они и еще что-то пели, но Казакин с испугу не мог вслушаться. Казакин стал креститься и молиться, но видение не исчезало. Страшно испуганный Казакин бросился бежать домой. Дорога к дому шла по берегу реки, а на берегу росли большие развесистые березы. И на всех березах этих во множестве сидели бесы, играли на инструментах и с торжеством бесчинно припевали:

— Наши годы — наша воля! Наши годы — наша воля!..

С версту от места работы, где впервые увидел Казакин бесов, он их увидел в третий раз: они сидели на деревьях и пели ту же песню:

— Наши годы — наша воля!

До полусмерти испуганный Казакин добежал до села, от которого его отделяла река, и, пока ему подавали с другой стороны реки плот для переправы, он присел отдохнуть и в это время увидел страшного змия, который явился у ног его и хотел уязвить; но Казакин отскочил от змия".

Отец Архимандрит слышал этот рассказ от причетника села Тосны, Ивана Андреева, принявшего монашество в Сергиевой пустыни, где настоятельствует теперь сам Архимандрит Игнатий.

Сказывал нам о. Архимандрит Игнатий еще и о благодатных видениях Валаамского схимника Кириака. Боже мой, Боже мой! От чего, от какой благодати и истины отпадает бедная несчастная, израненная духовным врагом своим, святая моя Родина!»[1]

О результатах переговоров у Преосвященного Григория архимандрит Игнатий сообщал старцу Макарию в письмах от 20 июля и 7 августа 1856 г. А брату в письме от 13 августа он написал:

---

[1] См.: *Нилус С. А.* Святыня под спудом // ПСС. Т. 3. С. 214–215.

«Несмотря на мое желание остаться в Оптиной Пустыне, я не сошелся с настоятелем ея, и потому время моего удаления из Сергиевской отсрочилось на неограниченное время. Отдаюсь на волю Божию. Приходится жить иначе, нежели как рассуждается жить. Такова участь не одного меня. По человеческому суждению общество Скита Оптинского и духовник, отец Макарий, — лучшее, чего бы можно было желать по настоящему состоянию христианства и монашества в России; но Промысл Божий, руководящий нашею участию, мудрее суждения человеческого»[1].

История с несостоявшимся переходом не отразилась на отношениях архимандрита Игнатия с Оптиною Пустынью. Из писем от 20 июля 1856 г. и по 28 января 1857 г. видно, с какой «ревностию» хлопотал он о доставлении Скиту дополнительного штата, а также, по собственной инициативе, о «предоставлении Оптиной Пустыне двух десятин земли, прилегающей к восточной ограде Скита».

Только раз упоминает он о происшедшем, когда делает одному из братии Оптины драгоценный подарок: «29-го Января посетил нас о. Ювеналий на обратном пути своем в Оптину, — писал он отцу Макарию 5 февраля 1857 г. — Я ему вручил один том из Голландовой библиотеки, в котором находятся сочинения Пр<еподобного> Марка Подвижника на Греческом и Латинском — на подержание. После укорила меня совесть, сказав: "Где же бескорыстная любовь? когда ты собирался на жительство в Скит, то и книги свои хотел отдать для общей пользы; а когда дело помещения не состоялось, то ты жалеешь книг и они стоят у тебя бесплодно в шкафе". Почему и передал о. Ювеналию, что и прочие 13-ть томов я перешлю к нему».

О мотивах этого подарка он написал 13 апреля этого же года: «Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим Праздником и вместе с тем искреннейшую признательность за поздравление Ваше в драгоценном для меня письме Вашем от 30-го Марта, так как и все письма Ваши для меня драгоценны, и при одном зрении почерка Вашего, прежде чтения самого письма уже чувствую в грешной душе моей утешение. Желая, чтобы мысленное сребро — библиотека Св. Отцов, собранная Голландом, не лежала под спудом, но давала лихву богоприятную, обращаясь между людьми, способными заниматься ею, я рассудил лучше

[1] См. также приведенное ниже письмо отцу Ювеналию Половцеву от 26 декабря 1855 г.

отдать это сребро на руки человеку, нежели приковать его к какому-либо месту, в коем оно очень легко может попасть под спуд — в шкаф, и сделаться там пищею моли и мышей, без всякой пользы для людей. Было время, когда Белые берега обиловали благонамеренными иноками, были времена, когда обиловала ими Пестуша, обиловала ими в свое время Площанская Пустынь; теперь наступило время цвета для Оптиной; время цвета пройдет своей чередой — процветут другие места — также на свое время; почему приковать книгу к месту я счел менее надежным, нежели поручить ее человеку. Надеюсь, что о. Ювеналий, попользовавшись ею и попользуя ею Христианство, когда достигнет седин и изнеможения, то поручит ее благонадежному иноку, который опять будет держать в обороте мысленное сребро».

27 октября 1857 г. архимандрит Игнатий Брянчанинов был хиротонисан во епископа Кавказского и Черноморского с кафедрой в г. Ставрополе. В письме, написанном 20 ноября 1857 г. пред отъездом к месту назначения, епископ Игнатий снова возвращается к издательским трудам отца Макария и просит: «Если эти книги будут напечатаны, то не откажитесь прислать и мне». «Спаси Вас Господи, — отвечает отец Макарий, — что и еще изволили удостоить меня получить Ваше Архипастырское и Отеческое писание от 20 числа Ноября, из коего видимо о времени Вашего отъезда из Петербурга, и потому пишу благонадежно в Ставрополь к Вашему Преосвященству». Он сообщает о состоянии дела с напечатанием книг, о которых спрашивал епископ Игнатий, и о предполагаемом продолжении работы по переводу и печатанию книг, несмотря на то, что «чувствует часто большую слабость и немощь».

Уже в конце своего пребывания на Кавказской и Черноморской кафедре епископ Игнатий писал своему другу Михаилу Чихачеву: старец Макарий «постоянно переписывался со мною с того времени, как я на Кавказе». Однако от той поры сохранилось только одно письмо от 8 апреля 1858 г., в котором он снова повторяет: «Да подкрепит Вас Милосердый Господь в трудах Ваших по переводу Отеческих книг. Издавая эти книги, Вы оказываете несказанное благодеяние российскому монашеству и Христианству».

Всего за годы издательской деятельности старца Макария было выпущено в свет 16 книг, из них 10 на славянском языке, 1 — на славянском и русском и 5 на русском языке. Самым

драгоценным изданием, пишет жизнеописатель старца Макария Леонид Кавелин[1], было «Св. отца нашего Исаака Сирина епископа Ниневийского слова духовноподвижнические, переведены с греческого старцем Паисием Величковским. Напечатаны на славянском наречии, снабжены подстрочными примечаниями и алфавитным указателем», составленным старцем Макарием.

...21 сентября 1860 г. Преосвященный Игнатий писал архимандриту Оптиной Пустыни отцу Моисею: «Хотя письмо Ваше принесло мне самую печальную весть, но искреннейше благодарю Вас за уведомление о опасной болезни, постигшей достопочтеннейшего Старца, отца Макария. По получении сего известия я немедленно распорядился, чтоб в моей крестовой церкви ежедневно молились о его выздоровлении. Понимаю, в какое огорчение должно повергнуться братство, руководствовавшееся советами старца, при представшей внезапно опасности лишиться его; понимаю и огорчение Вашего Высокопреподобия. Сердечно участвую в этой печали и молю милосердого Господа, чтоб продлил земные дни болящего для пользы и утешения многих».

Скончался старец Макарий (Иванов) 7 сентября 1860 г. «Ваше Высокопреподобие, Высокопреподобнейший о. Архимандрит! — писал Преосвященный Игнатий отцу Моисею 23 сентября 1860 г.— Сегодня получил я письмо Ваше с известием о кончине достоуважаемого иеросхимонаха о. Макария и распорядился, чтоб в обеих церквах Кавказского Архиерейского Дома совершалось сорокадневное поминовение почившего Старца. Воля Божия да будет! но нельзя не пожалеть о отшествии из среды нас Отца, доставлявшего многим пользу и утешение. Понимаю скорбь Вашу и вполне сочувствую ей.

Затем: Желая Вам всех истинных благ и утешения от Господа в постигшей Вас и Обитель печали, имею честь поручить себя

[1] *Отец Леонид* (в миру Лев Александрович Кавелин, 1822–1891) — церковный историк, археолог, писатель. С 1840 по 1852 г. служил в лейб-гвардии Волынском полку. Часто бывал в Оптиной Пустыни. В 1847 г. издана его книга «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи». В 1852 г. вышел в отставку и поступил на жительство в скит Оптиной Пустыни. 7 сентября 1857 г. пострижен в монашество. В 1857–1859 гг. служил в Русской духовной миссии в Иерусалиме, в 1865–1869 гг. был настоятелем русской посольской церкви в Константинополе. Последние 14 лет жизни был наместником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Автор жизнеописания старца Макария (Иванова). Кроме того, опубликовал около 300 работ, в числе которых сотни документов и памятников духовной письменности.

Вашим Святым Молитвам и с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугой. Игнатий Епископ Кавказский».

А 15 ноября 1860 г. он писал Михаилу Чихачеву: «О. Архимандрит Моисей известил меня о кончине старца иеромонаха Макария и просил брошюру сочинений о. Леонида Кавелина. Оптина лишилась души своей. О. Макарий, хотя и был наиболее телесным исполнителем заповедей, но имел любовь к ближнему и ею поддерживалось братство. Он незаменим по моему мнению и взгляду! Оставшиеся слишком телесные делатели... Оскудело монашество и еще более должно оскудеть».

Также и брату Петру Александровичу Брянчанинову — 22 ноября 1860 г.: «Судьбы Божии непостижимы, но по человеческому суждению нельзя довольно не пожалеть о кончине о. Макария Оптинского. Этот человек был неоцененное сокровище для христиан, живущих среди мира. Он был приготовлен и предназначен для того служения, которое проходил. Простота и свобода в обращении, любовь и смирение врожденные, образование себя чтением Отеческих книг, повиновение искусным старцам дали ему возможность рано сделаться духовником и наставником, а долговременный опыт усовершил его в этом служении... Мой путь был совсем другой: я был часто и подолгу болен, подолгу не выходил из своей келлии, терпел много неприятностей. Все это отделяло меня от общества человеческого и сосредоточивало в себе. Такое душевное положение лишило меня знания человеков. Чем далее иду путем жизни, тем более удаляется от меня это знание, потому что иду очень одиноко...»

Старец иеромонах Макарий также был прославлен Русской Православной Церковью в 1996 г.

24 июля 1861 г. епископ Игнатий Брянчанинов обратился к Государю Императору с просьбой об увольнении. Просьба его на этот раз была удовлетворена, и 13 октября 1861 г. он прибыл в Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии, который был дан ему в управление и который стал его последним земным прибежищем. Через пять дней после прибытия он сообщал брату: «Никогда в жизни моей я не был так доволен моим положением, как доволен им теперь. Кажется, мой Ангел хранитель по велению Божию продиктовал Св. Синоду указ о мне — так этот указ удовлетворяет требованиям моего душевного настроения и телесного здоровья».

Промысл Божий действительно оказался «мудрее суждения человеческого». Приведя его сюда, он дал ему наконец то, что более всего отвечало его душевным потребностям: «В 1856 г., — писал он М. Чихачеву 10 марта 1862 г., — кажется, я именно для того и возобновил знакомство с Оптинскими, чтоб еще более разойтись с ними... Теперь я в своем кругу!»

Не Оптина с ее многолюдством, а уединенные Бабайки оказались тем местом, к которому он стремился всю свою жизнь.

Переписка святителя Игнатия Брянчанинова с Оптинскими старцами *

Письма святителя Игнатия к преподобному Леониду (Наголкину)**

№ 1

Молитвами святых отец наших,

Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.

Ваше преподобие! Почтеннейший отец Леонид!

Письмо Ваше и с запискою по делу о нарезах земли для Оптиной Пустыни получил; но по справке оказалось, что из Калужской Казенной палаты еще не доставлено сюда дело. Обещают благополучного окончания, может быть, нужны будут и денежные издержки; согласится ли на оные Отец Строитель? Потрудитесь о сем меня уведомить.

Меня просят приискать настоятеля для Никандровой Пустыни Псковской епархии. Место весьма уединенно; богато и пахотною землею, и лугами, и лесом строевым и дровяным. Одного рогатого скота более трехсот штук. Постройки не только в монастыре, но частию и на хуторах каменные. Келлий множество, но они пустуют, ибо нет братии. Нету братии: ибо нет Настоятеля с надлежащими монашескими сведениями и с сердцем братолюбивым. Кажется мне, если бы иеромонах отец Макарий Иванов согласился принять на себя иго Начальничества Никандровой Пустыни, то сия обитель совершенно бы изменилась и пришла в столь цветущее состояние, в каковом и при Геннадии не могла быть. Ибо предполагаемый новый настоятель, кажет-

* Весь корпус писем объединен общей нумерацией.

** РГБ ОР. Ф. 213. К. 75.

ся мне, будет посмиреннее и помягче,— а потому и поосновательнее и попрочнее. Вероятно, он и в настоятельском быту будет к Вам столь же расположен, как и ныне, и пожелает руководствоваться Вашими советами, кои, по мнению моему, весьма душеполезны для всякого вступающего вновь в воинство иночества и помогут оставить на всю жизнь благодетельное впечатление. Почему прошу Вас: потрудитесь о сем предложить отцу иеромонаху Макарию Г-ну Иванову. К нему не пишу, полагая, что у вас с ним едино сердце.

Конечно,— дела Ваши Вам виднее. Но Вы не прогневайтесь, что скажу и я свое мнение; ибо чем более о каком деле представится различных мнений, тем оное может быть яснее обсуждено. Никандрова Пустыня представляет Вам благоприятнейшее пристанище. Если же не Вам, то, по крайней мере, Вашим ученикам. В ней нет ни братии, ни устава: и потому можете ввести устав, какой хотите, братию набрать, какую хотите: ибо доходу ярманок до 20 тысяч,— содержать есть чем. Никандрова, имея земли на 10-ть верст во все стороны, подобна Валааму и другим пустыннейшим местам. Архиереи в Псковской Епархии, как в одной из самых старших, избираются лучшие и благонамереннейшие, каков и ныне есть. Близость к Петербургу опять представляет свои выгоды.

Словом, чтобы избежать многословия, Отец Макарий, приняв Игуменский жезл Никандровой Пустыни, успокоит и себя и других — простым спокойствием, а не кое-каким неосновательным, готовым нарушиться на всякое время и на всяк час.

Прошу Вас о последующем меня уведомить. Для того, чтоб сие письмо сохранилось в полном секрете, посылаю чрез Брюзгиных и влагаю особенную записочку по Оптинскому делу, дабы можно было ее показать о. Строителю.

Желая Вам доброго здоровья и всех благ, прося Ваших Святых молитв, имею честь быть Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий

24 июля 1837 года Сергиева Пустыня.

Отцам Святым: двум Макариям, отцу Иоанникию, Авраамию, Иосифу и прочим свидетельствую усерднейший поклон.

№ 2

Ваше преподобие!

Почтеннейший отец Леонид!

Письмо Ваше и с запискою по делу о нарезке земли для Оптиной Пустыни получил; просил одного из своих знакомых, который согласился похлопотать, но по двукратной справке оказалось, что из Калужской Казенной палаты дело сюда еще не доставлено. Нужно знать, согласится ли Отец Строитель на денежные издержки, если оные здесь понадобятся? Сие последнее прошу от меня отклонить, а лучше возложить на Лесниковых[1], если они согласятся, и на письмоводителя моего Павла Петровича Яковлева; в нем Лесниковы вполне уверены.

Еще в Июле месяце я написал к Вам ответ, но в оном помещена была такая статья, которая меня останавливала отсылать; должно было вглядеться в обстоятельства, оказалось, что еще не пришло время говорить о сем предмете, о котором, аще Господь восхощет, не премину сообщить Вам.

Между тем, осмеливаюсь обеспокоить Вас покорнейшею просьбою. Помнится мне, что в библиотеке Скита есть письменная книга Святого Иоанна Лествичника перевода Старца Паисия. Весьма бы благодарен я был, если б кто взялся списать для меня оную верно: я бы заплатил какие угодно деньги. Я обращался с подобною просьбою к Симоновскому отцу Пахомию; они мне прислали на прекрасной бумаге, но столь неверную, и совсем не старцева перевода, а какое то смешение из разных переводов. Чтоб не огорчить их, книгу я принял и благодарил, а имея ее все равно, что не имею. И потому прошу Вас, если это не затруднительно, то поручить кому-либо переписать за какую угодно цену.

Прося Ваших святых молитв и благословения и с истинным почтением с прежнею обычною преданностию, имею честь быть Ваш покорнейший послушник

Арх<имандрит> Игнатий

1837 15 сентября.

[1]*Лесниковы* — петербургские купцы, щедрые благотворители, можно сказать, друзья святителя Игнатия.

№ 3

Ваше преподобие!

Почтеннейший отец Леонид!

Письмо Ваше от 4-го Октября имел честь получить; оного же дня получил и от Отца Игумена Моисея с объяснением его распоряжений относительно дела о земле. Прошу Вас принять на себя труд сказать ему о сем, — равно и о том, что по силе хлопотать и о последующем уведомлять будем, аще Господь дни наши продолжит.

Приношу Вам искреннейшую благодарность за внимание Ваше ко просьбе моей о книге святого Иоанна Лествичника перевода старца Паисия. В сем внимании Вашем с приятностию вижу продолжение попечений Ваших о пользе души моей. Если Вы делаете мне доверие и располагаетесь прислать мне имеющуюся у Вас книгу для переписки, то с признательностию сие приемлю, тем более что в обители нашей один из братии постоянно занимается сим рукоделием; по окончании переписки обязываюсь возвратить в должной целости. Надеюсь, что сия удовлетворит желанию моему; присланная же из Симонова совершенно фальшивая.

В настоящее время не вижу еще возможности издать оную для общего употребления монашествующих. Что Господь устроит впредь! О трудах о. Архимандрита Макария относительно сей книги слышал я и новые труды его — перевод некоторых слов из стишной книги Св. Симеона — недавно видел.

Поручая себя Вашим святым молитвам, с истинным почтением и обычною преданностию, имею честь быть Ваш недостойный послушник

Архимандрит Игнатий

1837 Года 14-е Ок. Сергиева Пустыня.

Приписка:

Ваше преподобие, Честнейший отец Макарий! Покорнейше благодарю Вас за память о мне, грешном, и за все прежние ко мне милости. Прошу продолжения Вашей отеческой любви и святых молитв. Потрудитесь засвидетельствовать мое усерднейшее поклонение всей единомудренной братии. Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

№ 4

Ваше преподобие!

Честнейший отец Леонид!

Усердно желаю Вам здравствовать о Господе. При сем извещаю Вас, что валаамцы налили сами себе нерастворенную чашу. Сами на себя донесли Государю, якобы у них распространилась ересь, злоумышление на жизнь Государя, что Игумен Вениамин есть святотатец. Некоторые члены Синода мне говорили, что подобных дел в Синоде в продолжение двадцати лет не слыхивали. Очень неприятно сие событие для всего духовенства, паче же монашеского чина. Нынешнею зимою посмотрел тамошних старцев — все имеют поддержку светских людей за свое пустосвятство; да и теперь не предвидится ничего полезного, ибо вмешиваются люди светские, не имеющие ни малейшего понятия о монашестве.

Получил на днях письмо Вашего брата[1] о жизнеописании Задонского затворника и просил чиновника, за обер-прокурорским столом сидящего, Г-на Муравьева[2], дабы он походатайствовал о издании сей книги; он обещал ходатайствовать. Алексей Поликарпович Бочков[3] хотя бы строчкою нас уведомил о благополучном прибытии своем, не потому, что мы оного достойны, но потому, что о благополучии его поездки заботились и беспокоились. Позвольте ему за это попенять.

Имею к Вам покорнейшую просьбу, — известите меня, в Молдавии и Валахии перекрещивают ли Лютеран и прочих протестантов и почему. Здесь об этих предметах ныне очень много рассуждают; в особенности Обер-прокурор очень ревнует по православию; издает ныне правила вселенских и поместных соборов: ибо наша Кормчая содержит наиболее не самые правила, а толкования под именем правил и на сии краткие толкования другие пространнейшие. Дай, Господи, чтоб мы, получив настоящие правила в печати, сколько-нибудь приподняли и расслабленные руки к деланию.

Прося Ваших Святых молитв и благословения, имею честь быть навсегда Ваш покорнейший послушник

Отцам святым о. Макарию (Иванову), о. Иоанникию, о. Макарию (Грузинову), о. иеродиакону Иосифу и прочим усердно кланяюсь с прошением молитв Святых.

Архимандрит Игнатий

Декабрь 1838 г.

Приписка о. Михаила (Чихачева):

При сем случае молю, почтеннейший Батюшко! И от меня примите низкий поклон, сердечную незабвенность, и в Своих Святых молитвах прошу также не забывать. Отцам Святым и Братиям, вашим чадам по Духу, также мое усердное почтение, хотя и всем вместе, однако особенно отцу Иоаннникию, как более прочих мне известному. Простите. Имею честь пребыть навсегда готовый ко услугам многогрешный послушник, недостойный рясофорный монах

Михаил Чихачев.

[1] О. Порфирия (Григорова); см. примеч. 3 на с. 14.
[2] *Муравьев Андрей Николаевич* — о нем см.: Т. 3. С. 260–261.
[3] *Алексей Поликарпович Бочков*, в монашестве о. Антоний (1803–1872) — литератор, поэт. В 1837–1838 гг. был послушником в Сергиевой пустыни; архимандрита Игнатия Брянчанинова считал своим духовным отцом и первым наставником в монашеской жизни. Подробнее о нем и его переписку со святителем Игнатием см.: Т. 1. С. 400–467.

Письма преподобного Леонида (Наголкина) к святителю Игнатию*

№ 5

Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит

Почтеннейшее письмо ваше, от 11-го генваря пущенное, получил я от пришедшего к нам из С. Петербурга мещанина Петра Иванова Коновалова, о котором вы изволите писать, что имеет намерение получить духовное образование и истинное понятие о монашестве. Вы изволили расположить его обратиться ко мне на сей предмет. Благодарю вас за таковое ваше меня предпочтение, из чего заключаю, что вы памятуете, не смею сказать наставление, но нелестное мое к вам усердие, когда находились в сожительстве со мною. Сознаю себя, что в преподавании наставлений, ведущих к совершенству, много недостаточен. Но ежели Петр Иванович с верою искать будет пользы от моего скудоумия, не отрекаюсь предлагать ему учение Святых и Богоносных Отец наших, хотя сам скуден в слове и разуме, а паче в деле. Что, однако ж, не может ему воспрепятствовать принять семена слова Божия, яко пшеницу и из нечистых рук повергаемую, ежели

* РГБ ОР. Ф. 214. К. 384.

земля сердца его будет добра, то и плод принесет благ, Божиим содействием. Он принят в нашей обители о. Строителем и уже облечен в приличную одежду, бывает и у меня; но не знаю совершенно — ощущает ли душевную пользу. Полагаю, он сам должен вам писать о своем устроении.

Сердечно сожалею о болезни Вашей и желаю, чтобы она совершенно исцелилась. Поручая себя Вашим молитвам, с нижайшим моим высокопочитанием пребыть честь имею Вашего Высокопреподобия покорный слуга и смолитвенник многогрешный

Иеросхимонах Леонид
Марта 17 дня 1837 года
Оптина Пустынь.

№ 6

Молитвами святых отец наших,
Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.
Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит

Писанием Вашим от 15-го сентября сего года на мое к вам писанное извещаете о деле нашем касательно наделения Пустыни землею, что Вы со своей стороны прилагали старание, но за неполучением еще из Калужской Казенной Палаты потребных сведений о сем деле остается оное в нерешимости; в случае же нужды издержек по оному желаете быть от сего устраненным, предлагая к тому другие лица. Принеся Вам за сие мою покорнейшую благодарность, имею честь Вас уведомить, что о всем оном я в то же время передал отцу Игумену к сведению, и в чем найдет нужным к исполнению, буди это на Его воле.

Во оном же писании вашем изволите вы вспоминать о книге Святого Иоанна Лествичника переводу Молдавского старца Паисия, имеющейся в скитской библиотеке, чтоб списать с оной повернее, доставить к вам; о книге сей узнал я у Отца Игумена, что оная есть, но теперь не находится здесь, а отдана какому-то лицу для прочтения в отдаленное место. Но таковая ж переводу старцева письменная имеется у отца Макария площанского, в скиту ныне живущего, только не могу вас уверить, верно ли она написана и не имеет ли также больших ошибок и неисправностей. Притом и писцов здесь таковых нет, чтоб могли верно и исправно преписать оную, когда бы были, то цены никакой не положили бы, а могли бы за послушание списать. По двум сим причинам

не решаясь исполнить вашего прошения, предлагаю вам мое мнение: не соблаговолите ли прислать к вам оную книгу, которую рассмотрев и с присланною к вам из Симонова монастыря сличив буде найдете нашу правильнее, то прикажите ее там переписать, а по списании паки к нам доставить; равно и буде найдете нашу не таковою и не будете списывать, изволите прислать; потому что оная ему благословлена от старца отца Афанасия.

Мне известно, что отец Архимандрит Макарий, бывший Костромской Семинарии ректор, который теперь находится на проповеди слова Божия в Сибири, бывши в Глинской пустыни на уединении, занимался сличением и переводом сей книги со многих и именно, греческой, латинской, Древней Славянской, с сущей, недавно переведенной на русский язык и старца Паисия переводу; намерение Его было по исправлении издать оную в печать. Но не знаю, сколь много успел он в сем деле. Только из трех переводов российских одобрял он лучше всех старца Паисия, кроме некоторых древних славянских выражений. Я полагаю, что и вы не имеете ли сего расположения, чтоб, исправив оную в некоторых неудобовразумительных славянских словах, издать в свет; чем оказали бы немалую пользу алчущим и жаждущим правды. Ежели не ошибаюсь в сем моем мнении, то весьма желательно, да поможет Вам Господь исполнить предприятие сие во славу пресвятого имени Его. Я написал вам о трудах отца Архимандрита Макария, не можете ли извлечь из оных что полезное.

Во ожидании ответа вашего о присылке к вам означенной книги поручаю себя молитвам вашим, не сумневаясь в вашем ко мне расположении, пребываю и я с нижайшим моим к вам почтением и уважением.

Вашего Высокопреподобия покорный слуга и смолитвенник многогрешный *Иеросхимонах Леонид.*

Осмеливаюсь и я вашему Высокопреподобию принести мое нижайшее высокопочитание с земным поклонением и, поручая себя святым вашим молитвам, имею честь пребыть

Вашего Высокопреподобия нижайший послушник многогрешный

Иеромонах Макарий
4-го Октября 1837 года
Козельск Оптина Пустынь.

№ 7

Молитвами святых отец наших,
Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.
Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит

Два письма Ваших, от 15-го и 26 октября пущенные, я имел удовольствие получить; оные доказывают мне прежнее Ваше ко мне благорасположение и любовь. Вы желаете успокоить меня при старости лет моих, изыскиваете меры и средства к оному. Вполне сие чувствуя и приемля, приношу Вам мою искреннюю благодарность. Что ж касается до положения моего, в каком я теперь нахожусь, скажу Вам: известные Вам наши обстоятельства, касающиеся до личности моей, при помощи Божией благодушно приемлю, хотя и не смею сказать еще того: вся могу о укрепляющем мя Господе. Но зная, что премилосердый Господь, ведая немощь мою, таковые посылает и искушения во еже бы возмощи понести их; и верую, что без воли Его ничтоже может последовать, а что происходит, все есть на пользу и ко спасению многогрешной души моей. В отношении к ближним, в коих приемлю участие, в их скорбях и сострадая им соболезнованием, видя их немоществующих и еще требующих охранения от вредящих по чувству случаев, опасаясь, да не будут оные преткновением им и соблазном к ущербу душевного устроения. Как пишет Св. Исаак Сирин в 56 Слове: мнози силы сотвориша и прочее и по сем сами окаянне падоша, не быв еще в совершенстве здравия души, предали себя в море мира. Не один о. Геронтий[1], но и другие невольно за послушание должны с ним разделять жребий отсутствия отселе. Но в сем деле по благому Вашему совету о. Геронтий изъявил покорность, предавшись в волю Божию; полагая себя виновным и недостойным пустынного сопребывания благоговейной братии. Господь силен сохранить их, а паче когда еще не долго может продлиться там его начальствование, в чем он и льстит себя надеждою. Послушание его есть одно из средств, служащих ко успокоению меня, дабы не подать поводу к мнению о преслушании по моему совету и чтобы не восстала вновь буря на меня и на расположенных ко мне. Благодарю Вас за сей благой Ваш совет. Другое же средство, Вами предполагаемое удалением отсюда, я нахожу неудобным; первое — слабость сил моих и здоровья не позволяет мне совершить не только дальнее, но и средственное путешествие; второе — из благорасположенных нет способных к управлению обители.

О. Макарий не годится по его неспособности к служению, да и не только желания к этому нет, но и страх объемлет. О. Геронтий хоть бы и мог, но еще молод; из прочих же не нахожу. Но и там могут встретиться искушения другого рода: посему, видно, смотрительно Господь возвестил Высокопреосвященнейшему Нафанаилу оставить сие дело. Мы, не зная сего, от 23 окт. писали к о. Иоанникию, чтобы он употребил меры просить Вас отклонить сие предприятие, представя Вам неудобство сего, я не сопротивляюсь Вашему усердию ко мне; а что Вам Господь возвестит сделать ко успокоению моей старости или сказать что к защите моей против ложных клевет, усердно Вам буду благодарен, тем более, что это относится не к одному мне, но и к благорасположенным по Бозе ко мне братиям; и конечно не лишит Вас Господь своей награды за сострадание к ближним.

Сердечно рад, что книга Св. Иоанна Лест<вичника> оказалась для Вас удовлетворительною, как мне и извещалось. Даруй Господи получить пользу Вам и прочим вникающим в учение сего великого мужа, а как бы было полезно, ежели бы исправить несколько, а не совсем по-русски и издать оную в свет. Ежели поищете, то и найдете возможность, но еще когда и Господь восхощет. А ежели не исполнится сие наше желание, то конечно за ленивое и нерадивое наше произволение во искании спасения. О обратном возвращении оной книги мы нимало не сомневаемся, утешаемся тем, что Вам она понравилась. В неизвестности о Вашем письме будьте уверены, по ответе сем оно уничтожится. Желаю, чтобы Вы были здоровы душевно и телесно, а в упоминаемых Вами немощах Ваших получили от Господа силу и крепость и противостали бы страстем силою Христовою. Примите уверение и в моем к Вам искреннем сердечном расположении, каковые и прежде видели во мне. По званию же Вашему приношу Вам нижайшее мое высокопочитание, поручая себя Вашей любви и святым молитвам, остаюсь ваш недостойный Смолитвенник многогрешный

Иеросхимонах Леонид.

Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит

Имея счастие читать писание Ваше и к моей худости в письме к батюшке Отцу Леониду, за долг поставляю принести вам мою всепокорнейшую благодарность за труд сей и память Вашу обо мне. С удовольствием исполнил Ваше поручение изъявле-

ния братиям нашим вашей об них памяти с поклонением. Они свидетельствуют вам свою благодарность и нижайшее высокопочитание, каковое позвольте и мне вам принести и со испрошением ваших святых молитв остаться

Вашего Высокопреподобия нижайшим послушником

Иеромонах Макарий
14 ноября 1837 года
Козельск. Введ. Оптина Пустынь.

[1] *О. Геронтий* (в миру Георгий Васильев; 1800–1857). Находился в Оптиной Пустыни с 1829 г., в этом же году познакомился с Дмитрием Александровичем Брянчаниновым. 29 октября 1833 г. пострижен в монашество. В 1837 г. определен настоятелем Калужской Тихоновой пустыни и управлял ею до своей смерти; возродил ее. Отец Леонид часто гостил у него. Письма о. Геронтия святителю Игнатию приводятся на с. 146–151.

№ 8

Молитвами святых отец наших,
Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.
Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит

Честь имею поздравить вас с приближающимся высокоторжественным и радостным празднеством Рождества Господа нашего Иисуса Христа. Желаю вам от искреннего сердца праздновать как сей, так и будущие многие в совершенном здравии телесном, наслаждаясь тем миром, который даровал нам премилосердый Господь пришествием к нам Единородного Его Сына Господа нашего Иисуса Христа.

На почтенное ваше писание, с Алексеем Поликарповичем присланное, я до сих пор не отвечал, чем довел вас до сетования. Прошу в сем меня великодушно простить. Я имел в предположении непременно вам на оное ответствовать, но не спешил, а высматривал из образа жизни о. Алексея, дабы сообщить Вам мои скудоумные замечания. Однако все я виноват, что в то же время не известил вас о получении письма и о Его приезде, вмените сие моей старости, слабости и простоте.

О. Алексей считает себя счастливым и благодарит Промысл Божий, призвавший его прежде под ваше окормление, и к вам чувствует сыновнюю благодарность и признательность и содержит оное в своей памяти. Вы направили его на правый путь в духовной жизни. Он руководствовался вашим наставлением и содержит его в своей памяти. Причина отлучки его от вас вам

довольно известна, которая вами и описана. Она совсем не принадлежит к духовной стороне, но относится более ко внешним обстоятельствам. Отстранив оные от себя, живет у нас, сколько возможно по внешности спокойно. Получив ваше направление в духовном окормлении, не оставляет и здесь искать оного от моей худости по вашей рекомендации. Известные вам умственные его слабости, изредка невольно посещая его, не получают обнадеживания в сердце его; он призывает на них Могущего низложить всю силу вражию и исповедывает оные пред моим недостоинством, что, принося ему облегчение, успокоевает Его.

Впрочем, дальнейших действий и последствий нельзя еще было усмотреть по краткости времени. Только то могу вам сказать, что он имеет благое произволение ко спасению, то и силен Господь призреть на оное и спасти его своею благодатию.

Сердечно соболезную, что огорчили вас слухи, будто бы он пишет в вашу пустынь к братиям, поучая, кому где и как жить. Я смело могу вас уверить, что в течение нахождения его в нашей пустыни трех с половиною месяцев ни к одному из ваших братий он ни строки не написал, да он мало имеет и переписки, но куда бы ни писал, прежде примет благословение и по написании прочитывает оное письмо. Тайно же он сего не делает. С этой стороны прошу вас совершенно быть спокойным. Он немало сему удивляется и скорбит за причиненное вам именем его оскорбление, просит вашего благословения и святых молитв на укрепление его в немощах душевных и телесных.

По переданию Вашему, пославши письмо к Его Сиятельству, князю Александру Николаевичу Голицыну[1], в то ж время и к вам о сем писал, а теперь слышу, что Его Сиятельству угодно меня наградить своим ответом, в чем и вы с своей стороны принимаете участие и просите Его о сем. Приношу Вам мою покорнейшую благодарность за таковое ваше ко мне расположение, однако ж я считаю себя не заслуживающим благоволения такого Государственного мужа, да споошлет Господь на него свою милость.

Поручая себя Вашим св. молитвам
с нижайшим моим почтением пребыть честь имею
Вашего Высокопреподобия усердный богомолец
многогрешный

Иеросхимонах Леонид

Декабря 13 1838 г.
Оптина Пустынь.

[1] О князе А. Н. Голицыне см.: Т. 1. С. 489.

№ 9

Молитвами святых отец наших,
Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.
Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит

От 13-го сего Декабря писал я к вам и хотя поздравлял с преддверием праздника Рождества Господа нашего Иисуса Христа, но теперь паки сими строками поздравляю, уже встретив высокоторжественный и всерадостный сей праздник, также и с приближающимся новым годом. Всеусердно желаю вам насладиться миром, дарованным нам пришествием Его, и приносить Ему чувства сердечного благодарения за неизреченные Его к нам благодеяния.

Почтенное ваше писание, с оказиею посланное, получено мною в исправности 18 числа Декабря. Внимая содержанию оного, нельзя не поскорбеть сердцем о неприятных событиях известной обители, происшедших в сведение миру, чрез их самих, и сим навлекших на все звание наше понос и уничижение. Козни вражии возмутили мирное пребывание удаливших себя от мира, а страсти их, еще непобежденные, довели их до таковогo бедственного положения. Но, однако же, все сие не без промысла и попущения Божия происходит, дабы некоторые, прошед чрез огнь скорбей, искуснии явились, а другие, научившись чрез пострадавших[1] искушение, будут осторожнее провождать жизнь свою; а самое наказание послужит тем, кои оное пострраждут, очищением. Глубина богатства премудрости и разума Божия и судеб Его для нас непостигаема! благоговеем, удивляемся Его безмерному милосердию, которое показывается как в долготерпении, так и в наказании. Предстательство же сильных к защите и во обвинении виновных или правых может делать только то, что предусмотрено и в премудрых планах Всевышнего попустить предопределено.

Собрат наш о. Петр Григоров, просивший Вас о содействии к напечатанию Жизнеописания Задонского Затворника Егора Алексеича, теперь находится в отсутствии. По приезду сообщу ему о вашем о сем старании, который не преминет принести вам своей благодарности.

Отец Алексей Бочков по получении мною письма вашего с первою почтою к вам писал, но я не успел сего скоро исполнить, в чем прошу меня простить.

На вопрос ваш в Молдавии и Валахии о перекрещивании лютеран и прочих протестантов могу только то сказать, что слыхал от жившего там довольное время покойного старца отца Феодора, что перекрещивают, а почему именно — о сем не могу вам изъявить, ибо не случалось иметь в подробности о сем с ним собеседования. А так как рассуждения, возникшие ныне о сем предмете, относятся к догматическим, и ежели есть недоумение, то нельзя ли употребить средств в изданной в сем году книжице Царских и Патриарших грамот, на 4-й странице показанных. Впрочем, должно отнести сие к главе Церкви Господу нашему Иисусу Христу и молить Его о сем, да сохранит Церковь Свою чисту во всей красоте Ее православного исповедания и внушит держащим кормило Ее пастырям оградить к безопасности твердым оплотом — изданием яснейших и достоверных соборных правил, да подаст нам произволение и силу к исполнению по ним и к достижению в меру духовного возраста исполнения Христова.

Поручая себя вашим Святым молитвам с истинным моим к Вам почтением и желанием здравия душевного и телесного, пребыть честь имею Вашего Высокопреподобия недостойный богомолец многогрешный *Иеросхимонах Леонид.*

Отцы и братия наши, коих вы приписали, изъявляют вам покорнейшую благодарность и нижайшее почтение с испрашиванием святых молитв и благословения.

Достопочтеннейшему о Господе отцу Михаилу приношу мою усердную благодарность за приятное его приписание. Желаю ему мира, здравия и спасения и прошу его помолиться о мне, дряхлом и утружденном болезнями старце. Многогрешный *Иеросхимонах Леонид.*

Также и братия наши свидетельствуют ему свое почтение.

Долгом считаю вашему Высокопреподобию и я, многогрешный Иеромонах Макарий, принести всепокорнейшую мою благодарность за приписание ваше ко мне. Свидетельствую вам мое нижайшее высокопочитание и испрашиваю ваших св. молитв, с земным поклонением.

И почтеннейшему отцу Михаилу свидетельствую мое усердное почтение.

1838 года Декабря 27 числа
Оптина Пустынь.

[1] Претерпевших.

№ 10

Молитвами святых отец наших,
Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.
Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит Игнатий

Зная ваше усердие и любовь к Достоблаженному Старцу нашему батюшке отцу Феодору и какой труд вы полагали в описании жития Его[1], обязанностию считаю представить вам напечатанных жизни и подвигов Его пять экземпляров. Во многом сделана перемена, а некоторые материи цензура не согласилась утвердить к напечатанию по правилам ее. Но мы хотя и тем довольны, что не останется совсем в забвении жизнь праведника, заслужившего, несомненно, от Бога вечную награду, и будет для нас, любящих и почитающих его, утешением воспоминать Его и Боголюбезные труды Его. А может быть, некоторые по силе своей и поревнуют Его трудам, терпению, смирению любви и сами удостоятся получить от Господа милость. Назад тому несколько дней книги оные отправлены с другими, вы изволите их получить от Евдокии Терентьевны Лесниковой.

За нужное считаю предложить вам на благоусмотрение сего 1839 г. в Июле и в Августе в «Христианском Чтении» напечатана статья об учреждении Иисуса Христа Церкви Своей на земли. Сочинение сие нахожу весьма полезным для многих.

Есть добрые христиане, но не знают сего, как должно почитать Церковь и ей, то есть пастырям и учителям ее, повиноваться. Не всяк получает «Христианское Чтение», но ежели бы сия же статья напечатана была особою книжицею, подобно как Царские и Патриаршие грамоты, то многие воспользовались бы чрез оную душевно. Ежели вам возможно предложить о сем кому следует, то не откажитесь исполнить сего на общую пользу.

Сего сентября 21 числа удостоила посетить нашу обитель проездом, и весьма на короткое время, Ее Сиятельство Графиня Анна Алексеевна Орлова, только под именем Графини Орловой-Денисовой. Однако ж в конце отъезда ее узнали о ее особе, но она поспешила отправиться. Приехала после ранней обедни, слушала молебен в Монастыре и в Ските, посетила и меня, под чужим, однако ж, именем.

Поручая себя вашим Святым молитвам с истинным моим к Вам почтением и желанием здравия душевного и телесного, пре-

быть честь имею Вашего Высокопреподобия недостойный богомолец многогрешный

Иеросхимонах Леонид
1839 года Сентября 30 числа
Оптина Пустынь.

Осмеливаюсь и я, многогрешный Иеромонах Макарий, принести вам мое нижайшее высокопочитание, со испрашиванием ваших святых молитв и при сем Ваше Высокопреподобие известить честь имею: сего Сентября 8 числа Преосвященнейший наш при посещении нашей обители в служении рукоположил известного вам иеродиакона Иосифа в Иеромонаха.

Простите Господа ради, я виноват много пред вами, давно к вашему Высокопреподобию не писал, сия вернейшая оказия понудила мою леность пожелать вам мира, здравия, спасения и во всех благих ваших предприятиях доброго успеха, честь имею пребыть с моим к вам высокопочитанием и препоручаю себя святым вашим молитвам, ваш покорнейший послушник многогрешный монах Иоанникий.

Графиню Анну Алексеевну я не видал, был в поздней обедни, а меня искали по кельям, а они были на короткое время, спешили ехать, экипаж у ворот стоял, а после мы узнали: в Козельске за лошадьми до вечера простояли.

[1] Первое жизнеописание схимонаха Феодора было составлено в 1829 г. Дмитрием Александровичем Брянчаниновым по благословению о. Леонида и по его рассказам (см.: ПСТ. Т. 4. С. 430). В дальнейшем это жизнеописание было доработано в соответствии с требованиями цензуры оптинским монахом Петром (о. Порфирием) Григоровым, который и хлопотал об его издании. Так, он писал Ф. А. Голубинскому 18 апреля 1839 г.: «Касательно жизни схимонаха Феодора — старец о. Леонид на все согласен, как угодно, так и напишите и чем хотите можете заменить, чем беспокоить Св. Синод, где и без того очень много дел, да и действительно трудно надеяться получить благословение; следовательно, гораздо лучше привести оное дело к окончанию в Комитете, чем премного обяжете» (РГБ ОР. Ф. 76. П. 8. № 17).

№ 11

Молитвами святых отец наших,
Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.
Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит Игнатий

На скудное послание мое получил я Ваше ответствование, от 16 октября пущенное, за которое всеусерднейше Вас

благодарю, равно и за намерение предложить о напечатании статьи, помещенной в «Христианском Чтении» в Июле и Августе месяцах, об учреждении Господа Иисуса Христа на земли Церкви. Честь имею поздравить вас с приближающимся днем вашего Ангела, да сподобит вас Господь многие годы праздновать сей праздник, провождая жизнь вашу ко славе Божией и к пользе ближних.

Отец Иоанникий с товарищем своим на сих днях отправляются в Ваши пределы, путь их на Тихвин, для поклонения чудотворной иконе Божией Матери. По приезде их к вам просим вас не оставить их вашим покровительством и отеческою любовию, коими они и в прошедший раз от вас пользовались.

При сокращении сих строк позвольте поручить себя вашим Св. молитвам и Христианской любви о Господе, с нижайшим моим почтением и всеусерднейшим желанием вам мира, здравия и Спасения. Пребыть честь имею Вашего Высокопреподобия усердный смолитвенник многогр<ешный>

И<еросхимонах> Л<еонид>.
1839 Года Декабря 9 числа
Оптина Пустынь.

Позвольте и мне принести Вашему Высокопреподобию всеусердное поздравление со днем вашего Ангела и всенижайшую благодарность за писание ваше. С удовольствием исполнил ваше поручение, Отца Иосифа поздравил от вашего имени с получением Иеромонатейного сана, а он просил меня представить вам его наичувствительнейшую благодарность и всенижайшее почтение.

С нижайшим моим к вам высокопочитанием, испрашивая святых ваших молитв, имею честь пребыть

Вашего Высокопреподобия нижайший послушник Многогр<ешный>

И<еромонах> Макарий.

Отца Антония у нас уже нет: 3 числа сего месяца произведен во Игумена в Малом Ярославце. Скит без него сиротствует: все провожали его с сожалительным чувством. Отец Иоанн и о. Иоанникий свидетельствуют вам свои нижайшие высокопочитания.

№ 12

Молитвами святых отец наших,
Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.
Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит Игнатий

С возвращением наших братий Отца Иоанникия и Отца Илариона имел удовольствие слышать от них о вашем здравии и ко мне убогому благорасположении; вменяя себе долгом принести вам мою всепокорнейшую благодарность, как за оное, так и за неоставление оных наших братий вашими отеческими милостями и успокоением в вашей Святой обители. Хотя и при слабых моих силах, но молю Премилосердого Господа, да продлит Он лета вашей жизни на пользу Богособранного вашего стада, и вообще для поддержания всего нашего звания, да укрепит вас на свещнице монашеской благочестивой жизни, светящей миру, а паче тем, кои находятся в невыгодном мнении о сем звании, да просветятся и оные светом истины.

Желаю всегда сохранить к вам чувство искренней любви, о чем и вас прося, равно и о неоставлении в ваших Св. молитвах, с нижайшим моим высокопочитанием пребыть честь имею ваш недостойный смолитвенник мн<огогрешный>

И<еросхимонах> Л<еонид>.

При сокращении сих строк, свидетельствую мое почтение почтеннейшему Отцу Михаилу.

1840 года Июля 27 дня
К<озельская> О<птина> П<устынь>.

№ 13

Молитвами святых отец наших,
Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.
Отец Архимандрит Игнатий!

В писании вашем к собрату нашему о. Иоанникию, от 2-го числа Генваря писанном, не забыли и моей худости вспомянуть. Благодарю вас за принятие участия в моем положении, о котором описывал вам о. Иоанникий; впрочем, заметно из письма вашего, что он не так вам выразил наши происшествия. Вы приняли так, что меня хотят куда-нибудь перевесть в отдаленное место, и говорите, что сего без Синода сделать нельзя. Но сего не было намерения, а говорено было, что в другой какой

Епархической монастырь могу быть переведен. Однако ж доселе ничего еще нет, и я хотя при слабости моего здоровья нахожусь, но в духе спокоен. Носящаяся пустая молва от охотников рассказывать пустые новости меня нимало не тревожит: они не ведят, что творят: Господи, не постави им греха сего.

Но вот еще новое обстоятельство подало повод к умножению сплетней и пустых, но весьма оскорбительных клевет. Белевского девичьего монастыря священник, молодой человек, имевший прежде ко мне некоторое духовное расположение, вздумал причислить меня к какой-то секте, и даже ереси, будто бы ученицы мои в том монастыре исповедаются у одной рясофорной монахини пред моим портретом; а народная молва приложила к сему весьма много нелепостей, что даже и описать трудно, и излишно. Взял же он таковое мнение от 2-х девчонок, находящихся в прелести, кои точно ходили, так как и прочие, к оной монахине для откровения помыслов и советов о своих недоумениях, по преданию отеческих книг. Но им двум сие послужило вместо исправления претыканием по действу вражию. Он вознеистовствовал за сие, что не могут укрыться его козни, отторг их, дабы удобнее на них действовать и нарушить других телесное и душевное спокойствие. Дошло сие до Тульского Владыки. Он вызвал к себе Игуменью, Священника и Монахиню. Потом на месте поручил двоекратно секретно исследовать, но ничего не оказалось противного вере, или похожего на Ересь. А за всем тем бедную монахиню выслали из монастыря, лишив последней собственности, кельи, от труда рук своих с потерянием здоровья приобретенной, не найдя другой вины, кроме той, что ходили к ней по самоволию и за неповиновение. Сделано же сие в угодность отца девицы, оклеветавшей монахиню, Господина Николая Ивановича Сомова, подстрекаемого священником. Но о неповиновении не исследовано. И не только от них не было неповиновения, но они-то первые служили примером послушания; а с нею и многие должны быть высланы послушницы. О участии моем якобы в сей мнимой Ереси дошла весть и до нашего Владыки, что, может быть, увеличило в воображении его ко мне недоверчивость. Что касается до меня, то, как и Вам довольно известна моя православная вера, и далекость от всякой секты и Ереси, пребываю в совести моей спокоен. Но невинно изгнанные страдают, многие не имеют пристанища и пропитания, нося на себе хульное, хотя и недоказанное порицание Ереси. Агафон и Святый муж

против всех укоризн не противоглаголал, а против названия еретика возразил.

Описав вам сии обстоятельства, прошу вашего совета, нужно ли что предпринять, дабы молчанием не утвердилась бы вящше оная ложная молва и клевета, многим для преткновения, и не торжествовала злоба. А между тем и не послужит ли что к защите невинности, носящей ложно хульное имя? Вам виднее и по опыту известнее, да и знаете образ мыслей высших властей, какое может произвести на них влияние сего рода дело, буде коснется до их сведения.

Ожидая вашего уведомления и поручая себя вашим Святым молитвам, с желанием вам обилия духовных благ и с нижайшим моим почтением остаюсь Вашего Высокопреподобия усерднейший Смолитвенник

Мн<огогрешный> И<еросхимонах> Л<еонид>.

Осмеливаюсь и я, нижайший Иеромонах Макарий, принести Вашему Высокопреподобию нижайшее мое почтение и покорнейшую благодарность за память вашу обо мне и испрашиваю ваших Святых молитв. Отец Иоанникий находится в отлучке на короткое время, почему и не пишет к вам, и он наиболее от ревности мне посоветовал вас не утруждать сим.

1841 Года Февраля 11 дня
К<озельская> В<веденская>
О<птина> П<устынь>.

(*Свт. Игнатий*: На сие письмо послан ответ на третий день.)

№ 14

Молитвами святых отец наших,
Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.
Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит

Сам Господь возвестил вам предстательствовать у Высокопреосвященнейшего Владыки Московского Митрополита Филарета о моей худости, и его милосердое сердце изобрело средство к поданию руки помощи в облегчении моих испытаний. По приказанию Его постараюсь сколько можно отклонить от себя стечение народа, которого, впрочем, теперь уже около пяти месяцев весьма мало принимаю, и то по благословению отца Игумена. А женского пола весьма остерегаюсь, покоряясь воле своего Архипастыря. По совету Вашему на сей же почте

послал я письмо Его Высокопреосвященству Московскому Митрополиту.

Я не в силах изъяснить и принесть Вам моей признательности и благодарности за Вашу любовь и усердие к моему убожеству и к защите невинно оклеветанных; Сам Господь воздаст Вам за сие, утешая вас сердечною радостию, а паче в день воспоминания славного Его воскресения, с коим вас усерднейше честь имею поздравить с желанием на многие лета праздновать сей праздник.

Поручая себя Вашим Святым молитвам, с нижайшим моим высокопочитанием пребыть честь имею Вашего Высокопреподобия желатель здравия и спасения и недостойный Богомолец

Мн<огогрешный> И<еросхимонах> Л<еонид>
22 марта 1841 года.

Ваше Высокопреподобие Достопочтеннейший Батюшка
Отец Архимандрит!

Воспоминание ваше имен наших в письме к Батюшке Отцу Леониду приемлем знаком ваших отеческих к нам милостей и приносим вам нижайшую нашу благодарность, осмеливаясь просить и впредь о продолжении оных, равно и о неоставлении нас в ваших святых молитвах.

Позвольте принести вам усерднейшее поздравление с великим торжественным праздником воскресения Господа нашего Иисуса Христа и пожелать вам сердечного утешения и обилия духовных благ, с нижайшим нашим высокопочитанием имеем честь пребыть Вашего Высокопреподобия нижайшие послушники и недостойные богомольцы

Мн<огогрешный> Иеромонах Макарий
Мн<огогрешный> монах Иоанникий.

№ 15

Письмо преподобного Леонида (Наголкина) к святителю Филарету, Митрополиту Московскому

Ваше Высокопреосвященство
Милостивейший Архипастырь, отец и покровитель!

Известясь я, ничтожный, от отца Архимандрита Игнатия о внимании Вашего Высокопреосвященства в моем положении и

принятии участия в защите и покровительстве меня от наносимых ложных клевет и порицания в Ереси и во первых воздав хвалу великодаровитому Господу Богу, возвестившему вам о моей худости, осмеливаюсь припасть к стопам Вашего Высокопреосвященства с приношением всенижайшей моей благодарности, чувство которой я обязан хранить в сердце моем, и за оказанные Вашим Высокопреосвященством милости и защиту покойному старцу моему схимонаху отцу Феодору незадолго пред кончиною его. Промысл Божий и мне, непотребному, в посланных пред концом дней моих испытаниях возвестил вам явить милость свою к облегчению оных. Я же, со своей стороны, при помощи Божией повинуюсь воле своего Архипастыря и впредь стараться должен ваши исполнять благоволительные приказания, всячески отклоняя от себя стечение народа, паче же женского пола.

Приемлю смелость принести Вашему Высокопреосвященству всеусерднейшее мое поздравление с Высокоторжественным праздником Воскресения Господа и Спаса нашего Иисуса Христа и паки припадаю к Архипастырским вашим стопам, лобызая Святительскую вашу десницу: испрашиваю святых молитв и благословения, с глубочайшим моим высокопочитанием имею щастие пребыть Вашего Высокопреосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца нижайший послушник Многогрешный

Иеросхимонах Леонид.

№ 16

Молитвами святых отец наших,
Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.
Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит

Попечение Ваше и ходатайство о моей худости увенчалось благим успехом, как вижу из письма Вашего, от 5-го апреля пущенного, что Высокопреосвященнейший Митрополит Филарет московский по получении моего письма паки подтвердил о своем Архипастырском мне покровительстве. Считаю себя обязанным принести вам мою всенижайшую благодарность, которой чувства остаются в сердце моем незабвенными.

Что ж касается до монахини, то весьма сожалительно ее положение, чрез неодобрение Преосвященным тульским ее поведения, якобы она обобрала оных девиц. Слава Богу, что хотя освободили ее от хульного и [нрзб.] имени ереси; однако ж и сие чувствительно,

что положено пятно на поведение ее в мнении Преосвященного и она не имеет места, где голову приклонить. Так внушено тульскому Преосвященному от священника Григория Иванова и отца девиц оных г. Сомова единственно по злобе и ненависти к ней, потому что не могли сделать доказательств о ереси, вздумали другим чернить. Но довольно известно, что не из чего было их обирать, когда они, т. е. Сомовы, получали от отца по 15 руб. асс. в месяц на все содержание. Другие же, которые к ней ходили для советов, большею частию имеют содержание от труда рук своих, то и видно, что есть явная клевета, и, к сожалению, не может поставить оправдание пред Владыкой: ибо остается без исследования. Она подала прошение Преосвященному, просила защитить ее от вознесенной на нее клеветы хульного имени ереси, упоминала и о оставшейся ее кельи, снисканной трудами рук своих и в долг вошедшей; на которую была ли какая резолюция — неизвестно. После вашего же письма еще подала прошение о принятии ее паки в монастырь, так как она в течение 11-ти лет занималась там послушанием и более клиросным, лишилась сил и здоровья и уже не надеется в другом монастыре, не имея сил, заслужить чем-либо. Что на это будет — также неизвестно. Но по ходу дел видно, что нельзя ожидать ей получения милости. Я за нужное счел представить вам о положении монахини, по крайней мере, вы будете иметь удостоверение в противном, как доведено до Владыки. Она сожаления достойна потому более, что весьма малодушествует в своем положении; Бог токмо силен укрепить ее немощь или прекратить жизнь ее, что, может, вероятнее.

Чувствую себя по преклонности лет моих ослабевающим в здоровье и приближающимся к западу дней жизни моей, что нередко напоминается нам отходящими от нас отцами и братиями нашими, и на сих днях живший здесь на покое известный вам о. Архимандрит Мельхиседек 15-го числа сего месяца преселился от здешней жизни.

Поручаю себя молитвам вашим, с истинным моим к вам почтением честь имею пребыть Вашего Высокопреподобия недостойный Смолитвенник многогрешный

Иеросхимонах Леонид

Апрель 1841.

Из писем преподобного Леонида

...Замечательно из письма твоего, что ты, испытывая Святое Писание и не могши постигнуть глубины оного, — колеблешься

в вере; в таком случае советую тебе: отринув всякое недоверие, веровать Святому Писанию и всему, что в Св. Евангелии и апостольских посланиях написано; а также читай писание Святых великих учителей церковных: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, Иоанна Дамаскина, Ефрема Сирина и прочих, а также и нынешних церковных учителей; и всему, что они написали,— верь; ибо всему этому научил их Дух Святый; веруй всем обещаниям и угрозам Божественным; веруй, что будет воскресение мертвых, суд и воздаяние по делам; то есть праведникам Царство Небесное и прочая благая, уготованная Богом... Касательно же Святого Писания — в нем разума духовного неисследованная бездна, и — человеческий ум постигнуть его никак не может, а наипаче помраченный страстьми и преданный суете мира, разве Сам Бог соблаговолит кому открыти. Открывает же Он не мудрецам века сего, но «младенцам», то есть смиренным духом и очищенным от страстей, каковы были Святые Апостолы и прочие святые и праведные, и пастыри церковные, благоугождающие Богу.

Касательно же нас: мы должны пленять разум свой в «послушание» Божие и верить, чему святая Церковь научает: как Божественным Догматам, так и Священным Обрядам Ея и нравственности; ибо глава Церкви есть Сам Христос, Он же и «Краеугольный Камень», на коем основана Церковь. И потому Святый Апостол пишет к Тимофею, что «Церковь есть столп и утверждение истины»; и, по слову Отцов Церкви, Церковь, как и Святое Писание, непогрешительна в своих постановлениях, в которой ни приложить, ни отнять по своему мудрованию власти не имеем. По сим причинам разуму своему отнюдь не должно доверять, а также и противников церковных, то есть раскольников, — слушать не должно; но удаляться от них, яко от душепагубных волков...

Письма святителя Игнатия к преподобному Макарию (Иванову)*

№ 17

Ваше Преподобие, возлюбленнейший о Господе
Отец Макарий!

Исполненное любви письмо Ваше от 13-го Декабря я имел удовольствие получить. Приношу покорнейшую мою благодарность

* РГБ ОР. Ф. 214. К. 378, 383, 384, 388.

за поздравление Ваше; равномерно и я поздравляю Вас с наступившими и наступающими праздниками. Мы было ожидали приезда о. Иоанникия по нуждам монастырским. Этот слух распространил здесь Диомид, находящийся ныне в С.-Петербурге и занимающийся проповедью не без чудес и не без успеха... Монах Глинский Пафнутий гостит в нашей обители в надежде помещения в братство Старо-Ладожской обители.

Прося Ваших Святых Молитв и свидетельствуя мое усердное поклонение всему единомудренному братству Вашему с обычною моею преданностию имею честь быть

Вашего Преподобия покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий
1841 Года Дек. 23-го дня.

№ 18

Достопочтеннейший отец Макарий!

Письмо Ваше об обстоятельствах матери Анфии — я получил.

Сердечно благодарю Вас за уведомление и радуюсь о том, что к ней умиротворились. Только в противном случае предлагал я ей перемещение в наши северные пределы; а если она успокоится в своем месте, то нам остается только утешаться и благодарить Бога, исполняющего во благих желание покойного Старца.

Прося Ваших Святых Молитв, и заочно земно кланяясь как Вам, так и всем Вашим единомысленным о Господе, остаюсь навсегда Вашего Преподобия покорнейшим ко услугам

Арх<имандрит> Игнатий
1842 Апр. 6-го дня.

О. Иосиф усерднейше Вам кланяется и просит Св. молитв.

№ 19

Христос Воскресе!

Возлюбленнейший о Господе отец Макарий
с прочею о Христе единомудренною братиею!

Усерднейше поздравляю Вас с протекшим праздником праздников и торжеством всех торжеств, равно и с наступившею Пятидесятницею. Письмо Ваше от 14-го Апреля я получил сего 28-го и на оное ответствую.

Рассматривая присланного мною к Вам Петра Романова, я нашел, что столь бойкий монастырь, какова Сергиева Пустыня,

для него вовсе нейдет, несмотря на неотступные его просьбы о принятии; почему рекомендовал ему Оптину Пустыню. По душевному его устроению, по некоторой слабости ума, мне показавшейся, за которою при самочинии может последовать решительное расстройство, ему необходим руководитель, почему и свидетельствовал я ему о вас. Не отриньте сию утлую ладью, могущую легко потонуть. Согласен я с Вами, что он скрытен; но скрытность сия, происходящая от бестолковой светскости, по причине коей какая-либо любовь к женщине почитается неприкосновенною тайною, которую надо унести с собою в гроб, — светская скрытность сия мало-помалу от чтения Отеческих книг, заповедующих откровенность, может исчезнуть. Весьма успокоеваюсь сердцем в Вашей духовной относительно Петра политике, по коей оставляете на его произвол избрание в место жительства Оптину Пустынь и уклоняете от себя избрание сие. Сим познается воля Божия и предупредятся искушения, могущие удобно возникнуть от людей денежных, кои не всегда, или паче редко, могут смириться. Точно — предвидится, что на него брань будет восходить не от Египта, а от Дамаска!

Весьма радуюсь об окончании дела матери Анфии и благодарю ее чрез Вас за память о мне, прося ее святых молитв. Отцу игумену Моисею прошу сказать мой усерднейший поклон и поздравление с праздником, а остальное, Бог даст, доскажет ему Пр<еосвященный> Филарет Киевский[1], намеревающийся быть в Оптиной Пустыни при проезде своем в Киев, куда думает выехать 6-го маия. Недавно некоторый монашествующий в здешних северных монастырях был в сильной скорби; находясь в сем положении, приходит в некоторое исступление за утренею и видит Преподобного той обители, который говорит ему: Что скорбишь? Разве не знаешь, что монахам последнего времени определено спасаться скорбями! Читая письма Георгия Затворника, мне пришло крайнее желание узнать, что говорит он о нашем времени и о кончине века; конечно, таковые письма есть. Потрудитесь, если можно, препроводить ко мне, взяв у о. Петра, чем меня много обяжете. В наших северных краях разным благочестивым людям бывают разительные сонные видения страшного второго Христова пришествия, отчего и заключаем, что кончина есть при дверях. А мир созревает к отступлению, предсказанному Св. Апостолом Павлом. Как таковые размышления во всех отношениях крайне полезны, возбуждая к страху Божию и к презрению всего тленного, потому и про-

шу Вас о письмах Затворника Георгия, сего мужа, исполненного Духа Божия.

Поручая себя отеческой любви Вашей и святым молитвам, о чем прося и всю святую братию, с сердечным почтением и преданностию имею честь быть Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.

О. Иосаф свидетельствует Вам усерднейшее почтение с поклонением, равно и всей единомудренной братии.

28-го Апр. 1842 года.

[1] *Преосвященный Филарет* — Митрополит Киевский и Галицкий (в миру Федор Георгиевич Амфитеатров, 1779–1857). В бытность свою епископом Калужским и Боровским (с 1819 г.) основал скит во имя Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна в Оптиной Пустыни; о нем см.: Т. 1. С. 31–33.

№ 20

Ваше Преподобие, Достопочтенный отец Макарий!

Простите, что обеспокоил я Вас Петром Романовым! И здесь заметил я слабость ума его и некоторое повреждение оного, подобно как и у известного Вам о. Алексея Бочкова. Я надеялся, что пустынное место, благорастворенный климат, благоустроенная обитель, душеполезные советы произведут и на тело, и на ум, и на сердце его душеспасительное действие. Впрочем, никаких неприятных последствий для обители ожидать нельзя. Он, вероятно, будет бродить во след мечтаний своих, кои приведут его наконец в дом умалишенных.

Прося Ваших Святых молитв, с искреннейшею моею преданностию

имею честь быть навсегда

Вашего Преподобия недостойный собрат

Арх<имандрит> Игнатий

14 мая 1842 года.

О. Игумену и всем знакомым мне братьям и Отцам свидетельствую мое усерднейшее поклонение.

Дело о послушнике Василии еще не прибыло сюда. Сегодня получил о сем уведомление.

№ 21

Преподобнейший и Возлюбленнейший о Господе
Отец Макарий!

Наконец, за молитвы общего нашего Старца, покойного Отца Леонида и Ваши, милосердный Господь сподобил при всех моих немощах окончить преложением на Российский язык книги Святыя Лествицы, к особенной моей радости и утешению. По сей причине имею честь при сем препроводить к Вам Словенскую рукописную книгу с принесением чувствительнейшей благодарности за одолжение оной и с прошением прощения в долговременном задержании оной. Поелику же в настоящее время на Российском языке имеется начисто переписанным только один экземпляр, то я и останавливаюсь присылкою к Вам перевода; когда же будут иметься несколько экземпляров, тогда, аще Господь восхощет и жив буду, постараюсь Вам прислать экземпляр для переписки. Книжки Пр<еподобно>го Нила Сорского хотя и имеется несколько экземпляров, но в недавнем времени получил я то, что отыскивал и желал получить весьма давно: это жизнеописание Пр-го Нила, его завещания и послания. Сих последних три, довольно обширные и предушеполезные. Желаю присовокупить их к словам, а заодно и так называемое Надсловие ученика его Иннокентия с завещанием сего последнего. Сие, думаю, не потребует много времени. Таким образом, конечно, Вы можете получить в одно время и Лествицу, и творения Пр<еподобно>го Нила Сорского на Русском.

О себе что сказать вам? Живу, подвергаясь немощам душевным и телесным, жду того времени, когда Господь благоволит Духом Владычним утвердить меня. Благословенная Оптина Пустыня не выходит из моей памяти. Приглянулась она мне и Скит с его вдохновенною тишиною. Шум сосен, когда ветер начнет ходить по их вершинам, для меня приятнее, чем шум разъяренных волн, препирающихся с вихрями.

Известные Вам братия наши здравствуют и мирствуют. Прошу Вас засвидетельствовать Вашему Отцу Игумену мое усерднейшее почтение, также почтеннейшим отцам: Отцу Иоанну, иеросхимонаху о. Иоанникию, о. Макарию Грузинову и прочим знающим и помнящим меня.

Затем прошу Ваших Святейших молитв и, земно кланяясь, имею честь быть навсегда

Вашего Преподобия
преданнейшим послушником

многогрешный Арх<имандрит> Игнатий
1843 года Августа 20-го дня.

При сем книга Св. Иоанна Лествичника.

О. Иосиф и о. Михаил свидетельствуют Вам усерднейшее почтение, равно как и о. Иоанникию и прочим знакомым.

Еще смею Вас утруждать — почему замолкло второе издание писем Затворника, а если оное есть, то желаю быть из числа покупщиков и потому прошу Вас отписать мне, куда адресоваться с требованием.

№ 22

Ваше Преподобие, Возлюбленнейший о Господе
О. Макарий!

Приятнейшее письмо Ваше от 15-го Декабря я получил. Приношу Вам искреннейшую благодарность за памятствование меня, грешного, равно и за благие Ваши мне желания.

И я усерднейше поздравляю Вас с наступившим праздником, желаю Вам многих лет в совершенном благополучии. Благодарю Вас за назначение для меня ста экземпляров вновь издаваемой Вами книжки. Она по нынешнему времени может быть особенно полезна. Из жизни Старца Паисия видно, что в нынешние времена, по крайнему оскудению Старцев, должно с особенною тщательностию исследовать Отеческие деятельные писания и ими руководствоваться за неимением духоносных Старцев, что уже и Преподобный Нил Сорский советует. Сие самое находим и в предисловиях о молитве старца Василия; кроме сего, весьма хорошо он разделяет умную молитву на естественную и благодатную. Естественную всякий проходить может, лишь бы не принимал душевные действия за благодатные; а вторую Бог дарует достигшему умерщвления. А у нас ныне господствует повсеместно вторый образ, лишающий видения внутренней брани; третий же образ[1] совсем заброшен из опасения прелести, о чем старец Василий говорит весьма основательно. Напечатанное в третьей части писем Затворника Георгия предисловие на книгу Пр<еподобного> Григория Синаита приносит многим значительную пользу; тем обильнее будет сия польза при издании всех предисловий. За сие Вам — мзда от Господа и благодарность от всех благомыслящих!

Поручая себя Вашим Святым молитвам и отеческому благорасположению, с чувством искреннейшего почтения и преданности имею честь быть Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий
1845 года Декабря 26 дня
Сергиева Пустынь.

О. Иоанникию, о. Иоанну и прочим меня знающим и помнящим свидетельствую мое глубочайшее почтение и прошу их св. молитв.

О. Михаил и прочие Вам известные Вам свидетельствуют свое почитание с поклонением и испрошением св. молитв.

[1] См.: *Прп. Симеон Новый Богослов.* Слово о трех образах молитвы // Добротолюбие. Т. 5. СПб., 1877.

№ 23

Ваше Преподобие!
Достопочтеннейший и возлюбленнейший о Господе
отец Макарий!

Простите, что так скоро снова беспокою Вас письмом моим; но вот сему причина: когда отправил я к Вам прошедшее письмо мое, то вскоре после онаго получил из Нямецкого монастыря копию с собственноручного о умной молитве письма старца Паисия, которое хранится в тамошней библиотеке. (Нямецкий Отец Архимандрит столько ко мне милостив, что приказал собрать все всевозможные рукописи, из коих многие писаны рукою Старца Паисия, имеющиеся в Нямце, Секуле и ските Ворона для доставления недостойному и присноунывающему Игнатию; и доколе сие собирание совершается, прислана мне по особенной ревности скорее чем-либо утешить мою грешную душу означенная копия.) Поелику же Вы в настоящее время издаете житие Старца Паисия, то не благоугодно ли Вам будет присовокупить к прочему и письмо сие, которое особенной важности. В таком случае благоволите меня уведомить, и я с любовию доставлю Вам полученную мною копию.

Прося Ваших Святых Молитв, с чувством искреннейшей преданности и почтения имею честь быть Вашего Преподобия покорнейшим послушником.

Арх<имандрит> Игнатий
1846 года Генваря 11 дня.

№ 24

Ваше Преподобие! Достопочтеннейший отец Макарий!

Приятнейшее письмо Ваше имел честь получить. Очень рад, что Вы располагаетесь припечатать, если позволят, присланное ко мне из Нямца письмо старца Паисия о умной молитве. Посему посылаю Вам с сего письма точную копию за моим подписанием. При сем благоволите уведомить: от кого зависит таковое дозволение? — Я бы со своей стороны мог походатайствовать и у Высокопреосвященнейшего Филарета Московского, и у светских властей по Министерству народного просвещения.

В настоящее время гостит у меня Отец Исаия[1], монах, а ныне и Строитель Никифоровской Пустыни, которая на днях отделена от Свирского монастыря и образован из нее скит. Он, возвращаясь из Афонской Горы, был в Площанской Пустыни, гостил там три дня, был принят Вами и покойным старцем Афанасием; он просил меня засвидетельствовать Вам от него поклонение с прошением Святых Молитв.

За тем, поручая себя Вашей братской и отеческой любви, с чувством искреннейшего почтения и преданности имею честь быть

Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий
1846-го года. Февраля 12-го дня
Сергиева Пустыня.

(*О. Макарий*: Отвечал 26 февраля и еще писал 12 марта, дабы попросить приехать.)

[1] О нем см.: Т. 1. С. 506–508.

№ 25

Ваше Преподобие, Достопочтеннейший Старец,
отец Макарий!

Принося Вам усерднейшее поздравление с наступающим великим Праздником Воскресения Христова, имею честь уведомить Вас, что я писал к известному Вам лицу относительно напечатания душеполезной книги, Вами издаваемой. Что же касается до цензора, то я с ним незнаком; притом полагаю, что ходатайства пред ним достаточно от Вас и от тех Ваших знакомых, коих Вы упоминаете в письме Вашем и кои заботятся

о напечатании книги. Если получу какой ответ, то не премину сообщить оный Вам.

Прошу сказать мой усердный поклон и поздравление с праздником отцу Иоаннникию и прочим отцам святым и братиям.

Прося Ваших Св. молитв, с чувством искреннейшей преданности и почтения имею честь быть Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий
1846-го года Апреля 5 дня
Сергиева Пустыня.

№ 26

Ваше Преподобие,

Возлюбленнейший о Господе Старец, отец Макарий!

Письмо Ваше имел честь получить и сердечно возрадовался, что общее усердное желание наше увенчалось по милости Божией благополучным успехом. Книжка, издаваемая Вами, может принести особеннейшую пользу. Весьма хорошо делаете, что употребляете довольно крупные буквы; при прежде употребляемых мелких весьма трудно было для слабых глаз читать житие Паисия. Около сего времени я получил из Нямецкой обители несколько рукописей, между прочим книгу Св. Григория Синаита, которая гораздо полнее напечатанной в Добротолюбии и с житием Преподобного; написана книга сия рукою Схииеромонаха Николая, жившего с о. Феодоритом в скиту Поляна Ворона.

Нямецкие старцы пишут, что у них прежде было много рукописей, но большая часть из них погорела при случавшихся в монастыре пожарах. Таким образом много из трудов Старца Паисия погибло.

Затем прося Ваших Св. молитв с чувством искреннейшей преданности и почтения, имею честь быть

Вашего Преподобия покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий
1846 года Июля 11 дня.

П. С. Всепокорнейше прошу Вас сказать от меня усерднейший мой поклон отцу Иоанникию и прочим отцам и братиям.

№ 27

Ваше Преподобие, Достопочтеннейший отец Макарий!

Считаю долгом своим известить Вас, что ризничий обители нашей, а постриженец Вашей, отец Иероним скончался сего 1-го Августа в 3 часа пополудни, поболев 9 дней. Он простудился; от сего сделалось воспаление, при коем бывшая уже у него чахотка приняла быстрое развитие. Пред кончиною своею отец Иероним был особорован, последние три дня ежедневно приобщался Св. Христовых Таин и пред кончиною за несколько часов принял Св. Схиму. Прошу поминать в Ваших Св. молитвах Иеросхимонаха Иеронима и простить его, в чем он виноват пред Вами. Прошу о том же, то есть о поминовении и прощении усопшего, отца Игумена и прочих отцов Святых и братьев Пустыни и Скита Оптинских.

Полагаю нелишним, если Вы потрудитеся написать письмо к Высокопреосвященному Филарету Московскому и поблагодарите его за содействие, оказанное им в напечатании душеполезнейшей монашеской книжки Житие и письма Старца Паисия.

Прося Ваших Св. молитв, с чувством искреннейшего почтения и преданности имею честь быть

Вашего Преподобия покорнейшим слугой

Архимандрит Игнатий
1846 года Августа 1 дня.

№ 28

Ваше Преподобие, Достопочтеннейший отец Макарий!

Письмо Ваше от 13-го Августа я имел честь получить. То, что упоминаемая Особа много содействовала к напечатанию книжки, Вами издаваемой, не подлежит никакому сомнению, в том могу Вас заверить. То, что Вы располагаетесь послать письмо при экземпляре книжки, когда оные выйдут из печати, нахожу весьма основательным. Прошу не забыть и меня, грешного! Я просил Вас отделить для меня 100 экземпляров. На днях отправляюсь на Валаам и по прочим монастырям; путешествие мое продолжиться должно до Октября месяца.

Прошу Ваших Святых молитв на подкрепление моих немощей душевных и телесных.

Вашего Преподобия
покорнейший слуга

Архимандрит Игнатий
1846 года Августа 23 дня.

№ 29

Ваше Преподобие, Достопочтеннейший отец Макарий!

Искреннейше благодарю Вас за любовь Вашу ко мне, недостойному. Водимые оною, Вы прислали мне две книжки жития старца Паисия; спаси Вас Господи за издание столь душеполезной книжки, особенно приличествующей к нынешним временам. Поелику же я слышал от о. Антония Бочкова, что готовится оной второе издание, то благоволите из сего издания, аще жив буду и в настоящих обстоятельствах, уделить мне 100 экземпляров, за кои следующие деньги с величайшей благодарностию не премину внести. Книгу Св. Иоанна Лествичника также получил в исправности; дай Бог, чтоб она доставляла Вам и Вашим приятное чтение. Прошу Ваших Св. молитв на подкрепление меня, грешного и немощного. С искреннейшим почтением и преданностью имею честь быть

Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Арх<имандрит> Игнатий.

О. Иоанникию и прочим Отцам и братиям свидетельствую мой усерднейший поклон. Равно и здешние Вам знаемые приносят Вам усерднейшее поклонение.

26 окт. 1846 года.

№ 30

Ваше Преподобие, Достопочтеннейший отец Макарий!

Приношу Вам сердечнейшую благодарность за памятование Ваше о мне, недостойном, и за поздравление с днем моего Ангела. Примите от меня усерднейшее поздравление с наступающим Праздником Рождества Христова и с новым 1847-м летом.

Милосердый Господь да прольет на Вас обильно Свои щедроты.

Потрудитесь поздравить от меня Отца Игумена, о. Иоанна и прочих Отцев и братий, знающих и помнящих меня.

Относительно книг потрудитесь, чтоб они были переданы Угрешскому Отцу Игумену Иларию[1], а он возьмет на себя труд переслать ко мне. Только по изменившимся моим обстоятельствам вместо 100 экземпляров мне можно взять только 50. Изменение моих обстоятельств состоит в том, что едва ли я не должен оставить Сергиевой Пустыни. Если же сие не состоится, то, вероятно, будут еще желающие на получение издаваемой Вами

книги. О. Игумену Иларию я пишу вместе с сим, чтоб он принял упоминаемый труд на себя.

В настоящее время Потемкина[2] берет для Свято-Горского монастыря и для себя 10 экземпляров, в нашей обители разойдется экземпляров 30, да на сторону 10, а о благочинии, на которое я полагал, теперь ничего сказать не могу.

Просящий Ваших Святых Молитв
недостойный

Архимандрит Игнатий
1 Генваря 1847 года.

P. S. Благоволите уведомить, сколько я должен выслать денег и куда? Также Вы ли напишете, когда придет время, о. Иларию или потрудитесь написать мне, а я его уведомлю. Поступите, как заблагорассудите.

[1] О нем см.: Т. 1. С. 312–319.
[2] *Потемкина Татьяна Борисовна* (1797–1869) — духовная дочь святителя Игнатия, известная своим благочестием и широкой благотворительностью; см. также: Т. 3. С. 463–469.

№ 31

Ваше Преподобие! Возлюбленнейший Старец
Отец Макарий!

Приношу Вам усерднейшую благодарность за поздравление с великим Праздником Праздников, Воскресением Христовым; поздравляя Вас равным образом, приветствую приятнейшим приветствием: Воистину Воскресе Христос!

И паки — благодарю Вас за присланную книжицу в прекрасном переплете, которую я получил в исправности. Да спасет Вас Бог за любовь Вашу!

О себе уведомляю, что сию зиму — всю пролежал и теперь весьма хвор. — Прося Ваших Святых Молитв, с чувством искреннейшего почтения и преданности о Господе имею честь быть

Вашего Преподобия покорнейшим слугою

Арх<имандрит> Игнатий
1847 26 марта.

№ 32

Ваше Преподобие, Достопочтеннейший отец Макарий!

Приношу Вам сердечную благодарность за памятование Ваше о мне, недостойном, за любовь Вашу ко мне, которые Вы ока-

зали мне, отыскав меня письмом Вашим в уединении моем. Усерднейше поздравляю Вас с наступившим Праздником и Новым Годом; желаю Вам предстоящее годичное поприще провести в вожделенном здравии и благополучии. На пути моем из Петербурга в Кострому чрез Москву, хотя я имел крайнее желание посетить святую обитель Вашу и утешиться зрением Вас и беседою с Вами и со всеми знакомыми мне отцами и братьями, но этого сделать никак не было возможно: потому что мне надо было поторопиться благовременно приехать в Бабаевскую обитель, чтоб доставить моему помещению благовременно все нужные удобства и начать лечение сколько-нибудь при теплой погоде. И то я прибыл сюда 10-го Августа, а лечение мог только начать с 1-х чисел Сентября. Если же бы я проехал до Оптиной Пустыни, то эта поездка отняла бы не менее трех недель. Пришлось бы погостить у Пр<еподобного> Николая в Малом Ярославце, в Тихоновой, а у Вас и неделей не отделался бы. По милости Божией, после весьма трудного лечения, от которого я лежал в онемении и забывчивости, чувствую, что простуда, которою сковано было все тело мое, выходит из меня и окостеневшие члены мои снова получают мягкость и гибкость. Но, признаться, очень бы не хотелось возвращаться в С. Петербург! Срок моего паспорта окончился 4-го Генваря, на первый случай я послал прошение об отсрочке по 1-е Июня. А там что Бог даст! Здешнее местечко мне очень нравится. Очень милое, приятное и уединенное: почти никто не бывает. Сухость грунта необыкновенная! Воздух и воды прекраснейшие. Братии живет до 70 человек, из которых только 20 употребляют вино. Строенье все каменное — очень хорошее. Рыбка всегда живая есть. Летом ловится в значительном количестве стерлядь; при мне в одну тоню попало около 150 штук. Очень порядочную стерлядку можно иметь за двугривенный. Теперь ловятся во множестве налимы, и прекрупные, также щука значительнейшей величины. Хлеб свой и сборный; годичная пропорция всегда лежит в запасе. Между братией есть весьма усердно ищущие спасения и великие подвижники; к подвигу же руку подает необыкновенно здоровое место. Крайне в Питер не хочется! Впрочем, не моя воля, а Божия да будет! Да устроит о мне Господь угодное Ему, а мне полезное.

Примите на себя труд передать мой усерднейший поклон, поздравление с Праздником и Новым Годом, желание всех благ о. Игумену, также и о. Иоанну.

Обеспокоило меня, что Вы ничего не упоминаете об о. Иоанникии. Жив ли он? И, если жив, каково поживает! Прямодушный и благонамеренный человек!

Прося Ваших Святых молитв, с чувством искреннейшего почитания и преданности имею честь быть Ваш покорнейший слуга

Арх<имандрит> Игнатий
4 Генв. 1848.

Адрес мой: в Ярославль.

№ 33

Ваше Преподобие, Достопочтеннейший отец Макарий!

Приношу Вам чувствительнейшую мою благодарность за воспоминание о мне и за присланные два сочинения в трех книжках. Описание Оптиной Пустыни сделано с удовлетворительною подробностию и основательностию. Потрудитесь передать мой усердный поклон и благодарность Старцу Иоанну за его труд, присланный мне, труд полезный и удобоприступный для простых читателей.

Мое расстроенное здоровье поправляется в здешнем тихом пристанище, при помощи благораствореннейшего воздуха и превосходнейших ключевых вод. К 1-му Июня должен опять возвратиться в суровый климат Сергиевой Пустыни, на тяжелые и грязные воды.

Потрудитесь передать мой усерднейший поклон о. Игумену Моисею, о. Иоанникию и прочим знающим и помнящим меня.

Поручающий себя Вашей отеческой любви и испрашивающий Ваших Святых молитв,

недостойный Архимандрит Игнатий
21 февр. 1848.

№ 34

Ваше Преподобие, Достопочтеннейший
и многолюбезнейший Старец, Отец Макарий!

Приношу Вам искреннейшую признательность за милостивое воспоминание Ваше о мне и за присланную душеназидательную книжицу, за издание которой все монашество русское обязано Вам благодарностию. Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим Новым Годом, который желаю Вам препроводить согласно благому желанию и избранию сердца Вашего во славу Господа и для пользы ближних.

Относительно полученного Вами ушиба я слышал, и понял, что это случай — попущение Божие к Вашему усовершенствованию. Я веровал, что милосердый Господь дарует Вам перенести искушение с подобающим иноку терпением и благодарением. Относительно здоровья моего извещаю отеческую любовь Вашу, что весною мне сделалось гораздо легче, и я совершил обратный путь в Петербург, сверх чаяния моего, с легкостию. Эту легкость чувствовал по прибытии моем в Сергиеву Пустыню в течение одной недели, после чего внезапно ослабел. Болезнь пошла у меня многою сыпью и испариною; большую часть времени проводил в постели, лежа на ней в совершенном расслаблении. К концу ноября снова я начал чувствовать облегчение; в течение Декабря обильная испарина начала постепенно уменьшаться, и в настоящее время я чувствую значительное укрепление в силах, по каковой причине мог быть у нового нашего Митрополита[1], а на Праздниках у Государя Императора и прочих членов Высочайшей фамилии. Однако ж чувствую, что болезнь не совсем еще из меня вышла, и для того продолжаю принимать соленые ванны. Болезнь моя состоит в закоренелой старинной простуде: я захватил ее еще в детстве, и ни один врач не догадался о существовании ее во мне до тех пор, как по особенному Промыслу Божию открылось, что она причиною всех моих болезненных припадков. Бабаевский монастырь очень уединен и хорош; но Оптина Пустыня нравится мне больше. Новый Митрополит наш известен Калужской Епархии[2] по прекрасным качествам души своей: истинно нужно было для здешней Епархии утешение, и милосердый Господь даровал его по многих скорбях. Относительно книги Никифора Астраханского — я не знаю ея. По получению от Вас экземпляра предложу братии: наши любят хорошие книги. Второе издание посланий и жития Паисия уже у многих есть, как поступившее в продажу в С. Петербургских книжных лавках.

Примите на себя труд засвидетельствовать мое высокопочитание Старцу отцу Моисею, отцу Иоанникию, о. Иоанну Схимонаху и прочим знающим меня Отцам и братиям. Испрашивая Ваших Святых молитв, с истинною о Господе преданностию имею честь быть навсегда

Вашим покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий
1849 января 7-го дня.

[1] Высокопреосвященный Никанор (в миру Николай Степанович Клементьевский, 1787–1856) в 1848 г. возведен в сан Митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского.

[2] Митрополит Никанор в 1831–1834 годах был епископом Калужским и Боровским.

№ 35

Ваше Преподобие, Достопочтеннейший Старец,
Отец Макарий!

Примите мою усерднейшую благодарность за милостивое воспоминание Ваше о мне и взаимное поздравление с наступившим Праздником и наступающим Новым Годом, который желаю препроводить Вам в вожделенном здравии и благоденствии. Извините, что давно не писал к Вам: тому причина — умножившиеся до крайности немощи мои душевные и телесные. Книгу Св. Симеона Нового Богослова я получил; приношу Вам за оную искреннейшую мою благодарность. А когда выйдет из печати книга Симеона Нового Богослова окончательно, равно и Феодора Студита, то потрудитесь уведомить: ибо многия братия жаждут чтения сих книг, и мы надеемся, аще Господь восхощет, выписать значительное число экземпляров этих книг. Письмецо на следующем листе потрудитесь передать Старцу о. Леониду[1].

Испрашивая Ваших Святых молитв и поручая себя Вашей отеческой любви, имею честь быть

Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий
29-го декабря 1852 года.

[1] Отец Иоанникий 31 марта 1851 г. был пострижен в схиму с именем Леонид — см. примеч. к письму № 99.

№ 36

Ваше Преподобие, Достопочтеннейший Старец,
Отец Макарий!

Приношу Вам сердечную благодарность за последнее письмо Ваше и извещение о напечатании книги Святого Симеона Нового Богослова. Ныне братия значительно поиздержались на покупку книг душеполезных, изданных в С. Петербурге и Москве; а когда сумма братская понакопится, чего надо ожидать в марте месяце, то мы надеемся выписать и довольное количество вновь изданной книги.

Между тем поручаю себя Вашим Святым молитвам, а о. Леониду прошу засвидетельствовать мой усерднейший поклон. О. Иеродиакон Ефимий перешел от нас на сих днях в Казанский Архиерейский дом.

Вашего Преподобия покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий
1853 года, января 25-го дня.

№ 37

Ваше Преподобие, Достопочтеннейший Старец,
Отец Макарий!

Поздравляя Вас с наступающею Святою Четыредесятницею, приношу Вам искреннейшую благодарность за книги Святого Симеона Нового Богослова. Бог даровал в наше время напечатать сии книги, так как и Великого Варсонофия, и [нрзб.] неизвестно, будут ли дозволять впоследствии перепечатывание их. В таком случае настоящее издание будет особенно ценно, наипаче же для монахов: ибо перевод Старца Паисия никак не может быть сравним с новейшими переводами. Благословенны Вы и обитель Ваша, избранные Промыслом Божиим в орудие толикого душевного назидания.

Потрудитесь передать мой усерднейший поклон о. Игумену Антонию: пора бы и мне, очень постаревшему и изнемогшему в здешнем северном климате, присоединиться к Вашему Священнолепному собранию и положить хотя некоторое начало покаянию. От Бога вся возможно. Отец Варфоломей, Югский Игумен[1], назначенный Святейшим Синодом в Соловецкий монастырь, приезжал сюда в Петербург просить Св. Синод о оставлении его по-прежнему настоятелем Югской Пустыни и, получив желаемое, на мясопустной неделе отправился восвояси.

Покорнейше прося Вас передать мой усерднейший поклон о. Игумену Моисею, равным образом старцу о. Леониду, поручаю себя и обитель Вашим Святым Молитвам и Отеческой любви и имею честь быть Вашего Преподобия покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий
февр. 1853 года.

(*О. Макарий:* Получено 26 февраля.)

[1] *Отец Варфоломей* — о нем см.: Т. 1. С. 346–348.

№ 38

Ваше Преподобие, Достопочтеннейший Старец,
Отец Макарий!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне, грешном, и поздравление с великим Праздником Праздников, Воскресением Христовым, с которым и я Вас равномерно поздравляю, желая Вам и всей Вашей о Господе братии здравия и спасения.

Приношу Вам сердечную благодарность за экземпляр вновь изданной книги преподобного Феодора Студита. Сообразно тому, как Вы изволите писать, Высокопреосвященный Митрополит Московский Филарет благоволил написать мне, что он желает напечатания книги преподобного Исаака Сирского. Все монашество Российское обязано благодарностию этому Архипастырю за издание Отеческих книг Оптиною Пустынею. Другой на месте его никак бы не решился дать дозволение на такое издание, которое едва ли уже повторится. В свое время книги, изданные Вашею обителию, будут весьма дороги и редки. Я совершенно согласен с Вами, что для монашества, которое жительствует по книгам святых Отцов, необходим точный перевод с подлинников посредством лица, вполне знающего монашескую жизнь. Таковым лицем, без сомнения, был старец Паисий. Русские же переводы не имеют этого достоинства.

Заключу сии строки покорнейшею моею просьбою к Вам о разрешении Наталии Петровне[1] выслать к нам по 12-ти экземпляров Феодора Студита и Симеона Нового Богослова, всего 24 экз<емпляров>, с означением цены за них. Препровождаемую при сем записочку и деньги потрудитесь передать старцу схимонаху Леониду.

Поручая себя Вашей отеческой любви и испрашивая Ваших Святых молитв, с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий
1853-го года 30 апреля.

[1] *Наталия Петровна Киреевская* (1809–1900), жена Ивана Васильевича Киреевского, совместно с которым участвовала в изданиях Оптиной Пустыни.

№ 39

Ваше Преподобие, Многоуважаемый
и многолюбезнейший Старец, Отец Макарий!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за почтеннейшее письмо Ваше и за присылку 12 экземпляров оглашений Студита и 12 экз<емпляров> слов Нового Богослова. Если будут напечатаны сочинения Григория Паламы и Максима Исповедника, то благоволите снабдить и оными. Рекомендую Вам сего письмоподателя Николая Николаевича Голохвастова. Он служит полковником в Артиллерии, которая стоит в трех верстах от обители нашей, и во время служения своего он весьма часто посещал храм Божий, удалялся от увеселений и от самого общества с товарищами своими, вина же вовсе не употребляет. При таком жительстве начала являться в нем постепенно мысль о вступлении в монастырь, о чем внушилось ему посоветоваться со мною. Я дал ему совет посетить Оптину Пустыню, познакомиться с Отцом Игуменом и с Вами. Ему очень понравился Валаамский Монастырь; но я очень понимаю, что он пленился одною наружностию и что это очарование, если бы он там поместился, должно не только миноваться, но даже превратиться в смущение, ибо тамошнее окормление, сколько могу понимать, не может быть для него удовлетворительным. Если Богу будет угодно и он останется в святой обители Вашей, то он, имея значительное состояние, не будет для нее в тягость и по материальному отношению.

Прося Ваших Святых молитв, с чувством глубочайшего почтения и преданности имею честь быть Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий
1853-го года 8-го июня.

№ 40

Ваше Преподобие, Достопочтеннейший Старец,
Отец Макарий!

Приношу Вам искреннейшую мою признательность за отеческое воспоминание Ваше о мне в день Священномученика Игнатия Богоносца. Равным образом примите мое искреннейшее поздравление с наступившими Праздниками и наступающим Новым Годом, который желаю Вам препроводить в вожделенном здравии и благополучии. Очень благодарен Вам, дражайший Ста-

рец, за присланную Вами Святую книжицу Максима Исповедника; вероятно, она будет и в здешних книжных лавках по примеру прочих книг, издаваемых Оптиною Пустынею, почему братия Сергиевой Пустыни, которые пожелают приобрести ее для себя, могут купить ее здесь. По этой причине и не беспокою Вас просьбою о высылке мне оной в нескольких экземплярах.

Вечная память о. Схимонаху Леониду! Я его искренно любил как человека, особенно прямодушного. Известный Вам Николай Николаевич Голохвастов решается окончательно поступить в Святую Обитель Вашу и просит меня походатайствовать пред Вами, чтоб Вы приняли его в духовное общение Ваше.

Исполняя его желание, я считаю долгом моим засвидетельствовать пред Вами, что Ник<ола>й Н<иколаеви>ч нрава самого кроткого, поведения самого воздержанного. Он жил несколько лет близ нашего монастыря, командуя батареею Артиллерии в чине полковника, имеет хорошее состояние. Оптина Пустыня ему очень понравилась, и он весьма расположился к Вам. Утешительно видеть, что Оптина Пустыня благоразумным своим правлением доставляет пристанище благонамеренным и благовоспитанным людям, могущим поддержать монашество; к несчастию для таких людей, монастыри Русские почти совершенно недоступны.

Поручаясь Вашим Святым молитвам и отеческой любви, с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий
1853-го года 29-го декабря.

№ 41

Ваше Преподобие
Достопочтеннейший и многолюбезнейший Старец,
Отец Макарий!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за милостивое воспоминание Ваше о мне, недостойном, и за присланную книгу Великого Варсонофия в Русском переводе. Все Русское монашество обязано особенною благодарностию Оптиной Пустыни за издание многих творений святых Отцов перевода старца Паисия, столь точно передававшего отеческие мысли. И перевод на Русский язык монашеских и отеческих писаний, по знанию монашеской жизни, гораздо удовлетворительнее совершается братьями

обители Вашей, нежели перевод их людьми, чуждыми этой жизни. Отец Архимандрит Моисей благороднейшим своим и терпеливым ношением немощей ближнего привлек в недро обители своей избранное иноческое общество, которому подобного нет во всей России. Покойный отец Иоанникий не писал мне о причинах перехода своего из Оптиной в Тихонову, а написал только немного о причинах своего возвращения из Тихоновой в Оптину, и то для того, чтоб мог я написать о нем Преосвященному Григорию[1]. Потом писал он ко мне о благосклонном приеме, который был ему оказан о. Архимандритом, Вами и другими Старцами. О том, что о. Игумен Антоний живет на покое в Оптиной Пустыни, а что Вы передали начальство над Скитом о. Пафнутию, я слышал, но не упомню от кого. Время и мне оставить многосуетную мою настоятельскую должность и сколько-нибудь подготовиться покаянием в согрешениях моих к переходу в будущую жизнь: мое здоровье так расстроилось, что не только зимою, но и летом почти не выхожу из келлий, а по здешнему месту необходимо настоятелю быть с неповрежденным здоровьем для приема высоких посетителей, приезжающих во всякое время, и для бдительного надзора за братиею, чтоб немощные не подали какого повода к соблазну. Против нашего монастыря с последних чисел мая до 17 июля стоял отряд Англо-Французского флота, занимавший так называемый северный фарватер, который находится прямо против северного фасу Сергиевой Пустыни, т. е. прямо против настоятельских келлий, трапезы и Теплой церкви, составляющих северный фас монастыря; этот северный фарватер находится в 17–23 верстах от монастыря. Неприятельский флот был очень ясно виден в хорошую погоду из верхних этажей. Послушали и выстрелов, от которых звучали стекла в окончинах. Но, по милости Божией, 17 июля я получил верное известие, что они ушли из виду от Кронштадта, конечно, удостоверившись в невозможности атаковать его. Братия наши видали, как они разводили пары, а потом удалились. Кажется, по благословению Божьему, осеняющему Россию, война эта как ни трудна по превосходству морских сил неприятельских, но должна окончиться к вящей славе и величию России. Здесь выстроены паровые винтовые канонерские лодки в таком количестве и такого отличного качества, что Англичане удивились им. При необыкновенных заботах Великого Князя Константина Николаевича о усовершенствовании отечественного флота можно ожидать, что не в многие годы Русские будут в состоянии на открытом море противостать врагам. Великий Князь и Вели-

кая Княгиня очень набожны, бывают часто в обители, особливо Она как более свободная.

Потрудитесь передать мой усерднейший поклон о. Архимандриту Моисею, о. Игумену Антонию, о. Иувеналию[2] и о. Льву[3]; я полагал, что Николай Николаевич Голохвастов находится у Вас в обители, но как Вы не упоминаете о нем в письме Вашем, то я заключаю, что он еще не прибыл к Вам. Не оставьте Вашим милостивым приемом и руководством моего келейного, рясофорного Иоанна Татаринова[4], отпросившегося у меня посетить некоторые обители: вероятно, он будет в Оптиной в сентябре.

Затем, испрашивая Ваших Святых молитв и паки благодаря за воспоминание милостивое о мне, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий

1855-го года 20 июля.

(*О. Макарий:* Получ. 26 июля, отвеч. 2 августа.)

[1] *Преосвященный Григорий* (в миру Постников Георгий Петрович, 1784–1860) – с 1856 г. Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский; также о нем см.: Т. 1. С. 232, 237.

[2] *Монах Ювеналий (Половцев)* – см. о нем примеч. к письму № 108.

[3] *О. Лев* – Лев Александрович Кавелин, о нем см. примеч. на с. 34.

[4] Будущий архимандрит Иустин; о нем см.: Т. 2. С. 265–277.

№ 42

Ваше Преподобие,

Достопочтеннейший и Многолюбезнейший отец Макарий!

В дополнение к последнему письму моему имею честь известить Вас, что немедленно просил я о. Архимандрита Кирилла, калужского уроженца, цензора, принять участие в дозволении напечатать Житие Пр<еподобного> Симеона Нового Богослова. Он, по любви своей к Оптиной Пустыни, принял на себя эти заботы и от 25 августа известил меня письмом о своем добром участии. Желаю усердно, чтоб этот малый труд увенчался успехом.

Испрашивая Ваших Святых Молитв, с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий

27 августа 1855 года.

№ 43

Ваше Преподобие,
Достопочтеннейший и Многолюбезнейший Старец,
Отец Макарий!

На почтеннейшее письмо Ваше от 6-го сентября имею честь известить Вас, что дело о рукописи Вашей находится в Святейшем Синоде и ему еще не дано никакого хода. Отец Кирилл частно, чрез своих знакомых заботится о том, чтоб делу дано было движение. Еще неизвестно, к кому поступит рукопись на рассмотрение: это зависит от воли Святейшего Синода — передаст ли он ее на просмотр кому-либо из своих членов или в здешнюю Академию. Но, во всяком случае, рукопись должна быть возвращена в Московскую Духовную Цензуру, по порядку, и из этой уже цензуры передастся Вам.

Прошу извинения и великодушного прощения! Я совершенно забыл, что писал я Вам в предпоследнем письме, и даже теперь сомневаюсь, писал ли я его или в памяти моей смешал мысль о этом письме с мыслию о том письме, которое я послал Вам с моим келейным Иоанном и которое, надеюсь на милость Божию, доставит Вам в свое время. Память сделалась очень слаба. Хотя и всегда я не был богат ею, но в настоящее время чувствую особенное ослабление памяти. Благодарю Вас за наставление благим советом Варвары Николаевны Бровцыной. В наших краях в настоящее время немногие расположены, даже из настоятелей, к жизни по совету, и если некоторые из монашествующих обращаются ко мне за оным, то этим возбуждают против себя негодование начальников, которые видят в этом более наушничество Благочинному и земное искательство, нежели душевную нужду. Да и я к преподанию совета вовсе неспособен, яко сам себя еще не устроивший.

Испрашивая Ваших Святых Молитв, с чувством искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Вашего Преподобия покорнейшим послушником

недостойный Архимандрит Игнатий
12-е сентября 1855 года.

№ 44

Ваше Преподобие,
Достопочтеннейший и Многолюбезнейший Старец,
Отец Макарий!

Примите на себя труд передать прилагаемое при сем письмецо моему Иоанну, по прибытии его в обитель Вашу. Я полагаю, что он приедет к Вам в конце Сентября.

Молитесь милосердному Господу, чтоб помог нашему любезному отечеству против врагов его. Испания присоединилась к Англии и Франции для действий против России; да имеются еще и другие державы, нам недоброжелательствующие.

Испрашивая Ваших Святых Молитв, с чувством искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий
17 сентября 1855 года.

О. Арх<имандрит> Кирилл обещал известить меня о последствиях его ходатайства.

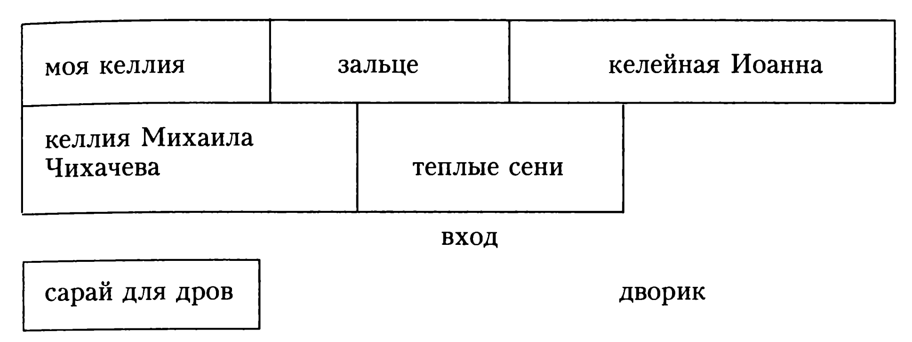
№ 45

Ваше Преподобие, Всечестнейший Старец, Отец Макарий!

Дражайшее письмо Ваше от 28-го Октября я получил сего 9-го ноября. Я весьма утешился, увидев из него, что Вы меня, многогрешного, в ваше сожительство принимаете. Надеюсь, что начатое Вами благое дело Вы и докончите, т. е. не откажетесь быть духовным моим Отцом. Объятия Отча отверзти ми потщися: блудно мое житие иждих: достигшаго до единадесятаго часа и покаянию едва начало помыслившаго положити не отвергни!

Но так как душевному деланию предшествует телесное, то не откажитесь озаботиться о моем помещении: потому что я, по крайней моей телесной немощи, нуждаюсь в келлии, прочно выстроенной, к чему, кажется, имеются у меня достаточные средства. Потрудитесь назначить для келлии место удобное и сухое, побезмолвнее и от ветров закрытое, хотя от них и весь скит закрыт; хорошо, если б окна келлии были не на север. Полагаю лучшим келлию выстроить совершенно новую: это будет удобнее для меня и полезнее для скита. Келлия на 7 саженях длины и 4-х ширины может удовлетворить всем моим потребностям. Нуждаюсь в зальце, в котором можно было б походить, так как зимою я почти вовсе не выхожу из келлии по болезни.

Думаю, что буду в состоянии употребить на келлию до 6000 р. на ассигнации и что этого количества денег достаточно для такой келлии, по прилагаемому планчику.



Если нужно представить план Епархиальному Начальству, то я скажу своему Архитектору[1], чтоб он сделал. Сделайте одолжение, напишите прямо Ваше мнение: новую ли келлию делать или старую переправить? Во всяком случае мне необходимо, чтоб средина корпуса, где назначены зальце и сени, была теплая. По получении от Вас наставления я б приступил немедленно к делу, т. е. к заготовке материалов, чтоб в течение лета можно было произвести самую постройку, дабы в начале лета 1857-го года можно было перейти в эти келлии на жительство. Да дарует милосердый Господь, за Ваши Святые Молитвы, успеть вовремя привести все это в исполнение и приуготовиться покаянием в вашем святом и уединенном месте к переселению в вечность.

Кажется, сам Промысл приготовлял меня к такому роду жизни: потому что по зимам приходилось целые месяцы по болезни вылеживать безвыходно в келлии. Посещают меня ныне весьма немногие лица и очень редко, как занятые своими делами, но чем реже эти посещения, тем они отяготительнее; надеюсь, что в Вашем Святом месте вовсе от них избавлюсь, чего вполне требует моя болезненность.

Не откажитесь принять и о. Михаила Чихачева; деньги у меня с ним общие, и он может быть для обители полезен, — и посбирать не откажется, к чему имеет и способность и силы.

Также примите и Иоанна, без которого я обойтись не могу. У него на руках все мое [нрзб.]. Он редкий человек и по душе и по уму и достоин того, чтоб Вы его приняли: ибо по своему таланту он мог бы иметь значительное земное преуспеяние, но оставил и желает и впредь оставлять все ради Бога. Понимая,

как в настоящее время необходимо для него держаться благой дружины иноческой, он желает сопутствовать мне, дабы и по моей смерти принадлежать к обществу спасающихся. Если Богу будет угодно, то мы не будем в тягость для уединенного скита, а может быть, и в некоторую, хотя и малейшую помощь. Иоанн не мог долее оставаться в Оптиной, ибо его пашпорта уже истек срок; но он был посреди учеников Ваших, как посреди своих и давнишних знакомых — такое они преподали ему чувство; между тем как в прочих обителях все и всё ему было чуждо.

Потрудитесь передать мой усерднейший поклон о. Архимандриту Моисею. Приношу мою искреннейшую благодарность Отцу Ювеналию за благосклонное принятие моего Иоанна и за доброе участие в перемещении моем в Скит. О. Льву и Николаю Николаевичу мой поклон!

Затем буду ожидать Вашего ответа! О рукописи еще не имею извещения от о. Кирилла, который обещал о результате своих хлопот уведомить.

Испрашивая Ваших Святых молитв, имею честь быть Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий
1855-го года 10 ноября.

[1] *Горностаев Алексей Максимович* — выдающийся русский архитектор, по его проекту построен ряд зданий в Спасо-Преображенском Валаамском монастыре и в Троице-Сергиевой пустыни; о нем см.: Т. 2. С. 539–543.

№ 46

Ваше Преподобие, Преподобнейший Старец, отец Макарий!

Письмо Ваше от 23-го Ноября, к истинному моему душевному утешению, я получил и премного за него благодарен. Я поручил профессору Архитектуры Горностаеву, занимающемуся работами по нашему монастырю, составить проект келлий для представления по порядку чрез о. Архимандрита Моисея Калужскому Преосвященному[1] на утверждение. По доброте своего сердца, Г. Горностаев предлагает мне сам съездить в Оптину Пустыню и распорядиться постройкою, сделав на все детальные чертежи. Для меня было бы истинным одолжением, если бы о. Архимандрит благословил о. Ювеналию, яко понимающему чертеж, принять от Архитектора детальные чертежи и присмотреть за постройкой, производство которой Архитектор объяснит ему подробно на словах, а сверх того оставит изложенным на бумаге: почему исполнение проекта будет весьма нетрудным. Надеюсь, что иногда и

о. Архимандрит взглянет на постройку. Архитектор доставит мне вместе с планом и смету материалам, которые, по совету о. Архимандрита, и полагаю заготовить нынешнею зимою. Так как Александр Дмитриевич Брюзгин предложил мне свои услуги по заготовке материалов, то я и просил его принять это дело на себя. Лес желаю употребить 7-вершковый сосновый на стены, чтоб было в келлиях потеплее, в чем крайне нуждаюсь. Места на южной стороне Скита мне очень нравятся; я к ним уже попривык и ясно помню. Таким образом, все со стороны Вашей распоряжения мне очень нравятся и я за все премного благодарен.

Бывши недавно в Петербурге, я видел о. Архимандрита Кирилла, который передал мне, что рукопись Ваша находится не у обер-секретаря, а у директора департамента, Тайного советника Сербиновича[2]. Видя, что нужно ходатайствовать посильнее, я составил записку и ездил к Синодальному Члену Преосвященному Архиепископу Казанскому Григорию[3], который обещал в первое же заседание предложить о пропуске рукописи.

Покорнейше прошу передать мой усерднейший поклон о. Ювеналию, о. Льву и Николаю Николаевичу, от которого покорнейше прошу отобрать, что может обойтись поездка для Архитектора из Петербурга в Оптину и обратно и в какое время, в какой день ходит из Москвы дилижан в Калугу. О. Михаил и Иоанн приносят Вам и сожительствующим братиям благодарность за милостивое воспоминание о них. Признаться, о. Михаилу я только намекал о намерении моем переместиться в Оптину на покой, а о переписке моей с о. Архимандритом Моисеем и Вами и о последствиях ее он ничего не знает, равно как и вся здешняя братия, от которых я держу это дело в секрете, чтоб они не смутились преждевременно. Знают только Иоанн и Архитектор. Прошу и Вас, чтоб не огласилось мое начинание, а особливо, чтоб не дошло в Тихонову до Евдокии Терентьевны Лесниковой, которая может написать сюда.

Затем испрашивая Ваших Святых молитв, с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Преподобия покорнейшим послушником

недостойный Архимандрит Игнатий

1855-го года 6-го декабря.

[1] *Преосвященный Григорий (Митькевич)* — о нем см. примеч. на с. 30.

[2] О нем см. примеч. на с. 647.

[3] *Высокопреосвященный Григорий* (Постников) — о нем см. примеч на с. 80. В 1825–1828 гг. управлял Калужской епархией; с 1848 по 1856 г. — Архиепископ Казанский и Свияжский; см. также: Т. 1. С. 232, 237.

№ 47

Ваше Преподобие! Честнейший Старец, Отец Макарий!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим Новым Годом, который желаю Вам с единомудренною о Христе братиею проводить в вожделенном здравии и благополучии.

Прошу Ваших Святых молитв, чтоб милосердый Господь даровал и мне исторгнуться из челюстей мира и присоединиться к Вашему Богоспасаемому Стаду, если есть на то Его Святая Воля. Что ж касается до меня, то самый опыт и убогое мое суждение убеждают меня постоянно в величайшей пользе и даже необходимости удаления из здешнего шумного места, которое и в нравственном, и в вещественном отношениях точно — село при пути. Все иноческое уничтожается здесь рассеянностию, все посевы отаптываются мимоходящими. Здесь на самом деле видно событие замечаний, изложенных Святым Исааком в 75-м Слове. Вижу справедливость их и на себе, и на братии. Я еще не получил рисунка от Г-на Горностаева, который сделался болен ветряною оспою. Надеюсь как-нибудь вырваться и сам на кратковременную побывку в Оптину для личных объяснений с о. Архимандритом Моисеем, тем более, что открывается новое обстоятельство: мой родной брат, вторый по мне, приезжал в Петербург и убедительно просил меня принять его в сожительство себе. В настоящее время он служит Вице-Губернатором в Ставрополе. Война связывала всем руки; но ныне начались переговоры о мире, которые, как полагают, должны увенчаться успехом. Впрочем, и теперь продолжаются в Кронштадте и по берегам значительные фортификационные работы под руководством знаменитого Тотлебена.

Приношу Вам, дражайший Отец, искреннейшую признательность за книжку Преподобного Фалассия. Я прочитал ее с большим утешением и с пользою.

Поручая себя Вашим Святым Молитвам и испрашивая Ваше благословение, с чувством искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий

1856-го года 14-го января.

P. S. Здесь в лесах Тихвинского уезда открыт Старец, живший в лесу более 50 лет, в великом злострадании, претерпевший биение от бесов и, как говорит мне некоторый весьма благоговейный инок, украшенный духовными дарованиями.

№ 48

Ваше Преподобие, Честнейший Старец,
отец Макарий!

Испрашивая Ваше благословение на прохождение Святыя Четыредесятницы, имею честь уведомить Вас, что сегодня я получил из Св. Синода уведомление о том, что Св. Синодом дано на днях разрешение Московской Цензуре о напечатании рукописи *Житие Симеона Нового Богослова.*

И паки испрашивающий Ваших Святых Молитв с чувством искреннейшей преданности и уважения, имею честь быть

Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий
26 февр. 1856 года.

№ 49

Ваше Преподобие, Всечестнейший Старец,
отец Макарий!

Примите мою усерднейшую признательность за милостивое воспоминание о мне по случаю великого Праздника Праздников, с которым равномерно имею честь Вас поздравить, всерадостно приветствуя победоносным христианским приветствием: Христос Воскресе!

Письмо ваше от 10 апреля я имел честь получить сего 19-го.

В предшествовавшем сему письме Вы говорите, что Вы столько переменились, что я не узнал бы Вас. То же самое могу сказать Вам о себе. Впрочем, во дни протекшей Четыредесятницы я видел Вас во сне в схимническом облачении и украшенным сединами. Мне представилось, вероятно, от частого размышления о сем, что я по прибытии в Оптину здороваюсь с Вами при взаимном земном поклонении. Надеюсь, что сподоблюсь увидеть Вас и на самом деле лицем к лицу нынешнею весною. По предварительному совещанию моему я имею причину полагать, что здешнее начальство не затруднится уволить меня на четырех или шестинедельный срок.

Поручая себя Вашим Святым Молитвам, с чувством искреннейшего уважения и преданности имею честь быть

Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий
19 апреля 1856 года.

P. S. Потрудитесь передать мой усерднейший поклон о. Ювеналию и прочей о Христе братии. О. Михаил и Иоанн свидетельствуют Вам и о. Ювеналию усерднейший поклон и почтение.

№ 50

Ваше Преподобие, Возлюбленнейший о Господе отец!

Недостанет мне слов для выражения моей благодарности Вам и вашему бесценному братству за всю любовь, оказанную мне, грешному, да притом и времени мало (так как сегодня отправляюсь в Питер) для пространного письма, а потому перехожу к предмету, существенно важному, о коем уведомить Вас необходимо.

Высокопреосвященнейший Филарет весьма согласен на прибавку штата в Скиту на тех основаниях, как изложены в записке. Он предлагает сделать от монастыря представление Преосвященному Калужскому, который бы представил о том в Синод в то время, когда Синод будет пребывать в Москве. Очевидно, что Владыка Московский берет на себя ходатайство по сему делу; иначе для чего бы говорить, что представление должно быть сделано в Синод в то время, как оный будет пребывать в Москве? Весьма обнадеживает в успехе. Непременно надо как о. Моисею, так и Вам писать ему о сем письмо или письма, как хотите.— Преосвященный Калужский не будет на коронации; на место его вызывается знаменитый Иппоненский.

Мой усерднейший поклон и благодарность за любовь о. Амвросию[1], о. Вассиану, о. Ювеналию, о. Льву, Николаю Николаевичу... всем! всем!

Вам, конечно, понятно, что в этом существенно важном деле не надо зевать и медлить. А кто прозевает, тот воду хлебает.

Испрашивающий Ваших Святых молитв Ваш покорнейший послушник

Арх<имандрит> Игнатий.

29-е июня 1856 года.

[1] Имеется в виду прп. Амвросий Оптинский (в миру Александр Михайлович Гренков, 1812–1891), находившийся в это время в послушании у отца Макария.

№ 51

Ваше Преподобие,
Возлюбленнейший и Честнейший Старец, отец Макарий!

По возвращении моем в Сергиеву Пустыню считаю священным долгом благодарить Вас за прием, истинно родственный, оказан-

ный Вами мне, грешному. Милосердый Господь да воздаст Вам за любовь Вашу из нетленных Своих сокровищ. По Вашему благому расположению окажите зависящее от Вас содействие к предположенному мною намерению — поместиться в Скит.

Обстоятельство сие всецело предаю воле Божией, а себя считаю обязанным действовать по крайнему моему разумению. В сем последнем отношении, взирая в зерцало совести моей, сознаю себя неспособным к прохождению настоятельской должности и спасение свое невозможным в этой должности. Хотя я и имею особенное влечение к глубокому уединению, но, внимая Писанию, глаголящему: горе единому, предпочитаю поместиться в общество благоговейных Отцов и Братий Оптина Скита. Вот мои человеческие основания.

Курс лечения водою, выдержанный мною в Оптиной, произвел на мое здоровье сильное впечатление, весьма полезное, продолжающееся и поныне. Судя по сему впечатлению, мой доктор весьма одобряет воды и сожалеет, что я не мог пробыть в Оптиной еще четырех недель. Но обстоятельства монастыря, с которым я связан, также и другие, внешние, никак не позволили сего сделать. По милости Божией я нашел у себя все в порядке и принят был своим братством радушно. Монастырские хлеба и травы очень сильны, равно как и огородные растения.

В то время, как в Оптиной была засуха, здесь были обильные дожди. С 1-го июля наступила ясная и жаркая погода. Но воздух густ, тяжел, далеко не Оптинский. Особых новостей нет. Государь выезжает из Петербурга 8-го Августа, а въезд в Москву назначен 10-го.

Испрашивая Ваше благословение и поручая себя Вашим Святым Молитвам, с чувством искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.

P. S. Отцам обители Вашей покорнейше прошу передать мой усерднейший поклон.

1856-го года 9-го июля.

№ 52

Ваше Преподобие,
Честнейший и Возлюбленнейший о Господе Старец,
Отец Макарий!

Любвеобильное письмо Ваше от 3 июля я имел удовольствие получить. В дополнение к прежним известиям скажу Вам, что

записки по делу о доставлении штата скиту я никому здесь не вручал по следующей весьма уважительной причине: Святитель Московский взялся за это дело с полным участием, следовательно, вручать подобную записку кому другому — значит не вполне доверять участию Московского Святителя. Довольно было на словах предрасположить других, что мною и исполнено по силам, или прямее сказать, по моему характеру, с ревностию, так что, когда возникнет вопрос о доставлении Скиту штата и Московским Святителем будет высказано его мнение, тогда все подадут голос в пользу сего мнения. Весьма хорошо Вы сделали, если написали письмо к Митрополиту Филарету, оно существенно нужно и полезно.

Опять увлекаемый моим характером, я просил некоторую даму, ко мне весьма расположенную, находящуюся в родстве с Г. Кашкиным, чтоб она склонила своего родственника предоставить Оптиной Пустыни две десятины земли, прилегающей к восточной ограде Скита, просил же я предоставить продажею, променою, а всего лучше пожертвованием. От души желаю, чтоб Господь увенчал и это предприятие успехом в пользу Святой Обители, в которой я сподобился троекратно принять отеческое гостеприимство.

Вы спрашиваете: какой результат переговоров моих с Преосвященным Григорием относительно помещения моего в Скит? Отвечаю: эти переговоры кончились ничем. О. Моисей не взял с собою, когда мы ехали вместе, в Калугу письма моего, на котором могли бы основываться эти переговоры. Почему Преосвященный, не имея общепринятого мною и о. Моисеем основания, осыпал меня возражениями и предложениями в смысле прежних предложений, сделанных мне о. Моисеем, т. е. чтоб я поместился за Скитом, за Монастырем, в Монастыре, на Гостинице, словом, везде — только не в Скиту. Свое мнение я отстаивал с умеренностию, полагая судьбу свою в руце Божии. Переговоры кончились словом: посмотрим, т. е. ничем.

Впрочем, на это посмотрим имеется со страны северной влияние в мою пользу: а как и в половине июля еще не представлено мое письмо о. Моисеем Преосвященному Григорию, то и последовал известный, конечно, Вам запрос. Подайте голос в мою пользу!

Испрашивая себе Ваше благословение и поручая себя Вашим Святым Молитвам, с чувством искреннейшего уважения и пре-

данности имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником

Арх<имандрит> Игнатий
20-е июля 1856 года.

№ 53

Ваше Преподобие, Честнейший Старец,
Отец Макарий!

Проживающий в Богоспасаемой Оптиной Пустыни Дворянин Павлин Жадкевич просил меня учинить справку по возвращаемой при сем его записке. Для большего объяснения дела прилагается печатный Указ Прав. Сената. Примите на себя труд передать ему записку с ремаркой и Указ. По прибытии моем в Петербург я немедленно просил справиться по записке. Но ответ получил только вчера.

Испрашивая себе Ваше благословение и поручая себя Вашим Святым Молитвам, имею честь быть Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий
28 июля 1856 года.

№ 54

Ваше Преподобие, Достопочтеннейший Старец,
Отец Макарий!

Любвеобильное письмо Ваше от 31-го июля я имел честь получить к истинному моему утешению и назиданию. Вполне согласно с мнением Вашим, которое Вы мне повторяли неоднократно и которое всегда действовало на меня с одинаковым утешением и назиданием: независимо от собственных слепых действий человека, судьбою его управляет самостоятельно воля Божия. Сия всесвятая воля да будет и над мною, грешным. При беседе с Преосвященным Григорием, при той обстановке, которою эта беседа сопровождалась, я достаточно понял, что дело о мне кончено. Последовавшею затем перепиской сохранено одно приличие. Слава Богу за все! Судьбы Божии — бездна многа, и да покоряется им благоговейно душа моя. Извините, что обеспокоил Вас просьбою о подаче голоса в мою пользу. Это значительный с моей стороны промах, тем более, что я признавал в душе моей дело решенным и знал, что постоянным правилом Вашей жизни было беспрекословное послушание.

С сердечным утешением я готов по силам содействовать благу Святой Обители Оптиной и ее Скита! 4-го августа я снова видел особу, которую я просил о земле, прилежащей к восточной стороне Скита, снова повторил пред нею мою просьбу и снова услышал обещание ходатайства. Всеусердно желаю, чтоб это ходатайство увенчалось успехом.

Поручаю себя Вашей любви! Испрашиваю Ваших Святых молитв! С чувством искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий

1856-го года, Августа 7-го дня.

№ 55

Ваше Преподобие, Честнейший Старец!

Примите мою искреннейшую признательность за милостивое воспоминание Ваше о мне, грешном, и за присланную книгу Аввы Дорофея. Перевод, по моему мнению, сделан весьма удачно; примечания, сделанные внизу листов, очень уясняют смысл; приложенные вполне ответы Великих Старцев на вопросы Святого Дорофея при его новоначалии весьма важны, как обнаруживающие борьбу и недоумения того мужа, который впоследствии достиг значительного духовного преуспеяния. Все монашество Российское должно благодарить Вас и почтенных братий, сотрудников Ваших, за обильную и превосходную духовную трапезу, которую доставляет чтение книги Святого Дорофея.

Единственно потому не утруждаю Вас просьбою о высылке многих экземпляров, что в Санкт-Петербургских книжных лавках продаются издания Оптиной Пустыни. Никаких новостей, особенно важных по Духовному ведомству, у нас не имеется, кроме общеизвестных, так как источник новостей переместился на время отсюда в Москву. Ходят разные толки, которые нуждаются если не в полном отвержении, то в значительном очищении.

Испрашивая себе Ваше благословение и поручая себя Вашим Святым Молитвам, с чувством искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий

1856-го года 1-го сентября.

№ 56

Ваше Преподобие,
Достопочтеннейший и Многолюбезнейший Старец,
Отец Макарий!

Приятнейшее письмо Ваше от 9-го Сентября и при оном повестку на две книжки Жития Преподобного Симеона я получил сего 14-го. Приношу Вам искреннейшую признательность за отеческое воспоминание Ваше о мне, грешном. Дорого ценю такую Вашу милость ко мне.

Конечно, Вам уже известны важные перемены, произшедшие в Духовном Ведомстве. Покойный митрополит Никанор поехал в Москву уже больным, а возвратился в Петербург вполне не свой. Одновременно с назначением Пр<еосвященного> Григория Петербургским Митрополитом назначен Обер-Прокурором Граф Толстой[1], бывший в Оптиной ныне летом. Он до сих пор еще не приехал в Петербург. Во время сих событий, от употребления Оптинских вод, я подвергался с половины Сентября сильнейшей сыпи, которой появление соединено было с лихорадкою и слабостию. Таков часто результат употребления серных вод, действующих в теле в течение шести месяцев по окончании их употребления. Это состояние держало меня в решительном затворе; но на днях я ездил к новому Митрополиту, закутавшись в шубу и взяв все предосторожности. Он еще был на Псковском Подворье, принял меня с особеннейшею благосклонностию, как старинного и единственного своего знакомого в монашестве петербургском. Переезжает он в Лавру сегодня. Когда я был у него, то он мне говорил, что ему предстоит решить дела Казанской епархии, накопившиеся во время коронации, после чего он уже примется за дела петербургские. В такие минуты, сами судите, не следовало ему говорить ни о каких делах, тем более, что дело о даровании Скиту штата должно восходить к Государю, почему надо дождаться приезда и вступления в должность Обер-Прокурора, который, по известной своей любви к иночеству, скорее согласится это сделать, нежели Сербинович, известный своею нерешительностию и чрезвычайной осторожностию. Вскоре должен я снова ехать к Митрополиту с запискою о современном состоянии всех монастырей С.-Петербургской Епархии и для личного объяснения по тем вопросам, которые он найдет нужным предложить. Тогда полагаю вручить ему записку о штате Скитском, равно как и Обер-Прокурору. Я полагал бы, что о. Архимандриту весьма полезно

написать письма к обоим этим лицам. Пр<еосвященный> Григорий отозвался с большой любовию об Оптиной Пустыне, когда я просил его о разрешении напечатать Житие Пр<еподобного> Симеона. Что узнаю о ходе этого дела, то не премину довести до сведения Вашего и о. Архимандрита, как я ему и обещал в последнем моем письме.

Весьма сожалею, что не встретился в Оптиной с о. Исаиею[2]. Вы говорите: не написал ли мне кто из Оптинских о посещении Оптиной Саровским Настоятелем? Кому написать? Из братии только один о. Ювеналий написал мне два письма, тощенькие, как он сам; особливо второе — настоящее сухоядение! всего из семи-восьми строк!

Испрашивая Ваше благословение и поручая себя Вашим Святым Молитвам, с чувством отличного уважения и искреннейшей преданности имею честь быть вашего преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий

14-е октября 1856 года.

[1] *Толстой Александр Петрович* (1801–1873) — граф, в 1856–1862 гг. — обер-прокурор Св. Синода; о нем см.: Т. 2. С. 682–694.

[2] *Отец Исаия* — брат о. архимандрита Моисея, игумен Саровской обители.

№ 57

Ваше Преподобие, Достопочтеннейший Старец!

Сего 30-го октября я был у Высокопреосвященнейшего Митрополита Григория, вручил ему записку о даровании Оптинскому Скиту штата, передал ему, что сия записка одобрена Высокопреосвященнейшим Филаретом, который принимает живое участие в судьбе дела, объясняемого запискою. Высокопреосвященнейший Григорий обещал твердое свое содействие. Во время коронации синодальные члены были заняты совещаниями и делами особой важности; притом возмутило всех болезненное состояние М<итрополита> Никанора, который приехал в Москву сам не свой, а затем болезненное состояние Карачевского. Митрополит сам говорил мне, что он даже не приказал присылать к нему Епархиальных бумаг из Казани в Москву, а велел отсылать прямо в Петербург. От митрополита я проехал к Графу Толстому, которому вручил также записку и объяснил, что это дело начато с благословения Московского Митрополита и прочее. Граф сказывал мне, что он получил от Вас письмо об этом

деле; но он еще не вступал в свою должность; сегодня он должен принимать присягу в Сенате; завтра или в пятницу будет находиться в первый раз в присутствии Святейшего Синода. Потрудитесь передать об этом, при моем усерднейшем поклоне, о. Архимандриту Моисею.

Испрашивающий Вашего благословения и поручая себя Вашим Святым Молитвам, Ваш покорнейший послушник

недостойный Архимандрит Игнатий
1856-го года 30 окт.

№ 58

Ваше Преподобие, Всечестнейший Старец!

Примите мою искреннейшую признательность за воспоминание Ваше о мне и за поздравление с Праздником и Новым Годом, с которыми равномерно поздравляю Вас, желая Вам всех благ временных и вечных. 18-го декабря я получил письмо от о. Архимандрита Моисея; в тот же день меня посетила Татьяна Борисовна Потемкина, и мы имели продолжительную беседу об Оптиной Пустыни и о многих лицах, живущих в сей Святой Обители. Я просил Т<атьяну> Б<орисо>вну напомнить Графу Толстому о доставлении штата Скиту. Она исполнила сию мою просьбу и при записочке прислала ответ Графа. И записочку, и ответ присылаю Вам в подлиннике. Изволите видеть: произволение сделать добро имеется. При всем том полагаю, что это дело кончится не так скоро. Причина в том, что Власти у нас новые, в дела всматриваются и первоначально обращают внимание на дела первостепенной важности. 26-го я долго сидел у Графа лицом к лицу, говорил об Оптиной Пустыне, и он изъявляет к сей обители особенное расположение. Граф открыто сознается, что по новости своей в должности Обер-Прокурора и по множеству и множеству дел ему необходимо осмотреться и не быть поспешным.

Вполне справедливо и весьма утешительно для меня Ваше замечание, что я, живя телом вдали от Вас, духом весьма близок к Вам, сорадуюсь Вашему жительству и Вашим плодам. Вчера у меня был мой хороший приятель, один из ученейших Протоиереев, в немже лести несть, и с восторгом говорил о книге Аввы Дорофея. Правду сказать: во всем питерском ученом духовенстве имею только одного приятеля — сего Протоиерея молодого. Ныне едет сюда другой мой приятель: новый Архиепископ Казанский.

На предшествовавшее письмо Ваше я останавливался написать, полагая, что отец Ювеналий вскоре будет для Вас живым письмом, которым можно передать гораздо больше, нежели на бумаге. Когда я получил письмо Ваше от 10-го ноября, мне уже известно было, что его потребуют сюда. В совещаниях с покойным Митрополитом было говорено о распространении благодетельного нравственного влияния Оптиной Пустыни и на здешние Обители, преимущественно на Валаам, богатый всеми средствами к содержанию и имеющий живописное местоположение, при обширном пространстве. Валаам в течение большей половины года недоступен для мирян. Новому Митрополиту надо оглядеться, — а там, что Бог даст. — Граф Толстой спрашивал меня, почему я рекомендовал Голохвастову и другим Петербургским жителям Оптину Пустыню? Я указал на имеющееся там руководство и на то, что столичному жителю, по крайней мере, в первые года его монашества, надо быть вдали от родных и знакомых. «Правда, правда!» — воскликнул Граф.

Поручая себя Вашим Святым Молитвам, с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Преподобия покорнейший послушник

А<рхимандрит> И<гнатий>
янв. 1857 года.

P. S. Мне совестно было прочитать Вашу приписочку! И моего письма недостатки и помарки простите. Откиньте со мною всякую церемонию: этим очень утешите меня.

Здесь по телеграфу получено известие из Парижа, что тамошнего Архиепископа зарезал ксендз у подножия Престола.

Прилагаемую записочку потрудитесь передать Отцу Ювеналию.

№ 59

Ваше Преподобие, Достопочтеннейший Старец!

25-го сего Января, в день тезоименитства Высокопреосвященнейшего Митрополита нашего, я был вечерком у Графа Толстого, из слов которого заключаю, что дело о даровании штата Скиту можно признать решенным, с чем Вас и о. Архимандрита усердно поздравляю. Граф говорил мне также, что о. Ювеналий от участия в Иерусалимской Миссии отказался: очевидно, что о. Ювеналий не изъявлял своего желания, а полагался на волю Божию и на волю начальства, как и подобает иноку. Между тем, быв на обеде у Митрополита, я слышал о сей Миссии разговор

ученых и важных лиц духовенства; они рассуждали, что для Иерусалимской Миссии нужны лица, окончившие курс в Духовной Академии. Вероятно, в этом убедился Граф: почему форма монашеская отзыва о. Ювеналия принята охотно за форму отказа. Впрочем, Бог, промысляющий о спасении рабов Своих, устроил и в этом случае полезное для о. Ювеналия. Граф — доброго сердца; но нов в делах.

Поручая себя Вашим Святым Молитвам, с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий

1857-го года 28-го января.

№ 60

Ваше Преподобие, Честнейший Старец, отец Макарий!

Сегодня посетил нашу обитель о. Ювеналий, пред возвращением его в Оптину Пустыню. То, что человеки предполагали сделать для его временного устройства, не состоялось; но его приезд для души его был крайне полезен, и польза эта устроилась по особенному мановению Божию, в чем ясно видна особенная милость Божия к о. Ювеналию. Пред ним разоблачились и современные люди, и современные обстоятельства. Многие весьма умные люди, проводя век свой внутри России, стареются и умирают, не узнав, каким образом деется и преуспевает тайна беззакония, о которой говорит Апостол. В наше время блаженны те, которых Бог скрыл в тайне селения Своего: яко беззаконие и пререкание во граде, на стогнах его лихва и лесть. Сострадая страждущим о Господе, я сострадаю о. Ювеналию, но вместе и порадуюсь ему, яко приявшему от Господа дар пострадать для отверзения умственных очей своих. Господь возлюбил его, ибо попустил ему искушение. Мир не возлюбил его, ибо ощутил, что он не от мира, а Христов. Радуйтесь и Вы, достопочтеннейший старец и, смею сказать, достопочтеннейший друг мой, ибо вера Ваша и преданность воле Божией не посрамили Вас и вдали напутствовали ученика Вашего, от Вас научившегося предаваться воле Божией, коей слава и держава во веки веков.

Испрашивающий Ваших Святых молитв

недостойный Арх<имандрит> Игнатий

1857-го года 29 января.

№ 61

Ваше Преподобие,
Возлюбленнейший и всечестнейший Старец!

Извините, что часто беспокою Вас моими письмами; но, видно, так угодно судьбе. Сын Николая Андреевича Харичкина, Андрей, 24-х лет, кончивший курс в здешнем Университете и поступивший было на службу, изъявил желание посвятить себя иноческой жизни. Молодой человек — с необыкновенно добрым, бесхитростным сердцем, совсем не для мира сего. К несчастию, по слабости характера, он увлечен был товарищами к излишнему употреблению вина; но это было только увлечением. Отец, а за ним и сын слезно умоляют меня, чтоб я указал место, где Андрей мог бы вселиться с упованием душевной пользы, под благонадежным руководством, в обществе благоговейных иноков, имеющих притом и светское образование. Я указал на Богоспасаемый Оптин Скит, дав обещание написать о сем Вам, что теперь и исполняю. Исходатайствуйте у о. Архимандрита принять в его стадо скитское этой овцы и не откажитесь взять ее под Ваше руководство. О последующем на сию просьбу решении потрудитесь уведомить меня. Андрей намеревается приехать к нам поговеть на первой неделе; хорошо бы получить от Вас ответ в течение этой недели для сообщения его юноше и для дальнейшего хода его дела.

29-го Января посетил нас о. Ювеналий на обратном пути своем в Оптину. Я ему вручил один том из Голландовой библиотеки, в котором находятся сочинения Пр<еподобного> Марка Подвижника на Греческом и Латинском, — на подержание. После укорила меня совесть, сказав: «Где же бескорыстная любовь? когда ты собирался на жительство в Скит, то и книги свои хотел отдать для общей пользы; а когда дело помещения не состоялось, то ты жалеешь книг и они стоят у тебя бесплодно в шкафе». Почему я передал о. Ювеналию, что и прочие 13-ть томов я перешлю к нему. О сем я уже просил Харичкина, который взялся переслать их в Москву к брату, а сей перешлет их к А. Д. Брюзгину для доставления о. Ювеналию. Также я отдал о. Ювеналию рукопись на русском слов Аввы Исайи, требующую, впрочем, значительного исправления. В Голландовой Библиотеке имеются творения Аввы Исайи на Латинском, а одно слово и на Греческом. Если вздумаете напечатать, то у меня есть рукопись на славянском, присланная мне из Нямца, очевидно,

перевода старца Паисия, и я могу ее прислать на время. Эта рукопись полнее, нежели Латинский текст в Голланде.

Желая Вам полного преуспеяния в Ваших душеполезных начинаниях, испрашивая Ваших Святых Молитв, с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Ваш покорнейший послушник

Арх<имандрит> Игнатий

5 февр. 1857 года.

№ 62

Ваше Преподобие,

Честнейший и Возлюбленнейший о Господе Старец!

Дражайшее письмо Ваше от 16-го февраля я получил в четверток на Первой неделе Великого Поста.

В этот же день Г. Харичкин, обливаясь слезами, представил мне своего сына Андрея Николаевича, юношу 24 лет. Родитель убедительно просил меня, чтоб я подержал молодого человека до Пасхи в своей Обители, так как он нуждается в пособии врача. В Сергиевой Пустыни, окруженной соблазнами, весьма трудно удержаться человеку, имеющему слабость. Хотя и были примеры, что некоторые удержались; но эти примеры весьма редки, и должно их считать особеннейшею милостию Божиею и исключением из общего порядка. Убежденный с одной стороны просьбами отца, а с другой — болезненным состоянием сына, нуждающегося в пособии и наблюдении врача, я решился, возложившись на Господа, понянчиться до Пасхи с Андреем, а там — что Бог укажет. Притом, Г. Харичкин делал значительные послуги нашему монастырю и мне, почему я состою у него как бы в долгу. Андрей имеет добрейшее и нелукавое сердце, при хороших умственных способностях и порядочном образовании.

3-го Марта отправлена по железной дороге в Москву Голландова библиотека на имя Степана Андреевича Харичкина для доставления в Оптин Скит: почему благоволите поручить комулибо в Москве принять книги; если же Вам поручить этого некому, то я попрошу Харичкина, чтоб он переслал в Козельск к Александру Дмитриевичу Брюзгину. В ящик вложена и рукописная славянская книжка Преподобного Исаии Отшельника, полученная мною из Нямецкого монастыря. В Голландовой библиотеке есть Слово Преподобного Орсисия, ученика Пахомия Великого, весьма обширное и весьма назидательное.

Затем прошу Ваших Святых Молитв на подкрепление умножающихся моих немощей, душевных и телесных. Желая Вам всех благ и поздравляя с наступающею Святою Четыредесятницею и имеющею наступить Святою Пасхою, с чувствами искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий
4-е марта 1857 года.

P.S. О. Ювеналию, о. Льву и прочим Отцам и братиям — мой усерднейший поклон. В посту дважды был у меня Александр Андреевич; в последнюю пятницу и со старцем своим — Кутузовым.

№ 63

Христос Воскресе!
Ваше Преподобие
Преподобнейший и многолюбезный Старец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим Праздником и вместе с тем искреннейшую признательность за поздравление Ваше в драгоценном для меня письме Вашем от 30-го Марта, так как и все письма Ваши для меня драгоценны, и при одном зрении почерка Вашего, прежде чтения самого письма уже чувствую в грешной душе моей утешение. Желая, чтобы мысленное сребро — библиотека Св. Отцов, собранная Голландом, не лежала под спудом, но давала лихву богоприятную, обращаясь между людьми, способными заниматься ею, я рассудил лучше отдать это сребро на руки человеку, нежели приковать его к какому-либо месту, в коем оно очень легко может попасть под спуд — в шкаф, и сделаться там пищею моли и мышей, без всякой пользы для людей. Было время, когда Белые берега обиловали благонамеренными иноками, были времена, когда обиловала ими Пестуша, обиловала ими в свое время Площанская Пустынь; теперь наступило время цвета для Оптиной; время цвета пройдет своей чередой — процветут другие места — также на свое время; почему приковать книгу к месту я счел менее надежным, нежели поручить ее человеку. Надеюсь, что о. Ювеналий, попользовавшись ею и попользуя ею Христианство, когда достигнет седин и изнеможения, то поручит ее благонадежному иноку, который опять будет держать в обороте мысленное сребро. Архиепископ Казанский[1],

при помощи которого я купил эту книгу на деньги, мне подаренные, ныне говорил мне, что библиотека Голландова сделалась весьма редкою; ее ищут купить в Московскую Духовную Академию и не находят, а в случаях нужды пользуются собственною Митрополита; в здешнюю она куплена еще во время ректорства нынешнего Митрополита Григория. Преосвященному Афанасию я рассказал об Оптиной Пустыни; он, будучи ревнителем общественного Христианского блага, весьма утешен был моим поведанием и поручил мне передать его благословение Вам и единомудренному Вам братству. В особенности заинтересован он был участию о. Льва Кавелина, которого статьи он читал в Маяке и которому, как заочно знакомому, он особенно кланяется. Я бы посоветовал о. Льву по сему поводу написать письмо к Пр<еосвященному> Афанасию, притом не от себя одного, но от лица Вашего и всех единомудренных. Это будет нелишним для блага всей Обители и для последующих действий Ваших в общую пользу.

Испрашивая Ваше благословение и поручая себя Вашим Св. молитвам, с чувством искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Ваш покорный послушник

Арх<имандрит> Игнатий
13 Апр. 1857 года.

[1] *Высокопреосвященный Афанасий* (Андрей Соколов; ум. в 1868) — в 1856–1866 гг. Архиепископ Казанский.

№ 64

Ваше Преподобие, Честнейший Старец, отец Макарий!

Письмо Ваше имел честь получить сегодня и за его весьма благодарю. Рукопись Преподобного Исайи Отшельника потрудитесь переслать ко мне в Ставрополь, причем известите, поправлен ли по ней Русский перевод и будет ли книга Преподобного Исайи напечатана. Также будет ли напечатана на Русском книга Преподобного Марка Подвижника. Если эти книги будут напечатаны, то не откажитесь прислать и мне; о том же просит Вас и Архиепископ Казанский Афанасий, с которым сегодня я беседовал о полезных трудах Оптиной Пустыни. В Голландовой библиотеке имеется обширное Слово Преподобного Орсисия, ученика Пахомия Великого; хорошо бы перевести это слово на Русский язык и издать. Да поможет Вам Господь в общеполезных трудах Ваших.

Призывая на Вас благословение Божие и поручая себя Вашим Святым Молитвам, с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Преподобия покорнейшим послушником

недостойный Епископ Игнатий

20 ноября 1857 года.

В субботу думаю выехать отсюда.

(*О. Макарий:* Получ. 26 нояб. ответ 3 декаб.)

№ 65

Ваше Преподобие,

Честнейший и Возлюбленнейший о Господе Старец!

Искреннейше благодарю Вас за воспоминание Ваше о мне, грешном, по случаю всерадостнейшего Праздника Праздников и за поздравление с оным. Равномерно поздравляя Вас, прошу передать мое поздравление о. Архимандриту Моисею и вместе с тем прошение извинения в том, что не пишу особенно к Его Высокопреподобию, так как значительность письменных занятий утомляет меня и действует вредно на грудь. О. Антонию и прочим отцам и братьям потрудитесь передать мой усерднейший поклон и поздравление.

Да подкрепит Вас Милосердый Господь в трудах Ваших по переводу Отеческих книг. Издавая эти книги, Вы оказываете несказанное благодеяние российскому монашеству и Христианству. В наше время, по совершенному оскудению опытных в монашеской жизни наставников, Отеческие книги особенно нужны и особенно полезны. По мнению моему, книгу Пр<еподобного> Исайи лучше бы перевести с Славянского, присматриваясь к Латинскому для объяснения мест, которые темны на Латинском. Славянский перевод с Греческого отеческих книг, сделанный Старцем Паисием, несравненно точнее выражает мысль авторов, нежели перевод Латинский. В этом я особенно убедился, посмотрев на Латинский перевод книги Аввы Дорофея, которая в Голландовой Библиотеке имеется на Греческом и Латинском. Латиняне, утратив истинную религию и потому отнюдь не понимая духовного делания (все святые их, по впадении Церкви их в папизм, не что иное, как лица, подвергшиеся сильнейшей бесовской прелести), употребляли при переводах какие-то неопределенные слова и выражения, передавшие и переводам неопределенность и темноту, а местами и вполне превратный смысл в сравнении с текстом.

О себе скажу Вам, что по великой милости Божией я очень доволен настоящим моим положением. Превосходный воздух и климат действуют благотворно на мое здоровье. Епархиальные дела текут весьма удовлетворительно. Духовенство оказывает покорность и внимание к моим убогим внушениям. Сбираюсь к отъезду для обозрения Епархии, причем намереваюсь посетить минеральные воды, от которых мне обещают значительную пользу.

Поручая себя Вашим Святым Молитвам и призывая на Вас благословение Божие, с чувством искреннейшей преданности и уважения, имею честь быть Вашего Преподобия Покорнейшим послушником

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский
8-го апреля 1858-го года.

Письма преподобного Макария (Иванова) к святителю Игнатию*

№ 66

Архимандриту Игнатию

Угодно было Господу призвать от здешних болезней и скорбей к вечному упокоению любезного нашего Батюшку о. Леонида сего Октября 11-го числа в 7 часов и 20 минут пополудни. Он скончался к немалому прискорбию нас, любящих Его и пользующихся спасительными Его наставлениями и любовию, но мы не смеем роптать на Милосердого Творца, положившего предел жизни каждому из нас. Скорбь нашу растворяет надежда, что он обрящет милость Божию, получив спокойную и мирную кончину, напутствован был христианским приуготовлением и даже в самый день его преставления удостоился принять Св. Христовых Таин. Болен он был недель 5-ть, а дней 20-ть никакой пищи не принимал, кроме малой части воды. Мы веруем, что он обретет благодать у Господа, будет ходатайствовать о нашем спасении. Зная ваше к нему расположение и любовь, равно и Его к вам таковые ж, считаем себя обязанными известить вас о кончине Его. Вы, конечно, пожалеете о старце и о нас, оставшихся в сиротстве; и не оставите поминать его при Бескровной

* РГБ ОР. Ф. 213. К. 91, 92.

Жертве и ваших молитвах, о чем и осмеливаемся всеусерднейше вас просить, а равно и о неоставлении нас вашею отеческою любовию и покровительством.

1841 г.

Ответ архимандрита Игнатия Оптинским старцам[1]

Душа моя исполнилась печали, и как не вспомяну о нем — каждый раз обильная печаль изливается в мое сердце. Точно как вы пишете, он имел ко мне особеннейшее расположение и любовь, следствие коих постоянно в себе ощущаю: отклонясь телесно, я не отклонился в противное мудрование, но многие его изречения остались у меня в памяти и доселе меня руководствуют — особливо произнесенные в Свирском монастыре.

[1] РГБ ОР. Ф. 213. К. 103. № 88.

№ 67

Молитвами святых отец наших,
Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.
Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший Батюшка Отец Архимандрит!

Залог вашего отеческого к нам благоволения, в письме вашем к нам изъявленного, дает нам смелость писать к вам, с изъяснением наших чувств, нелестного к вам уважения и искренней любви, коими будучи движимы, имеем честь поздравить вас с приближающимся днем вашего Ангела. Желание наше и молитва к Господу, да продлит Он лета жизни вашей на многие годы во здравии и мире душевном и укрепит на поприще служения вашего к славе пресвятого имени его и к пользе ближних.

С сим расположением сердец наших вручаем себя вашим святым молитвам и, испрашивая ваше отеческое благословение, с нижайшим нашим высокопочитанием пребыть честь имеем

Вашего Высокопреподобия нижайшие послушники и богомольцы

Многогрешный Иеромонах Макарий
и многогрешный Иеросхимонах Иоанн
Многогрешный Иеромонах Иосиф
и многогрешный монах Иоанникий

13 декабря 1841 года
К<озельск> О<птиной> П<устыни> Скит.

№ 68

Христос Воскресе!
Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший Батюшка Отец Архимандрит!

Удостоившись получить ответ ваш на первое мое письмо, писанное к вам о Г-не П. Романове, надеялся, что и на второе не оставите без внимания о нашем недоумении касательно странной его отлучки из нашей обители; и потому не писал к вам о письмах Егора Алексеевича[1] да и желал по приезде Высокопреосвященнейшего Филарета Митрополита Киевского известить вас о посещении нашей обители вместе с тем.

Второе ваше писание, от 14 мая писанное, получил я 20 числа и того же дня в 5 часов пополудни пожаловал к нам Высокопреосвященнейший владыка, обрадовав и одушевив как нас, многочтущих и любящих Его, так и граждан наших. А с Его приездом и благодать Божия ниспослана на пределы наши: после околомесячной засухи пролился благотворный дождь на землю и оживил произрастения ея, так как на землю сердец наших чрез его Архипастырское благословение пролился дождь духовного утешения. В сие время пред всенощным бдением слушал он панихиду по покойном Дмитрии Васильевиче Брюзгине, почтил память и старца нашего Отца Льва литиею на гробе Его. Во время всенощной посетил наш скит, насажденный Его благословением и старанием, изволил слушать у нас всенощную, а на другой день в шесть часов в скиту же слушал литургию и молебен, посетив некоторые из наших келлий, возвратился в монастырь, а оттоль в 10 часов отправился в город Козельск, был в Соборе и посетил Г.Г. Брюзгиных, где и кушать изволил.

Сколь ни радостно было для нас его посещение и Архипастырское благословение, но растворилась и скорбь: Почтеннейший Батюшка Малоярославский Игумен Отец Антоний, сопутствовавший или предсутствовавший Ему в путешествии до нашей обители, на тот же день, как приехал, прохаживаясь по скиту с находившимся при нем Иеромонахом и письмоводителем, на мосточке около [нрзб.] в проломившуюся доску попал ногою[2]

май 1842.

[1] То есть, Георгия Алексеевича; см. примеч. 2 на с. 14.
[2] Конец письма утрачен.

№ 69

Молитвами святых отец наших,
Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.
Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший Батюшка Отец Архимандрит!

Милостивое ваше писание, от 29-го Августа писанное, я имел честь получить 15 числа сентября, а книгу св. Иоанна Лествичника 20-го. Сердечно радуюсь, что Господь даровал вам привести к окончанию перевод сей душеспасительной книги. Я с своей стороны никак не смел скорбеть на вас за промедление присылкою моей книги, зная, сколь многого требует труда и соображения правильный перевод. Вы же, быв обязаны и другими делами, не могли скорее окончить. А напротив утешаюсь тем, что мог сделать вам хотя малую услугу сею книгою. Да ниспослет Господь на сей ваш труд свое благословение, дабы воспользовались многие ищущие спасения душ своих. Я имею полную надежду, по вашей любви и обещанию, получить оной экземпляр для списания себе; а также и книгу св. Нила Сорского по окончании к оной принадлежностей.

Вы изволите спрашивать, почему замолкло второе издание писем Затворника? На сие имею честь вам сказать: Отец Петр Григоров имеет большое попечение не только о втором издании первых, но и о вновь открытых о. Георгия писем, кажется до 800 или и более; а также житие его, которое уже и цензурою рассмотрено, но он хочет издать вместе с письмами. Он теперь находится в Москве, как для пользования себе, так и по сему предмету. Писал ко мне, что письма еще не докончены Цензурным рассмотрением, не будет ли онаго в октябре. Я к нему писал, чтобы вас известил о сем деле, так как ему более известно.

Для меня весьма утешительно, что вы изволите паметать о нашей обители и ските. Точно шум сосен приятен, напоминает о древних обитателях лесов, искавших спасения душам своим между ими и удалявшихся от шума волн мирских, чрез что возрастает желание соревновать оным по силе нашей.

Господь силен укрепить вас на поприще вашего служения для пользы многих, а когда будет Его святая воля и приидет время, то даст и криле голубине, да полетите и почиете в пустыне упокоевающей и услаждающей по трудах ваших, утвердив духом владычним по ожиданию вашему.

Отец Игумен наш свидетельствует вам нижайшее почтение и усерднейше благодарит за память об нем. Также отец Иоанн,

о. Иоанникий и о. Макарий Грузинов. Мы все помним вашу любовь и милость.

Засим и я, поручая себя вашим святым молитвам, с нижайшим моим высокопочитанием и земным поклонением имею честь пребыть Вашего Высокопреподобия Достопочтеннейшего Отца нижайший послушник и богомолец многогрешный

Иеромонах Макарий
25 сентября 1843 года
Оп<тиной> пус<тыни> Скит.

№ 70

Молитвами святых отец наших,
Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.
Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит!

Обязаны быв вашим милостивым к нам расположением, считаем себе долгом принести вам усерднейшее наше поздравление с приближающимся днем вашего Ангела. Желание наше есть да продлит премилосердый Господь дние лет ваших во здравии душевном и телесном и исполнит вас дарований духовных в веселие и радование сердца вашего и в пользу других алчущих и жаждущих получить спасение.

Мы приемлем смелость утруждать вас нашею крайнею просьбою. Отец Иоанн ревнует по благочестию православной христианской грекороссийской церкви и болезнует о заблудших овцах от стада Христова — раскольниках; в чем и мы с ним согласуем, к сему ж жалеем и о именующихся чадами церкви, но не покоряющихся ея уставам и чиноположениям, а составляющих религию каждый в своем уме, следуя кто как хочет мнением разных вер и считая только то одно нужным, чтобы веровать в Христа, не внимая святому Его слову, что Он сказал св. Апостолам, а в лице их пастырям церкви: слушаяй вас мене слушает, а отметаяйся вас мене отметается, отметаяйся же мене, отметается пославшего мя Отца.

И забыв то, что Господь так подчинил послушанию святой церкви, что буде кто преслушает церковь, хоть в прегрешении пред ближним, будет как язычник и мытарь; кольми же паче в догматах преслушание, не подвергаются ли сему суждению? Где же найтить истинны, как не в церкви, ибо она есть, по учению Св. Апостола, столп и утверждение истины. Но, к сожалению, все сие на многих мало действует или по незнанию, или по невниманию и нерадению, а кажется, и по излишнему доверию самим себе и

своему разуму. Хоть благочестивые наши Архипастыри стараются внушать чадам церкви о непогрешительности ее учения, самим Господом нашим Иисусом Христом преподанного, св. Апостолами проповеданного и св. вселенскими Святым Духом действуемыми, установленного в чиноположении Догматов, таинств и обрядов. Пастыри наши как частными проповедываниями изъясняют сие учение св. церкви народу, так и изданием под надзором духовных Академий касательно сего предмета весьма назидательных рассуждений, которые и напечатаны в «Христианском Чтении».

Первое об учреждении Иисусом Христом церкви Своей на земли 1839 года в Июле и Августе м<еся>цах, на стран<ицах> 43 и 104; второе, Глава Церкви Господь наш Иисус Христос, 1843 года в марте м<еся>це на стран<ице> 154; третие, о православной Российской Церкви, того же года в Июле м-це на стран. 47; четвертое, в прибавлении к творениям св. Отцов Московскою духовной Академией издаваемому сего ж года в третьей книжке о православной Христианской Церкви, на стран<ице> 226; и пятое, прошлого 1842 года вся декабрьская книжка «Христианского Чтения» наполнена свидетельствами о святости и православии Церкви из сочинений св. Димитрия Ростовского.

Но как оные книги весьма немногие получают как по неведению их пользы, так и по немалой цене оных, почему большая часть людей не пользуются сими сочинениями. А ежели бы все вышеписанные рассуждения издать в особой книжице, которая будет стоить не дорогой цены, то на оную будет больше и покупателей, и не только православные, но даже и раскольники, может быть, воспользуются и приидут в познание истины, по причине весьма ясно и законно доказанных в оных истин о святой, соборной и Апостольской церкви. А как и не все наши православные монастыри и церкви получают «Христианское Чтение», то снабжением оных сею весьма полезною и недорогою книжицей учинится немалый на оную расход, могущий вознаградить издержки на напечатание, а между тем принести существенную пользу ко утверждению церкви.

Изложив пред вами сие наше желание с мнением, отдаем на ваше рассуждение: ежели вы изволите найтить нужным, полезным и возможным к исполнению сего нашего мнения, то покорнейше просим посодействовать в сем, кому будет нужно, предложением. Мы же о сем вас утруждаем в надежде на вашу ревность по благочестию и милостивое и отеческое к нам расположение, которого надеемся и впредь быть не лишенными.

Испрашивая святых ваших молитв, с нижайшим нашим высокопочитанием имеем честь пребыть

Вашего Высокопреподобия нижайшие послушники и богомольцы:

Многогрешный Иеромонах Макарий
и многогрешный Иеросхимонах Иоанн
и многогрешный монах Иоанникий
11 декабря 1843 года
О<птина> П<устынь> Скит.

№ 71

Молитвами святых отец наших,
Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.
Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит!

Простите Господа ради, что не предварили вас нашим поздравлением с наступившим Новым годом; я находился некоторое время в отлучке и по возвращении получил ваше почтеннейшее писание, от 29 декабря писанное. Приносим вам покорнейшую нашу благодарность и вкупе и поздравление с новым годом, хоть и опоздалое. Но да покрыет сию вину ваша отеческая любовь.

Мы по неведению о ваших обстоятельствах осмелились беспокоить вас нашею просьбою предложить о напечатании статей о церкви, но ежели невозможно, то, видно, и нет воли Божией или время не приспело, и в сем также просим великодушно нас простить.

Отец Иоанникий нечаянно отправляется в ваши пределы сопутствовать Тихоновскому Отцу Строителю Геронтию. На сих днях они должны отправиться из Калуги.

Вы изволили обещать пожаловать нам перевода вашего книгу Св. Иоанна Лествичника писание, то, когда возможно, при возвращении Отца Иоанникия не оставьте снабдить нас этою книгою.

Испрашивая ваших святых молитв с желанием вам мира, здравия и спасения, с нижайшим нашим высокопочитанием и преданностию пребыть честь имеем

Вашего Высокопреподобия нижайшие послушники и богомольцы

Многогрешный Иеромонах Макарий
и многогрешный Иеросхимонах Иоанн
18 Генваря 1844 года
О<птина> С<кит>.

№ 72

Ваше Преосвященство, Милостивый Архипастырь!

Позвольте встретить Ваше Преосвященство моим усерднейшим поздравлением на новом месте, с прибытием к своей пастве и с приближающимся днем Вашего Ангела. Премилосердый Господь да сохранит Ваше здравие на многие лета и ниспослет Свою помощь в многотрудном Вашем служении Церкви Его. Спаси Вас, Господи, что и еще изволили удостоить меня получить Ваше Архипастырское и Отеческое писание от 20 числа Ноября, из коего видимо о времени Вашего отъезда из Петербурга, и потому пишу благонадежно в Ставрополь к Вашему Преосвященству.

Вы изволили спрашивать о книгах преподобного Исайи и преп. Марка Подвижника, будут ли оные напечатаны на Русском языке? Доложу Вам, что последняя переведена на Русский язык и представлена к Высокопреосвященнейшему Владыке на благорассмотрение, с испрашиванием позволения представить в цензуру и напечатать; но на это решения еще не получали. А рукопись преп. Исаии еще не поправлена в Русском переводе, думаем заняться, есть братия желающие, я же хотя и буду участвовать в сем деле, но так мало имею время, что не надеюсь назначить срока на окончание сего труда. Я все нахожусь в неоплатном долгу ответами на письма, к этому же чувствую часто большую слабость и немощь, а между тем думаем заняться на перевод старца Паисия сделать в некоторых неудобопонятных словах примечания, подобно тем, какие сделаны в книге св. Исаака Сирского, тем паче, что оная книга более приличествует монашествующим, а для них славянский язык довольно понятен, и если дозволят, то и напечатать, а со временем можно и в Русском переводе напечатать, и спрашиваем на сей труд Вашего Архипастырского благословения.

О. Ювеналий и о. Леонид, а с ними и о. Александр Яновский отправились от нас в свой дальний путь 14-го ч. Ноября, на Киев, и хотели все миссионеры приехать в Одессу к 30-му ч. Ноября — сроку, назначенному отходу пароходу. Вы изволите упоминать о Слове преп. Орсисия, ученика Пахомия Великого, хорошо бы перевести оное на Русский язык и напечатать. О. Ювеналий книги свои оставил пока здесь, только теперь нет в виду человека, который бы мог заняться сим делом. Хотел побывать к нам Конст. Карл. Зедергольм, мой крестник. Он довольно сведущ и в Латинском, и в Греческом языке, им пере-

ведена книга Аввы Дорофея с Греческого, только литературный язык после у нас поисправлен; то если ему будет время, попрошу его заняться сим переводом. Книгу Аввы Исаии Вашу по сей же почте имею честь препроводить к Вашему Преосвященству. Когда будет отпечатана книга Преп. Марка Подвижника, то за первый долг сочту оную доставить Вашему Преосвященству и Высокопреосвященному Афанасию, Архиепископу Казанскому.

Испрашивая Вашего Архипастырского благословения и Св. молитв, с глубочайшим моим Высокопочитанием имею честь пребыть Вашего Преосвященства Милостивого Архипастыря нижайший послушник

многогрешный иеромонах Макарий

Декабрь 1857 года.

№ 73

Ваше Преосвященство, Милостивый Архипастырь!

Приношу мою всенижайшую благодарность Вашему Преосвященству за милостивое Ваше писание, от 6-го Июля посланное, и что удостоили принять от нашего усердия Книгу Преп. Исайи Отшельника в нескольких экземплярах. Мы обязаны Вашему Преосвященству содействием в издании сей полезной книги, как побуждением к оному, так и доставлением рукописей Славянской и Вашего перевода Русской. Дай Бог, чтобы учение великого сего подвижника благочестия послужило к пользе ищущих спасения. При взгляде на нынешний образ жизни монашества, как мы далеко удалились от того пути, который нам показан в Отеческих учениях, сердце болезнует; и вместо того, чтобы искать доброго бисера, сокровенного на селе сердец наших, довольствуемся одною внешностию; а чтобы подвизаться на [нрзб.] мало и [нрзб.] обретаются, и чрез слабости наши бываем соблазн миру, вместо того, чтобы быть светом миру. Вы изволите замечать, что охота к чтению Отеческих книг начала истребляться в монахах; что и служит причиною к расслаблению, так как нет побуждения к деятельной иноческой жизни. Может быть, и есть из новоприходящих, что имеют ревность и желание спастись, но, видя примеры слабости, прежде осуждают их, потом и сами порабощаются оными, не имея верного окормления и отвержения своей воли и разума, что могло бы привести их к смирению, как сильному орудию на все вражии сети. Немудре-

но, что говорят люди о монашестве, что оно не нужно, по выражению почтенного купца, «народ все такой вшивой», но проявляется и в некоторых духовных журналах нынешнего времени что-то такое невыгодное о жизни монашества. А о других литературных изданиях нечего и говорить, и все это разливается по всему Христианскому миру, который не смотрит на свои слабости, но зорко взирает на монашеские и малые недостатки. Впрочем, мы не должны обвинять судящих нас, но находить в себе вины, смиряться, приносить покаяние, и Господь силен спасти и извести из рва онаго, виденного преп. Пахомием, скорбьми, напастьми и болезнями. Хотя и горестно смотреть на наши слабости, но многие приходящие в обитель обретают защиту от стрел вражиих, коим могли подвергаться в мирской жизни. Только, сколько мог я заметить, неполезно и опасно юных принимать, ибо они более подвергаются влиянию к слабой стороне и, навыкнув худому, нескоро могут придти к истинному пути, так что ни к монастырю, ни к миру не бывают способны. На сих днях мне пришлось слышать сравнительный пример иноческой и мирской жизни: один странник безногой ползком обошел многие монастыри и на вопрос одного монаха, как он находит монашескую жизнь в сравнении с мирской<?..>[1]

1859 г.

[1] Конец письма утрачен.

Из писем преподобного Макария Оптинского

Жизнь наша есть духовная военная служба — брань. С кем же? С невидимыми духами злобы. Кто воздвигает оные смуты? Враги живота нашего — бесы, стараясь восхитить от нас венцы подвигов за терпение, которые бы мы могли получить, принимая досады, оскорбления, унижения, укоризны, презрения и прочее, и через сие смягчилось бы наше жестокое сердце и истребились страсти: самолюбия, славолюбия, сластолюбия и сребролюбия, от которых и все страсти принимают силу и действуют.

Письма святителя Игнатия к преподобному Моисею (Путилову)*

№ 74

Ваше Преподобие! Боголюбивейший отец Моисей!

Приятнейшие ваши строки, при казенном пакете приложенные, и самое доставление онаго было для нас новым свидетельством той христианской любви и того искреннего и прямодушного благорасположения, под покровом которых мы жили в вашей Богоспасаемой обители. Не нужно в пространных словах изъяснять пред Вами нашу благодарность; ваше собственное сердце может вас уверить гораздо лучше всяких слов. При помощи ваших молитв окончили мы наше путешествие благополучно, больный с Троицкой Лавры стал ходить, а на место приехал почти здоровым. Просим покорнейше засвидетельствовать наше искреннейшее почтение о. Антонию и благодарность за его любовь. Сделайте одолжение, скажите наш усерднейший поклон скитским о. Леониду и о. Гавриилу,— также много пособлявшему нам с вашего благословения в келейных потребностях, о. Митрофану.

И наконец,— препоручая себя вашим молитвам и желая вам всех благ, с сердечною преданностию и почтением, честь имеем пребыть Вашими покорнейшими слугами

Дмитрий Брянчанинов и Михаил Чихачев

Октября 26 дня 1829 г.

---

* РГБ ОР. Ф. 213. К. 91, 92. *Преподобный Моисей* (в миру Тимофей Иванович Путилов, 1782–1862) — Оптинский старец. Двое братьев его, Александр и Иона, тоже были в монашестве. В 1805 г. Тимофей вместе с Ионой поступили в Саровскую обитель. С 1811 г. Тимофей жил в рославльских лесах пустынножителем и там был пострижен в монашество с именем Моисей; в 1812 г. недолго пребывал в Свенском монастыре, а затем еще 8 лет — снова в рославльских лесах. 6 июня 1821 г. о. Моисей с четырьмя пустынножителями по благословению Калужского Преосвященного Филарета (будущего Митрополита Киевского) поселился на монастырской пасеке Оптиной Пустыни и основал там скит во имя Св. Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. В 1826 г. назначен строителем Оптиной Пустыни; в 1837 г. — игумен; в 1854-м — архимандрит. 12 июля 1853 г. принял пострижение в схиму с оставлением прежнего имени. В его правление в Оптиной Пустыни проводились большие строительные работы. К братии он относился с большой любовью и доверием. Сам отличался крайней нестяжательностью и милосердием. За свою жизнь о. Моисей собрал 5000 книг, которые передал в библиотеку Пустыни.

Прославлен Русской Православной Церковью в 2000 г.

№ 75

Ваше Преподобие! Почтеннейший отец Моисей!

Странствующий брат Демутье сказывал мне от Вас поклон. Весьма Вас благодарю и весьма рад, что как Вы, так и прочие старцы благополучны и здоровы.

Вам известно, что живущий в Оптинском Ските рясофорный Монах Иоанн единственно ради меня у вас остался, что имел я к нему особенную любовь, равно и он ко мне. И потому прошу Вас убедительно отпустить чадо мое ко мне, отпустите его с миром!

Я в совершенной уверенности, что если вы его, вкупе со старцем его, ко мне отпустите, то он, будучи питомец послушания, яко на крыльях ко мне полетит и прибытием своим крайне меня утешит. Может быть, я могу быть в чем-либо для Вас полезен, то за ваше одолжение постараюсь послужить со всяким усердием.

О. Антонию, братцу Вашему, мой усердный поклон, и в знак памяти прошу принять по сей же почте посылаемую печать, равно как и я имею от него финифтяный образок. Пожелав вам всех благ и прося святых молитв, имею честь быть Ваш покорный слуга и Богомолец.

Архимандрит Игнатий
27 июля 1834 г.

№ 76

Ваше Преподобие!
Почтеннейший отец Строитель Моисей!

Письмо Ваше имел я честь получить. Сколько могу, готов стараться. Но необходимо, чтобы Калужская Казенная Палата дала с своей стороны решительное направление сему делу. Почему усугубьте со стороны Вашей старания в сем присутственном месте. Я весьма утешился прибытием Отца Иоанникия; весьма бы желалось побывать и в Оптине и утешиться лицезрением всех старых моих знакомых, — но доселе никак невозможно было — посмотрим, что впредь Господь устроит.

Желая Вам доброго здоровья и всех благ, прося Святых молитв, как Ваших, так и всего о Господе братства, имею честь быть Ваш покорнейший слуга

Архимандрит Игнатий
1837 15-е Сентяб<ря>.

№ 77

Ваше Высокопреподобие!
Достопочтеннейший отец Игумен Моисей!

Не знаю, как довольно возблагодарить Вас за увольнение о. Иосифа, который прибыл ко мне третьяго дни вечером и о себе будет писать к Вам собственною рукою. Демид, бывши в Петербурге, просил ходатайства Княгини Салтыковой, одной из первых здешних дам дворских, пред министром Государственных имуществ о наделении Оптиной Пустыни землею и лесом. Ответ Г<-на> Министра, последовавший Княгине, доставлен ею мне; а я препровождаю оный к Вам. Из ответа сего видно, что Палата Калужская не имеет к Вашей обители должного благорасположения, которое если б Вы стяжали, то Обитель Ваша была бы с лесом и землею. Если одно упущено, то Вы еще можете отвратить упущение другого, приобретши расположение к себе Палаты, как Иаков приобрел расположение Исаака. Известный Вам иеромонах Евангел, желавший попасть в Лавру, но не попавший, просит теперь, чтоб я его уволил в Оптину Пустыню. Находя сие последнее желание более подходящим к его нравственности, я соглашаюсь уволить из своей обители. Но если он и будет уволен, то едва ли Москва не соблазнит его.

Прося Ваших Святых молитв, с искреннейшею преданностию и почтением, имею честь быть Ваш покорнейший слуга и сомолитвенник

Архимандрит Игнатий
1842 24 февр.

№ 78

Ваше Высокопреподобие,
Достопочтеннейший отец Архимандрит Моисей!

Приношу Вам мое усерднейшее поздравление с великим Праздником Праздников, желая Вам всех истинных благ и приветствуя Вас всерадостным приветствием: Христос Воскресе!

По предварительному моему объяснению с Начальством, я надеюсь быть уволенным весною на побывку в Оптину Пустыню, куда полагаю прибыть в конце маия. Не откажите в милостивом приеме страннику! Позвольте просить Вас отвести мне келейку в Скиту или монастыре, если на гостинице не имеется отдельной келейки; ибо мне не хотелось бы остановиться в общем коридоре с светскими людьми. Последние две недели поста и

настоящую пасхальную неделю рассчитываюсь с сильною простудною болезнию, по причине которой не мог быть даже и в первый день Пасхи у церковного Богослужения.

Поручая себя Вашим Святым Молитвам с чувством отличного уважения и совершенной преданности, имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий
1856-го года 20 апреля
Сергиева пустыня.

P. S. Примите на себя труд передать о. Игумену Антонию мой усерднейший поклон и поздравление с Праздником.

№ 79

Христос Воскресе!
Ваше Высокопреподобие
Высокопреподобнейший отец Архимандрит!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим Праздником Праздников и вместе искреннейшую признательность за поздравление Ваше меня, грешного, крайне нуждающегося воскреснуть от сна душевного и присноовладевающего мною уныния.

Весьма радуюсь о даровании штата Скиту. Это дарование штата, видно, есть и утверждение Скита: ибо доселе он существовал как архиерейская церковь. Обстоятельство, весьма важное для обители и скита! Очень основательно Вы говорите, что одно Ваше представление и представление Вашего Епархиального начальства были бы недостаточными без особого ходатайства, устроившегося как бы мановением Божиим, для доставления штата Скиту. По мановению Божию, за услуги Обители Вашей всему Христианскому Обществу, Московский Митрополит, Санкт-Петербургский Митрополит, Обер-Прокурор Св. Синода, добрейший Граф Толстой, как бы заодно, согласились дать Скиту штат. Бумаги — темное дело; живое ходатайство имеет огромную и благодетельную силу.

Поручая себя Вашим Святым Молитвам, с чувством искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий
1857-го года 13 августа.

P. S. В Тамбов первым кандидатом представлен ректор Киевской Академии; молитесь, чтоб его утвердили. Вторым кандидатом — человек презлой и пренегодный во всех отношениях.

№ 80

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший отец Архимандрит!

Приношу Вам искреннейшую признательность за поздравительное письмо Ваше и прошу Святых Молитв Ваших и вверенного Вам братства, да служение мое Святой Церкви благоугодно будет Господу Богу.

Призывая на Вас обильное благословение Божие, с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский
Ноября 15-го дня 1857 года.

(*О. Моисей:* Получено 24 ноября 1857.)

№ 81

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший отец Архимандрит!

Хотя письмо Ваше принесло мне самую печальную весть, но искреннейше благодарю Вас за уведомление о опасной болезни, постигшей достопочтеннейшего Старца, Отца Макария. По получении сего известия я немедленно распорядился, чтоб в моей крестовой церкви ежедневно молились о его выздоровлении. Понимаю, в какое огорчение должно повергнуться братство, руководствовавшееся советами старца, при представшей внезапно опасности лишиться его; понимаю и огорчение Вашего Высокопреподобия. Сердечно участвую в этой печали и молю милосердого Господа, чтоб продлил земные дни болящаго для пользы и утешения многих.

Поручая себя Вашим Святым Молитвам, с чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский
1860-го года 21-го сентября
Ставрополь Кавказский.

№ 82

Ваше Высокопреподобие,
Высокопреподобнейший о. Архимандрит!

Сегодня получил я письмо Ваше с известием о кончине достоуважаемого иеросхимонаха о. Макария и распорядился, чтоб в обеих церквах Кавказского Архиерейского Дома совершалось сорокадневное поминовение почившего Старца. Воля Божия да будет! но нельзя не пожалеть о отшествии из среды нас Отца, доставлявшего многим пользу и утешение. Понимаю скорбь Вашу и вполне сочувствую ей.

Затем: Желая Вам всех истинных благ и утешения от Господа в постигшей Вас и Обитель печали, имею честь поручить себя Вашим Святым Молитвам и с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугой

Игнатий, Епископ Кавказский
23 сент. 1860 года.

(*О. Моисей:* Получено 16 октяб. 1860.)

№ 83

Ваше Высокопреподобие,
Достопочтеннейший отец Архимандрит!

Приношу Вам искреннейшую мою благодарность за воспоминание Ваше о мне и поздравление с Праздником Праздников — Воскресением Христовым. Поздравляя и Вас с оным, усерднейше желаю Вам всех истинных благ и приветствую Вас всерадостным приветствием: Христос Воскресе! Воистину воскресе Христос!

О. Антоний[1] извещал и меня о возведении его в сан Игумена. Введенский монастырь, в котором почивают родители преп. Александра Свирского, имеет порядочный денежный доход (до 4-х т.р.с.), 800 десятин земли с весьма хорошим землепашеством. Судоходная река Оять, на которой стоит монастырь, обилует прекрасною рыбою. Вещественные средства монастыря, вероятно, при о. Антонии усилятся: остается пожелать ему многочисленного и благонравного братства. Местоположение монастыря уединенное, а сообщение с Петербургом водою самое удобное на протяжении 300 верст.

Поручая себя Вашим Святым Молитвам, с чувством истинного уважения и преданности имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугой

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский
12 маия 1861 года.

(*О. Моисей:* 28 — получено.)

[1] *О. Антоний (Бочков)* – с 1859 г. настоятель Введенского Островского монастыря; 31 марта 1861 г. возведен в сан игумена и в апреле переведен настоятелем Череменецкого Иоанно-Богословского монастыря. О нем см.: Т. 1. С. 400–432.

№ 84

Ваше Высокопреподобие,
Достопочтеннейший отец Архимандрит Моисей!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за поздравление Ваше и Ваши благие желания мне, грешному. Равномерно поздравляю и Вас с наступившими Праздниками и Новым Годом, прося Вас покорно передать таковое же поздравление всем знакомым мне Отцам и Братиям Святой Обители Вашей. Прошедшим летом и осенью я чувствовал здоровье мое крайне расстроенным, особливо при путешествии с Кавказа, в Москве я подвергся сильнейшему припадку, коего последствия могли бы быть очень неприятны, если б они не были предупреждены обильным кровопусканием. Сюда едва дотащился и здесь чувствовал себя весьма нехорошо, кажется теперь начинаю поправляться, но из келлий еще не выхожу. Положением своим весьма доволен и признаю его устроенным особенною милостию Божиею.

Поручая себя Вашим Святым Молитвам с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугой

Епископ Игнатий
1 января 1862-го года.

Мой адрес: в Ярославль.

Письма преподобного Моисея (Путилова) к святителю Игнатию*

№ 85

Ваше Высокопреподобие
Высокопочтеннейший отец Архимандрит!

Удостоившись получить Ваше всеприятнейшее писание от 27 ч<исла> Июля и особо посланную печать, не могу достойно возблагодарить за таковую отеческую к моему недостоинству благосклонность. Но быв много почтен и утешен от особы Вашего

* РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 3.

Высокопреподобия вместе с братом моим Антонием Вашим милостивым благоволением, побуждаюсь долгом принести искреннейшую и всечувствительнейшую Благодарность мою в убогих сих строках. От души желая, да даст Вам Господь Бог помощь Свою в благоустройстве и духовном назидании вверенной Вам обители, к таковой цели согласно Вашему требованию из Братства здешней обители я с удовольствием душевным готов отпустить кто пожелает. Нимало не нарушая свободы монаха Иоанна, требуемого Вами, я представил Его воле рассмотреть Ваше к нему предложение и ответить Вам по собственному Его чувству. Таким образом изъявляя мое усердие, всенижайше прошу ваших св. молитв и продолжения Вашей отеческой о Господе любви, с истинным почитанием честь имею быть

Вашего Высокопреподобия покорнейший слуга и сомолитвенник

недостойный Строитель И<еромонах> Моисей
с Антонием и всею о Христе Братиею

15 Августа 1834
Оптина Пустынь.

№ 86

Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит!

Небезызвестна Вашему Высокопреподобию обитель наша Оптина и ее положение, в коей Вы некоторое время изволили быть и недостаток ее видеть. По возложенной на меня должности имея попечение о приведении ее в Благоустройство с доставлением нужного спокойствия ее обитателям, занялся постройкою вокруг Монастыря каменной ограды и по тесноте Соборной Введенской церкви распространением оной; при воззрении Всевышняго пособием некоторых Благотворительных Особ в прошедшие три года выстроили две стены ограды с башнями, а к церкви пристроили с обеих сторон два придела на место бывших в трапезе. Но на довершение сего начатого строения требуется еще немало иждивений. По сему случаю, а равно и по касающемуся ходатайству о деле обительском посылаю нарочито в С. Петербург обители нашей монаха Иоанникия для испрошения от усердствующих к Благотворению лиц вспомоществования. Причем поставляя в виду и Вашу Благосклонность, приемлю дерзновение всепокорнейше просить о благодетельном Вашем

содействии Ему доброю рекомендациею известным Вам Благотворящим Христолюбивым Особам, ибо, не знавши никого, трудно найти пособие; таковое Ваше содействие для обители будет незабвенным памятником для нас, обязанных Вашею любовию.

При желании Вам мира, здравия и спасения вручаю себя со вверенною мне братиею Вашим святым молитвам и с нижайшим высокопочитанием пребыть честь имею Вашего Высокопреподобия нижайший слуга и сомолитвенник

недостойный Строитель И<еромонах> Моисей

28 ноября 1835
Оптина Пустынь.

№ 87

Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит!

Известясь от нашего сообитателя отца Иоанникия о Вашем отеческом приятствовании Его и оказанном участии в ходатайстве нашем о наделении землею[1] по Монаршей Милости к поддержанию монастырей жалуемой. Приняв сие Ваше Благодетельное усердие знаком Вашего к обители Благорасположения и Христианской любви, приношу Вашему Высокопреподобию мою и общебратственную покорнейшую Благодарность и всенижайше прошу ради Бога довершить с помощию Его оное Ваше Благодетельство, как личным Вашим ходатайством, так и наставлением Братий наших, где и у кого искать им в оном случае покровительства. В наделении сем землею пустынь имеет немалую нужду для упрочивания и надпредбудущее время в содержании Братства Благонадежным источником. Сим учините обители Ваше значительное Благодеяние, которое останется навсегда памятником для обитателей ея как нынешних, так и впредь имущих быть; да и пред Богом оное незабвенным пребудет.

В надежде продолжения Вашей к нам о Господе любви и Благорасположения, вручая себя и вверенное мне Братство Вашим святым молитвам, с нижайшим моим Высокопочитанием пребыть честь имею Вашего Высокопреподобия Достопочтеннейшего Отца покорнейший слуга и сомолитвенник недостойный *Строитель И. Моисей* со всею о Христе Братиею.

11-го марта 1836
Оптина Пустынь.

[1] О. Иоанникий в письме настоятелю Оптиной Пустыни отцу Строителю Моисею от 14 января 1836 г. написал: «...по совету добрых людей 24-го числа поехали в Сергиевской монастырь, где Отцом Архимандритом Игнатием приняты были ласково и радостно, он продержал нас до 29-го числа, обещал хлопотать о земле...» (РГБ ОР. Ф. 213. К. 92. № 26).

№ 88

Ваше Высокопреподобие Достопочтеннейший
и Благодетельнейший отец Архимандрит!

Проходя служение мое в Начальстве, по силе моей старался быть полезным для обители и для обитающего в оной Братства, не ища здешней награды; не смею сказать, чтобы вполне мог успеть и достигнуть настоящей цели, токмо желание мое известно Испытующему сердца. Но начальству угодно было почтить меня наградою Игуменства. Я принял сие с Благоговейным чувством, однако и с опасением взыскания: Ему же дано будет много, много взыщется от него. Не титло достоинства спасти может на втором пришествии Христовом; оные часто бывают и преткновением; да еще некто от Святых любомудрствует, едва обретается в человецех мозий носити честь. Принеся Вам мою чувствительнейшую Благодарность за два писания Ваши и поздравление меня с сею наградою, всепокорнейше прошу вознслать молитву Вашу к Небесному Владыке, да возмогу понести неосужденно сан сей, и в прохождении служения моего дарует мне Свою помощь.

Вы, не престая пещись о Благе нашей обители, изволили прислать записку о земляном нашем деле, с полезным Вашем об оном советом. Доложу Вам, что я никак не воображал, чтобы Палата так скоро могла сделать отношение об нашем деле, меня уверяли, что по собрании справок от всех монастырей будут делать представление в Департамент. Знавши, что еще оные не собраны, я на это понадеялся и не спешил, но вместо того вышло другое. Отказ сделать не по казенным выгодам, но видно по своим; теперь буду прилагать старание с посевом о Благословении, когда может оное, взойдя, принести плод, только неизвестно, скоро ли будет из Департамента запрос и в какой силе. Позвольте попросить о сем узнать Вашего Павла Петровича, так как Вы изволили писать к Отцу Леониду, указав на его лицо. Благодарность моя не может быть соответственна Вашему старанию и попечению о пользе нашей, но Сам Господь вознаградит Вас Своею милостию и да ниспослет Вам мир, здра-

вие и спасение, коих Вам от искренности сердца моего желаю. При сем еще питаю себя надеждою иметь счастие видеть Вас у себя, когда Благоволит Господь устроить путь по намерению Вашему.

Поручая себя Вашим св. молитвам, с нижайшим моим Высокопочитанием пребыть честь имею Вашего Высокопреподобия покорнейший слуга и недостойный сомолитвенник

Игумен Моисей
5 октября 1837
Оптина Пустынь.

№ 89

Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит!

Отправление Братий наших в пределы Столицы обязывает меня принести Вам нижайшее мое почитание, а вместе с сим и поздравление с наступившим Новым Годом: примите теперь искреннее мое желание, чтобы и впредь идущие многие годы сохранил Господь Ваше здравие, ниспослав духовные свои дары ко утешению души Вашей. Память Ваших Благодеяний к нашей обители, явленных покровительством Братий наших, хранится незабвенно как мною, так и прочими нашими пустыннообитателями. Изъявив пред Вами чувства нашей признательности и Благодарности, паки осмеливаюсь утруждать Вас всенижайшею просьбою и в теперешнее время пребывания Братий в С. Петербурге по послушанию для обители — удостоить Вашего покровительства, предстательства и отеческой любви, в надежде чего несомненно остаюсь и, поручая себя и Братию вверенной мне Обители Вашим Св. молитвам, имею честь пребыть

Вашего Высокопреподобия покорнейший слуга и сомолитвенник

недостойный Игумен Моисей
2 Генваря 1840
Оптина Пустынь.

№ 90

Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит!

Нося в душе чувство Благодарности к Вам за полученное мною приятнейшее писание, каковым изволили почтить меня,

недостойного; и Братия наши о. Иоанникий и о. Иларион, возвратясь Благополучно из С. Петербурга, в обители изъяснили мне о оказании к ним Вашего Отеческого Благоволения и успокоения в Вашей Святой обители. Приемля сии милости Ваши учиненными для всей нашей обители, купно и для меня, долгом считаю принести Вам мою всепокорнейшую благодарность. А при том, имея в виду приближающийся радостный день Ангела Вашего и всерадостный Праздник Рождества Христа Спасителя нашего, приношу Вам усерднейшее поздравление со оными. И от всего сердца желание, да Благословит Господь Бог дни жизни Вашей миром, здравием и ниспосланием БОГАТЫХ СВОИХ ДАРОВ.

Осмеливаюсь поручить себя и вверенной мне обители Братию Вашим святым молитвам и с нижайшим моим высокопочитанием пребыть честь имею

Вашего Высокопреподобия покорный слуга и сомолитвенник

недостойный Игумен Моисей
17 декабря 1840
Оптина Пустынь.

№ 91

Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит!

Отеческое Ваше писание от 18-го сего Генваря я имел счастие получить и, согласно Вашего предложения на увольнение Иеромонаха Иосифа, изъявляю согласие с душевным моим удовольствием, имея сей приятный случай, к услуге Вашей отпускаю Его с радостию. Поручая себя и вверенное мне о Христе Братство Вашим св. молитвам и Отеческому Благорасположению, с истинным моим высокопочитанием пребыть честь имею Вашего Высокопреподобия покорный слуга и Богомолец

недостойный Игумен Моисей
29 Генваря 1842
Калуга.

Письма святителя Игнатия к преподобному Антонию (Путилову)*

№ 92

Ваше Высокопреподобие! Отец Игумен!

Почтеннейшее письмо Ваше получено мною 24-го сего Января, и на оное имею честь Вас уведомить, что дело о завещанных Коллежским Советником Григорьевым[1] в пользу Лаврентьевского и Малоярославецкого Николаевского Монастырей 10 т. рублях находится в рассмотрении 7-го Департамента Сената, что в Москве, коему подчинена Калужская губерния; а поэтому и советую Вам немедленно принять меры о ходатайстве в упомянутом 7-м Департаменте Сената в Москве, а между тем я узнаю, какое последовало по оному делу мнение Г-на Обер-Прокурора Святейшего Синода, и Вас непременно вскоре уведомлю.

С истинным почтением имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий
Января 26-го дня 1840 года
Троицко-Сергиева пустыня.

[1] Описка, нужно Ларионовым.

№ 93

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший и вселюбезнейший отец Игумен!

Когда получил я приятнейшее письмо Ваше, тогда лежал на одре тяжкой болезни,— и хотя любовию, дышущею в письме

* РГБ ОР. Ф. 213. К. 58. *Преподобный Антоний* (в миру Александр Иванович Путилов; 1795–1865) — Оптинский старец, брат архимандрита Моисея. В 1816 г. удалился к брату в рославльские леса и прожил там 5 лет. В 1820 г. пострижен в монашество. В 1821 г. вместе с братом перешел в скит Оптиной Пустыни. В 1825 г. определен на должность скитоначальника и состоял в этой должности 14 лет. При нем в Оптиной упрочилось старчество. В 1839–1853 гг. — настоятель в сане игумена Малоярославецкого Николаевского Черноостровского монастыря. 9 марта 1865 г. келейно пострижен в схиму с оставлением прежнего имени. Отличительной чертой его было искреннее смирение; увлекался поэзией. При поступлении в Оптину Пустыню передал в библиотеку около 60 книг и тетрадей, которые переписал у рославльских подвижников. Живя в Пустыни, собрал и передал в библиотеку еще 2000 книг.

Канонизирован в 2000 г.

вашем, до глубины сердца был тронут, однако никак не мог отвечать собственноручно. Не желая, впрочем, оставить Вас в недоумении относительно прописанного в письме Вашем деле, поспешил по скорейшей справке уведомить Вас, — что, вероятно, Вы и получили. Благоволите наблюсти за сим делом в Москве, и когда оно перешлется в Петербург к Министру юстиции, потрудитесь немедленно меня уведомить. Доложите его Преосвященству, что я почитаю себя одолженным особою Его Святительства; и потому исполнение по силе Его Архипастырского поручения для меня будет приятнейшим долгом и послушанием.

Поздравляю Вас, почтеннейший отец Антоний, с приятием Игуменского сана, что случилось не без особенного промысла и воли Божией. Да дарует Вам Господь благоденствие и обильный духовный плод. Прошу продолжения братской любви Вашей, прошу Святых молитв Ваших, в коих весьма нуждаюсь: ибо живу близ моря житейского, волнуемого и обуреваемого многоразличными ветрами. О. Иоанникий прибыл благополучно в Петербург, принят Преосвященным Митрополитом весьма благосклонно, — и у нас, грешных, в шумной обители Сергиевской погостил денька два, утешая и утешаясь взаимною любовию.

С искреннейшею о Господе преданностию и таковым же почтением имею честь быть Вашего Высокопреподобия

покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий
земно кланяюсь
1840 Года Февраля 6-го дня.

Вписано:

19-го марта получено из С.П.Б. сведение таковогo содержания: «Мнением Обер-прокурор Св. Синода заключил, чтобы завещанные Ларионовым двум монастырям 10 тысяч рублей отдать и претензии Высоцкого оставить без уважения». Мнение это представлено Сенату 3-го ноября 1839 г.

№ 94

Почтеннейший отец Игумен!

По письму Вашему от 24-го истекшего Марта употреблено мною всевозможное содействие к отысканию в Министерстве Внутренних дел Вашего дела, но его не оказалось. А потому не угодно ли Вам будет повторить в Москву свою просьбу как о

том, чтоб поспешили отправлением дела в Санкт-Петербург, так и о том, чтоб уведомили Вас: когда и к которому именно Министру будет отправлено то дело на решительное заключение.

С истинным почтением, имею честь быть покорнейший слуга и сомолитвенник

Арх<имандрит> Игнатий
Апреля 9-го дня 1840 года
Сергиева Пустыня.

№ 95

Ваше Высокопреподобие!
Почтеннейший отец Игумен Антоний!

И опять мы обмануты. Знакомый мой справлялся в Министерстве финансов, а что по справке оказалось, то можете увидеть из приложенной при сем записки с отметкою карандашом; присылаю оную Вам в подлиннике. Надо повернее выправиться в Москве; видно, дело клонится в пользу святых обителей, а потому противником и поставляются таковые сети.

Прося Ваших Святых молитв, с искреннейшим почитанием и преданностию имею честь быть навсегда

Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий
1840 23-го Маия.

№ 96

Ваше Высокопреподобие!
Достопочтеннейший и Вселюбезнейший
Отец Игумен Антоний!

Два приятнейшие письма Ваши — одно чрез Иеромонаха Иосифа, а другое вслед за оным по почте — получил, дав пройти неделе мясопустной, во время коей мирские люди предаются вполне увеселениям, потом дав пройти первой неделе великого поста, во время которой все говеют и делами не занимаются, на второй неделе начал хождение по Вашему делу. Поелику же самому Графу[1] по множеству дел, коих в Синоде ежегодно бывает до 12 тысяч, невозможно заниматься мелочами с подробностию, то я и просил Г<-на> Франка, его Вице-директора, дабы он обратил внимание на Ваше дело, и он мне обещал, что Граф в настоящее время будет непременно настаивать соответственно своему прежнему мнению. Насчет же пожертвования для

окончания соборной церкви в Вашей обители я советовался с некоторыми знающими людьми, кои мне сказали, что по настоящей крайности в деньгах нельзя ожидать, чтобы Государь Император решился сделать экстренное пожертвование из Государственных сумм: разве Преосвященный рассудит представить форменно в Св. Синод, а Св. Синод найдет приличным назначить на Собор Ваш некоторое количество денег из сумм, отпускаемых ежегодно в распоряжение Св. Синода. Благодарю Вас усерднейше за любовь Вашу ко мне; в сердце моем ощущаю извещение, что оная любовь есть искренняя, и благодарю Господа, ниспославшего в сердце Ваше таковое братское расположение, коему желаю соответствовать. Премного одолжен я отцом Игуменом Моисеем за благосклонное увольнение ко мне Отца Иосафа. Сколько я утешился его приездом! Вам известно, какова была любовь моя к нему и как постоянно она сохранялась! Вот прямый Израильтянин, в нем же лести несть! Вот простота, в ней же почивает Дух Божий! Вот человек, уготованный для неба! Как он ко всем мирен, с каким благоговением к о. Игумену Моисею, к Вам, к управлению монастыря, к братству: это меня очень обрадовало. Ныне редко встретишь довольного и благодарящего, а по большей части встречаешь недовольных и ропщущих. О рюмочках и стаканчиках, о коих Вы изволите писать, должно б было мне Вас предупредить и просить Ваших Св. молитв, дабы Господь помог мне удержать мое жадное чрево и обуздать оное благоразумием и умеренностию. Ибо сия страсть, по предречению великого Памвы, борет и низлагает нас, настоятелей последнего времени, хотя и настоит час, в который должны монашествующие приуготовлять постом телеса свои, дабы оне не вострепетали пред лицем меча и не воспрепятствовали душе исповедать доброе исповедание. Ибо сей конец предсказан Духом Святым для монахов последнего времени; а ненависть мира ко Христу, раскрывающаяся и сильно, и быстро, возвещает, что исполнение книги запечатленной судеб Божиих близь есть. Так наносимые ветром облака предвозвещают имеющий наступить гром и дождь. Почему хотя и лежу в блате паче вас и долу повержен страстями моими, но прошу Вас и молю: не доверяйте льстивым просьбам тела, представляющего свою слабость и требующего подкреплений в излишестве. Неприметным образом оно втянет нас в свое рабство и повергнет в дела, близкие к падениям, как говорит Св. Исаак Сирский в 75-м Слове, где он говорит о двух предметах: 1) о ред-

ком исхождении из монастыря, 2) о благоразумном уставе для чрева. Хотя сии два предмета по видимому и весьма просты и незначительны, но Св. Исаак утверждает, что они суть *основание всех благ, возвание души от пленения вражия, путь к небесному свету и животу,* что кто вознерадит о сих двух предметах, тот *потрясает основание всех добродетелей.* Святый почитает столь важным сие знание, что уразумение оного почитает даром *благодати* и сознается, что он приял язвы бесчисленнейшие и одержал победу заступлением свыше. Прошу Ваших святых молитв, дабы Господь, заповедавший нам блюсти *да не отягощевать телеса* наши *объядением* и *пьянством* и печалями житейскими, послал мне свыше помощь исполнить Его святое повеление. Без Него бо не можем творить ничего же, и доколе посредством молитвы пребываем на лозе, то мнимся приносити некий плод; но только что оставлением молитвы отъимаемся от лозы, тотчас впадаем в руце немощей наших и сгораем в пламени страстей наших. А что изволите писать о трудностях Настоятельской должности, то в наши времена я нахожу в ней и некоторую удобность: от начальства плюхи, от братии плюхи, от приходящих плюхи; на плюхах спастись можно! За тем прошу Ваших святых молитв, в оскорблениях прощения и, заочно земно кланяясь, имею честь быть навсегда Ваш покорнейший послушник

Многогрешный Арх. Игнатий
1842 Год Марта 20 д.

О. Иосиф просит Ваших Св. молитв и земно кланяется.

[1] *Протасов Николай Александрович* (1798–1855) – граф, с 1836 по 1855 г. – Обер-прокурор Св. Синода.

№ 97

Воистину Воскресе Христос!

Возлюбленнейший о Господе отец Игумен Антоний!

Приношу Вам искренную и сердечную благодарность за поздравление Ваше с Великим Праздником Святыя Пасхи, с которым, хотя и мимо текшим, равномерно Вас поздравляю.

Слухи, что Пр<еосвященнейший> Киевский Филарет намеревается отправиться в Киев чрез Москву, справедливы. Он уже и выехал 3-го маия. Я писал о сем в Оптину Пустыню. Может быть, что настоящее письмо мое предупредит его приезд к Вам днем или двумя: ибо он намеревался побывать в Ростове.

По записке Вашей о деньгах, завещанных Ларионовым, производится справка; когда же оную получу, то постараюсь немедленно известить Вас. А сие письмо тороплюсь для того скорее отправить, чтоб оно, по желанию Вашему, поспело принести Вам известие о приезде Пр<еосвященнейшего> Киевского.

О штатных служителях к нам запроса не было: мы с Палатою Имуществ довольно ладим! Это вопрос есть местный и существует по некоторым Епархиям, между прочим и в Рязанской. Архиепископ оной просит вместо штатных суммы, по невозможности прокормить их и с семействами на неокладные деньги Архиерейского дома. Надо предполагать, что многие принуждены будут подать подобный голос в настоящее уже время по неимению средств к содержанию штатных с семействами. Судя же по ходу народного духа, очевидно, что в непродолжительном времени и все монастыри должны будут отказаться от служителей: ибо несвойственно агнцам начальствовать над волками. Поелику же Ваше Начальство противного мнения, то всего лучше Вам дать ответ обоюдный, т. е. в бумаге Вашей изложить, сколько Штатных для монастыря нужны, а с другой стороны, что содержание их семейств на счет монастыря совершенно невозможно, а что потому необходимо от казны назначить для их и их семейств пахотную землю и прочие угодия. А сего Министерство Имуществ никак не сделает. Сим ответом воле Начальства удовлетворите, а ходу ему не будет, и в свое время сей вопрос опять повторится. Разумеется, денежное вознаграждение было бы всего лучше. Но его не дадут! Если же Вы сделаете вышеписанный ответ, то при отказе, который должно предполагать наверно, Вам удобнее будет просить денежное вознаграждение, да и Начальство Ваше тогда удобнее согласится на Ваше мнение.

Вот! Попечение о Церкви Христовой облекает Настоятеля в должность сборщика, заставляет выслушивать разные укоризненные наставления и суждения! Сколько уроков смирения! А братия, мало это чувствуя (ибо, чтоб чувствовать, надо испытать), то тем, то другим недовольны и завидуют сану, не понимая бремени, соединенного с саном.

О. Иосиф приносит Вам сердечное благодарение за Отеческое воспоминание Ваше о нем и поручает себя Вашей любви и Св. молитвам. Я помышляю о поездке в Киев, где я не бывал. И Пр<еосвященный> Филарет приглашает, и любовь многих отцов и братий знаемых притягивает, и самое плохое здоровье мое нуждается в отдохновении и путешествии. Впрочем, как Бог

велит; можно ли будет оторваться: мое положение и трудное и мудреное.

Прошу Ваших святых молитв и продолжения Вашей отеческой и братской любви! С искреннейшею преданностию и сердечным почтением, имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником и сомолитвенником

Арх<имандрит> Игнатий
1842 8-го маия.

Письмо преподобного Антония (Путилова) к святителю Игнатию[1]

№ 98

Ваше Высокопреподобие!
Всепречестнейший и Достопочтенный Батюшка
Отец Архимандрит, благословите!

Во-первых, честь имею поздравить Вас с Божиею и Монаршиею милостию; при чем усерднейше желаю, дабы милость Царя Небесного и благоволение Монаршее и впредь обильно изливались на Вас! Во-вторых, приношу Вашему Высокопреподобию всечувствительнейшую благодарность мою за памятование обо мне, грешном, за приписанный поклон и за присланную Печать, каковых знаков благоволения Вашего я не ожидал, считая себя более заслуживающим презрение: но Вы как Праведник, по слову Св. Давида, наказали меня милостию! А по сему я за сию богатую милость приношу Вам с коленопреклонением сердечную благодарность мою.

Причем осмеливаюсь донесть Вам и о себе, что я по милости Божией жив еще, точию от многих моих грехов, очень нередко немоществует тело — немоществует и душа моя! почему, припадая к стопам Вашим, испрашиваю Ваших Богоугодных о мне молитв; коим поручая себя, остаюсь ко Особе Вашего Высокопреподобия с Сердечным уважением моим и с усерднейшим желанием — Милости Божией и Душеспасительного при многолетнем здравии жития Нижайший Слуга и Богомолец ваш

Многогрешный Иеромонах Антоний.

Его Преподобию Всечестнейшему Отцу Михаилу мое сердечное почитание и благоговейное поклонение — покорнейше прошу объявить.

Августа 28-го 1834-го Года
Скит.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 24.

Из писем преподобного Антония Оптинского

Конечно, легче бы было с сытым чревом и с мягкого пуховика, перевернувшись, — да прямо в пресветлый рай; но туда со Креста дорожка проложена, ибо Царствие Божие не одною или двумя, но многими скорбями достигается! Вам, как и мне, более нравится находиться всегда в спокойном положении, но *иже Христовы суть,* те распинают *плоть свою со страстьми и похотьми.* Мы же с Вами весьма безсильны и многонемощны, и подумать страшно о распятии, о железных гвоздях и копии! По крайней мере, претерпим Бога ради хотя косой взгляд, холодный прием и отказ в просимом и хотя с сих ничтожных степеней начнем свое распятие. И — Бог Милостив — проберемся и мы за великими страдальцами в Царство Небесное!

Итак, возлюбленное мое чадо, ни о чем не унывай, а на Бога уповай; и старайся при случающихся неприятностях затверживать сие: во имя Господа Иисуса Христа все терплю!

Письмо святителя Игнатия к монаху Иоаннikию (Бочарову; в схиме Леониду)

№ 99[1]

Ваше Преподобие! Достопочтеннейший отец Иоанникий!

Почтенное письмо Ваше имел я честь получить. Благодарю Вас за поздравление, а в том, что не отвечал на прошедшее письмо Ваше, прошу прощения. То, что Вы называете моим странноприимством, есть только обязанность моя и слабый признак благодарности, каковое чувство должен я всегда к Вам сохранять.

Потрудитесь сказать о. Строителю Моисею мою благодарность за его поздравление. По письму его ходатайствовать постараюсь. О послушнике Николае Демутье, о коем он упомянул в письме, я совершенно оставляю на его волю. Сего послушника я отпустил по правилу своему никого не удерживать насильно; а как теперь он от меня вышел, то мне до него никакого дела нет. Сам возраст и искус превратных обстоятельств сего мира имать!

Также потрудитесь сказать мой усердный поклон о. Антонию, начальнику скита, земляку моему о. Макарию молчаливому, о. Макарию Иванову, о. Авраамию, о. Геронтию, о. Иосифу, моему любимцу; уж скажите и о. Гавриилу, о. Вассиану и Диомиду, дабы они не опечалились, увидев, что я их не вспомнил.

Наш о. В. перешел в Лубны, о. Серафим эконом, и другой Серафим просфиряк, о. Михаил и прочие братия Вам усердно кланяются.

Желая Вам доброго здоровья и всех благ душевных и телесных, прося Ваших Святых молитв, имею честь быть

Вашего Преподобия покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий
1836 Года Дек. 21 д.

При сем удобном случае, Достопочтеннейший о. Леонид, позвольте засвидетельствовать Вам мое искреннейшее почтение. То время, которое я жил при Вас и пользовался Вашими наставлениями, почитаю частию времени, приятнейшего в моей жизни. И ныне прошу поминать меня, недостойного, в Ваших святых молитвах. О. Михаил Чихачев свидетельствует Вам свое усерднейшее поклонение с почтением.

[1] РГБ ОР. Ф. 213. К. 103. *Отец Иоанникий* (в миру Иакинф Тихонович Бочаров, 1780–1853) — монах Оптинского скита, в схиме Леонид. По матери приходился племянником старцу схимонаху Феодору, ученику преподобного Паисия Величковского. В 1807 г. пострижен в рясофор иеромонахом Леонидом (Наголкиным) в Белобережной пустыни. В 1809 г. пострижен в мантию. В 1824 г. поступил в братство Александро-Невской Лавры, где с ним познакомился Дмитрий Александрович Брянчанинов. В 1834 г. переместился в Оптину Пустынь. 31 марта 1851 г. в Калужской Тихоновой пустыни, где временно находился, пострижен в схиму.

Письма монаха Иоанникия (Бочарова; в схиме Леонида) к святителю Игнатию*

№ 100

Молитвами святых отец наших,
Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.
Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит Игнатий!

По выезде моем 15-го Апреля из Петербурга прибыл я с сопутником моим Спиридоном в нашу обитель 8-го Маия и благодаря Бога застал все благополучно; батюшка отец Леонид живет в монастыре покойно и мирно, благодарит вас за ряску. А паче за любовь и память вашу к нему. Отец Строитель кла-

* РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 45.

няется вам и благодарит за писание ваше к нему, он пишет вам особо. А с ними вместе и мы с Спиридоном в полной мере чувствуем вашу хлеб-соль, упокоение и всякое утешение, истекаемое от вас, и желаем получить ВАМ ОТ ГОСПОДА БОГА мир, радость и вся просимая вами к спасению и благоденствию вашему.

А наконец просим Святых ваших Молитв и благословение.

Остаюсь Вашего Высокопреподобия ваш покорный слуга

многогрешный монах Иоанникий
Маия 12-го 1836-го.

Сия вернейшая оказия и Благодеяние, оказанное Вашим Высокопреподобием не по достоинству моему, понудило мою унылость изъяснить сим мою пречувствительнейшую благодарность, да вознаградит Сам всемилостивый Господь наш Иисус Христос своею благодатию и милосердием за ваше таковое благодеяние и памятование о моем непотребстве. Ваш вашего Высокопреподобия всемилостивейшего отца и благодетеля недостойнейший богомолец многогрешный *Иеромонах Леонид* всенижайше заодно кланяюсь.

№ 101

Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит!

Прошлого года хотя и находился я в сие время в Санкт-Петербурге, но по неведению моему не исполнил долга своего, лично не поздравил ваше Высокопреподобие со днем вашего Ангела; в каковой моей вине после удостоился получить от вас прощение. Но желая загладить сию мою погрешность, памятуя приближающееся празднество Святого священномученика Игнатия богоносца, которого имя вы изволите на себе носить, в обязанность себе поставляю поздравить вас с оным и пожелать вам на многие лета праздновать сей день во здравии и душевном мире и спокойствии, которые да ниспослет на вас премилосердый Господь. Оказанные вами мне в бытность мою с сопутником моим о. Спиридоном в святой вашей обители страннопримство и любовь потщусь содержать в памяти моей незабвенно и чувствовать сердечную мою благодарность. А при слабых моих к Богу молитвах молить о здравии и спасении вашем. В надежде вашего благорасположения, осмеливаюсь нижайше испраши-

вать вашего благословения, и, вручая себя в ваши святые молитвы, с достодолжным моим к вам высокопочитанием пребыть честь имею Вашего Высокопреподобия всепокорнейший послушник

многогрешный монах Иоанникий
9-го декабря 1836-го года
Оптина монастыря Скит.

При сем и я, ничтожнейший, имею честь поздравить вас, ваше Высокопреподобие с наступающим днем вашего Ангела, и да дарует вам премилосердый Господь встретить оный и препроводить в вожделенном здравии и Благоденствии — ваш недостойный Смолитвенник

многогрешный Иеромонах Леонид.

№ 102

Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит!

На худые мои строки вы удостоили меня собственноручным ответом; при всех ваших занятиях уделили время и для меня, последнего. Чувствуя таковую вашу милость, давно побуждался принести вам всенижайшую мою благодарность, но удерживался от сего, дабы не отвлечь вас от важнейших предметов ничтожными моими строками. Но теперь уже осмеливаюсь дерзать на сие по случаю приближения высокоторжественного праздника Воскресения Господа нашего Иисуса Христа. И за непременный долг считаю поздравить вас с сим всерадостным праздником. Примите сердечное мое желание, да утешит вас премилосердый Господь во дни сего торжества нетленным своим утешением и дарует мир и спокойствие душевное, при совершенном здравии телесном.

Позвольте, почтеннейший отец! напомнить вам прошедший год. Сие время останется для меня всегдашнею памятию, как мы с братом отцом Спиридоном в вашей обители торжествовали и пользовались вашей отеческою любовию. Чувства моей благодарности не в силах изъявить, но при слабых моих молитвах должен молить премилосердого Господа о здравии и спасении вашем. Осмеливаюсь и себя поручить вашим святым молитвам и с нижайшим моим высокопочитанием и земным поклонением

имею честь пребыть Вашего Высокопреподобия нижайший послушник

многогрешный монах Иоанникий
10-го апреля 1837-го года
Оптина монастыря Скит.

№ 103

Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший батюшка отец Архимандрит!

По прибытии нашем в обитель свою 5 числа сего Генваря осмеливаюсь о сем донести вашему Высокопреподобию. Благодеяния и милости, вами изъявленные как мне лично, так и ходатайство ваше, подавшее нам средство к снисканию для обители пользы, остаются впечатленными в сердце моем, и счастием себе поставляю при первом сем, убогом моем к вам начертании изъявить всенижайшую мою и чувствительную благодарность. Исполняя послушания, находясь в волнении мира, находили мы тихое пристанище в вашей святой обители; а отеческая ваша любовь и ласковое обращение служили нам утешением; в обители вашей мы забывали понесенный нами труд и совершенно успокоевались. Но без вашего ходатайства и приступ к исполнению нашего послушания был бы весьма затруднителен. Еще же и любовь ваша к батюшке отцу Леониду, и сострадание о его положении тронули меня до глубины сердца: все сие чувствуя, не мог пройти молчанием, не изъявить чувств моих пред вашим Высокопреподобием. Позвольте принести вам усерднейшее мое поздравление с наступившим Новым годом, и желаю вам новых сил и нового счастия; и как в течении сего года, так и во многия будущия желаю вам телесного здравия и душевного мира и всякого спокойствия, и да ниспослет великодаровитый Господь на вас и на всю вашу обитель свое благословение.

Припадаю к отеческим вашим стопам и испрашиваю ваших святых молитв и благословения и с нижайшим моим к вам высокопочитанием и преданностию пребыть честь имею вашего Высокопреподобия нижайший послушник

многогрешный монах Иоанникий
Генваря 24 дня 1838-го года
Оптина монастыря Святого Иоанна Предтечи Скит.

При сем и я, непотребный Леонид, вас, Достопочтеннейший отец Архимандрит, честь имею приветствовать моим поздравлением с наступившим Новым годом и пожелать вам здравия, Спасения и Благоденствия, а за принятие нашего Ближайшего Собрата, Отца Иоанникия, недостает сил и чувств вашей любви изъявить Благодарность и в надежде вашего Благорасположения пребыть честь имеем ваши недостойные сомолитвенники.

Позвольте также и мне вашему Высокопреподобию принести поздравление с наступившим Новым годом, пожелать мира, здравия и спасения; с нижайшим моим высокопочитанием имею честь пребыть

Вашего Высокопреподобия нижайший послушник

Иеромонах Макарий.

Письмо иеросхимонаха Иоанна (Малиновкина) к святителю Игнатию

№ 104[1]

Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит!

Милостивое ваше внимание ко мне, убогому старику, дает мне право осмелиться представить вам, с глубочайшим моим к вам почтением и уважением, собранные мною доказательства о древности трехперстного сложения в знамении крестном, и имясловнаго Святительского благословения, а также к оной добавление о триперстном молении, которые с одобрения Московской Духовной цензуры сего года и напечатаны. Сам Бог видит мое намерение, что посвятил труды сии в пользу ближних моих братий, кои находятся хотя в церкви, но недугуют в знамении двуперстного сложения. Желая соединить их в Единение духа и союз мира, дабы Единми усты и Единым сердцем Славился всеблагий Бог наш и в обычаях и в обрядах по преданию церковному. В оных Книжицах упоминается, что двуперстное сложение имеет происхождение от Армян, которые церковию проклятию преданы и даже называются треклятыми, и находится сие в малой моей Книжице на странице 18. За что Армяне на меня оскорбились, представили книгу сию Лазареву, а он послал ее в Петербург. Я нимало сего не опасаюсь, ибо это не мое выражение, а Св. Церковь приняла оное, и напечатано повелением Благочестивейших наших Государей и благословением Святейшего

Правительствующего Синода в постной триоде, в неделю Мытаря и фарисея Лист 10 на обороте, и вам довольно известно, что оных книг издано в России в разные времена большие тысячи. О чем нашел нужным довести до вашего сведения и всепокорнейше просить, в случае не произошло бы прекращения пользы сея удержанием хода книг чрез светское правительство, замолвите слово где и кому следует; каковое ваше покровительство и ревность по церкве Божией приимет Господь. Это не что иное, как возревел сатана и позавидовал о пользе, могущей быть чрез познание истины и соединение в единодушие Православных христиан. К тому же и раскольники Московские вооружились на меня за уверение о трехперстном сложении и собором своим предают проклятию.

Препоручая себя Вашим святым молитвам, с нижайшим моим Высокопочитанием пребыть честь имею

Вашего Высокопреподобия нижайший послушник и Богомолец

многогрешный Иеросхимонах Иоанн.

Означенныя книжицы о триперстном сложении посланы к вам на сей же почте.

Отец Иоанникий и отец Иларион, спраздновавши день святителя Христова Николая Чудотворца, по благословению отца Игумена намерены выехать к вам.

Еще извещаю, брата игуменского отца Антония Преосвященный архипастырь наш назначил в Малоярославец в Никольский монастырь во игумена и Богу изволившу декабря 1 должен выехать на производство.

28-го Ноября 1839 года.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 43.

Письма святителя Игнатия к рясофорному монаху Оптиной Пустыни Петру (Григорову)*

№ 105

Возлюбленный о Господе о. Петр!

Обещанные вами 50 экземпляров я еще не получил, а уже многие подписчики спрашивают, и еще находится довольно охот-

* РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 17; о нем см. примеч. 3 на с. 14.

ников для покупки. Пользуйтесь летним временем, когда у нас стечение народа.

Ваш преданнейший

Арх<имандрит> Игнатий
12 июня [1839 г.].

№ 106

Преподобный Отец Петр!

Приятнейшее письмо Ваше и при оном посылку с книгами получил. Премного благодарю за книги. Потому и беспокоил Вас покорнейшею просьбою о доставлении мне несколько экземпляров, что, прочитав присланную Вами книгу, усмотрел Духовность ее и пожелал, дабы таковая душеполезная книга была известна моему дражайшему Братству. Весьма усердно желаю прочитать и житие Преподобного Георгия; — сия рукопись ныне находится на рассмотрении Киевского Митрополита, который взял ее с собою в Киев и по возвращении, не ранее, представит Святейшему Синоду. Книгу Графу Николаю Александровичу[1] доставляю. Вы благоразумно сделали, не решившись к нему писать: ибо он весьма обременен делами, отчего при всей доброте и благорасположении некогда заниматься ему всеми просьбами, каковых к нему приходят тысячи. Помочь Вам по силе располагаюсь, а сверх силы отказываюсь. Располагаюсь, аще Господь восхощет, Митрополита Киевского попросить о житии, поднесть экземпляр Его Высочеству, а представление в Конференцию Академии для состязания о премии и некоторых других Ваших предположений оставляю на Ваше собственное попечение. Обстоятельства не позволяют Вам сего сделать? Но и я боюсь совершенно погрязнуть в море забот, коих имею премного. Если же Вам угодно знать мое мнение о том, может ли книга писем Святого Затворника получить премию, то Вам говорю мое мнение: не может: имея значительное достоинство Духовное и не имея плотского: ибо письма произнесены благодатию, не имея благоустройства человеческого слова. Слово же благодатное не может быть познано плотским человеком, который зрит только на внешность слова, и если сие внешнее слова не имеет внешнего устройства, то он всему [нрзб.]: юродство бо ему есть.

Прилагаемые при сем 50 рублей прошу принять яко ничтожную лепту для нового издания; вместо желаемой Вами Демидовской премии. Прошу Ваших святых молитв

Арх<имандрит> Игнатий
Августа 7 дня 1839 года.

Рясофорному Монаху о. Петру
Оптиной Пустыни, что в Козельском уезде

[1] Обер-прокурор Святейшего Синода Н. А. Протасов.

Письмо монаха Петра (Григорова) к святителю Игнатию

№ 107[1]

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший Батюшка Отец Архимандрит!

Брат наш о. Иосиф уведомил меня, что принимаете на себя труд с любовию исполнить мое убогое прошение — за что приношу мою искренную благодарность! Да воздаст вам Господь Бог своею Святою милостию.

Из Московского Цензурного Комитета на ваше имя придет объявление, прикажите отдать в Щетную Экспедицию и попросите, чтоб объявление сие было напечатано и в прибавлениях, но на том месте, где печатают политические известия. Что же будет стоить, по уведомлению вашему тотчас вышлю.

Позвольте просить вас и узнать, можете ли принять на себя труд доставить книги некоторым особам, присутствующим в Синоде; если примете на себя эту обязанность, то много меня обяжете; а доставить им я должен, ибо дело о житии Затворника производилось в Синоде и мне советуют непременно доставить, дабы не сочли невежею. Для этого я приказал несколько экземпляров напечатать на веленевой бумаге. Впрочем, если это обременит вас, то могу исполнить и по почте; но для меня будет приятнее, если не откажетесь.

Еще позвольте попросить вас не оставить ходатайством своим у Высокопреосвященного Митрополита Антония о новой моей просьбе: я представил в Цензурный Комитет Акафист св. Великомученику Георгию, составленный покойным Затворником. Комитет по рассмотрении одобрил к напечатанию; но не приведя сего в исполнение испрашивает благословения Синода.

По расчету времени он должен быть в Синоде непременно; то если не хлопотать за множеством дел, он залежится до дня суда страшного, или, чтоб скорей решить дело, откажут. И так во имя св. Великомученика будьте ходатаем; а также, если вам знаком Василий Иванович Кутевоев, не худо и его попросить. Голубинский женат на его родной сестре и обещал написать к нему; и Голубинский мой искренний благодетель.

Я надеюсь, что в новом виде издание утешит многих — прежние письма все вошли в состав издания; но не в том порядке, как были. Теперь имена всех особ будут в заглавии напечатаны не одними заглавными титрами, но имя, отечество и фамилия каждого. У некоторых испрашивал на это позволение; а других так напечатал — думаю, обижаться не будут, когда Высокопреосв. Антоний дозволил означить свое имя и напечатать несколько писем своих, писанных Затворнику. Издание обошлось очень дорого — около 6000 руб., а денег не было ни полушки; но родная моя сестра Елизавета Алек<сандровна> Кутузова подарила мне тысячу рублей — да Марья Петровна Колычева столько же — остальные занял до выручки; но выручка будет плохая — едва ли 400 экземпляров продастся; а те все пойдут на подарки, без коих обойтись невозможно. Одному о. Нафанаилу Задонскому Схимнику и Затворнику, бывшему келейнику Затворника, нужно для раздачи безденежной 200 экземп<ляров>; а мне и вдвое того мало; но не барыши; и только б долг заплатить и сделать пользу общую; авось, кто-нибудь приобретет душевное спасение и помолится за меня.

Пожелав вам милости Божией, испрашиваю св. молитв и благословения — повергшись к стопам вашим — духом лобызаю их и остаюсь

Вашего Высокопреподобия

Богомолец и слуга Божий [нрзб.] черноризец

Петр Григоров

10 Декабря 1843

Оптина пустыня.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 40.

Письмо святителя Игнатия к монаху Ювеналию (Половцеву)

№ 108[1]

Возлюбленнейший о Господе Брат, Отец Иувеналий!

Видывал я Вашу руку на некоторых кувертах, которые получал из Оптиной, а ныне увидел ее и в милейшем письме Вашем ко мне; я был тронут до глубины сердца и сказал сам себе: «есть же и в наше время люди, которые полагают за ближнего душу свою». Это сделали Вы Вашим искренним и добрейшим письмом. Благодарю Господа Бога, внушившего Вам поступить так!

Благодарю нашего общего Старца, благословившего Вам написать ко мне! Благодарю Вас, сделавшего для меня доброе дело! Вы на деле такой, каким мне описывал Вас Иоанн, который сказывал, что ощутил к Вам особенный залог сердечный, как бы от постоянного и долговременного жительства с Вами. С соответственною письму Вашему откровенностию отвечаю Вам.

Я слышал от некоторых о описываемых Вами обстоятельствах, т. е. о стремлении к уничтожению драгоценного леса, о особой любви к непрестанным постройкам, соединенной с незнанием дела и потому не увенчаваемой должным успехом, несмотря на издержки; но не вполне доверял этим слухам, а полагал, что это должно относить более к монастырю, нежели скиту. Подобные примеры, к сожалению, случалось видеть особенно по обязанности моей — благочинного: многие настоятели объяты ненасытным желанием строиться, имеют возможность доставать деньги, не терпят участия Архитектора, непременно хотят выполнить свои мечты, возводят многоценные здания, лишенные удобств, прочности, красоты, т. е. всех качеств, доставляемых правильностию. Напротив чего правильно построенные здания превосходны во всех отношениях. Таковы выстроенные в недавнее время по проекту профессора Горностаева двухэтажный храм в Валаамском Скиту и Гостиница при Валаамском монастыре. По прочности они как литые из металла; не имеют никаких украшений, но строгий характер и правильность дают им необыкновенную, весьма серьезную красоту. Я полагал, что самое время дало возможность о. Арх<имандриту> вполне сблизиться с о. Макарием и что он предоставил вполне Старцу Скит. Из Вашего письма, которое могу назвать по справедливости благодеянием для меня, вижу иное. Что делать? человечество <...>.

Согласен с мнением о. Макария, Вашим и Скитской братии, что высокий лес служит хранителем тишины в скиті, дает ему особенный пустынный характер, исполненный вдохновения, ограждает его от ветров,— словом, драгоценность — драгоценность, которую должно хранить и хранить. Иоанн присутствовал при разговоре о. Макария с о. Моисеем о месте келлии и передал мне, что о. Макарий тогда же предлагал место в пасеке, на каковое предложение о. Моисей отвечал знаменательным молчанием, которое произвело впечатление на Иоанна и которое им особенно замечено. При получении письма о. Макария, в котором Старец отказывается принять участие в построении келлии, Иоанн потом понял, что во взгляде о. Архимандрита и

Старца на этот предмет находится большое различие и несогласие; я же и тогда не догадался, что разногласие так усильно, тем более, что я никак не думал о назначении места за оградою скита до получения Вашего письма и до получения от о. Арх<имандрита> Планчика, где место назначено за оградою. — Вижу, что для окончательного решения нужно, по совету Старца, самому мне побывать в Оптиной. Я не упорствую строиться: столько же согласен купить готовое. И лучше уже взять келлию в монастыре, нежели за скитскою оградою. Но надеюсь на милость Божию, что удастся и в ските приютиться.

Очень понимаю, что и в Скиту и в самом монастыре благомыслящие и спасающиеся братия живут ради о. Макария; и я стремлюсь туда с целию иметь его моим духовником: потому что в жизни моей я не нашел делания для меня более душеполезного, как исповедание, по возможности частое, моих поползновений. Если б о. Макарий не жил в Оптиной, мои взоры могли б обратиться куда-либо поюжнее: о. Макарий стяжал опытность и прямоту, привлекающие откровенность ближних, которой не может привлечь, или по крайней мере не может постоянно привлекать, состояние сочиненное. По сей же почте я получил письма от о. Моисея и от о. Антония, из которых видна их любовь или по крайней мере желание, чтоб я поместился в скиту. Конечно, они не видят моей здешней жизни и моего, по болезни, почти неисходного пребывания в келлии, почему принимают свои предосторожности и хотят скрыть внутренность скита от моих взоров. Принимаемые ими меры я извиняю в отношении собственно ко мне: вине такой, что надо быть осторожным; но отнюдь не желаю, чтоб эти меры были вредны для скита и произвели скорбь и смущение в скитской братии. Лучше мне потесниться и занять самый скромный уголок. О сем намереваюсь писать к о. Моисею, поосвободившись от праздников, и представить ему неудобства заоградного помещения, истекающие из моих соображений, за коими бы совершенно скрывались те причины, которые вы излагаете в письме Вашем. — О. Моисей пишет о монастырском лесе, что его не имеется, а должно купить со стороны. Благодарю Вас за извещение о отношениях к обители Г. Брюзгина: я не желаю ничем потревожить о. Архимандрита и постараюсь его успокоить.

О. Моисей говорил Иоанну, что он никогда не кушал сигов. Нам очень хотелось послать ему, но не знаем, каким образом. Укажите нам путь. До Москвы по железной дороге. В Москве

нельзя ли адресовать на кого, чтоб доставили в Оптину. Также нельзя ли известить, что стоит путь из Москвы в Оптину в дилижансе, откуда и когда этот дилижанс в Калугу из Москвы отправляется? Я просил о сем Ник. Ник. Голохвастова, но он, видно, позабыл.

Начатое Вами благое о Господе дело — довершите: продлите Ваше обязательное ко мне расположение. Если Господь приведет меня приехать в Вашу Святую Обитель, то поступите со мной вполне откровенно и не дайте мне сделать промаха. Прошу об этом и Старца и Вас. — Извините Иоанна, что до сих пор не писал к Вам: на нем лежит множество дела по нашему монастырю, почему все его время поглощается занятиями. И теперь он в городе для славления. Простите меня, что я возмутил Ваше спокойствие моим предложением; но возмущенная вода явила мне Ангела. Призывая на Вас обильное благословение Божие и прося Ваших Святых молитв, с чувством искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий

1855-го года 26 декабря.

[1] РГБ ОР. Ф. 213. К. 102. № 3. Отец Ювеналий (в миру Иван Андреевич Половцев, 1826–1904) состоял на военной службе, после тяжелой болезни 15 марта 1847 г. поступил послушником в скит Оптиной Пустыни, в 1855 г. пострижен в монашество. В 1857–1861 гг. был вместе с иеромонахом Леонидом (Кавелиным) членом Иерусалимской духовной миссии. В 1861 г. настоятель в сане игумена Глинской Богородицкой пустыни; в 1862 г. настоятель в сане архимандрита Коренной Рождество-Богородицкой пустыни; в 1867–1871 гг. — наместник Александро-Невской Лавры, затем пребывал по болезни в Оптиной Пустыни, а в 1884 г. назначен наместником Киево-Печерской Лавры. 25 октября 1892 г. хиротонисан во епископа Балахнинского; 3 сентября 1893 г. возведен в сан архиепископа и назначен Архиепископом Литовским и Виленским. Знал в совершенстве многие языки. В Оптиной Пустыни занимался переводом и изданием святоотеческой литературы. В Вильно построил величественный Знаменский собор. Составил жизнеописание архимандрита Моисея (Путилова).

Выписка из Оптинской летописи[1]

1857 г. 15 октября. Батюшка о. Макарий, неоднократно помышляя и скорбя о расстройстве нашей обители и говоря несколько раз о сем с о. Игуменом Антонием, вздумал написать свое мнение и подать ему запискою, а он передал о. Архимандриту следующего содержания:

Скорбь души моей и сердца, не могу выразить, как она велика, о достопочтеннейшем нашем о. Архимандрите и о братстве

нашей обители, и немало удивляюсь, как при столь благочестивой жизни его и разуме не видит, что уклонился к старости своей в страсть излишних и ненужных построек, чрез что входит в большие долги и тем лишает себя покоя: рубит вековой лес, могущий служить на долгое время украшением обители и быть убежищем желающим спастися; ибо мы видим, как в прежние времена люди удалялись в чащу лесов и там в тиши от мира и сует его, в молитвах и трудах иноческих искали своего спасения. А мы рубим лес без пощады, и куда же он идет? дерево по произволу плотника употребляется без разбору, где бы можно поставить похуже, там идет лучшее, также и доски употребляются лучшие, а в другое место можно бы и старые употребить, и много идет в обрубки и обрезки. О. Архимандрит оскорбляется на меня, когда говорю ему о сбережении леса, и говорит, что дерево создано для человека, а не человек для дерев; потому бы и надобно лес беречь, что он для человека создан и нужен, а по-пустому не тратить, а только в нужных случаях употреблять свой лес, и то немного. Человек получает в лесу себе успокоение и душевную пользу, как выше сказано.

Строение простоит 30–40–50 лет, ветшает и идет на дрова к извести, а дерев уже нет, которые могли бы служить не одно столетие украшением и оплотом обители. На постройку нужную, а не излишнего строения можно и покупать; здесь идут плоты с лесом, а свой поберечь бы надобно. <...>

[1] РГБ ОР. Ф. 214. К. 362.

Письмо святителя Игнатия к Оптинским отцам и братиям

№ 109

Высокопреподобнейший о. Игумен[1]
и преподобнейшие Отцы и Братия
Богоспасаемой Введенской Оптиной Пустыни!

По изволению Божию оканчиваю печатанием убогий труд мой, книга под названием «Аскетические опыты». Экземпляр этой книги имеет быть препровожден к Вам в знак моего уважения и сердечного расположения. Вместе с тем предлагаю Вам мою покорнейшую просьбу, исполнение которой сочту для себя величайшим одолжением. Примите на себя труд составить на эту книгу замечания, нисколько не стесняясь и не останавливаясь от какого-либо замечания, при мысли, что оно может огорчить меня.

Книгу не признаю моею собственностью, а собственностию всего монашества и православного христианства. Следовательно, обязанность моя — выслушать всякое замечание с благодарностию, если б я и не был согласен с ним, потому что замечания, высказанные с любовию, дадут мне возможность усовершить книгу ко второму ея изданию и тем полнее удовлетворить ея назначению. Поручая себя Вашим Св. молитвам и проч.

[1] *Отец Игумен Исаакий* (в миру Иван Иванович Антимонов, 1810–1894) — назначен настоятелем Оптиной Пустыни 19 июля 1862 г.; 8 октября 1864 г. возведен в сан Игумена.

Письма настоятеля Калужской Тихоновой пустыни Геронтия (Васильева) к святителю Игнатию*

№ 110

Ваше Высокопреподобие

Достопочтеннейший отец Архимандрит!

Принимаемое Вами участие в моем нынешнем горестном и недоуменном положении[1] до глубины души проникло в пораженное скорбию сердце мое! вполне вижу и чувствую, что искра любви Вашей, которую имели прежде к батюшке отцу Леониду, а по нем и к нам, убогим, не угасла, но, скрываясь в сердце Вашем, нашед случай, воспламенилась. Любовь Ваша к батюшке понудила Вас сострадать об нем и об нас и принять на себя труд начертать рукою Вашею строки к наставлению моему и утешению. Изъясненные в нем истины очень справедливы и трогательны: строительство, хотя я и опасаюсь неисполнения обязанности своей за немощи мои душевные и телесные, но ежели это послужит к ограждению батюшкиного спокойствия, а противное подаст повод к новым на него нападениям, то я готов пожертвовать своим спокойствием для его спокойствия и собратий моих. Не смею обеспокоить Вас описанием того положения, в каком я находился шесть недель нерешимого моего пребывания в Тихоновой пустыне. Вы можете представить себе человека, находящегося в мучительном неразрешимом положении своей участи и не ожидающего ничего хорошего, но дерзающего на все скорбное и в то же время ужасающегося; вера и упование на Промысл Божий во время сего искушения и батюшкины молитвы только меня укрепляли. Принимать обитель меня многое устрашало, и первое —

* РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 36. О нем см. примеч. к письму № 7.

моя неопытность в духовной жизни, удаление от Старца, неимение, с кем иметь совет; расстройство обители внешнее и внутреннее, неустроение братии, близ стоящее селение, кабак и прочее. Нежелание меня братиями и ковы их против меня, — а притом слабое мое здоровье, о котором отец Иоанникий Вам доложит. Все сие, представясь моему взору, охлаждало в жилах кровь мою, и я находился в бедственном положении.

По получении письма Вашего я снесся с батюшкою, получил и его на сие соизволение и, явясь к Преосвященному, объявил ему намерение покорности Его приказаниям, хотя и при болезненном моем положении, надеясь на Его святые молитвы; он принял сие очень благосклонно и обещал делать в случае нужды свое покровительство. С позволения Его ездил я в Оптину Пустынь и, получив человек шесть братий для помощи мне, теперь приступаю к принятию обители. Но не знаю, могу ли я управить себя и братию на путь спасения, по немощи моей и по соблазнам, окрест обретающимся.

Приношу Вам, достопочтеннейший Батюшка, свою всенижайшую благодарность за толикое Ваше отеческое о мне, грешном, попечение. Что в случае, если бы не обрел здесь себе убежище, заставляете иметь благонадежие на ваше милостивое покровительство, даруя пристанище в обители Вашей; я не имею слова изъявить Вам чувство моей благодарности, как за прежнее Ваше расположение, так и ныне указываемое.

Осмеливаюсь вручить себя в ваши святые молитвы, да поможет Господь мне беспрепятственно проходить возложенное на меня служение и, чтобы не закоснел в оном, стремиться паки ко вниманию себе и попечению о своей душе, да не како, вручая иных, свою душу пренебрегу, лежащую в язвах; и когда приидет сие время, то в случае удержания не оставьте предстательствовать о освобождении.

При желании Вам совершенного здоровья и душевного мира и спокойствия с нижайшим моим к Вам высокопочитанием и преданностию пребысть честь имею

Вашего Высокопреподобия Милостивого отца

Нижайший послушник Тихоновский строитель

Многогрешный Иеромонах Геронтий

16 ноября 1837 года

Калужская Тихонова пустынь.

[1] Оптинский иеромонах Геронтий, по смирению своему, не хотел принимать настоятельства. Принял его по совету архимандрита Игнатия Брянчанинова, который писал 23 октября 1837 г. П. П. Яковлеву: «Состояние Отца Геронтия довольно трудно. Мое бы мнение таково: принять строительство и по принятии уже искать освобождения по болезни, что, кажется, не неудобно будет сделать. А то противлением чтоб не навлек о. Геронтий себе большого искушения,— и вместе старцам, якобы учителям противления власти» (РГБ ОР. Ф. 425. № 11).

№ 111

Ваше Высокопреподобие
Достопочтеннейший отец Архимандрит!

Благоприятнейшее писание Ваше имел щастие получить. Приношу Вам всечувствительнейшую мою благодарность с поклонением за изображенную в оном любовь Вашу ко мне, недостойному, и за милостивое и отеческое Ваше участие к ходатайству о нуждах монастырских, в коих и в будущее время не лишите Вашим благосклонным снисхождением, и за все оное да вознаградит Вас Всевышняя десница!

При чем я имею честь поздравить Вас с наступившим днем Ангела Вашего, который на многие лета Всеусерднейше желаю Вам провождать в добром здравии и спокойствии духа благополучно. И поручаю себя продолжению Вашей о Господе любви и молитвам святым, в надежде коих остаюсь к Вам с нижайшим высокопочитанием моим и с искреннейшим желанием временных и вечных благ

Вашего Высокопреподобия нижайший послушник

Строитель Иеромонах Геронтий
13 Декабря 1838 года
Калужская Тихонова пустынь.

№ 112

Ваше Высокопреподобие!
Достопочтеннейший Батюшка отец Архимандрит Игнатий!

Принимаю смелость беспокоить Вас моею всенижайшею просьбою в надежде любви Вашей к общему нашему старцу покойному Батюшке отцу Льву и ко мне милостивого Вашего расположения.

Вам известно определение меня в Строителя Тихоновой пустыни, с каким болезненным принужденным чувством и слезами вступил я в управление оной; к сему много содействовал и Ваш отеческий благоразумный совет. Я покорился воле

Божией и начальству, принял обитель, расстроенную во всех частях, и в течение шестилетнего моего управления хотя и с большими скорбями и затруднениями, но молитвами угодника Божия преподобного Тихона, благословением Архипастырским и наставлением отца нашего батюшки Льва обитель устроилась как в церковном и монастырском строении, так и в собрании братства, с благим произволением ищущих и пекущихся о своем спасении, равно и порядок в чиноположении службы и послушаниях исполняется по примеру протчих общежительных обителей, по силе наших человеческих немощей.

В таком состоянии обители богособранное стадо Христово увеличилось до 40 человек, и содержание имеем при Божией помощи хотя и небогатое, но безнужное, только по малочисленному штату монашествующих нашей пустыни, коих только семь человек, не могу укрепить их и обнадежить в получении монашества или по крайней мере определению в духовное ведомство. Хотя они и живут, еще не ища сего, но совершенно не развязавшись с миром, и на долгое время не имея сего в виду, не могут не иметь смущения, колеблющего их пребывание в обители. Во избежание сего я имею намерение, и вижу на сие согласие нашего Архипастыря, просить о прибавке штата монашествующих, по крайней мере хотя 13-ти человек. Только опасаюсь приступить к сему, не знав, как это будет принято высшим начальством, а так как Вам более известно мнение тамошних властей и расположение к сим предприятиям, то я всепокорнейше прошу Вашего совета и наставления, можно ли предпринять сие намерение и взойтить с прошением о прибавке штата? Сим средством возникнувшая обитель могла бы много поддержаться в своем благолепии и послужить пристанищем спасения ищущих онаго, а также к созиданию и мирских людей, пользующихся образом жизни обители; и о сем сам Преосвященнейший благословил мне Вам написать и сам он усерднейше Вас просит принять в сем Ваше участие ощастливить Вашим ходатайством нашу убогую обитель; и с сим словом посылает Вам Архиерейское свое благословение и Всеусерднейшее почтение. Это истинные и собственные Его преосвященства слова.

Не оставьте Вашим советом, как Вам Господь возвестит, приниматься ли за это дело и каким образом? в ожидании милостивого Вашего призрения к сей моей просьбе, с нижайшим моим

Высокопочитанием и вручением себя и братию молитвам Вашим пребыть честь имею

Вашего Высокопреподобия Милостивого Отца

Нижайший послушник строитель

иеромонах Геронтий
18 октября 1843
Тихонова пустынь.

№ 113

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший Батюшка Отец Архимандрит Игнатий!

Сам премилосердый Господь да воздаст Вам своею милостию, за отеческое внимание Ваше к вверенной мне обители Преподобного Тихона Чудотворца; Вы удостоили меня ответом от 29-го октября на мое писание касательно испрашивания прибавления штата монашествующих для благоустройства обители, в коем ясно видно Ваше отеческое попечение и благосоветие в пользу нашу.

И Преосвященнейший наш со своей стороны очень доволен сим Вашим содействием, и поручил мне изъявить Вам Его признательность.

Вы изволите писать, что для исходатайствования сего, кроме представления и писем кому следует, надо быть и мне самому там лично ходатаем, а без этого лучше и не приниматься за дело. Это Вам больше известно, да и по существу судя что дело без истца мертво. Но для меня так ново и дико, по неопытности моей, предстать к таким Высоким Лицам, для блага же обители я не смею от сего уклоняться и должен пожертвовать самоотвержением, а паче с помощью Божией и Вашим отеческим наставлением и протекциею.

И Преосвященнейший на то сие соглашаясь, отдает на мою волю. Но только надобно обдумать сие дело и представить источники, могущие служить впредь обеспечением к поддержанию обители; хотя и само собою при собрании братства Бог печется и о пропитании их, что мы видим на опыте, когда прежде 12 или 15-ти человекам едва доставало на содержание доходов; а теперь питаются 40 человек и в течение шести лет очень довольно; сделано постройки не имев никаких в виду постоянных доходов, а единственно промыслом Божиим ниспосылаемою помощию. Представляется некоторое сомнение, не может ли служить пре-

поною к сему, когда была воля Монарха наделить землями обители, и наша обитель просила об отводе участка, предлагая нужду в содержании братства (хотя оная еще не отведена, а находится в производстве Дело). Но теперь будем просить о прибавке штата. Впрочем, когда оная земля отведется монастырю, да не в давнее время монастырская мельница приведена в весьма хорошее положение, и при ней находящаяся земля могут давать довольно значительный доход, а также и от приходящих богомольцев и усердствующих благотворителей подаянием предстательством Царицы Небесной и молитвами угодника Божия преподобного Тихона; при благоустройстве и порядке в обители не оставит Господь своим промыслом.

Изложив пред Вами наши обстоятельства позвольте принести Вам мою и общебратственную нашу Всенаичувствительнейшую благодарность с нижайшим поклонением за отеческое попечение Ваше. Причем осмеливаюсь паки беспокоить Вас моим всеусерднейшим прошением, касательно онаго сомнительного пункта, не будет ли препятствием, и когда удобнейший есть случай к ходатайству о сем, в скорости ли таперь или помедля. Не оставьте Вашею отеческою милостию, хотя в кратких строках, удостоить меня Вашим драгоценным писанием.

Поручая себя и братию о Христе Вашим Святым молитвам с нижайшим моим Высокопочитанием и вручением себя и братию молитвам Вашим пребыть честь имею

Вашего Высокопреподобия Милостивого отца

Нижайший послушник Строитель

иеромонах Геронтий

Ноября 28 дня 1843 года

Тихонова пустынь.

Подборка писем, публикация и комментарии О. И. Шафрановой

Варвара Каширина

Новонайденные ранние письма святителя Игнатия Брянчанинова

В собрании рукописей Российской государственной библиотеки хранится сборник из двух рукописных книг под названием «Письма (в списках) старца иеросхимонаха Льва (Леонида) (Наголкина)»[1]. Первая рукописная книга содержит краткий очерк жизни старца иеросхимонаха Льва и 62 письма (в списках) старца Льва к разным лицам. В конце приложено письмо монаха Иоанникия к наместнику Александро-Невской лавры о. архимандриту Аарону о причине выхода из нее, а также составлено оглавление с тематическим указателем. Вторая рукописная книга содержит 46 писем (в списках). В конце прилагается переписка учеников старца Льва, выписка из книги «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле постриженника святыя горы Афонския инока Парфения» (М., 1855), а также оглавление.

Этот сборник в середине XIX в. готовился к печати, о чем свидетельствуют многочисленные примечания с обращением к читателю, а также проведенная составителями редакторская правка писем.

Согласно библиотечной описи, рукописные книги датируются второй половиной XIX в. Анализ примечаний позволил определить время формирования рукописных книг как 1855–1857 гг. В сборник были включены выписки из книги «Сказание... инока Парфения», вышедшей в 1855 г., что могло быть сделано не ранее 1855 г. В примечаниях к письму о. Иоанникию от 1 октября 1823 г.[2] отмечено, что упоминаемый Преосвященный Филарет Калужский, «нынешний Митрополит Киевский», т. е. сборник формировался не позднее 20 декабря 1857 г. Сноски к письму о. Иоанникию от 20 марта 1823 г.[3] были сделаны, предположительно, как составителем, так и позже — переписчиком. В примечании отмечается, что откровение, бывшее схимонаху Феодору, содержится в рукописном пространном житии, написанном учеником его <sic!>, ныне архимандритом о. Игнатием Брянчаниновым». Позднейшая сноска, сделанная другим почерком уже после формирования сборника, содержит уточнение:

[1] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-370; Опт-371. || [2] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-370. Л. 159–172. || [3] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-370. Л. 151–159.

«ныне епископ Ставропольский»[1], что могло быть отмечено лишь после 1857 г., когда архимандрит Игнатий был хиротонисан в епископа Кавказского и Черноморского.

На основании изложенных фактов составителем сборника и автором «Краткого очерка жизни старца иеросхимонаха Льва» являлся, как мы предполагаем, о. Леонид (Кавелин). Однако работа над сборником в какой-то момент была прервана, а большинство писем и до настоящего времени так и остались неопубликованными.

Незавершенность работы, преимущественно над второй рукописной книгой, объясняется, видимо, тем обстоятельством, что в конце 1857 г. в жизни Л. А. Кавелина происходит ряд событий, сказавшихся на этой работе: 7 сентября 1857 г. Лев Александрович Кавелин был пострижен в монашество с именем Леонид, 20 октября того же года рукоположен в иеродиакона и 29-го — в иеромонаха. А в ноябре 1857 г. был назначен в Русскую духовную миссию в Иерусалиме, где пробыл два года.

В дальнейшем собранные материалы были использованы при составлении полного жизнеописания оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Краткое жизнеописание старца, помещенное в первой рукописной книге, по сути является редакторской обработкой уже изданного жизнеописания в «Историческом описании Козельской Введенской Оптиной Пустыни...»[2] В основном редакторская правка коснулась композиции воспоминаний. Если в «Историческом описании Козельской Введенской Оптиной Пустыни...» в жизнеописании старца можно выделить две структурные части: биографические сведения, собранные о. Леонидом (Кавелиным), и воспоминания о старце его ученика о. Антония (Бочкова), то в рукописном варианте эти части объединены воедино по хронологическому признаку.

Осознавая, что предлагаемые заметки о старце Льве недостаточны по своей полноте, составитель рукописного жизнеописания замечает, что «материалами для составления полного жизнеописания сего достопамятного старца может послужить нижеследующая переписка о нем между его учениками»[3], «где также видно влияние его на умы благочестивых современников»[4].

---

[1] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-370. Л. 156об. || [2] Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи / Сост. Лев Кавелин. СПб., 1847. Ч. 2. С. 51. || [3] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-370. Л. 31об. || [4] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-371. Л. 366.

В рукописной книге писем старца Льва находится одно письмо иеросхимонаха Льва Димитрию А<лександрови>чу [Брянчанинову], которое датируется 28 марта 1827 г.[1] и относится к периоду пребывания старца в Александро-Свирском монастыре. Димитрий Александрович Брянчанинов находился в то время в Динабургской инженерной команде, куда был направлен в январе 1827 г. по высочайшей воле Императора, несмотря на просьбы об отставке.

В письме показана внутренняя духовная жизнь будущего Святителя, которую Димитрий Александрович проходил под руководством и по благословению старца. Старец Лев пишет своему ученику, мирянину, о молитвенном правиле: «Насчет полученного Вами от нашего недостоинства правила, хотя Вы по слабости здоровья и не исполняете, а потому и вкусу плодов его не ощущаете, но, по крайней мере, будете о сем сожалеть и окаявать себе, яко должника и несоблюдателя Отеческих преданий. Тогда Премилосердый Господь, видя Ваше раскаяние, по неизреченному Своему человеколюбию и милосердию силен и всемогущ сим оное пополнить»[2].

Из письма видно, что и после высочайшего назначения Димитрий Александрович не оставлял мысли об отставке, стремясь поступить в обитель под руководство богомудрых наставников монашеского делания. Старец Лев советует: «Также и насчет отставки, да со благодушием ожидаем и [с] терпением да течем, по Апостолу, на предлежащий нам подвиг и да веруем, что Всемилостивый Господь всячески лучшее о нас устрояет». О том, что во время пребывания Димитрия Александровича в Динабургской крепости между ним и старцем велась переписка, свидетельствуют упоминания в других письмах старца Льва.

В конце второй рукописной книги писем иеросхимонаха Льва составитель помещает письма учеников старца: «В дополнение характеристики о покойном старце отце Леониде считаем приличным поместить следующую переписку учеников его друг к другу, где также видно влияние его на умы современников»[3]. Среди этих писем находятся два письма послушника Димитрия <Александровича Брянчанинова>. Первое адресовано неизвестному лицу с инициалами М. Т. и написано в 1828 г. в Александро-Свирском монастыре, куда

[1] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-370. Л. 217 об.–226об. ‖ [2] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-371. Л. 218–218об. ‖ [3] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-371. Л. 366.

Димитрий Александрович поступил в конце 1827 г. Второе адресовано о. Иоанникию (Бочарову).

Письма написаны по благословению старца Льва: «Батюшка дозволил мне, всескверному, отвечать на письмо Ваше, он находится в весьма слабом положении и редко берет перо в руки. Весьма радуюсь, что имею возможность и случай писать к Вам, вселюбезнейший отец! Однако, не могу скрыть от Вас некоторого чувства боязни, ибо нечистые уста имею. Впрочем, уповая на молитвы Батюшки и Ваше необыкновенное снисхождение ко мне, зловонному грешнику, начинаю помаленьку отвечать на Ваши приятнейшие строки...»[1] Письма, по-видимому, потом прочитывались старцу, потому что в примечаниях отмечается, что над словами послушника Димитрия: «Частенько заутрени просыпаю и веду себя самым негодным образом», — сделана собственноручная запись отца Льва: «Сии слова помещены не по свойству и самочинно»[2].

В первом письме содержится просьба списать у о. Иоанникия письма покойного схимонаха Феодора и прислать их в Александро-Свирский монастырь. Отец Иоанникий (Бочаров) по матери приходился родным племянником старцу Феодору (Пользикову), ученику преп. Паисия (Величковского). Вместе со старцами Феодором и Львом о. Иоанникий находился в Челнском монастыре, Белобережской пустыни, где был пострижен в рясофор о. Львом, и в Валаамском монастыре. С 1824 по 1834 г. о. Иоанникий нес послушание в Александро-Невской лавре, где с ним и познакомился молодой Димитрий Александрович Брянчанинов. С самого первого дня своего поступления в монастырь о. Иоанникий предал свою волю старцам, а, разлучаясь с ними, часто переписывался, прося духовных советов. По свидетельству «Летописи скита Оптиной Пустыни», у о. Иоанникия скопилось много писем его великих наставников, которые он дарил ученикам и «духовным чтителям» старцев[3]. Просьба Димитрия Александровича прислать ему письма схимонаха Феодора была связана, видимо, с работой молодого послушника над жизнеописанием продолжателя духовных традиций Паисия (Величковского). «Жизнеописание схимонаха Феодора», составленное святителем Игнатием, при его жизни не было опубликовано. Позднее была опубликована поздняя, значительно исправленная

[1] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-371. Л. 369об. || [2] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-371. Л. 368. || [3] См.: РГБ ОР. Ф. 214. Опт-361. Л. 166–179.

редакция жития[1], составленная Игнатием Брянчаниновым. Раннюю редакцию жизнеописания нам удалось найти в рукописных фондах Оптиной Пустыни, хранящихся в Российской государственной библиотеке[2].

Письмо иеросхимонаха Льва (Леонида) к Димитрию А<лександрови>чу <Брянчанинову>[1]

М. С. О. Н. Г. И. Х. Б. Н. П. Н.[2]

Пречестнейший Димитрий А<лександрови>ч! Усердно желаем Вам о едином Пресладчайшем Господе Иисусе радоватися!

Благоприятное Ваше писание, пущенное Вами от 21-го с почтою, мы имели удовольствие получить 25-го и, прочитывая оное, вняли содержанию.

Взаимно Вас приветствуем с наступившею Страстною седмицею, а равно и с приближающимся высокоторжественным и всерадостнейшим всех праздников праздником.

Насчет полученнаго Вами от нашего недостоинства правила — хотя Вы по слабости здоровья и не исполняете, а потому и вкусу плодов его не ощущаете[3], но, по крайней мере, будете о сем сожалеть и окаявать себя, яко должника и несоблюдателя Отеческих преданий. Тогда Премилосердый Господь, видя Ваше раскаяние, по неизреченному Своему человеколюбию и милосердию силен и всемогущ сим[4] оное пополнить. Также и насчет отставки — да со благодушием ожидаем и терпением *да течем*, по апостолу, *на предлежащий нам подвиг!* [Евр. 12. 1] и да веруем, что Всемилостивый Господь всячески лучшее о нас устрояет.

...А что Вы изволите писать объяснительно о своих чувствах и соразсмотрительностях касательно неизвестнаго старца, что уже Вы ныне к приобретению своей пользы не можете продолжать к нему приверженности и доверенности, но ощущаете в себе хладность и противоположность в душевных чувствованиях, и притом пополняете, что и мое с ним обращение по духу было принужденное и от единомудрия удаленное... Хотя воистину мало мой дух успокаивался его неоткровенностию и замысловатыми его предприятиями, но однако я, непотребный, не доверяя своему чувствованию[5] и подобной Вашей понятливости и соразбирательности и прочим... нудил себя до избытка как в сообращениях, так равно и в доверии... внутренне же со благонадежием уповал на Всемогущего Испытателя душ и сердец Господа, кото-

---

[1] ПСТ. Т. 4. М., 2002. С. 430–443. ‖ [2] ПСТ. Т. 8. М., 2007. С. 636–650.

рый всячески устроит о мне вещь в пользу убогой души моей, и за молитвы отца моего и душевного благодетеля достопамятного Батюшки отца Феодора[6] Господь Своим милосердием не презрел мое благонадежие, но сотворил по милости Своей, и все недостатки моих деяний обратил на благое, причем и открыл[7] моему недостоинству о мудровании его и дерзких поступках, кои до зела казались опасными... Но мы с тобою должны о нем молится тако: «Спаси Господи и помилуй батюшку о. С. А., его же молитвами прости и моя согрешения»... Сказать прямо — мы еще должны благодарить Премилостивого Бога, даровавшаго нам естественное понятие! а кольми паче мы — немощнейшие немощнейших; ...да еще хотя бы и получили некое чувство или понятие, но не можем дерзнуть сказать, чтобы сие было от благодати или от учения внешнего любомудрия... А потому должны опасаться, чтоб не преткнуться о камень жестоты — самомнения... и проч.

...И до высокой потребности... хотя нам мало случалось... однако виделся, но от дальних разговоров удалялся, а что ему от высш<его> нач<альства> приказано, то, по нашему мнению, должна ему быть в сем польза, но, впрочем, един Господь всевидящим Своим оком весть вся и несодеянная.

О случившихся с Вами событиях благодарить надо Премилосердого Господа, утешающаго наше младенческое деяние не по делам нашим, но по неизреченной милости Своей преподает нам сими благодеяниями познать вкус на опыте[8], что значит: «Иисусе Сладчайший, спаси мя». И паки в 33-м псалме: *Вкусите и видите, яко благ Господь* [Пс. 33. 9]. Сии действия... не токмо похожи на объясненные св. священномучеником Петром Дамаскином в 3-х видениях, но и еще есть на сие похожее у св. Исака Сирина в 44-м Слове, кое и помещаю: «...и аще паки зриши в душе твоей, в коемждо помысле движущемся в ней и всякой памяти и видениях, яже в безмолвии твоем исполняемы очи твои слез и дождящияся по ланитам твоим, кроме понуждения, разумей, яко начат быти пред тобою отверзение оплоту[9] в разрушение сопротивных. И аще обретаеши в себе, во время и время погружаему мысль твою внутрь тебе, без промышления, еже о ней, вне чина обычая[10], и пребывает, что в час он, или еже есть[11], и по сих зриши уды[12] твоя, аки бы в немощи мнозе, и царствует мир на помыслех твоих, и самое тебе сие пребывает присно, уразумей, яко начат облак осенити на скинию твою».

Итак, прелюбезнейший, теперь хотя и чувствуешь, что уже Премилосердый Господь по Своему неизреченному милосердию

показует Вам путь по словам Его святым в Евангелии: *Ему же аще волит Сын открыти, и Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы. Возмите иго Мое на себе и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть* [Мф. 11. 29–30], – но при всем нашем положении или внутреннем действии и чувствии да подражаем по возможности сил наших кроткому и смиренному сердцем Законодавцу, и воистину тогда и паче более ощутим покой в душе своей!!! И паки слыши св. Исаака Сирина от слова 40-го: «Охраняйся да не на множае изнеможет тело твое, яко да не укрепится на тя нерадение и устудит душу твою от вкуса делания ея. Яко же на мериле, приличествует извесити коемуждо жительство свое. Во время то, в неже насыщаешися, охранися мало от еже к себе дерзновения. С целомудрием да будет седение твое и во время нужды твоя. Паче же бывай целомудр и чист во время сна твоего, и соблюдеши, не точию помыслом твоим, но и удесы[13] твоими. Хранися от возношения во время добрых изменений[14]. Немощь твою и невежество твое противу тонкости самого того возношения в молитве тощно[15] покажи Господеви, да не оставлен будеши искушен быти во скверных. Блуд бо последует гордыни; и возношению прелесть».

От множайших малое напомянувше Вашей любве, и пожелав продолжать течение дней ваших со благонадежием и упованием на Промысл и покровительство Всемогущаго и Великодаровитаго Господа нашего Иисуса Христа, пострадавшаго за весь человеческий род и Своею дражайшею Кровию искупившаго. Той да сохранит и вразумит и просветит Вас своею благодатию и сопричтет ко избранному Своему словесному стаду и соустроит все в благопотребный конец! А я, многогрешный, пребываю о сем с преискреннейшим моим желанием, Ваш покорный слуга и недостойный богомолец, многогрешный Иеросхимонах Леонид со всеми единомысленными, униженно заочно кланяемся.

1827-й года Марта 28-е

[1] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-370. Л. 217об.–226об.

[2] Молитвами Святых Отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас.

[3] На полях рукописи помета: *зри*.

[4] В ркп.: т. е. самоукорениемъ. – *В. К.*

[5] На полях рукописи помета: *зри*.

[6] О. Феодор (Ползиков), схимонах. Постриженник знаменитой Нямецкой обители и духовный наставник преп. оптинского старца Льва (Наголкина). О нем см.: Т. 2. С. 5–7.

[7] В ркп.: Это слово «открыл» теперь ясно подтверждает слова многих знавших покойного старца о дарованном ему свыше даре прозрения. — *В. К.* На полях рукописи помета: *зри.*

[8] На полях рукописи помета: *зри.*

[9] В ркп.: т. е. преграды. — *В. К.*

[10] В ркп. примеч.: Вне обыкновенного порядка.

[11] В ркп. примеч.: С час или сколько бы то ни было.

[12] В ркп. примеч.: члены.

[13] В ркп. примеч.: членами.

[14] В ркп. примеч.: в тебе.

[15] В ркп. примеч.: искренно.

Письмо послушника Димитрия <Александровича Брянчанинова> к собрату М. Т.[1]

(по молитве)

Возлюбленный собрат о Христе М. Т.!

Снова захотел ты доставить некоторое утешение мне присно унывающему приятнейшим письмецом твоим, вложенным в письмо достопочтеннейшего отца N.N. Благодарю тебя. За молитвы общего нашего Батюшки Милосердый Господь долготерпит многочисленным грехопадениям моим: я довольно здоров, похаживаю в церковь, [и частехонько заутрени просыпаю и веду себя самым негодным образом][2] по причине жестокости сердечной и непокаяннаго нрава. Я как-то здесь проболтался, что ты курил трубку, Батюшка велел тебе объявить выговор, и, поместив слова св. Исаака Сирина от 86-го слова: «Убойся обычая паче бесов», — прибавить и сие: что как ты не только на словах, но и на письме предал себя ему яко железо ковачу, то в случае преслушания неминуемо должен будешь отвечать на Страшном Суде.

Отец Антиох[3] обещается Бога молить, чтобы помочь тебе от трубки отвыкнуть; а ты за сие пришли нам соленых рыжиков; о сем и я челом бью. Потрудись (обременяю тебя препоручениями, но таковую дерзость внушает мне твое благорасположение) — потрудись повернее списать у о. Иоанникия[4] письма покойнаго отца Феодора[5] и прислать копии сюда, они очень нужны[6].

По смирению твоему просишь, возлюбленный брате, грешных молитв моих; твои гораздо нужнее для меня, немощнаго и телом и душею. Итак, прошу и молю не забывать меня в твоих

святых молитвах; желая тебе всех благ телесных, а паче душевных от руки Великодаровитаго Спасителя нашего Иисуса Христа, и земно кланяясь, остаюсь твой недостойный послушник

Дмитрий многогрешный.

P.S. Прошу всем единомудренным кланяться.

1828 года. Ал<ександро>- Свир<ский> монастырь

[1] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-371. Л. 368–369.

[2] Над словами, помещенными в квадратные скобки, в оригинале была сделана приписка-автограф старца Льва: «Сии слова помещены не по свойству и самочинно».

[3] Антиох, иеросхимонах. По кончине о. Феодора (1822) старец Лев по смирению подписывал свои письма и именем иеросхимонаха Антиоха, хотя последний и не участвовал в переписке.

[4] Иоанникий (Бочаров), в схиме Леонид, — ученик и постриженник преп. оптинского старца Льва. С 1824 г. — насельник Александро-Невской лавры Санкт-Петербурга, о нем см. примеч. на с. 133.

[5] О. Феодор (Пользиков), схимонах. В письме упоминается о работе Дмитрия Александровича над житием схимонаха Феодора, начатой по благословению преп. Льва.

[6] К этой фразе сделано следующее примечание составителя рукописного сборника писем старца Льва: «Этот пункт сего письма о собрании писем достопамятнаго Старца внушил и мне, недостойнейшему, старание собрать при Божией помощи письма не только упоминаемаго отца Феодора, но и отца Леонида, в сей книге помещенные, равно и отца Макария — достоуважаемаго старца Оптиной Пустыни». — *Примеч. переписчика.*

Письмо послушника Д<имитрия Александровича Брянчанинова> к о. Иоанникию (Бочарову)[1]

(по молитве)

Дражайший и честнейший отец Иоанникий!

Усерднейше желаю Вам о Едином Сладчайшем Господе нашем Иисусе Христе радоватися. Батюшка[2] дозволил мне, всескверному, отвечать на письмо Ваше: он находится в весьма слабом положении и редко берет перо в руки. Весьма радуюсь, что имею возможность и случай писать к Вам, вселюбезнейший отец! Однако не могу скрыть от Вас некоторого чувства боязни: ибо нечистыя уста имею. Впрочем, уповая на молитвы Батюшки и Ваше необыкновенное снисхождение ко мне, зловонному грешнику, начинаю помаленьку отвечать на Ваши приятнейшие строки, полученные нами во всякой исправности.

Во-первых, честь имеем поздравить Вас с наступившим Новым Годом и от всего сердца желаем, по мере слабых и помраченных чувств наших, да дарует вам Человеколюбец Господь новые венцы терпения и прочих добродетелей на сем открывающемся поприще Новаго Года, а равно и во все течение жизни вашей, аще благоугодно будет Богу продолжить оную, дабы и мы, лишенные всякаго добра, получили от Ваших святых молитв некоторую отраду в муках, кои себе уготовляли нашим небрежением. Имеем благонадежие, что письма наши Вы изволили получить. Благодарим Вас за извещение о смерти сестры нашей схимонахини А-ы, мы имеем также известие о ее преставлении из Ладоги; достопочтеннейшая мать игумения пишет пространное письмо, прося, чтоб Батюшка исходатайствовал согласие[3] П. В. Л-ва[4] на завещание, сделанною покойницею, по коему она отказывает все свое имущество в монастырь. Она прислала также и самое завещание, писанное на простой бумаге и засвидетельственное ее духовником и еще другим священником. Но Батюшка так слаб, что не может справиться с делами, давно к нему поступившими, а потому и сие последнее дело оставляет на будущее время.

За сим, вселюбезнейший отец Иоанникий, позвольте принести мою покорнейшую благодарность за все великие Ваши благодеяния и Вашу любовь ко мне, всескверному и зловонному грешнику. Сколько я оной недостоин и как мало успел я оною пользоваться! Но и опять, надеясь на обычное великодушие Ваше, осмеливаюсь просить продолжения Вашего благорасположения ко мне, ничтожному, и не оставьте подкреплять вашими святыми молитвами меня, немоществующего и душею, и телом. Я же честь имею пребыть с желанием Вам всех благ временных, в особенности вечных, земно кланяясь, Вашего преподобия недостойным послушником. —

Многогрешный Д<имитрий>.

Покорно прошу — потрудитесь засвидетельствовать от меня поклон отцу А., отцу В., о. П., о. А. и А-вым.

[Без даты]

[1] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-371. Л. 369–371.

[2] Примеч. в ркп.: Говорит об отце Леониде.

[3] На полях ркп. помета: *зри*.

[4] Речь идет о Петре Васильевиче Лесникове († 25 декабря 1848) — петербургском купце, щедром благотворителе и духовном сыне преп. оптинского старца Льва.

Письма преподобного оптинского старца Льва к игумену Иларию*

№ 1

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший отец игумен Иларий!

Усердно благодарю Вас, что вспомнили меня, немощного старца, и посетили Вашим писанием, уделив частицу времени от многоволненных и трудных Ваших занятий по начальству и попечению о спасении вверенных Вам о Христе братий. С сердечным сожалением вижу писанное Вами о своем охлаждении ко всему монашескому, чему приписываете причиною сан начальства. Усматриваю и луч надежды к утешению о Вас, всею душею желание Ваше разрешиться от уз начальства. Но оный погашает малодушие и сомнение Ваше после о раскаянии. Вы находитесь теперь между сими помышлениями в борьбе, не знаете, к чему обратиться, видите, что горе монаху, вкусившему начальнической жизни, которая лишает его добрых свойств. Посему ясно вижу, что и желаете спасение души, но и любление плоти со страстьми колеблют вас; впрочем, кажется на весах сих первая частица имеет свой перевес.

Справедливо судите о моем, может быть, скором разрешении, ибо к вечеру уже преклонился есть день моей жизни, а сами, надеясь по младости еще наслаждаться оною, ищите и желаете последнего моего совета — полезно ли Вам оставить настоятельство или еще сколько-нибудь времени продолжить? Просите Бога ради написать вам отечески.

О возлюбленный отец и брате! Тесно ми отвсюду оставить Вас без ответа, обдержит мя болезнь и сожаление о душе Вашей, а написать истину обстоятельства нынешних времен и после могущее быть Ваше малодушное раскаяние и на меня сетование. Но памятуя Вашу первую любовь и настоящую веру, без коей бы Вы и вопрошать не стали мою худость, а при том скорбя душею о разстройстве Вашего устроения, решился подать смыслу по вере Вашей, ищущей душевной пользы.

Вспомните свое намерение и ревность при вступлении Вашем в монашество, обеты оного и тщание Ваше с попечением Старцев

* РГБ ОР. Ф. 213. К. 75. Ед. хр. 9. Л. 95–99. Ответ на письмо игумена Илария. Т. 1. С. 345. См. также копии письма: РГБ ОР. Ф. 213. К. 75. Ед. хр. 9. Л. 61–62об; Ф. 214. Опт. 370. Л. 69–75об.

о снискании спасения души. И ежели что было приобретено, где оно теперь? Заступило оскудение всего. Что сему причиною? — Вы скажете — сан начальства. — Точно, неоспоримо, как и св. Исаак Сирин в 56-м слове пишет, что находящемуся еще в нездравии душевном не должно пускаться в море мира, и между прочими, вредящими душу, упоминает и о начальстве. Однако ж не собственно сан начальства, но Ваша немощь душевная и непобежденные еще страсти, а главные: славолюбие, сластолюбие и сребролюбие, — с коими не могло встретиться чувство Ваше без повреждения душевного свирепостию оных. И Вы уже находитесь без оружия и не в силах сопротивляться оным. Есть люди, кои проходят и начальство не только без повреждения себя, но и с пользою ближних, но они сильны стати противу страстей, а немощному, дабы и самому не погибнуть и окормляемых им не погубить, что нужно делать? Ежели есть в Вас истинное желание ко спасению души Вашей, то примите совет не от меня, но от святых Отец — истинных делателей и учителей монашеского жития. Св. Иоанн Лествичник пишет: «которыми страстей потоками взошло в них нерадение, теми должно и выйти во двор любоначалия, не по силе начальства, иных врат не имеется, кроме тех, которыми взошел». В писанной книге св. Симеона Нового Богослова прочтите слово 8-е: «Яко подобает словесные паствы Христовы предводителю смотрети и истязати опасно, первее — яже о себе», и паки в стишной его же слово 26-е; да преподобного Нила Постника Слово постническое в Добротолюбии. Из книги Никона Чер<ногорской> горы Слово 8-е. От бесед Златоустого на послание к Титу, от жития Пахомия «Яко же плинфы влагаемы в реку, не терпят ни единаго дне, аще ли же огнем печени будут, якоже камение пребудут, сице и человек, плотское мудрование мный, аще не разжется по Иосифу словом Божиим, растается начальство приим». Много бо таковым искушения посреди человек, добро же есть кому познавшу своя меры, отложити тяготу начальства, да не повредится. Утверждении же верою и деланием заповедей Божиих непоколебими бывают. Посем и сие: «тщеславие, сребролюбие и наглость власти соплетаются». Из оных Вы увидите важность сана и сообразите Вашу способность и силу с немощами душевными и какой предлежит дать ответ не за себя точию, но и за души других. И хотя Вы надеетесь по младости Вашей продолжения жизни, но сие неизвестно. Надобно пользоваться настоящим временем и не терять оного, данного нам на покаяние, — разыдется торг, тогда куплю деяти невозможно. Господь наш Иисус Христос

не велел отлагать времени: *Бдите и молитеся, яко не весте, в кий час тать приидет* [ср.: Мф. 24. 42–43; 26. 41].

За нужное почитаю воспамянуть Вам об известном собрате нашем о. архимандрите Паисии Радовецком, он многократно просил моего недостойного совета о оставлении начальства, но, медля исполнить оное, преселился от здешней жизни, не получил желаемого успокоения в желаемом безмолвии и рассматривании себя. Малодушие Ваше и страх, что будет после, раскаяние приносит Вам завидуяй спасению Вашему враг, желая сими плевелами подавить прозябающее в вас доброе семя и погасить воссиявающую в Вас искру к желанию исправления и спасения.

Я за сие не ручаюсь, точно он будет Вам приносить раскаяние о оставлении, но когда облечетесь верою во оружия Божии, то стрелы его вменятся Вам, яко младенческие, когда видите свою душевную тщету и желаете избавиться ее, должны приготовиться к терпению и перенесению его нападений; и хотя бы что и случилось перенести скорбное, то на все оное обязаны мы обетами нашими, а еще и ко очищению грехов и к снисканию смирения даже и необходимы скорби, которые когда и приидут, то ведь не без промысла и попущения Божия, и помощь Его ниспосылается. Вспомните, что Господь ублажает тесный и прискорбный путь, а не пространный бесскорбный.

Предложив Вам отеческие учения и мое скудоумное рассуждение о сем предмете, оставляю Вашему самовластию избирать лучшее. Но приступая к оному, прежде молите Премилосердого Господа, да устроит Он об Вас так, как воле Его угодно, и подаст силу и крепость к понесению, когда будет Его воля, предлежащаго креста, но спасительного и могущего возвести в благое устроение и благонадежие ко спасению.

Моля Премилосердаго Господа, да даст Он Вам в сем деле последовать истинному разуму по воле Его святой и укрепит Вас во искушениях. Поручая и себя молитвам Вашим, с почтением моим остаюсь желатель Вашего спасения и недостойный богомолец

И<еросхимонах> Л<ев>.
1839-го ноября

№ 2[1]

Ответ Ваш на письмо мое показывает мне возбудившееся чувство Ваше к прежней ревности, которую Вы имели в искании

спасения, но оное, однако ж, старается враг опять усыпить, наводя страх скорбного монашеского жития и жалость оставить отрадное начальническое.

Я писал Вам, не понуждая Вас, но взирая на веру Вашу, с какою меня вопрошали, изъяснив свое бедственное устроение, представил Вам от учения святых Отец средства к восстановлению оного, единственно из любви к Вам и желания спасения; движим будучи сими же чувствами, и теперь Вам подтверждая скажу. Хотя или не хотя непременно должно когда-нибудь снять сии златые узы начальства, смерть положит предел оному, и неизвестно когда и в каком положении застанет; а может быть, измена судьбы и прежде смерти предуготовляет свободу от него, хотя и не с приятностию, в чем, однако ж, действует несомненно Промысл Божий, по подобию отца, отъемлющего у дитяти вредящие его вещи, но его утешающие, невзирая на слезы его. Страх скорбей будущих маловременных, начертаваемый в сердце Вашем, показывает скудость веры и упования на Бога, а также любление пространного пути и уклонение от узкого. Каким же другим путем внидем в Царство Небесное? — Вы сами сознаете, что сколько улучил плотских мирских радостей, столько придется долг воздать в свое время горькими слезами. И не оставя оных наслаждений, подобитесь мурину, секущему дрова, и кладущему в бремя, хотящу оное подъяти и не могущу от тяжести. Вместо того, дабы убавить из оного, он еще более прилагает, и паки тожде творит.

Когда проходите начальство не для своих выгод и спокойствия, но для спасения ближних, то оное неминуемо сопряжено со скорбями, а не с спокойствием. А ежели для честию, славы и наслаждения начальствовать, то и сам и подчиняемые бедственно нагружаются от волнения страстей: *горе граду, егда царь его юн есть* [Еккл. 10. 16], и проч:

А мне кажется, ежели Вы внидите в поприще, предпринимаемое Вами со упованием и верою в Бога, и добровольным произволением предадите себя испытанию скорби, то оные не только будут для вас удобоносимы, но даже и легки с помощию и благодатию Бога, рекшего: *Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть*. Некоторым братиям, сожительствующим с Вами и скорбящим о сем Вашем намерении, справедливо ли поступают? — Они желают своего спокойствия или спасения чрез Ваше душевное бедствование, но должны и они надеяться на Бога, спасающаго правыя сердцем, а не на человека.

При благом Вашем намерении молите Господа, да утвердит Он его и да сподобит исполнить по Его Святой воле, ниспосылая помощь свою и укрепляя в предлежащем пути.

Прошу Вас не оставлять в молитвах пребывающим к Вам с любовию и желанием спасения.

[1840]

[1] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-384. Л. 54–55.

Публикация писем и примечаний к ним В. В. Кашириной

Елена Аксененко

Елизавета Никитична Шахова

История 20-летнего наставничества святителем Игнатием поэтессы и духовной писательницы Елизаветы Никитичны Шаховой (1822–1899) является примером его особой пастырской заботы о людях, наделенных Богом даром слова. В 1847 г., во время своего настоятельского служения в Сергиевой пустыни, архимандрит Игнатий посетил Бородинский монастырь, где особое внимание обратил на литературно одаренную 25-летнюю послушницу Елизавету. Он не только поддержал стихотворные опыты послушницы, но и взял ее под свое духовное руководство. Встреча с будущим святителем коренным образом изменила жизнь Е. Шаховой. Пятнадцать лет он вел свое духовное чадо к мантийному постригу, поддерживая ее и в духовной брани, и в художественном творчестве. За несколько лет до перехода Святителя в вечность Елизавета была пострижена в мантию с именем Мария. До конца своей жизни, трудясь в учебных учреждениях и в церковной общине, публикуя свои художественные произведения и статьи, она оставалась верной заветам своего наставника.

В 1911 г. внучатый племянник Е. Шаховой, Н. Н. Шахов, впервые собрал ее поэтические опыты и опубликовал «Собрание сочинений в стихах Елизаветы Шаховой»[1]. Он же передал в 1914 г. в Пушкинский Дом рукописи и издания произведений Е. Шаховой, оставшиеся ему в наследство. Под руководством главного хранителя Рукописного отдела Б. Л. Модзалевского Н. Н. Шахов разыскал архив матери Марии в Старо-Ладожском

[1] *Шахова Е. Н.* Собрание сочинений в стихах / Издал внучатый племянник автора Н. Н. Шахов. СПб.: Екатерининская типогр., 1911. – XIV, с. 212, 130, 322. Далее: Собрание сочинений в стихах.

женском монастыре, где она окончила свой жизненный путь. В 1915 г. Н. Н. Шахов и эти найденные им материалы передал на хранение в Пушкинский Дом: вместе с прежним поступлением они и составили фонд Е. Н. Шаховой[1].

Елизавета Шахова родилась в обедневшей семье старинного дворянского рода, жившей благочестиво и замкнуто. Елизавета, не отличавшаяся крепким здоровьем, получила домашнее образование под руководством матери и старшей сестры. С детства начала писать стихи. Когда девочке исполнилось 12 лет, умер отец, и семья оказалась в стесненных обстоятельствах. Вскоре Е. Шахова прославилась необычно ранним выступлением на литературном поприще. В 1837 г. была издана первая книжка ее стихотворений[2], тогда девушке едва исполнилось 15 лет. Творчество молодого дарования поддержала Российская Академия, наградив автора денежной премией.

Через год Е. Шахова представила второй сборник — «Стихотворения»[3], который также получил высокую оценку академического собрания. «...Не многие из новейших писательниц, — отмечалось в информационном разделе “Трудов” Российской Академии, — отличаются тою легкостью и свободностию стиля, ясностию мыслей, чистотою чувств, какими исполнены ее (Е. Шаховой. — *Е. А.*) стихотворения, ознаменованные высокою христианскою преданностью воле Провидения в перенесении бедствий. Находясь в бедности и чувствуя расстройство здоровья в самых цветущих летах, девица Шахова остается опорою и утешением матери, лишенной зрения»[4]. Российская Академия напечатала сборник в количестве 800 экземпляров и весь тираж «предоставила в пользу автора». Император Николай I после преподнесения ему сборника подарил юной поэтессе «бриллиантовые фермуар и серьги». В 1842 г. вышел третий сборник стихотворений Е. Шаховой «Повести в стихах»[5].

С момента появления в печати первого стихотворения — «Видение девушки», опубликованного в «Библиотеке для чтения»[6],

---

[1] Институт Русской литературы и искусства (ИРЛИ). Рукописный отдел (РО). № 3558–3602. || [2] *Шахова Е.* Опыт в стихах пятнадцатилетней девицы. Писано в 1836 г. СПб.: Типогр. К. Вингебера, 1837. — 23 с. || [3] *Шахова Е.* Стихотворения. СПб.: Типогр. Имп. Российской Академии, 1839. — 2, 120 с. || [4] Труды Императорской Российской академии: Ч. 1. СПб.: Типогр. Имп. Российской Академии, 1840. С. 77. || [5] *Шахова Е.* Повести в стихах. СПб.: Типогр. К. Вингебера и сына, 1842. — 167 с. || [6] *Шахова Е.* Видение девушки [Стихотворение] // Библиотека для чтения. 1837. Т. 21. № 4, отд. V. С. 108–112.

о юной поэтессе громко заговорили литературные журналы и газеты. Стихи Е. Шаховой стали появляться на страницах «Библиотеки для чтения», «Сына Отечества», «Москвитянина», «Современника», «Литературной газеты», «Одесского альманаха», литературных прибавлений к «Журналу министерства народного просвещения» и «Русскому инвалиду»[1]. Ни один сборник стихотворений Е. Шаховой не остался вне внимания критиков, принадлежавших к разным эстетическим направлениям, все единодушно давали высокую оценку ее стихотворениям и прочили ей большое будущее.

Так, Н. А. Полевой[2] в рецензии на сборник 1842 г. называет автора «любимицей муз, уже известной читателям своими прежними стихотворениями», музу ее называя «задумчивой», восклицает: «Голос чувства всегда найдет отголосок в чувстве других и прием, каким встречаемы были доныне прежние создания г-жи Шаховой. Можно поручиться за успех и новых повестей ее»[3]. П. А. Плетнев, взявший на себя после смерти А. С. Пушкина издание «Современника»[4], пишет о Е. Шаховой как о «явлении чрезвычайно любопытном», «увлекающем душу надеждами»[5]. Рецензенты отмечали «безыскусственную простоту» ее стихотворений, в которых «много неподдельного чувства, особенно там... где мы видим в ней женщину, дочь, сестру», особо обращали внимание на «самостоятельный, свободный и сильный стих»[6].

С Елизаветой Шаховой познакомились тогда ректор и несколько профессоров Санкт-Петербургского университета, известные

---

[1] Об участии Е. Шаховой в этих изданиях см. в сносках к ее «Автобиографическому очерку», публикуемому ниже. Далее указания на «Автобиографию» даются в тексте публикации. ‖ [2] *Полевой Николай Александрович* (1796–1846) – писатель, журналист, историк, член.-кор. Российской АН (1831). Издатель журнала «Московский телеграф». Автор «Истории русского народа» (т. 1–6). ‖ [3] *Полевой Н.* Повести в стихах Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. К. Вингебера и сына, 1842 // Русский вестник. 1842. Т. 6. Отд. III. С. 28. – В рубрике «Новые русские книги. 1842 год». ‖ [4] *Плетнев Петр Александрович* (1792–1865) – поэт, критик, доктор философии, академик Российской Академии наук (1841), в 1838–1846 гг. издатель и редактор журнала «Современник», проф. кафедры русского языка и словесности (1832–1850), затем ректор Петербургского университета (1840–1861). ‖ [5] Повести в стихах Елизаветы Шаховой. 1. Перст Божий, 2. Странный красавец, 3. Изгнанник и – Эпилог // Современник. 1842. Т. 26. Отд. II. С. 51–52. – Авт.: П. А. Плетнев. ‖ [6] См.: Современная библиографическая хроника: Русские книги: Стихотворения Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. Имп. Российской Академии, 1839. // Отечественные записки. 1839. Т. 6. Отд. VII. С. 148; Русская литература: Стихотворения Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. Имп. Российской Академии, 1839 // Северная пчела. СПб., 1839. 9 ноября. № 254. С. 1015.

литераторы, среди которых был В. А. Жуковский, подаривший ей собрание своих сочинений. Большое участие в судьбе поэтессы принял П. А. Плетнев, хорошо известный своим наставничеством и покровительством начинающим литераторам: кроме того, что в пору своего редакторства в «Современнике» он регулярно помещал стихотворения Е. Шаховой в журнале, познакомил ее с А. И. Ишимовой[1], Я. К. Гротом[2] и др.

Специально для знакомства с одаренной девушкой к Шаховым в 1837 г. приезжал молодой И. С. Тургенев, приходившийся им дальним родственником. В поздних воспоминаниях о единственной ее встрече с И. С. Тургеневым Е. Шахова передала недоброжелательное отношение к нему своей матери, тяготившейся преувеличенно шумным успехом поэтических опытов младшей дочери. Шахова вспоминала, что когда Тургенев коснулся вопроса о дальнейшей судьбе девушки, разговор между ним и матерью «угрожал перейти в настоящие прения». Будущий великий писатель видел Елизавету поэтом, «Госпожа Шахова возразила, что она не столько дорожит способностью дочери к литературе, сколько ее религиозными убеждениями, которые она может растерять в погоне за славою поэта». Внимательно посмотрев на автора стихов, Тургенев ушел, «поняв, что она или лишена всякой возможности победить предубеждения матери, или сама душевно разделяет их»[3].

---

[1] *Ишимова Александра Иосифовна (Осиповна)* (1804, по другим сведениям 1803–1881) — детская писательница, переводчица, издатель детских журналов. Автор «Истории России в рассказах для детей» (Ч. 1–6. СПб., 1837–1840; 5-е изд. Ч. 1–3. СПб., 1862), принесшей ей наибольшую известность. Первые 25 рассказов «Истории...» Ишимова показала П. А. Плетневу еще в рукописи, который высоко их оценил и ввел Ишимову в круг литераторов (ок. 1834), став ее литературным покровителем и наставником. Через посредничество Плетнева в конце 1830-х гг. молодая писательница была приглашена преподавать русский язык членам царской фамилии. С П. А. Плетневым и Я. К. Гротом у Ишимовой установились особенно дружеские отношения. ‖ [2] *Грот Яков Карлович* (1813–1893) — филолог, историк, ординарный академик Петербургской Академии наук (1858). Окончил с золотой медалью Царскосельский лицей (1832), служил в канцелярии кабинета министров, с 1834 г. — в Государственной канцелярии. С 1840 г. сотрудничал в журнале «Современник». В 1841–1852 гг. профессор кафедры русского языка, словесности и истории Гельсингфорского университета, 1852–1858 гг. преподавал русский язык, немецкий язык, историю и географию великим князьям Николаю Александровичу и Александру Александровичу; в 1853–1862 гг. профессор кафедры словесности Александровского лицея в Петербурге. С 1859 г. — член, с 1866 г. — председатель Литературного фонда. ‖ [3] *Шахова Е.* В начале жизни и на пороге вечности. (Посвящено памяти И. С. Тургенева. 1883 г.) // Русская старина. 1913. Т. 153. № 1. С. 164. — Публикация Н. Н. Шахова.

Есть все основания предполагать, что отъезд матери с дочерьми в Москву к родственникам в разгар интереса петербургского общества к Елизавете совпадал с настроениями самой поэтессы. Возможность для нее иного жизненного пути, нежели путь поэта, допускал П. А. Плетнев. Близко узнав семейство Шаховых, он видел, что рано проявившийся литературный дар девушки сочетался со столь же ранней внутренней сосредоточенностью (в «Автобиографии» она писала, что «с 9 до 12 лет», т. е. до смерти отца, «была настоящей помощницей по кабинетным его занятиям»). В рецензии 1840 г. П. А. Плетнев замечал: «...Если успехи девицы Шаховой, столь заметные и равномерные, не будут остановлены каким-нибудь обстоятельством, она некогда, в зрелом возрасте своем, должна явиться поэтом со всеми совершенствами художника; а таких поэтов, как у нас, так и во всех литературах, было очень немного»[1]. Таким «обстоятельством» стал неожиданный с точки зрения мирского сознания уход Елизаветы в 1845 г. (в возрасте 23 лет) послушницей в Спасо-Бородинский монастырь[2].

Столь резкая перемена жизни в молодом возрасте порождала много неподтвержденных реальными фактами «догадок» как современников, так и литературоведов нашего времени о причинах ухода из мира подающей надежды поэтессы. Одна из таких «версий» связана с именем святителя Игнатия, в это время еще незнакомого с Шаховыми. Так, в предисловии к публикации нескольких стихотворений Е. Шаховой в «Журнале Московской Патриархии» за 1995 г. можно прочесть: «...она (Е. Шахова. — *Е. А.*) вдруг оставила родной дом и стала послушницей в Спасо-Бородинском монастыре... Сделано это было не своевольно, а по благословению бывшего тогда архимандритом Сергиевой пустыни под Петербургом святителя Игнатия Брянчанинова, который, вероятно, был ее духовным отцом. На несколько лет ей запрещено было писание стихов, и она пребывала в разных послушаниях, возрастая духовно. Потом запрет был снят, и тут явилось в ее творчестве нечто

[1] Стихотворения Елизаветы Шаховой // Современник. 1840. Т. 17. Отд II. С. 65–66. — Авт.: П. А. Плетнев. ‖ [2] Спасо-Бородинский в честь Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа женский монастырь. Основан в 1838 г. на Бородинском поле близ д. Семеновское вдовой героя Отечественной войны 1812 г. генерал-майора А. А. Тучкова М. М. Тучковой (впоследствии игуменией Марией) на месте гибели ее мужа.

совершенно новое — молитвенные, монашеские стихи и поэмы, прозаические жизнеописания подвижниц благочестия»[1].

Между тем до ухода в послушницы Е. Шахова уже больше года не публиковала своих стихов. За два года (1843–1844) после выхода в свет третьего сборника «Повести в стихах» ею было опубликовано всего пять стихотворений[2]. Затем журнальные публикации прекратились. Бытовавшее в то время представление о несовместимости поэтического творчества с пребыванием в монастыре подсказывало современникам поэтессы объяснение ее молчания как уход из литературы. Вероятнее всего, эти и многие другие сомнения и искушения испытывала и сама молодая послушница.

Встреча Елизаветы с архимандритом Игнатием во время посещения им Спасо-Бородинского монастыря в конце июля 1847 г. стала определяющим событием в ее жизни. Тогда настоятель Сергиевой пустыни заехал в обитель игумении Марии (Тучковой) на Бородинском поле, направляясь для лечения в Николо-Бабаевский монастырь[3]. О своем посещении Бородинского монастыря архимандрит Игнатий писал наместнику Сергиевой пустыни иеромонаху Игнатию (Васильеву): «В двух обителях на пути моем принят я был как родной: в Угрешской и Бородинской. <...> Бородинская Г-жа Игумения приняла очень радушно. Первый день занимался беседою с одною ею. <...> На другой день некоторые из [сестер] познакомились со мною. А когда я уезжал, то некоторые из них, провожая, со слезами говорили: мы с Вами точно с родным Отцом, как будто век знали. И я с ними породнился — есть такие прекрасные души, многие с хорошим светским образованием. <...> Какие есть на свете души! И как чудно Слово Божие! Недаром один святой Отец говорит, что сеятель сеет сряду, а неизвестно,

---

[1] *Афанасьев В. В.* Схимонахиня Мария (! — *Е.А.*) (Елизавета Никитична Шахова, 1822–1899) // Журнал Московской Патриархии. 1995. № 12. С. 72. К сожалению, в небольшом по объему предисловии автор допускает несколько фактических ошибок, в том числе и в названии. ‖ [2] *Шахова Е. Н.* Правый и неправый суд [Стихотворение] // Современник. 1843. Т. 29. С. 269; Две думки: I. Гаданье на луну. II. Безстрастие [Стихотворения] // Современник. 1843. Т. 32. С. 352–353; Происхождение арфы: Из Томаса Мура [Стихотворение] // Современник. 1844. Т. 34. С. 77–78; Имениннику: Из А. Мицкевича [Стихотворение] // Современник. 1844. Т. 34. № 4. С. 82; К Цевнице (Из Б. Залесского, с польского) [Стихотворение] // Москвитянин. 1844. Ч. 4. № 7. Изящная словесность: Стихотворения. С. 4. ‖ [3] Николо-Бабаевский во имя святителя Николая мужской монастырь. Основан после 1500 г. в посаде Большие соли (635 км от Костромы и 628 км от Ярославля) на правом берегу Волги при впадении в нее реки Солоницы.

которое зерно взойдет и который участок земли даст обильнейший урожай»[1].

Позже Е. Шахова, уже будучи монахиней, подробно и благоговейно описала приезд архимандрита, не называя его имени, в жизнеописании настоятельницы монастыря игумении Марии, которая, получив согласие почетного гостя, «предупредила сестер, что у них будет такой посетитель, которого она принимает за посланника Божия, могущего сказать им истинно старческое слово о спасении»[2]. Беседа архимандрита с сестрами во второй день «продлилась далеко после захождения солнца, и только сумрак и свежесть приближавшейся ночи заставили распустить собрание. Но неутомимая игумения Мария еще не насытилась брашна духовного, вошедши в покои, и удержав при себе нескольких сестер, из более ревнительных и, подобно ей, жаждавших слова Божия из живых уст святого человека, продлила беседу до 11-го часа ночи»[3].

Несомненно, среди этих «жаждавших слова Божия» была послушница Елизавета. В «Автобиографии» она характеризует свое состояние этого времени как «искушение унынием до отчаяния в Бытии Божии». О впечатлении же, которое на нее произвела встреча с архимандритом Игнатием, писала там же: «Я воскресла духом от вдохновенной беседы этого великого аскета священноинока и была им принята под руководство. Это был глубокий аскет и вместе опытный наставник внутреннего делания».

Насколько серьезно архимандрит Игнатий отнесся к исполнению своего пастырского долга свидетельствует тот факт, что сразу по приезде на место лечения он в одном из первых писем в Сергиеву пустынь просил наместника переслать в Бородинский монастырь 3 экземпляра только что изданного своего очерка о Валаамском монастыре[4]: «...один Г-же Игумении, другой — двум ее келейницам... третий Елизавете Шаховой». Архимандрит Игнатий спешил подарить ей свое первое печатное сочинение, вызванное к жизни, по его собственным словам, «поэтическим вдохновением», и тем самым поддержать художественные опыты

---

[1] См.: Т. 2. С. 309. || [2] *Шахова Е. Н.* Памятные записки о жизни игумении Марии, основательницы Спасо-Бородинского общежительного монастыря, в миру — Маргариты Михайловны Тучковой, урожденной Нарышкиной. СПб., 1865. С. 91. || [3] Там же. С. 93–94. || [4] Валаамский монастырь. СПб.: тип. К. Крайя, 1847. — 27 с. Подпись: И. И. И. То же. — СПб.: тип. К. Крайя, 1847. — 40 с.

Шаховой. В последующих письмах к наместнику он не раз справлялся о выполнении своей просьбы.

Посещение Бородинского монастыря произвело на архимандрита Игнатия сильное впечатление, под влиянием которого он написал хотя и небольшое по объему, но глубоко эмоциональное стихотворение в прозе — «Воспоминание о Бородинском монастыре». Уже через месяц после приезда на место лечения он переслал текст «Воспоминания...» в Петербург для публикации в «Библиотеке для чтения»[1], а в конце 1847 г. передал в Бородинский монастырь изданную «брошюрку»[2].

На создание этого произведения архимандрита Игнатия вдохновили не только сердечный прием и общение с сестрами, но и стихотворение Е. Шаховой «Поле-море», написанное ею в 1846 г. на Бородинском поле. Стихотворение начиналось словами:

Широкое поле, — глубокое море,
Безмолвно и мертво, без влаги, без бурь;
Когда-то на этом зеленом просторе
Волнами бежала в струях не лазурь,
Не отблеск небесного, ясного цвета,
Но кровь разнородных племен и людей!
О, поле-кладбище! Гордыня полей!
Ты некогда было позорищем света!...[3]

В «Воспоминании о Бородинском монастыре» архимандрит Игнатий, обращаясь к Елизавете, как бы продолжает неоконченный с ней разговор: «Поэт! Ты прав; твой глаз постиг характер этого поля: ты нарек его “поле-море”. Прочитав название новое, я не понял его, но когда пришлось мне взглянуть с высоты на Бородинское поле, — я тотчас увидел, что это поле — море. Оно обширно, как море; оно — всё в переливающихся, отлогих холмах, как в волнах. Были на нем и другие волны: несметные полки воинов. Утекли эти волны; утекли десятки годов после битвы знаменитой; стоит уединенно на поле смиренная обитель инокинь, как пристань на море». Какой поддержкой должна была стать эта «брошюрка» для инокини в ее творчестве!

[1] Воспоминание о Бородинском монастыре // Библиотека для чтения, 1847. Т. 85. Науки и художества. С. 121–122. — Подпись: *И.* ‖ [2] См.: Т. 2. С. 332. Письмо № 28. Вышло также отдельным изданием: Воспоминание о Бородинском монастыре. СПб.: Тип. К. Крайя, 1847. — 4 с. — Подпись: *И.* ‖ [3] Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 2.

После знакомства будущий Святитель прежде всего наметил программу духовного образования Елизаветы. «Он преподал мне келейное правило, — писала она в “Автобиографии”, — предложил ознакомиться с учением древних святоотеческих творений и обещал доставлять мне книги по его выбору, необходимые для первоначального и последовательного чтения, и условился о переписке с ним, вполне искренней и свободной».

Незадолго до возвращения архимандрита из Бабаевского монастыря, в январе 1848 г., Е. Шахова едет в Сергиеву пустынь с сопроводительным настоятельским письмом к наместнику: «Рекомендую тебе подательницу письма сего Елизавету Никитичну Шахову. Приласкай и утешь ее: мне этот человек понравился. И сохрани же ее от взоров сулемы и всякого мышьяка. А то узнают, что моя знакомая, и постараются повредить ей. Она — писательница. Нрава открытого и с умком. Арх. Игнатий».

Приезд Е. Шаховой в Петербург, возможно, был связан с подготовкой к изданию нового — четвертого — ее сборника стихотворений. Сколько времени Елизавета пробыла в Сергиевой пустыни, мы не знаем, но, очевидно, не меньше месяца, так как в февральском письме к наместнику архимандрит Игнатий делает приписку: «В моем шкафе лежит на полке книга Пр<еосвященного> Иннокентия “Великий пост”[1], потрудись передать Шаховой. Нужна для соображения при предполагаемом стихотворении»[2]. Четвертый, и последний, сборник стихотворений Е. Шаховой «Мирянка и отшельница» увидел свет в самом начале 1849 г.[3]

Основная часть вошедших в него стихотворений были написаны с 1839 по 1846 г. и только несколько произведений созданы в промежутке между 1847 и 1848 гг. Содержание сборника отличалось от предыдущих, на что обратила внимание критика, встретившая его появление гораздо более сдержанно.

---

[1] *<Иннокентий (Борисов), архиепископ.>* Великий пост, или Беседа на Св. Четыредесятницу. Харьков, 1847., 368 с. Автор не указан. То же: 2-е изд. Сочинение Иннокентия, Архиепископа Херсонского и Таврического. СПб.: Тип. Морского кад. Корпуса, 1850. [4], II, 322 с. ‖ [2] В Собрании сочинений Е. Шаховой есть цикл стихотворений, посвященных Великому посту. См.: Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 109–121. Время создания стихотворений неизвестно, но опубликовала их мать Мария в газете «Россия» в 1880 г. № 1, 4–7. ‖ [3] *Шахова Е.* Мирянка и отшельница. Стихотворения: В 2 ч. СПб.: Типогр. К. Вингебера, 1849. — 4, 346, IV с.

«О духовных стихотворениях г-жи Елизаветы Шаховой мы не будем распространяться. Содержание их слишком высоко, а выполнение большею частию далеко не соответствует содержанию», — писал рецензент, хотя и отметил «замечательное по силе и звучности» стихотворение «Исступление»[1], которое начиналось так:

Идите прочь от келии моей,
Мирские, сродники, и недруги и други,
Я излию души моей недуги
Наедине – с самим Творцом людей!
Ни шороха шагов, ни голоса людского,
Ни скрипа у дверей не дайте слышать мне;
В смирении безмолвия святого,
Колена преклоня, в священной тишине
Я улетучу плоть от веры и надежды,
И минет – для любви земная полоса...
Широкая пола святой моей одежды
Мне будет облаком к полету в небеса:
Я вознесусь, вне чувственного мира,
Усилием земного существа,
К чиноначалиям превыспренного клира,
До самого Престола Божества!..[2]

Вероятно, не без оснований другой рецензент отмечал, что содержанием стихотворений сборника Е. Шаховой является «мир субъективный, сфера ее “я”»[3].

Сборник «Мирянка и отшельница» был последним в творчестве Елизаветы Шаховой. На это имелись как внешние, так и внутренние причины. Начиналось десятилетие, в котором публикация произведений на религиозные темы искусственно приостанавливалась. С 1851 г. перестают печатать в журналах сочинения архимандрита Игнатия. Только в 1862 г. Святитель возобновляет свои печатные выступления. Примерно в это же время, с 1860 г., на журнальных страницах вновь появляется имя Е. Шаховой. Разумеется, помимо внешней была и внут-

[1] Литературная летопись: Мирянка и отшельница. Стихотворения Елизаветы Шаховой: В 2 ч. СПб.: Типогр. К. Вингебера, 1849 // Библиотека для чтения. 1849. Т. 95. № 6. Отд.VI. С. 36–39. || [2] Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 11. || [3] Библиографическая хроника: Новые сочинения: Мирянка и отшельница. Стихотворения Елизаветы Шаховой: В 2 ч. СПб.: Типогр. К. Вингебера, 1849 // Отечественные записки. 1849. Т. 64. Отд. VI. С. 95–100.

ренняя причина 10-летнего молчания поэтессы: новое содержание ее жизни требовало освоения иных форм выражения. Святитель Игнатий неоднократно в своих сочинениях и письмах подчеркивал необходимость разделять творчество светское, то есть водимое мудрованием и духом мира, «постоянно ниспадающее в свое *чувственное,* и святое духовное переделывающее в свое чувственное», от творчества истинного, в котором душа «находит удовлетворение, пищу», то есть Слово Божие.

В «Автобиографии» Е. Шахова писала, что по возвращении в Сергиеву пустынь после лечения в 1848 г. архимандрит Игнатий вызвал ее из Бородинского монастыря и целый год она, живя на монастырской даче вместе с матерью, под его наблюдением изучала творения святых Отцов и занималась Богословием. В это же время Шахова переводит с французского «Деяния семи Вселенских соборов» из книги «История Христианства» аббата Флери[1]. Объемный перевод этот сохранился в ее архиве[2].

После года обучения духовный наставник передал Елизавету на попечение другой своей ученицы, монахини Августы (Козминой) — старицы Старо-Ладожского монастыря; там Е. Шахова поселилась со своей матерью. Сведения о событиях дальнейшей ее жизни, прикровенной для нас, можно почерпнуть из ее «Автобиографии», писем близких ей людей и ее стихов. По словам самой Е. Шаховой, в Ладожском монастыре она 14 лет «занималась чтением и списыванием с древних рукописей Св. Отцов по церковному и русско-печатному шрифту».

К началу 1860-х гг. в отношениях монахини Августы с начальством Старо-Ладожского монастыря возникли трения, перешедшие в трудноразрешимый конфликт. Вследствие этого Е. Шахова со своей наставницей, получив благословение святителя Игнатия, ушли из монастыря искать себе пристанище в другом месте. Некоторые сведения об этом периоде жизни Е. Шаховой имеются в переписке Святителя со своим учеником — игуменом Антонием (Бочковым), поэтом и писателем, разделявшим взгляды Святителя на святоотеческое учение и на современное состояние общества[3]. Именно его попечению поручал Святитель монахиню Августу и Е. Шахову, вступив

---

[1] *Флери Клод* (Abbé Fleury; 1640–1723) — аббат, историк церкви, член Французской академии. Автор труда Histoire ecclésiastique (Paris, 1719). ‖ [2] РО ИРЛИ. № 3558. ‖ [3] Об игумене Антонии (Бочкове) см.: Т. 1. С. 400–432.

на епископскую кафедру в Ставрополе и навсегда покинув Петербург.

Иеромонах Антоний с 1852 до 1859 г. был духовником Старо-Ладожского монастыря, но в эти годы он часто находился в отъезде. В 1859 г. его переводят настоятелем Введенского Островского монастыря в Новоладожском уезде, а в 1862-м — настоятелем в заштатный Череменецкий Иоанно-Богословский монастырь. Вероятно, во время настоятельского служения игумена Антония и происходит сближение его с Е. Шаховой, горячо поддерживаемое святителем Игнатием. В письме к игумену Антонию от 18 апреля 1861 г. он писал: «Сердечно радуюсь, что труженицы Августа и Елизавета нашли в Вас единомудренного, сочувствующего им сподвижника. Бог да благословит Ваш духовный союз во славу Святого Имени Своего и в пользу душ, жаждущих услышать слово Божие, и при руководстве Его спасти души свои от нравственной смерти, которая настигнет всех, лишенных истинной пищи — слова Божия»[1]. Через месяц Святитель вновь обращается к игумену с просьбой: «Не оставляйте Ладожских Стариц, находящих в любви Вашей отраду в сиротстве своем и отдающих Вам полную цену»[2]. В это время между игуменом Антонием и Е. Шаховой завязывается переписка, односторонне сохранившаяся в архиве Е. Шаховой[3].

Игумен Антоний принимал заинтересованное участие в устройстве дел монахини Августы и Елизаветы Шаховой, за что святитель Игнатий не раз благодарил его и передавал благодарности «стариц», как их иногда называли оба корреспондента в переписке. Скитания Е. Шаховой закончились в тверском Рождественском монастыре, где, по ее словам, игумения Мария Игнатьева «совершенно успокоила у себя». Здесь в 1863 г. Елизавета Шахова приняла постриг в мантию[4]. «Спаси Вас Господи, — писал Святитель игумену Антонию 21 февраля 1864 г., — за любовь и внимание, которое Вы оказываете монахине Марии Шаховой. И на ней можно видеть, как направление по учению святых Отцов в наше время нетерпимо. Не терпят его оттого, что чужды ему, не знают его, не изучали его, нисколько не занялись им. Говорят, что ныне в книжных лавках обеих столиц вовсе прекратился расход на духовные книги или он так мал,

[1] Т. 1. С. 436. || [2] Там же. С. 438. || [3] См.: Письма игумена Антония к Е. Шаховой, а затем матери Марии. ИРЛИ РО, 3589. || [4] Мы не располагаем достоверными сведениями о первых шагах монашеской жизни Е. Шаховой: неизвестно, был ли постриг в рясофор, где и когда он состоялся.

что можно признать его прекратившимся. Всему, что сказано в Писании, подобает быть»[1].

Продолжавшаяся оживленная переписка учеников святителя Игнатия — игумена Антония и матери Марии, двух монахов-писателей, — помимо вопросов духовного характера касалась литературных тем. В 1860 г., после длительного перерыва, Е. Шахова вновь начинает печататься: в журнале «Странник» она публикует жизнеописание схиигумении Старо-Ладожского Успенского монастыря Евпраксии[2], а в 1862 г. вновь выступает как поэт со стихотворными переложениями песнопений Пасхальной утрени[3].

Вероятно, в конце июля или начале августа 1864 г. игумен Антоний и мать Мария вместе посетили Святителя в Бабаевском монастыре, где он находился уже на покое. Судя по письму Преосвященного, посланному игумену Антонию сразу после отъезда последнего, основной темой общих разговоров были стихи игумена Антония, с которыми, скорее всего, по инициативе матери Марии впервые познакомился Святитель. «Искренне благодарю Вас за посещение меня, грешного: этим посещением доставлено мне сердечное утешение. Особенно признателен Вам за то, что Вы захотели познакомить меня со стихотворениями Вашими, с Вашим прекрасным талантом, которому даю всю справедливую цену. Мать Мария, по отъезде Вашем, еще прочитала мне некоторые сочинения Ваши»[4].

Встреча с учениками, наделенными поэтическим даром, вдохновляет Святителя, и свое письмо он украшает богословским рассуждением о Слове, где, в частности, пишет: «Все дары Бога человеку достойны уважения. Дар слова несомненно принадлежит к величайшим дарам. Им уподобляется человек Богу, имеющему Свое Слово. Слово человеческое, подобно Слову Божию, постоянно пребывает при отце своем и в отце своем — уме, будучи с ним едино и вместе отделяясь от него неотдельно... Божественная цель слова в писателях, во всех учителях, а паче в пастырях — наставление и спасение человеков: какой же страшный ответ дадут те, которые обратили средство назидания и спасения в средство развращения и погубления!»[5] Святитель обращается к игумену с

[1] Т. 1. С. 453. || [2] *Шахова Е.* Жизнь схиигумении Евпраксии (в Старо-Ладожском девичьем монастыре Успения Пресвятой Богородицы) // Странник. 1860. Т. 1. № 3. Отд. I. С. 65–99. || [3] *Шахова Е.* Светлая утреня [Стихотворение] // Странник. 1862. Т. 2. № 4. Отд. II. С. 203–210. || [4] Т. 1. С. 455. || [5] Там же.

призывом «подвергнуть собственной строгой критике свои сочинения» и «при свете совести, просвещенной молитвою покаяния», извергнуть беспощадно из них все, «что принадлежит к духу мира, что чуждо духу Христову». «Судя себя и рассматривая себя, Вы увидите, — продолжает он, — что каждое слово, сказанное и написанное в духе мира сего, кладет на душу печать свою, которою запечатлевается усвоение души миродержцу»[1].

Напутствие святителя Игнатия игумену Антонию в его литературном труде в полной мере было воспринято и матерью Марией. Хотя после принятия монашества в 1863 г. и до конца 1860-х гг. будет опубликовано только одно ее произведение — жизнеописание Марии Тучковой[2], но именно с этого времени она вновь начнет регулярно писать стихи. Свидетельством тому является «стихотворный диалог» матери Марии и игумена Антония, возникший в их переписке 1862–1869 гг. Стихотворения игумена Антония остались неопубликованными, а послания матери Марии вошли в ее собрание сочинений под общим названием «Поэтический телеграф». В одном из них — «Арфа в пустыне» — она аллегорически изобразила свое возвращение к стихотворчеству:

В пустыне дикой и глухой,
На ветке дерева сухой,
Висела арфа золотая,
Своим забытая певцом:
Вдруг, Ангел мимо пролетая,
В мир, к людям, посланный Творцом,
И с крыльев прах земной стряхая,
Пустынный воздух всколебал, —
И ветерок прохладный встал, —
Качнулась веточка сухая,
Зазеленела, ожила,
И — арфа звуки издала,
Давно немая и глухая...

Именно в эти годы поэзия матери Марии достигнет того равновесия формы и содержания, которого ждал от поэтического слова святитель Игнатий.

В одном из посланий игумен Антоний предложил матери Марии воспеть «истинный идеал» — их учителя. В ответном послании

[1] Т. 1. С. 456. || [2] *Шахова Е.* Памятные записки о жизни игумении Марии, основательницы Спасо-Бородинского общежительного монастыря, в миру — Маргариты Михайловны Тучковой, урожденной Нарышкиной // Странник. 1865. Т. 1. № 5. Отд. I. С. 61–106; № 6. Отд. I. С. 123–172. Отд. оттиск: СПб., 1865. — 112 с.

мать Мария писала о том, что недостойна «воспеть великого отца», и, в свою очередь, предлагала это сделать самому игумену:

Высокой меры совершенства
Вы указали образец:
Черты Его Преосвященства
Ваш лучше выразит резец!
В священнодейственные тайны,
Вы, жрец Христов, посвящены:
Дары Христовы — не случайны
И не от мира Вам даны![1]

Но, очевидно, мать Мария все-таки решилась и написала стихотворение о Святителе, посвящая его времени настоятельства архимандрита Игнатия в Сергиевой пустыни:

Был в древности святой Игнатий:
Он в сердце Господа носил
И за своих духовных братий
Святую душу положил.
Перед толпою разъяренной
Он, в ожидании зверей,
Молился, кроткий и смиренный,
Не за себя, а за людей, —
За тех, для коих сумасбродством
Казалась вера во Христа,
Кто почитал одним юродством
Святое знаменье креста...
Был между нас другой Игнатий...
Он далеко теперь от нас:
Но сердце благодарных братий
К нему стремится в этот час.
И он злословия цепями
Когда-то весь опутан был;
И на него неслись зверями
Пособники враждебных сил.
Но, встретив их душою твердой,
Он шагу им не уступил
И велиара замысл гордый
Своим смирением победил.
На берег Финского залива,
На разоренные места,
Принес всемирное он диво —
Сиянье Божьего креста.

[1] Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 86.

И в неустанной с миром битве
Обитель спешно воздвигал
И, отдыхая лишь в молитве,
Мирских отличий не искал.
И процвела сия пустыня,
И зеленеет, яко крин,
И будет в век она, как ныне,
Хранима Господом Самим.
Он Сам, в Своем благоволенье,
Воздвиг потребного к тому,
И возвеличил во смиренье,
И крепость духа дал ему.
Он Сам его благословляет
И ограждает от всего;
От нас же только Он желает
Одной молитвы за него.
Да вознесется ж голос братий
В сей благознаменитый час;
И да хранит святой Игнатий
Сего Игнатия для нас!..[1]

Тяжелой утратой для обоих учеников Святителя стала его кончина 30 апреля 1867 г. Игумен Антоний получил сообщение об этом от матери Марии 1 мая, в день памяти Святого пророка Иеремии. В ответном письме игумен Антоний с поэтической метафоричностью находит общие черты в жертвенной жизни пророка и своего учителя:

«Горестное известие Ваше я сегодня получил и благодарю за дружеское Ваше внимание. Я отслужил уже соборную панихиду по незабвенном нашем Отце и Учителе, Высокопреосвященнейшем Игнатии. <...>

Новопреставленный, Новый Иеремия, плакал всю жизнь о бедственных временах наших, о потемнении камыков святыни, о монашестве, прилепленном к оставленному миру. Девственный и чистый, он из смирения обвязывался, как чресленником (Иеремии, гл. 13) нашими грехами, и многих извел из пропастей, из глубины погибели... <...>

---

[1] Посвящается Архимандриту Игнатию (Настоятелю Сергиевской пустыни). Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 106–108. В 1866 г. стихотворение было издано отдельной брошюрой за подписью Виктора Аскоченского. Факт этот пока объяснить не удалось. В. И. Аскоченский, как редактор журнала «Домашняя беседа», был хорошо знаком и со святителем Игнатием, и с игуменом Антонием, чьи произведения он публиковал в своем журнале.

Преподобная Матерь Мария, поклонитесь за меня неоднократно стопам почившего.

м<ногогрешный> И<гумен> А<нтоний>»[1].

Матери Марии предстояло пережить уход еще двух своих наставников и старших товарищей — монахини Августы и игумена Антония. Предчувствуя приближение расставания с ними, мать Мария писала в стихотворении «Семячко»:

Увы мне, убогой Марии!
Сама я трясусь, как былинка,
Под бурей воздушной стихии!
У каждого зелья — тычинка;
А вы-то, мои две опоры,
Раненько становитесь хворы,
Расслаблены, больны и хилы!
Страданье сковало вам силы
И дух, от скорбей изнемогший,
На нужды мои не внимает:
Мой тоненький стебель, иссохший,
Несносный червяк обнимает...[2]

С 1863 по 1871 г. монахиня Мария занималась педагогической деятельностью, о чем подробно написала в «Автобиографии». В 1873 г. из-за ухудшившегося состояния здоровья она вынуждена была уйти на покой. Духовная писательница вернулась в Старо-Ладожский Успенский монастырь и осталась в нем до последних дней своей земной жизни. Здесь она, как напишет позже в «Автобиографии», «свободнее стала заниматься духовною литературой». В 1877 г. мать Мария издала поэму в драматической форме на библейский сюжет — «Юдифь». Идея создания произведения в стиле плачей библейских пророков обсуждалась ею еще в переписке с игуменом Антонием.

В 1877–1878 гг. в журнале «Вестник народной помощи» вновь появляются ее стихи и публицистические статьи. Особенно активно мать Мария участвовала в журнальной жизни в 1880-е гг. Вплоть до 1890 г. ее публицистические статьи, беседы на духовные темы, жития святых, повести, стихи публиковали журналы «Мирской вестник», «Благовест», «Чтение для солдат», газеты «Варшавский дневник», «Новороссийский телеграф», а также издаются отдельными брошюрами.

---

[1] ИРЛИ РО. 3589. || [2] Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 94.

До конца жизни писательница выступала в печати как под мирским именем — «Елизавета Шахова», прочно закрепившимся за ее стихотворными сочинениями, так и под монашеским — «монахиня Мария», которым подписывала преимущественно публикации на духовные темы. Немало публикаций матери Марии выходило в свет под криптонимами и псевдонимами. В 1896 г. монахиня Мария приняла схимнический постриг со своим первым именем Елизавета. Скончалась схимница 5 июля 1899 г. и была погребена в Старо-Ладожском успенском монастыре.

Творчество Елизаветы Никитичны Шаховой, монахини Марии, почти неизвестно современному читателю. Отдельные стихотворения были помещены в антологию «Царица муз: Русские поэтессы XIX — начала XX вв.» (М., 1989), несколько стихотворений опубликованы в «Журнале Московской патриархии» (1995, № 12).

* * *

Имеется немало косвенных свидетельств того, что между святителем Игнатием и Елизаветой Шаховой существовала многолетняя переписка. В «Автобиографии» поэтесса вспоминала о том, что сразу после их знакомства в Бородинском монастыре Архимандрит «условился о переписке с ним, вполне искренней и свободной». Действительно, в письмах этого времени к наместнику Сергиевой пустыни будущий святитель несколько раз писал о своих посланиях послушнице Елизавете в «Автобиографии» в Бородинский монастырь. О продолжении переписки в последующие годы свидетельствует, например, упоминаемое в «Автобиографии» «письменное» благословение архимандрита. Позднее, в переписке с игуменом Антонием (Бочковым) 1860–1867 гг. святитель Игнатий также неоднократно ссылался на параллельную переписку с Е. Шаховой, которая в 1863 г. стала мантийной монахиней Марией.

Тем не менее среди опубликованных писем Святителя к мирянам и монашествующим с указанием адресата посланий к поэтессе мы не находим, равно как и ее ответов. Но с большой степенью вероятности можно говорить о том, что одно из писем Святителя, без указания имени адресата и даты, было послано Е. Шаховой.

Впервые письмо это напечатано в фундаментальном биографическом исследовании Л. А. Соколова «Епископ Игнатий Брян-

чанинов: Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения»[1], в комплексе писем Святителя к переводчице и духовной писательнице С. И. Снессоревой под № 58, где оно неизменно помещалось при всех последующих переизданиях эпистолярного наследия святителя. Автограф письма нам неизвестен, поэтому в настоящем издании текст его воспроизводится по первой публикации:

«Благодарю Вас за прекрасные стихи[2]: не говоря уже о наружной отделке, которая до мелочности изящна, в них много силы и много логики, — того и другого больше, нежели в стихах Майкова[3]. Мне понравились два стихотворения воспитанника дворянского полка Василия Пето[4]: “Молитва” и “Песня”, напечатанные в “Инвалиде”[5]. Видно дитя, виден подражатель Лермонтова, но виден вместе и истинный талант, видна необыкновенная глубина чувств... какой... какой...[6] нет ни в ком из современных поэтов. — Если вы так добры, что принимаете на себя взять заказанную для меня аптечку, то исполните это. Возьмите к ней руководство, если имеется какое особенное.

А<рхимандрит> И<гнатий>»

Во всех переизданиях писем Святителя публикуемое письмо помещалось между его письмами к С. И. Снессоревой от 9 мая 1846 г. и 29 октября 1847 г. При отсутствии датировки оно воспринималось читателями написанным во временном отрезке,

---

[1] *Соколов Л. А.* Епископ Игнатий Брянчанинов: Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения: В 2 ч. Киев, 1915. Ч. 2. Приложение. С. 127. || [2] О каких стихах говорит архимандрит Игнатий, установить не удалось. || [3] Скорее всего, архимандрит Игнатий имел в виду последний сборник стихов А. Майкова. Очерки Рима. СПб.: В типогр. И. Глазунова и К., 1847. || [4] *Потто Василий Александрович* (1836–1911) — генерал-лейтенант, выпускник кадетского корпуса Дворянского полка, по окончании которого в 1855 г. был направлен в действующую армию на Кавказ. Принимал участие в блокаде, штурме и сдаче Карса. По окончании Турецкой войны путешествовал по Кавказу и собирал рассказы, песни и исторические предания о Кавказских военных событиях, которые легли в основу целого ряда его талантливых историко-военных произведений, объединенных позже в фундаментальную книгу: *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 5 т. СПб., 1885–1890. В газетной публикации фамилия автора написана с одной «т», чему, вероятно, не придавалось большого значения. В тексте письма вместо газетной фамилии «Пото» напечатано «Пето», что может быть равно как ошибкой архимандрита Игнатия, так и неточным прочтением автографа, по которому делалась первая публикация. || [5] *Воспитанник Дворянского полка, Василий Пото.* Молитва за царя. Русская песня // Русский инвалид. 1854. 19 марта, № 65. С. 281. || [6] В публикации так!

ограниченном этими датами. Между тем указание архимандрита Игнатия на публикацию стихотворений в газете «Русский инвалид» за 19 марта 1854 г. дает возможность датировать публикуемое письмо с точностью до нескольких дней после выхода номера газеты, то есть последней декадой марта 1854 г.

Ссылки на периодические издания, которые регулярно просматривал архимандрит Игнатий, нередки в его письмах. Как правило, он делился своими впечатлениями о только что прочитанных материалах в свежем издании, если же писал о «старых» публикациях, то обычно указывал номер издания. «Русский Инвалид» была одной из читаемых архимандритом Игнатием газет, а в 1854 г., во время военных действий на фронтах Крымской войны, повышенный интерес к ней был вполне закономерен.

Именно началу войны посвящены стихотворения «Молитва за Царя» и «Русская песня» кадета Дворянского полка Василия Александровича Потто, в которых со всей горячностью молодости звучала безграничная вера в непобедимость православного воинства. Одно из стихотворений заканчивалось словами:

Будь спокоен, Царь, за святую Русь,
Нам не в первый раз в бой за Русь идти,
Нам не в первый раз сокрушать врагов,
И теперь пойдем, с Божьей помощью,
Сокрушим врага, злого недруга,
Успокоим тебя, Царь, победами!

«Молитва за Царя», 1854

Высокий патриотический пафос стихотворений обратил на них внимание общества: стихотворения были перепечатаны в нескольких изданиях, а также изданы отдельной брошюрой[1], сам же автор пожалован Высочайшим царским подарком — золотыми часами с цепью[2]. Удивляет проницательность будущего Святителя, по первым произведениям увидевшего «истинный талант» и «глубину чувств, какой нет ни в ком из современных поэтов», в авторе-юноше, ставшем впоследствии выдающимся военным историком Кавказа, по праву называемым «кавказским Баяном» или «Нестором Кавказских войн».

---

[1] *Потто В. А.* Молитва за Царя. Русская песня. СПб.: Военная типография, 1854. — 4 с. ‖ [2] См.: В память 50-летнего юбилея военно-литературной деятельности г.-л. В. А. Потто / Под ред. канд. фил. Адольфа Либермана. Тифлис, 1909. — 77 с.

Обратимся к личности адресата письма. Составители первого собрания писем Святителя могли поместить письмо без имени адресата и даты среди писем к С. И. Снессоревой потому, что оно касалось литературных тем. Между тем анализ содержания письма показывает, что адресовать его С. И. Снессоревой представляется маловероятным. В известных письмах архимандрита Игнатия к С. И. Снессоревой[1] с середины 1840 г. до 1851 г. обсуждаются вопросы публикации его произведений в «Библиотеке для чтения». София Ивановна была деятельной помощницей Святителя в этом деле. Начиная с 1851 по 1862 г. публикация произведений Святителя практически прекращается, приостанавливается и его переписка; оживает она по мере возобновления публикаций святителя Игнатия в 1862 г. и начавшейся корректорской работы С. И. Снессоревой над ними. Все это время основным занятием Софии Ивановны были переводы иностранных романов для журналов. В своем оригинальном творчестве начиная с 1863 г. и до конца жизни София Ивановна обращалась исключительно к прозаическим жанрам: в основном это были жизнеописания[2], и поэзия никак не могла стать темой обсуждения в переписке.

27 марта 1854 г., примерно в те же дни, когда было написано рассматриваемое письмо, Архимандрит приглашает Софию Ивановну приехать к нему совсем по другому вопросу: чтобы «прочитать ответ Нахимова» — отклик на переданную адмиралу архимандритом Игнатием по рекомендации Софии Ивановны икону святителя Митрофана Воронежского. Мы не располагаем сведениями о том, состоялась ли встреча архимандрита Игнатия с С. И. Снессоревой, но с уверенностью можно сказать, что архимандрит Игнатий не мог обременить хронически больную немолодую женщину просьбой «взять заказанную для него аптечку», тем более что жила она в это время в Царском селе, а не в Петербурге.

Среди творческих людей, окружавших архимандрита Игнатия в начале 1850-х гг., Е. Н. Шахова была одной из ярких фигур. Подобно тому как будущий Святитель разглядел «глубину чувств» в стихотворном дебюте Василия Потто, он с первой встречи увидел в молодой послушнице незаурядный талант стихотворца, и в дальнейшем старался дать ему верное духовное

---

[1] О письмах святителя Игнатия к С. И. Снессоревой см. публикацию Е. Аксененко: Т. 3. С. 604–624. ‖ [2] См.: *Снессорева С. И.* <Автобиографическая записка>. Там же. С. 646–656.

направление. Поэтому ведущей темой их общения была поэзия и поэтические опыты самой Е. Н. Шаховой.

Публикуемое письмо написано в интонации продолжающегося разговора с близко знакомым человеком в ожидании скорой встречи, поэтому оно кратко и не столько информативно, сколько эмоционально. В начале письма Святитель благодарит за стихи, переданные ему, и высказывает свое одобрительное мнение о них; делится впечатлениями о прочитанном, упоминая другого автора, В. Потто. Письмо заканчивается просьбой привезти аптечку.

Действительно, в начале 1854 г. ухудшается состояние здоровья Архимандрита. Об этом он пишет, например, в письме от 4 мая 1854 г.: «...крайне изнемогаю в силах, подвергаюсь новым припадкам, каких прежде не чувствовал, и вообще чувствую особенное истощение»[1]. В этой ситуации он в очередной раз, как, например, в Бабаевском монастыре, прибегает к различным лечебным средствам и советам по их применению. Обращение архимандрита к Е. Шаховой, как человеку достаточно близкому и гораздо моложе его по возрасту, с просьбой «привезти ему аптечку» было более естественно, чем к С. Снессоревой.

Мы не можем определить, о каких стихах поэтессы идет речь в письме. Но независимо от этого для подтверждения адресации письма Е. Шаховой важна оценка Архимандритом присланных стихов и сравнение их с поэзией А. Н. Майкова.

Е. Шахова и А. Майков начинали свой поэтический путь удивительно похоже. Почти ровесники по возрасту (А. Н. Майков был годом старше Е. Н. Шаховой), оба прославились ранним выступлением в печати: первому не было четырнадцати, а второй только исполнилось пятнадцать, когда на страницах «Библиотеки для чтения» публикуются стихотворные дебюты молодых дарований, одного в 1835 г.[2], а другой в 1837 г.[3] Поэтические опыты Майкова-студента, так же, как и девицы Е. Шаховой, поддержали профессора А. В. Никитенко и П. А. Плетнев. Первый стихотворный сборник Майкова — «Стихотворения Аполлона Майкова» (СПб., 1842), вызвавший многочисленные отклики именитых литераторов[4], появился во время интереса читающей публики к начинающей поэтессе.

---

[1] См.: Т. 1. С. 384. Письмо № 48. || [2] *Майков А.* Орел. [Стихотворение] // Библиотека для чтения. 1835. Т. 9. Отд. 1. С. 123–124. || [3] *Шахова Е.* Видение девушки [Стихотворение] // Библиотека для чтения. 1837. Т. 21. Отд. V. С. 108–112. || [4] См.: *Баевский В. С.* Майков А. Н. // Русские писатели. 1800–1917. Т. 3. М., 1994. С. 454–455.

Е. Шахова не могла не слышать о молодом поэтическом таланте, подобно ей, встреченным обществом с шумным одобрением. Несомненно, рассказывал ей об А. Майкове и о художественном и литературном салоне, существовавшем в доме Майковых, его постоянный посетитель поэт В. Г. Бенедиктов[1], с которым была хорошо знакома Е. Шахова и даже считала его своим наставником в поэтических опытах[2]. Следы влияния романтической поэзии В. Г. Бенедиктова можно найти и в ранних стихах А. Майкова.

Религиозные мотивы сближали как раннюю, так и позднюю поэзию А. Майкова и Е. Шаховой. Но некоторые общие темы, например из истории борьбы христианства с язычеством, поэты решали по-разному. А. Майков в первых своих сборниках увлечен живописанием красот языческого античного мира, в то время как Е. Шахова берет материал для своих произведений из ветхозаветной истории. Гораздо ярче это расхождение обозначится в зрелые годы, когда, по точному замечанию литературоведа М. Зубкова, поэтесса «едва ли уступает А. Майкову». В частности, исследователь писал об этом: «Мифологические образы Шаховой более наглядны, более человечны, чем у Майкова с его эстетизацией, условной красивостью древнего Рима»[3]. Вероятно, эту преувеличенность эстетического начала в поэзии А. Майкова архимандрит Игнатий и определил в своем письме как недостаток «силы и логики».

Начавшись одинаково, в дальнейшем поэтические судьбы Е. Шаховой и А. Майкова пошли каждая своим путем, но память об этом начале сохранялась в душе поэтессы до глубокой старости. Когда в марте 1897 г. мать Мария, уже принявшая схиму с именем Елизавета, узнает из газет о смерти А. Н. Майкова, она пошлет письмо его младшему брату, историку литературы, академику Российской Академии Наук, Л. Н. Майкову, со словами

[1] *Бенедиктов Владимир Григорьевич* (1807–1873) — поэт, переводчик. Первый его сборник «Стихотворения Бенедиктова» (СПб., 1835) имел сенсационный успех, после которого непродолжительное время, до начала 1940-х гг., он был одним из популярнейших поэтов в разных слоях общества «от самого высокого до обывательского». См.: *Гинзбург Л. Я.* Бенедиктов В. Г. // Там же. Т. 1. С. 233–237. ‖ [2] Е. Н. Шахова посвятила В. Г. Бенедиктову несколько стихотворений, одно из них появилось в числе ее первых журнальных публикаций: *Шахова Е. Н.* Бенедиктову [Стихотворение] // Библиотека для чтения. 1839. Т. 32. №. 2. Отд. I. С. 63–65. ‖ [2] *Зубков М. Н.* Из истории русской поэмы 40–60-х годов XIX века: Е. Н. Шахова // Проблемы истории литературы: Сб. статей по русской и зарубежной литературе. М., 1961. Вып. 1. С. 190–191.

утешения и передаст написанное ею на смерть поэта стихотворение «Веночек на свежую могилу поэта А. Н. Майкова»[1].

Певец весны не нашей — дальней,
Благоуханной, плодовой,
Поэт природы идеальной,
Почил от жизни трудовой.
Достиг святых желаний края
Храмосоздатель на земле,
Зрит в свете горнем светлость рая
Носитель света — в дольней мгле.
Он смолк — чтоб музыке небесной
Внимать блаженно, без конца,
Став в чине службы не телесной,
В лучах бессмертного венца.
Святая Русь! Живые звуки
Потомству в славе сохрани,
Чтоб вовсе не было разлуки
С явленной силой в наши дни.

Из всего вышесказанного с достаточной убедительностью можно сделать вывод о том, что публикуемое письмо архимандрита Игнатия действительно было адресовано Е. Шаховой.

В приложении к настоящей статье мы помещаем также автобиографию монахини Марии, написанную в 1894 г., за пять лет до кончины. Поводом к ее составлению стало обращение писательницы в «Литфонд» с просьбой о назначении пенсии. По существующим тогда правилам, краткий очерк литературной деятельности необходимо прилагался ко всякому прошению о «денежном вспомоществовании», направляемому в «Литфонд», в материалах которого он и хранится в настоящее время[2]. Фонд смог выделить матери Марии лишь маленькое полугодовое пособие.

В начале 1896 г. она вновь обращается с просьбой о назначении пенсии в образованную в 1895 г. «Комиссию для вспомоществования нуждающимся литераторам, ученым и публицистам при АН», первым председателем которой был Л. Н. Майков. На этот раз, благодаря его заботам, ослепшей и больной матери Марии была назначена пожизненная годовая пенсия в 240 руб.[3], которую она получала вплоть до дня своей кончины.

---

[1] ИРЛИ РО. 17256. Л. 2. ‖ [2] ИРЛИ РО. Ф. 155; 1894 г. Журнал XXI. Дело № 7. ‖ [3] ИРЛИ РО. Ф. 540. Оп. 2. № 384.

Автобиографический очерк писательницы Елизаветы Шаховой — монахини Марии

Отец мой Никита Иванович Шахов был моряк[1]. Во время Шведской войны в 1809 году отличился особым подвигом: командуя гребной флотилией и пробиваясь сквозь лед, он способствовал окончательной победе нашей над неприятелем. Он был контужен в голову и в правый бок, за что и был награжден [орденом] Св. Георгия в петлице и повышением в чине[2], но получил ревматизм во всех членах, почему и вынужден был оставить морскую службу. Вступил в Гражданское ведомство по Государственному контролю[2]. Отец мой скончался в 1834 году на государственной службе[3] от апоплексического удара на все нервы, оставя вдову[4], лишенную зрения от головной болезни, и двух дочерей: старшую,

---

[1] Н. И. Шахов родился 1785 г., происходил из дворян. В 1795 г. поступил в Морской кадетский корпус. Служил при петербургском и кронштадтском портах, участвовал в русско-шведской войне 1808–1809 гг. См.: Общий морской список. СПб., 1892. Ч. 6. С. 241–242. ‖ [2] Автор описывает обстоятельства подвига и ранения отца не вполне точно. Согласно документам, в мае 1808 г. Н. И. Шахов произведен в лейтенанты. В августе этого же года, командуя плавучей батареей № 11, он участвовал в сражении со шведским гребным флотом в Юнгфер-Зунде и во время нападения шведов «много способствовал к отнятию» гемама (мелкосидящего гребного судна. — *Е. А.*) «Строн Биорн», находящегося в руках неприятеля, «за что имел похвальный аттестат от командующего флотилиею капитан-лейтенанта Новокщенова и о чем рекомендовано командующему». В октябре того же года в составе эскадры вице-адмирала Мясоедова Н. И. Шахов участвовал в сражении со шведскою флотилиею при острове Пальве, во время которого был контужен, но «также рекомендован отлично». После этого он участвовал «в деле при разбитии» шведских аванпостов у острова Сутейла. В этом же году Шахов был в отпуске «для излечения полученной в плечо контузии» (Российский государственный архив Военно-морского флота, ф. 406, оп. 7, № 124, л. 987–988 — 1814, сент. Послужной список команды 4 Ластового экипажа флота лейтенанта Никиты Шахова). О награждении Шахова орденом сведений нет. ‖ [2] В 1815 г. Н. И. Шахов уволен с военной службы по прошению (из-за болезни) в чине капитан-лейтенанта. См.: Общий морской список. Ч. 6. С. 242. С марта 1817 г. ему «во уважение добропорядочной службы и расстроенного здоровья от полученной в сражении контузии» назначена пенсия по 175 руб. в год. С 1820 г. он поступает на государственную службу в штат Гофф-интендантской конторы и, сменив несколько должностей, определяется в Главное управление ревизии государственных счетов. См.: РГИА. Ф. 576. Оп. 5. Д. 3235. — 7 л. 1834, июня 28 (Формулярный список о службе флота капитан-лейтенанта Шахова Н. И.) ‖ [3] Н. И. Шахов умер вскоре после увольнения. В июне 1834 г. он «по прошению уволен из-за болезни вовсе от службы» с должности экзекутора и казначея Временной контрольной комиссии для ревизии отчетов ведомства Путей сообщения. За два месяца до этого он «по прошению» получил право вместо «чиновника 9 класса» именоваться прежним чином «флота капитан-лейтенантом» (Там же. Л. 6об.). ‖ [4] Мать Е. Н. Шаховой Клеопатра Евстафиевна (урожденная Сытина).

Александру, 22 лет[1] и младшую, Елизавету, 12 лет[2], с небольшой пенсией да жалкими остатками наследственного капитальца моей матери.

От 9 до 12 лет я была настоящею помощницей отца по кабинетным его занятиям. Старшая сестра моя, воспитанная во Французском Пансионе, была моею первоначальною учительницею. И отец мой также в досужие часы занимался со мною, преподавал историю, географию и арифметику. Память моя не только быстро схватывала все познания, но и глубоко их усваивала.

Оба мои родители были любителями литературы: чтения, ради слепоты матери, по вечерам происходили вслух. Еще в раннем моем детстве бессмертный наш поэт Пушкин, нося меня, трехлетнего младенца, на руках, вместе с князем П. А. Вяземским говаривал моему отцу: «В больших глазах Вашей малютки светится огонек поэтического вдохновения»[3].

С 6–7 лет я твердила наизусть «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан» и декламировала первые главы «Евгения Онегина». С 10 лет я начала писать стихи под строй поэзии Пушкина и Жуковского.

После смерти отца, когда мне было 14 лет, я кончила курс учения, тогда как другие только начинают его, восполнив недостававшее мне обучение внимательным чтением и изучением русской и иностранной литературы. Тетрадка моих стихотворений случайно попалась на глаза одному из наших знакомых, М. П. Жданову[4]. Он

---

[1] По данным наиболее раннего служебного документа отца (Послужной список… Л. 987об.), А. Н. Шахова родилась в самом начале 1812 г. ‖ [2] В справочной литературе и архивных документах указания на год рождения Е. Н. Шаховой колеблются от 1821 до 1824 г. Разнобой этот отразился в немногочисленных публикациях о ней. «Автобиографический очерк…» дает основание считать наиболее достоверным 1822 г. рождения. Дату же рождения — 30 марта — называет Н. Н. Шахов, потомок поэтессы, в «Кратком биографическом очерке» о ней. См.: *Шахов Н. Н.* Е. Н. Шахова // Шахова Е. Н. Собрание сочинений в стихах / Издал внук автора Н. Н. Шахов. СПб., 1911. С. VIII–XIV. ‖ [3] Найти подтверждение этому факту, равно как и существованию каких-либо связей между родителями Е. Шаховой и А. С. Пушкиным и П. А. Вяземским, не удалось. ‖ [4] *Жданов Михаил Павлович* (1810–1877) — потомственный дворянин, действительный статский советник. После окончания Харьковского университета в 1832 г. начал службу в Департаменте Государственных имуществ коллежским секретарем, затем столоначальником, старшим столоначальником, а с 1839 г. — чиновником особых поручений. В 1838 и 1839 гг. по служебным делам (с целью наблюдения за состоянием отечественного сельского хозяйства) объехал значительную часть европейской России. Впечатления о поездке впоследствии составили книгу: *Жданов Михаил.* Путевые записки по России, в двадцати губерниях… СПб., 1843. В 1854–1856 гг. — харьковский вице-губернатор.

выпросил ее у моей матери и передал профессору Н. И. Бутырскому[1], и тот уже без нашего ведома представил тогдашнему председателю императорской Российской Академии А. С. Шишкову[2]: им и всеми членами Академического собрания мне была присуждена золотая медаль с надписью «за русскую словесность»[3]. Но нужды семейные меня вынудили вместо медали испросить сумму ее стоимости 500 рублей[4]. Сверх того, Академия напечатала тетрадку моих стихотворений особой брошюрой под заглавием «Опыты в стихах 15-летней девицы Елизаветы Шаховой 1837 года»[5]. В следующих годах, в 1838-м и 1839-м, на иждивения Академии была напечатана уже

---

[1] *Бутырский Никита Иванович* (1783 или 1784–1848) — один из первых профессоров Петербургского университета и стихотворец, экстраординарный профессор кафедры российской словесности (1819–1835); читал курс лекций «О словесных науках вообще». ‖ [2] *Шишков Александр Семенович* (1754–1841) — адмирал. С 1796 г. он был членом, а с 1813 г. президентом Российской Академии (1783–1841) — своеобразного гуманитарного центра России, учрежденного по указу Екатерины II прежде всего для создания первого толкового словаря и грамматики русского языка. А. С. Шишков приветствовал появление молодых литераторов, помогал им в публикации сочинений. В составленном А. С. Шишковым в 1818 г. Уставе Российской Академии был пункт о поощрении авторов интересных работ, в частности, награждением медалями и денежными премиями. См.: *Файнштейн М. Ш.* «И славу Франции в России превзойти...»: Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М.; СПб., 2002. С. 51. ‖ [3] В опубликованных отчетах Российской Академии нам не удалось обнаружить каких-либо сведений о присуждении Е. Н. Шаховой «золотой медали». (См.: Труды Императорской Российской академии. СПб., 1840. Ч. 1.) ‖ [4] В опубликованных отчетах Российской Академии об этом событии имеется следующая запись: «Опыты в стихах четырнадцатилетней девицы Шаховой обратили на нее внимание Академии, которая наградила ее в 1837 г. 500 руб. в поощрение к дальнейшему упражнению» (Труды Императорской Российской академии. С. 77). ‖ [5] Первая книжка стихотворений Е. Шаховой — «Опыт в стихах пятнадцатилетней девицы Елизаветы Шаховой. Писано в 1836 г.» (СПб., 1837) — была издана не Российской Академией, а в типографии К. Вингебера. За несколько месяцев до выхода в свет книжки О. И. Сенковский в своем журнале «Библиотека для чтения» впервые опубликовал стихотворение Е. Шаховой «Видение девушки» (1837. Т. 21. Отд. 5. С. 108–112), а также объявил о появлении в литературе молодого поэтического таланта и награждении ее Российской Академией денежной премией (Там же. Отд. 6. С. 62). Сопоставление цензурного разрешения (от 3 марта 1837 г.) на вышеназванный том «Библиотеки для чтения» с цензурным разрешением на «Опыт в стихах...» (от 12 мая 1837 г.) дает возможность предположить, что книжка могла быть издана на премиальные деньги, полученные от Российской Академии.

книга новых моих стихотворений[1] и быстро разошлась между любителями отечественной литературы, обратив внимание всех журналистов тогдашнего времени. Имя мое стало известно, и лучшие представители литературы стали лично знакомиться со мною. В. А. Жуковский приветствовал меня сердечным посланием[2] при подарке 12-ти томов своих сочинений с его портретом. Ректор С. Петербургского университета П. А. Плетнев[3], посещая меня, лично познакомил меня с А. О. Ишимовой[4] и тогда еще начинавшим писателем Я. К. Гротом[5]. По представлении моей книги чрез посредство графа С. С. Уварова[6] и графа Н. А. Протасова[7] Их Императорским Величествам и другим особам Императорского Дома я удостоилась получить три блестящих подарка: серьги, ожерелье и перстень[8]. Некоторые лица из высшего общества желали лично узнать молоденькую девушку-автора, приглашая меня к себе.

Известная своею общественною благотворительностью Т. Б. Потемкина представила меня своей свекрови княгине Т. В. Юсуповой, которая настолько полюбила меня, что пожелала обеспечить мое состояние под тем только условием, чтоб я уже нигде не печатала своих стихотворений. «Не хочу, — настаи-

---

[1] Вторая книжка — «Стихотворения Елизаветы Шаховой» (СПб., 1839. Цензурное разрешение от 21 ноября 1838 г.) — издана в типографии Императорской Российской Академии. В опубликованном отчете о деятельности Российской Академии отмечено, что Шахова оправдала данное ей для поддержки ее поэтических опытов денежное вознаграждение, «представив в 1839 г. новые свои стихотворения. <...> Академия, напечатав ее стихотворения в числе 800 экземпляров, все их предоставила в ее пользу» (Труды Императорской Российской академии. С. 77). ‖ [2] Стихотворного или какого-либо иного посвящения Е. Шаховой среди известных произведений В. А. Жуковского обнаружить не удалось. «Посланием» автор могла назвать приложенное к подарку письмо. См.: РО ИРЛИ. № 3592. ‖ [3] *Плетнев Петр Александрович* (1792–1865) — см. примеч. на с. 168. ‖ [4] *Ишимова Александра Иосифовна (Осиповна)* — см. прим. на с. 169. ‖ [5] *Грот Яков Карлович* (1813–1893) — см. примеч. на с. 169. ‖ [6] *Уваров Сергей Семенович* (1786–1855) — министр народного просвещения (1833–1849), президент Академии наук (1818–1855). Находился в близких отношениях с Жуковским. В 1831 г. избран в действительные члены Российской Академии. ‖ [7] *Протасов Николай Александрович* (1799–1855) — граф, генерал от кавалерии, член Государственного Совета. В 1835 г. — товарищ министра народного просвещения. С 1836 г. и до смерти исполнял должность обер-прокурора Св. Синода. ‖ [8] Это событие было отмечено в печати. «Санкт-Петербургские ведомости» писали: «Государь Император, удостоив благосклонного принятия поднесенный Его Величеству г. Управляющим Министерством народного Просвещения экземпляр Стихотворений девицы Шаховой, пожаловать ей бриллиантовые фермуар и серьги» (Санкт-Петербургские ведомости. 1839. 3 дек. № 277. С. 1247).

вала княгиня, — чтоб о моей любимице сердца в печати говорили так и сяк». Не прошло и трех лет, как скончалась моя покровительница, не успев закрепить за мной назначенной ею в завещании (которое было уничтожено князем Юсуповым и оставлено первое, писанное княгиней за 25 лет до ее кончины) значительной суммы[1].

По смерти княгини от наследников ее, двух ее сыновей — старшего, от первого брака, А. М. Потемкина, и второго, князя Б. Н. Юсупова, и дочери ее, графини Рибопьер, разделивших между собою ее богатства, мне выдавалась ежегодно та пенсия, которую мне давала сама княгиня на руки, — по пяти золотых каждое 1-е число, составивших по новому курсу 235 р<ублей> в год, которую наследники разделили на две части между мною и моею матерью и по ее кончине ее часть переписали на мою старицу монахиню Августу. По смерти ее я получаю только одну свою часть в год — 142 р<убля> 85 к<опеек>.

Лишение моей покровительницы, которую я любила более родной матери, произвело на меня подавляющее впечатление: родимый столичный город для меня точно опустел. Меня влекло в более уединенную жизнь, да и средств к содержанию семейства в приличной обстановке столичной жизни уже не доставало.

Мы решили переселиться в Москву в 1841 году к сестре моей матери Н. К. Скуратовой. О моем удалении с литературного поприща оповестили с искренним соболезнованием и даже упреками С.-Петербургские газеты «Сын отечества»[2], «Северная пчела»[3], свидетельствовавшие о моем блистательном положении в С.-Петербурге как любимой поэтессы.

В Москве любители просвещения, узнав, что я живу в семейном уединении, удалясь от общества, сами поискали меня и открыли мне новые горизонты. Но в самый расцвет всех надежд на земное счастье я услышала в ночном молении пред чудотвор-

[1] Ср. письмо святителя Игнатия к Т. Б. Потемкиной: Т. 3. С. 469–471 и к «больной старице»: Т. 1. С. 484–486. || [2] Сведения автора не точны. Газета под названием «Сын Отечества» издавалась с 1862 по 1905 г. С 1838 по 1842 гг. стихотворения поэтессы и рецензии на них помещались в журнале «Сын Отечества» (СПб., 1812–1852, с перерывом в 1844–1946 гг.), но именно в 1840–1841 гг. упоминаний о Е. Шаховой в нем нет. В эти годы ее стихотворения и отзывы на них публикует П. А. Плетнев в своем журнале «Современник». || [3] «Северная пчела» (СПб., 1825–1864) — газета политическая и литературная. Три раза в неделю. В газете печатались оповещения о выходе в свет сборников стихотворений Е. Шаховой в 1837, 1839, 1842 гг.

ною семейною иконою Спаса Нерукотворенного чудный Глас с Евангельскими словами: «Приидите ко Мне вси труждающиися и обременении и Аз упокою вы».

Я поняла это в смысле Промысла Божия, указывающего мне вступить в монастырь. Я решилась повиноваться Гласу Божию и поступила в Спасо-Бородинский монастырь[1] к знакомой игумении именитой Марии Тучковой, где и провела три года новоначалия до посещения этой обители архимандритом Игнатием Брянчаниновым. Он нашел меня в тяжком состоянии искушения унынием до отчаяния в Бытии Божии. Я воскресла духом от вдохновенной беседы этого великого аскета-священноинока и была им принята под руководство.

Это был глубокий аскет и вместе опытный наставник внутреннего делания. Он преподал мне келейное правило, предложил ознакомиться с учением древних святоотеческих творений и обещал доставлять мне книги по его выбору, необходимые для первоначального и последовательного чтения и условился о переписке с ним, вполне искренней и свободной. Наконец, по возвращении своем из уединения в одном из Поволжских монастырей снова на свою настоятельскую и благочинную деятельность в Сергиевой Пустыни, он вызвал меня из Спасо-Бородинского монастыря. Целый год, живя на монастырской даче вместе с моей матерью, приехавшей ко мне из Москвы, я занималась под его постоянным наблюдением изучением не только творений Святых Отцов, но Богословием. Затем я перевела с французского на русский язык «Деяния семи Вселенских соборов» из книги «История Христианства» аббата Флери[2]. Этот перевод составил семь объемистых тетрадей. По прошествии года моего жительства при обители Преп. Сергия архимандрит Игнатий устроил меня с матерью моей в Староладожском

[1] Спасо-Бородинский в честь Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа женский монастырь основан в 1838 г. на Бородинском Поле, близ д. Семеновское вдовой героя Отечественной войны 1812 г. генерал-майора А. А. Тучкова М. М. Тучковой (впоследствии игуменьей Марией) на месте гибели ее мужа. || [2] *Флери Клод* (Abbé Fleury; 1640–1723) – аббат, историк Церкви, член Французской Академии. Сначала был известным адвокатом парижского парламента, потом принял духовный сан; с 1689 г. был наставником детей короля Людовика XIV, затем приором церкви Парижской Богоматери. Во время регентства был духовником Людовика XV. Из трудов Флери особое значение имеет его Histoire ecclésiastique (Paris, 1719), доведенная им до 1414 г. «Histoire du christianisme». В архиве Е. Н. Шаховой хранится большая рукопись «Из истории Христианства Аббата Флери. Деяния седьми вселенских соборов»: переведенные ею в 1849 г. материалы первых трех вселенских соборов (РО ИРЛИ. № 3558).

монастыре[1] в келии другой своей ученицы, монахини Августы Козьминой, вместе с нею я занималась 14 лет чтением и списыванием с древних рукописей Св. Отцов по церковному и русскопечатному шрифту.

По благословению нашего наставника старица служила сестрам опытным советом и утешением в их скорбях и искушениях. Общее уважение сестер и поместного общества возбудило зависть начальствующих лиц монастыря, заподозривших старицу, а впоследствии и меня, как учениц Благочинного, в намерении быть их заместительницами.

Подозрение, возрастая с каждым годом, наконец вызвало настоящее гонение, и мы решили оставить Ладожскую обитель и приискать себе другую, даже вне С.-Петербургской епархии. В это время наставник наш был поставлен Епископом Кавказским и Черноморским[2]. Он письменно благословил нас; взяв годовой отпуск, мы посетили Москву и ее женские монастыри, но по недостатку средств мы не нашли себе приюта. На обратном пути нас удержала тверская игуменья Мария Игнатьева и совершенно успокоила у себя[3]. По пострижении моем в мантию с наречением Марией 1863 года назначила меня начальницею монастырского училища девиц духовного звания. Воспитательно-учебное дело мое шло с таким успехом в течение шести лет, что обратило на меня внимание всего тверского общества и было доведено до сведения государыни императрицы Марии Александровны[4].

В 1868 году я была переведена по вызову начальника Северо-Западного края и митрополита Иосифа Симашко[5] наставницей Виленского Марининского монастырского учи-

---

[1] Успенский Староладожский женский монастырь основан во второй половине XV в. в селе Старая Ладога нынешней Ленинградской области. || [2] Архимандрит Игнатий был возведен в сан епископа Кавказского и Черноморского 27 октября (старого стиля) 1857 г. Хиротония проходила в Казанском соборе Санкт-Петербурга.|| [3] О монастыре см.: Историческая записка о Тверском Рождественском девичьем монастыре и его достопамятностях / Составлено под руков. настоятельницы мон<астыря> игуменьи Марии, по достоверным сведениям, извлеченным из актов того монастыря, в целости остающихся. Тверь, 1856. || [4] *Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария Гессенская* (1824–1880) – императрица Всероссийская, супруга императора Александра II. В области благотворительности важной заслугой Марии Александровны являлась организация Красного Креста. || [5] *Митр. Иосиф (Семашко)* (1798–1868) – главный деятель по воссоединению униатов с Православной Церковью. В 1840 г. получил сан Архиепископа Литовского и Виленского. Открыл свыше 200 православных церковно-приходских школ и других училищ.

лища для дочерей служащих в крае православных чиновников и священников[1].

До самой кончины в Бозе почившей императрицы Марии Александровны я пользовалась ее августейшим благоволением к моей как педагогической, так и авторской деятельности в 1862–1865 годах. Ее императорскому величеству были поднесены две книги: жизнь и подвиги Игумении Евпраксии Ладожской[2] и Спасо-Бородинской обители и биография игумении Марии Тучковой[3] через посредство статс-секретаря Ее Императорского Величества П. А. Морица[4]. Еще с 40-х годов мои стихотворения попадали в Царственные дворцы и были прочитаны весьма благосклонно. Моя поэзия всегда отличалась религиозною настроенностью и новизною аскетического вдохновения, [что] привлекло внимание августейших читателей, особенно строго благочестивой цесаревны[5].

Участвовавшая в приготовлении к миропомазанию будущей православно-русской государыни игумения Мария Тучкова сообщила его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу[6] мое стихотворение «Поле-Море»[7], которое настолько понравилось его императорскому высочеству, [что он] пожелал лично приветствовать писательницу славы Бородинского Поля и заявил намерение представить автора-монашенку

---

[1] Женское училище для воспитания сирот духовенства и дочерей чиновников, состоящих на службе в Северо-Западном краю, находилось при Марии-Магдалининском женском первоклассном монастыре, основанном в 1864 г. в г. Вильно. ‖ [2] Точное название: «Жизнь схиигумении Евпраксии» (Изд. 2. СПб., 1862). ‖ [3] Точное название: «Памятная записка о жизни игумении Марии, основательницы Спасо-Бородинского общежительного монастыря, в миру — Маргариты Михайловны Тучковой (урожденной Нарышкиной)» (СПб., 1865). ‖ [4] *Мориц Петр Алексеевич* (1817–1898) — действ. тайн. советник, почетный опекун С.-Петербургского присутствия опекунского совета учреждений императрицы Марии, секретарь императрицы Марии Александровны. ‖ [5] Вероятнее всего, имеется в виду средняя из трех дочерей императора Николая I — великая княжна Ольга (1822–1892), которая в 1838–1846 гг. была попечительницей Литейной школы С.-Петербургского женского патриотического общества и сначала действительным, а затем почетным членом его. (См.: *Кузьмин Ю. А.* Российская императорская фамилия. 1797–1917: Библиографический справочник. СПб., 2005. С. 287). ‖ [6] *Михаил Павлович* (1798–1848) — великий князь, четвертый сын императора Павла I от брака (1824) с великой княгиней Еленой Павловной, имел 5 дочерей. ‖ [7] Стихотворение «Поле-Море» было написано во время пребывания Е. Шаховой в Бородинском монастыре в 1845–1847 гг. Впервые опубл. в сб. Е. Шаховой: Мирянка и отшельница: Стихотворения: В 2-х ч. СПб., 1849. С. 284–286. Вошло в ее «Собрание сочинений в стихах» (СПб., 1911. Ч. 2. С. 2–3).

их императорским величествам и всей августейшей семье. Но я уклонилась от официального представления, избегая земных почестей.

В 1869 году, когда в Бозе почивший государь император Александр Николаевич, возвращаясь из заграничного путешествия, останавливался в г. Вильно, по распоряжению генерал-губернатора телеграммой я была вызвана к встрече государя на платформе Виленского вокзала во главе монастырского училищного приюта. Вместе со своими ученицами [я] удостоилась высочайшего привета милостивыми словами. В то время, когда государь отбыл на смотр войск, камердинер его императорского величества Кузмин принес мне на золотом блюде от имени государя императора 25 р<ублей> на гостинцы ученицам. Такое явление высочайшей милости к монахине-наставнице произвело впечатление на интеллигенцию Вильно. Весь генералитет спешил выразить свои приветствия на полный успех дела.

Между тем моя старица приняла схиму в том же Виленском Марининском монастыре от Преосвященного Евгения, епископа Брестского.

В 1871 году ее и<мператорское> величество предложила ее и<мператорскому> в<ысочеству> великой княгине Александре Петровне[1], после злополучного низложения игуменьи Митрофании[2], передать мне управление Покровской Общины сестер милосердия на Большом проспекте Ва<сильевского> О<строва>[3]. Притом высочайшим указом <я> была назначена председатель-

[1] *Александра Петровна* (1838–1900) – великая княгиня, дочь принца Петра Георгиевича Ольденбургского, супруга (1856) великого князя Николая Николаевича (старшего). После смерти мужа постриглась в монахини с именем Анастасии и поселилась в Киеве. ‖ [2] *Игумения Митрофания* (в миру баронесса Розен Прасковья Григорьевна) (1825–1899) – в 1852 г. вступила в Крестовоздвиженский Тихвинский Алексеевский московский монастырь, в 1854 г. была облачена в рясофор с именем Митрофании, в 1861-м пострижена в мантию, вскоре после этого возведена в сан игумении и назначена настоятельницей Серпуховского Владычного монастыря. Принимала участие в создании Владычно-Покровской общины сестер милосердия в Москве у Покровского моста, а также Петербургской Покровской общины на Васильевском острове. Осенью 1874 г. прошел громкий судебный процесс по делу об обвинении игумении Митрофании в подлогах векселей. Она была признала виновной и лишена сана. См.: Дело игуменьи Митрофании. Подробный стенографический отчет / Сост. Е. П. Забелиной. М., 1874. ‖ [3] С.-Петербургская Покровская община сестер милосердия – основана в ноябре 1858 г. с целью попечения о приходящих больных и для воспитания бедных бесприютных детей по инициативе великой княгини Александры Петровны. В 1859 г. близ Смоленского поля началось возведение здания общины, на верхнем этаже которого 10 октября 1860 г. была освящена церковь с колокольней во имя Покрова Пресвятой Богородицы, давшей название общине.

ницею хозяйственного комитете из 3 членов благотворителей. Многосторонняя и многосложная деятельность по обязанностям общего управления, распределению занятий между сестрами и отчетность Августейшей Покровительнице общины, отношения к членам хозяйственного комитета и совещания с ними, также и к врачам-наблюдателям лазаретов общины и ее приемного покоя — все это взятое вместе до того поглощало все мое время, лишая меня иметь необходимого отдыха, притом иногда и ночные занятия по письменной части, привело меня при неизбежной простуде к внезапной болезни, окончившейся воспалением левого глаза.

Великая княгиня выразила горячее желание доставить мне всевозможное пользование лечением с тем, чтобы я могла продолжить свою службу. Лучшие глазные врачи Блессих[1] и граф Магавль[2] приговорили меня к операции. 27 октября 1871 года в глазной лечебнице была произведена операция проколом левого глаза. Ее Высочество дважды посетила меня в лечебнице. Настолько Ее И<мператорское> Высочество дорожила моим управлением общины, что на время моего отсутствия по болезни поручила моей старице-схимнице нравственное наблюдение за сестрами, а хозяйственную часть — моей келейнице, на руках которой были все кладовые общины. Но я была вынуждена выписаться из лечебницы ранее, чем следовало.

Члены комитета посещали меня участливо. Мой секретарь по комитету сообщил мне о начавшемся процессе купца Громова, во время управления и<гуменьи>Митрофании, по иску с общины за поставку лесного материала, которого при мне не оказалось. Состоя начальницей Покровской общины, я, как ответственное лицо, должна была подписывать бумаги. Мы выиграли это дело в пользу общины. Но это обстоятельство повредило моему зрению. Старица моя, давно уже лишенная зрения, скучала по старой обители, тем более что я, при моих многосложных занятиях, не могла служить ей утешением. Но и самой мне становилось не под силу слишком сложная и разносторонняя деятельность как несоответствующая моему душевному настроению, и потому, несмотря ни на какие даже слезные увещания моих сотрудников остаться с ними, я уволилась от управления общины и поспешила возвратиться к желанному уединению в Ладожский Успенский монастырь.

[1] *Блессиг Роберт Б.* (1830–1878) — окулист. ‖ [2] *Граф Магавль Иван Христофорович* (1831–1904) — окулист.

Великодушные мои сотрудники за мою безмездную и ревностную службу совместно с ними собрали между собою по сто рублей для взноса за келию и первое обзаведение. Один из них, Д. Н. Лебедев[1], снабдил меня лесным материалом, необходимым для перестройки и ремонта домика.

С 1873 года в безмолвии келейном я свободнее стала заниматься духовною литературой, участвуя в разных редакциях: в «Страннике»[2], в «Вестнике народной помощи» (часто за редактора)[3], в «Варшавском дневнике»[4], в ж<урнале> «Благовест»[5], в «Новороссийском телеграфе»[6], в «Мирском Вестнике»[7], в редакции А. А. Гейрота «Чтение для народа и солдат», в «Церковном вестнике»[8]. В народных журналах отличаются большие статьи: жизнеописания Св. Стратилатов Андрея,

---

[1] *Лебедев Дмитрий Николаевич* — петербургский купец 1-й гильдии. ‖ [2] «Странник» (СПб., 1860–1917) — ежемесячный духовный учено-литературный журнал. Е. Шахова сотрудничала в журнале с 1860 по 1865 г., где опубликовала два стихотворения и два жизнеописания. ‖ [3] «Вестник народной помощи» (СПб., 1877 (с 5 июля) – 1879 (№ 38)) — еженедельный журнал общества попечения о раненых и больных воинах. За время существования журнала в нем были опубликованы четыре стихотворения и две статьи Е. Шаховой, подписанные криптонимами «Е. Ш.», «М. Ш.», «Е. М. Ш.». Вероятно, ей же принадлежат многочисленные безымянные публикации на религиозные темы. ‖ [4] «Варшавский дневник» (Варшава, 1864 (с 1 окт.) – 1915) — ежедневная газета, издаваемая Варшавским учебным округом (1864–1879), затем передана в непосредственное ведение Варшавского генерал-губернатора. В 1880–1881 гг. Е. Шахова опубликовала в ней три статьи, подписанные «Е. Ш». В эти годы редактор Н. Н. Голицын помещает в газете собранные им материалы к «Биографическому словарю русских писательниц», куда вошла и статья о Е. Шаховой. ‖ [5] «Благовест» (Харьков; СПб.; Нежин, 1883–1894) — общедоступное духовно-нравственное издание, выходило 2 раза в месяц. В 1880-е гг. Е. Шахова опубликовала здесь три стихотворения и две статьи. ‖ [6] «Новороссийский телеграф» (Одесса, 1875–1893) — ежедневная политическая, коммерческая и литературная газета. В 1885–1886 гг. Е. Шахова опубликовала на ее страницах статью и повесть под псевдонимом «Матова Надежда» и открытое письмо, подписанное «М. Мария». ‖ [7] «Мирской вестник» (СПб., 1863–1885) — ежемесячный народный журнал. В 1884–1885 гг. Е. Шахова поместила в нем два стихотворения и три публикации, подписанные «Е. Ш.» и «Монах. Мар.». ‖ [8] Журналов под такими названиями не существовало. Е. Шахова ошибочно объединила в одно названия двух журналов, издаваемых А. А. Гейротом. С 1881 г. А. А. Гейрот был издателем-редактором журнала «Чтение для солдат» (СПб., 1847–1894, 1901–1915), выходившего 6 раз в год. Другой журнал вырос из «Мирского вестника»: в 1885 г. вышли только 6 номеров «Мирского вестника», далее он издавался также издателем-редактором А. А. Гейротом под названием «Чтение для народа» (СПб., 1886–1889) ежемесячно. В обоих журналах монахиня Мария принимала активное участие с 1886 по 1890 г., публикуя жития святых, беседы на религиозные темы и др., в основном за подписью «Монахиня Мария».

Феодора, Саввы[1]; Св. Иоанна Воина[2]; «На страже у гроба Господня»[3]; «Мария, пустынница Олонецкая»[4]. Беседы: «Великий пост — духовный мост»[5]; «Беседа о разуме и откровении»[6]; «О сверхъестественных явлениях»[7] и другие[8]. Много отдельных брошюр напечатано редакцией «Народных журналов» без моей уже подписи и продавались по столичным часовням[9].

В 1877 году была издана драматическая поэма «Юдифь»[10] по библейскому тексту под прежним именем Елизаветы Шаховой. Еще в рукописи «Юдифь» была читана на нескольких литературных любительских вечерах в Варшаве и Вильно, в С.-П<етер>бурге. Многие любители предполагали поставить ее на частную сцену, но не нашлось желающих принять на себя роль главной героини. По издании автор получил несколько одобрительных отзывов от авторитетных лиц. На вопрос мой одному литератору-рецензенту: «почему печать прошла молчанием об изданной поэме?», он отвечал: «о Вас надо говорить или слишком много, или молчать». В светских журналах были помещены под псевдонимом большие статьи: «Родимое пятно»[11]; «Исповедь отчаянного»[12]; повести: «О современной

[1] Точные названия: «Мученический подвиг сирийского воеводы Св. Андрея и дружины его» и «Воин-чудотворец, св. великомученик Феодор-стратилат». Эти жизнеописания были опубликованы в журнале «Чтение для солдат» в 1890 г. Жизнеописание Св. Саввы стратилата обнаружить не удалось. ‖ [2] Точное название: «Небесный покровитель христолюбивого воинства, цареградский Иоанн-воин». Опубликовано в журнале «Чтение для солдат» (1887. Кн. 4. Отд. 1. С. 20–33). ‖ [3] Точное название: «Воины на страже у Креста и гроба Господня». Опубликовано в журнале «Чтение для солдат» (1890. Кн. 4, Отд. 1). ‖ [4] Точное название: «Олонецкая отшельница Мария». Опубликовано в журнале «Чтение для народа» (1887. Кн. 3–6). ‖ [5] Точное название: «Великий пост — духовный мост и лестница к вратам Царствия Божия». Опубликовано в журнале «Чтение для солдат» (1886 г. Кн. 2. Отд. 1. С. 3–25). ‖ [6] Публикацию с таким названием обнаружить не удалось. ‖ [7] Публикацию с таким названием обнаружить не удалось. Возможно, автор имела в виду свою заметку «По поводу статьи "О деревенских колдунах и ворожеях" (Церковный вестник № 16), опубликованную в журнале «Благовест» (1888. 15 июня. № 11. С. 13–15). ‖ [8] Отдельный оттиск рассказа из журнала «Чтение для солдат»: «Восстани, спяй, и воскресит тя Христос!» (СПб., 1886) — без имени автора. ‖ [9] Возможно, какие-либо из «тонких книжек», изданных без имени автора в качестве «бесплатного приложения» к журналу «Мирской вестник», принадлежат перу монахини Марии. ‖ [10] Полное название: «Иудифь: Поэма по библейскому тексту, в драматич. форме, в стихах, в 5-ти действиях» (М., 1877). ‖ [11] Полное название: «Родимое пятно (Рассказ из семейной хроники начала XIX века)». Публиковался в ноябре и декабре 1880 г. в газете «Варшавский дневник». ‖ [12] Точное название повести: «Исповедь отчаянного накануне смерти». Публ. в газете «Новороссийский телеграф» в 1886 г. № 3449. С. 1–2.

критике»[1]; открытое письмо графу Л. Н. Толстому[2] от моего настоящего имени. В рукописях остается повесть «Суженого конем не объедешь»[3]; семейный сборник московских людей шестидесятых годов под заглавием «Непадающие звезды»[4]; сверх того, не один том стихотворений и поэм[5].

Заканчиваю мой сокращенный Автобиографический очерк, минуя, может быть, знаменательные подробности, характеризующие мой нравственный облик. Если просвещенное общество современных любителей отечественной литературы отнесется к автору-старице многотомной скрижали с академической медалью (как выражено мною в юбилейном стихотворении к незабвенному Я. К. Гроту)[6] с таким же внимательным участием, как за полвека тому назад отнеслись представители тогдашней Российской Академии к небольшой тетрадке детских стихов подростка, тогда пожизненный труд первой из русских писательниц, поработавшей верно и неутомимо чуть не от начала и до конца века (1834–1894 гг.) на словесной ниве к чести и пользе своей родины, будет взыскан и оценен.

Елизавета Шахова — монахиня Мария.
Г. Новая Ладога. Успенский ж<енский> мона<стырь>.
30-го октября 1894

Публикация автобиографического очерка
и комментарий Е. М. Аксененко

---

[1] Опубликовано в газете «Новороссийский телеграф» в 1885 г. № 3215. С. 1–2. || [2] Опубликовано в газете «Новороссийский телеграф» в 1885 г. № 3239. С. 2. || [3] Рукопись повести «Суженого конем не объедешь» хранится в архиве Е. Н. Шаховой (РО ИРЛИ, № 3560). || [4] Рукопись повести «Непадающие звезды» хранится в архиве Е. Н. Шаховой (РО ИРЛИ, № 3575, 3576). || [5] В архиве Е. Н. Шаховой хранятся две тетради с рукописями стихотворений 1840–1860-х гг. (РО ИРЛИ, № 3583–3584). || [6] В «Собрании сочинений в стихах» Е. Шаховой это послание не обнаружено.

Письма святителя Игнатия Брянчанинова к монашествующим разных монастырей

№ 1

Признаю себя недостойным той доверенности, которую Вы мне оказываете. Когда человек во время скорби своей обращает взоры на кого-нибудь, с доверенностию простирает к нему руки, просит помощи: это значит — предполагает в нем духовную силу. Духовной силы не имею. Я окован цепями страстей, нахожусь в порабощении у них, вижу в себе одну немощь. Но проведши всю жизнь в страданиях, почитаю сострадание страждущим священным моим долгом. Только из этого побуждения пишу к Вам; только в этом отношении сочтите письмо мое достойным внимания Вашего: примите его как отклик души, участвующей в Вас. В одиночестве, в скорби и ничтожное участие — приятно.

При нынешних обстоятельствах человеческие пути к вспоможению Вам — заграждены. Таково мнение не только мое, но и тех знающих Вас и помнящих, с которыми я счел полезным посоветоваться. Нельзя уклониться ни направо, ни налево: надобно по необходимости идти путем тесным и прискорбным, который пред Вами внезапно открылся по неисповедимым судьбам Божиим.

Такое положение мне не незнакомо. Не раз я видел полное оскудение помощи человеческой; не раз был предаваем лютости тяжких обстоятельств; не раз я находился во власти врагов моих. И не подумайте, чтоб затруднительное положение продолжалось какое-нибудь краткое время. Нет! Так протекали годы; терялось телесное здоровье, изнемогали под тяжестию скорбного бремени душевные силы, а бремя скорбей не облегчалось. Едва проходила одна скорбь, едва начинало проясняться для меня положение мое, как налетала с другой стороны неожиданная, новая туча — и новая скорбь ложилась тяжело на душу, на душу, уже изможденную и утонченную, подобно паутине, предшествовавшими скорбями.

Теперь считаю себя преполовившим дни жизни моей. Уже виден противоположный берег! Уже усилившаяся немощь, учащающиеся недуги возвещают близость преселения! Не знаю, какие бури еще предстоят мне, но оглядываюсь назад — и чув-

ствую в сердце невольную радость. Видя многие волны, чрез которые преплыла душа моя, видя опасные места, чрез которые перенеслась ладья моя, радуюсь невольно. Сильные ветры устремлялись на нее; многие подводные камни подстерегали и наветовали спасение ее, — и я еще не погиб. По соображению человеческому погибнуть надо бы давно.— Уверяюсь, что вел меня странными и трудными стезями непостижимый промысл Божий; уверяюсь, что Он бдит надо мною и как бы держит меня за руку Своею всемогущею десницею. Ему отдаюсь! Пусть ведет меня куда хочет; пусть приводит меня, как хочет, к тихому пристанищу, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание». Вижу многих, называемых счастливыми, — и без цены для сердца моего жребий их. Лежат мертвецы в гробах мраморных и деревянных с одинаковою бесчувственностию: одинаково бесчувственны они как к великолепному памятнику, воздвигнутому тщеславием и неведением христианства, так и к смиренному деревянному кресту, который водрузила вера и бедность. Одинаково они жертвы тления. Очень похожи на мертвецов земные счастливцы, мертвые для вечности и для всего духовного. Мертвыми нарекло их Евангелие. Возгласим славу Божию в стране и обществе живых!

Шествие к истинному знанию Бога непременно требует помощи от скорбей: непременно нужно умерщвление сердца для мира скорбями, чтоб оно могло всецело устремиться к исканию Бога. Бог, кого отделяет в ближайшее служение Себе, в сосуд духовных дарований, тому посылает скорби[1]. Он, едва открылся Павлу, как уже определяет ему в удел страдания, возвещает о них. *Аз скажу ему, елика подобает ему о имени Моем пострадати*[2], — говорил Господь о вновь избранном Апостоле! Люди, наносящие скорбь, и скорбные обстоятельства — только орудия во всемогущей деснице Божией. Власы глав наших изочтены у Бога; ни одна из птиц бессловесных не падает без воли Творца своего: неужели без этой воли могло приблизиться к Вам искушение? — Нет! Оно приблизилось к Вам по попущению Бога. Недремлющее Око Промысла постоянно бдит над Вами; всесильная десница Его охраняет Вас, управляет судьбою Вашею. По попущению или мановению Бога приступили к Вам скорби, как мучители к мученику.— Ваше злато ввергнуто в горнило искушений: оно выйдет оттуда чище и ценнее. Люди злодействуют в слепоте своей, а Вы соделываетесь на земле и на небе причастником Сына Божия. Сын Божий говорит Своим: *Чашу, юже*

Аз пию, испиета[3]. Не предавайтесь печали, малодушию, безнадежию! Скажите, Честнейший Отец, Вашим унывающим помыслам, скажите Вашему пронзенному скорбию сердцу: «Чашу, юже дает ми Отец, не имам ли пити от нея?» Не подает эту чашу Каиафа, не приготовляют ее Иуда и Фарисеи: все совершает Отец! Люди, произвольно следующие внушениям своего сердца, действующие самовластно, не престают притом быть и орудиями, слепыми орудиями Божественного Промысла, по бесконечной премудрости и всемогуществу этого Промысла. Оставим людей в стороне: точно — они посторонние! Обратим взоры наши к Богу, повергнем к ногам Его воздымающиеся и мятущиеся помыслы наши, скажем с благоговейною покорностию: «Да будет воля Твоя!» Этого мало! Облобызаем Крест, как знамение Христово, руководствующее ученика Христова в Царство Небесное. Был повешен на кресте разбойник, упоминаемый в Евангелии; был повешен, как разбойник, а с креста переселился на небо, как исповедник. Люди побивали Стефана камнями, как Богохульника, а по суду Божию ему отверзалось небо, как живому храму Святаго Духа. Был принужден Святитель Тихон Воронежский, обвиненный в горячности нрава, перейти с престола Епископского в стены тихой обители — и обитель, пребывание в которой Святого Пастыря имело наружность изгнания, внушила ему посвятить себя молитвенным и другим подвигам иноческим. Святые подвиги доставили ему нетленное и негиблющее сокровище праведности во Христе, славу от Христа на небе и на земли. Всегда поражала меня участь Святителя Тихона; пример его всегда испускал утешительные и наставительные лучи в мое сердце, когда сердце мое окружал мрак, производимый скопляющимися тучами скорбей. Я убежден, что одни иноческие занятия могут с прочностию утешать человека, находящегося в горниле искушений. Рекомендую Вам сочинения Св<ятаго> Марка Подвижника, находящиеся в 1-й части Добротолюбия: они доставляют духовное утешение в скорбях; а для молитвенного занятия — Исихия, Филофея и Феолипта, помещенные во 2-й части той же книги. Простите, что позволяю себе советовать Вам! Примите это как признак участия, как признак искренности, извлекаемых из души моей состраданием к Вам. Иначе я не вверил бы Вам тайн, которые скрываю и которые должно скрывать в глубине души, чтоб драгоценные бисеры духовные не были попраны любящими и дорого ценящими одно лишь свое болото. Изложенными в этом письме мыслями и другими, им

однородными, почерпаемыми в Священном Писании и в сочинениях святых Отцов, я питался и поддерживался. Без поддержки, столько сильной, мог ли бы устоять против лица скорбей, которые попускал мне всеблагий Промысл, которыми отсекал меня от любви к миру, призывал в любовь к Себе. Скорби мои, по отношению к слабым силам моим, были немалые, не сряду встречающиеся в нынешнее время. То, что не вдруг могли меня сломить, лишь усиливало и продолжало мучения: вместо того, чтоб сломить в несколько дней или несколько часов, ломали меня многие годы. В этих скорбях вижу Божие благодеяние к себе; исповедую дар свыше, за который я должен благодарить Бога более, нежели за всякое видимое мною в других земное, мнимое счастие. И это мнимое счастие, как ни низко (оно плотское!), — могло бы быть еще завидным, если б было прочно и вечно. Но оно превратно, оно мгновенно, — и как терзаются при его изменах, при потере его, избалованные им. Оно непременно должно разрушиться, отняться неумолимою и неотвратимою смертию: ни с чем не сравнимо бедствие, с которым внезапно встречаются во вратах вечности воспитанники мнимого, земного счастия! Справедливо сказал святый Исаак Сирский: «Мир — блудница: он привлекает красотою своею расположенных любить его. Уловленный любовию мира и опутанный им, не возможет вырваться из рук его, доколе не лишится живота своего. Мир, когда совершенно обнажит человека, — изводит его из дому его (т. е. из тела) в день смерти. Тогда человек познает, что мир льстец и обманщик».

Дайте руку: пойдем за Христом, каждый неся крест свой и им изработывая свое спасение.

1847 года, Сергиева Пустынь

[1] Св. Исаак Сирский, слово.

[2] *И Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое* (Деян. 9. 16).

[3] *...Чашу, которую Я пью, будете пить* (Мк. 10. 39).

№ 2

Где бы я ни был, в уединении ли или в обществе человеческом, свет и утешение изливаются в мою душу от креста Христова.

Грех, обладающий всем существом моим, не престает говорить мне: «сниди со креста».

Увы! Схожу с него, думая обрести правду вне креста,— и впадаю в душевное бедствие: волны смущения поглощают меня. Я, сошедши с креста, обретаюсь без Христа.

Как помочь бедствию? Молюсь Христу, чтоб возвел меня опять на крест. Молясь, и сам стараюсь распяться, как наученный самым опытом, что не распятый — не Христов. На крест возводит вера; низводит с него лжеименный разум, исполненный неверия.

Как сам поступаю, так советую поступать и братиям моим!

Что еще прибавить? Прибавлю: «блажен муж, иже претерпит искушение». «Искушен быв, может и искушаемым помогать». Желаю, чтоб эти слова священного Писания сбылись над Вами. А Вы — утешьтесь! Не малодушествуйте оттого, что победились бранью: это к духовному искусу, или опыту, и к смирению. Мир вам! Еще скажу общий путь подвижников — терпением между человеками уврачевать немощь чувств узреть Промысл Божий и войти в умную молитву. Иной, по особенному смотрению Божию, вошел иначе; мы должны идти по общему пути. Прочитайте об этом 55-е Слово Св<ятаго> Исаака к Преподобному Симеону Чудотворцу. Иные находят, что уединение — ближайшее средство к духовному успеху; а другие говорят, что приводит в духовный успех — любовь к ближнему. Моему сердцу более нравится последнее; потому что любовь к ближнему — непременный долг каждого; а к безмолвию — способны немногие.

№ 3

Опустив крыле мыслей и чувств, благоговейно стою пред Вами. Научают меня этому благоговению Ангелы, которые благоговейно взирают, по сказанию Писания, на земные страдания рабов Христовых. И в самом деле,— чудное зрелище, вынуждающее благоговеть: плотию и кровию попираются плоть и кровь. Прошу Ваших святых молитв: потому что *близ Господь сокрушенных сердцем и уши Его — в молитву их.*

Увидел некогда преподобный Моисей скитский снисшедшего на юного инока Захарию Духа Святаго и, познавая, что язык Захарии соделался тростию книжника-скорописца Духа, спросил его: «Скажи мне, как мне вести себя?» — Захария снял камилавку с главы своей, положил под ноги, стоптал, смял ее ногами и говорит: «Так если не сотрется человек — не может быть монахом».

У кого пред очами смерть и вечность — непременный, неизбежный удел каждого человека, тот посмевается и скорбям и сладостям земным. У кого же враг украдет память о смерти и вечности — пред очами того вырастает жизнь временная в вечность, вырастают скорби в неизмеримых, неодолимых исполинов. Лишь инок вспомнил о смерти,— пали в прах исполины; отдернулась завеса, закрывавшая от него вечность: пред ним события земные — как занятия, забавы, наказания детей!

В вечность! В вечность! — Идем, мчимся путем жизни! Все, и сладкое и горькое, остается за нами. Бывшее — как бы никогда не бывало. Одно вечное не подлежит времени, не подлежит переменам, должно быть признано существенным, достойным всего внимания, всех забот: потому что остается навсегда. Диавол старается развлекать наши взоры, чтоб из взоров наших ускользнула вечность. Она ускользнула — и человек бьется, мучится в сетях ловителя. Духовный разум, который — смиренномудрие, рассекает эти сети. «Помни последняя твоя и во век не согрешишь» ни ропотом на блаженное иго Христово, ни изнеможением в вожделенном и преславном иноческом подвиге. *Претерпевый до конца, той спасен будет. Кто ж поколеблется,* — вещает Бог,— *о том не благоволит душа Моя*[1].

И опять прошу Ваших святых молитв.

[1] Евр. 10. 38.

№ 4[1]

Возлюбиши искренняго, яко сам себе (Мф. 22. 39), — заповедует нам Слово Божие.

В исполнении этой заповеди Евангелия предлагаю тебе врачевство, которое всегда приносило пользу душе моей, когда душа моя прибегала к нему. Когда душа моя забывала об этом врачевстве, искала облегчить болезнь свою оправданиями человеческими, думала разрешить задачу страданий человека на земли иначе, нежели крестом Христовым; тогда она — лишь трудилась напрасно! Тогда мучения ее — только умножались и усиливались! Врачевство, о котором я говорю: «обвинение себя».

Много прекрасных изречений о обвинении себя произнес Святый Пимен Великий. Прочитай их в книге, которая есть у тебя: «Достопамятное сказание о подвижничестве святых и блаженных Отцов».

Инок, обвиняющий себя, устоит во всех напастях! Какая скорбь может сокрушить того, кто признал себя достойным всякой скорби? — того, кто всякую приходящую скорбь встречает словами блаженного разбойника: *достойное по делам моим приемлю; помяни меня, Господи, во Царствии Твоем!*

Какой скорби устрашится тот, кто верует, что на него неуклонно взирает око Божие, что никакая скорбь не может прикоснуться к нему без попущения или мановения Божия? — Огради душу твою крестным знамением и с верою пустись в море скорбей иноческих! Благополучный попутный ветер да подувает паруса твои, да несет быстро ладию души твоей в пристанище бесстрастия и святыни. Этот ветер, дующий всегда благотворно, всегда постоянно, в одном направлении Божия Духа и Истины: учение Евангелия, учение св<ятых> Отцов православной Церкви, один из этих Отцов, св<ятый> Иоанн Лествичник, сказал: «кто отверг обличение, правильно или неправильно, тот отвергся своего спасения». Научись носить немощи ближних, угождать им ради Бога, а не себе! научись полагать душу свою за ближних своих! Научись претерпевать выговоры и оплевания! Держись за обвинение себя, как упавший в воду держится за кинутую к нему веревку, — и избавишься от потопления в смущении и печали! Некий великий инок, наставник многочисленного собрания монашествующих в горе Нитрийской, сказал: «нужнейшее душевное делание инока: непрестанно обвинять себя». — Новый человек, описанный, изображенный в Евангелии, да снидет мало-помалу из Евангелия в твою душу, да изобразится в душе твоей. Да изгладятся из нее черты человека ветхого, черты, которые получаем наследственно при рождении, которые внезапно явились на душе нашего Праотца, согрешившего, — и обе исказили эту душу — дотоле образ совершенный Совершенного Бога. Из этого расстройства — все наши смущения и мучения, временные и вечные! — Как безобразна душа, когда она в смущении! Как она прекрасна, когда спокойна! — еще прекраснее, когда завеет в ней благодатный мир от Господа. Это спокойствие, самый этот святой мир исходит в душу, обвиняющую себя, — и вот тому причина: «душу, которая будет обвинять себя, — сказал великий Пимен, — Господь возлюбит». Обвинять себя может только умерщвляющийся для человеков. Кто и попустит себе малейшее пристрастие к человеку, тот не возможет сохраниться в самоосуждении, а потому и в мире. Надо отдать всех людей Богу. Этому научает

нас и Церковь, она говорит: «Сами себя, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим». Кто предает себя и всех Богу, тот может сохранить мертвость ко всем; без этой мертвости не может возлияться в душе духовное оживление. Если пребудешь верным Богу и сохранишь умерщвление к человекам, то явится, в свое время, нетленное духовное сокровище в душе твоей, узришь воскресение души твоей действием Духа. Об этом плотские люди не могут составить никакого понятия. Когда же, в свое время, человек увидит себя измененным и воссозданным — удивляется, как бы вновь сотворенный, рассматривает страну духа, в которую ввел его неожиданно Бог, недоумевает — за что бы излилась такая милость Божия на ничтожное создание — человека.

Не унывай при случающихся переменах. Никому из людей не свойственно постоянное, без всяких унижений, пребывание в добре: тем более не свойственно это novоначальному! «Отдай долг страстям!» — сказал некоторый Святый Наставник монашествующих. Побеждения врачуй покаянием! Борьба нового человека с ветхим соделает тебя искусным в невидимых бранях, твердым, мужественным. Не желай преждевременно состояния спокойного! Во время войны воин обогащается корыстями. Да даст тебе Господь полную и славную победу над грехом, да даст состояние нерушимого мира в свое, законное время. Всему есть время! Безвременно снятый плод, хотя и с превосходного древа, — кисел, горек, житок. Спокойствие безвременное — потеря, — не приобретение! — лишает драгоценных опытов, духовного преуспеяния и просвещения.

Предай Богу скорбящего брата, Бог устроит о нем все во благо и изведет от печали душу его. — Сохраняет святую любовь к ближнему тот, кто имеет с ним общение ради Бога; сохраняет эту святую любовь и тот, кто ради Бога удаляется от такового общения. Наше естество повреждено падением: повреждена им и наша естественная любовь. Поэтому для исполнения условий святой любви надо руководствоваться не сердечными чувствами и влечениями, а велениями Евангелия, всесвятыми заповедями Господа нашего Иисуса Христа. Одна из таких заповедей говорит: *аще десная рука твоя соблюдает тя, четцы ю, и верза от себе*[2], т. е. если какой-нибудь человек, столько нужный и близкий тебе, как правая рука, приносит тебе душевный вред, — прерви с ним общение. Так велит нам поступать заповедь Законоположителя совершенной люб-

ви. А мечты и чувствования нашего падшего сердца легко могут увлечь нас в пропасть!..

Христос с тобою!

[1] ОР РНБ. Ф. 1927. № 288.

[2] *...Если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя* (Мф. 5. 30).

№ 5

Господь да благословит твое намерение и да скажет *путь в оньже пойдеши*. Изорав землю сердца твоего скорбями, измельчив и раздробив ее искушениями от человеков, — Он да насеет ее семенами святой Правды Своей и да утешит тебя плодом духовным.

№ 6

Трудись с терпеливым постоянством в жребии блаженной Марфы, удостоившейся приготовлять и поставлять пищу для Спасителя, ожидай с верою награды от Господа. Он скажет служившим братии на страшном суде Своем: *Аминь глаголю вам, понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе*[1]. И введет Господь усердно послужившего братии в вечный покой и наслаждение рая. Помни, что чаша холодной воды не лишится мзды своей на Небе, и не упускай случаев увеличить мзду твою. Имей мысль, что служишь не человекам, а Ангелам, — и усладится тебе служение твое. Оказывай любовь и услугу ближним ради Бога, а не по сердечному чувству, влечению, избранию, тем менее пристрастию, — и очистится от нечистоты служение твое, будет жертвою, благоприятною Богу. По расположению и доверенности твоей ко мне, грешному, сказываю тебе: настоящее послушание твое особенно способствует спасению твоему по твоим естественным свойствам. Преуспевай, мужайся в этом служении, веруй обрести посредством его спасение душе своей. Остерегайся уязвлять ближнего! Преподобный Антоний Великий говорил: «От ближних — наша жизнь и смерть: если упокоим брата — Бога упокоим. А если оскорбим брата, то согрешаем против самого Христа». Итак, убойся оскорблять братию! И услугу, и оскорбление, сделанные ближнему, принимает Христос, как бы они сделаны были Ему — Господу. Когда должно отказать в чем брату — откажи с тихостию и вместе твердостию, объяснив невозможность исполнить его желание.

Если же когда увлечешься и согрешишь в чем по свойственной всем человекам немощи,— не предавайся унынию. Напротив того, немедленно прибегай с раскаянием к Господу, моли Его, чтоб простил тебя, — и простится тебе. Христос с тобою. Молись о мне, много любящем тебя о Господе.

[1] *...Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25. 40).

№ 7

Путь жизни нашей подобен плаванию чрез обширное море. На этом море иногда бывает тихо, иногда дует попутный ветер; но всего чаще — на нем буря. Видя наступление бури, видя самую бурю, не должно смущаться, приходить в уныние и отчаяние; должно противоборствовать волнам, ветру противному. Иначе корабль душевный может подвергнуться сокрушению, даже — потоплению. Если во время бури случится чему сломаться или повредиться в корабле душевном,— опять не должно унывать, не должно смущаться. Надо высмотреть благонадежную пристань, войти в нее, починить и поправить поврежденное, потом продолжать далее плавание в надежде на Всемогущего Бога. Всемогущий Бог не оставит того, кто надеется на Него! Самые бури послужат в пользу верному рабу Христову: они соделают его искусным плавателем. Пристани, в которых чинится корабль душевный: молитва в сокрушении духа, чтение Священного Писания и Отеческих книг, совет ближнего, если этот ближний способен дать совет о Господе. Успокойся: *блажен человек,* — говорит Писание, — *иже претерпит искушение.* Напротив того: *всяк неискушен, неискусен.* Прошедшая буря пусть послужит для тебя предуготовительным, опытным учением к перенесению будущих бурь. Заблаговременно рассмотри, какое должно быть при них твое поведение,— заблаговременно приготовь, изучи его. А бури последуют непременно! Премудрый Господь установил так, чтоб *многими скорбями входить нам в Царствие Небесное,* которое мы потеряли, теряем чрез безвременное и незаконное стремление к наслаждению. Все мы, подобно нашему Праотцу, склонны простирать дерзновенную руку к запрещенному плоду познания добра и зла, склонны к утешению вещественному, скоро обольщаемся обманчивым призраком духовного рассуждения и добродетели, под личиною которых прячется убивающее нас зло. Скорбь действует противополож-

но наслаждению,— а потому противодействует нашему падению, способствует нашему восстанию. По этим свойствам своим скорбь необходима нам ко спасению. По причине необходимости ее, Спаситель повел стезею скорбей Свое святое стадо в страну блаженства вечного. Тому, кто отказывается от скорбей, Он возвещает решительно: *Иже не возьмет креста своего и в след Мене грядет, несть Мене достоин.*

Христос с тобою. Надеюсь увидеть тебя и сказать тебе то, что Бог даст в утверждение души твоей, изшедшей из мира для взыскания Господа. Думаю, что встречу зиму в Бабаевском монастыре; хотелось бы встретить там и весну. Впрочем, как Бог устроит. Молись о мне.

№ 8

Благодарю тебя за письмо твое и за поздравление со днем моего Ангела. Уже и тем я много утешился, что увидел твою руку. Не говорю: по любви моей к тебе (я еще не достиг любви),— по привычке моей к тебе, уже одно зрение руки, почерка твоего очень утешило меня. Я не скорбел на тебя за твое молчание: я извинял его твоею болезненностию, занятиями хлопотливой должности, помышлениями, которые больным и занятым говорят: «До следующей почты!» Эта следующая почта настала; имею твое письмо. И ты извиняй меня тем же, чем я извиняю тебя. Все это время почти никому не писал или писал не так и не столько, сколько следовало бы; а писал, поверь, до изнеможения, до боли. Кто понимает, как болезнь вертит и вяжет человека,— извинит моему молчанию.

И ты все болен! Что сделаешь? Больной не может быть вполне причислен к живым, потому что он живет полужизнию, какою-то тению жизни. Самые душевные способности его цепенеют, не действуют так, как им должно б было действовать. Ныне не страдают христиане от оков и мечей; потерпим мучение от болезней и других скорбей. Всякому времени даны своего рода страдания; нашему времени даны страдания мелочные. Претерпим их. Весы и мзда у Бога.

Отчего бы быть у тебя ожесточению? *Милость и Истина сретостеся, Правда и Мир облобызастася*[1], — говорит Писание. Значит, где нет «милости», где «ожесточение», там нет «Истины»; где нет «мира», там нет «правды». А состояние души, чуждое Божественных Истины и Правды, нельзя признать «состоянием от Бога». От такого состояния надо избавить душу свою,

а ввести в нее состояние, даруемое Божественною Истиною и Правдою, состояние «Мира и Милостыни». Успеешь в этом, если скажешь сам себе: «Не без Промысла же Божия случается со мною то, что случается. Буди имя Божие благословенно от ныне и до века».— Да не очень заглядывайся на обстоятельства жизни: не стоят они — идут, быстро мчатся, сменяются одни другими. И сами мы мчимся к пределу вечности! А кто заглядится на обстоятельства, кому они представятся не движущимися,— удобно впадает в уныние. Кто же видит, что все летит, и сам он летит, тому легко, весело на сердце.

Христос с тобою. Молись о мне.

[1] Пс. 84. 11.

№ 9 [1]

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший Отец Игумен Варлаам[2]!

Нет! Не гнушаюсь я арестантами, как Вы пишете в письме Вашем, зная, что и я во узах греха нахожусь. А таковой арест, т.е. греховный, есть самый поносный, — только о таковом аресте монаху тосковать и заботиться можно и должно, яко срам его и муки его вечны, аще человек покаянием уз греховных не расторгнет заблаговременно.

Притом — Вы в Оптиной не под арестом, а в числе братства. Господь, питавший Вас на Валааме туне, и здесь питает, а возлюбленнейший брат о<тец> Иоанникий сообщил мне, что как чаю, так и прочих потребностей Вы не лишены, и о<тец> Игумен Моисей по свойственной ему мудрости Вами отнюдь не отягощается. Единое остается Вам — оставя все земные попечения, приготовлять душу ко исходу от телесной храмины в жилище небесное. Паки изволите писать в письме Вашем: хочется узнать — на время или навсегда Вы посланы в Оптину Пустыню? Отвечаю: в Указе Синодском ничего не сказано о времени. то за достоверное известно, что где ни будем на земле, на Валааме ли, в Оптиной ли, повсюду гости, повсюду странники, повсюду пришельцы, повсюду на время. Оное же **всегда** ожидает нас в вечности: там всегдашняя радость или всегдашняя мука.

Советующие Вам опытнейшие старцы весьма здраво советуют оставить земные хлопоты и тяжбы судебные, в кои когда увидит сатана впадшего монаха, то вельми о нем радуется, яко о презрителе Заповеди Христа Спасителя, который чрез Апосто-

ла Своего вопияет: *уже отнюдь вам срам есть, яко тяжбы имате между собою, почто не паче обидимех есте, почто не паче лишени бываете*[3].

И тот совет самый мудрый, что Вы против воли в Оптину высшим начальством посланы, а потому благо и полезно Вам волю свою преломить, и воле Божией отдавшись, с благодарением переносить малое искушение Ваше, если только оно искушения имя заслуживает. Неужели Вы думаете, что рука человеческая, как-либо утаившись от Промысла Божия, могла что-либо с Вами сделать? Сохрани Боже от такой хульной и нечестивой мысли! Сего ради Св<ятый> Петр Дамаскин противящихся находящим против воли искушениям называет Богоборцами, от чего да сохранит нас Господь. Если спросит кто от здравомыслящих: От кого пришла начальству мысль переместить Вас в Оптину? Ответствует: от Бога. Самые в России опытнейшие старцы вам теперь сожительствуют и могут Вам подать назидательный совет и обильное утешение. Следовательно, кто как не сам Господь, мог Вас поместить к источнику спасения? Но увы! Велика слепота наша! Промысла Божия не усматриваем, и с человеками препираемся, и время драгоценное, на покаяние нам данное, всуе изнуряем; сего ради мир и от него прозябающие духовные дарования удаляются от сердца нашего. А смертный час вблизи от нас! — ожидает нас нелицеприятный суд, на коем правды наши — судимы будут. Святые присно зрят делание свое недостаточным, и, как некто из них сказал, вменяют себя не исполнителями, а сквернителями святейших заповедей Господних; сего ради, егда искушение придет, радуются, яко скорбию невольною пополняется недостаточество их деяния и убеляются их ризы для непостыдного вшествия на брак духовной дверию смерти. Довольно, довольно о земном попеклись, довольно времени утратили — нынешний день единонадесятый час для приготовления к вечности употребим; ропотливые и хлопотливые гласы наши изменим в гласы благодарения и хваления, яко недоведомыми судьбами Господь спасение наше содевает, и малыми скорбями, ниже имя скорби заслуживающими, смиряет нашу выю, и за единое преломление слепотствующей воли нашей и покорность Его всепремудрому Промыслу венчать нас хощет.

Помня, возлюбленный о Господе отец Варлаам, любовь Вашу и простоту, как Вы у нас пребывали в Сергиевой пустыни, сии скудные строки Вам написал в утешение, а себе в обличение;

глаголю бо и не творю. Примите от меня небольшой подарок на память, который пересылаю Вам чрез о<тца> Иоанникия.

Прошу Ваших святых молитв и остаюсь навсегда с любовию преданный

многогрешный Архимандрит Игнатий
1840
11 февраля

[1] ОР РГБ. Ф. 214. № 446. Л. 39–40.

[2] *Игумен Варлаам* — в 1830–1831 гг. настоятель Валаамского монастыря, был замешан в интригах против игумена Вениамина, управлявшего монастырем в 1839 г. Был удален с Валаама — см.: Т. 1. С 166.

[3] *...То... уже весьма унизительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения?* (1 Кор. 6. 7).

№ 10

К афонскому монаху Серафиму[1]

Ваше Высокопреподобие,

Возлюбленнейший о Господе Отец Серафим!

Сердечно благодарю Вас, что Вы на святой горе Афонской вспомнили о иноках, живущих близь шумной столицы, в монастыре, который тщетно называется Пустынею. О постигших Вас скорбях я слышал отчасти от Отца Архимандрита Иоанна, Инспектора здешней духовной Академии. И кто из преплывающих житейское море не бывает орошен волнами его? Особенно если пловец — безответный инок.

Когда Вы были в Санкт-Петербурге, я сердечно желал видеть Вас наедине: потому что наедине надеялся побеседовать с Вами о глубинах монашеского жительства, вероятно, имеющего еще достойных делателей на горе Афонской, несмотря на общее ослабление, которому подверглось монашество все и повсюду. Но я не сподобился сего: Вас сопровождало общество такого настроения, при которых должно, по наставлению некоторого великого Отца, скрывать таинственное монашеское сокровище. Вы молчали, потупя взор, как Израильтянин на реках Вавилонских, а тот, кто сказал, хотя и сказал немногое, увидел впоследствии, что сказал излишнее и неуместное. По сей причине, хотя я и имел счастье видеть Вас лицом к лицу, но знаю Вас единственно по прекрасной книге Вашей, и столько, сколько Вы захотели показать себя всей вообще читающей публике. Такое неудовлетворительное сближение с Вами меня огорчило; но я утешил

себя мыслию, что Божий Промысл часто не допускает исполниться и таким желаниям нашим, которые по наружности кажутся благими. В заключение этого длинного предисловия должен я сказать само собою вытекающую истину, известную всем, сколько-нибудь внимательным инокам: причина откровенности о предметах духовных — доверенность к наставляющему лицу, а доверенность к лицу внушается точным познанием лица. *Господи! К кому идем,* — говорит Святый Петр Спасителю, — *глаголы живота вечнаго имаши, и мы веровахом и познахом, яко ты еси Христос, Сын Бога живаго* (Ин. 6. 68–69). Напротив того: «Кому не извещавается сердце, тому не открывай его», — говорит великий наставник иноков Преподобный Пимен, Египетский Пустынник. Судите ж сами: зная Вас так мало, какую могу я иметь степень доверенности к Вам? Итак, первый мой недуг, который я должен обнажить пред Вами, есть мое маловерие — маловерие не к самой умной молитве, нет! Это таинственное небо, на которое выходят одни чистые сердцем для Богозрения, видится очами ума моего, хотя и пребывает для них невидимым: оно скрывается от них чудною, прозрачною, непостижимою синевою своею, в которой они мнят видеть его. Я страдаю маловерием к Вам. Исцелите меня от этого недуга. Такое исцеление дело возможное. Многие маловерные обратились в ревностно верующих: всемогущая истина совершила их обращение. И не обидьтесь моим признанием в маловерии к Вам! Лествичник говорит в 4-й степени: «Имуще о Господе выю свою подклонити разумом, убо и словом смиренномудрия, и известие спасение наше, иному о Господе вверяти, преде всхода убо, аще кое лукавство и разум у нас есть, кормчаго онаго истязуем и испытаем, и за тако реку, искусим: да не на корабленника яко на кормчия, и на недугующего яко на врача, и на встраственнаго яко на бесстрастна, и на пучину яко на пристанище нападше, готово обрящем себе истопление». Если это дозволяется и советуется Святыми Отцами вновь вступающему в монастырь, то тем более оно позволительно и даже необходимо для укосневшего значительное время в монашестве, к сожалению, крайне малоплодном. Опасен недостаточный наставник при обучении новоначального благим нравам и первым правилам монашеского жительства: тем опаснее оно для дерзающего слышать учение о великом таинстве умной молитвы, ведущей Христианина к сокровенному, вместе существенному и вполне ощутительному соединению с Богом. Имеете ли Вы, возлюбленнейший

Отец, в виду опытного Старца в обителях Святой горы, на духовный разум которого Вы могли бы положиться? Слово духовный употреблено мною здесь не слегка, как оно употребляется в новейших писателях, но в том смысле, как оно употреблялось святым Апостолом Павлом, а за ним и всеми аскетическими писателями нашей Церкви, из которых Преподобный Григорий Синаит говорит: «Не всех бо есть наставити и инех, но им же дадеся Божественно рассуждение, по Апостолу, рассуждение духов, отлучающее горшее от лучшего мечем слова. Кийждо бо свой разум и рассуждение естественно, или деятельно, или художественно имать, а не все духовное» (Смотри статьи о прелести, идеже и о иных многих предметах). Хотя мы и крайне омрачены по причине нашего слабого жительства, но признаем и исповедуем, что ни естественное, ни деятельное, ни художественное рассуждение не могут поднять выше чина душевного разума, как бы они ни были сильны и блестящи, даже благонамеренны и благочестивы. (Смотри Св<ятаго> Исаака Сирскаго (Слова 26, 27, 28-е)). Итак, имеете ли в виду духовного Старца? Вот тот вопрос, который по милостивому дозволению Вашему представить Вам мои вопросы считаю начальным и первым из всех вопросов. И Святые Отцы признают таковым этот вопрос. «Прежде всех, — говорят они, — избери себе с совершенным, — по священному тайноучению, отречением и повиновением непритворным и совершенным, сиречь потщися обрести наставника и учителя непрелестна» (Каллист и Игнатий, гл. 14). То же говорят почти все аскетические православные наставники; но большая часть из них жалуется на скудость истинных наставников. В 15-м веке, когда жил наш Преподобный Нил Сорский, посетивший Афонскую гору и заставший там рассадник умных делателей, насажденный Препод<обным> Григорием Синаитом, тогда уже тогда уже истинный наставник умной молитвы признавался важною редкостию, что ж сказать о нашем времени? Сердца всех привлечены, как и Вы находите и чему пример Вы видели в нашей Пустыни, к внешней красоте; внутренняя духовная красота, а потому филокалия, содержащая учение о приобретении сей красоты, остаются в стороне. Впрочем, некоторые монашествующие у нас в России занимаются умною молитвою, и не без успеха. Таковых случалось мне видеть и беседовать с ними. Случалось видеть — увы! — прельщающихся и прельщенных, совлекаемых с прямого и истинного пути страстями душевными и телесными. Хотя я и должен сознавать себя прель-

щенным, убеждаясь в таковом бедственном состоянии многими во мне действующими страстями, которым, очевидно для совести моей, работаю явно делами и словами, неявно помышлениями и чувствованиями; однако признаю справедливым опасение впасть, а что еще хуже, самопроизвольно вдаться в большую прелесть. Свойственно тому, кто поражен многими болезнями, опасаться впадания в тягчайший недуг! Свойственно тому, кто по шею погряз в болото, стремиться, чтоб не уйти в него и с головою!

Затем — предложив Вам первый мой вопрос и понуждаемый самым окончанием листа к окончанию письма, прошу Ваших святых молитв на подкрепление многочисленных немощей моих, и — буду ожидать Ваших назидательных строк, которых не лишите Вашего покорнейшего послушника.

1851-го года, июня 10 дня
Сергиева пустынь

[1] ОР РНБ. Ф. 1927. № 288. Монах Серафим, по прозванию Святогорец (в миру Симеон Авдиевич Веснин; 1814–1853), родился в семье дьячка; с молодости увлекался словесностью — стихами и прозой. После смерти жены и малолетней дочки поступил в монастырь; в 1839 г. был пострижен. В 1843 г. отправился на Святую Гору Афон, где совершал паломнические поездки по монастырям, при этом вел дневник и писал письма друзьям, из которых впоследствии составил две книги, имевшие большой успех у русских читателей. В 1844 г. пострижен в схиму с именем Сергий. В 1847 г. вернулся в Россию и занимался изданием своих книг. В 1851 г. возвратился на Афон.

Изречения епископа Игнатия, извлеченные из писем его к монахам

1. Радуюсь, что ты нашел тихое пристанище, и в этом пристанище человека — во Христе единомудрствующего, могущего вспомоществовать тебе в деле спасения. В нынешнее время это — великий дар Божий, подаемый весьма редким.

2. Обрати все внимание на Евангельские заповеди, ими неси себя в жертву живую, благоугодную Богу. В наружных действиях, не имеющих никакого влияния на душу, как, например, в перемене платья и тому подобных, будь решительно свободен.

3. Умертвись для всех, чтоб ожить для Христа: без такого умерщвления невозможно стяжать внутри себя жизни в Боге, которая есть Христос.

4. Не торопись в жительстве и не разгорячайся временными порывами, а живи умеренно и постоянно, делая плачем, «кото-

рый, — как сказал Великий Пимен, — делает и хранит» — можно прибавить: и врачует случающиеся на пути жизни претткновения.

5. Терпи скорби уединения! Из искушений уединения — сон: побеждается сонливость терпением.

6. Не заглядывайся на твои искушения: они мимоходящи, не пребудут навсегда. А кто заглядится, у того голова пойдет кругом, и он очень легко может пасть — разумеется, в уныние или изнеможение.

7. Старец Серафим Саровский, великий подвижник, сказал: «должно терпеть свои недостатки точно так же, как терпим недостатки других, и снисходить душе своей в ее немощах и несовершенствах. Вместе с этим, не должно предаваться нерадению: должно заботиться усердно о исправлении и усовершенствовании себя».

8. Бог — спаситель человеков: Он да спасет гибнущих... и паче всех гибнущего меня.

9. Мир душевный и внешнее спокойствие нарушаются лишь от волнения собственных страстей.

10. Надо смотреть на брани хладнокровнее, как бы они происходили в ком другом, а не в тебе. Такой взгляд на свои брани делается тогда, когда человек возвергнет попечение о себе — на Бога. Похваляется хладнокровие в полководцах: оно дает им возможность распоряжаться надлежащим образом во время сражения: по тому же самому оно необходимо для ума, упражняющегося в невидимой брани.

11. Состояние брани необходимо: оно доставляет уму драгоценную опытность и приводит к истинному глубокому покаянию.

12. Без собственного вопрошения человека я никак не дерзну преподать ему никакого совета: это воспрещено святыми Отцами.

13. Невозможно давшему некоторый ход страстям своим не потерпеть скорби при укрощении их: они получили право на своевольство допущенным послаблением, не вдруг укрощаются, не вдруг расстаются с полученною свободою; напротив того, стараются удержать человека в своем порабощении и потому всячески его смущают. Надо с терпением выждать время смущения, доколе оно пройдет, выждать в уповании на милосердие и на помощь Божии; так земледельцы выжидают непогоды, препятствующие трудам их в надежде, что ненастье заменится вёдром.

14. Тебе рано ожидать обильного мира: твоя кровь еще очень жива и оттого сильно действует воображение, которым выводится душа из спокойного устроения. Надо претерпеть это время: оно прейдет.

15. Если чувствуешь пользу от слов моих, воздай славу Богу, влагающему в уста грешника слова спасения, по вере слушающих, и перестань ублажать меня, потому что похвалы меня портят и отнимают надежду на милость Божию. Он сказал, что не имеют надежды на будущее воздаяние принимающие здесь мзду свою — похвалу человеческую.

16. Говори о нуждах твоих просто, не напыщенно.

17. На борьбу ближнего твоего смотри с холодностию, как на дело, постороннее для тебя. Сохраняй благоговение к самой борьбе его и предоставляй все Богу. Такие борения нужны для искуса и укрепления.

18. Живущим в уединении приходит само собою живое воспоминание о смерти: оно посылается милосердым Богом в помощь душам, очищающим себя покаянием. Впрочем, таковые ощущения и помышления преходчивы, хотя и истинны: на них новоначальным не надо обращать внимания, а должно неуклонно идти путем покаяния, при котором — чудное видение: видение грехов и страстей своих.

19. Христос с тобою. Будь мирен. Господь хранит тебя: некого и нечего тебе опасаться, а что за послушание твое и верность ты приял укоризну от людей плотских, то это для тебя приобретение и свидетельство истинного пути, наветуемого и хулимого врагом.

20. Что касается до совести ближнего нашего, то ей судия Бог и она сама, а отнюдь не я, долженствующий смотреть на грехи мои.

21. Бог да благословит тебя и да дарует силы, бренным и немощным телом, при содействии, паче же при действии веры, преодолевать внутренние и внешние возмущения. По одной кафисме читай, лежа и сидя, или же и стоя, но не понуждаясь стоять непременно, по причине твоей немощи. Читай просто, не спеша, не ищи таинственного смысла и не увлекайся им, если оный представится.

22. Покаяние есть делание общее, превысшее деланий частных; а если погонишься за частными деланиями, то легко может ускользнуть от ума и из сердца покаяние.

23. По причине безмолвия и уединения тебя опахивает утешением, а не по причине чистоты.

24. Искушения, изменения и охлаждения, по учению святых Отцов, бывали со всеми подвижниками: удивляться им не надо, а надо стараться выходить из них покаянием и молитвою: молитва — огнь, и не может не согреться молящийся, а охлаждение — свидетельство об отсутствии или умалении огня, который удобно снова воспаляется от действия покаяния.

25. «Четьи-Минеи», при всем неоспоримом достоинстве труда этого, не пунктуально точны с подлинниками в самых жизнеописаниях, но очень сокращены, добавлены рассуждениями, которые часто не могут высказать того, что холодное и голое историческое повествование.

26. Благодать Божия да наставит вас совершать путь спасения, тесный и прискорбный, но имеющий свои отрады: зрение святой Истины и извещение спасения Ею.

27. Бог да поможет тебе претерпеть с благою надеждою те болезни, которыми сопровождается переход из ветхости в новость Христову. Ныне еще трудишься во внешнем человеке, и потому, понимая свое состояние, будь благоразумен. При некотором обветшании ветхости, любовь к сродникам остывает, и они становятся в разряд всех вообще человеков, в каковом всю силу имеет родство духовное. — Впрочем, что им прежде делал по чувству сердечному, то делай теперь ради Бога: успокаивай своего родителя и имей это выше всех других подвигов.

Примечание: Упоминаемый родитель, не принимая монашества, жил неразлучно с сыном-иноком в монастыре.

28. Ничто другое, как подробное изучение Вселенских Соборов, не показывает столь ясно тягости смертного греха ереси: изучение их очень утверждает в Православии.

29. Стяжавай душу твою, не устрашаясь многих восстающих на нее скорбей, отдайся в волю Божию. Если этой святой воле благоугодно будет послать тебе кончину, прими ее: Господь знает, что творит. Он приемлет произволение, как бы самое исполнение. Если же Ему угодно продлить жизнь твою посреди скорбей, то прими и это продолжение жизни — это повседневное умерщвление.

30. Много Бог послал тебе благодеяний духовных, в нынешний век столько скудный в дарах духовных, по неспособности к ним мира, предавшегося суете: приноси за это Богу благодарение, как приносил его святый Давид, и покажутся тебе цепи страстей и остны скорбей более легкими. Благодать Божия да руководит тебя на невидимом пути к Богу, на котором бывают

свои ниспадения, на котором надо понесть много тяготы и горя, в особенности от собственных страстей и ветхости, на котором бывают времена утешения и ослабы; полное же воздаяние ожидает подвижника Христова по разлучении его тела.

31. Бог тебя да благословит и дарует силу к перенесению искушений, в которых переплавливается человек. В которых сожигается наша ветхость или, иначе, наша плоть и кровь. Укрепляйся надеждою. — От зрения своих немощей не унывай, потому что единое прикосновение Божественной благодати может исцелить в единое мгновение все наши немощи. Твое состояние переходное: вытерпи его.

32. Мир тебе! Нисколько не смущайся! Враг тебя смущает безнадежием, видя к тебе милость Божию. Твое состояние — переходное. — Надобно, чтоб с болезнию отъялся разум мира: тогда сделается ум, способный к разуму духовному.

33. Склонность к пристрастиям очищается завещанием по Богу, то есть когда человек, чувствующий в себе невольно действующее пристрастие, указывает на него в молитвах своих Богу, обнажает его пред Богом, как бы рану пред врачом, и просит исцеления.

34. От ближнего, от которого чувствуешь пользу, не надо удаляться по причине ощущаемой примеси тщеславного и кровяного пристрастия; но надо очищать эту примесь сознанием ее пред Богом и молитвою. И самому надо отвлекать сердце от пристрастия по падшему чувству и возводить его в чувство во Христе.

35. Совершенной чистоты нельзя от себя требовать, хотя и должно к ней стремиться молитвою и плачем и понуждением сердца к исполнению заповедей Христовых; совершенная же чистота — дар Божий, ниспосылаемый видящему нечистоту свою и оплакивающему ее. Христос с тобою! *Терпя потерпех Господа и вня́т ми.*

36. Во всем положись на волю и милость Божию. — Ныне мир жестоко взволнован лжеименным разумом. Все обычаи мира, прежде основывавшиеся на законе Христовом, ныне основываются на нарушении этого закона. Прежде, при праотцах наших, целомудрие было общею принадлежностию и девиц и юнош. Новейшая образованность лишила юнош, почти совсем лишила целомудрия, а девицам еще оставляет целомудрие тела, довольствуясь развратом их ума и сердца. При таком страшном нравственном колебании мира блаженны те, которым удалось не

потонуть, и хотя на дощечке, и не без ран и ушибов, выплыть к берегу.

37. Бог да простит тебе грех твой и да убелит червленное, как волну. Громом и молниею Он показал, что не хочет смерти грешника, но долготерпеливо ожидает его покаяния и принимает это покаяние. — Гораздо душеспасительнее выдержать монашеские брани на одном месте. Ты сам замечаешь, что переходное состояние еще не кончилось и что звери еще бродят и ищут пищу себе. Выдержи себя на одном месте, и как мой совет ни кажется жестоким, но на самом деле увидишь его пользу. Я так и подозревал действия К., что он, увлекаемый и руководимый кровяными движениями доброты, намеревается сделать добро одному нищему, ввергнув в бедствие других нищих. — Решительно откажи ему.

38. Да погибнет такая милостыня, — сказал святой Исаак Сирский, — которая безмолвствующих лишает удобств и возможности безмолвствовать.

39. Нам с тобою — не спасать, а только спасаться. А и это — великое дело. — Видение твое, хотя и показалось тебе внутри тебя, но было прелестное, от крови и воображения.

40. Многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие, а какими именно кому — то распределяет Бог. Что тебе делать с твоим Родителем? Одно только: потерпеть его. Надо помнить, что *претерпевый до конца, той спасется*, и претерпеть все встречающееся, причиною ли мы того или причина не от нас. Христос с тобою. Побеждай терпением и упованием на Бога все скорби и брани. Аминь.

41. Святые Отцы в своих Боговдохновенных писаниях изображают наказание Господне или предваряющим болезно врачеством, или последующим за болезнию, для исцеления ее; но они никогда не признавали этого наказания отмщением или воздаянием. Разве только в упорных врагах Божиих, уже не по немощи погрешающих против заповеданного непрестанного покаяния, но отвергших оное по произволению и лжеименному разуму. Святый Марк Подвижник сказал: «Когда придет искушение, то не ищи, отчего и для чего оно пришло, но ищи того, чтоб перенести его с терпением и благодарением». Советую тебе держаться этой спасительной простоты, не вдаваясь в мнения и соединенные с ними смущения.

42. Всякому новоначальному сперва надо преподать делание заповедей Христовых, совершаемое телом; а когда, по значи-

тельном времени, он окажется верным в этом делании, то преподать ему и блюдение ума, но только очень просто и умеренно. Что греховных помыслов не должно принимать — это надо сказать с самого начала. — Все в вертограде Христовом совершается с великими терпением и пожданием: семена иных растений всходят во второй и третий год. И свою душу и души ближних своих заповедано нам стяжавать в терпении.

43. Очень сожалею о постигшей болезни М. А.: видно, Богу угодно, чтоб наше бренное тело переплавлялось и дало более простору духу.

44. Надо терпеть, терпеть и терпеть, и снова терпеть, и паки терпеть: потому что только претерпевый до конца спасен будет. От нетерпения искушения усугубляются. — Останавливай кровь и ведай, что Промысл Божий всем управляет. Вера, говорил великий Пимен, состоит в том, чтоб пребывать во смирении.

45. Что делать! Ныне время такое, что не в одной вашей обители беспорядок от утраты истинного понятия о смирении и благочестии Богу. Если же Бог терпит таковым непорядкам, то мы тем более должны терпеть. А скорби, нам пребывающие от этих беспорядков, послужат нам вместо истинного делания: потому что инокам последних времен повелено спасаться скорбями.

46. Инокам последнего времени суждено спасаться скорбями. Искусных старцев нет. Боговдохновенные уставы иноческие и жизнь потрясены установлениями плотского разума человеческого; духовное преуспеяние исключительного какого-либо лица опасно; потому что непременно влечет имеющего его к превозношению и уничижению ближнего. По сим причинам осталось израбатывать спасение одним крестом. Таков удел ныне спасающихся, а между ними и — твой.

47. От падения мы сделались так сложны, что непременно должны наблюдать за своею волею во всем — не лукавнует ли она? И не присоединяется ли втайне к врагам своим, предавая в их власть голос душевный? Недаром святые Отцы сказали, что без великого внимания невозможно спастись.

48. Не давай по возможности воли нервам, но старайся их удерживать.

49. Все желающие благочестно жить будут гонимы, — сказал Апостол, и повелел претерпевать до конца. Сим утешься и укрепись о Воскресшем Господе Иисусе Христе, Который воскрешает верных учеников Своих излиянием на них Святаго Своего Духа еще во время их земного странствования, а в свое

время воскресит для вечной славы и блаженства, куда не будет допущен никто, противляющийся ныне Христу и благословенному пути Его.

50. Мнение о оставлении тебя человеком еще может иметь место: ибо всяк человек ложь; но мнение о оставлении Богом не только неправильно, но и сопряжено с хулою. Если мы не видим, то этим обличается не несуществование Промысла Божия, но тупость нашего зрения. От этой тупости зрения то спасительное обучение скорбями, которое попускается нам Божественным Промыслом, называем мы — оставлением. Кажется, по попускаемым тебе скорбям и различным затруднениям надо бы тебе радоваться и утешаться: ибо попускаемые тебе скорби суть свидетельства не только призвания, но и избрания Божия. Прочитай слова святаго Исаака Сирина 46-е и 47-е.

51. Верный свидетель истинной молитвы — внимание (т. е. когда ум вполне заключается в слова молитвы, не принимая не только никакого мечтания, но ниже мнения, т.е. мысли, принадлежащей к ветхому разуму), примирение ко всем, любовь и вкупе мертвость ко всем. Вкусив жизни, хранись, чтоб снова не умереть. По приятии дара ожидай искушения; а когда оно придет — не смутись.

52. По нашему времени брани не столько жестоки, сколько тонки. Борец сделался необыкновенно опытен, как бы какой гомеопат, и видя, что булавки и иголки смертоносны при ловком действии ими, а шуму не делают по неприметности их, оставил мечи и копья, произведшие мучеников, в покое. Но хотя для большей части людей и неприметна тягость нынешних браней, однако она явна всепремудрому Богу, который и нынешним победителям, по великой благости Своей, уготовал венцы. Аминь. *24 мая 1852 г.*

53. Прекрасно сказал Георгий Затворник: «Не ищу, любят ли меня, ищу — люблю ли я других». И святые Отцы не велят искать от ближнего исполнения заповеди: потому что это только нарушает мир. Да дарует нам Бог переносить постигающие нас искушения с терпением и преданностию воле Божией. Все мы странники и пришельцы на земле, и всем нам предлежит, по окончании курса в земной школе, отшествие на суд Христов, в обители вечности.

54. Возвращаю письмо Римлянина и советую написать ему, что так как он верует сердцем в правду, то должен исповеды-

вать ее устами во спасение, отрекшись от заблуждений и присоединившись к Истине.

55. Новоначальным, несколько вкусившим молитву, свойственно более чувствовать брани и более подвергаться телесным немощам, потому что тело не выдерживает прикосновения к духовному и, так сказать, сотрясается и тает от него, а и душа, вкусив Божией сладости, делается чувствительнее к горечи страстей. Все же это попускается премудрым Промыслом, чтоб в нас вкоренилось смирение, столько не соответствующее духу века и чуждое нынешним людям. **Только на основании смирения может человек безбедственно воздвизать здание духовного делания.** Без смирения делание ведет к одному только высокомудрию.

56. Надо различать действия в теле от болезни и действия в теле от иноческого подвига. Материальному доктору сказываются только первые. — Покаянием, в полном его смысле, сокрушается сердце, а потому и тело.

57. При бурях мореходцы кидают якорь и держатся на нем от напора волн: святые Отцы называют якорем — самоукорение; самоукорением удерживай душу твою от потопления в смущении. Надо сказать самому себе: я не достоин лучшего положения в сравнении с тем, в котором нахожусь; а в то положение, в котором нахожусь, поставил меня Бог по великой Своей премудрости и милости, соответственно моим недугам. Если ж врачевства мне ощутительны и я от боли, производимой ими, вопию, то значит, что они выбраны верно. — Человек, удостоивший себя того положения, даже тяжкого и горького, в котором он поставлен, обретает мир; а мир — свидетель Истины. Хотя неисполняющаяся воля наша и представляется нам обер-святою; но если б она была точно таковою, то неужели всеблагий Бог не исполнил бы ее? *Волю боящихся Его творит.* И отчего не сотворит ее, когда Ему все, и большое и малое, одинаково возможно! — В отсечении нашей воли оком веры усматриваем, что наша воля, по причине ее несовершенства, недостойна быть исполненною. Почему отречемся от нее пред Богом и покоримся Ему, чтоб не стать в ряды тех, которые покушаются *противу рожна прати*.

58. Господь да охранит и меня и тебя от безрассудных действий, происходящих от разгорячения. Разгорячение знаменует ту жизнь, умерщвление которой требует от нас Бог.

59. Слава Всесильному Врачу, открывшему в нас, сечением воли нашей, наш недуг! Примем и мазь успокоительную после

резания: она — смирение. — Живая вера рождает смирение, а смирение примиряет приявшую его душу с небом и землею. Мир тебе. *25 окт. 1852 г.*

60. Ответ на вопрос о душевной брани:

У тебя нет видения бесовской брани, а только мнение этого видения. Такое мнение опаснее самой брани. Лучше не видеть брани от внимания к ней и от внимания к молитве, чем, оставляя внимание к молитве и молитву, вдаваться в рассматривание брани, превышающее наши силы, и от этого мнимого рассматривания приходить в высокоумие, которое неразлучно с мнением. Достаточно тебе быть убежденным, что падший человек есть сокровищница всех грехов; иные из грехов обнаруживаются своим действием, а другие живут, как бы не действуя, и таким образом вводят подвижника в заблуждение о несуществовании их. Будь пред Богом, яко единая цельная язва, и моли о исцелении и спасении, не обращая большого внимания на брани и не удивляясь пришествию их, как бы совершающемуся вне порядка.

61. Мнение об оскудении помощи человеческой есть вид искушения, который попускается Богом другам Его, чтоб они умерли от упования на человеков и ожили упованием на Бога. Прочитай конец 78-го Слова святаго Исаака Сирского — и утешься. Не убоимся искушений, «Яко с нами Бог», попускающий нам их и ими нас обучающий. *13 нояб. 1852 г.*

62. Какая польза созидать храмину ближнего и вместе разрушать свою? Не следует новоначальным увлекаться в назидание ближнего, по горячности темперамента, по новоначалию, по кровяному действию. Кровь, то очень волнующаяся, то от самого волнения утомляющаяся и утомляющая, передает душу попеременно в два противоположные состояния: в разгорячение и уныние. Хранитесь от сетей, расставленных вне и внутри человека. И всячески прикрытых подобием правды, но познаваемых по отъемлемому ими от души миру.

63. Преподобный Нил Сорский, ссылаясь на Преподобного Нила Синайского, говорит, что «умная молитва есть рай, который не только должно возделывать, но и хранить. Помолившись, якоже подобает, ожидай, яже, не подобает. В особенности враг после молитвы борет двумя страстями: гневом, который прямо противоположен молитве, и блудом, яко плотским и сатанинским ее подобием по действию, следовательно, уничтожающим ее действие. Сказал Апостол: «прилепляйся Господеви бывает один дух

с Господом, а прилепляйся блуднице, хотя бы одними помышлениями, бывает едина плоть с блудницею». Бог да дарует тебе с терпением побеждать брани и молитву проходить по возможности без всяких вещественных пособий. Аминь.

64. Вверженные в Вавилонскую печь три Отрока, несмотря на то, что оросил их Ангел и печь разжженная не производила на них никакого влияния, воспевали: «Согрешихом, беззаконновахом, прегрешихом во всех... Вся, елика сотворил еси нам, и вся, елика навел еси на нас, истинным судом сотворил еси». Надо заметить, что в этой песне, в которой святые Отроки признают себя достойными всего наведенного на них, они признают мучителя — Навуходоносора — «лукавнейшим паче всея земли»... Итак, хотя Навуходоносор был лукавнейшим паче всея земли, но это его душевное состояние не препятствовало Отрокам иметь святое смирение. Истина и смирение не разногласят между собою: ибо и то и другое исходит от Христа.

65. Ругательства, которыми меня осыпают со всевозможною наглостию, отзываются и на учениках моих. Но неужели тщетен голос: *Блаженни есте егда поносят вам и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради*[1]. Неужели мы не бессмертны? Неужели краток живот вечный, чтоб не заслуживал какого-нибудь малого терпения в здешней жизни?

66. Недостаточно одно самоукорение, говорит Варсонофий Великий, нужны и уничижения человеческие для доставления человеку смирения. Против смирения и терпения враг приносит хулу на Самого Бога, якобы оставляющего служащих Ему: но хула его да снидет на главу его [врага] чрез посредство славословия, благодарения и исповедания, приносимых Богу рабами Его, по примеру святых трех Отроков. *1853 г. Нояб. 10.*

67. Со врагами надо быть очень осторожным: человек очень глупый может наделать больше зла, нежели сколько его сделает человек злой, но умный. Мирствуй в уповании и вере. — Горькая чаша настоящего времени преподается не без особенного на то попущения Божия, да сосуды Его яко в огни искусятся. *1854 г. 21 янв.*

68. Пришедшее тебе смущение, очевидно, пришло от того, что ты от всея души и от всего помышления, всею крепостию твоею занялся избранием Игумена, в противность моему предостережению. Уврачуй свою язву покаянием, да и впредь знай, что возможно для старца твоего, для тебя вовсе неприступно.

69. Для брани собственно незачем выезжать из монастыря, а надо победить ее, по завещанию Отцев, в монастыре (см. Добротол. 4-я ч. Кассиана: О унынии). Напротив: потачкою себе в бранях можно себя испортить.

70. К встрече нового настоятеля приуготовься вниманием и смирением. Может, Бог устроит так, что он к тебе расположится.

71. Если вы имеете много ненавидящих вас, то знайте, что к Вам милость Господа, Которого ненавидели слепотствующие человецы во время пребывания Его плотию на земле. Страха же ненавидящих вас и грозящих вам не убойтесь: Господа Бога освятите в сердцах ваших. — Благословение Божие да почиет над вами! Неудобопонятным недугам твоим не удивляйся. Такова участь всех переплавляющихся в умном делании. Их недуги и их исцеления идут совсем иным порядком, нежели у прочих людей.

72. Бог да укрепит болящего раба Своего на подвиг благодарения и терпения. О том, о чем желаешь молиться, молись со всевозможною умеренностию, предоставляя все воле Божией. По моей крайней греховности опасаюсь, чтоб человек, вступив в единение со мною по духу, не лишился своих добродетелей и не приобщился моих немощей.

73. Сохрани бездерзновенность и пред благонамеренным начальством: ибо бездерзновение к начальству, хотя и самому доброму, есть единственное условие прочного мира с ним.

74. Бог да дарует болящему рабу Своему перенести постигший его недуг с благодушием и благодарением. Полагаю, что при тяжкой болезни принять елеосвящение совсем не лишнее. Апостол прямо советует прибегать к этому средству во время болезни.

75. Тебе — еже жити — Христос, а еже умрети — приобретение есть. Апостол говорил это о себе по причине своего совершенства, а к тебе применяю его слова по причине открытости и прямоты твоего характера, с которым неудобно жить посреди мира сего, требующего для жительства в нем особенной премудрости, которой ни ты ни я не имеем. И потому, если угодно Богу, чтоб ты окончил течение земное, прими Его определение с покорностию; если же Богу угодно, чтоб ты пожил, поживи, умоляя Его дать тебе премудрость для сохранения твоей души. А сохранишь ее тем, что умрешь для человеков, кто бы они ни были, и для обстоятельств умерщвлением к ним кровяного движения верою и покорностию Богу.

76. Предавай себя воле Божией, стараясь быть благоугодным Богу: ибо как бы ни было продолжительно наше земное странствование, но и переход близок. Сделай зависящее от тебя по силам, а Бог сделает Свое.

77. Благодарю Бога, даровавшего вам единомыслие в келлии! Этого единомыслия не ищи вне ее. Вспомни, что Спаситель велел Петру идти за Собою, а когда Петр вопросил и позаботился о другом, то услышал: *до другого что тебе за дело, ты по Мне иди.* Заботясь преждевременно и неправильно о других, мы часто забываем или ослабляем заботу о себе.

78. Так как согрешения твои ты исповедал пред духовником твоим и получил от него прощение, то я отнюдь не осмелился простереть дерзко руки моей и прикоснуться для прибавления чего-либо к великому таинству Исповеди, при котором прощающий Сам Господь Иисус Христос чрез Его служителя. Что разрешено Богом, то разрешено и не требует осквернения разрешением человеческим. — Оставайся в вере и уповании на Бога.

79. Видения посылаются нередко болящим тяжело для изменения их сердечного чувства из душевного в духовное и для поддержания в них духовного чувства покаяния и молитвы, а не должно утруждать себя объяснением видения, которое часто остается весьма мало объяснимым.

80. Великая милость Божия постоянно совершается над тобою чрез сожительствующего тебе раба Божия, боримого общим врагом. При помощи его брони ты можешь совершить переход от кровяной любви, к которой ты весьма способен, к любви о Господе, носящей немощи ближнего и сostраждущей его брани. Святый Исаак Сирин сказал, что инок должен погружать свое сердце в милость дотоле, доколе не ощутит той милости, которую имеет Бог к миру. Без этого невозможно ощутить истинного и обильного действия молитвы. — Отрекайся крови и последуй Христу. Знай, что враг, вооружаясь на брата бранию, косвенно мещет стрелы и на тебя, дабы ты преступил заповедь любви о Христе ради твоей крови. Говори с ним всегда очень мягко и любовно, дабы приобрести его, а от выслушивания его браней постоянно отказывайся. Это еще не твоей меры. Пусть передает свои брани старцу.

81. Спасение и духовный успех — в заповедях Христовых.

82. Господь, хотящий перевести кого от кровяного или душевного ощущения к ощущению духовному, посылает ему от времени до времени — как говорит святый Максим Исповедник —

опытно вкусить этого ощущения. Такое вкушение — яко соглядатай земли обетованной.

83. Смирение из среды скорбей находит причину благодарения Богу, а гордость и кровь, окруженные очевидными благодеяниями Божиими, находят достаточную причину для ропота и неудовольствия. В последнем случае нужно самоукорение. Покрывай ближних благостию твоею, не только равных себе, но и высших, ибо все с своими немощами.

84. «Если сам себя не помилуешь, то ниже Бог тебя помилует», — говорил Великий Антоний. Ты очень ошибся, назвав состояние твоего старца «омрачением», это омрачение светлее твоего света. Что тебе кажется важнее: сохранить мир и любовь или принять антидор минутой раньше, минутой позже? — Не ищи от старца удовлетворения твоим прихотям, ни телесным, ни, наипаче, душевным. С тобою брань творит своеугодие и свой разум, отвергни их самоукорением — и успокоишься.

85. Прочитай в 1-й ч. Добротолюбия, в главах деятельных и Богословских Симеона Нового Богослова, главы 66-ю и 67-ю и ведая ведай, что сказано святыми Отцами: «даждь кровь и приими Дух».

86. Относительно сновидений[2], прилично вспомнить слова Спасителя: *Мните ли яко Галилеане сии грешнейши паче всех Галилеан бяху, яко тако пострадавша? Ни, глаголю вам: но аще не покаетеся, вси такожде погибнете. Или они осмьнадесете* и проч. *Ни глаголю вам, но аще не покаетеся, вси такожде погибнете*[3]. Я полагаю, что это сновидение послано было тебе, чтоб возбудить сердце твое от нечувствия и даровать тебе вкушение страха вечных мук и памяти смертной. Прилагай эти цельбы к страждущей страстолюбием душе твоей.

87. Советую тебе по возможности приобучаться к молчанию и отверзать уста твои к глаголанию только при самых нужных случаях.

88. Ум не может быть бесстрастным. По Великому Максиму, «аще не приемлет его многая и различная видения». Понимая цель (подвига покаянного), надо оставлять средства без особого внимания.

89. Надо воздерживать свои приражения. Ты кого полюбишь, так полюбишь, а кого не полюбишь, так не полюбишь. Между тем заповедь Христова именно любовию повелевает отличаться от язычников. Что будет из нашего монашества, когда мы не

можем понести ни одного слова против нас? Нужна же когда-нибудь узда против нашей крови! Неужели нам одним не воспользоваться словами разбойника, произнесенными с креста: *Достойная по делам наю восприемлева* и проч. Ими воспользовались все Святые.

90. О случившемся искушении ты не должен скорбеть, но отдаться на волю Божию, которая всех спасаемых спасает многоразличными скорбями.

91. Тебе не должно скорбеть на тех, которые произнесли о тебе невыгодное какое слово. Это от неведения и по попущению промысла Божия, как видно, усматривающего, что тебе нужно смирение и очищение при посредстве человеческого бесчестия. Любовь имейте и мир со всеми, и с оскорбляющими тебя, без чего невозможно иметь духовного преуспеяния. Воздай же славословие Богу за все случившееся и предай себя воле Божией.

92. Путь Христиан, сказали святые Отцы, есть крест повседневный. Сказали они это, руководствуясь словами Самого Господа Иисуса Христа, Который повелел желающему совершенства взять крест свой и последовать за ним — Господом. — Крест — готовность к благодушному подъятию всякой скорби, попускаемой Промыслом Божиим. Потому познается, что человек находится под особенным Промыслом Божиим, когда этому человеку попускаются постоянно скорби, сказал святый Исаак. «Пей поругания на всяк час яко воду живую», — говорит святый Иоанн Лествичник; а кто отвергся правильного или неправильного выговора, тот отвергся своего спасения. Господь помянул тебя и послал тебе искушение для твоего очищения и умерщвления миру, а потому и для твоего преуспеяния. Я, окаянный грешник, благоволю о искушении, тебя постигшем. Благоволит о нем Ангел Христов, Хранитель твой, видя в нем залог спасения твоего. Помяни меня грешного в молитвах твоих! Говорит святый Исаак Сирин, что «человек до вступления в искушения молится Богу, как чужой Ему, а подвергшись ради Его искушениям, молится Ему как Свой и как бы имея Его — Бога — должником себе». Помолись о мне Богу, раб Божий! Ибо мне в моей жизни не довелось потерпеть ни единого искушения, а что случалось противное моему гордому сердцу, то мелочь, мелочь, мелочь... не заслуживающая никакого внимания, и если б я вздумал говорить о моих искушениях, то впал бы в одно пустословие...

93. Не должно страхованию попускать овладевать тобою. Кто поддается этой страсти, над тем она возобладает и таковый будет пугаться всяких пустяков. Прочитай в святой Лествице статью «о страховании». Никаких заклинательных молитв не нужно: они прочитаны над каждым из нас при Святом крещении. Нужно предаться воле Божией и признать себя достойным всякого человеческого и бесовского наведения: тогда страхование пройдет само собою. Оно ни отчего так не истребляется, как от глубокого сердечного сокрушения.

94. Молитвы Иисусовой не оставляй: монашествующий в числе своих обетов при пострижении дает обещание денно-нощно заниматься этою молитвою.

95. Надо брани побеждать на их месте, а не оставлением места, отчего брани только укрепляются.

96. Взойди в себя, постарайся увидеть множество согрешений своих, причем умалятся в очах твоих согрешения ближнего. Воспользуйся уединением и удобствами для внимательной жизни, дарованными тебе Божиим милосердием для плача о твоих грехах. Поминай в молитвах оскорбивших тебя, да исцелеешь от тяжкого недуга вражды к ближнему.

97. Лозу, творящую плод, Вертоградарь осыпает и навозом, да множайший плод принесет. Не будете побеждены злом, но добром побеждайте зло.

98. Поминай в твоих молитвах болящего брата, который предан судом Божиим сатане, да его дух спасется. Он много содействовал к успокоению твоему, а последним случаем — к смирению и преуспеянию. В духовном значении такое наказание Божие отнюдь не служит худым свидетельством о человеке: — такому преданию сатане подверглись многие великие угодники Божии. Преподобный Кассиан описывает о преподобном Моисее Скитском, с которым он беседовал «о рассуждении», что Моисей повергся сумасшествию и беснованию за некоторое противоречие своему старцу Макарию Великому Египетскому. В священном предании IV века описывается, что некоторый Египетский старец, по причине своей святой и чистой жизни, необыкновенно обиловал даром чудотворений: слава о нем неслась далеко. Заметив в себе начало гордости, старец начал молить Бога, чтоб ему было послано беснование, что Господь и исполнил. Старец провел в ужасном положении целых 8 месяцев, употребляя даже в пищу свои собственные извержения. Мирские почитатели его, видя его в таком положении, как быть следует, соблазнились,

хорошую о нем славу изменили на худую; а старец, в свое время избавившись от беса, в неизвестности и покое работал Господу и пришел еще в гораздо большее преуспеяние. — Гораздо маловажнее беснование, нежели приятие какого-либо злого вражеского помысла. — На слова и действия сумасшедших не должно обращать никакого внимания и никак нельзя сравнивать таких больных с пьяными, у которых отнимается только благоразумие, а не разум. Пьяный высказывает свои тайные мысли и чувства, а сумасшедший или беснующийся несет дичь, чуждую ему.

99. Веруй, что не без промысла Божия постигло тебя искушение, да умертвишься миру, и славе его, и оправданию его. Молись о всех приносящих тебе скорби, да совершенно исцелеет сердце твое от злобы и соделается способным к приятию Божественной благодати. Только что придет тебе на мысль воспоминание о ком-либо, оскорбившем тебя, тотчас же молись о нем. Сверх Божиего попущения никакая власть и сила человеческая не могут коснуться тебя.

100. Что человек посеет во время земной жизни, то пожинает при смерти. В настоящее время в Сергиевой Пустыне кончается иеросхимонах Стефан, что прежде был иеромонах Симеон. — Обычай исповедываться и внимать себе по Евангельским заповедям доставляет ему самую мирную кончину. Невозможно требовать такового расположения душевного от человека, лишь к вечеру дней своих пришедшего в монастырь с сформировавшимися (укрепившимися) навыками и образом мыслей своих. Раздражение болящего родителя твоего происходит от материальной причины — болезни. Приготовляй его к отшествию с милосердием к нему. Напутствуй его Святыми Таинствами: они перенесут мысли его в вечность. Милость Божия да осенит его. Воля Божия буди. *21 янв. 1856.*

101. Благословен Бог, открывший тебе, что ревность твоя вполне кровяная и безрассудная. Она происходит от упоения тщеславием и высокоумием, которыми ты упился от похвал литераторов и которые привели тебя в состояние самообольщения и самомнения. Да даруется тебе узреть их и, ради сего зрения, погрузиться в покаяние, коим закрываются все недостатки ближних.

102. Смирись пред Игуменом в душе твоей. Смирись пред Промыслом Божиим, Коим попущены настоящие обстоятельства, и облобызай твою долю, на которую оставлено упражнение в покаянии.

103. Храни ум твой невообразимым и безмечтанным, а случившееся с тобою, как весьма сомнительное, с кротостию отринь.

104. Не оглашай твоей келлии осуждениями, пересудами и ропотом; оглашай ее благодарением и славословием, и гласами воздыханий о грехах, и гласами молитв твоих.

105. Возлюби молчание. Тебе, как теористу и фантазеру (мечтателю), глаголание опасно: им можешь губить себя и губить ближних, возлагая на них бремена неудобоносимые. Умолкни и умолкни! Содружись с покаянием, которое без молчания состояться не может.

106. Сны твои суть мечты, ведущие в прелесть того, кто не остережется от них. Надо блюсти ум и содержать его безвидным и безмечтательным. Никаким снам не верь, и милость Божия да покрыет тебя.

107. Одно молчание может обнаружить пред тобою твое кровяное действие и заключающуюся в этом действии прелесть.

108. По словам святых Отцев, умеренному и постоянному правилу цены нет. И потому в жительстве твоем сохраняй благоразумную соразмерность, не связывая себя количеством.

109. Игумену оказывай по возможности и с возможным понуждением послушание, умерщвляющее в нас ветхого человека. От послушаний, превышающих силы, отказывайся со смирением.

110. Нам, находящимся в переходном состоянии, приходят соответственно ему и различные слезы: горькие, яко нам свойственные, а временем и утешительные, по особенной милости Божией. Господь да простит всем нам все согрешения наши и да дарует, в свое время, Ему известное, силу не впадать в грехи и противиться нападениям врага.

111. Своя воля ведет человека к искушению, хотя внушения ее, по-видимому, и кажутся благими, но мы не можем видеть, к каким последствиям поведет исполнение ее.

112. Когда человек отречется своей воли, тогда только он может быть причастником истинной молитвы, которая есть соединение человека с Богом. Сего соединения невозможно достичь без отречения от своей воли, своей правды, своего разума.

113. Святый Апостол Павел в послании своем к Солунянам передает им, что предание, исходящее от самого Бога, молитвенное непрестанное благодарение за все случающееся. *О всем благодарите*, — говорит он, — *сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас* (1 Сол. 5. 18). Если нет ни одного случая, который бы утаился от Бога: то за все случающееся надо сла-

вословить Бога. Благословен Бог промышляющий! Благословен Бог попущающий! Ничто вне воли Его совершиться не может.

114. Господь посылает верующим в Него многие испытания, чтоб сими испытаниями они более утвердились в вере и в том, как близок Господь ко всем призывающим Его. Охранись от вменения себя в нечто.

[1] *Блаженны вы, когда будут поносить вас... и всячески неправедно злословить за Меня* (Мф. 5. 11).

[2] Инок видел во сне некое знакомое лицо, умершее в адских мучениях.

[3] *...Думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете* (Лк. 13. 2, 3, 4, 5).

Письма монашествующих разных монастырей к святителю Игнатию

Письмо иеромонаха Гавриила[1]

Ваше Высокопреподобие!

Всепречестнейший и вселюбезнейший о Христе мне батюшка Отец Архимандрит!

По благости Божией сея моя обязанность, и вернейший случай в особенности, побудили меня изъявить Вашему Высокопреподобию мое всепокорнейшее вам высокопочитание, с поклонением моим униженно и сим памятованием я, всенижайший, навсегда обязан. От залога к вам нашей христианской любви засвидетельствовать усерднейшее сердечное мое при сем благорасположение и всеистинную благодарность и за оказанные еще Ваши ко мне отеческие милостивые памятования, которые, собственно, я, всенижайший, не представлением в письмах слышать боголюбивейшее Ваше приветствие удостоился.

И все это единственно ходатайствует много ко оживлению и пользе в нерадивейшей моей душе. Сам же Господь мира да даст вам мир во Господе, укрепляющем Вас и благословляющем на поприще правления Вашего, долгоденствия и благоденствия и всякого благоугодного преуспения. Всеискреннейший желатель и взаимно с повержением пред стопами Вашими. Прошу отеческих Ваших святых молитв и благословения Вашего Высокопреподобия. Смолитвенник и богомолец премногогрешный во иночестве — *иеромонах Гавриил.*

20 июля 1837 года

Всеблагопочтеннейшим моим сотрудникам усердствую изъявить находящимся во святой вашей обители отцу Михаилу, питомцу церковнопоследования отцу Серафиму Валаамскому, отцу Иринарху Евангелу, отцу Варсонофию. Всем кланяюсь всеуниженно.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1.

Письмо Строителя Череменецкого монастыря иеромонаха Серафима[1]

Ваше Высокопреподобие Достопочтеннейший Батюшка и благодетель Отец Архимандрит Благословите!

Спешу, во-первых, воздать наичувствительнейшую Благодарность Вашему Высокопреподобию за ваше отеческое ко мне Благорасположение и любовь, коими доселя я грешный пользовался.

При сем случае честь имею поздравить Вас со всерадостным и Высокоторжественным праздником Воскресения Христова, душевно желаю оный в радости препроводить.

Мне очень жаль, что я не имел счастия Вас лично в Валаамском монастыре проводить, а также и встретить, возвращение Ваше неизвестно было, долго дожидаться не смел, поспешил в монастырь. Слава Богу, нашел все благополучно исправно, братия моему приезду были очень рады. В Вербное воскресенье служил собором, а на сих днях некоторые из помещиков говеют у нас.

Впрочем, благость Всевышнего да засчитает Вашего Высокопреподобия своею благодатию, под покровом коей будучи, не оставьте в Святых молитвах пребывающего к Вам и ко всей Вашей о Христе братии с особенным почтением и искренным доброжелательством

Покорнейший Слуга Грешный Строитель

Иеромонах Серафим.

1839 года,
Марта 23-го

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 18.

Иеромонах Серафим – строитель Череменецкого Иоанно-Богословского монастыря, входящего в благочиние святителя Игнатия; в 1838–1839 гг. он был его помощником в разбирательстве смут, происходящих в Валаамском монастыре.

Письмо иеромонаха Никодима[1]

Получ. Ноября дня 1839 года

Ваше Высокопреподобие!

Почтеннейший отец Архимандрит Игнатий!

По отбытии моем из Вашей обители, чувствуя мое расположение и конечное старание на просьбу Вашу, нашел я людей, соответственных житию по монашескому званию и по голосам Вашей обители. И как Ваше мне известное сострадательное сердце о несчастных, находящихся в угнетениях по особенным обстоятельствам, что Вам самим небезызвестно случающихся в перемещениях монашеских, ибо как оные люди по состоящимся указам Святейшего Синода на требование для служения в Черноморский флот изъявили свое согласие и поступили: иеромонахи Нафанаил, Феодосий и Пимен Ярославской губернии. Первый в 1833 году, а последние два в 1836, которые по слабости своего здоровья всеусердно паки желают, обходя всех морских награждений, избавить себя из жительства крымской стороны и переселиться в российские места. А как не могут найти способа к перемещению или к избавлению от жительства крымского острова, милосердие же Ваше мне известно, то всепокорнейше прошу Ваше Высокопреподобие оных несчастных людей избавить, за что они всегда будут находиться благодарными пред Вами. И как не имеют у себя наличного достатка для проезда до С.-Петербурга, то в таком случае тоже надеюсь, что Вы не оставите своим милосердием на путевые издержки для их проездов. Если Вашему Высокопреподобию благоугодно будет принять их под свое покровительство, то прикажите кому-либо меня уведомить об оном; и я надеюсь, что оные люди собою могут Вам заслужить: первый из них голос имеет басовой, а два теноровые и знают партесную ноту. Мое теперешнее положение, положа всю свою судьбу на Всевышнего Создателя, по видимости, должно быть надежным; по состоящемуся Высочайшему указу от 22 мая сего года велено для Богослужения заместить вместо белого духовенства монашествующими в укреплениях по восточному берегу Черного моря. То по силе оного указа избираемы были с хорошими поведениями и с нравственностию из Московских Ставропигиальных монастырей трое, и два епаршеских; почему я по выборке и отправлен. Теперь нас семь человек, пять из Москвы, а прочие из Орла и Курска, и пребываем все до требования в крепости в Георгиевском Балаклавском мона-

стыре, близ города Севастополя. Жалования положено каждому по тысяче рублей. За сим препоручив себя в Ваши святые молитвы, честь имею пребыть навсегда

Вашего Высокопреподобия

Милостивого моего отца и покровителя

Покорнейший слуга иеромонах Никодим.

Октября 1 дня
1839 года

P.S. Ваше Высокопреподобие! Хотя мы лично чести Вашей и не знаем, но наслышаны на Вашу чрезмерную милость, то, припадая к Вашим милостивым стопам, осмеливаемся и от себя просить Вашей помощи о избавлении нас от берегов Черного моря и о принятии под свое покровительство, что за Вашу таковую милость можем Вам заслужить сами собою.

Черноморского флота Георгиевского Балаклавского монастыря покорнейшие Ваши слуги:

иеромонах Нафанаил, иеромонах Пимен.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1.

Письма иеромонаха Арсения * Вологодского Прилуцкого монастыря

№ 1

Высокопреподобнейший Отец,

Священноархимандрит Игнатий!

Чувствительно обрадован был прибытием ко мне Вашего письмоводителя Павла Петровича и тою вестию, которую он мне принес о Вашем здравии и благополучии, — сожалею только о том, что не мог ему сопутствовать в Покровское — место долголетнего моего успокоения, — по обстоятельствам должностным не решился беспокоить Владыку об отпуске.

Извините великодушно, — я опять к Вам с покорнейшею просьбою. — С нынешнею почтою от здешнего Епархиального начальства отправлено представление о наградах для белого духовенства. В числе представленных протоиереев и священников помещен и мой шурин, то есть брат покойной жены моей, Благочинный Вельского уезда Николай Белоцерковский; не мож-

* РГБ ОР. Ф. 425. К. 1.

но ли, Ваше Высокопреподобие, сделать милость — замолвить слово в его пользу у тех лиц, от коих зависит сортировка и утверждение представления? Ей! Он достоин.

О себе еще ничего лучшего сказать не могу, — места постоянного по сию пору не имею. О сыне Павле сожалею, что далеко назначено ему место и в той стране, в которой — не знаю, может ли что добро быть? — Со временем буду беспокоить Вас и о нем опять, чтоб его оставить где-нибудь поближе к столице или родной стороне — в недрах матери России.

Простите, Достопочтеннейший Отец! И не оставьте Бога ради в нуждах Вашим покровительством и защитою навсегда преданнейшего Вашего всепокорнейшего слугу и недостойного богомольца

иеромонаха Арсения.

Ч<етверг> 13 сентября 1842 года

№ 2

Ваше Высокопреподобие,

Достопочтеннейший Отец архимандрит Игнатий!

Христос Воскресе!

Надеясь на Ваше благорасположение и за непременную почитая обязанность, осмеливаюсь поздравить Вас с праздником Светлого Христова Воскресения и желаю сердечно Вам препроводить оный в радости и веселии духовном, ко благу ближних и прославлению Воскресшего Спасителя. Иеромонах Серафим, выбывший из Вашей обители, недавно был здесь, но не более как шесть часов; ибо настоятель нашего монастыря его не принял и ночевать даже не позволил, зная его прежнее житье; не бéгу ли он от Вас ялся? Он сказал мне весть о Павле моем, что он здоров, — это меня порадовало; но опечаливаюсь тем, что он удалится скоро в полк. — Я писал было ему, что у нас в Вологде лекарское место праздно, — акушера нет — и чтоб он просился о помещении на оное, — лучше бы места желать не надобно: но нет — не отвечает мне на это ни слова. Огорчен будучи сим, я прибегаю к Вам с покорнейшею просьбою — склонить его на то, чтоб он пожелал сюда переместиться, ежели это по ходу службы его возможно, и — Бога ради постарайтесь в сем случае помочь ему Вашим ходатайством. Ежели же он, не послушав меня, отправится в такую даль, то должно терзаться несчастное сердце мое. Здесь ли не житье лекарям? Живут во много лучше барина.

Ежели он (сын Павел) — будет у Вас ныне; не поставьте себе в тягость передать ему мои мысли и желания. Ему теперь не пишу, потому что он и на прежнее мое письмо не отвечал. — Впрочем — Бога ради простите меня, что беспокою Вас много, не к кому более прибегнуть в сих тягостных для меня обстоятельствах. Остаюсь с глубочайшим к особе Вашей почитанием Ваш всенижайший слуга

иеромонах Арсений.

Спасо-Прилуцкий монастырь.
Апреля 9 дня
1843 года

№ 3

Ваше Высокопреподобие,

Достопочтеннейший Архимандрит Игнатий!

Долгом моим поставляю поздравить Вас с наступающим праздником Рождества Христа Спасителя нашего и с грядущим Новым годом. Сердечно желаю, чтоб с оным и здравие Ваше было постоянно в лучшем положении, и писанное Вами в последнем ко мне письме — нечто для меня загадочное, разрешилось приятнейшим для Вас событием, имеющим и мне послужить во благое:

О, если ли бы когда, при ясном Неба ведре,
Игнатия узреть на Пастырской Кафедре!

От сына Павла получил я письмо из Варшавы, и в ответ на оное побранил его за молчание пред своим Благодетелем. — Он доехал туда благополучно и здоров. — В полк (только не пишет, в какой именно), вблизи от Варшавы тогда находившийся в лагере, называемом Praga Повaнзенавские бараки, поступил 16 августа и принял должность полкового лекаря. — И там Господь Бог навел его на человека доброго, соземца вологжанина, с коим живет бок о бок и почасту разделяет время с приятностию. — Это однополчанин, батальонный и учебной команды начальник, подполковник Иосиф Григорьевич Гаряинов, Грязовецкий дворянин, родственник бывшего нашего соседа Илариона Федоровича Гаряинова.

Высокопреподобнейший Отец!

С радостным предчувствием ожидая Нового года, а с оным вместе и разрешения загадочного для меня, относительно Вас, вопроса, остаюсь в полной уверенности, что Вы в прежней моей

просьбе не откажете, и какие имеют встретиться в жизни Вашей новые и благоприятные обстоятельства, о том известить меня за большой труд себе не поставите.

С истинным высокопочитанием и таковою же преданностию есмь и навсегда буду Вашего Высокопреподобия всепокорнейший слуга и богомолец,

недостойный иеромонах Арсений.

Спасо-Прилуцкий монастырь
Декабря 14 дня
1843 года

№ 4

Получено 1844 года февраля 2

Ваше Высокопреподобие,

Отец Архимандрит Игнатий!

В прошедшем моем письме писал Вам, что я, может быть, около 25-го числа сего января отправлюсь отсюда в Вашу обитель; но предсказание сие исполниться не могло, и я еще все здесь. Прошение подал я о паспорте 22-го сего месяца, Владыка положил резолюцию: рассмотреть Консистории, в которой уже и журнал написан, и сего дня обещал Секретарь снести ко Владыке, в пятницу, то есть 28-го числа, может быть, желаемое получу. Исподволь хлопочу и о подводе, но ездоков до вторника первой недели поста нет, в сие время дворники обещают довольно оных. И потому тогда уже надеюсь наверно отправиться в путь.

Великий Отец и Благодетель! Не прогневайтесь, о чем Вас попрошу, — благоволите снабдить сколько-нибудь финансами для отправления моего отсюда; поверьте — так теперь стал неимущ, что на паспорт и бумагу занял 5 р. ас. Ежели милость Ваша будет, то я в чистый Понедельник еще получить могу, что и будет в настоящую пору. Простите меня великодушно за дерзновение таковое; засим честь имею остаться

Вашего Высокопреподобия

Всепокорнейший послушник

Иеромонах Арсений.

26 ч. января
1844 года

Ольга Шафранова

Птенцы гнезда Игнатиева

Те наставники похвальны, которые приводят не к себе, а к Богу.

Митрополит Филарет Киевский

Ко времени назначения будущего святителя Игнатия Брянчанинова настоятелем Троице-Сергиевой пустыни ему не исполнилось еще 27 лет, а весь его монашеский опыт заключался в трехлетнем пребывании в звании послушника в разных монастырях и почти двухлетнем настоятельстве в заштатном Лопотовом Пельшемском монастыре. Как Лопотов монастырь, так и Троице-Сергиева пустынь достались ему в крайнем упадке и материальном, и нравственном. Братство пустыни составляло всего 13 человек: 8 монашествующих, трое послушников и двое подначальных — а распущенность среди них «царила во всей силе».

Несмотря на молодость, архимандрит Игнатий прекрасно понимал, что общее состояние монастыря зависит прежде всего от нравственного уровня монашествующих и что одна из важнейших обязанностей настоятеля заключается в воспитании подведомственной ему паствы. Поэтому и труды свои по возрождению пустыни он начал с приведения в достодолжный порядок богослужений и введения строгой дисциплины среди ее насельников.

В своих отношениях с братством Сергиевой пустыни архимандрит Игнатий стремился следовать учению святых Отцов Православной Церкви и многое перенял из уроков, преподанных ему самому незабвенным отцом Леонидом (в схиме Львом) Наголкиным. Широкая образованность, глубокая проницательность, собственный опыт постоянного самонаблюдения помогали ему находить правильные пути к совершенствованию «ищущих душ». Ближайший ученик его, впоследствии преемник, писал: «он приучал быть откровенным с ним не только в делах, но и в помыслах. Такая откровенность и близость отношений не допускала учеников до грубых погрешностей». Архимандрит и сам показывал примеры откровенности и терпеливости. Об этом, в частности, можно судить по его пространному письму ученику, «письменно обличавшему его в изменяемости его расположения к окружающим и к нему»: «Понеси убо мои немощи; а

я постараюсь понести твои, как доселе старался... Мои немощи тяжелы более для тебя, нежели для меня; а твои ощутительны для меня, нежели для тебя» (полностью приведено ниже).

Методы воспитания архимандрита Игнатия, приучение братства к безусловному послушанию, откровенности, смирению неопытному взгляду часто казались суровыми, даже жестокими (как в свое время методы отца Леонида Наголкина). Не все выдерживали такую систему. «Были и такие в числе братства, которые никак не могли привиться к своему отцу, и это большею частию — которые получили начальное воспитание в других монастырях». Не желая жить по правилам отеческим, они затевали интриги и враждовали против тех, которые ходили на исповедь и откровение помыслов. «Много пострадал о. Архимандрит за них, много вынес на своих плечах клеветы и порицания». Кончалось, однако, тем, что они вынуждены были покинуть Сергиеву пустынь. Так что уже в 1841 г. архимандрит Игнатий писал своему другу Стефану Дмитриевичу Нечаеву: «Все почти прежние жители монастыря выбыли; теперь первые лица — это те послушники, которые вступили в обитель вместе или вслед за мною. Они уже иеромонахи»[1].

Несмотря на суровость воспитания, архимандрит Игнатий «умел любить чад своих духовных»; он старался излишне «не стеснять их и не воспрещал веселости между собой, даже в его присутствии». Он «ненавидел несогласия и споры: если случалось кому поссориться, он немедленно призывал их к себе и мирил, чтобы не оставалось неприязни до другого дня». Его отношение к «чадам» было прямо отеческое, о чем свидетельствуют выдержки из его писем. Так, в 1843 г., по должности благочинного, он совершал путешествие по монастырям Санкт-Петербургской епархии в сопровождении нескольких монахов и послушников: «Моим спутникам в дороге все нравилось, а мне приятно было смотреть на их любопытство... Как [они] за мною ухаживают, как услуживают! Право, подобного внимания можно ожидать от одних только ближних родных. Как [они] между собою милы! Как Марк весел! Лицо его играет от радости, как весеннее солнце». В 1847 г., отправляясь для поправки здоровья в Николо-Бабаевский монастырь, он взял с собой двух послушников, также нуждавшихся в лечении. «Степану получше, — писал он своему наместнику. — Когда я кончу курс

[1] О Нечаеве С. Д. см.: Т. 3. С. 320–323.

декокта, то и его хочу заставить попить: потому что по пробе оказалось полезным». Или: «Думаю, что Николушка уже отправился ко мне. Если не отправился, то отправь; Сисой все еще лежит; Степана временами схватывает, да и ему надо тоже полечиться и во время леченья быть безвыходно в келлии. Я по сим причинам выписал из деревни моего родителя мальчика, вкупе и повара, который теперь у меня и прислуживает». Или: «Употреби на Власа оставшиеся мои деньги; очень рад, что он поправляется. Сисою лучше, хотя до сих пор он не выходит из комнаты, где лежит... Я нанял для него прислугу и трачу деньги на лечение; также по получении от тебя 170 руб. серебром купил ему зимнее платье. С сего дня начинает лечиться Стефан уже у здешних докторов, какие есть» и т. д.

Также и братия, «привившаяся» своему наставнику, отвечала на его любовь сыновними чувствами: «А. Н. Муравьев пробыл здесь по сегодняшний праздник [Рождества Господа нашего Иисуса Христа], с коим Вас, дражайший Батюшка, имею честь усерднейше поздравить; как-то Вы его проводите? Но у нас до чрезвычайности заметно, что нет нашего доброго, радушного хозяина-отца, умеющего соединить приятное с полезным — и тем составить истинный, радостный праздник».

Умелое, продуманное руководство архимандритом Игнатием братства Сергиевой пустыни приносило свои плоды. Пустынь становилась примером благонравия и образованности иноков, становилась рассадником благочестия. Начальство все чаще начинало выбирать из насельников пустыни кандидатов для занятия настоятельских должностей. Архивные материалы сохранили сведения о некоторых из них. Так, в 1839 г. из пустыни вышли двое: ризничий иеромонах Сергий (Рудаков), впоследствии в сане игумена наместник Толгского монастыря, а затем благочинный и уставщик Александро-Невской Лавры, и эконом иеромонах Израиль Андреев, впоследствии архимандрит Рождественского Коневского монастыря. В 1846 г. вышел ризничий иеромонах Герасим Грязнов, впоследствии архимандрит Переяславо-Залесского Никитского монастыря. В 1837–1838 и 1840–1844 гг. послушником в Сергиевой пустыни был знаменитый впоследствии игумен Черменецкого Иоанна-Богословского монастыря Антоний (Бочков), называвший архимандрита Игнатия своим «духовным отцом и первым наставником в монашеской жизни». Еще, по словам архимандрита Игнатия Брянчанинова, «Архимандрит Большого Тихвинского монастыря и

Игумен Малоярославецкого монастыря поступили из мира прямо в Сергиеву пустынь». А в 1857 г. 13 апреля он писал игумену Варфоломею: «У нас в монастыре имеется новость: бывший мой Наместник Иларион произведен во Игумена Владимирской епархии в третьеклассный Юрьевский монастырь».

Но были и такие, которые, выйдя из пустыни и потеряв строгого руководителя, растеряли и приобретенное там благонравие. Один из них — это о. Феофан (в миру Александр Федорович Комаровский), бывший наместником в Сергиевой пустыни в 1836–1841 гг. Он оказался личностью весьма противоречивой. Святитель Игнатий, тогда еще послушник Дмитрий Александрович Брянчанинов, познакомился с ним в 1830 г. в Кирилло-Новоезерском монастыре, и они оба очень понравились друг другу. По отбытии оттуда из-за болезни Дмитрий Александрович в письмах постоянно передавал ему поклоны, называя «возлюбленнейшим по духу собратом». После назначения отца Игнатия настоятелем Сергиевой пустыни, о. Феофан стал проситься к нему. Архимандрит Игнатий писал о нем Преосвященному Стефану, епископу Вологодскому, и в 1835 г. Комаровский был уже в Пустыни. В 1841 г. он был переведен строителем в Кирилловский Новоезерский монастырь. До 1844 г. они переписывались, а после этого времени сведений об их сношениях не имеется.

О последующих событиях в жизни о. Феофана написал в своих «Воспоминаниях» архимандрит Пимен (Угрешский). «Из младшей братии я застал в монастыре (Новоезерском) между прочими: Комаровского Александра Федоровича... Комаровский родом из Белоезерских дворян; был лет 22 или 23, и уже года с три находился в монастыре. Мать его жила в Горицком монастыре при Игумении Маврикии. Александр Федорович Комаровский имел характер кроткий, смиренный, услужливый, за что был всеми и любим и уважаем. Старец Феофан считал его своим самым искренним учеником. В последствие времени желание всех видеть его начальником обители осуществилось, но не на пользу ему, а к явному вреду обители и к великой скорби всей братии, к которой он видимо изменился.

Шестнадцать лет спустя, когда, в 1848 году, я посетил Новоезерскую обитель, где Комаровский был уже Игуменом, я не нашел в нем ниже единой черты, которая бы могла мне напомнить, каким я его оставил. ...Я увидел перед собою тучного человека, черты все огрубели, волосы стали рыжеватыми; вместо

мягкого голоса я слышал хриплый и резкий, и во всех приемах проглядывало что-то жесткое и самонадеянное.

Главные его отступления от прежнего устава были: 1) он допустил в обители винопитие, 2) невнимательность к нравственности братии, что привело ко всеобщей распущенности, 3) несоблюдение Устава Церковного, и вследствие всего этого обитель стала видимо оскудевать в своих средствах. Вскоре у Настоятеля с братиею вышли несогласия и раздоры. Он постоянно вынужден был прибегать к косвенным мерам, чтобы замять то или другое дело, и так как он имел людей искусных, которые за него действовали, то избавлялся от преследований. Он был переведен в Большой Кириллов Белоезерский монастырь, но там его ожидала прежняя участь. После долгих домогательств он был наконец переведен в Соловецкую обитель, где и окончилась его плачевная жизнь в 1871 году».

Другой — это о. Аполлос Попов, постриженник Сергиевой пустыни, с 1836 г. — казначей, а после отбытия о. Феофана Комаровского, с 1841 по 1844 г., — наместник обители. В архиве сохранилась: «Первоклассной Троицкой Сергиевой Пустыни Настоятеля Архимандрита Игнатия, оной же Пустыни Иеромонахам Феофану и Аполлосу Инструкция» от 29 сентября 1836 г., в которой изложены обязанности наместника и казначея (приводится ниже).

В 1844 г. о. Аполлос, по рекомендации архимандрита Игнатия, был назначен строителем Старо-Ладожского Николаевского монастыря. Перед тем как отправиться на место службы, он посетил Киево-Печерскую Лавру и поклонился мощам печерских старцев. Митрополит Киевский Филарет писал тогда архимандриту Игнатию: «Не успел я написать к Вам с о. Аполлосом, ибо отправлялся в то время для обозрения епархии. Брат сей у нас вел себя весьма хорошо, может быть, что-нибудь получил и для души. Да благословит его Господь Бог на новом месте».

Но с занятием более высокого положения о. Аполлосом овладел, по-видимому, бес тщеславия. 12 августа 1847 г. архимандрит Игнатий писал из Бабаевского монастыря своему наместнику: «От отца Аполлоса я получил сегодня письмо, в котором извещает, что он уволен от поездки. Я этим очень доволен: ему нужно побыть на месте и успокоить себя; а развлечение могло бы его совершенно расстроить». А 27 ноября того же года: «От Аполлоса получил два-три письма, которые мне очень не понравились: шельмовские. В особенности не понравилось последнее. Делает то же, что и с тобою: выпытывает, возвращусь ли в Сер-

гиеву и когда возвращусь». Отец Аполлос нашел себе покровителя в лице Преосвященного викария Нафанаила, враждебно настроенного по отношению к архимандриту Игнатию, и, возможно, мечтал занять его место в Сергиевой пустыни. Архимандрит Игнатий сожалел о поведении своего бывшего ученика: «...и для него собственно и для монашества: потому что он очень был способен водиться с молодыми монахами. О. Аполлос очень наружен, поверхностен по уму своему и сердцу, а потому очень доступен и удовлетворителен для новоначальных и мирских, которым предостаточно поверхностное слово». Но в письме от 18 апреля 1849 г. он уже сообщал другу своему, игумену Варфоломею: «Преосвященный Митрополит Никанор — Пастырь добрейшего сердца и светлого ума, к монашеству весьма расположен, — шайку мошенников унял и обуздал, а между прочим, и Аполлоса, воспретив ему без своего ведома таскаться в Петербург, в котором Ладожский Строитель, кинув свой монастырь, проживал непрестанно, занимаясь разными пронырствами, приискивая себе места повыше и повеселее Ладожского».

Отец Аполлос смирился и остался в Старо-Ладожском Николаевском монастыре, где проявил себя как рачительный хозяин. В 1854 г. он построил там «трехэтажный, каменный, крытый железом корпус длиной до 13 сажен, шириной до 7 сажен. В верхнем этаже — библиотека, школа и жилые помещения; в нижнем — хозяйственные службы, кладовые. Дом устроен по Высочайше утвержденному плану на деньги благотворителей». Игумен Валаамского монастыря Дамаскин пришел в восторг от этого дома: «Я не говорю только о его внешности, по которой он мог бы быть и в лучших улицах Столицы. Самое внутреннее расположение его комнат... одним словом все мне в них очень понравилось»[1].

Архимандрит Игнатий ценил деловые качества о. Аполлоса. Время от времени он поручал ему разные дела по благочинию. В 1854 г. о. Аполлосу вручен игуменский посох, и с этого же года, по представлению архимандрита Игнатия, он был утвержден в должности помощника благочинного; с 1860 г. — он архимандрит. В 1863 г. архимандрит Аполлос был отправлен на покой, и тут снова проявились странности его характера, о чем писал заступивший на его место игумен Иоанн П. П. Яковлеву: «Многоуважаемый и добрейший Павел Петрович! Ваше святое

[1] Т. 1. С. 216.

участие в моем отношении к вверенной мне обители Святителя Николая как бы воскриляет меня к предстоящим трудам. Вашим радушием, Вашей опытностию не лишайте меня во дни скорбные. Сегодня я отправил к отцу Благочинному рапорт о дозволении Отцу Архимандриту Аполлосу выехать в С. Петербург. Прошу Вас, похлопочите о скорейшем разрешении сего обстоятельства, ибо отец Архимандрит Аполлос, живя в настоятельских келлиях, не освобождает их добровольно. Оскорблять его, и без того скорбного, не хотелось бы, да и стеснять себя бивуачной жизнию не приходится. Вы знаете, и в расстройстве разных частей хозяйства достаточно хлопот, помимо тех, которые составляются из фантазий о. Аполлоса. Он удивительный человек по этой части... ничего не думает и ничего не ждет, а так себе живет преспокойно и вдобавок ездит по гостям.

Прилагаемые книги примите благосклонно как плоды трудов моих в минувшие дни свободы и отдохновения среди возложенных на меня послушаний.

Игумен Иоанн
14 дек. 1863 г.»[1]

Приютил тогда о. Аполлоса архимандрит Игнатий (Малышев), и таким образом он снова оказался в Сергиевой пустыни, где и закончил в 1874 г. свой земной путь.

* * *

Эти двое, о. Феофан Комаровский и о. Аполлос Попов, были исключениями в среде благонравной братии Сергиевой пустыни. М. В. Чихачев писал, что деятельности настоятеля особенно помогало «умение выбирать людей и его знание сердца человеческого, которым он умел привязывать людей к делу, им доверяемому. Он искал развить в человеке преданность поручаемому ему делу и поощрял ее одобрениями и даже наградами и повышениями. Окружая себя людьми со способностями и силами, он быстро достигал своих целей и приводил намерения свои в точное исполнение».

Одним из таких людей «со способностями» в Сергиевой пустыни был о. Игнатий Васильев, прозванный Игнатием большим, в отличие от Игнатия Малышева — маленького. В миру Федор Михайлович Васильев, он происходил из купеческого звания,

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 5. № 11.

родился в Петербурге в 1806 г., образование получил в уездном училище. Уже с двадцатилетнего возраста он ощутил в себе тягу к монашеской жизни. В 1832 г. поступил послушником в Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, а оттуда в 1834 г. перешел в Сергиеву пустынь к архимандриту Игнатию, которым и был пострижен в монашество 2 сентября 1837 г. В 1839 г. он иеромонах, в 1841 г. — казначей пустыни. После перехода о. Аполлоса в Старо-Ладожский Николаевский монастырь он был 25 февраля 1844 г. назначен на его место наместником.

Отец Игнатий (Васильев) был личностью незаурядной, но для воспитания в нем настоящего монашеского духа отцу архимандриту Игнатию Брянчанинову пришлось затратить немало усилий. «Владея сильным тенором, с необыкновенно благообразной наружностию, он был весьма благолепен в богослужении и, как человек умный, ловкий, бойкий от природы, имел способность снискивать благорасположение людей вообще. В новоначалии своем он нес послушание старшего келейника при архимандрите, где сделался известен всем, посещавшим настоятеля, что и облегчило ему впоследствии, когда он был возведен на степень священнослужащего и наместника, поддержать и распространить свои знакомства».

При всех своих положительных качествах о. Игнатий большой не лишен был тщеславия. Об одном из эпизодов, характеризующих его с этой стороны, рассказывает в своих «Воспоминаниях» архимандрит Игнатий (Малышев) (см. с. 351). Не лишен был Игнатий большой и чувства зависти. Замечая, что его тезка, Игнатий маленький, пользуется особенным расположением Архимандрита и посетителей монастыря, он невзлюбил его. В 1847 г., когда Архимандрит был в отпуске в Николо-Бабаевском монастыре, а он замещал его в должности наместника, он однажды, глухой осенью, в распутицу, послал маленького Игнатия без особой необходимости в открытой повозке в Ладожский монастырь. Посланный жестоко простудился и на обратном пути заболел так, что не в силах был доехать до пустыни. И только попечение родных, при помощи Божией, помогло ему встать на ноги и возвратиться в обитель.

Несмотря на подобные слабости характера о. Игнатия (Васильева), Архимандрит любил его за способности, за прекрасный голос, за деловые качества и относился к нему с большим доверием. Во время его отпуска о. Игнатий большой с 17 июня 1847 г. по 12 июня 1848 г. «по указу Св. Синода управлял оною пусты-

нею, с передачей ему всего монастырского имущества и денежных сумм». Благодаря частой переписке архимандрит Игнатий оставался в курсе всех дел в пустыни, давал советы и указания. Всего за время отпуска, несмотря на болезненное состояние, он написал о. Игнатию 44 весьма пространных письма. Письма эти чрезвычайно интересны, так как значительно дополняют сведения о настоятельской и хозяйственной деятельности архимандрита Игнатия, также характеризуют его отношения с братством, находящимся на его попечении. Из них можно также узнать о его путешествии из родной обители в Бабайки и о впечатлении от монастырей, которые он посетил.

Первым монастырем на его пути был Юрьев (под Новгородом). «Отец Архимандрит принял меня очень благосклонно; сегодня утром был я у ранней обедни в нижней пещерной церкви… С колокольни смотрел на Новгород и его окрестности. Здесь тихо; отдыхает душа и тело; но ничто не отозвалось во мне поэтическим вдохновением, как то было на Валаме». Затем — Москва. «Преосвященного Митрополита нет в Москве; он путешествует по некоторым местам Епархии; мне придется дождаться его. …В четверток был в Угрешской обители, которая, несмотря на близость свою к Москве, посещается Богомольцами очень мало и потому — очень уединенна. …В пятницу был я в Кремле для поклонения его святыням. Угрешский был моим путеводителем. …Был в монастырях: Чудове, Новоспасском, Симонове, Донском.

…Скажу одно: братиям нашей Сергиевой Пустыни должно благодарить Бога, что Он привел их в эту обитель, в которой довольно строго наблюдают за нравственностию, чем сохраняют молодых людей, дают им возможность устроить себе благонравие, составляющее существенное достоинство инока». И в следующем письме: «Завтра думаю ехать в Бородино; затем воротиться в Москву не более как на сутки и пуститься через Лавру, Ростов, Ярославль в Бабайки и Кострому». И уже из Бабаек: «В двух обителях на пути моем принят я был как родной: в Угрешской и Бородинской. Угрешский отец игумен думает на покой. …Бородинская Г-жа Игуменья приняла очень радушно. Первый день занимался беседою с одною ею, а Степана тормошили сестры. На другой день некоторые из них познакомились со мною. А когда я уезжал, то некоторые из них, провожая со слезами, говорили: мы с Вами — точно с родным отцом, как будто век знали. И я с ними породнился — есть такие пре-

красные души, многие с хорошим светским образованием». Следует добавить, что по этим впечатлениям архимандрит Игнатий вскоре выпустит небольшую брошюру «Воспоминание о Бородинском монастыре», а с госпожою Игуменьей продолжит сношения посредством переписки.

По прибытии в Бабайки, несмотря на болезненность и утомление, архимандрит Игнатий сразу же включается в дела оставленной им обители. Сергиева пустынь к тому времени владела 215 десятинами земли, на осушение которой от болот, расчистку и обработку было затрачено немало сил и средств; М. В. Чихачев отдал на эти работы все свое состояние — 40 тыс. рублей. Поскольку наступило время уборочных работ, от результатов которых в значительной мере зависело благосостояние обители, тема урожая весьма часто возникает в письмах отца Архимандрита. «Относительно того, что трава скошена молодою, моложе, чем прошлого году, я согласен с Хуторным. Желаю Вам убрать рожь и овес благополучно. Если овса будет довольно, то часть можно продать и на часть этих денег купить хоть 20 коров и бычка, чтоб они во время зимы накопили навозу для ржаного поля», — пишет он 14 августа 1847 г. А в следующем письме: «Очень рад, что сенокос убран благополучно; желаю, чтоб вы успели убрать так же благополучно хлеб и овощи. Присматривался я к полям при моем путешествии: точно — трудно встретить такую обработку, какова она у нас, и такой чистый и рослый хлеб, каков он у нас». Затем, в письме от 7 сентября: «Очень рад, что уборка полевых продуктов идет успешно: я по всей дороге не видал таких хлебов, какие у нас. О косулях я сам думал: нахожу, что удобнее будет прислать зимою; водою, кажется, уже поздно. Мне сказывали здешние агрономы, что траву непременно должно посыпать гипсом, высевая 30-ть пудов на десятину; гипс действует два года; а на один и тот же участок сыплют его не раньше, как через 8-мь лет, тоже по какой-то причине, которую мне не могли хорошенько изъяснить, которую и я не хорошо выслушал». 29 сентября: «Прилагаю при сем описание о посеве клевера, сделанное одним из знаменитейших здешних агрономов. Подумайте — нельзя ли у вас завести одного участка чисто клеверного». 23 октября: «Жаль, что коров купить не на что. Задний участок, т. е. ту именно часть его, в которой очень плохо родилась трава, спахать и удобрить золотом, на нем посеем овес. А вместо ржаного поля отделаем место за валом — надо когда-нибудь его отделать». И 24 марта 1848 г.:

«За урожай благодарю Бога, благодарю и тебя, душа моя, за твои распоряжения. Вероятно, за продажею овса и сена Вы могли очиститься от долгов, накопившихся во время монастырской бездоходицы. Шесть косуль[1] лучшей работы сделаны по заказу Паренсова[2], который сам хлопотал, в Вологде сделаны и отправлены на имя твое. Они стоят по 10 руб. ассигнациями каждая. ...Но провоз по нынешним плохим дорогам будет стоить дороронько: просят 87 руб. ассигнациями — не знаю, на чем согласились». Трудно представить себе, что подобными делами приходилось заниматься автору «Аскетических опытов». «Но что же делать? Такова судьба Настоятелей». Хозяйский глаз пригодился и в Бабайках: «Пред самым монастырем, шагах в 100 от св. ворот, обильно сочилась вода, не замерзающая, по сказаниям жителей, и зимою. Я нанял, чтоб очистили это место и впустили струб в 2 аршина вышиною. Что ж? Ударило до двадцати ключей, и мы имеем чистейшую, как хрусталь, воду, из которой образуется ручей, текущий в Волгу».

При таких хозяйственных талантах отцу Архимандриту приходилось быть очень экономным и учитывать каждый рубль, потраченный на его скромные потребности: «Не думаю от вас требовать много денег; однако деньги нужны на больных. Подумай же: что здесь живут на своем иждивении сам-шесть; на всем покупном». И далее: «Письмо твое и при нем деньги 185 р. серебром я получил. Точно, как ты и догадываешься, это очень мало, судя по требованиям, которые здесь рождает и мое лечение, и лечение двух больных, Стефана и Сисоя. Но и за это слава Богу! Сколько людей достойнее меня, а нужды терпят более меня». Это было в январе, а в марте: «Сделай милость, пришли мне двести р. серебром в счет кружки. Очень нуждаюсь; занял 120 сереб<ром>, и из тех только 10 асс<игнаций> осталось. Больные очень дорого стоят. Их содержу, лечу; и себе, и им прислугу нанимаю...»

Однако не только о земном размышлял и писал архимандрит Игнатий в Бабайках; забота об оставленном братстве не покидала его, он пишет «Послание к братии Сергиевой пустыни», в котором снова напоминает о необходимости глубже вникать в Слово Божие и осуществлять его жизнию: «Пребывая с вами, всегда напоминал я вам, увещевал вас заниматься Словом Божиим: оно может даровать нашей шумной обители достоинство

---

[1] *Косуля* — соха, отваливающая землю только на одну сторону. ‖ [2] *Паренсов Димитрий Тихонович* — муж сестры Святителя, Елизаветы Александровны.

обители уединенной; оно может построить духовную ограду вокруг обители нашей, не имеющей вещественной ограды... Находясь в отсутствии, не нахожу ничего лучшего, как повторить вам письменно то, что говорил устами» (полностью приводится ниже). А отцу наместнику он поверяет следующие мысли: «Ныне мудреное время; где ни насмотрелся — везде зло берет верх, а благонамеренные люди находятся в гнетении. Спаситель мира повелел стяжевать души свои терпением. Полагаюсь на волю Божию. Здешнее уединение показывает мне ясно, что по природным моим свойствам и по монастырскому моему образованию — быть бы мне пустынником; а положение мое среди многолюдного, столичного города, между людьми с политическим направлением, — есть вполне ненатуральное, насильственное. Молитва и слово Божие — вот занятие, единственно мне идущее. При помощи уединения могли бы эти два занятия, кажется мне судя по опытам, очень процвести, и желал бы я ими послужить ближним. Для прочего служения есть довольно людей, с преизбытком; а для этого ныне, просто сказать, не найти». Судя по всему, несмотря на гнетущие его болезни, именно этим занятиям он посвящал в Бабайках большую часть времени. «Лежу и лежу», — часто повторял он в письмах. Нельзя, однако, принимать эти слова буквально. Есть достаточно свидетельств огромной работы его ума в этот период. Несомненно, что он использовал впервые полученный отпуск и уединение для обдумывания и написания отдельных статей, вошедших потом в его «Аскетические опыты». Об этих своих трудах он почти никому не писал, но некоторые мысли проскальзывают в его письмах духовным чадам. Здесь, в Бабайках, он написал «коротенькую брошюрку “Воспоминание о Бородинском монастыре”» и другое сочинение[1] по просьбе своих друзей Александровых. Наконец, письма. «У меня подобных посланий накоплено на целую книгу. Когда Бог даст мне возвратиться в свое время, во время мира, по исшествии Бонапарта и усмирении Пугачева, — может быть, я решусь и на напечатание упомянутого собрания, по должной выправке и вычистке оного», — по содержанию и слогу их можно было бы отнести к числу самых замечательных его сочинений, написанных для мирян. И если их объединить вместе, то они действительно составили бы полновесный том.

[1] Статья «Житейское море», включенная позже в «Аскетические опыты».

По представлению архимандрита Игнатия Брянчанинова, «за исправное управление Сергиевой пустынью» во время его отсутствия о. Игнатию (Васильеву) «была объявлена признательность Епархиального начальства».

22 марта 1851 г. Игнатий (Васильев) был перемещен «для пользы службы в первоклассный Юрьев монастырь наместником же»; 23 августа 1853 г. определен настоятелем Свято-Благовещенской Никандровой пустыни и через полгода произведен во игумена. Много трудов он положил для благоустройства своей обители, за что 30 мая 1865 г. возведен в сан архимандрита. Скончался он 18 декабря 1870 г.

Вообще, архимандрит Игнатий Брянчанинов, будучи сам талантливейшим человеком, с большим уважением и благорасположением относился к талантам других. Много усилий затрачивал он для привлечения в пустынь людей с различными способностями, не останавливаясь тратить для этого личные средства, как это случилось, например, с будущим иеродиаконом о. Гедеоном, обладавшим красивым голосом — баритоном, которого он выкупил у фабриканта Жукова за 200 рублей. Воспитывая своих учеников, приучая их к исповеданию помыслов, он в то же время поощрял их к духовному самообразованию путем чтения творений святых Отцов и для этого постоянно выписывал вновь издаваемые книги, в том числе издания Оптиной Пустыни. Он присматривался к их способностям и, заметив оные, стремился к их развитию. Таким образом ему удалось воспитать по крайней мере двух в будущем замечательных деятелей Церкви.

* * *

Первый — это, конечно, Игнатий маленький, до пострижения Иван Васильевич Малышев. Он родился 24 марта 1811 г. в деревне Шишкине Даниловского уезда Ярославской губернии. Образование получил домашнее. Когда ему исполнилось 12 лет, родители привезли его в Санкт-Петербург и отдали в учение к купцу Лесникову. Семья этих купцов в дальнейшем стала одним из благотворителей Сергиевой пустыни. С раннего возраста Ваня полюбил посещать храмы, и у него проявилось желание уйти в монастырь. Ему посчастливилось познакомиться с о. Игнатием Брянчаниновым почти сразу же после приезда того в Петербург, и о. Игнатий согласился принять его в послушники Сергиевой пустыни. Таким образом, Ваня прибыл в эту обитель одновре-

менно с архимандритом Игнатием и М. В. Чихачевым и стал первым келейником о. настоятеля. Скромный, молчаливый, в то же время одаренный природным умом и способностями, обладавший поэтической натурой, он вошел в душу своего наставника, и тот очень полюбил его. Но кого любят, тому и больше достается. В первые годы послушничества на долю Ивана Васильевича выпало немало испытаний. В пустыни не хватало братства, и ему, наряду с послушанием келейника, приходилось быть свечником, кружечником и помогать в просфорне. Дела было столько, что он иногда и в трапезу не успевал ходить. Он не имел не только своей кельи, но даже кровати и ночи проводил то на стульях, то на полу, то на подоконнике в спальне настоятеля. Часто приходилось ему переносить и поношения, и унижения от настоятеля (как и тому в свое время от старца Леонида). Но молодой инок принимал все со смирением, понимая, что настоятель поступал так, желая ему пользы. И несмотря на все труды и подвиги, он был счастлив, что живет в монастыре и при таком наставнике: «Я был в таком настроении, что от радости иногда не ощущал земли под ногами, а проходил из церкви по всему монастырю, как по воздуху; весь ум был в созерцании неизреченного наслаждения внутреннего»[1].

Однажды ему пришлось ходить за больным меньшим келейником настоятеля. Сидя у больного, начал он копировать картинки из книг. Настоятель, навещая больного, заметил его способности к живописи и предложил ему поучиться в Академии.

Три месяца прожил молодой послушник в Петербурге, беря уроки у знаменитых художников. Особенно много он получил от Карла Павловича Брюллова, который считал его очень способным. Об этом периоде своей жизни он написал много лет спустя, уже будучи настоятелем Сергиевой пустыни, в «Воспоминаниях», напечатанных в «Русской старине» (1883 г. октябрь).

«С этого времени Иван Васильевич постоянно занимался живописью. Его руками был написан почти весь трехъярусный иконостас соборного храма Святой Троицы»[2].

В 1839 г. Иван Васильевич Малышев был пострижен в рясофор с именем Игнатия, в 1842 г. — в мантию; 1 апреля 1844 г. он был рукоположен в сан иеродиакона, 2 апреля — в сан иеромонаха.

[1] Жизнеописание настоятеля Троице-Сергиевой пустыни Архимандрита Игнатия (Малышева). СПб., 2000. С. 20. || [2] Там же. С. 26.

«Пользуясь наставлениями и полным руководством духовного своего отца, о. Игнатий, одаренный редким природным умом и необыкновенной сметливостью, иногда незаметно и сам служил полезным советом в делах своему наставнику. Изнуренный болезнями и скорбями, о. Архимандрит не отвергал этих советов, но тут же, случалось, и смирял своего ученика, выгоняя его иногда из кельи в присутствии других. ...О. Игнатий, как уже опытный в монашеской жизни, переносил все с любовью. ...Вместе с тем никто, кроме маленького Игнатия, не умел успокоить о. Архимандрита во время его болезней, когда он, встревоженный, нервный, посылал за ним. Тот молча, иногда одним своим присутствием, успокаивал его, а потом, по усмотрению, развлекал его разговорами»[1].

За свою скромность, неискательство, мягкий характер о. Игнатий был сердечно уважаем всеми посетителями Сергиевой пустыни. Он был принят во многих аристократических домах как друг и наставник, «не послабляя, впрочем, хозяевам ни в чем». Даже Императрица Александра Федоровна, приезжая в пустынь, заходила в его келью посмотреть его живопись. Однажды он решился преподнести ей икону своей работы и удостоился получить от нее подарок.

В 1848 г. в Петербург была занесена холера. Не хватало священников для исполнения церковных треб и напутствия больных. Потребовали монахов из монастыря, в числе их был о. Игнатий (Малышев), который ревностно и бескорыстно исполнял все требы, разъезжая целый день с иконою в разные концы города. Тогда же скончалась и его матушка.

Братья о. Игнатия, старший Макарий, в монашестве Моисей, в схиме опять Макарий, и младший Петр, в монашестве Платон, тоже к этому времени вступили в Сергиеву пустыню. Они приносили обители немалую пользу. О. Макарий, еще находясь в миру, пожертвовал в ее пользу весь свой благоприобретенный капитал в 50 тысяч рублей ассигнациями. На эти деньги в 1840 г. был выстроен большой деревянный, на каменном фундаменте корпус братских келлий.

К 1850 г. маленького Игнатия начала преследовать мысль о необходимости перестройки теплой церкви во имя преподобного Сергия Радонежского. «Давно нуждалась Сергиева пустынь в пространной церкви, — писал он позже. — Помнят благочестивые

[1] Жизнеописание настоятеля Троице-Сергиевой пустыни Архимандрита Игнатия (Малышева). С. 27.

посетители, как бывало тесно в старой Сергиевской церкви в великие посты и в большие праздники. Многие богомольцы не могли вмещаться и оставались вне оной». Отец Игнатий начал подговаривать Архимандрита о постройке новой церкви. Княгиня З. И. Юсупова согласилась, по его просьбе, пожертвовать на новое строительство 40 тысяч рублей. Но архимандрит Игнатий испытывал большие сомнения: он понимал, что таких денег на строительство не хватит, не хватит и у него самого сил на организационные хлопоты и трудности, обязательно сопровождающие всякое новое дело. Маленькому Игнатию удалось все же убедить его, при условии, что все хлопоты он возьмет на себя. Архимандрит выбрал архитектора А. М. Горностаева, известного ему по постройкам в Валаамском монастыре, и утвердил разработанный им проект большого трехнефного храма.

Разборка старого здания и закладка нового состоялись в 1854 г. «Ревнуя с теплотой о благолепии храма преподобного Сергия, отца обители, и не желая ввести в затруднение настоятеля, о. Игнатий [Малышев] начал заботиться о доставлении материалов экономическим образом. До тех пор известно было, что во всей окрестности не было найдено ни куска гранита. О. Игнатий, как бы по внушению, ежедневно рано утром отправлялся в лес для приискания гранита... Господь видимо помогал труженику. И вот, наконец, в ненастный ноябрьский день он хотел уже возвратиться в обитель, как почувствовал под палкой более твердую почву; разрыл мох и нашел кусок гранита самого лучшего качества. Немедленно приступили к раскопке и нашли огромного размера камень, вроде яшмы, которого хватило на все колонны, и с этих пор недостатка в граните не было, и его хватило на все последующие постройки»[1].

Немало искушений претерпел о. Игнатий (Малышев) при строительстве, немало труда и даже жертв пришлось ему понести. Из-за нехватки средств Архимандрит предлагал поставить резной дубовый иконостас, а маленький Игнатий, «желая, чтобы в храме все было великолепно, настаивал на мраморном иконостасе». Чтобы восполнить недостающую сумму, он решился продать подаренную ему картину Брюллова — «ракурс плащаницы», которую княгиня Юсупова купила за 1,5 тысячи рублей. Много потрудился о. Игнатий непосредственно в храме: сам, подолгу ползая по полу, распланировал мозаичный гранитный

[1] Жизнеописание настоятеля Троице-Сергиевой пустыни Архимандрита Игнатия (Малышева). С. 37.

паркет, изображения святых в медальонах почти все написаны были его рукой, разноцветные стекла с узорами также были сделаны по его рисунку. Освящение храма состоялось уже после отъезда святителя Игнатия в Ставрополь, 20 сентября 1859 г.

Труды Игнатия (Малышева) по построению храма принесли пользу ему самому: будучи уже образован как живописец, он приобрел огромный опыт как архитектор, что сказалось на его последующей деятельности.

В начале 1857 г. бывший наместник Сергиевой пустыни иеромонах Иларион был переведен в Юрьевский монастырь, и 15 апреля на его место был назначен о. Игнатий (Малышев). Число братства пустыни состояло к этому времени из архимандрита, 14 иеромонахов, трех иеродиаконов, двух диаконов, шести монахов, 20 послушников и десяти богомольцев. Через несколько месяцев архимандрит Игнатий Брянчанинов был хиротонисан во епископа Кавказского и Черноморского. По его предложению и по выбору всей братии Сергиевой пустыни новым настоятелем назначался Игнатий (Малышев). 17 ноября 1857 г. в Казанском соборе он был возведен в сан архимандрита. «Сердце нашего батюшки пребудет в Сергиевой пустыни», — писал в связи с этим один из учеников святителя Игнатия.

Действительно так: будучи ближайшим учеником и, можно сказать, другом Преосвященного Игнатия в продолжение 24 лет, маленький Игнатий, став его преемником, ни в чем не изменил привычного уклада в жизни пустыни. Не будучи таким образованным, он тем не менее многое перенял от учителя и в способе управления, и в манере поведения и общения с постоянными прихожанами монастыря и не растерял ее обычных благотворителей. По присущему ему смирению и доброте, для паствы он был скорее отцом, чем настоятелем. И паства относилась к нему с должным почтением. Таким образом, он оставался настоятелем пустыни 40 лет и многое сумел сделать на ее пользу и вообще на пользу Церкви.

После отъезда Преосвященного Игнатия в Ставрополь Игнатий маленький постоянно изъявлял желание приехать к нему. Епископ Игнатий, хотя и сам желал увидеться с ним, но из собственного опыта зная, что из этого может получиться, предостерегал его. В письме М. В. Чихачеву от 10 марта 1862 г. он писал: «Если встретил затруднение в получении отпуска, то лучше и не начинать, тем более, что в поездке никакой крайности нет. В особенности же о. Архимандрит [Игнатий Малышев] должен

быть осторожным и для себя и для обители». А в письме от 17 марта 1863 г.: «Очень буду рад посещению о. Архимандрита, но заблаговременно могу сказать, что к советам я потерял способность, если и имел ее». Но и эта предполагаемая встреча не состоялась.

Архимандрит Игнатий (Малышев) в письмах уговаривал Преосвященного Игнатия издавать свои сочинения. «Передай о. Архимандриту, — отвечал Преосвященный в письме М. В. Чихачеву от 10 августа 1860 г., — что я никак не желаю, чтоб ныне они были напечатаны, по многим причинам, между прочим, и по той, что я их выправляю и пополняю. ...У о. Архимандрита имеется снимок многих моих сочинений в память о мне грешном и в память того, что я, хотя сам мало знал, но что знал, то братии сообщал в общее спасение. Почему прошу и молю о. Архимандрита моих сочинений не печатать ни в целом виде, ни в выписках, ни в переделанном виде». Но в 1865 г., когда уже вышли из печати первые тома «Аскетических опытов», святитель Игнатий писал брату — 1 мая: «Дай Бог, чтоб книга была сколько-нибудь полезна современному христианству. Получил от Архимандрита Игнатия и от Норова письма, в которых видно их сочувствие к учению, изложенному в “Опытах”». Вероятно, речь идет о следующем письме о. Игнатия (Малышева):

«Ваше Преосвященство!

Лежу я в том самом углу, в котором Вы лежали, и почитываю книжки, которые Вы мне прислали. При чтении оных пришло мне на память библейское событие: “Бысть глад во Израиле при Илии пророце, заключися небо три лета и месяц шесть”.

Тогда томилось человечество, томится и теперь, не гладом пищи, но гладом слышания слова Божия.

Вы отверзли небо — потекли воды, и жаждущие люди напоились. Вы дали пищу, которая алчущих питает. Так я разумею о Ваших творениях и от избытка чувств и душевной благодарности ничего более сказать не могу. Тот лучше знает, что дает бедной душе, кто, благодатно созерцая, уделяет от этой трапезы неимущему.

Ваша книга — книга жизни! И учения воды живы, напоящие души человеческие. Это учение в наше скудное время необходимо, как вода во времена пророка. Хотя есть и другие источ-

ники, похожие на настоящие, но, к сожалению, — живописные, не утоляющие жажды; а сколько предлагается мутных, ядовитых для бедного человечества! Напившиеся из таких источников, хотя не поражаются смертью телесной, но смерть души приобретают.

Как бы мне хотелось, Владыко, вырваться к Вам, хотя бы на короткое время, но не предвижу возможности».

И когда чуть было не приостановилось издание следующих томов, святитель Игнатий писал С. И. Снессоревой 25 января 1864 г.: «Богу угодно дозволить, чтоб и остальные два тома моих сочинений были напечатаны. Когда я прочитал в письме Вашем к Петру Александровичу намек на некоторую надежду склонить И. И-ча к исполнению намерения его, высказанного им с самого начала, то почувствовал побуждение написать об этом Отцу Игнатию. И Бог благословил начинание, истекшее от Вас».

Также святитель Игнатий обращался к посредничеству своего бывшего ученика, когда начал хлопоты об увольнении от управления Епархией. 31 июля 1861 г. он писал М. В. Чихачеву: «Попроси от меня о. Архимандрита Игнатия, чтоб он поговорил о мне Митрополиту, а если нельзя прямо, то через Преосвященного Викария. <...> Прошение [об увольнении] послано 24 июля, следовательно, переговором надо поторопиться».

До конца своих дней святитель Игнатий не прерывал сношений с Сергиевой пустынью и со своим первым учеником, ее тогдашним настоятелем. В мае 1862 г. он переслал ему свой наперсный крест, украшенный бриллиантами, розами и сибирскими аметистами, для употребления при богослужении им самим и последующими настоятелями.

Когда в Сергиевой пустыни было получено известие о кончине Преосвященного Игнатия, архимандрит Игнатий (Малышев) написал прошение Митрополиту Исидору об увольнении на погребение «Духовного Отца и Благодетеля, Преосвященного Игнатия». Но и тогда отпуск он не получил. 7 мая 1867 г., в день, на который первоначально были назначены похороны, он служил соборне Литургию и панихиду в Сергиевой пустыни.

В память о своем духовном отце архимандрит Игнатий (Малышев) подготовил и опубликовал хранившиеся у него письма (без указания адресата) в приложении к «Жизнеописанию Святителя, написанному его друзьями и близкими», изданному в 1881 г.

Как уже было сказано, благодаря трудам о. Игнатия (Малышева) Сергиева пустынь обрела новый прекрасный храм во имя преподобного Сергия Радонежского. В 1861 г. Андрей Николаевич Муравьев пожертвовал для него «малый крест» с частицею мощей Преподобного, который был помещен при его образе. А. Н. Муравьев вообще был очень расположен к о. Игнатию. В 1864 г. он еще пожертвовал в обитель крест с частицами мощей разных угодников Божиих и между ними св. Игнатия Богоносца.

Интенсивная строительная деятельность продолжалась в пустыни во все годы настоятельства архимандрита Игнатия (Малышева). Несмотря на многие искушения, ему удалось закончить до 50 построек, некоторые из которых явились настоящими жемчужинами архитектуры. В 1862 г., по проекту А. М. Горностаева и на средства благотворителя М. В. Шишмарева был построен братский корпус с надвратною церковью во имя святого Саввы Стратилата. А в 1884 г. было закончено строительство огромного храма Воскресения Христова в византийском стиле по проекту самого отца архимандрита Игнатия (Малышева) и профессора Академии художеств А. А. Парланда. В нижнем этаже храма помещалась церковь во имя святого Архистратига Михаила в память погребенного здесь вице-адмирала М. П. Голицына. Увы! Эта жемчужина была уничтожена в 1962 г.

Обессмертило имя архимандрита Игнатия (Малышева) как архитектора другое строение. 1 марта 1881 г. случилось ужасное событие: смерть Царя-мученика Александра Николаевича. Через некоторое время на рассмотрение Государя Александра III были представлены проекты предполагаемого храма-памятника на месте страшного события. В составлении их участвовали все профессора Академии и многие иностранцы. Ни один из представленных проектов не был одобрен. В Жизнеописании архимандрита Игнатия (Малышева) рассказывается, что 25 марта, в день Благовещения, готовясь совершать Литургию, он сидел у своего рабочего стола и машинально начал чертить карандашом; смотрит — выходит храм, продолжает и «в какой-нибудь час времени начертил фасад большого великолепного храма». Не имея времени, он пригласил архитектора Парланда составить чистовой план храма. Тот, не веря в успех, отказывался, но за приличное вознаграждение согласился отделать план. Когда рисунки были окончены, их представили на

Высочайшее рассмотрение. В ноябре месяце пришло известие, что проект одобрен и утвержден Государем Императором. Но пока ждали ответа, у отца Архимандрита возникли новые идеи по более великолепному виду храма, и он снова принялся за рисунки и снова уговорил Парланда заняться отделкой плана. Одновременно он обратился к Великому Князю Владимиру Александровичу с письмом, в котором рассказал о случившемся. Великий Князь лично доложил о новом проекте Государю, которому он понравился больше первого. В сентябре 1883 г. назначена была закладка храма, причем церемониал этого торжества поручено было составить архимандриту Игнатию. Также ему было поручено составить воззвание к русскому народу. При этом Великий Князь сказал ему: «О. Архимандрит, напишите нам воззвание, ведь вы у нас писатель и никто теплее вас не напишет».

Вышесказанное, как и многие другие факты, свидетельствует об исключительном благорасположении царственной семьи к архимандриту Игнатию. Замечание Великого Князя указывает, что он был известен и как автор «Слова в защиту русских монастырей» и других статей. А несколько позже он опубликовал двухтомный труд «Краткие жизнеописания русских святых», переизданный уже в наши дни.

Следует также отметить, что архимандрит Игнатий (Малышев) был настоящим патриотом, что он с большим сочувствием относился к родственным славянским народам, страдающим от турецких нападений. Он деятельно участвовал в построении нового храма в Сараеве пожертвованием всего иконостаса. Когда началась война с турками за освобождение славян 1877–1878 гг., он принимал участие в проводах полков на славные подвиги. А когда начали прибывать раненые, он обратил один из корпусов монастыря в военный госпиталь и определил двоих из братий для ухода за ними. Великая Княгиня Александра Иосифовна приняла госпиталь под свое покровительство.

Приближался 40-летний юбилей настоятельства архимандрита Игнатия (Малышева) в Сергиевой пустыни. «Как бы не было со мной, как с охотником на медведя: 39 убьет, а с сороковым не сладит», — шутил он, когда ему напоминали об этом. Действительно, здоровье начало сильно изменять ему. В мае 1897 г. он тяжело заболел, и болезнь стремительно развивалась. «15-го вечером болящего посетил о. Иоанн Кронштадтский и, видя, что

больной с трудом говорит, прочел разрешительную молитву». Ближе к ночи старец мирно почил на руках ближних учеников. Тело почившего было погребено в храме Воскресения Господня в приделе Архангела Михаила. Над могилой была поставлена мраморная гробница, на верхней стороне которой выгравированы слова: «Твой есть аз, спаси мя».

В настоящее время честные останки архимандрита Игнатия (Малышева) обретены нынешним возродителем пустыни отцом игуменом Николаем (Парамоновым) и в специально сооруженной раке покоятся в церкви преподобного Сергия для поклонения богомольцев, которых все больше притекает в пустынь, овеянную духом выдающихся подвижников Божиих.

* * *

Благодаря местонахождению Сергиевой пустыни благочестивая, подвижническая жизнь архимандрита Игнатия (Малышева) не была скрыта за монастырскими стенами, была на виду у многих его поклонников. Наоборот, жизнедеятельность другого замечательного ученика и сподвижника святителя Игнатия Брянчанинова, отца Иустина (Татаринова), не менее любимого и близкого, проходила далеко от столиц, в уединенных Бабайках, где круг его общения был очень ограниченным.

Архимандрит Иустин (в миру Иван Григорьевич Татаринов) родился в 1827 г. в Петербурге. По-видимому, он рано осиротел, потому что уже с девятилетнего возраста находился в Старо-Голутвинском монастыре, где приготовлялся к монашеству. Представляется вероятным, что святитель Игнатий Брянчанинов узнал его в 1847 г. во время пребывания в Москве по пути в Николо-Бабаевский монастырь. Во всяком случае, с конца этого года Иван Григорьевич находился в Сергиевой пустыни и по возвращении настоятеля из отпуска занял место его старшего келейника.

Несомненно, что в молодом послушнике внимание Святителя привлек его необыкновенно красивый и чистый голос — тенор, и, взяв его в свои ученики, он прежде всего озаботился развитием его редкого дара. Несмотря на то что в пустыни были свои регенты и учителя пения, он упросил заниматься с Иваном Григорьевичем великого русского композитора М. И. Глинку. Михаил Иванович тоже полюбил способного молодого человека: «...Оставляю это до приезда Ивана Григорьевича, которого

прошу по возвращении навещать меня...» — писал он архимандриту Игнатию; он с участием отнесся к его образованию и совершенствованию и приготовил из него «замечательного певца и композитора духовных песнопений в чисто православном духе».

В 1854 г. Иван Григорьевич был пострижен в рясофор. В 1855 г. он отпросился у архимандрита Игнатия для посещения святых мест. Архимандрит писал 20 июля этого года оптинскому старцу Макарию Иванову: «Не оставьте Вашим милостивым приемом и руководством моего келейного, рясофорного Иоанна Татаринова». В этом же году Архимандрит начал переговоры о своем переходе в Оптину Пустынь. «Также примите и Иоанна, — писал он о. Макарию 10 ноября. — ...Он редкий человек и по душе и по уму и достоин того, чтоб Вы его приняли: ибо по своему таланту он мог бы иметь значительное земное преуспеяние, но оставил и желает и впредь оставлять все ради Бога. Понимая, как в настоящее время необходимо для него держаться благой дружины иноческой, он желает сопутствовать мне, дабы и по моей смерти принадлежать к обществу спасающихся. Если Богу будет угодно, то мы не будем в тягость для уединенного скита, а может быть, и в некоторую, хотя и малейшую помощь. Иоанн не мог долее оставаться в Оптиной, ибо его пашпорта уже истек срок; но он был посреди учеников Ваших, как посреди своих и давнишних знакомых, — такое они преподали ему чувство; между тем как в прочих обителях все и всё ему было чуждо».

Как известно, перемещение в Оптину не состоялось. После возведения в 1857 г. архимандрита Игнатия Брянчанинова во епископа Кавказского и Черноморского рясофорный монах Иоанн последовал за ним в Ставрополь. Там 17 апреля 1858 г. епископ Игнатий постриг его в монашество, о чем и сообщал своему постоянному корреспонденту игумену Валаамского монастыря Дамаскину в письме от 21 июля 1858 г.: «Ивана Григорьевича постриг в монашество, нарек Иустином и посвятил в иеромонаха». В том же году отец Иустин был назначен экономом архиерейского дома, а в 1859 г. возведен в сан игумена.

В июле 1861 г. епископ Игнатий Брянчанинов подал рапорт в Святейший Синод, а также обратился к Государю Императору с просьбой об увольнении, которое и последовало 5 августа. 13 октября он прибыл в Николо-Бабаевский монастырь, который был дан ему в управление. Вместе с ним прибыли: игумен

Иустин, ризничий иеромонах Каллист, иеромонах Феофан, бывший духовник при Андреевской церкви Ставропольского архиерейского дома, из иноков Никифоровской пустыни Олонецкой епархии, и еще несколько послушников.

30 октября 1861 г. святитель Игнатий писал М. В. Чихачеву: «Не могу нарадоваться настоящему моему положению. После долгих страданий среди бурного житейского моря Бог привел в тихое пристанище. Все устроилось как нельзя лучше. Еще прежде моего прибытия здешний настоятель[1] исходатайствовал себе другое настоятельское место, а потому естественно, что Иустин заступил его место к общему удовольствию братства, коего налицо более 80 человек. Монастырь удобный для монашеской жизни во всех отношениях! Воздух и вода прездоровые». О том же святитель Игнатий сообщал и игумену Дамаскину в письме от 16 ноября 1861 г., в котором присовокупил: «Здесь все братские келлии пришли в ветхость и необходимо требуют перестройки: желаю, чтоб постройки здешния были сделаны прочно, с должною иноческою скромностию и удобством»[2]. Также собор был настолько ветхим, что в нем прекратились богослужения, хлебопашество было в упадке, необходимых припасов было очень мало. Поэтому и здесь приходилось начинать с того же, с чего начинал святитель Игнатий и в Лопотовом монастыре, и в Сергиевой пустыни.

Игумен Иустин был утвержден в должности наместника монастыря 28 октября 1861 г. И ему очень повезло, что в предстоящих трудах по восстановлению монастыря у него был такой руководитель, как святитель Игнатий, который сразу же определил план действий, использовал свой авторитет для привлечения благотворителей, занимался необходимой перепиской с начальством. Он даже для обеспечения монастыря средствами решился расстаться с очень дорогой для него вещью — драгоценной панагией, подаренной ему императрицей Александрой Федоровной. Он переслал ее в Петербург брату Петру Александровичу, чтобы тот вернул ее в Кабинет. На вырученные 3,5 тысячи рублей был произведен самый неотложный ремонт и куплены предметы первой необходимости. Также в целях увеличения монастырских доходов игумен Иустин, по предложению святителя Игнатия, поставил на Волге пристань против монастыря,

[1] Игумен о. Парфений, из вдовых священников, управлявший обителью с 5 октября 1859 г., по собственному прошению был перемещен в Николаевскую Надеевскую пустынь Костромской епархии. || [2] Т. 1. С. 255.

у которой останавливались все идущие мимо пассажирские пароходы. В пристроенной здесь же часовне во время остановок служились молебны и продавались свечи, просфоры и образа. Кроме того, была произведена осушка заболоченных участков земли и восстановлено хлебопашество.

Святитель Игнатий был очень доволен деятельностью своего наместника, но особенно ценил его человеческие качества. Еще 12 мая 1860 г. он писал М. В. Чихачеву: «Пишешь, что о. Иустин редкой души человек. Точно: к нему имеется особенная милость Божия. Я должен благодарить Бога, что Он, по великой милости Своей, послал мне на старость, при крайней немощи моей, человека, несущего о Господе тяготу мою». А брату, П. А. Брянчанинову, уже из Бабаек 20 февраля 1864 г.: «О. Иустин есть единственное лицо, вступившее со мною в единение по духу, имеющее самоотвержение и способное носить немощи ближних. ...Это тот человек, которому после меня наиболее свойственно быть близким Тебе». Святитель даже считал, что как его ученик о. Иустин «далеко выше Сергиевского Игнатия [Малышева], который, впрочем, имеет особенную способность и находчивость в своих сношениях с светскими».

Отец Иустин проявлял свою незаурядность и чисто в человеческом плане, об этом свидетельствует его поступок во время ледохода 1864 г. 2 апреля этого года епископ Игнатий писал брату о своем донесении в Святейший Синод по поводу «спасения 14 человек от потопления»: «Их принесло под монастырь на тихвинке и затерло льдом ближе к противоположному берегу. Поднялся вопль народа, находившегося на судне и увидевшего опасность своего положения; некоторые стояли с воздетыми к небу руками, как видно, на молитве. Помощь казалась невозможною, потому что река была покрыта ледяными глыбами. Одно известное тебе самоотвержение о. Иустина могло воодушевить некоторых из братий. Они, имея во главе настоятеля, отправились на реку и, подвергая себя очевидной опасности, спасли жизнь 14-ти человекам».

В этом же году, сообщая Святейшему Синоду о заслугах о. Иустина, святитель Игнатий рекомендовал возвести его в сан архимандрита. 29 марта 1865 г. он писал брату: «О. Иустин принял отказ о возведении в сан архимандрита с таким благодушием, как подобает монаху. Промысл Божий ведет его не по цветам, а по пути прискорбному, посреди поношения человеческого, чем отмечается человек, любимый Богом. Отказ этот душеполе-

зен и для него и для меня. Принимаем его как от руки Божией». Впрочем, святитель Игнатий был не тот человек, чтобы отступать от дела, которое считал справедливым. В начале 1866 г. указ Синода был утвержден, и 2 марта он писал Высокопреосвященному Нилу, Архиепископу Ярославскому и Ростовскому: «...позволяю себе беспокоить Вас покорнейшею моею просьбою. В ближайшее служение мое подобает мне произвести своего игумена во архимандрита, а архимандричий крест еще не прислан. Почему сделайте одолжение, повелите из подведомственных Вам мест выдать таковый крест сему письмоподателю, моему келейнику, монаху Никандру...»[1] Отец Иустин был возведен в сан архимандрита 22 марта 1866 г.

Между тем приток богомольцев в Бабаевский монастырь с прибытием туда епископа Игнатия значительно увеличился, и церковь Николая Чудотворца не могла всех вмещать. Монастырская братия и окрестные жители давно уже выражали желание построить новый храм вместо обветшавшей Иверской церкви. Но святитель Игнатий, по опыту знавший, каких средств и каких трудов это будет стоить, сомневался, осилит ли их монастырь. Позже, 25 февраля 1864 г., он писал брату: «Тебе известно, как я не желал затевать в монастыре никакой постройки, но необходимость приводит к попечениям. Живем не так, как бы желалось, но как Бог приводит жить. Он ведает полезнейшее, и настоящее положение должно признавать Его великою милостью». Отец Иустин сумел убедить его, обещав, что все заботы возьмет на себя. И 11 мая 1864 г. Святитель писал брату: «Над построением храма Богоматери очевиден перст Богоматери; даруется человекам, труждающимся в деле, помощь; вместе даруется им побороться с препятствиями и поскорбеть для их же душевной пользы, чтоб очистить дело от примеси тщеславия и других увлечений, чтоб оно было совершено в Богоугодном смиренномудрии. Таков обычный ход дел, покровительствуемых Богом».

Для подготовки места для строительства средства начали изыскивать еще с середины 1863 г. 29 августа святитель Игнатий написал Высокопреосвященному Нилу официальное отношение: «Николаевский Бабаевский монастырь имеет необходимую нужду в построении новой соборной Церкви. А как к совершению таковаго дела собственные средства монастыря недостаточны: то оказалось необходимым прибегнуть к сбору. Не откажите,

[1] Т. 1. С. 71.

Ваше Высокопреосвященство, сборщику монастыря, иеромонаху Паисию, сему письмоподателю, дозволить сбор в Ярославской епархии, чем окажете монастырю истинное одолжение». Явились и благотворители: подрядчик каменных работ ярославский мещанин И. Ф. Федотов предложил всю каменную работу по сооружению храма произвести безвозмездно своими рабочими, но из монастырского материала и на монастырских хлебах. А для начала пожертвовал 1000 рублей. В жизнеописании Святителя рассказывается, с какими трудностями пришлось столкнуться монастырю, чтобы получить разрешение на разборку ветхого и начало строительства нового храма. По Промыслу Божьему все окончилось благополучно. Составить проект храма святитель Игнатий поручил своему другу — академику архитектуры Ивану Ивановичу Горностаеву[1]. Для наблюдения за постройкой святитель Игнатий учредил особую комиссию из монастырской братии под председательством о. Иустина.

Многие искушения пришлось вынести архимандриту Иустину в связи со строительством. Несмотря на значительные пожертвования благотворителей и на денежные сборы, нередко случалось, что средства на строительство совершенно истощались. Особенно всем в монастыре запомнился один случай. Денежные средства совсем истощились, нечем было расплачиваться с рабочими. Те же, хотя не прерывали работу, но упрекали Архимандрита в неаккуратности платежа, ссылаясь на то, что им не на что кормить семьи. Придя в свою келлию, о. Иустин горько заплакал и до утра размышлял, как выйти из такого положения. Утром ему доложили, что какая-то женщина хочет видеть его. Он, думая, что это жена рабочего, не решался принять ее. Но женщина настояла, и оказалось, что она принесла денежное пожертвование, причем достаточное для расплаты с рабочими. Умершая за 30 лет до этого бабушка этой женщины завещала ей всё свое состояние с условием, что она передаст часть средств монастырю, который будет особенно нуждаться в них.

Скоро, однако, денежные средства опять истощились, а монастырь должен был закупать хлеб и продукты для рабочих. Отец Иустин обратился к торговцам с просьбой отпустить хлеб в долг, но те отказали, так как и прежний долг не был уплачен. Посо-

---

[1] *Горностаев Иван Иванович* (1821–1874); племянник А. М. Горностаева; академик архитектуры, художник; автор многих зданий в Санкт-Петербурге. Возрождал византийский и традиционный русский стиль архитектуры.

ветовавшись с Федотовым, о. Иустин решился приостановить работы и временно распустить рабочих. Выручил Петр Александрович Брянчанинов, принимавший в этом деле самое живое участие: он пожертвовал на продолжение работ около 5 тысяч рублей — последнее свое состояние.

По мере продолжения строительства епископ Игнатий начинал относиться к нему все с большим энтузиазмом. 30 июля 1865 г. он писал Высокопреосвященному Нилу: «Судьба сделала Вас одним из первых ктиторов по построению Соборного Храма в Бабаевском монастыре. Также судьба даровала для построения этого Храма проект самый удачный — проект, который, будучи новостию в Российской церковной архитектуре, вместе с этим заимствован, по характеру своему, с древнейших храмов Палестины. Наконец: строится храм непостижимою Судьбою. Как он строится? Не могу дать ответа. Монастырь найден мною в состоянии разрушения, разорения и в долгу, строение Храма начато при ничтожнейших средствах, но в настоящее время половина здания выведена вчерне, а к концу лета надеемся вывести под кирпич. Тут действует перст Божий и усердие благочестивых человеков»[1]. А 22 июня 1866 г. писал племяннице А. В. Жандр: «Церковь наша выходит необыкновенно хорошею, далеко лучшею, нежели какова она на чертеже, так что рука Божия выказывается в этом деле со всею очевидностию».

Высокопреосвященный Нил никогда не отказывал строительству храма в своей поддержке. Он и сам был строителем многих храмов в Сибири. Поэтому ему были интересны подробности, о которых сообщал епископ Игнатий. Так, в Бабайках повторилось то же, что было в Сергиевой пустыни: при недостаточных средствах здесь также была обнаружена «гряда гранита, вроде сердобольского, голубого отлива, особенно приятного для глаз: из этого сделали цоколь под всею церковью в 13 вершков вышины. ...Удивляюсь, как зиждется этот храм при ничтожных средствах наших. Зиждет его невидимая Рука».

Влияние святителя Игнатия на внутреннюю жизнь монастырской братии было велико и плодотворно. Он был доступен для каждого, никому не отказывал в назиданиях, часто к вечернему чаю он приглашал кого-нибудь из братии для душеполезной беседы. Но все же чаще других его собеседником бывал о. Иустин, как наиболее близкий ему по духу ученик его. «Вы говорите

[1] Т. 1. С. 64–65.

справедливо об о. Иустине, — писал он игумену Антонию (Бочкову). — Я питаю к нему и чувство уважения и чувство благодарности»[1]. Беседуя с о. Иустином как с человеком, хорошо понимающим его, святитель Игнатий обсуждал с ним и те вопросы, которым посвящал свои сочинения. Так, однажды он писал брату: «О сочинениях моих. Не без Промысла Божия устраивается напечатание их, доселе встречавшее затруднение. Недавно мы говорили с о. Иустином, что древния отеческия книги для монахов никак не могут быть применены вполне к современному русскому монашеству. Наиболее применимая книга Преп. Нила Сорского, но и та написана именно для безмолвников. Что ж я увидел недавно, пересматривая написанное мною для переписки о. Моисеем. Увидел, что мои грешные сочинения содержат в себе приспособление учения Преп. Нила к современному монашеству, а именно "Аскетические Опыты" могут удовлетворить этой цели». Несомненно, что именно о. Иустин и был первым читателем творений Святителя, пересмотром и дополнением которых он занимался в Бабайках.

Наступил апрель 1867 г. Еще в начале месяца, «объясняя архимандриту свое духовное состояние, он [святитель Игнатий] передавал ему, что потерял всякое сочувствие ко всему земному, потерял даже внимание ко вкусу пищи, причем прибавил: "я недолго протяну"». 25 апреля архимандрит Иустин просил благословения послать за доктором, но Преосвященный с твердостью, в мирном и покойном настроении духа, сказал решительно: «Не надо», повторив несколько раз: «Мне так легко, хорошо».

30 апреля 1867 г. святитель Игнатий перешел в вечность. Для архимандрита Иустина это был тяжелейший удар: в лице святителя Игнатия он потерял своего духовного отца, руководителя на протяжении 30 лет в монашеской жизни, а в последние годы и наиболее близкого человека и друга. Потерял он также ценнейшего сотрудника в деле управления монастырем, который одним своим авторитетом разрешал возникающие проблемы.

6 октября 1867 г. архимандрит Иустин (Татаринов) был утвержден Святейшим Синодом в должности настоятеля Николо-Бабаевского монастыря. Оставшись один, он старался поддерживать обитель на той высоте внешнего и внутреннего благоустройства, которой она достигла при святителе Игнатии, и потому явился «ревностным подражателем его в делах монастырского

[1] Т. 1. С. 464.

управления». С 1865 г. он был председателем Комиссии, учрежденной епископом Игнатием, по построению храма во имя Иверской Божией Матери, и первой его заботой было довести это дело до благополучного завершения. Но именно в этом деле его преследовали главные искушения: нехватка средств, в 1870 г. — пожар, истребивший деревянный корпус, в котором находились ризница и библиотека, а также кресты, заготовленные для нового храма, затем, когда кирпичная кладка стен храма была почти завершена, столбы, поддерживающие купол, дали трещины. Постройка едва не остановилась. Выручили благотворители: жители Ярославля, среди них главный — городской голова С. О. Полетаев, — на их пожертвования были устранены повреждения в храме; также известный торговец чая, уроженец Большесольского посада, соседнего с монастырем, К. А. Попов принял на себя расходы по заготовлению новых крестов.

К 1876 г. храм вчерне был готов, но снова, из-за нехватки средств, отделка его приостановилась. В этом же году 13 декабря Бабаевский монастырь посетил заступивший на место скончавшегося Архиепископа Нила Высокопреосвященный Леонид (Краснопевков)[1]. С большим интересом осмотрев храм и выслушав историю его создания, он высказал сожаление о приостановке работ и просил архимандрита Иустина и казначея иеромонаха Арсения по возможности быстрее заканчивать работы по отделке храма. Это желание Преосвященного Леонида оказалось предсмертным: 15 декабря он неожиданно скончался. В скором времени архимандрит Иустин отправился к Высокопреосвященному Платону, Костромскому Архиепископу, чтобы доложить об обстоятельствах кончины архиепископа Леонида. Узнав о его последнем пожелании, архиепископ Платон поручил немедленно приступить к его исполнению.

По возвращении в монастырь архимандрит Иустин написал архиепископу Платону: «Дух Божий изрек устами Вашего Высокопреосвященства повеление окончить церковь к осени сего 1877 года. Повеление это принято мною именно как Божие, с верою. Сегодня объявил я братии о Вашем желании освятить храм 8-го сентября, и братия охотно согласилась потерпеть некоторые лишения в содержании, чтобы скопить нечто для церкви. После вечерни сегодня же отслужили мы соборне молебен Царице Небесной и святителю Николаю о благопоспешении

[1] О нем см.: Т. 1. С. 80–108.

в предпринятом деле. С верою приступаем при 40 рублях наличных денег, из коих в задаток на покупку кирпича уже выдано 30 рублей. Нечего и говорить о том, что своими средствами мы не можем окончить предпринятого, так как для того, чтобы приготовить церковь к освящению, по самым скромным соображениям, нужна сумма в 10 тысяч рублей. Подкрепите, Владыко Святый, Вашими Святительскими молитвами наше послушание и усердие».

Посоветовавшись с Петром Александровичем Брянчаниновым, архимандрит Иустин решился ехать вместе с ним в Москву к почитателям почившего Владыки с просьбой помочь им исполнить его последнее желание. В этом деле они получили значительное содействие настоятельницы Московского Алексеевского монастыря игумении Антонии Троилиной, у которой в это время проходила послушание сестра покойного архиепископа Леонида Екатерина Васильевна Ушакова, а также от его брата, А. В. Краснопевкова. Собранных средств оказалось достаточно для завершения работ по храму. Высокопреосвященный Платон до этого момента не дожил. Торжественное освящение храма во имя Иверской иконы Божией Матери было совершено 8 сентября 1877 г. Преосвященным Геннадием, епископом Кинешемским.

В последующие годы архимандрит Иустин приложил немало трудов и старания к отделке нижней церкви храма. 22 января 1889 г. был освящен средний престол ее в честь Рождества Христова, а 24 января — придельный во имя Сретения Господня и священномученика Игнатия Богоносца — Ангела духовного отца архимандрита Иустина.

После поездки в Москву в январе 1877 г. архимандрит Иустин еще несколько раз выезжал туда по делам монастыря. Там он посещал Николо-Угрешский монастырь и архимандрита Пимена. С ним он познакомился еще в 1857 г. Затем архимандрит Пимен приезжал в Ярославль и на Бабайки: в 1875 г. навестить Высокопреосвященного Леонида Краснопевкова, а в 1876 г. чтобы проститься с ним. В августе 1880 г. архимандрит Иустин прибыл в Николо-Угрешский монастырь по приглашению архимандрита Пимена на празднование 500-летия монастыря и для участия в закладке нового собора. Свидание двух архимандритов оказалось последним: архимандрит Пимен скончался 17 августа, через восемь дней после закладки собора.

А в августе 1884 г. архимандрит Иустин побывал там, где начиналась его монашеская жизнь. 5 августа этого года

П. П. Яковлев сообщал Петру Александровичу Брянчанинову в Бабайки, что о. Иустин «имел счастие сегодня представляться здесь [в Сергиевой пустыни] Его Величеству Государю Императору и их Высочествам Великим Князьям. <...> Подробности сообщит сам».

Все годы, прошедшие со времени прибытия на Бабайки, о. Иустин заботился и о благолепии церковного богослужения в обители. Особое внимание он обращал на исполнение богослужебных песнопений. Еще будучи в Ставрополе, он создал и обучил архиерейский певческий хор, привлекавший громадное число богомольцев. И здесь, в Бабайках, он сформировал из братии монастыря прекрасный хор, сам обучил его и нередко руководил им во время пения в храме, «украшая это пение своим прекрасным голосом, сохранившимся во всей своей силе, мягкости и свежести до конца его жизни».

В своем увлечении духовной музыкой и пением он нашел союзницу в лице настоятельницы Московского Алексеевского монастыря игумении Антонии Троилиной. Матушка игумения в молодости получила прекрасное музыкальное образование. До поступления в монастырь (в 19 лет) она даже выступала как солистка на фортепиано с большими оркестрами. Поступив в монастырь, она свою любовь к музыке сосредоточила на церковном пении. В Алексеевском монастыре она создала замечательный хор, пригласив для этого опытных учителей пения. При этом сама пробовала голоса и подбирала ноты. Знакомые композиторы присылали ей свои произведения на испытание.

Архимандрит Иустин познакомился с матушкой Антонией в 1877 г., когда приезжал в Москву для сбора средств на строительство храма. Он также присылал ей ноты своих произведений. Так, с письмом от 17 января 1881 г. он прислал ей партитуру ирмосов трипеснца, а от 12 марта 1884 г. — положенный на ноты кондак святому Алексию, человеку Божию.

Пение ее монастырского хора производило на архимандрита Иустина огромное впечатление. «Милость мира ваше, — писал он ей 21 марта 1877 г., — до сих пор отдается в душе моей». Или 25 марта 1882 г.: «Сегодня за литургией я вспоминал вас и ваших клирошанок по поводу незабвенного для меня пения у вас — “Милость мира”; помните, когда я служил у вас в Пасху и оне пели эту “Милость мира”». А 22 августа 1888 г. он писал: «Сочувствую Вашей скорби, матушка, в потере такого редкого голоса Вашего хора. В последний раз нашего приезда

я слушал этот голос и любовался им, не воображал, что она была больна и столько времени. Жаль ее и Ваш хор. В первый день Пасхи у нас отправляется после вечерни так называемая архиерейская панихида, на которой поминают почивших архипастырей, — помянем вкупе с ними и новопреставленную монахиню Вирсавию».

Большой почитательницей архимандрита Иустина и его пения была также знаменитая настоятельница Усть-Медведицкого монастыря области войска Донского игумения Арсения Себрякова. Как свидетельствует ее жизнеописание, она была так поражена «Аскетическими проповедями» «недавно почившего епископа Игнатия Брянчанинова», что решила познакомиться с семьей его духовной и, будучи в Москве, проехала на Бабайки, где познакомилась с Петром Александровичем Брянчаниновым и о. Иустином. В своих письмах к Петру Александровичу она неоднократно в весьма лестных словах отзывалась об о. Иустине: 10 марта 1871 г.: «Я очень ценю его духовный взгляд»; 22 марта: «Отец архимандрит [Иустин] сказал правду, что не следует вдаваться в богословские вопросы, — это не спасительно, а даже вредно, и тонкое разбирательство их может привести к заблуждению, а правильное к кичению»; 25 марта 1872 г.: «...Отец архимандрит уехал от нас 22-го числа. Много, очень много утешил он меня своим приездом. Чем более я узнаю его, тем более вижу в нем плоды правильного духовного руководства. Моя душа отдыхает в беседе с ним, а его способность к самоотвержению удивляет меня и укрепляет мой слабый дух. При всем, что он имеет доброго, в нем есть еще такой задаток к духовному восхождению, что я не знаю и меры его будущему преуспеянию духовному, если Господу угодно будет продлить его жизнь телесную и духовную. Все это я говорю вам одному — он не любит, когда я ему пророчествую что-нибудь больше сознания греховности своей, но это-то состояние и есть основание, с которого никогда не должна сходить душа, и если потерять его, то не только большего не получишь, но погибнет и путь, ведущий к добру».

Матушка Арсения тоже занималась строительством нового храма во имя Казанской Божией Матери. Закончен он был летом 1885 г. и освящен Преосвященным Митрофаном 8 сентября. А 15 сентября архимандрит Иустин освящал придел храма в честь апостолов Петра и Павла. «Гармонический, необыкно-

венно приятный голос отца архимандрита, редкое умение владеть им, а также хорошие голоса его послушников умилили присутствовавших в храме».

Архимандрит Иустин скончался 28 января 1890 г. от разрыва сердца. Он погребен в нижней церкви нового соборного храма, в особом ее отделении, под главной входной лестницей. (Храм этот также был уничтожен в 1930-х гг.)

«Сегодня сороковой день нашему дорогому другу архимандриту Иустину, — писала игумения Арсения. — Даруй ему, Господи, вечное упокоение со святыми, молитвами владыки Игнатия! Мы молились за упокой его души и поминали его хлеб-солью. Я всю панихиду проплакала. Вспомнился он мне как живой, и вся его жизнь с девяти лет в стенах монастыря, как в пещи Вавилонской, с молодых лет в должности настоятельской, как мученик и исповедник».

* * *

Помимо братии Сергиевой пустыни, а затем Николо-Бабаевского монастыря, находившихся в постоянном непосредственном общении со своим духовным отцом и учителем, к руководству святителя Игнатия Брянчанинова в монашеской жизни прибегали иноки монастырей, входивших в его благочиние, а также некоторых других монастырей. Непосредственное общение с ними случалось во время посещений им их обителей; в другое время — посредством переписки.

Особенно стремились иметь Святителя духовным отцом сестры Старо-Ладожского Успенского девичьего монастыря. Монастырь этот находился в 148 верстах от Санкт-Петербурга, на берегу реки Волхова. В кратком очерке состояния этого монастыря на 1856 г. святитель Игнатий писал, что в нем 18 монахинь, 26 послушниц, одна определяющаяся в послушницы и 101 проживающая для богомоления. Госпожей Игуменьей в то время была матушка Дионисия, которая «имеет весьма хорошие настоятельские способности: прямотою и добротою своею она привлекла к себе любовь и доверенность сестер, а очевидными успехами в устроении монастыря привлекает внимание и значительные пожертвования мирян». Тем не менее управление этим женским монастырем сопровождалось многими искушениями, вытекающими в основном из взаимоотношений сестер, их здоровья и жизненных обстоятельств. Письма к ним свидетель-

ствуют об огромном терпении святителя Игнатия, его любви к этим страждущим душам.

За период с 27 марта 1843 г. по 19 июля 1844 г. известны шесть писем, полных добрых наставлений, к монахине Александре Васильевне Васильевой, скончавшейся в монастыре 23 августа 1844 г. За период с 10 марта 1842 г. по 20 апреля 1864 г. было написано 22 письма к инокине Варваре, пожелавшей вступить под духовное руководство святителя Игнатия и «на руках которой скончалась А. В. Васильева»: «...Я вас не только не отвергаю, но и призываю: приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас, не потому, чтоб доволен я был сам по себе научить кого чему-либо, но потому, что учение мое несть мое, но заимствовано от святых Отцов, пером которых водил Дух Святый. <...> Пишете о помыслах и желаете разбирать их. ...Это для вас неполезно и не нужно. Довольно вам знать, что ежеминутно могут на вас восстать и страсти собственные, и духи лукавствия, жаждущие погибели всем, что вам, как немощнейшей, непрестанно должно вопить к Господу: "помилуй мя, яко немощна есмь!"». Другой сестре, имя которой скрыто за инициалами Н. Д., желавшей заняться подробным и деятельным изучением христианства, он писал: «Судьба наша в вечности зависит от того образа жизни, который будем проводить во время нашего краткого на ней пребывания. Хотите ли быть храмом Божиим? — Желаете ли, чтоб сердце ваше было сосудом даров Благодати? — Вручаю вам Евангелие, пусть оно будет правилом вашей жизни. Веруйте в него вашими делами, вашею жизнию, — не только мыслию, сердцем и устами». В нескольких письмах к еще одной сестре речь шла о самой Н. Д., а также о монахине Досифее, которой попущено было умопомешательство. С самой монахиней Досифеей святитель переписывался с 1848 по 1857 г., когда переписка прекратилась из-за ее болезни. «Будь мирна, — писал он ей, — подвига как телесного, так и умственного, превышающего силы твои, отрицайся. Господь любит смирение, а безумной ревности к сверхсильным подвигам, каким бы то ни было, не приемлет; потому что в стремлении к сверхсильному подвигу — гордость и самомнение».

В числе иноков других монастырей, пожелавших «по сердечному извещению» руководствоваться советами святителя Игнатия Брянчанинова, находился «некий, как его называет "Жизнеописание", инок Леонид», письма к которому могли бы стать настольной книгой каждого, серьезно решившегося на монаше-

ский подвиг. Озаглавлены письма «к брату, занимающемуся умною молитвою» и были написаны в период с 5 сентября 1847 г. по февраль 1848 г. в Николо-Бабаевском монастыре. Из их содержания видно, что познакомился святитель Игнатий с Леонидом несколько лет назад в Сергиевой пустыни, а в 1847 г. увидел его в одном из монастырей, которые посетил по пути в Бабайки. Святитель сам определил цель этих писем: в свободные минуты мало-помалу составить для Леонида «обещанное ему мною описание и объяснение некоторых иноческих деланий». Вместе с тем литературный язык писем и их почти анонимность позволяют предполагать, что Святитель сам подготовил их для публикации и для более широкого круга читателей.

Из переписки с другими иноками сохранились лишь отдельные фрагменты, но слова, написанные в них, «принадлежат к числу сильных и действительных орудий невидимого подвига».

Переписка святителя Игнатия с учениками

Письмо ученику священноиноку Сергиевской пустыни, письменно обличавшему архимандрита Игнатия в изменяемости его расположения к окружающим вообще и к нему в особенности

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Возложившись на помощь Божию и на силу Его, совершающуюся в немощных, я вознамерился на письменное твое изложение отвечать также письменно. И сие более для того, чтоб ум мой не развлекся при личной беседе и не изнемог пред шумом слов, но сохранил бы в тишине и уединении келейном мирное устроение, при котором только усматривается Истина. Пред лицем Ее стою и, освещаемый Ее светом, смотрю на душу мою и сличаю с тем, что вижу, обличение твое. Что ж вижу? Вижу на душе моей язвы, вижу многочисленные ее болезни, вижу немощи, из которых одни природные, другие — следствия язв и болезней, прошедших и настоящих. Обращаюсь на протекшую жизнь мою: вижу — это цепь погрешностей, цепь падений; на каждом почти шагу я был посмеян и поруган диаволом по недостатку духовной мудрости, по избытку гордости, не склоняющейся вопросить совета у ближнего. В таком положении душа моя, когда путь жизни моей уже протянулся за преполовение дней моих. Между тем тело мое ослабело; его прободают и рассекают различные недуги. Они — вестники; возвещают мне

приближение разлучения души с телом. Скоро, скоро буду лежать на одре, не для того, чтоб дать преутружденному телу временное отдохновение, но чтоб сложить его с себя в гробовой ковчег, в недра земли, из неяже взят есмь, до будущего общего воскресения. *Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем:* ибо душа моя в язвах, а тело запечатлено грехом. По этому состоянию моему всего б приличнее для меня было оставить все и вне всего предаться неутешному плачу; когда все утрачено, не утратить, по крайней мере, раскаяния.

Но к достижению этого состояния, которое признаю для себя самым приличным, не употребляю никаких средств, кроме немощной моей молитвы, в которой прошу, чтоб совершалась надо мною Воля Божия. — Это прошение воли Божией внушается боязнию, чтоб не попросить чего, превышающего мои силы. Эта боязнь внушена самым опытом: ибо во всех опытах, коими испытывалась моя сила, обнаруживалась моя немощь; где бесы рисовали пред умом моим картину блистательных успехов, там, на самом деле, оказывался ущерб, там возникало бедствие, там прикрывалась цветами гибельная пропасть. Я познавал обман — по совершении обмана; познавал прелесть, будучи обольщен и поврежден ею. Теперь боюсь предпринять что-либо особенное самовольно, хотя бы и почитал это душеполезным. Лучше, сказали Отцы, бороться с калом, т. е. с блудом и чревообъядением, нежели с самосмышлением, высокомудрием, гордостию и презорством. Ибо эти последние страсти тонки, неприметно вкрадываются в ум, принимают вид здравых и праведных мыслей и не иначе могут быть усмотрены, как при свете благодати. Стою пред Промыслом Божиим умом моим, отложившим на эту минуту мудрование мира и правду его. Бог сотворил меня без моего желания и прошения, ибо «ничто» как могло желать, тем более — просить чего-либо? — Падшего меня и погибшего Бог искупил; ценою искупления был Он Сам. Между тем как Искупитель, облеченный в смирение, не познается, несмотря на свою очевидность, умами плотскими, оставившими удивляться себе сродному духовному и погнавшимися за чуждым себе тлением, — мне окаянному Он даровал познать себя. Когда смежались очи мои, брение, смешанное с плюновением, исходящим из уст Его, исцеляло их. Крест Христов отвергает очи ума; крест Христов сохраняет здравие, исцеляет болезни очей этих. Вне креста Христова нет правды Христовой. Мир и правда его погибнут, яко от диавола суть. Стою пред Господом моим и Промысл святый Его

вижу, и долготерпению Его удивляюсь, колико милостив Он к тем погрешностям, в которые я впал от своеволия и самосмышления. Душу мою в руце Божии предаю: что Он мне дарует, то приемлю. Он ведает мою силу, ибо Он же мне дал ее. Если дает мне един талант сообразно силе моей, не ищу пяти, чтоб не изнемог под тяжестию их; чтоб дар, долженствующий служить к пользе, не послужил к большему осуждению. От грехопадений моих бегу не в затвор, не в пустыню, но в самоукорение, в исповедание грехов моих, в раскаяние. Недоумение мое, и рассуждение мое, и волю мою повергаю в пучину щедрот и Промысла Божия.

Такое зрелище представляет мне душа моя, когда при свете Евангельского учения смотрю на нее умом моим. Теперь обращаюсь к словам обличения, находящимся в письме твоем. Самое естество дела показывает, что ты, смотря на наружность моего поведения, усмотрел гораздо менее недостатков, нежели сколько их находится по самой вещи. Сознаваясь в большем долге, я не могу не сознаваться в меньшем, так что я и тогда бы сознался, когда бы не хотел сознаться. Остается за сим со слезами просить у тебя прощения и святых молитв о моем исправлении. Если, по словам святаго Исаака, словооправдание не принадлежит к жительству христианскому и нигде в учении Христовом не предписано, если Сам Господь, предстоя властям земли и водворяя пред лицом вселенныя правду Креста, не удостоил правду внешнюю никакого внимания, ни единого слова, как прах и тление, то кто, смотрящий во глубину сердца своего и видящий не ложно, осмелится противу стать обличающему? Таковый скажет замахнутому на него мечу: поражай, ибо не всуе ты поднят. Скажет бедствиям: нападите на меня и удручайте меня, ибо я того достоин. Скажет телу, изможденному болезнями и посылаемому во изгнание: иди, ибо ты согрешило. Скажет братиям своим: помолитесь о мне скверном, Ангели Божии. Припадет к ногам прелюбодеев и убийц и скажет им: помолитесь о мне, ибо вы праведнее меня. — Вот каково мое состояние, когда очи ума моего отверсты; когда же они закроются, то состояние мое делается несравненно худшим: ибо язвы, естественно, остаются те же; но к болезням сердца присовокупляется слепота ума. От слепоты — нечувствие, утрата любви к ближнему, утрата умиления и утешительного плача, присовокупление язв к язвам и болезней к болезням. Словом сказать — вижу ли, или ослепляюсь, состояние мое пребедственно, достойно слез и рыда-

ния всех меня знающих и любящих. Таков мой ответ всякому обличающему и тебе. Когда же иначе отвечаю — погрешаю.

Этим должен бы я был довольствоваться, если б говорил не со своим духовным сыном, который, говоря мне обличения, приносимые его сердцу, не выдает их за решительную правду, но приносит их мне же на суд. Поэтому считаю себя обязанным продолжить мою беседу, и несмотря на то, что я немощен, заимствуя Свет от истинного Света — Слова Божия, удовлетворить по силам моим требованиям письма твоего, не столько обращая внимания на наружность мыслей, заключающихся в этом письме, сколько открывая при свете Евангельского учения те тайные сердечные побуждения, коих мысли эти суть плод. По мнению Отцов, те люди, кои требуют от ближних совершенного устранения недостатков, имеют об этом предмете ложное понятие. Это мнение Отцов находим и у Апостолов: один из них (Иоанн Богослов) говорит: *Аще речем яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас* (1 Ин. 1. 8). Другой же (ап<остол> Павел): *Друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов* (Гал. 6. 2). Что же может породить неношение немощей ближнего, это показано Писанием над мужами самыми высокими в добродетелях. Кто святее Апостолов? Но мы читаем в Деяниях, что между апостолами Варнавою и Павлом произошла распря, а за распрею — и разлучение. Без всякого сомнения, это обстоятельство сказано нам Писанием с тою целию, чтоб мы, немощные, были осторожны, не увлекались мнимою ревностию, но носили тяготы друг друга. *Тако исполните закон Христов!* Понеси убо мои немощи; а я постараюсь понести твои, как доселе старался. Конечно, ты не скажешь, что ты без немощей. Мои немощи тяжелы более для тебя, нежели для меня; а твои ощутительны для меня, нежели для тебя. Если б тяготы были без тягости, то ношение их не имело бы никакой цены, не было бы причин заповедать оное. Но цена взаимного ношения немощей столь велика, что Писание заключило в нем исполнение закона Христова, Иже понес на Себе грехи всего мира.

Скажу несколько слов о непостоянстве. Непостоянство, или переменяемость, по мнению святых Отцов, есть постоянная и непременная немощь человека, доколе он находится в стране своего изгнания, на земли. Непеременяемость есть свойство будущего возъустроения. Изменяемость не только свойственна нам, немощным, но и величайшие Святые признавали ее в себе. Потерпи непостоянство во мне, а я потерплю его в тебе. Мое

непостоянство ощутительно тебе, а твое — мне. Понесем взаимные немощи и познаем, яко благо иго Христово; если ж скинем иго Христово, то какому ж игу подчинимся? Весьма прекрасно сказал святый Илия Екдик: *«Дом души — терпение, живет бо в нем; а пища — смирение, питается бо тем»*. Точно — помыслы смиренномудрия удерживают душу в терпении. Если же это так, то и следующее по необходимости справедливо: ничто другое не выводит души из терпения, как помыслы гордостные. Неоднократно говорил я тебе и многим другим, которым мнилось мне сообщать душеполезные познания: когда сличаю мое устроение и поведение с писаниями святых Отцов, то нахожу, что мне в древнем монашестве надлежало бы иметь место между новоначальными. А в нынешнем монашестве, где знание святых Отцов и образ мыслей, несколько запечатленный этим знанием, так редки, и тот, кто преподает слушающим его учение Отцов, есть величайшая редкость. С тем условием настоятельствую над вами и имею вас духовными чадами, чтоб научать вас образу мыслей Евангельскому, который и есть образ мыслей святых Отцов. Истинно, истинно говорю вам: ныне, когда дел уже вовсе нет и духовное мудрование крайне редко, ныне диавол столько ненавидит это мудрование, что хотел бы истребить его с лица земли, дабы Евангелие оставалось у нас только для нашего осуждения, а не назидания, ибо мы будем судимы по Евангелию, как предвозвестил нам Господь Иисус Христос (Ин. 12. 48). Диавол готов нам придать вдесятеро здравого смысла и умножить тысячекратно наши практические сведения, лишь бы украсть у нас знание крестное, при коем можем стать одесную Бога. Приписывающий себе сведения и здравый смысл уподобляется диаволу, который хотел признать себя источником света. Он и есть источник мнимого света — плотского мудрования, которое не покоряется разуму Божию, носит на себе печать гордыни и заключает в себе условие всех грехопадений. Видел ли еси кого падша? Увеждь яко себе последова, — говорит авва Дорофей. Этот Святой говорил о себе, что он лучше желает погрешить в каком-либо наружном деле, поступив по совету ближнего, чем действовать самочинно. И я, в малых своих опытах, при какой-либо неудаче, имею утешение, истекавшее из того, что дело сделано или предпринято не самочинно.

Поэтому хотя бы мне по недостоинству моему и приличествовало внимать одним собственным недостаткам, однако по

обязанности настоятеля и духовного отца я должен тебе сказать, что видится моим грешным очам: тебе брань творит страсть гордостная. Признание в себе практических сведений и соображений суть ее оправдания, коими она прикрывается. Охлаждение ко мне, к окружающим меня суть плоды ее: ибо за уничижением ближнего следует иссякновение любви. А иссякновение любви есть признак принятия помыслов бесовских, так как и признак принятия семян благодати есть умножение любви к ближнему.

Страсть гордостная действует иначе, нежели страсть блудная или гневная. Эти две страсти действуют очевидно, и самые оправдания их и лукавство в оправданиях яснее. А гордость вкрадывается неприметно. Ее посевают телесные дарования, богатство, душевные природные способности, пышность, а паче похвалы человеческие. Хотя по видимому мы не принимаем похвал и не соглашаемся внутренне с похваляющими, но тайная печать похвал остается на уме и сердце, и когда случится уничижение, то оно бывает тягостно, и тем тягостнее, чем более мы были напитаны похвалами. Этим самым доказывается существование печатей и тайное вселение гордости. Увы нам! Самые благодатные дарования были поводом для людей к гордости и плодам ее — падениям! Главные признаки гордости суть охлаждение к ближним и оставление исповеди. Поэтому, кто какими дверьми вышел, тот ими да входит, — сказал святой Иоанн Лествичник. Положи себе за правило исповедовать помыслы твои, хотя дважды в неделю, и как душа сообразуется телу, то и поклонением тела изъяви смирение. Скажи и повторяй своему помыслу о братиях: «Это овцы Христовы, это Ангели Божии», — и истребится презорство к ним, еже есть гордыня. Тогда, уповаю на милость Божию, мир и любовь внидут в сердце твое и благодатным действием своим докажут тебе, что ты находишься в искушении; откроют очи твои, и ты познаешь твое настоящее обольщение. Случай же этот внидет в сокровищницу твоих душевных опытов, будет доставлять тебе предосторожность на будущее время, а братии окормление. Ибо муж *не искушен не искусен, а быв искушен, может и искушаемым помощи*, — говорит Писание. Да сподобит тебя Господь последовать и этому наставлению святого Иоанна Лествичника (Степ<ень> 4): «По входе в поприще благочестия и повиновения, не ктому отнюдь доброго нашего законоположника в чесом истяжем; аще кая в нем яко в человеце еще негли и мала согрешения увидим. Аще ли же ни, то ничимже от повиновения сего истязующия поль-

зуемся. Отнюд нужно есть хотящим к настоятелем веру несомненну выну содержавати, исправления их в сердце неизглаждаема и присномпомнима хранити, да егда бесове в нас неверие к тем всевают, от помнимых нами заградим уста. Поелику бо вера цветет в сердце, потолику и тело спешит на службу. По всегда же о неверие предпнется, то пал есть», т. е. «по входе в поприще благочестия и повиновения мы уже не должны ни в чем испытывать нашего благого законоположника (наставника), хотя бы в нем, как человеке, и заметили малые погрешности; иначе, т. е. истязывая, не получим от повиновения никакой пользы. Желающим соблюсти несомненную веру к своим наставникам необходимо хранить в сердце своем добрые дела их неизгладимыми и незабвенными, чтоб воспоминанием их заградить уста бесам, когда сии будут посевать в нас неверие. — Насколько вера цветет в сердце, настолько тело преуспевает в служении. — Кто преткнется о неверие, тот пал».

И от окормления ближних прозябает нередко гордость, как от пшеничного зерна куколь. Поэтому святый Марк Подвижник сказал: «Егда человек человека воспользует словесы или делы, Божию благодать да разумеют оба». *Не себе проповедаем*, — говорит Святый Павел, — *но Христа Иисуса Господа* (2 Кор. 4. 5). Кто будет возделывать эти чувства, в том истребится пристрастие к людям, а воцарится о Христе любовь, во всех зрящая образ Божий. Когда же восхитится ум утешением любви этой, то видит человек себя как некий сосуд, исполненный смрада и мерзости, и дивится, как лучи Божественного учения проходят сквозь его и исцеляют души человеческие.

Прилично мне воспомянуть здесь слова святого Иоанна Лествичника, повторенные преподобным Нилом Сорским: некоторые погрязли в болото, других предостерегали от подобного впадения, и за спасение их Господь даровал и им спасение. Ибо после тяжких язв узнал я, что признаки гордости суть уничижение или презрение ближних и нерадение о исповеди, и сама по себе гордость человеку неприметна, будучи тончайшая страсть, обманувшая светоносного Ангела и устроившая падение на небе. На сей держатся другие страсти, как здания на основании, сокрытом под землею. Наконец завещаваю тебе сохранить письмо сие в неизвестности до кончины моей. А я и тебя и себя предаю милости и благодати Божией, могущей, если мы сами не отвергнем, даровать нам спасение, хотя мы его и вполне недостойны. Аминь.

1842 года ноября 25-го дня
Сергиева Пустынь

Инструкция архимандрита Игнатия наместнику и казначею Сергиевой пустыни

Вследствие утверждения иеромонаха Феофана Наместником, а иеромонаха Аполлоса казначеем сей пустыни, предписываю Вам вступить в сии должности по-надлежащему. Для большего же порядка полагаю нужным изложить следующую инструкцию.

А. Обязанность наместника состоит в тщательном внимании к братии. И потому:

1. Поставляется ему в непременный долг ежедневно иметь сведение о больных братиях, ежедневно навестить каждого больного и стараться, чтоб больные были посещаемы доктором, чтоб отнюдь никто не смел лечиться у шарлатанов и в особенности пускать кровь своевольно.

2. Чтобы все были в церкви Божией и каждый при своей должности и на своем месте; если же кого нет, узнать причину отсутствия. Если причина оного позволительна или естественна, то взыскания не чинить; если же причина сия есть головная болезнь, то принимать немедленно решительные меры и такового отправлять заблаговременно на дачу. Если же встретится сопротивление, то употреблять силу штатных.

3. Все сии случаи доводить до сведения настоятеля, кроме мелочных, не заслуживающих внимания. Почему наместник должен иметь список всех братий и для памяти отмечать в графе противу имени о его болезни или отлучке и подобных.

4. Наместник, во время отлучки настоятеля из монастыря, заменяет его власть, впрочем, решая по своему усмотрению маловажные случаи, решения же важные оставляет до прибытия настоятеля. Наместник не имеет права уволить кого-либо в Петербург по собственной надобности: ибо сие право принадлежит единственно настоятелю. Если же случится кому крайняя необходимость, то наместник может уволить не иначе как по совещании с старшею братиею и с билетом на простой бумаге за общим подписанием всех старших братий, на совещании бывших. Так же поступать и в прочих важных случаях, не терпящих отлагательства, в отсутствии настоятеля.

5. Старшие братия к совещанию должны быть следующие: а) Духовник, в) Казначей, с) Ризничий, d) Благочинный, е) Эконом. Совещание чинится наедине, не допуская в оное просителя. Решение собора просителю объявляет наместник.

6. В отсутствие или в случае болезни наместника занимает его должность Казначей, за отсутствием же обоих — Ризничий и так далее по старшинству.

В. Казначей единственно обязан заведывать суммою и вести в порядке книги, как накладной, так и штатной, равно и братской суммы, приготовлять списки братии при раздаче кружки и оную раздавать. Прочие вещи, находившиеся в заведывании казначея, имеют поступить отселе в ведомство эконома.

29 сентября 1836 г.

Письмо о. Феофана (Комаровского) к святителю Игнатию[1]

Ваше Высокопреподобие Достопочтеннейший Батюшка
Отец и Благодетель мой!

Сердечно благодарю Вас за утешительное писание Ваше от 5-го сего февраля; прочитав письмо Ваше, не знал, на что подумать; Вы ли к нам пожалуете? что по настоящим нашим делам весьма удобовозможно; или мне придется ехать в Петербург. И в таком положении был до настоящей почты, и истинно радовался, что скоро увижусь с Вами. Вчера получил письмо от брата[2], в котором он меня извещает, что назначен Строителем в Ладогу; и тут только понял письмо Ваше. Буди Воля Господня! прошу Вас почтеннейший Батюшка не оставить меня немощного и худоумного Вашим Отеческим покровительством по всему, вполне уверен в Вашем к себе расположении и любви отеческой и потому во всем на Вас полагаюсь, без рассуждений и прекословия. Жаль здешней пустыньки, но делать нечего. Мое положение здесь весьма затруднительно, как по крайним недостаткам в содержании Монастыря так, как бы желалось, так и по начатому строению огромного храма вовсе не по месту и малому доходу, а более всего тяготит совершенная зависимость от Кирилловского Монастыря. Теперь не знаю, что и будет здесь? В Кириллове мудрено избрать понадежнее в управляющего пустынею. Был один прежний Наместник о. Иосиф, и тот уезжает в Тифлис. Получил и прогоны на дорогу. И толку, кажется, никакого здесь не будет. Отец Никон был требован в Новгород по новому доносу Израиля и опять к нам возвратился до решения дела; что-то решит Святейший Синод, а Консистория решила довольно милостиво, на год в Иверский монастырь, полгода быть под запрещением. А отца Израиля на год в пустыню Филиппа Иранского с снятием монашества. Теперь с часу на час ожидаю к себе Тихвинского Архимандрита. Ему от Владыки

предписано освидетельствовать строение Церкви нашей, и что он теперь увидит — все занесено снегом, у нас нынешнюю зиму ужасные снеги, также и в Кириллове поручено ему произвести исследование по доносу Израиля на отца Архимандрита Иннокентия, аки бы он попользовался вещами из ризницы монастырской, и драгоценные камни выбрал из митр и образов; и которые теперь находятся у супруги А. И. Суслова в ее уборах, а на место их вставил простые камни. Дело пустое, а хлопот будет немало, тут принужал и О. Архим. Ефрема. В Кириллове теперь завелось столько дел и доносов на Архимандрита и Наместника, что не скоро кончатся. Видя такие неприятности, истинно желаю подобру-здорову, поскорее отсюда выбраться, а то недолго попасть в их кашу, как раз к чему-нибудь принужают. Жаль только оставить старуху Матушку в болезненном ее положении, но и в этом буди воля Божия. Что от меня зависело, я для нее сделал, сколько было возможно пожив близ ее, теперь не моя воля.

Отец Алексий на днях идет в Петербург.

Всем Отцам и братиям Обители Вашей свидетельствую усердное почтение: радуюсь, что скоро с ними увижусь.

Павла Петровича благодарю за послушание и краткое приписание; Матушку его недавно видел, обедал с нею у Матушки моей, и она меня своим медом угощала и весьма утешалась, когда я ей сказал, что имею от чада ее известие, а то ей представлялось, что он очень нездоров, ибо давно о себе ее не уведомлял.

За сим прося Ваших святых Молитв имею честь пребыть до приятного свидания Вашего Высокопреподобия усерднейший послушник и слуга грешный

Иеромонах Феофан.
21 февраля 1844 года
Нилов Скит

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 48.
[2] От о. Аполлоса Попова.

Письмо святителя Игнатия к архимандриту Аполлосу (Попову)[1]

Возлюбленный о Господе
Отец Архимандрит Аполлос!

Благодарю за письмо твое от 29-го марта и за поздравление со Всесвятою Пасхою, с которою и я тебя поздравляю, желая

тебе всех истинных и совершенных благ от принесшего себя за нас в жертву Христа.

Сердечно радуюсь, что ты оставляешь то, что отвлекает взоры инока, т. е. его ум и сердце, от вечности и спасения, и занимаешься исключительно чтением Священного Писания и святых отцов. Иноку, живущему в человеческом обществе, надо читать и книги Отцов, соответственные жительству его; иноку же, живущему в пустыне или затворе, надо читать книги, написанные Отцами для безмолвников, какова книга и Преподобного Исаака Сирского. Советую тебе иметь настольною книгою Руководство к духовной жизни Преподобного Варсонофия Великого и Иоанна Пророка, особливо с 249-го вопроса. Предшествовавшие сему вопросы были делаемы наиболее затворниками, а с № 249 начинаются вопросы Преп. Аввы Дорофея и других многих, живших в человеческом обществе, не только иноков, но и мирян. Ответы на эти вопросы — бесценны в духовном отношении. Руководство должно иметь руководством, читать его, перечитывать, изучать, приспособлять к своей деятельности; прочие же отеческие книги читать для полезного употребления времени, для ознакомления с отеческими писаниями, для приобретения душеназидательных познаний, которые в свое время очень пригодятся.

Засим будь здоров и благополучен, и молись о мне

Тебе преданнейший

Игнатий, Епископ Кавказской и Черноморский.

P. S. Я и теперь еще очень слаб от болезни; не выхожу из комнат.

Апреля 22 дня, 1860 года

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 25.

Письма о. Аполлоса (Попова) к святителю Игнатию[1]

№ 1

Благодетельнейший Батюшко!

За письмо, писанное от 15-го марта, чувствительнейше благодарю Вас. Свидетель Господь, как утешительно Ваше внимание и отрадно по душе и по телу. Да воздаст Вам Господь сторицею!

Паки являюсь пред Вами с своею суетою: сей час 27 числа в 9-м вечера возвратился в мирный приют Никольскую Обитель, где ожидал с почты получить партикулярных известий касательно

Зеленецкого, но, к величайшему сожалению, не оказалось. Последний Указ Консистории по соображении удвоил хлопоты мои, недоумеваю, к чему все это поведет; неблагонамеренность исполнителей, всякие меры и пособия может исказить; вынутие денег, по-моему, совершенно излишне; при сем прилагаемое черновое мое соображение, потрудитесь заметить, мне кажется, я не ошибался в назначениях, тем более, что старался все это поверить пред знающими дела Зеленецкие.

Если одобрите представление, то я немедленно же и представлю к Вам, но не лишите и заключений своих. Вскоре будет отправление покупок из часовни, то весьма бы одолжительно было возвращение черновиков и Ваше извещение получить с этой оказией. Простите, Батюшко, начинаю изнемогать и унывать от настоящего многосуетного поручения, трудов много, а надежд на будущность не возвещается, всмотревшись более в состояние и бывшие распоряжения Иг<умена> Варсонофия, с горестью смотришь на все, а буде состоится возвращение, как он мнит и выдает о себе, то руки не действуют и сердце обмирает о будущности. Господа ради, пощадите Обитель от такого нашествия; кажется, можно ручаться, что последнее будет еще горше первого, этого ждут и братия. Если Вы расположились расстаться со своим Наместником, то казалось бы можно ему вручить эту Обитель; в благонамеренности, кажется, нельзя сомневаться, а за неопытностию можно следить, теперь изучено многое по Зеленецкому, а из действий видно будет и успех, и опрометчивость. Я бы в одном особенно предостерег, кого бы не сделали тут Настоятелем, чтоб не дозволял в начале по произволу располагать деньгами, а пусть-ко каждый начнет сам изыскивать средства и, узнавши им цену, будет рассчитывать благоразумнее.

Обмеривал сам дрова, отчасти ознакомился и с этой частию, осмотрел в проезде и лес; но говорить об этом надо удосужившись и не на бумаге. В Благовещение служил в Зеленецком, в этот день и на другой было большое стечение народа окрестного, сказывают старожилы, что и не запомнят подобного собрания; я весьма доволен, что остался тут, а некоторые отклоняли меня, отзываясь, что собрание незначительное. Братии большое спасибо, не только пьяных, но и заметного не было ни в ком оба дня. Это заметили и тамошние. За два дни высыпали из кружек 155 рублей серебром, небывалое и неожиданное, по отзыву братии. Небывалое давно и то, что теперь находится в казнохранилище 550 р<ублей> сер<ебром>. Старцы и рады и благодарны.

Решились было окапироваться к Пасхе и отобрали от всех, кому что нужно, намереваясь кстати с Логиновым отправить послушника Безсонова, весьма благонадежного, в Петербург за материалом, но полученное письмо келейником Игумна все расстроило. Досифей пишет о скором возвращении своем, а может, и с батюшкой. Услыхав это, старые и малые истинно уныли; вот как мил и благонадежен Настоятель. Прости меня, Господи!

Находя весьма справедливым Ваше приказание, чтоб была часть суммы в наличности, я и ранее поступал так, сделавши запас провизии не годичный, но, впрочем, с надеждою, что его достанет до другого благовременного заготовления и обещают еще дешевлее настоящего. Суда идут Сясью, с которых и обещали и предположено сделать запас в июле или в августе. Выгоды от своевременного заготовления всего, преимущественно по Зеленецкому Монастырю, не прибыльней; сказывали, что, покупая посное масло пудами, кое-где по деревенским лавкам платили по 14 и 16 р<ублей> асс<игнациями> за пуд, тогда как нынче куплен по 9 р<ублей> 80 к<опеек> асс<игнациями> пуд; но надо заметить, что в летнее время и человек и лошадь чего стоят; да есть подробное и в книге сего года, например: куплено пуд коровьего масла в Ладоге за 6–50 сереб<ром> да за доставку рубль серебром, итого 7–50 серебром; а в книге Никольской в это же время покупка и в той же Ладоге 5–70 серебром пуд того же масла; и подобных нелепостей пренаполнены и статьи и разговоры; дехтя потребно в лето до 30 пуд, они, покупая пудами, платили, говорят, по 6 асс. за пуд, а ныне куплено его 25 пуд по 1–80 ассигн<ациями>. Вот образцы распоряжения, и поверьте, все так. А о благонамеренности и говорить нечего: недоносов и переносов не наслушаешься — от крайности в крайность. Паки прости Господи!

С Корольковым я списался о рассрочке уплаты ему долга, сказывают, что он с удовольствием на это согласится; а подождать ему должно, сказывают, что отпускает товар весьма дурен и недешево. Бывши в Тихвине, я с ним не виделся, но мне и не советовали купить у него.

Если не отклонились Вы от участия в Зеленецком Монастыре, то потрудитесь дать мне наставление к продолжению действий; братия настойчиво просят белья, а холста не было и нет ни аршина, просят и платье и обуви, а в этом мне не хотелось бы распорядиться в настоящем положении, по моему соображению делалось прежде не совсем хорошо, выдавалось вместо белья холстом или деньгами, которые не для всякого были в пользу, по нашитию были

камлотовые рясы и креповые клобуки и Корнилиям и Гавриилам и подобным неслужакам, что ни по летам, ни по дарованиям, ни по месту, ни по способам не соответствуют. В этом случае я попросил бы от Вас совета формального бумагою, посоветую так поступить и настоятелю; тут составится значительный расчет в расходе, да нелишние и по нравственности; для человека, не понимающего ни о чем внутреннем, кажется, необходимо смирение отвне. Впрочем, я слишком, кажется, распространился, умолчу.

Прося молитв и благословения Вашего и прощения за многоглаголание, а вместе и позвольте ожидать милостивого вразумления, которое весьма ограничивает меня по всему и действует, благодаря Вам, благотворно.

Непотребный сын Ваш

грешный Аполлос.

Марта 27-го дня вечер
1850 года
Об<итель> Св. Николая

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 25.

№ 2

Благодетельнейший Батюшка!

Пишу это из Зеленецкого Монастыря, в который приехал 1-го апреля по последнему санному пути, отсюда должен отправиться на колесном экипаже; и кажется, не встретится надобности быть до просухи.

Неожиданно получив с почты два предписания Ваши от 24 и 28 марта, спешил ответить с этой же почтой, к которой заготовлен уже был репорт в Консисторию и к Вам о потребностях Зеленецкого Монастыря. Простите, Батюшко, что поленились переиначить в согласность Вашего предписания, это бы еще на несколько дней заняло соображением, то я в дополнение прилагаю один только реэстр закупленным вещам, а на прочие означено в том репорте, и кажется удовлетворительно. К счастию, что взял с собой Благодатского, то он и Песоцкой облегчили и в составлении, и в переписке бумаг.

От содержателя харчевни придумали взять показание, которое вместе с копиею доверенности Господина его приложили к репорту. Он убедительно просит оставить за ним харчевню, но в случае, если это будет справедливо, то не вступился бы за него и Господин, а я заступаюсь потому, что он был крестьянин моей матери крестной г-жи Глебовой, но также и потому, что цена

нанесена им более прочих ста рубли серебром, да по простоте он вовсе не опасен для Обители по непредвидимым приключениям, каковые бы могли случаться от бойких здешних содержателей; впрочем, если должна быть переторжка, то я буду совершенно беспристрастен, только бы послужило к пользе Обители. От него же прилагаю и прошение, на мое имя поданное, не сочтете ли нужным спросить и сами О. Иг<умена> Варсонофия, а предо мной он сознавался, что брал, а в книжках нигде не записано, еще обстоятельство разгласилось по монастырю, то я во избежание опущения счел нелишним отобрать от монаха Нафанаила показание, при сем прилагаемое, но есть и другие правдоподобные случаи, доказывающие, что это получение было не для личности О. Игумена, а в пользу Обители: в помяннике записано последнею статьею рукой Досифея, что получено 200 р<ублей> сер<ебром> от купчихи Клиновой из С.-Петербурга, но под ней ни года, ни месяца не выставлено, а выше этой статьи внесено в Октябре 1849 года, то во всяком случае эта сумма должна открыться или внесенной в 1849 году ноябре или декабре, или затаена. Не лишнее бы, Батюшко, поручить Отцу Димитрию Рослякову справиться в Главном почтамте в книгах Ладожской почтовой конторы за эти три месяца: ноябрь, декабрь, а вернее, в первой половине генваря сего года, не было ли послано и от кого, и на какой предмет; а в помяннике от купч. Клиновой записаны следующие имена: Афонасия, Алексия, Евдокии, Марии и Агафии. В неокладной книге сего года нет внесенных. В Ладожской конторе сказали, что они отсылают книги ежемесячно, почему и навести справку не по чем. По открывшихся во многих случаях опущений со стороны Иг<умена> Вар<сонофия> немудрено быть и этому.

Касательно отдачи незначительных оброчных статей нет сомнения, и из них немногие сомнительные, завтра жду посланных с объявлением об отдаче.

Теперь распорядился исправлением прежних земледельческих снарядов, приглашен мастер да один из штатных, знающий это дело, да несколько подэконом и эконом Зеленецкой займутся починкою старых колес, сох, борон железных и деревянных, тележных ящиков; должно надеяться, что на настоящий год вполне будет достаточно всего. Настоятелю будет и виднее и вернее пополнять своевременно. Судя по сделанному соображению и скромным потребностям Монастыря при порядочном распоряжении не будет стеснительно преемнику. Но Бога ради поспешите

окончить, ей, утомляюсь. Корольков умоляет заплатить ему долг не в продолжительном времени, а за это обещает отпустить вновь сколько угодно. Но, по отзывам, ему должно бы подождать, говорят, отпускает товар весьма дурен. На платье для братии рассчитывал я роскошно по их назначениям и на камлот, и на крепу, и по шубе, но это несообразно по месту и по лицам.

При прошении харчевника приложен его счет для назначения Отцом Игумном цен на забранные в Монастырь предметы, может быть, не было ли у них предварительного условия; и другой его же, на забранную провизию, до покупки на ярмарке и раньше, Монастырем на 167 р<ублей> 65 к<опеек> асс<игнациями>. Это также требует удостоверения Игумена. Простите, Благословите, и помогити зрети своя согрешения. Непотребный сын Ваш

присный Аполлос.

4-е апреля 1850 года
Троицкий Зеленецкий Монастырь

Послание к братии Сергиевой пустыни из Бабаевского монастыря

Возлюбленнейшие отцы и братия!

Благодарю вас за памятование ваше о мне, грешном, за любовь Вашу ко мне. Благословение Божие да почиет над Вами и над всеми, переплывающими житейское море с целию спасения, с целию достижения Божественной пристани. Кто же зрит единственно к выгодам, преимуществам, наслаждениям преходящего мира, к тому нет у меня слова.

Во время путешествия моего из Сергиевой пустыни чрез Москву в Бабаевский монастырь я посетил многие иноческие обители и видел на опыте то, что святые Отцы описывают в своих Боговдохновенных книгах. Видел, что во всяком месте: и в пустыни уединенной, и среди шумящего многолюдства — те из христиан, которые вникают в Слово Божие и стараются осуществлять его жизнию, наполняют мышцы свои — ум и сердце — напутствием к блаженной вечности. Напротив того, те, которые небрегут о упражнении в Слове Божием, о исполнении святых Божиих заповедей, пребывают в горестном омрачении греховном, в плену у греха, в совершенном бесплодии, несмотря на то, что живут в глубокой пустыни. Пустынножитие, не соединенное с духовными занятиями, вскармливает, тучнит,

усиливает греховные страсти[1]. Так наставляют нас святые Отцы; так есть на самом деле. Слово Божие — живот вечный: питающийся им *жив будет во веки*[2]. Где бы ни питался человек Словом Божиим: в пустыни ли, или посреди многолюдства — везде Слово Божие сохраняет свое святое свойство: свойство живота вечного. А потому никакое место не препятствует этому животу вечному сообщать причащающимся ему жизнь духовную, единую истинную жизнь. Пребывая с вами, всегда напоминал я вам, увещевал вас заниматься Словом Божиим: оно может даровать нашей шумной обители достоинство обители уединенной; оно может построить духовную ограду вокруг обители нашей, не имеющей вещественной ограды. Эта духовная ограда будет крепче и выше всякой ограды, воздвигнутой из кирпичей и камней; никакой порок не проникнет в обитель нашу, никакая добродетель не утратится из нее. Находясь в отсутствии, не нахожу ничего лучшего, как повторить вам письменно то, что говорил устами. Братия! не проводите жизни вашей в пустых занятиях; не промотайте жизни земной, краткой, данной нам для приобретений вечных. Она пробежит, промчится и не возвратится; потеря ее — невознаградима; проводящие ее в суетах и играниях лишают сами себя блаженной вечности, уготованной нам Богом. Употребите ее на изучение воли Божией, благой и совершенной, изложенной в Священном и Святом Писаниях. *Таяжде бо писати вам,* сказал святой Апостол, *мне убо неленостно, вам же твердо*[3].

Когда милосердый Господь, даровав мне некоторое поправление телесного здоровия моего, возвратит в ваше благословенное общество и сподобит узреть лица ваши, как лица святых Ангелов, и тогда мое слово к вам будет то же самое, какое оно было прежде. И прежде увещевал я вас, чтоб вы, претерпевая в Богоданном нам убежище, искали мира душевного в Слове Божием, не увлекаясь суетными помыслами и мечтами, которые обещают дать мир и отнимают его. «Безумного часть — мала пред очами его»[4], — сказал великий Исаак. Напротив того, в душе, принимающей с благодарением дары Божии, возрастает ценность этих даров. Так говорю о нашем пристанище, Сергиевой пустыни. Благодарение Богу за эту пристань может сделать пристань тихой, приятнейшей; смущенные взгляды ропота и недовольства передают свою мутность, свою мрачность и тому, за что, по всей справедливости, следовало бы благодарить, прославлять Бога.

Древо, пересаживаемое с места на место, растрачивает свои силы, хотя бы по природе оно было и сильно, лишается возможности приносить плоды. *В терпении нашем* повелел нам *стяжевать души наши* Божественный Учитель наш[5]. Он возвестил, что творящие плод *творят* его *в терпении*[6]. Он возвестил: *претерпевый до конца, той спасен будет*[7]; *кто же поколеблется,* возвестил наконец Он же, *о том не благоволит душа Моя*[8].

Погружаюсь в созерцание нивы Христовой. Сколько на ней посеяно семян, сколько выросло колосьев! Как они прекрасно зеленеют, шумят утешительно и насладительно, волнуемые ветром. Приходит для этих колосьев время зрелости, время жатвы; они оставляют поле, на котором родились и выросли, сбираются на гумно, сушатся, обмолачиваются, вывеваются. Точно такова наша жизнь. Сколько нужно различных переворотов, чтоб человек увидел всю суетность мира, всю его ничтожность, достиг, наконец, как гумна, недра святой обители. Тяжеловесное, плодоносное зерно, как бы ни перевевали его, всегда падает на гумно, а плевелы и зерна бессильные, пустые, легкие уносятся с гумна ветром; сперва показываются они облаком, чем-то значащим; потом редеют, редеют, теряются из виду, пропадают. Скорби, встречающиеся в обществе, не могут быть извинением малодушия. Быт и место бесскорбные на земле — несбыточная мечта, которой ищут умы и сердца, чуждые Божественного просвещения, обольщенные бесами. Нам заповедано искать мира душевного во взаимном ношении немощей. Не переменами места, рождающимися единственно от осуждения ближних, исполняется закон Христов. Нет! *друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов*[9]. Убегает от исполнения закона Христова безумно ищущий места бесскорбного. Место и жизнь бесскорбные — на небе: оттуда *отбеже всякая печаль и воздыхание.* Земля — место воздыханий, и блаженны воздыхающие на ней: они утешатся на небе. Место и жизнь бесскорбные — когда сердце обрящет смирение и смирением войдет в терпение.

Всему этому, всему, что ни есть благое и спасительное, научает нас Слово Божие. И потому Сам Господь повелевает, все Пророки и Апостолы, все святые Отцы увещевают, заповедуют, умоляют пребывать постоянно в Слове Божием, которое источник всех благ, которое — жизнь, которое — свет на земле, в этой юдоли плача, глада, тьмы, смерти. *И свет во тме светится, и тма его не объят*[10]. Водимый лучом этого света, выходит странник земной на пажить спасительную, духовную, отсюда предна-

чинает жизнь вечную. Примите, братия, слова мои, которые — не что иное, как отголосок учения всех святых. Так пустынный дикий вертеп — жилище гадов и всякой нечистоты — повторяет эхом своим вдохновенные звуки Божественных песнопений.

Испрашивающий Ваших святых молитв и поручающий себя Вашим святым молитвам

Архимандрит Игнатий.

1847 года. Николаевский Бабаевский монастырь.

[1] Преподобный Кассиан Римлянин. О гневе. Добротолюбие. Ч. 4.

[2] ...*Будет жить вовек* (Ин. 6. 51).

[3] *Писать вам о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно* (Флп. 3. 1).

[4] Слово 2.

[5] ...*Терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21. 19).

[6] ...*Приносят... в терпении* (Лк. 8. 15).

[7] ...*Претерпевший же до конца спасется* (Мф. 24. 13).

[8] ...*Кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя* (Евр. 10. 38).

[9] *Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов* (Гал. 6. 2).

[10] *И свет во тьме светит, и тьма не объяла его* (Ин. 1. 5).

Письма святителя Игнатия к наместнику Сергиевой пустыни Игнатию (Васильеву)

№ 1

По милости Божией — путешествую благополучно. В день выезда моего из Сергиевой Пустыни проехал я недалеко до Тосны. Подъезжая к ней, почувствовал усталость, наклонность ко сну; цель путешествия моего — поправление здоровья, и потому зачем утомлять себя ездою во время ночи? Остановился в доме нашего Афанасия. Старушка мать его и брат приняли меня с приятным, простосердечным радушием. Раскинута моя дорожная кровать, ложась, я вспоминал с сердечным утешением подаривших мне ее, вспоминал всех, напечатлевших на душе моей своею любовию столько сладостных впечатлений. Встав на другой день в 5-м часу, отправился в дальнейший путь, на последней станции к Новгороду пошел сильный дождь, провожавший нас до самого Юрьева. Потрудись сказать от меня благодарность Афанасию за ночлег в его доме; матушка его очень мне понравилась, нахожу, что он очень похож на нее. В Юрьеве Отец Архимандрит [Мануил] принял меня очень благосклонно; сегодня утром был я у ранней обедни в нижней пещерной Церкви,

обедню совершал Отец Владимир[1] с учеником своим иеродиаконом Виталием: они очень милы — вместе. Отец Владимир служит благоговейно — как быть старцу; Виталий — с приятною простотою. После Литургии Отец Архимандрит отправил соборне панихиду по почившем восстановителе[2] Юрьевской Обители. Вышедши из церкви, я посетил Отца Владимира, пил у него чай. Затем посетил Монастырскую библиотеку и ризницу. С колокольни посмотрел на Новгород и его окрестности. Здесь тихо; отдыхает душа и тело; но ничто не отозвалось во мне поэтическим вдохновением, как то было на Валааме. Когда я смотрел с колокольни на Новгород, когда посещал в монастыре храмы, когда смотрел на богатство ризницы — душа моя молчала. Отец Владимир пришлет тебе два портрета Отца Фотия и вид Юрьева монастыря. Один из портретов возьми себе; а другой портрет и вид обители вели обделать в бумажные рамки для моих келлий. Сегодня суббота, скоро громкий и звучный колокол ударит ко всенощному бдению; думаю участвовать сегодня вечером и завтра утром в Богослужении, а завтра после обеда отправиться в дальнейший путь. Я и спутники мои чувствуем пользу от путешествия.

Когда вспомню о тебе и обители нашей, то приходит мне утешительная мысль: *Без воли Божией быть ничего не может*. Так и с тобой и с обителью ничего не может случиться такого, чего не попустит Бог. А Он попускает тем, кого любит, искушения и вслед за искушениями дарует избавление от них. Утешаемые искушением, мы прибегаем молитвою к Богу; а получая избавление от искушения, стяжеваем веру в Бога, веру не мертвую, теоретическую, но живую, практическую. Настоящее твое положение сопряжено с трудностями; но эти трудности крайне тебе полезны, необходимо нужны: они сформируют тебя. *Муж неискушен — неискусен,* — говорит Писание, — *а искушенный примет венец жизни и стяжет дар помогать искушаемым*[3]. Веруй, что власы наши изочтены у Бога, — тем более пред очами Его — все случающееся с нами. Плыви и правь рулем правления обители в вере на Бога, в терпении, в страхе Божием. Когда стоит кто высоко — должен глядеть вверх, а не вниз; если будет глядеть вниз, то легко у него закружится голова и он упадет. Итак, верой гляди вверх, на небо, на Промысл Божий, и не закружится у тебя голова, не впадешь в смущение и уныние, которые приходят, когда глядим вниз, т. е. когда вместо молитвы и веры вдадимся в свои рассуждения и захотим всякое дело решить

одним собственным разумом. Христос с тобою. Прошу молитв твоих и всего братства.

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.
1847 года, Июля 12-го дня
Новгородский Юрьев монастырь

[1] *Отец Владимир* — иеромонах Юрьева монастыря.
[2] *Архимандрит Фотий (Спасский)* — о нем см.: Т. 1. С. 488–491.
[3] См.: Иак. 1. 12.

№ 2

Истинный друг мой, Отец Игнатий!

Милосердый Господь, от которого всякое даяние благое, да дарует тебе управлять обителию во страхе Божием, с духовною мудростию, тихо, мирно и благополучно.

В Москву прибыл я в среду вечером, часу в десятом, остановился в доме Мальцева, где меня приняли радушно и успокоивают. Спутешественники мои здравствуют, заботятся о том, чтобы услужить мне. Преосвященного Митрополита нет в Москве, он путешествует по некоторым местам Епархии; мне придется дождаться его и потому, между прочим, что колесо у кареты сломалось, а меня раскачало и нуждаюсь в отдохновении. В четверток был в Угрешской обители, которая, несмотря на близость свою к Москве, посещается Богомольцами очень мало и потому — очень уединена. С душевным утешением увидел я там некоторых монашествующих, провождающих жизнь внимательную, в страхе Божием. Они очень хранятся от монашествующих города Москвы, не презирая их, но избегая расстройства душевного, которого никто так скоро сообщить не может, как брат, живущий нерадиво. Сие наблюдали Василий Великий и Григорий Богослов, когда жили в Афинах. Сие заповедал соблюдать Св<ятый> Апостол Павел. Он говорит Коринфянам: *Я писал вам в послании не сообщаться с блудниками; впрочем не вообще с блудниками мира сего, или сребролюбцами, или хищниками, или идолослужителями; ибо иначе надлежало бы вам выдти из мира сего: но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, есть блудник, или сребролюбец, или идолослужитель, или злоречив, или пьяница, или хищник; с таковым даже не есть вместе* (1 Кор. 5. 9–11). Видишь ли, как порок, когда он в брате, гораздо заразительнее и прилипчивее, нежели когда он в постороннем лице! Это от того, что люди позволяют себе гораздо более дерзновения и свободы пред братиями, нежели

пред посторонними, пред которыми они стараются скрыть порок свой. Вглядывайся в общество человеческое: в нем беспрестанные опыты свидетельствуют справедливость слов мудрого, святого, Богодухновенного Апостола. Руководствуйся сам этим нравственным Апостольским преданием и сообщай его братиям в их назидание и охранение от греха.

В пятницу был я в Кремле для поклонения его святыням. О<тец> Игумен Угрешский[1] был моим путеводителем. В этот день посетили меня добрые Граф и Графиня Шереметевы[2], также и я побывал у некоторых знакомых и родственников своих. Был в монастырях: Чудове, Новоспасском, Симонове, Донском; видел прежде живших у нас иеродиакона Владимира, Евстафия, Грозного, слышал, что здесь Булин и Черный, направляющиеся к Киеву. Скажу одно: братиям нашей Сергиевой Пустыни должно благодарить Бога, что он привел их в эту обитель, в которой довольно строго наблюдают за нравственностию, чем сохраняют молодых людей, дают им возможность усвоить себе благонравие, составляющее существенное достоинство инока. Конечно, не составляют его голос и знание ноты! Они хороши для Богослужения Церковного, когда душа не разногласит с устами. Это разногласие — когда уста произносят и воспевают хвалы Богу, а душа хулит Его своим злонравием.

Здесь узнал я, что О<тец> Пафнутий подал прошение о перемещении в Донской и что о сем послан запрос к нам. На запрос отвечай благоразумно, скажи, что Настоятель пред отъездом утруждал начальство о посвящении некоторых лиц в иеромонахи по недостатку Священнослужащих в Сергиевой Пустыне; впрочем, что ты представляешь сие обстоятельство воле и усмотрению начальства. Другой причины, кроме малого числа иеромонахов, — мы не имеем к удерживанию О<тца> Пафнутия. Будь осторожен с Муравьевым[3], если он посетит обитель нашу. Дай полный вес сему предостережению моему... Здесь стоят северные ветры, довольно сильные, от чего погодка похожа на Петербургскую: солнце жжет, а ветер пронизывает насквозь. Нельзя выйти в одной рясе, без шинели.

Затем — Христос с тобою и со всем возлюбленным братством. Всем кланяюсь и у всех прошу Св<ятых> молитв.

Недостойный Архимандрит Игнатий.

1847 года
июля 21-го дня

[1] *Игумен Иларий* – о нем см.: Т. 1. С. 312–319.
[2] О них см.: Т. 3. С. 430–433.
[3] *Муравьев Андрей Николаевич* – о нем см.: Т. 3. С. 260–261.

№ 3

Получил письмо твое от 15-го июля. Бог да укрепит тебя! Не предавайся скуке о моем отъезде: он был необходим. Теперь мне сделалось гораздо лучше и теперь-то вижу, в каком расстроенном положении был я в Петербурге. Но все еще надо провести значительное время вне нашего сурового Сергиевского климата, чтоб собрать силы и проводить в ней иначе время, нежели как я проводил, т. е. лежа. Если найдешь совершенно необходимым вывести иеродиакона Иоасафа, то извести меня в Бабаевский монастырь, я дам тебе письменное мое согласие, которое можешь показать Пр[еосвященному] Викарию. При случае скажи мой усердный поклон Графине К., Князю Ш[ихматову], Даниилу Петровичу. Все наши знакомые удивили меня своею любовью, которая так обильно обнаружилась при моем отъезде из Петербурга. Завтра думаю ехать в Бородино, потом воротиться в Москву не более как на сутки и пуститься чрез Лавру, Ростов, Ярославль в Бабайки и Кострому. Князю Шихматову пишу письмо сегодня же. Письма ваши получены мною довольно поздно, потому что Иван Иоакимович [Мальцев] выехал из Петербурга не 16-го, как он было предполагал, но 24-го июля. Прошу у Павла Петровича извинения за то, что не отвечаю ныне на письмо его – некогда! Надеюсь загладить это упущение из Бабаек, откуда думаю написать письмо и ко всей вообще братии. Да подкрепит тебя Господь! Потрудись к общему благу, дай мне воспользоваться отпуском и поправиться в телесных силах: это принесет свои плоды и для меня и для тебя.

Христос с тобою и со всем о Господе братством.

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.

Потрудись сказать от меня Васе, что он без меня вел бы себя кротко и был послушен, тем доставит он мне большое утешение.

1848 года
июля 29 дня

№ 4

Истинный друг мой, Отец Игнатий!

По милости Божией я приехал благополучно в Бабаевский Монастырь, в котором точно по сказанию Уткина воздух чудный.

Здоровье мое таково, что сказать о нем ничего решительно не могу; кажется, получше. Вкоренившееся и застаревшее расстройство не вдруг исправляется. Отец Феоктист очень доброго и открытого нрава, что мне по сердцу. Теперь выслушай полный отчет моего странствования, до которого я большой неохотник.

Сколько я ни ездил — нигде мне не понравилось. Мил, уединен монастырь Угрешский; но мое сердце к нему было чужое. В Бабаевском нравится мне лучше всего; природа необыкновенная, какая-то роскошная, величественная; воздух и воды здоровые; но сердце к нему чужое. А к Сергиевой оно, как к своему месту. Видно, придется возвратиться в нее. Нашим неопытным любителям пустынножития, как, например, О<тцу> Иосифу, не ужиться в пустынях, кроме Сергиевой, по грубости братства; чтоб можно было ужиться, то надо сперва ввести обычаи Сергиевой Пустыни в какой-либо пустынный Монастырь. Видел я Отца Моисея в Гефсимании на одну минуту; потом приходил он ко мне в Гефсиманию, стоял предо мною на коленях и со слезами просил прощения в своем поступке и дозволения возвратиться обратно в Сергиеву Пустыню. Я простил, но говорил ему, как тяжело было для меня, когда он при болезни моей решился на такой поступок, не обратя никакого внимания на мои увещания, в которых я излагал ему ясно невидимую брань сердечную — и прочее. Он снова просил прощения и сознавался в том, что обманули его помыслы. В Лавре, кроме святынь, понравилась мне довольно Академия духовная, в которой многие Профессоры трудятся в пользу Церкви. Недавно вышла книга: «Творения иже во святых Отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского, часть пятая». Доставь маленькому Игнатию записочку, пусть предложит нашим знакомым выписать эту книгу. По собрании сего напиши письмо О<тцу> Ректору Академии, Архимандриту Алексию[1], прекрасному человеку, с которым я очень сошелся, прося приказать известить тебя, что стоит экземпляр и сколько экземпляров вы желаете иметь. Потом вышлешь деньги и получишь книгу, которая особенно хороша. От Отца Аполлоса я получил сегодня письмо, в котором извещает, что он уволен от поездки. Я этим доволен: ему нужно побыть на месте и успокоить себя, а развлечение могло бы его совершенно расстроить.

Получил письмо и от Ивана Павловича Лихачева[2], которое при сем прилагаю. Кажется, у него написано в письме

лишнее против счета, который имеется у нас. Потрудись его увидеть, проверить с ним счет или пошли для исполнения сего верного человека. Прописываемый Лихачевым орден точно мною взят. Хорошо, если б вы могли ему выдать хотя тысячу рублей ассигнациями из неокладной монастырской суммы; да две тысячи ассигнациями выдай из моей осенней кружки. Пожалуйста, обрати на это внимание и успокойте этого человека; думаю — можно бы и теперь вынуть из братских денег в мой счет 2000; если же сего нельзя, то всячески можно после 25 сентября, а тысячу хорошо бы и теперь из монастырских.

Из Москвы послано мною к тебе два письма; в одном из них писал я о Пафнутии то же самое, что ты о нем пишешь. Вкус его для нашего места не годится; не можешь себе представить, как показалось мне отвратительным Московское пение с его фигурами и вариациями. Нам нужна величественная, благоговейная простота и глубокое набожное чувство: этими двумя качествами наше пение становится выше пения Московских монастырей. Из настоятелей мне наиболее понравился Феофан по его прямоте и радушию. Натяжная святость как-то мне не по вкусу. Угрешский игумен просится на покой: в случае его увольнения я согласился с Пименом[3] и другим иеромонахом, которые совершенно образовались по моим грешным советам и настоящие — Сергиевские. Приходил ко мне иеродиакон Владимир, тоже изъявлял желание поместиться к нам; я был с ним откровенен, т. е. прямо сказал ему причины, которые если он не устранит, то никак не может быть терпим в нашей обители. Он отвечал, что сам усмотрел всю гнусность расстроенной жизни и желает исправиться, как исправился брат его. Я сказал, что теперь не могу дать решительного ответа, а дам его при возвращении его. Извещаю тебя о сем, чтоб ты имел время все обдумать и сказать мне свое мнение.

Грусть твоя от того, что ты сам правишь обителью, а не из-за другого; я понимаю это чувство по собственному опыту. Возлагай на Господа печаль твою, и Он укрепит тебя; мне необходим воздух для поправления моего расстроенного здоровья, от чего и самое жительство делается расстроенным. Возвратившись с обновленными силами, тем усерднее и деятельнее займусь устройством Обители, имея в твоей искреннейшей ко мне дружбе и в Богом данных тебе способностях обильную и надежную помощь. Всем братиям кланяюсь и прошу их святых молитв. Христос

с тобою! Благословение Божие да почивает над тобою. Приложенные два письма отдай по адресам.

Тебе преданнейший о Господе друг

Архимандрит Игнатий.

1847 года
августа 12-го дня

[1] О нем см.: Т. 1. С. 158.
[2] Книгоиздатель.
[3] О нем см.: Т. 1. С. 312–326.

№ 5

Присылаю тебе при сем, друг мой, церемонное письмо, чтобы ты мог его показать, если то будет нужно. Получил твое письмо на двух листках от 4 августа. При сем прилагаю письмо к Павлу Матвеевичу [Толстому]: он не откажется похлопотать, чтоб в Париже налитографировали на 1000 экземпляров. Он говорил мне об этом; запечатай письмо мое и перешли его к Яковлеву, прося, чтоб сей переслал в своем письме к Павлу Матвеевичу. Сердечно радуюсь, что ты поспокойнее; дайте мне поправиться сколько-нибудь: это для меня необходимо. Поправившись, Бог даст, смогу послужить для общей пользы хотя еще сколько-нибудь. Тебе очень полезно настоящее твое положение, хотя оно и сопряжено с некоторыми неприятностями. Сам по своему опыту посуди, каково заниматься должностью при болезненном состоянии; а моя болезненность достигла до расстройства нерв, что очень опасно. То время, которое ты будешь управлять Монастырем, подвинет тебя и в опытности и в духовном успехе и привлечет к тебе расположение братства, которое ты можешь иметь по самому природному твоему свойству. Всем знакомым от меня очень кланяйся, я имею к ним чувство, как к родным. Знакомлюсь не скоро, но зато, по милости Божией, прочно. Моисей, нынешний временно — Гефсиманский, сохраняет к тебе особенное расположение. Он понял тамошние обстоятельства, но в то время, когда ввалился в них, понял и знаменитого Антония[1], который — вполне наружный человек, имеющий о монашестве самое поверхностное понятие. — При свидании потрудись сказать мой усерднейший поклон Высокопреосвященнейшему Илиодору[2] и благодарность за его расположение ко мне. Относительно того, что трава скошена молодою, моложе, чем прошлого года, я согласен с Хутор-

ным. Желаю вам убрать рожь и овес благополучно. Если овса будет довольно, то часть можно продать и на часть этих денег купить хоть 20 коров и бычка, чтоб они во время зимы накопили навозу для ржаного поля. Отец Израиль обещал мне это сделать и доставить коров по первому снегу. Впрочем, сие предоставляю на твою волю и благоусмотрение. Недавно послал я к тебе письмо. Это второе уже из Бабаек, которыми я очень доволен. Прекрасный Монастырь! На прекрасном месте, с отличным воздухом и водами! Купаюсь в речке Солонице, в которую впадают соляные источники, в которых прежде добывали соль. Они в 200 шагах от моего окошка. Все тело чешется и выходят пятна и возвышенности вроде сыпи. Такое чувствую благотворное действие здешних вод и на желудок. Чай пришли ко мне. Не думаю от вас требовать много денег. В прошлом письме я писал тебе, какое употребление сделал из моих денег, которые у вас. Пожалуйста, не оставь сего обстоятельства без внимания и извести меня о последующем. Я все еще в развлечении: исправляю нужды по келии; то, другое надо завести, т. е. стол, стул — и тому подобное. Надо будет съездить в Кострому к Преосвященному Иустину, также в Ярославль, в котором при проезде я пробыл не более часу.

Всем братиям усердно кланяюсь.

Христос с тобою.

Тебе преданнейший

Архимандрит Игнатий.

1847 года
августа 14 дня

Потрудись послать два экземпляра Валаамского Монастыря Его Высокобл<агородию> *Ивану Иоакимовичу Мальцеву в Москву на Лубянку в Варсонофьевском переулке, в собственный дом* — для него и для супруги его Капитолины Михайловны.

Также потрудись послать в Москву один экземпляр на имя Графа Шереметьева и два на имя Графини с тем, чтоб один из них она доставила Митрополиту Филарету. Их адрес: в Москве на Воздвиженке в собственном доме. Пошли в Бородинский Монастырь три экземпляра при прошлом письме, адресуя в Можайск Московской Губернии, — один Г-же Игумении[3], другой двум ее келейницам, Палладии и Анатолии, третий Елизавете Шаховой[4].

Мне сюда пришли экземпляр.

Князю Суворову — один.

Пришли порошков от клопов, которые здесь многочисленны...

[1] О нем см.: Т. 1. С. 85–87.
[2] О нем см.: Т. 1. С. 143.
[3] *Игумения Мария* (в миру Маргарита Михайловна Тучкова; 1781–1852) — о ней см.: Т. 1. С. 481–483.
[4] О ней см.: Т. 2. С. 166–189.

№ 6

Отец Наместник, Иеромонах Игнатий!

Благодарю Вас за то внимание, с которым Вы извещаете меня о главных обстоятельствах Сергиевой Пустыни.

Вам известно, что я признавал всегда Иеродиакона Иосифа мало способным к жительству в монастырях столичных; почему увольнение его из Сергиевой Пустыни посчитаю полезным и для Пустыни, и для самого иеродиакона Иосифа. Если он был доселе терпим в ней, то это — в надежде сделать ему добро и по нужде в Иеродиаконах. Но сия нужда вскоре может быть отстранена посвящением монаха Сергия в Иеродиаконский сан. — Равным образом Иеромонах Пафнутий мог бы быть уволенным, если б у нас было достаточное количество Иеромонахов: он нужен только для служения, но для пения не только не полезен, даже вреден. Сформировав вкус свой в провинции, он недостаточен для нашего хора, в котором должны служить лучшим украшением простота и глубокое благоговейное чувство, а не фигурные вариации, которые в таком употреблении в Москве и которые так нейдут к монашескому пению.

Очень рад, что сенокос убран благополучно; желаю, чтоб вы успели убрать также благополучно хлеб и овощи. Присматривался я к полям при моем путешествии: точно — трудно встретить такую обработку, какова она у нас, и такой чистый рослый хлеб, каков он у нас.

По отношению к здоровью моему чувствую себя лучше. Воды и воздух здесь превосходные. Когда прекратится возможность купаться, то начну принимать души. Всем знакомым прошу сказать мой усердный поклон, — равно и братии.

И вам, Отец Наместник, желаю всех благ. Правьте обителью с благонамеренностью, столько вам свойственною, в

надежде на помощь Божию, и молитесь о недостойном Настоятеле вашем.

Архимандрит Игнатий.
1847 года 14 Августа

№ 7

Препровождаю к тебе, друг мой, прошение Отца Моисея. Надо составить прошение форменное и передать его братьям для доставления ему, чтоб доставление сие было верное. Я живу по милости Божией благополучно. Около недели гостил в Костроме у Преосвященного Иустина, который обходился со мною очень любовно. По возвращении моем из Костромы нахожу новое письмо Моисея, в котором умаливает меня о прощении его и принятии снова в Сергиеву Пустыню. Христос с Вами. Всем братиям кланяюсь и прошу их молитв. Завтра думаю отправиться в Ярославль сутки на трое и тем окончить мои разъезды. Бабаевским монастырем я очень доволен. Воздух и воды чудные. Пред самым монастырем шагах в 100 от Св<ятых> ворот обильно сочилась вода, не замерзавшая, по сказанию жителей, и зимою. Я нанял, чтоб очистили это место и впустили струб в 2 аршина вышиною. Что ж? Ударило до двадцати ключей, и мы имеем чистейшую, как хрусталь, воду, из которой образуется ручей, текущий в Волгу. По возвращении из Ярославля надеюсь еще писать к тебе.

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.

Стефану получше. Сысой захворал прошлогоднею болезнию.

1847 года
Августа 24 дня

№ 8

Не желая пропустить почты не написав тебе ничего, извещаю, что я на прошлой неделе был в Ярославле. Таким образом окончив свои разъезды, начинаю сидеть дома и лечиться. Ноги мои начинают издавать испарину, с которою вместе, кажется, выходит и болезнь. Христос с тобою, будь здоров и благополучен. Всем братиям — мой усерднейший поклон.

Недостойный Архимандрит Игнатий.
1 сентября

№ 9

Отец Наместник Игнатий!

При сем препровождаю к Вам письмо О<тца> Казначея Вифанского монастыря Иеромонаха Вениамина, в котором он, Отец Казначей, объясняет начало болезни Иеромонаха Мефодия, его родного брата, находящегося ныне в Старо-Ладогском Николаевском Монастыре. По просьбе Иеромонаха Вениамина и по собственному своему усмотрению, находя нужным, чтоб сии сведения были известны С.-Петербургскому Епархиальному Начальству, препровождаю к Вам письмо Иеромонаха Вениамина с тем, чтоб Вы оное представили по благоусмотрению Вашему.

Архимандрит Игнатий.

1847 года
Сентября 1 дня

№ 10

Истинный друг мой Отец Игнатий!

Получив письмо твое от доброго знакомого нашего, с ним отправляю и пространный ответ; а чтоб и по почте, которая, вероятно, придет скорее, не лишить тебя известия о мне, пишу сии строки. Лечусь; крывшаяся во мне простуда кидается во все стороны, в особенности сильный переворот в ногах, в которых то начнется дерганье жил, то лом, то испарина — после сего чувствую облегчение и оживление ног. Но от диеты и испарины слабы. Ну уж какое славное, чудесное безмолвие. Кажется, проводил бы до гроба такую жизнь. Препровождаю при сем письмо от Рослякова; передай его Николиньке, чтоб он известил Рослякова: пусть делает как хочет и знает. В месте, где он живет, терпят его немощи; в другом неизвестно — потерпят ли? А здесь мне взять его на свое попечение и иждивение невозможно. Письмо его по прочтении истреби, чтоб не попалось в руки Аполлосу и не расстроило бы его.

Каково поживает Влас Михайлович?

Степе то получше, то опять хуже; Сисою лучше.

Будь здоров.

Тебе преданнейший о Господе

Архимандрит Игнатий.

8 сентября

Впрочем, я говорил О<тцу> Игумену о Рослякове, он согласен его принять.

С Даниилом Петровичем препровождаю мои испорченные часы; отдай их Мизеру для поправки и с Николинькою пришли.

№ 11

Истинный друг мой

Отец Игнатий!

С несказанным сердечным утешением читаю твои письма и благодарю Господа Бога, что Он по неизреченной своей милости даровал мне такового и искреннего, доброго, верного и умного друга, как ты. Жизнь наша коротка. Что в ней ни приобретешь — все должно оставить при входе в вечность. Одно благо, которое пойдет с нами туда: любовь к Богу и любовь ради Бога к ближнему. Молю Бога, чтоб любовь наша была вечною. В письмах, идущих по почте, не забываю вставлять слова для политики, принужден кое-что умалчивать из опасения косой ревизии. А это письмо идет с добрейшим Даниилом Петровичем, который был у меня 5-го Сентября. — В двух обителях на пути моем принят я был как родной: в Угрешской и Бородинской. Угрешский Отец игумен думает на покой. Его казначей и другой Иеромонах, друг казначея, — точно наши Сергиевские; казначей знаком был со мною в Лопотове монастыре, заимствовал от меня направление в монашеской жизни и сохранил его доселе. Они меня на руках носили и в случае выбытия на покой игумена намерены переместиться к нам: это прекраснейшие люди. Бородинская Г-жа Игуменья приняла очень радушно. Первый день занимался беседою с одною ею, а Степана тормошили сестры. На другой день некоторые из них познакомились со мною. А когда я уезжал, то некоторые из них, провожая со слезами, говорили: мы с Вами — точно с родным Отцом, как будто век знали. И я с ними породнился — есть такие прекрасные души, — многие с хорошим светским образованием. Митрополит Московский был очень добр; постарел. У Преосвященного Григория Тверского гостил целые сутки; он самый прямой человек и принял меня с особенным радушием. С Лаврским наместником Антонием я очень не сошелся, а поладил с Академическим Ректором Алексеем. Из Московских Архимандритов мне понравился наиболее О<тец> Феофан Донской. Наместник обошелся со мною сначала довольно нагло, потом поумялся. Нашел в Вифанской Семинарии иеромонаха Леонида[1], Профессора и Магистра из флотских офицеров, который в Петербурге бывал

у меня. В посаде живет его матушка-старушка, которую он содержит своим жалованьем. Иду из Академии к саду — встречает меня незнакомая старица, останавливает: «Ах, Батюшка, говорит, как я вам благодарна за сына моего: направление, которое вы дали в Петербурге, его руководствует в пути им избранном так благополучно; я мать Леонида». Он приходил ко мне вечером и как пред Духовником поверил всю жизнь свою со всею простотою и откровенностью. Этот случай — пребывание в Бородине, на Угреше, — из светских в Москве Мальцевы, Назимов (ныне Генерал, бывший при Наследнике Флигель-адъютант) и, наконец, в Бабайках приезд одной из сестер моих — меня очень тронули и утешили. Какие есть на свете души! И как чудно слово Божие! Недаром один святой Отец говорит, что сеятель сеет сряду, а неизвестно, которое зерно взойдет и который участок земли даст обильнейший урожай. Преосвященные Костромской и Ярославский приняли меня очень ласково. Сошелся довольно с Костромским Ректором, с человеком благонамеренным и прямодушным, имеющим ревность к благочестию. Здесь в монастыре знаком только с О<тцом> Игуменом, с ним иногда я вижусь, более почти ни с кем. Сижу дома, никуда не выходя. Такая жизнь мне чрезвычайно нравится. В Москве зубной врач, приглашенный мною по случаю разболевшихся зубов, нашел, что зубы мои очень исправны, но что они поражены ревматизмом, против которого дал полосканье: французская водка или ром, настоянные свежим хреном. Этим велел полоскать, разводя с водою, также мазать снаружи около шеи и за ушами. Видя отличное действие этой национальной микстуры, я попробовал помазать мои ноги, которые по временам очень болели и всегда зябли. Когда я их помазал, то они начали согреваться, а чрез несколько дней капает из них пот и явилась переходящая боль ревматическая, т. е. простуда, сидевшая под маской и прикрытием, — обнаружилась. Наш добрейший Иван Васильевич[2] говорил мне правду: у вас замаскированный ревматизм. Разумеется, я тотчас прекратил окачивание себя из душа, а решился попить декокту из Сассапарели при натирании хренною настойкою, доколе совсем не прекратятся боли. — Степану получше; он один мне служит. Сисой лежит и пьет декокт Сассапарельный. Вот все здешние новости. Публика Ярославская и Костромская очень ко мне милостивы.

Теперь начинаю отвечать на все пункты писем твоих (извини, что худо пишу: пишу на налое, чтоб не так скоро устать и

побольше написать). 1) *На то, которое от 22 августа.* Бог тебе открывает понятие о монашеской жизни, которая есть совершенство Христианское. Это Божий дар: возделывай его. При естественной доброте твоего сердца, при прямоте твоего рассудка, стяжи еще доброту Евангельскую и Евангельский разум. Бог, Который даровал тебе прекрасные естественные свойства, да дарует и Евангельские. Точно, как ты говоришь, — ни порядка, ни благонравия, ни даже таких духовных познаний не встретишь, как в нашей обители. Благодарю тебя за Отца Иосифа; он очень добрый и мягкосердечный, но по неопытности лезет как овца к волкам. Моисей сдуру куда врезался! — к начальству сильному, от которого уйти не легко, — и в какое место! В место, где все личина и все напоказ. Лавра мне очень не понравилась, кроме святынь ее. Совершенно торговое место — братство в полной свободе, певчие с такими вариациями, что хоть вон беги из церкви. По местоположению понравились два монастыря — Угрешский и Бабаевский. В обоих воды прекрасные. — Моисей тоже очень тебя любит, как и ты его. Разочаровался в Антонии, говорил мне: Батюшка, ныне и такого Настоятеля, каков наш Наместник, т. е. ты, не найти. — Благодарю за распоряжения по письму Лихачева; будете делить эту кружку после 1-го октября, то из моей суммы возьми сто р<ублей> серебром по назначению для твоих расходов, пятьдесят асс. отдай Павлу Петровичу и остальные пришли мне. Отца Пафнутия я не думал бы снова ставить на крылос, тем более что он хочет вести крылос в том устаревшем провинциальном вкусе, который ему нравится, но который нам вовсе нейдет. Нам нужно стремиться к совершенной простоте, с которой бы соединялось глубокое благоговейное чувство. Штучки предоставим Москве. Если будет скучать О<тец> Пафнутий, то можно ему поручить хор ранних обеден и обучение нот незнающих ее. Иеромонах Иоанникий пусть подождет моего возвращения, — в Ладоге никого нет; Росляков просится сюда. Три экземпляра ты отдал, как следует и как мною было тебе поручено; потому что после чтения, которое, помнишь, было на балконе, так было мне приказано. Успокойся — я напишу об этом А<лександров>ой, тем более, что я получил от них письмо, на которое должен отвечать. Я забыл тебе сказать, что с Фридриксовой[3] не надо ездить по ее домашним обстоятельствам, как я и сам не ездил, а посылал с человеком к 8-ми часам утра. Она мне пишет о Монастыре с большим участием, не называя тебя, говорит, что без слез братия не могут

говорить о мне; я понял, что она видела твои слезы! Бог вложил этому человеку нелицемерное расположение к нам. Я ей пишу и благодарю за внимание к тебе.

2) *На письмо от 25 августа, что с Полозовым*[4]. Как выше я сказал, показавшаяся испарина заставила меня остановить леченье водою. Вода в Солонице имеет небольшую солоноватость и очень полезна, но близ Галича есть настоящие соленые воды целительные. В них купался Пр<еосвященный> Иустин и почувствовал большую пользу. Мне мешает скоро поправиться гнездящаяся во мне простуда; при всем том по временам чувствую себя довольно хорошо. Даниил Петрович был необыкновенно мил, доставил порошок от насекомых. Чай получил по почте. Благодарю тебя, что побывал у Преосвященных. — Должно быть, Харьковский не по Питерскому православию пришелся[5]. Если что узнаешь, то напиши в письме, о котором будешь уверен. Если случится увидеться с Преосвященными, то всем скажи мой усерднейший поклон и прошение благословения, увидев Харьковского, поблагодари за его расположение — навсегда: это — сердце сердцу весть подает, и я прошу его принять мое таковое же расположение, основанное на истинном служении Богу и Церкви. Поклон от него Пр<еосвященному> Иустину я правил! Очень рад, что уборка полевых продуктов идет успешно, я по всей дороге не видал таких хлебов, какие у нас. О косулях я сам думал: нахожу, что удобнее будет прислать зимою; водою, кажется, уже поздно. Мне сказывали здешние агрономы, что траву непременно должно посыпать гипсом, высевать 30-ть пудов на десятину; гипс действует два года; а на один и тот же участок сыплют его не раньше, как через 8-мь лет тоже по какой-то причине, которую мне не могли хорошенько объяснить, которую и я не хорошо выслушал. Забавно твое рассуждение по случаю проданной ставы о Петре Мытаре. Приложенное письмецо доставь покупщице ставы. Княгине Варваре Аркадьевне скажи мой усерднейший поклон и также доставь приложенные строки. При свидании с Госпожою Игумениею Феофаниею[6] засвидетельствуй ей, равно и Матери Варсонофии[7], мой усерднейший поклон. Хорошо, что с Андреем Николаевичем [Муравьевым] ты был осторожен: это прикрытый личиною дружбы враг мой и именно твой. Вели Михаилу Хуторному или Петруше, или если есть при Монастырских садах садовник, — насадить школу дубовыми желудями. Хотелось бы прислать для школы кедровых орехов, — пришлю, если не забуду: их садят, ровно

как желуди, с осени. Принятие и отпуск братии — одобряю. Я наведывался здесь о людях, именно с крылосными способностями, но до сих пор еще ни один не пришелся мне по глазам и по сердцу. Ты не можешь себе представить, какая повсюду скудость в людях! Наместник Воронежский Платон, о котором ты мне говорил, ныне Наместником в Ипатьевском монастыре, Игуменом и Членом здешней Консистории. С Отцом Феоктистом мы очень ладим: человек добрый и открытый; здесь гостит его матушка — помещица, преинтересная старушка — старых времен человек! Если Пафнутий снова подает прошение в Святейший Синод — тем более не должны пускать его на крылос. Крылосные к нему не расположены; а он как человек, способный к штукам, пожалуй для своих плотских видов, не остановится приводить братию в расстройство. А наши просты! О Владимире я тебе пишу на всякий случай; я ему ничего не сказал, отложил ответ мой до будущего времени. Наконец — благодарю Господа Бога, что у Вас идет все хорошо. Молитесь о мне. Ныне мудреное время; где ни насмотрелся — везде зло берет верх, а благонамеренные люди находятся в гнетении. Спаситель мира повелел стяжевать души свои терпением. Полагаюсь на волю Божию. Здешнее уединение показывает мне ясно, что по природным моим свойствам и по монастырскому моему образованию — быть бы мне пустынником; а положение мое среди многолюдного, столичного города между людьми с политическим направлением, — есть вполне не натуральное, насильственное. Молитва и слово Божие — вот занятие, единственно мне идущее. При помощи уединения могли бы эти два занятия, кажется мне судя по опытам, — очень процвести, и желал бы я ими послужить ближним. Для прочего служения есть довольно людей, с преизбытком; а для этого ныне, просто сказать, не найти. Повирают — и то не многие, а чтоб кто сказал истину Христову — точно не найти! Сбывается слово Христово: в последние времена обрящет ли Сын Божий веру на земли! Науки есть, Академии есть, есть Кандидаты, Магистры, Докторы Богословия (право — смех! да и только), эти степени даются людям; к получению такой степени много может содействовать чья-нибудь б... Случись с этим Богословом какая напасть — и оказывается, что у него даже веры нет, не только Богословия. Я встречал таких: доктор Богословия, а сомневается, был ли на земле Христос, не выдумка ли это, не быль ли, подобная мифологической! Какого света ожидать от этой тьмы!

Христос с тобою. Всем братиям мой усерднейший поклон.

Тебе преданнейший друг, недостойный

Арх<имандрит> Игнатий.

Скажи Федору Федоровичу Киселеву, что я получил от князя Шихматова письмо, в котором он очень извиняется, что не мог исполнить известного желания нашего.

Письма от Фридриксовой ко мне посылай не иначе, как чрез Полозова.

Понудил себя — побывал у Сергия[8] на Толге и у Нафанаила, Строителя в одном маленьком монастыре в Ярославле. Не очень благосклонно глядит на них здешний Архиепископ. Видя, что меня Старец Архиерей очень полюбил (я у него был три раза и обедал в два дня), Сергий просил меня замолвить за него словцо. Оказывается, что в колодец преждевременно кастить не надо.

7-го и 8 сентября.

Напиши мне, как адресовать к Степану Федоровичу Апраксину.

[1] *Иеромонах Леонид* — о нем см.: Т. 1. С. 80–108.

[2] *Бутузов И. В.* — доктор в Санкт-Петербурге.

[3] *Фридриксова (Фредерикс) Цецилия Владиславовна*, урожденная графиня Гуровская (24 октября 1794 — 27 апреля 1851), баронесса — воспитывалась при прусском дворе в семье короля Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы вместе с дочерью их, принцессою Шарлотою, впоследствии Императрицей Александрой Федоровной. С 1817 г. по прибытии Великой Княгини Александры Федоровны в Россию она состояла при ее дворе. С 1847 г. она статс-дама Цесаревны Марии Александровны. В 1848 г. по смерти любимого сына, убитого на Кавказе, перешла в Православие. Ее муж — барон П. А. Фредерикс, офицер русской службы.

[4] *Полозов Даниил Петрович* (1794–1850, похоронен в Троице-Сергиевой пустыни) — участник войны 1812–1814 гг. С 1825 г. — начальник 1-го округа корпусов жандармов; в 1837-м, произведен в генерал-лейтенанты.

[5] Преосвященный Иннокентий (Борисов).

[6] *Игумения Феофания* (в миру Александра Сергеевна Готовцева; 1787–1866) — о ней см.: Т. 1. С. 471–475.

[7] *Мать Варсонофия* (в миру Мария Никитична Крымова; 1800–1866) — о ней см.: Там же. Т.1. С. 472–474.

[8] Речь идет об игумене Сергии (Рудакове), бывшем иеромонахе Сергиевой пустыни; см.: Т. 2. С. 246.

№ 12

Истинный друг мой, Отец Игнатий!

Извещаю о себе, что лечусь — и кажется, с успехом. Должно быть, я сильно простудился прошлою осенью, ездив в Чер-

менецкий монастырь. Не хотел — а приходится: прикажи мне сшить подрясник из синеватого лицемору и подложить серой саржей — и верх и подкладка шелковые. Все это можно взять у Степанушки; вели так сделать, чтоб не более как на две четверти он был ниже колен и пошли по почте, адресуя посылку Его Высокобл<агородию> Николаю Никандровичу Жадовскому[1] в Яросл<авль> с передачею мне. Тот подрясник, который на мне, очень рвется, а других, т. е. суконных и на вате шелковых, носить не могу — непременно холодный. Это следствие здешнего воздуха, который гораздо легче Петербургского. И в комнатах держал гораздо свежее до начатия декокта. Теперь очень слаб, а аппетит гораздо лучше. Христос с тобой.

Твой преданнейший друг

Архимандрит Игнатий.
10 сентября

Также вели по моим колодкам сапожнику, который шил обыкновенно мне сапоги, сделать две пары с пробковыми подошвами и пришли по почте.

[1] *Жадовский Н. Н.* — почтмейстер в Ярославле.

№ 13

Истинный друг мой, Отец Игнатий!

Благодарю тебя за постоянное уведомление о себе и о обители. Слава Господу Богу, что у Вас идет все благополучно. Мое здоровье поправляется, но крайне слаб от действия декокта. Захватил же я жестокую простуду в Петербурге, и она была замаскирована, как говорил мне наш добрый Иван Васильевич [Бутузов]. Теперь от действия декокта выходит простуда, а вместе с тем пропадают те болезненные припадки, которые я прежде признавал чисто геморроидальными. Лицо и глаза очень переменились — посвежели.

Послушника Кирилловского согласись принять, также и чиновника из Опекунского совета. А плац-адъютанту Иготину скажи, что от печали не должно идти в монастырь, в который можно вступать только по призванию. Все, сколько их знаю, поступившие в монастырь по каким-либо обстоятельствам внешним, а не по призванию, бывают очень непрочны и непременно оставляют монастырь с большими неприятностями для монастыря и для себя. А потому решительно откажи. Пол в Яковлевской

церкви переправьте — доброе дело. К К<нягине> Горчаковой я писал; в то же почти время, как она вспомнила о мне, и я вспомнил о ней.

Татьяне Борисовне Потемкиной я тоже писал. При свидании скажи мой усерднейший поклон. Не пишу им потому, что ужасно слаб, — все лежу, никуда не выхожу из комнаты с 5-го сентября. Степану получше; когда я кончу курс декокта, то и его хочу заставить попить: потому что по пробе оказалось полезным. Не время ли представлять его в мантию. Если время, то вели приготовить нужные бумаги и прислать сюда к подписанию.

Относительно дела с Пафнутием будь осторожен и терпелив; так нужно вести себя относительно людей лукавых. Пожалуй, сделают по желанию твоему; а потом этим обстоятельством, как фактом, будут доказывать, что ты неоснователен в твоих действиях. А много ли надо, чтоб уверить дураков в чем-нибудь. Пусть Пафнутий действует как хочет и скучает как хочет: потому что он, несмотря на все мои убеждения, начал сам действовать вопреки всем моим истинно дружеским и благонамеренным советам.

Я и прежде думал, также и тебе говорил, что хотелось бы О<тца> Марка сделать келарем и поручить ему огороды или то, что было у О<тца> Израиля. А то у них огороды поупали. За огородником нужны глаза. Приедет Данило Петрович в Петербург, то вы меня уведомьте немедленно о его приезде; мне надо написать к нему и поблагодарить его за всю дружбу его ко мне. Пожалуйста же, не забудь об этом. Ты не пишешь: послал ли три экземпляра Валаамского М<онастыря> в Бородинский монастырь. Если не послал, пошли, пожалуйста; если ко мне не послал, тоже пошли; еще пошли два экземпляра в Вологду на имя Ее Превосх<одительства> Елизаветы Александровны Паренсовой[1].

Прилагаемый при сем конверт запечатав, доставь по надписи. Тут вложена коротенькая брошюрка поэтическая: Воспоминание о Бород<инском> Монастыре. — Прочитай. Если напечатают и тебе представят несколько листочков: то штук двадцать отправь в Бородинский М<онастырь>, несколько ко мне, а прочие раздели по братии и знакомым. А мне бы хотелось, чтоб напечатали.

Всем кланяюсь и братии и знакомым. Христос с Вами.

Архим<андрит> Игнатий.
18-е сентября

Побывай у В<еры> Иван<овны> Анненк<овой>. И свези просфорок и булок. — Лучше всего в 12-й час пополудни.

[1] *Паренсова Е. А.* — сестра святителя Игнатия.

№ 14

Истинный друг мой Отец Игнатий!

Извещаю тебя, что здоровье мое лучше и лучше; лицо и глаза совсем переменились; только от декокта чувствую себя временем слабым и должен много лежать. Ногам тоже гораздо лучше. Приложенный при сем конверт, запечатав, доставь А. А. Александровой[1]. Тут маленькое мое сочинение для них; прочитай его, только другим не давай. Степану тоже гораздо лучше. Когда Сисой совсем поправится, то хочу заставить Степана попить декокт; потому что от нескольких его приемов ему сделалось лучше.

Христос с тобою. Тебе преданнейший друг

А<рхимандрит> И<гнатий>
1847 года. Сент. 22-го дня

[1] *Александрова А. А.* — супруга Александрова Павла Константиновича. Александров Павел Константинович (1808–1851), сын Великого князя Константина Павловича, восприемником был Александр I. В 1812 г. возведен в дворянское достоинство. В 1823 г. вступил в военную службу, в 1846-м — генерал-майор с зачислением в свиту Его Величества. В 1855 г. — генерал-адъютант. Женат с 1833 г. на княжне Анне Александровне Щербатовой. По ее просьбе святитель Игнатий написал статью «Житейское море».

№ 15

Поздравляю тебя, истинный друг мой, с праздником Богоспасаемой обители нашей. Дай Бог, чтоб Вы провели этот день в радости и благополучно. Надеюсь, что милосердый Господь устроит это. К нашей обители есть милость Божия: потому что в ней, хотя и не столько, сколько следовало бы, есть люди, имеющие намерение быть приятными Богу. Господь посылает и искушения: кому посылаются скорби, тот, значит, есть часть Божия; а кому идет все как по маслу — тот часть диавола. А когда Господь восхощет взять его из части диаволовой, то взимает посланием скорбей. Скорби — чаша Христова на земли. Кто на земли участник чаши Христовой — тот и на небе будет участником этой чаши. Там она — непрестающее наслаждение. Четырнадцать лет, как мы с тобою плывем вместе по житейскому морю.

Не видать, как они прошли; не увидаем, как и остальная жизнь пройдет. Временная жизнь, когда в нее вглядишься, только льстит. Блезир, как Русские говорят, — не более того.

Лечусь; всего перебирает; чувствую облегчение; но ослаб, должен долго лежать.

Присылаю письмо кронштадтского плац-Адъютанта, как оно ко мне пришло. Согласись, что очень странное, наверное, он в умоповреждении. Лучше советовать ему в Оптину, где ныне и Шемякин. Христос с тобою.

Тебе преданнейший друг

Арх<имандрит> И<гнатий>.
25 сентября

№ 16

Истинный друг мой,
Отец Игнатий!

Новости мои одни и те же: безвыходно в комнате, чрезвычайно ослабел, но вместе с этим вижу, что боли разрешаются; обильный пот льет из ног моих, чего с ними давно не бывало. Как-то вы поживаете? Как проводили праздник?.. Писал мне добрейший Феодор Петрович Опочинин, как он гостил в Сергиевой Пустыне, как остался всем доволен. Прилагаю при сем письмо Параскеве Ивановне Мятлевой[1], поздравляю ее с днем ее Ангела (14 Окт.). Если она будет справлять свои именины на даче, то потрудись доставить сам, а если в городе, то перешли.

Потрудись прислать по почте мою песцовую шубу. Пожалуйста, не забудьте. Извини, что мало пишу; очень слаб. Письмо к Мятлевой написал в три приема, в три дня. Поправлюсь — напишу побольше.

Христос с тобою.

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.
29 сентября 1847 года

Прилагаю при сем описание о посеве клевера, сделанное одним из знаменитейших здешних агрономов. Подумайте — нельзя ли у вас завести одного участка чисто клеверного. От О<тца> Моисея получил из Гефсимании письмо от 23-го, что ему выдают паспорт.

[1] *Мятлева Прасковья Ивановна* (урожденная Салтыкова; 1772–1858) — супруга тайного советника, камергера Петра Васильевича Мятлева; статс-дама Государыни Императрицы.

№ 17

Истинный друг мой,

О<тец> Игнатий!

Хотя понемногу, — а все тебе пописываю. Дня с три, как начал чувствовать себя крепче и крепче, а то был очень слаб и почти непрестанно лежал. Кажется, есть со мною милость Божия: ревматизмы мои тронулись с места, с ног льет сильный пот и разрешаются те тяжкие, невидимые узы, которыми они были связаны, которые простирались до головы и делали меня слабым, совершенно не своим. Мой характер, паче же милость Божия помогала мне не подавать вида той хворости, которая во мне была; но по самой вещи я был чрезвычайно расстроен.

Думаю, что Николушка уже отправился ко мне. Если не отправился, то отправь; Сисой все еще лежит, Стефана временем схватывает, да и ему надо тоже полечиться и во время леченья быть безвыходно в келлии. Я по сим причинам выписал из деревни моего родителя мальчика, вкупе и повара, который теперь у меня и прислуживает. Васе скажи, если он не уехал, что ему очень скучно и грубо здесь покажется; впрочем, как хочет. Если приедет, то думаю отправить вместе с ним по первопутку Сисоя; а если Бог даст, ворочусь при Стефане и Николае.

Писал я тебе о брошюрке: Валаам, чтоб три экземпляра были посланы в Бород<инский монастырь> — Сделано ли это? Извести меня; также три экземпляра назначены Ш<ереметевым>, а два Мальцеву. Все это — сделано ли? — Теперь ты посвободнее, извести о всем. Я о брошюрке писал в Москву, и потому мне нужно сведение от тебя о исполнении.

Также шубу не забудь прислать по почте.

Скажи всей братии мой усерднейший поклон и прошение их Св<ятых> Молитв.

Христос с тобою.

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.

2-го октября

№ 18

Секретно

Истинный друг мой,

Отец Игнатий!

Письмо твое от 29-го я получил. Очень рад, что ты проводил праздник благополучно и без дальней церемонии. Ивану

Васильевичу Бутузову напишу; только теперь очень слаб. Также и Пр<еосвященному> Харьковскому, поокрепнувши, думаю написать. Впрочем, чувствую себя гораздо лучше: вышло и выходит множество дряни. Очень, душа моя, в Петербурге я был болен!

Благодарю за все твои заботы о мне. Господь да благословит тебя за все. О книжках — Потемкиной. Я бы и согласен был послать ей книжки, да она употребит их во зло мне, оно уже часто бывало, и начнет показывать дружкам своим, Гедеону Войцеховичу, Муравьеву и подобным. Разве сам отдашь — пропев полный контракт. Думаю, что лучше не посылать. Авось между делами — эта безделица ускользнет из-под ее взоров. А если и узнает, то можешь и извиниться, сказав, что ты полагал наверно, что послал; а если я и не послал, то за многими хлопотами при отъезде. Думаю: жаль сделать лучше. Нечего последние пальцы в рот совать: уже многие изволили откушать.

Прости, что не пишу много — слаб. В уединении совершенном, мало пользуюсь им: потому что все время проходит в лечении и лежании.

Господь да укрепит тебя: Он попускает возлюбленным Своим утомляться, по выражению Отцов, а после уже показует им мало-помалу Свои духовные дарования. Надеюсь, что милосердый Господь, видя твое и мое произволение, даст нам пожить сколько-нибудь и для душ наших, а не для одного временного. Христос с тобою.

Арх<имандрит> Игнатий.

О представлении Стефана к монашеству — не забудь.

Пред отъездом я узнал, что Протасов[1] действует против меня чрез Киселева, — до сих пор забывал писать тебе.

[1] *Протасов Николай Александрович* (1799–1855) — граф, с 1836 г. Обер-прокурор Св. Синода.

№ 19

Благодарю тебя, истинный друг мой, за присылку Николая, который прибыл благополучно 15-го и доставил мне все, посланное с ним, исправно. Приложенное при сем письмо потрудись прочитать братии в трапезе. По милости Божией чувствую себя лучше и лучше. Только слаб: очищает на все манеры: из ног испариной; из носу и глаз течет материя, отчего голове и гла-

зам несравненно легче. Боли в ногах прошли до самых колен. Теперь идет броженье в самых следах. Декокт остается пить только неделю; почему исполнив срок, окончу.

Когда, Бог даст, укреплюсь, напишу Ивану Васильевичу поподробнее и кое о чем спрошу совета. Христос с тобою. Желаю тебе всех истинных благ.

Преданнейший тебе друг

Арх<имандрит> Игнатий.
16-го октября

№ 20

Истинный друг мой,
Отец Игнатий!

Приятное дружеское письмо твое от 9-го окт<ября> я получил. Утешаюсь вполне, что произволение твое к духовной жизни развивается. В свое время Бог устроит все; наилучшее — предаваться Его святой воле и не думать о завтрашнем дне, когда нет особенной причины думать о нем. А то многие живут в будущем мечтами и заботами своими, а настоящее выпускают из рук. Сердечно радуюсь, что Праздник провели все благополучно, в своем семейном кругу, без всякой заплаты. Так эти чуждые заплаты нейдут к нашему обществу! Всегда эти подлости чем кончаются? Прочеловекоугодничают век свой, остаются чуждыми всякого Божественного чувства, предают, предают и, наконец, сами предаются смерти, сколько не отнекиваются от нее. Употреби на Власа оставшиеся мои деньги; очень рад, что он поправляется. Сисою лучше, хотя до сих пор он не выходит из комнаты, где лежит. А поелику и я не выхожу, то мы с ним не видались с конца августа. Я нанял для него прислугу и трачу деньги на лечение; также по получении от тебя 170 руб. серебром купил ему зимнее платье. С сего дня начинает лечиться Стефан уже у здешних докторов, какие есть. Дай Бог ему поправиться: он стал немного получше. Никола прислуживает мне очень усердно и хорошо, — помогает и писать, что при настоящей моей слабости мне не мешает. Со мною делаются чудеса: чистит уриной, сильная мокрота идет носом, глаза очищаются текущим гноем, ноги возвращаются. Только слаб — почти ничего не делаю: все лежу. — Кушанье готовит мальчик из нашего села, он же и прислуживает вместо лакея. Подумай же, что здесь живут на своем иждивении сам-шесть; на всем

покупном. В начале декабря потрудись прислать жалованье, и в начале января и кружку за исключением 100 руб. серебром на твои расходы и 50 — на Павла Петровича. Он мне ничего не отвечает на последнее мое письмо? Напишу ему, думаю, не уехал ли в Зеленецкий. Если он дома, напомни ему о лебединых перьях и карандаше, которые мне очень нужны. Христос с тобою! Будь здоров и веруй! Проволочимся как-нибудь во время этой краткой земной жизни — лишь бы Бог принял нас в вечные кровы.

Тебе преданнейший друг

Арх<имандрит> Игнатий.

Потрудись передать всем знакомым мой усерднейший поклон; не пишу, потому что слаб; особливо — нельзя ли передать милым Головиным; их письмо предо мною, посмотрю на него, полюбуюсь, а не отвечаю.

Ты не пишешь, был ли у Анненковых? Побывай у Мальцевых, поблагодари за все ласки, мне оказанные, и, когда он приедет к нам в монастырь, прими его поласковее. Пишет мне, что получил от тебя В<алаамский> М<онастырь> при преприятном письме.

20 октября

№ 21

Истинный друг Отец Игнатий!

По милости Божией я почувствовал особенное облегчение на сей неделе по извержении многих мокрот. Ты знаешь, что я обыкновенно к этому времени, т. е. к ноябрю, расхварываюсь. Теперь наоборот — вижу себя гораздо в лучшем состоянии; только ноги, в особенности левая, еще побаливает, хотя и им гораздо легче.

Письмо твое от 14-го получил. Предоставь воле Божией — мой приезд; я имею намерение такое: тогда выехать отсюда, когда уверюсь, что я выздоровел и окреп совершенно, что могу пуститься в дорогу безопасно, что, приехав к Вам, не буду лишь лежать в праздности, но и споспешествовать общей пользе. Сознаюсь — в последнее время у меня очень было на совести, что я мало занимался братиею, то есть назиданием их. Это занятие намереваюсь возобновить, когда милосердый Господь возвратит меня с обновленными силами. Глаза мои так поправились, что пишу свободно при одной свечке. Но все еще слаб

и больше лежу. — Настоящее твое положение хотя и сопряжено с некоторыми скорбями, но оно тебя формирует, укрепляет. Я очень рад, что Бог, столько к тебе милосердый, дарует тебе способ сформироваться правильно, на пути прямом, чистом. Беда, когда человек формируется на кривых путях: во всю жизнь свою будет смахиваться в шельмовство. Итак, не скорби: втуне не желаю проводить здесь времени; но хочется радикально вылечиться; я даже не понимал, что я столько испорчен простудой, особливо не думал, что голова у меня простужена сильно; приписываю боли и расстройство ее действию геморроя. Ничуть не бывало — простуда! Вспоминаю — точно простудил! Декокт, мною употребляемый, ничуть не опасен. Это не Стефаниева дрянь! Не нужно ни того тепла, ни той испарины, сыпи почти не производит, а действует всеми проходами, извергая мокроты. Когда нуждаюсь в испарине, то пью чай: он больше дает испарины. Он варится из сассапарели, которой кладут очень много, дают декокту упреть. Когда он упреет и остынет, то — точно кисель жидкий; такого декокту я пью 4 стакана в день. Ну уж и перерабатывает; иные дни пролеживал в совершенном онемении. Здесь живет некоторый помещик, которого так вылечили в Париже; прежде никакие шубы не грели; а теперь одевается очень легко, переносит всякий холод. Благодарю за посланные шубу и другие вещи. Я их еще не получил. Граф<иня> Орлова приедет в Петербург, то отвези ей четыре экземплярчика Валаамского Монастыря: один для нее, другой в библиотеку М<онасты>ря, один О<тцу> Арх<имандриту> и один О<тцу> Владимиру. Павел Матвеевич пишет, что он рисунки монастыря велит отлитографировать. Христос с тобою.

Недост<ойный> Арх<имандирт> Игнатий.

23 окт<ября>

Жаль, что коров купить не на что. Задний участок, т. е. ту именно часть его, на которой очень плохо родилась трава, спахать и удобрить золотом, на нем посеем овес. А вместо ржаного поля отделаем место за валом — надо же когда-нибудь его отделать.

Отдал ли А<лександровой> Жит<ейское> море?

Также о брошюрке: Бород. М. ничего не пишешь.

№ 22

Истинный друг мой Отец Игнатий!

По милости Божией, здоровье мое — лучше и лучше; самые ноги начинают оживать и поправляться. Остается одна — сильная слабость, по причине которой почти беспрестанно лежу и ничем на занимаюсь. Я не думал, что буду проводить здесь время в такой праздности; причиною этого расслабление; но при этом самом расслаблении чувствую гораздо больше твердости в членах. С исшествием простуды укрепились нервы. Просьбу Стефана я приказал переписать на твое имя, как управляющего монастырем; если подать от моего имени, могут обидеться или подумать и придумать что-нибудь; а ты знаешь, как на это склонны. Бог даст поокрепну — напишу побольше. Благодарю за шубу и прочие присланные вещи; все получил исправно. Конечно, ты замечаешь по письму моему, что рука моя потверже. Приложенные письма потрудись доставить по надписи. Христос с тобою,

тебе преданнейший друг

Архимандрит Игнатий.

1847 года
Октября дня

Потрудись поздравить Госпожу Игумению Феофанию с днем ее Ангела, когда он настанет. Поручаю себя ее святым молитвам. И мать Варсонофия, конечно, я уверен, не забывает меня. Потрудись дать знать Исакову книгопродавцу, чтоб он переплел следующие мне тома *Патрологии* и доставил к нам в обитель; пусть они ждут меня там с прочими моими книгами, которые давно стоят спокойно на полках, в тишине шкафа свободно покрываясь пылью. Им больные глаза мои доставляли этот покой. Но глаза мои теперь поправляются.

№ 23

Истинный друг мой, Отец Игнатий!

По милости Божией здоровье мое — лучше и лучше. Но все еще крайне слаб: боли из всего тела приняли направление в желудок. Присланный французский пластырь Анною Александровною мне очень помог. Он есть у *Исакова книгопродавца;* вели *немедленно* прислать мне *шесть сверточков,* по прилагаемой при сем бумажке печатной. Декокт оканчиваю — пью самый жиденький и перехожу к настойке сассапарельной. Глаза мои

очищаются; но я крайне слаб. Пописав немного, должен лежать очень много. Приложенные при сем письма потрудись доставить по адресам со всею аккуратностью. *Пожалуйста* же потрудись прислать по *первой почте* пластыря. В письмах по почте будь как можно осторожен.

Христос с тобою, душа моя.

Тебе преданнейший друг

Арх<имандрит> Игнатий.

2 ноября

Пожалуйста, позаботься о пластыре! Пошли листочка три воспоминанья о Бород<инском> М<онастыре> Б<аронессе> Фридерикс.

№ 24

Истинный, бесценный друг мой, Отец Игнатий!

Письма твои, в которых так ясно изображается открытая душа твоя, приносят мне особенное утешение. Уведомляю о себе, что чувствую себя гораздо получше, но все еще вертит и отделяются мокроты. Также — слабость. С неделю — как перестал пить декокт. В прошедшее воскресенье стала Волга; вчера и третьего дня была прекраснейшая погода, и я выходил в 12-ть часов на воздух. Какой здесь воздух! В ноябре он легче, нежели в Петербурге в мае. Хорошо бы мне пробыть здесь до весны; необходимо бы это нужно. Застаревшая моя простуда медленно выходит. Есть возможность попользоваться бардяными ваннами, чего бы мне очень хотелось. И все бы мы, зиму пролечившись, весной пожаловали в Сергиеву, выписанные из инвалидной команды в наличный строй. Прилагаю письмо к Екатерине Сергеевне Баташовой. Благодарю тебя, что напомянул, и впредь всегда так делай. Ты знаешь — я в таких случаях не всегда догадлив. Вели, друг мой, сделать мне подрясник из хорошей белки и покрыть черным лицемором — возьми на это из моей кружки. Моя песцовая шубка повытерлась; а случись необходимость выехать, надо выехать с хорошим запасом тепла. Пришлешь на имя Николая Никандровича Жадовского, ярославского почтмейстера; да повели по приложенному образчику только несколько побольше сделать оплаток с буквою И. белого цвета — А. это мановение[1].

В Костроме Кн<язь> Суворов. От А. А. Кавелина[2] получил премилейшее письмо, написанное из самого сердца — вот! Такая

любовь меня утешает. Пишет, что ты был у него. Христос с тобою и со всем братством. Будь здоров душою и телом. Тебе преданнейший

Арх<имандрит> Игнатий.

13 ноября

[1] То есть «А» = «Архимандрит» — это преходящее состояние, временное, как «мановение руки», поэтому на метках следует обозначить только инициал имени — «И». — *П.Ф.*

[2] *Кавелин Александр Александрович* — о нем см.: Т. 3. С. 483–484.

№ 25

Бесценнейший Игнатий!

К слову «бесценнейший» не прибавляю слова «мой», потому что все мы — Божии. Не желаю Божие похищать себе, а когда милосердый Господь дарует мне Свое — *благослови душе моя Господа и вся внутренняя моя имя святое Его,* — а Божие да пребывает Божиим, и я буду им пользоваться, как Божиим.

Письмо твое от 13 ноября получил, при нем пластырь от А., которым и обернул мои больные ноги.

Господь да подкрепит тебя в несении трудностей, с которыми сопряжено твое настоящее положение, которыми образуется разум твой и душа твоя. Вижу над тобою особенный Промысл Божий: Бог полюбил тебя и ведет к Себе. А потому показывает тебе мир во всей наготе его, показывает, как в нем все тленно, все пусто; как все занятия и хлопоты крадут у человека время и отводят от благочестивых занятий и добываемого ими блаженства вечного. Все это надо увидать ощущением души; а в книге не вычитаешь, доколе не отверзутся душевные очи. Возложись на Господа; в терпении твоем стяжевай душу твою. Терпение подается верою, а вера зависит от произвола человеческого: потому что она естественное свойство нашего ума. Кто захочет, тот тотчас может ее иметь в нужной для него мере.

Отсюда я ничего не писал тебе об уединении, хотя и очень помнил, что обещал написать пообжившись. Не пишу потому, что все время здесь, особливо время лечения, живу единственно для тела, а не для души. Мои мысли об этом предмете те же, что и в Сергиевой; мне нечего себя испытывать, а в мои годы и не время: образ мыслей сформировался, а годы ушли. Можно быть решительным. То, что я здесь не поскучал, можно сказать, ни на минуту, — нисколько не странно; противное было бы странно.

Пошедши в монастырь не от нужды, а по собственному избранию и увлечению, — пошедши в него не ветрено, а по предварительном, подробном рассмотрении, — сохраняя цель мою неизменною доселе, я, по естественному ходу вещей, не скучал в монастыре, не скучаю и впредь надеюсь быть сохраненным милостию Божиею. Тот монастырь для меня приятнее, который более соответствует монашеской цели. Здесь мне нравится уединение, простота, в особенности же необыкновенно сухой и здоровый воздух, чему причина грунт земли, состоящий из хрящу и песку. Место более уединенное можно найти, в особенности более закрытое лесом. Здесь роща с одной стороны, с прочих на десятки верст открытое место, почему ветры похожи на ветры Сергиевой пустыни, — сильны, но мягки, нежны. Я говорил, на всякий случай, здешнему Преосвященному, чтоб нам дал не важный, но пользующийся выгодами уединения, местоположения и климата монастырек, на что он очень согласен. Здесь монастырей много, а монахов очень мало; по здешним местам наш монах О<тец> Моисей мог бы даже быть хорошим Строителем, а в свое время и Игуменом. Кажется, по милости Божией, когда последует Его Святая воля, устроиться можно. А подумывать о себе надо: потому что те, которые взялись думать о нас, только воспользовались трудами нашими и отбрасывают нас, как выжатый лимон.

Лекарство, отнимающее у меня все время, отдающее его лежанью, различным в теле броженьям и всему прочему подобному, — действует на поправление здоровья отлично. С 6-го ноября я кончил употребление декокта на воде. С этого времени начались здесь постоянные морозы и начала вставать Волга. Снег только отбелил поверхность земли; его так мало, что до сих пор нет санной дороги. С 6 ноября пью густую настойку на вине. Действие превосходное! Дней с десять как начал очень укрепляться, т. е. чувствовать крепость нерв; но вместе с сим из верхней половины тела полил сильный пот, оставляющий на белье, когда высохнет, желтоватую окраску. Вкус соли, хотя не совсем пропал во рту, — но очень уменьшился. Глаза мои необыкновенно очистились; еще с половины сентября начались брожения в простуженной голове моей и из глаз пошла мокрота при некоторых болях то в голове, то в глазах, эти боли головные, боли временные продолжаются. Все жилы тянет от затылка, из левой руки, из ног, из всех простуженных мест в желудок.

От того так сильно болит левый бок; теперь эта боль меньше и спустилась ниже, к двум проходам, которыми и выходит

в виде различных слизей. Все дело состояло в том, что от простуды я был наполнен «холодными мокротами», которые препятствовали кровообращению, пищеварению, расстроили геморрой и нервы; по причине их я приходил в внезапное изнеможение, как бы рассеченный на части; по причине их нуждался зимой в особенно теплой комнате. Вышло их из меня множество и еще идут; по мере того, как выходят, чувствую себя лучше и лучше. Отсрочка мне была бы необходима: лечение надо продолжать до совершенного освобождения от мокрот, что окажется прекращением брожения во всем теле. В членах, вполне здоровых, я уже не чувствую ни малейшего брожения; теперь оно действует преимущественно в затылке и оконечностях ног, которые обернуты вновь присланным пластырем. Если б дали отсрочку до 1-го июня, то я бы и вылечился, и исподволь привык здесь к воздуху, и попользовался бардовыми ваннами, которые можно здесь иметь. Возвратный путь совершил бы чрез Москву, заехал бы в Оптину Пустынь и, может быть, в Воронеж, присматриваясь к местам и выбирая для себя удобнейшее. Нам много будет значить и то, чтоб в месте, которое изберем, были нужные для нас потребности и были по дешевой цене. Поздоровел бы здесь — и пописал бы. Это совсем не лишнее. В Москве я встретился с человеком, который пописывает, пописывает слегка, не утруждая себя, — выручает тысячку, другую, третью в год и этим содержится. Это все при нашем положении не надо выпускать из виду. Особенно приятен кусок хлеба, приобретенный трудами рук своих! Приятна и независимость, в которую поставляют человека дельные руки, — дар Создателя. Вот тебе суждение мое о моей отсрочке, о которой, если возможно ее получить, пора уже подумывать. Подумываю и о возвращении, потому что при моих обстоятельствах надо подумать и так и сяк. Приготовляю на всякий случай меховую шапку из мерлушек; мерлушки будут внутри и снаружи; конструкция шапки особенная; эту конструкцию изобрели потребности распростуженной головы, имя шапке: «Шапка-ушанья». Потребность ног заставила изобрести сапоги, которые бы влезали сверх моих теплых меховых сапогов, простирались донельзя сверх колен; так что ноги, в случае поездки, будут защищены троими сапогами. Верхние сапоги — уже более мешки, чем сапоги, — должны быть из овчин или оленьих мехов; не знаю — что найду здесь. Надо будет купить две зимние повозки: одну хорошую (здесь можно такую получить за 100 серебром), дру-

гую рогожаную для Стефана и Сисоя. Ехать надо будет на 5-ти лошадях. Если придется совершать путешествие зимою, то надо ехать на Тихвин и Ладогу; в Рыбинске у О<тца> Игумена Варфоломея можно будет отдохнуть, в Тихвине у Архимандрита; пожалуй, можно будет проехать на Зеленецкий и Ладогу. Вот мои предположения; скажи о них свое мнение. О ходе болезни моей извести Ивана Васильевича. Я еще не собрался отвечать ему: видишь — и к тебе пишу первое письмо, которое сказывается некоторою свежестию мысли и руки.

От Аполлоса получил два-три письма, которые мне очень не понравились: шельмовские. В особенности не понравилось последнее. Делает точно то же, что и с тобою: выпытывает — возвращусь ли в Сергиеву и когда возвращусь; распространяется, как все желают моего возвращения. И все это — так гадко! Хотел я в прошлом письме моем написать тебе об этом, да остановился, подумал: и без того у тебя много скорбей; что еще прибавлять им сообщение мыслей мрачных. По всему видно, что слухи, якобы он купил Настоятельство Сергиевой Пустыни, вполне справедливы. Теперь продавщик водит покупателя за нос и еще обнадеживает успехом; а этот — как рыбка около приманочки. И Боярыня, достававшая деньги для покупки, — когда была ныне весною в Питере, вела себя такою же отвратительною шельмою, как и старец ее. Далеко отложилось сердце мое от этих людей: теперь они уже никогда не перестанут бездельничать. Надо только начать, вдаться; а потом уже и дело покончено. Другой такой же или подобный — Павел Чернявский. Что-то у этих людей в сердцах холодное! Ни одного чувства не могут принять в себя глубоко и сохранить его. Все у них так поверхностно, непостоянно. От ума какой-то блеск — словно блезир, по выражению русского человека; ничего нет существенного.

Затем Христос с тобою. Поручающий тебя милости Божией и молитвам Пр<еподобного> Сергия.

Преданнейший друг

Архимандрит Игнатий.
27 ноября

В Костроме Князь Суворов; сбирается на часок прикатить ко мне по первому санному пути.

№ 26

Бесценный Игнатий!

После последнего письма моего к тебе меня повертело в течение двух суток: некоторые жилы ножные освободились от своей мертвости. Предшествует разрешению всякой боли — верчение. Приложенное письмо, прочитав, доставь Снессаревой[1]. Вот образчик книги, которая давно формировалась у меня в голове, а теперь мало-помалу переходит из идеального бытия в существенное: это будет вроде «Подражания Христу» — известной западной книги; только наша. (Включая тебя и прочих ради Бога единомудрствующих со мною в число сочинителей книги, потому употребляю выражение: «наша».) Совершенно в духе Восточной Церкви — и выходит сильнее, зрелее, основательнее, с совершенно особенным характером. Эту книгу желалось бы подвинуть хоть до половины, доколе я здесь — в уединении. Такое дело, сделанное до половины, почти уже сделано до конца.

Сегодня мне получше. Продолжает лить сильнейший пот, оставляющий на рубашке желтоватую окраску, — и рубашка делается как бы накрахмаленною — тверда.

Христос с тобою.

Тебе преданнейший друг

Архимандрит Игнатий.

1 декабря

[1847]

[1] О ней см.: Т. 3. С. 604–624.

№ 27

В день общего нашего Ангела поздравляю тебя, бесценный Ангел, с днем Твоего Ангела. Желаю тебе всех истинных благ, а паче всех того, которое имел наш Ангел, по причине которого он назван Богоносцем. Утешаюсь тобою, радуюсь за тебя, надеюсь на милость Божию к тебе. С первых чисел Декабря началась со мною новая передряга. Лекарство проникнуло до оконечностей ног: они пораспухли, сделались как замерзшие и начали оттаивать (не подумай, что я их простудил — нет, я никуда не выходил); они сделались подобными двум кускам мерзлой семги, которая оттаивает. Это оттаивание так было сильно, что Николай, терший их, когда прислонит ладони свои к подошвам, то ощущал тонкий ветерок, идущий из подошв моих, как бы ветерок от чего замерзшего.

Все мои болезни начались с того, что, бывши еще юнкером, я жестоко простудил ноги, оконечности их; от различных медицинских пособий чувствовал облегчение временное, но оконечности ног никогда не вылечивали, год от году приходили в худшее положение и наконец привели меня в такое состояние болезненности, которое тебе известно, как очевидцу. Теперь, по милости Божией, кажется радикально излечиваюсь. Но во всем идет сильнейший переворот, какая-то переборка, перерождение всего, отчего большую часть времени провожу в постели, в оцепенении, не занимаясь ничем, почти ниже чтением. Боли повсеместно уничтожаются, глаза поправляются, отделяется множество самомерзостнейшей мокроты, нервы получают необыкновенную, забытую уже мною крепость. Степану и Сисою гораздо лучше. Иосиф Петрович Пряженцов, посетивший меня на пути своем в Петербург, дал мне обещание побывать в Сергиевой Пустыни и известить братию о моем бытье и состоянии. Премилый человек! Доставил мне из поместья своего железную ванну и другие мелочи деревенские, весьма страннику нелишние.

Радуюсь, что у вас идет все благополучно.

Разумеется, напрасно времени тратить здесь я не намерен; теперь выехать мне невозможно, и не знаю, скоро ли наступит эта возможность. Застарелая болезнь выходит не спеша. Письмо к Т<атьяне> Б<орисовне> П<отемкиной> непременно постараюсь тебе выслать. При первой возможности постараюсь написать к Павлу Васильевичу[1]. Увидишь О<тца> Арх<имандрита> Симеона, свидетельствуй ему мое истинное почтение. Скажи добрейшему Ивану Васильевичу Бутузову, что милейшее письмо его я получил, премного благодарю за него и буду отвечать при первых силах. И ныне бываю — уже дня с два — силен на полчаса в день, остальное время — все на постели.

Благодарю за присланные деньги: они пришлись очень кстати: потому что у нас остался уже только один целковый, да и провизия вся истощилась.

Поздравляю тебя и все братство с наступающим Праздником Рождества Христова. Прошу у всех Святых молитв о недостойном *Арх<имандрите> Игнатии.*

20 декабря
1847 года

[1] *Павел Васильевич Энгельгардт* (ум. в 1849) — с 1832 г. гвардии полковник в отставке; его жена Софья Григорьевна.

№ 28

Бесценный Игнатий!

Поздравляю тебя с наступающим Праздником Рождества Христова и наступающим Новым годом. Потрудись поздравить от меня всех наших знакомых, у кого побываешь, в особенности побывай у Василия Дмитриевича Олсуфьева[1], Гофмейстера Цесаревича, поздравь его всеусердно от меня: он предобрый и умный человек. Я ему писал от сего числа письмо. Благодарю тебя за шубку. Очень мне понравилась; особенно приятно, что ты ее устроил. На следующей почте думаю послать Его В<еличест>ву рапорт о состоянии моего здоровья, которое хотя по всему видимому возвратилось, но делает для меня невозможным выезд сию минуту. Прилагаю один листок брошюрки «Воспоминание о Б<ородинском> М<онастыре>», выправленный. Без числа ошибок! Совсем теряется и искажается смысл. Такой же листок посылаю в Бородинский Монастырь. Отдай сам или чрез кого два экземпляра «Валаамского Монастыря» в девичий Петербургский Монастырь Г-жам Игуменьи и благочинной. Прошу их, чтобы они сами заглянули в эти тетрадки, но не давали никому для чтения, особенно Кутье, имеющей единственный талант зависти и тем выказывающей, куда принадлежит их премудрость (Иак. гл. 3).

Христос с тобою

Тебе преданнейший друг

Арх<имандрит> Игнатий.

25 декабря

Что делается с маленьким Игнатием?

[1] Олсуфьевы были в родстве с Брянчаниновыми; см.: ПСТ. Т. 3. С. 548.

№ 29

Бесценнейший Игнатий!

С 25 декабря чувствую себя покрепче, понаписал кое-кому поздравительные письма. Приложенное при сем к Муравьеву [Андрею Николаевичу] передай Павлу Петровичу: желаю умиротворить врага словом приветливым. Благодарю за все присланное; все получил в исправности. По сей же почте послана мною бумага к Митр<ополиту> об отсрочке и к Викарию письмо. Скажи Павлу Петровичу, чтоб справился о последствиях. Где С<офья> Григорьевна? Куда ей писать? Пришлю к тебе: на нынешней почте не успел: не могу много работать, скоро ослабеваю. Поторопись выслать мне кружку с известным тебе исклю-

чением. Осенью, отвалив Лихачеву чрез силу, — себя очень обрезал; жалованьем только успел расплатиться и снова уже занял, — что очень неловко. Тимохинская станция уничтожается; письма нужно адресовать ко мне прямо в Ярославль; нанял здесь мужичка, за трехрублевик будет раз в неделю ездить на почту. Сегодня привезли ванну, надеюсь от нее получить большую пользу. Рослякова, если хочешь, прими; он — человек благонамеренный. Степан и Николай усердно тебе кланяются и благодарят за твое к ним внимание.

Христос с тобою.

Тебе преданнейший о Господе

Арх<имандрит> Игнатий.

29 декабря

К Игумении Феоф<ании> я написал.

№ 30

На этой почте, Душа моя, друг мой, бесценный Игнатий, послал я тебе письмо; эту записочку пишу для того, чтоб иметь истинную, сердечную приятность написать тебе несколько строк, — поручить тебе, чтоб приложенное при сем письмо ты доставил добрейшей Баронессе [Фридерикс] (ответ ее перешли через Д<аниила> Петровича — не иначе) — наконец, чтоб назвать тебя тем, что ты есть: Душа моя, друг мой, бесценный Игнатий.

Христос с тобою.

Арх<имандрит> Игнатий.

8 января

№ 31

Бесценнейший друг мой Отец Игнатий!

При сем препровождаю к тебе письма к Анне Александровне и к скорбящей матери — Софии Григорьевне, также копию с рапорта моего Высокопреосвященнейшему — для хранения при делах монастырских. Здоровье мое лучше и лучше, а бережливости и осторожности требует больше и больше. Все тело очищается, начиная с глаз; выходит временем по местам испарина, весьма клейкая. Письменные занятия ограничиваются писанием подобных сему кратких записочек; чтением почти вовсе не занимаюсь — какой-нибудь коротенький часок в день. Остальное все время пожирается болезненностию и тою пере-

дрягою, тем брожением, которыми сопровождается действие лекарства. Чувствую благодетельное изменение во всем теле, укрепление и необыкновенное нерв. Думаю продолжать лекарство (сассапарель в смешении с геморроидальным набором, настоянные на вине) до тех пор, пока не изгонятся боли совершенно из всех членов.

Призывающий на тебя и на все братство благословение Божие, желающий вам всех благ

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.
1848 года 7 января

№ 32

Бесценный Игнатий!

Мое здоровье час от часу лучше и лучше.

Кризис продолжается; большую часть времени лежу, лишенный способности даже читать. Впрочем, лежу меньше, нежели в декабре. На неделе посетил меня впервые врач, по просьбе некоторых моих знакомых, друг их дома, человек молодой и, как видится, благонамеренный. Поверив весь процесс моего лечения, он сказал: «Самый рациональный и основательный образ лечения, который должен увенчаться, судя по настоящему ходу, полным успехом. Только надо очень беречься!» Братство здешнее к нам чрезвычайно расположилось, и местечко здешнее — прекрасное! Прездоровое, преуединенное, премилое. Трудно сыскать монастырь с такими монашескими удобствами! Жить бы тут нашему обществу, нравственно страдающему в Сергиевой Пустыни, шумной, окруженной всеми соблазнами.

Христос с тобою.

Желаю тебе и братству всех истинных благ.

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.
1848 года января 16-го

№ 33

Бесценнейший Игнатий!

Письмо твое и при нем деньги 185 р<ублей> серебром я получил. Точно, как ты и догадываешься, это очень мало, судя по требованиям, которые здесь рождает и мое лечение, и лечение двух больных, Стефана и Сисоя.

Но и за это — слава Богу! Сколько людей достойнее меня, а нужды терпят более меня. Часто думаю и о твоих средствах содержания: хотелось бы мне их улучшить... Если Господь благополучно возвратит меня в Сергиеву, мы об этом подумаем; желал бы поделиться с тобою средствами! Здоровье мое приметно, почти с каждым днем, улучшается. На этой неделе в понедельник и во вторник гостил здесь Пр<еосвященный> Иустин, и сегодня (четверток) посетил Бабаевскую обитель добрейший Князь Суворов. Друг мой! Точно — путь жизни моей и тех, которые хотят сопутствовать мне, устлан тернием! Но по такому пути Господь ведет избранников и любимцев своих! Не могут отвориться очи душевные, не могут они усмотреть благ духовных, подаемых Христом, если человек не будет проведен по пути терний. Христос с тобой. Он да дарует крепость и мне и тебе.

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.

22 января

№ 34

Истинный друг мой Отец Игнатий!

Рекомендую тебе подательницу письма сего Елисавету Никитичну Шахову. Приласкай и утешь ее: мне этот человек понравился. И сохрани же ее от взоров сулемы и всякого мышьяка. А то узнают, что моя знакомая, и постараются повредить ей. Она — писательница. Нрава открытого и с умком.

Арх<имандрит> Игнатий.

№ 35

Писал некоторые поздравительные и ответные письма и ужасно устал. Но, чтоб ты не соскучал, — вот и тебе несколько строк! Пакет твой относительно описей — получил. Об О<тце> Нектарии неблаговидно входить с представлением до моего возвращения. Мне лучше и лучше, но вертит и вертит. В настоящее время наиболее вертит голову и глаза, из которых течет гной и которые очищаются. Лежу и лежу.

Благословение Божие над тобой и над всем братством!

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.

28-е января 1848

№ 36

Бесценный Игнатий!

Сердечно участвую в скорби, постигшей благочестивое семейство Опочининых! К Федору Петровичу на этой же почте отправил письмо. Бог, видно, хочет, чтоб этот человек, в котором так много доброго, приблизился к Нему. За все, что ты описываешь, благодарю Бога. Я имею здесь какое-то постоянно спокойное чувство, что Бог не оставит тебя и обитель. Мое здоровье лучше и лучше: начинаю чувствовать какую-то благотворную, необыкновенную теплоту во всем теле. Очень уважаю мнение докторов, рассуждавших о способе моего лечения у Л.; но и то помню, что лечилась их свояченица от неизвестной болезни — и тогда только эти господа поняли, что она беременна, когда бедняжка выкинула! Бог помог мне попасть на то средство, которое выгоняет из меня болезни, полученные мною, когда я еще был послушником, офицером, юнкером. Если прекратить теперь прием лекарства, то непременно должны быть последствия; но если принимать его до тех пор, пока окончится производимое им действие, т. е. когда оно вытянет окончательно из всех простуженных членов мокроты в желудок, тогда одно последствие его: *совершенное* выздоровление. Теперь очень вертит глаза и из них много отделяется дряни, они делаются необыкновенно чисты. Но еще за занятия не принимаюсь. Самые письма пишу весьма экономно. Когда поисправлюсь, располагаюсь сделать описание моей болезни и образа лечения.

При действии вышеописанной благотворной теплоты я бываю физически весел: это новое для меня чувство. Я был всегда морально весел, и физическую веселость помню — как бы в тумане, как что-то очень давнее.

Христос с тобой. Молись о мне и о себе, чтоб привлечь нам на себя милость Божию, которая отступает от тех, кои прогневляют Бога.

Тебе преданнейший друг

А<рхимандрит> Игнатий.

4 февр.

№ 37

Бесценный Игнатий!

Вот уже почти три недели, как не получал от тебя никакого известия. Впрочем, уповаю на милость Божию, что она сохра-

няет тебя и обитель от искушений, превосходящих силу, а попускает только те искушения, которые необходимы для духовного преуспеяния. На этой почте получил письмо от одной странствующей инокини-писательницы, в котором описывает мне, как она была утешена твоим приветливым приемом. К Николаю Николаевичу Анненскому я писал письмо, утешая его, и советую не оставлять семейства по первому порыву огорчения. Ты очень хорошо сделал, доложив Преосвященному о его пребывании в обители. Приложенные два письма: 1-е к Александровой, 2-е к Гр<афине> Шереметевой, потрудись доставить по адресам. К Гр<афине> Шереметевой писал к 1-м числам января и к 1-м числам февраля; желаю знать, получены ли мои письма? К этим же числам я писал и к Графу Шер<еметеву>. Если он в Петербурге, потрудись узнать, получил ли он мои письма? О всем этом уведомь меня. Приложенное письмо к Павлу Матвеевичу передай его управляющему для отсылки к нему. Потрудись узнать о здоровье Анненковых, кажется, исполнилось время беременности Веры Ивановны: уведомь меня и о них. Мое здоровье лучше и лучше; но это улучшение идет с значительными передрягами. Пред каждым особенным облегчением делается особенная передряга. На днях посетил меня и оказал мне много любви Южский Отец Игумен Варфоломей. Погода стоит очень теплая. Сожительствующие мне инвалиды Стефан и Сисой также чувствуют себя лучше. Христос с тобою. Всей братии мой усерднейший поклон.

Недостойный Архимандрит Игнатий.
14 февр. 1848

№ 38

Бесценнейший Игнатий!

Поздравляю тебя и все братство с наступившею Святою Четыредесятницею. Желаю совершить поприще ее благополучно, с приобретением обильной душевной пользы. Мое здоровье — лучше и лучше, но слаб и по большей части лежу по причине сильного брожения, производимого во всем теле лекарством. Теперь это брожение наиболее в ногах. В лице и глазах моих заметна необыкновенная свежесть — верный признак поправления здоровья. Думаю в течение марта продолжать еще принимание лекарства; по ходу болезни утешаюсь надеждою, что к этому времени могут окончиться все брожения, происходящие

от того, что все мокроты из тела устремились в желудок и, посредством его, выходят вон. Степану также получше, лицо у него гораздо свежее. Сисой снова простудился, промочив во время оттепели ноги. Не могу нарадоваться здешнему местечку: такое уединенное, здоровое и простое. О<тец> Игумен очень расположился ко всей нашей компании. После того письма, в котором ты извещал о кончине Константина Федоровича[1], я не получил от тебя ни одного письма. Пишу к тебе это для соображения — верно ли сторожа относят твои письма на почту, и не потерялось ли которое-нибудь из них. Присылаю при сем корректурный лист — Воспоминание о Бородинском Монастыре, который потрудись препроводить с Григорием Стратановичем к Краю. Мне бы хотелось, чтоб виньетки были прибраны в этом же роде, но другие — в которых было бы больше вкуса и изящества; к тому ж эти виньетки были на каком-то Московском стихоплетении о Бородинском Монастыре: мне не хочется заимствовать даже виньетки с чужих сочинений. Желаю, чтоб мои марания имели б хотя б одно достоинство: были б чисты от кражи. Бумага на корректурном листке — хороша; можно листков два десятка употребить слоновую. Поручи Стратановичу все это сделать аккуратно, а в выборе виньеток полагаюсь на твой вкус. Здесь ничего не пишу и даже не читаю — лежу полусонный, лишенный всех способностей.

Христос с тобою.

Тебе преданнейший друг

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.

23 февраля. Сыропуст

Признаю — оберточный листок для Воспоминания не нужным.

В моей библиотеке есть французская книга Les saints pères des déserts de L'Orient, в 9-ти томах. Если которого тома нет, вели отыскать маленькому Игнатию: может быть, у Плещеевых или у кого другого. Потом, уложив все в ящик, потрудись отправить по почте в Вологду, Ее Превосход<ительству> Елисавете Александровне Паренсовой, при кратчайшем письме, что препровождаешь книги по моему поручению. Она очень здесь о мне заботится. В моем шкафе лежит на полке книга Пр<еосвященного> Иннокентия *Великий Пост*. Потрудись передать Шаховой. Нужна для соображения при предполагаемом стихотворении.

[1] Опочинина.

№ 39

Честнейший О<тец> Наместник Игнатий!

Препровождая к Вам письмо Магистра Иеромонаха Иосафа, прошу Вас взойти по изложенному в нем обстоятельству в должное рассмотрение. Причем признаю нужным внушить Казначею Иеромонаху Илариону следующее:

1-е, что упоминаемое Иеромонахом Иосафом узаконение о Литературной собственности вполне существует. 2-е, посему он, Иеромонах Иларион, должен был полученный им труд или представить в цензуру, или обратить к сочинителю, отнюдь не употребляя его как источник при составлении собственного сочинения: здесь похищение чужой собственности.

Полагаю: лучшее средство выйти из этой запутанности — предполагаемое Иеромонахом Иосафом дружелюбное, без дальнейших хлопот соглашение с Иеромонахом Иларионом.

Для достижения чего предлагаю Вам предъявить мое письмо и письмо Иеромонаха Иоасафа Казначею Иеромонаху Илариону со взятием с него письменного отзыва о том — каким образом он поступить намерен и согласен ли на предполагаемую Магистром меру.

Согласно этому отзыву, потрудись известить меня и Магистра. Если ж Казначей И<еромонах> Иларион откажется от полюбовного соглашения, то Вы обязаны спросить наставления по этому предмету у его Преосвященства.

Поручающий себя Вашим молитвам

Архимандрит Игнатий.

1848 года, марта 2-го дня
Н<иколо->Бабаевский Монастырь

№ 40

Бесценный Игнатий!

Письмо твое от 17 февраля получил. На прошлой почте послал я тебе обратно письмо Магистра Иоасафа с моим отзывом, который может быть всюду показан. А теперь такой же отзыв прилагаю здесь относительно Стефана — в ответ на рапорт твой. Чудное, спасительное действие на меня сассапарели продолжается, с 3 марта я окончил было прием этого лекарства, начал быстро укрепляться, свежеть, чувствовать себя легким, развязанным. Но одно обстоятельство заставляет снова приняться на некоторое время за сассапарельную настойку. Из головы натянуло

к шее и оконечности затылка два большие мягкие желвака, которые по оставлении сассапарели начинают снова расходиться по голове, что мне очень не нравится и кажется опасным. Недалеко от здешнего монастыря живущий доктор Англичанин Петерсон, сделавшийся уже русским помещиком, имел сам сильный ревматизм; у него также образовались желваки, или, правильнее, скопления мокрот, которые он выпустил посредством фонтанели. Я решаюсь сделать то же, признаю это необходимым. Почему потрудись, друг мой, по первой же почте выслать мне две баночки помады визикатуар и желтого пластыря, на который обыкновенно намазывается эта помада, и пластыря меллотного, — того и другого в достаточном количестве. Желтый пластырь бывает намазан на бумажках и на *холсте*, мне нужен последний. До получения от тебя этих медикаментов опять примусь за сассапарель. Ты не можешь представить себе, как я в эти шесть дней, как оставил пить сассапарель, освежел! Не помню себя таким. По получении от тебя фонтанелей думаю, что вылечусь окончательно и приеду к вам, Бог даст, совсем другим, нежели каким уехал. Я и прежде думал, всматриваясь в тебя, что нужна какая-нибудь мера для поправления потрясенных сил твоих переломом ноги; по приезде моем подумаем об этом; я рад сделать для тебя все зависящее от меня. Наш Казначей писал ко мне, что он желает уволиться от должности. Я, находя, что при такой его болезненности должность для него несовместна, изъявил свое согласие на его желание; только б дождался меня: такая перемена в мое отсутствие показалась бы для неблагорасположенных и не знающих дела странностию. Очень рад, что тебе привелось отпраздновать день светских моих именин с таким приятным гостем! Благодарю тебя вообще за все письмо твое, которым, как изображением-отпечатком твоей доброй, открытой души, я очень утешился. Да! Молись за меня и за себя: по твоему искреннему и глубокому расположению ко мне я ожидаю, что Господь подаст мне тобою много доброго; также и мое устроение в душевном невидимом и в наружном видимом отношении есть вместе и твое устроение. Христос с тобой! Матери Августе и Ангелине передай мой усерднейший поклон. Извинили б за то, что не пишу: за каждое письмо расплачиваюсь лихорадкой — так слаб. Хотел было оставить сассапарель, но накопившиеся местами мокроты очень меня стращают. Попью до присылки фонтанелей. Степа и Никола усердно кланяются тебе. Сделай милость, пришли мне двести р<ублей>

серебром в счет кружки. Очень нуждаюсь; занял 120 сереб<ром> и из тех только 10 асс<игнациями> осталось. Больные очень дорого стоят. Их содержу, лечу; и себе и им прислугу нанимаю. На одну сассапарель вышло 500 р<ублей> асс<игнациями>.

1848 года, марта 9-го дня

№ 41

Бесценный друг, добрый Игнатий!

Письмо твое, душа моя, что на трех листах от 7-го марта, я получил. Милосердый Господь, избирающий тебя в число Своих, попускает тебе различные скорби и от людей, и от болезней телесных. Это благой знак — прими его с великодушием и верою. Когда осыпают ругательствами и стараются уловить тебя в чем словами, — помяни, что то же делали со Христом, — и вкуси благодушно чашу чистительную. Похоже, что будет перемена. Но как тебе, так и знакомым надо быть очень осторожными. Надо, чтоб Миша Чихачев был осторожен с Консисторскими, которые хотят только из него выведать и больше ничего. Многими годами и жестокими ответами нам доказали, что мы должны быть осторожны, но никак не откровенны. Милый Игнатий! Ты очень похож на меня природным характером, — Бог даст тебе вкусить и тех образующих и упремудряющих человека горестей, которые он даровал вкусить и мне. Будь великодушен: все искушения только пугала, чучела безжизненные, страшные для одних неверующих, для смотрящих одними плотскими глазами. Будь осторожен, благоразумен, пред ругателями подражай Христову молчанию — и ничего не бойся, влас главы твоей не падет.

О<тец> Аполлос на мое последнее письмо ничего не отвечает: видно, весь вдался в расположение других. Опять очень понятны его хорошие отношения к Пр<еосвященному> Викарию: они очень похожи один на другого, оба с большими способностями.

Сейчас получил письмо твое с нарочитым из Ярославля от добрейшего Николая Петровича Полозова; нарочитый сейчас же едет обратно, почему я начеркал к тебе наскоро́ эти строки, а к будущей почте постараюсь приготовить письмо поудовлетворительнее. Советую на фунт мелко изрубленной сассапарели налить 2 штофа полугарного вина: настаивать в теплом месте две недели — и потом по ложке принимать на ночь. Диеты никакой не надо: будет действовать на ушиб и против простуды,

вообще на кровь. Во мне чудная перемена. Только я еще слаб и остаются брожения в ногах и голове, самые ничтожные. Христос с тобой.

А<рхимандрит> И<гнатий>.
20 марта

№ 42

Истинный друг мой, бесценный Игнатий!

Бог даровал мне, грешнику, истинное утешение: душу твою, исполненную ко мне искренним расположением христианским. По причине этого расположения душа твоя делается как бы чистым зеркалом, в котором верно отпечатываются мои чувствования и мой образ мыслей, развитые во мне монашескою жизнию. Избравший тебя Господь да воспитает тебя Святым Словом Своим и да совершит тебя Духом Своим Святым. Мне даже было жалко, что ты при многих твоих занятиях, которые при болезненности делаются вдвое обременительнее, написал мне письмо на трех листах: мне лишь бы знать о благополучии монастыря, твоем и братства; также — о главных происшествиях в обители. Ко всему прочему, т. е. к скорбям от управления, к скорбям от начальства, пришли тебе и скорби от болезней, изменяющих способности не только телесные, но и душевные: такова давнишняя моя чаша.

Подобает душе и телу истончиться как паутине, пройти сквозь огнь скорбей и воду очистительную покаяния и войти в покой духовный — в духовный разум или мир Христов, что одно и то же.

Относительно болезненности твоей: я много наблюдал за тобою пред отъездом моим. Точно — ты изменился после перелома ноги, и тебе нужно отдохновение и лечение; я советовал тебе употреблять по ложке сассапарельной настойки на ночь: она очень помогает при ушибах. Именно: разводит кровь и разгоняет скопившиеся и затвердевшие мокроты около ушибленных мест; также вообще исправляет кровь, которую признаю у тебя несколько поврежденною; наконец, уничтожает простуду, в особенности не успевшую укорениться, недавнюю. При твоем молодом и крепком сложении ты вынесешь это лекарство, не примечая, что лечишься; только будет поламывать в больной ноге, потому что будет разбивать образовавшиеся в ней застои. Во мне, при моей застарелой, сильнейшей простуде, произошла

необыкновенная перемена: нервы укрепились, тело сделалось плотным, легким, ревматические боли хотя еще не совсем прекратились, но значительно уменьшились. Со мной делалась сильная слабость и брожения: но это от того, что я пил декокт в большом количестве и что простуда моя была жестокая, сопряженная с ослаблением нерв. Мой родственник Генерал Паренсов пьет настойку, которую тебе рекомендую, занимаясь службою многосложною и выходя на воздух, разъезжая зимою сколько угодно. У тебя не иморой, а начало простуды, повреждающей правильное кровообращение; у меня здесь все геморроидальные припадки прекратились с осени, хотя с того же времени не открывался геморрой: значит — мои геморроидальные припадки имели началом своим не что иное, как простуду. Полагаю, что окачивание и купание тебе надо оставить и заменить их обтиранием тепленьким винцом. При употреблении сассапарели надо лишь остерегаться жирного: потому что сассапарель и сама по себе тяжела для желудка; ей хорошо содействует геморроидальная настойка. За урожай благодарю Бога, благодарю и тебя, душа моя, за твои распоряжения. Вероятно, за продажею овса и сена вы могли очиститься от долгов, накопившихся во время монастырской бездоходицы. Шесть косуль лучшей работы сделаны по заказу Паренсова, который сам хлопотал, в Вологде сделаны и отправлены на имя твое. Они стоят по 10 руб<лей> ассигнациями каждая. (Здесь деньги все еще считают по старой привычке на ассигнации.) Но провоз по нынешним плохим дорогам будет стоить дорогонько: просят 87 руб<лей> ассигнациями — не знаю, на чем согласились. Из всех родственников Паренсовы (за ним сестра моя) оказывают мне наиболее внимания; эта сестра приезжала ко мне осенью и расположилась ко мне духовно: умненький человек, похожа на Семена Александровича. Много наши добрые знакомые, говоря о нас доброе, сделали нам зла: потому что люди неблагонамеренные думают, что это — внушение и интриги наши. Напоминать об этом со всею любовию надо всем любящим нас. Впрочем, когда Богу угодно попустить кому искушения, то они придут, возникнут оттуда, откуда их вовсе ожидать невозможно. Похоже, впрочем, что перемена должна быть и что Викарию дадут Епархию.

Относительно моего возвращения в Петербург руководствуюсь единственно прямым указанием здоровья моего. Верую, что Господь в прямом образе поведения — Помощник; а лукавый политик помощник сам себе. Господь к нему, как к преумному,

на помощь не приходит. Думаю, что раньше второй половины мая мне невозможно, потому что я очень отвык от воздуха и имею сильную испарину. Характера я не люблю наказывать, и сохрани Боже делать что-либо для наказания глупого характера; а даруй мне, Господи, неправильное дело мое, лишь увижу его неправильность, с раскаянием оставлять. Также на то, чтó скажут, не желаю обращать внимания: пусть говорят, что хотят, а̀ мне крайняя нужда подумать о будущей жизни и скором в нее переселении, обещаемом преждевременною моею старостию и слабостию, произведенными долговременными болезнями. Мне нет возможности тянуться за людьми и угождать людям, вечным на земли, или по крайней мере считающим себя вечными. От Графини Шереметевой и от Графа получил уведомление, что мои письма получены ими в исправности; пишут с большим добродушием. Я жалею Графиню: московские льстят ей и приводят в самодовольство, от которого я старался отклонить ее; впрочем, она чувствует, что слова мои хотя не сладки, но полезны — и прощалась со мной, когда я отправлялся из Сергиевской Лавры в дальнейший путь к Бабайкам, от души, с любовию и искренностию. Федора Петровича Опочинина признавал я всегда человеком, который расположен был ко мне и по уму и по сердцу, также и к обители нашей; он писал мне несколько писем сюда и относился о тебе с отличнейшей стороны. Преосвященный Викарий не довольно умен и честен, чтоб понять прямоту твоих намерений и действий; судит о них по своим действиям, всегда — кривым, по своим целям, всегда низким, имеющим предметом своим временные выгоды, лишь собственные выгоды, и самого низкого разряда. Поелику ж он не может постичь прямоты твоих намерений, то сочиняет в воображении своем намерения для тебя и против этих-то своего сочинения намерений или сообразно своим подозрениям действует. Очень вероятно, что его переведут, открылись две вакансии в лучших и старших Епархиях, Казанской и Минской; кажется, Илиодора и Гедеона повысят. А Курская и Полтавская Епархии сделались так доходны, что нашего гуська разберет аппетитец поклевать таких доходцев. Аполлос не отвечает на последнее письмо мое, написанное к нему, кажется, в 1-х числах января нынешнего года. Похоже, что он плутует и интригует. Есть все признаки, что Кайсарова купила для него настоятельство Сергиевской Пустыни. В последнем письме моем я отвечал на его вопрос, изложенный со всевозможным лукавством, «правда ли, что»

Игумен Феоктист выходит на покой и «что Костромской Епископ отдает мне Бабаевскую обитель». Я отвечал: «что если б мне и случилось оставить Сергиевскую Пустынь, куда в настоящее время доколе думаю возвратиться, то не намерен принимать никакого настоятельства, а жить где Бог приведет частным человеком». Должно быть, Аполлосу нужен был этот ответ мой, чтоб действовать ему в тон, но против меня. Странно, как изменило этого человека знакомство его с Кайсаровой; я сожалею о нем и для него собственно, и для монашества: потому что он очень был способен водиться с молодыми монахами. О<тец> Аполлос очень наружен, поверхностен по уму своему и сердцу, а потому очень доступен и удовлетворителен для новоначальных и мирских, которым предостаточно поверхностное слово. Его Преосвященство очень ошибается в его способностях: они есть, да не те, что Аполлос подходит к Его Преосвященству правилами и нравом: льстив, способен к предательству, да и манерой подойдет к холопьей манере Его Преосвященства. Пряженцов приезжал на короткое время сюда, а теперь опять в Петербург; с ним послал я тебе письмо, а он обещался сам побывать к тебе; спасибо и ему и жене его — как искренные родные. Спаси Господи всех наших добрых знакомых, которые расположением доказывают, что любовь не иссякла на земле. Я почти никому не писал по крайней слабости, и теперь очень скоро изнемогаю; а за изнеможением тотчас и лихорадочка. Сделай милость — всем кланяйся, скажи, что всех очень помню, чту и люблю, а письма пишу только в необходимых случаях по совершенной моей слабости. К Зинаиде Петровне писал я письмо, кажется, в начале февраля на двух листочках; между прочим, просил ее, чтоб она без меня никак не забывала Сергиевой Пустыни; не знаю, получила ли она письмо мое. Матери Августе и матери Ангелине напиши мой усерднейший поклон и благодарность за воспоминание о мне грешном. Прошу их молитв: я уверен, что молитвы их много помогают мне в восстановлении моего здоровья; надеюсь, что помогут мне и по исшествии души моей из окаянного моего тела. Об Александре Павлове не тужи, ну что это за иеродиаконы выйдут! Мальчики, шалуны, которых может быть очень скоро придется и расстригать. Сегодня получил и второе письмо твое от 15 марта. Благодарю за исполнение моих поручений, за листочек Бород<инского> М<онастыря> — виньетки очень хороши. Листочки раздавай — кому найдешь приличным — не врагам, ветреникам и завистникам.

А остальные я по приезде получу. Не думаю, чтоб Росляков что сделал по злоумышлению или он мог служить намеренным шпионом Аполлоса, а если что и сделал, то по глупости и увлечению. Справедливо твое выражение, что бездна бесовских интриг под стопами управляющего Сергиевою Пустынею с знанием монастырского порядка и с благим намерением хранить братию в благоправлении, не допущая дому Божию соделаться вертепом разбойников и любодеев. По этой бездне надо шествовать мужественными стопами, держась за веру в Бога, чтоб не утонуть в бездне сердечного смущения: эта бездна опаснее всех интриг и козней, человеческих и бесовских. Благодарю за присланный фельетон С. Петер. Полицейских ведомостей; спасибо Смирновскому, спасибо и тебе за то, что отблагодарил хорошо писательчика. В письме моем, которое было послано с Пряженцовым, просил я тебя выслать мне две коробочки pommade visicatoire и пластыря двух меллотного и обыкновенного, употребляемого при фонтанелях, — только не на карточках, а на холстине. Тоже просил о высылке 200 р<ублей> сер<ебром> денег, очень нужны: все, кроме Николая, лечимся; также по разделе кружки не замедли выслать с известным вычетом и остальные, чтоб было, на что возвратиться. Вижу, что финансы мои не позволяют возвратиться через Москву, что было бы удобнее и спокойнее: везде есть хорошие ночлеги, везде можно остановиться в случае дождя и особенного холода, что для нас — движущегося лазарета — будет необходимо. Стефан и Николай свидетельствуют тебе усерднейший поклон и благодарность за воспоминание о них. Они очень к тебе расположены, всей душой. Никола мил; в нем начали развертываться умственные способности и особенная открытость нрава. Это меня утешает, а то я немножко скорбел, не видя близ себя подростка с полною благонамеренностию и некоторыми умственными способностями. Этим оканчиваю сегодня беседу мою с тобою.

25-е. Лекарство, которого действие иногда скрывается совершенно, иногда снова — открывается в сильном брожении, которое теперь наиболее в соединяющих ноги с животом жилах и головном черепе, — с вчерашнего вечера начало очень действовать, действовать полезно, но при сопровождении чрезвычайной слабости, по причине которой напишу разве несколько строк. Поздравляю тебя с великим праздником Благовещения. Божия Матерь да примет нас под кров свой! Да дарует нам провести земную жизнь как жизнь приуготовительную к жизни будущей.

Чаша скорбей обнаруживает внутренний залог человека: Давид идет в пустыню, а Саул к волшебнице, Бог привел тебя узнать на самом опыте, какую чашу я пил в Сергиевой Пустыне в течение четырнадцати лет. Вступая в должность настоятеля этой обители, я видел ясно, иду толочь воду, что плавание мое будет по бездне интриг; утешало меня, что это — не мое избрание. Я отдался воле Божией, которой отдаюсь и теперь. — Получил очень доброе и милое письмо от Графини Орловой-Чесменской из Новгорода. Преосвященный Филарет Киевский писал не раз. Добрый старец! Зовет в Киев; но какую имею на это возможность?.. Ложусь! До завтра!

26-е. Сегодня в эту минуту я посвежее; чрез полчаса неизвестно что будет: так мое состояние от действия лекарства переменчиво. Рассматривал я себя долгое время в Сергиевой Пустыне; и ты мог рассмотреть себя особливо в настоящее время при непосредственном управлении этим монастырем; также и мое положение в нем сделалось тебе яснее. Я образовал себя совсем не для такого монастыря и не для такого рода жизни, долженствующей состоять из беспрестанных телесных попечений и занятий с приезжающими, по большей части пустых. Душа в таком месте по необходимости должна сделаться пустою. Относительно тела — мои физические силы и здоровье совершенно не выдерживают трудов, требуемых этим местом, и лишений в хорошей воде и прочем, для слабого здоровья необходимом. Интриги, к которым столько удобств, потрясали благосостояние монастыря и мир его и впредь будут потрясать. Мертвость лиц, избираемых в митрополиты С. Петербургские, лишала и будет постоянно лишать нас собственного взора и мнения нашего начальника, следовательно — всегда действующего по внушению других, но действующего с неограниченною властию, хотя бы он действовал вполне ошибочно. Зависимость от многочисленных властей второстепенных делает бесчисленные неприятности неизбежными. Ты знаешь, что в дела нашей обители входит и сам Митрополит, и Викарий, и две Консистории, и Секретарь митрополита и другие разные секретари и камердинеры и прачки и тетушки Сулимы и проч. Чего тут ждать? Надо быть аферистом, с способностью к этому, с склонностию — и это все может исполнить Аполлос. Притом же он человек поверхностный, а наружность имеет очень скромную — следовательно, таковский и должен быть на местечке, за которое заплачено дорого. По вышеуказанным причинам имею решительное

намерение, возвратясь в Петербург, просить, чтоб дано было мне местечко, соответствующее моим крайним нуждам душевным и телесным. По сему же необходимее всего иметь человека, под покровительством которого можно б было монашествовать не только мне, но и расположенным ко мне (а из опытов вижу, что с дураками и иезуитами мне никак не поладить), то избираю для этого Преосвященного Иннокентия Харьковского, который мне и лично, и из собранных сведений более других нравится: в святость не лезет и на святость не претендует, а расположен более всех делать добро, более и толковее всех занимается религиею, любит истинное монашество, поймет мое хотя и грешное и вполне хромлющее аскетическое направление и захочет содействовать ему. Таковы, душа моя, мысли мои относительно моего положения. Но для Сергиевой Пустыни, сам можешь видеть, нет у меня ни телесных, ни душевных сил — разве сделают ее самостоятельною. Вот, истинный друг мой, сформировавшиеся, кажется, от указания самых обстоятельств, мысли мои — и тебе одному поверяю их. Плод дальнейшего нашего пребывания в Сергиевой Пустыне будет не иной какой: «сделаемся окончательно калеками, и когда увидят, что мы ни к чему не способны, вытолкают куда попало, не дав куска хлеба и отняв все средства достать его». Рассмотри основательно — и увидишь, что так. Я имею милость Государя, но эта милость только сердечная: и ее интриганы употребили в орудие своей ненависти ко мне. Христос с тобой. Смотри и на обстоятельства, которые тебе виднее, нежели мне.

Здешнее место хорошо, но содержание дорого. При том, избирая его, я не знал, что сущность моей болезни — сильнейшая простуда, с которою надо тащиться в южный климат, где и содержание дешевле не в пример. Бог, даровавший благодать свою проданному и заключенному в темницу Иосифу, преклонивший к нему сердца всех, — по великой милости своей преклонил и здесь сердца многих ко мне. Меня, так я выражусь, на руках носят. Монашествующие, начиная с о<тца> Игумена, крайне расположились, окрестные также молят Бога, чтоб не уезжал. Даже так думаю, что лучше здесь остаться навсегда, нежели жить в Сергиевой Пустыне, особливо если этот Викарий (что почти невероятно) останется Викарием. Подумай, друг мой, и помолись об общей нашей участи, дабы милосердый Господь устроил ее по благости Своей. К приезду моему поосвети мои комнаты и поустрой: может, придется еще какой год повитать в Сергиевой;

ты знаешь: я решителен и вместе нетороплив, действую, или по крайней мере желаю действовать, не по увлечению, а по указанию обстоятельств. Также подумай о финансах: нечего нам пускаться к дальнейшему возвышению монастыря, а лишь бы поддержать его в настоящем виде, да не забраться в новые долги и старые по возможности сократить. Смотри же не говори об этом никому из братий, а во мне так сформировались вышеприведенные мысли, что они как бы сидят в глубине души моей: там их вижу. Молю Господа Бога о тебе и радуюсь за тебя: потому что с течением времени милость Божия к тебе делается яснее и яснее. Помнишь, пред отъездом я обещал тебе письмо с изложением того, что сформируется в душе моей: вот это письмо! Оно вытекло в свое время как бы само собою из-под пера моего.

Тебе преданнейший друг

А<рхимандрит> И<гнатий>.

24 марта
1848 года

Письмо пишу в течение недели, а отправляю при случающихся оказиях.

№ 43

Христос Воскресе!

Бесценный друг мой! Поздравляю тебя с наступившим Светлым Праздником. Поздравь от меня и всю братию. Очень благодарен за присланный пластырь; я поставил фонтанели на спине между плечами: они производят свое полезное действие — вытягивают мокроту из накопившегося (так назову) мешка под затылком. Это мешок — благотворное следствие сассапарельной настойки. Такие же мешочки — на спине под крыльями плечными. Ужасно был я болен. Много из меня вышло дряни, много теперь выходит; но довольно еще осталось, и по приезде в Петербург надо будет еще продолжить лечение. Ныне пью, очень понемногу — большею частию по столовой ложке в сутки, настой сассапарели с полынью и шалфеем. Нахожу действие отличным: сассапарель делает свое — собирает, стягивает из всего тела дурные соки в желудок; полынь способствует варению их — сассапарель тяжела для желудка, а шалфей укрепляет и уменьшает испарину. К моему приезду вели приготовить настойку: на одно ведро очищенного пенного вина положить два фунта шалфею, 1 фунт полыни, 2 сассапарели. Последнюю надо мелко изрубить и истолочь или избить. Полынь

и шалфей вели взять в хорошей аптеке, а не в травяных лавках: в аптеке товары как-то опрятнее. И тебе такую штуку полезно пить. Вели сделать пораньше; подольше постоит, лучше будет. Придется и фонтанель долго поносить: заключаю так по скопляющейся материи. Деньги 200 руб. серебром получил; но они еще в Ярославле по причине распутицы. Я еще не выходил из келлии, а думаю для исшествия дождаться хорошей погоды. Христос с тобою. Итак, остается с небольшим месяц, и милосердый Господь устроит наше свидание. Будь здоров и благополучен.

Сердечно преданный тебе

Архимандрит Игнатий.

Надо бы написать побольше, но — до другой почты.

№ 44

Чтоб не упустить нечаянного случая на почту, отвечаю тебе этими немногими строками, 540 руб. серебром при письме твоем получил. После 10-го думаю выехать — хотелось бы поспеть к вам на 30-е. Как Бог даст! Христос с тобою!

До свидания

Архимандрит Игнатий.
8 мая 1848 года

№ 45

Возлюбленнейший о Господе Отец Игумен Игнатий!

Благодарю тебя за воспоминание о мне грешном. Всегда вспоминаю о тебе с любовию, вспоминаю с благодарностию о первоначальной преданности твоей ко мне. Попущением Божиим за грехи наши отношения поколебались на некоторое время; но, как вижу из письма твоего, милость Божия восстановляет их. Я живу очень покойно; но иногда хворость и слабость так усиливаются, что невольно подумываю о смерти. А потому благовременно прошу у всех прощения, в чем согрешил пред кем. Прошу прощения у тебя. Милосердый Господь да даст нам всем истинное покаяние и прощение во грехах наших.

Поручающий себя твоим святым молитвам твой покорнейший слуга

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
20 декабря 1859 года

Воспоминания архимандрита Игнатия (Малышева)[1]

Архимандрит Игнатий Брянчанинов умел любить чад своих духовных, но умел и учить их; много пострадал он за них, много вынес на своих плечах клеветы и порицаний.

Архимандрит Игнатий душу свою полагал за учеников своих: он прощал всякую немощь, лишь бы человек сознавал ее с покаянием; но ненавидел лукавство и фарисейство; гордость и тщеславие обличал и искоренял ежедневно. Каких, бывало, унизительных качеств не навяжет Старец своему послушнику, и заставит говорить: я ленивый, нерадивый, гордый, самолюбивый, нетерпеливый, малодушный и проч., и непременно заставит все сие сознать в себе и за все просить прощения. В особенности доставалось много подобных испытаний келейнику его Игнатию, известному под названием маленького, проходившему различные послушания, и между прочими послушание свечника. Эта должность в летнее время требовала безвыходного пребывания в церкви: свечник увольнялся только, чтобы пообедать или напиться чаю, который первое время братия собиралась пить в келлии Настоятеля. Игнатий обыкновенно приходил, когда все уже отопьют, и в чайнике оказывался не чай, а, как они выражались, «ай». И такого-то чаю маленький Игнатий нальет себе чашку; в эту минуту, случалось, войдет Архимандрит, возьмет его за ворот и гонит в шею из комнаты вон, приговаривая: «Ах ты, окаянный сластолюбец! Разве ты за тем пришел в монастырь, чтоб чай пить? Вон пошел». И идет послушник на свое место к свечному ящику. Товарищ его, о. Феофан Комаровский, впоследствии бывший архимандритом Соловецкого монастыря, бывало спросит: что, родименький, напился чаю? «Напился», — ответит Игнатий.

В таком роде уроки бывали ежедневно, особенно первое время, когда о. Архимандрит был еще помоложе и поздоровее; но он учил и воспитывал каждого ученика по его силам и способностям, не щадя своих сил, не жалея времени, и если его ученикам бывало нелегко принимать его учения и усвоивать себе его правила, то и ему немало трудов стоило каждого отдельно воспитать, внушить любовь к урокам и возводить в духовное состояние.

---

[1] Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова и письма Преосвященнейшего к близким ему лицам. СПб., 1881.

В то же время был в монастыре другой Игнатий — наместник, под названием «молодой»: видный по лицу и росту, на все способный, распорядительный, неутомимой деятельности, любимец многих. Нельзя было и самому ему не сознавать своих достоинств; тем более что он был крестьянского происхождения.

Однажды приходит к нему родной брат, деревенский мужичок, в сером кафтане; самолюбивому наместнику стыдно стало принять такого брата: он отказался от него и выслал вон. Мужичок передал свою скорбь некоторым из братий; это дошло до Архимандрита. Он немедленно приказал привести мужичка к себе; принял его в гостиной, обласкал, посадил, велел подать чаю, и в то же время послал за наместником. Когда он вошел, Архимандрит, обращаясь к нему, сказал: «Вот, батинька, к тебе братец пришел, поздоровайся с ним и садись чай пить. Он обедает у меня, приходи и ты с нами обедать». О. Архимандрит накормил, напоил мужичка и наградил еще на дорогу, а потом сделал назидание своему красивому наместнику.

Система воспитания новоначальных у Настоятеля была такова: он приучал их быть откровенными с ним не только в делах, но и в помыслах. Такая откровенность и близость отношений не допускала учеников до грубых погрешностей: как-то было стыдно и жалко оскорбить своего отца и благодетеля, который старался не стеснять их и не воспрещал веселости в обращении между собой, даже в его присутствии. Архимандрит Игнатий ненавидел несогласия и ссоры: если случалось кому поссориться, он немедленно призывал их к себе и мирил, чтобы не оставалось неприязни до другого дня. Простой старец, по имени Антоний, так усвоил себе это правило, что, бывало, вечером ходит всюду, ищет брата, с которым размолвился, и всех спрашивает: не видал ли такого-то? И на вопрос: на что тебе его, отвечает: «Да видишь ли, голова, давеча с ним поразмолвил, а отец говорит: *да не зайдет солнце во гневе вашем;* надо прощенья попросить». И непременно отыщет брата и исполнит свое благое намерение. Этот старец готовился к пострижению и, во время сенокоса, сушил сено вместе с рабочими. Архимандрит пришел на сенокос и сказал: «Бог помощь», и, обращаясь к Антонию, спросил: «Что ты тут делаешь?» Старец по простоте отвечал: «Тружусь, как Преподобный Сергий». — «А я тебе припомню, как трудился Преподобный Сергий», — отвечал Настоятель. Когда Антоний принял пострижение, то пришел к Настоятелю просить монашеского правила, какое благословит

ему держать. «А помнишь, что ты сказал мне на сенокосе, — говорит Настоятель, — что ты трудишься, как Преподобный Сергий? Преподобный Сергий клал по 1000 поклонов в сутки, клади и ты». «Ой, батюшка, не могу, стар». — «Ну, так смирись, клади 12 поклонов». Антоний упал к ногам Настоятеля и говорит: «Батюшка, мало, благослови класть 300». — «Много, старец, не выдержишь». — «Нет, благослови: Бог поможет за твои молитвы». И исполнял старец это правило до самой смерти. Отец Антоний жил подле кухни и по старости лет не ходил на братскую трапезу, но кушал в своей келлии. За три дня до смерти, во время трапезы, пришел Антоний на братскую трапезу и поклонился всей братии. Некоторые улыбнулись и шутя сказали: «Отец Антоний пришел прощаться». Старец прошел к Павлу Петровичу Яковлеву, который жил подле трапезы, дает ему пять рублей и говорит: «Вот, голова, у меня племяж, солдатик в походе; будет жив, придет, так отдай ему». «Сам отдай, старец», — отвечал Яковлев. «Не ровен час, голова, сам-то, может, и не отдашь». Антоний удалился в свою келлию, лег и на третий день скончался кончиною праведника.

При мудром руководстве Настоятеля много было поучительных случаев, из коих приводятся здесь некоторые. Под покровительством Преподобного Сергия в продолжение пятнадцати лет не было ни одного смертного случая в Сергиевой пустыне. Первым скончался иеромонах Владимир во время управления архимандрита Игнатия. Долго страдал инок Владимир водяною болезнию, и Настоятель, имея обычай навещать болящих, чтобы приготовить их к кончине, навестил и о. Владимира, который лежал уже на одре смертном. «Не хочешь ли принять схиму?» — спросил Настоятель. «Какой я схимник», — смиренно отвечал умирающий, считая себя недостойным такой милости. Вскоре скончался страдалец, и кончина его ознаменовалась утешительными видениями, составляющими домашнюю тайну для Сергиевой обители.

Архимандрит Игнатий, оказывая любовь и сострадание к болящим по телу, еще более оказывал милости и снисхождения к немощам душевным. Некто Платон Яновский, бывший придворный малолетний певчий, пришел в монастырь, и вскоре открылся у него прекрасный голос баритон; певец не уступал знаменитым итальянцам и прожил несколько лет в обители в качестве послушника. В это время фельдмаршал князь Барятинский пожелал устроить у себя на Кавказе хор певчих и обратился

в Придворную капеллу с требованием способного человека для занятия должности регента. Капелла указала на Яновского. Яновскому предложены значительный оклад и блестящая карьера в будущем.

Яновский, пробыв несколько лет на Кавказе, вполне удовлетворил желанию князя и возвратился обратно в монастырь. Проживши несколько лет в другом обществе, вернулся Платон, да не он: с новыми навыками и немощами. Архимандрит подумал, что делать? взят он ребенком от отца-священника, теперь круглый сирота, и, по свойственному ему милосердию, оставил Платона у себя. Яновский был весьма признателен к Настоятелю за такую милость; даже в минуты своих слабостей с плачем падал ему в ноги и целовал его руки. Отеческим обращением о. Архимандрита сохранен от явной гибели человек. Яновский прожил до смерти в монастыре и, кроме немощи, от которой сознательно страдал, был кроткий, смиренный и истинный христианин, чему служит доказательством предсмертное письмо его ко второму настоятелю, Игнатию.

Еще другой подобный сему пример представляет бывший Нижегородский протодиакон Василий Петрович Малев. Это был человек способный, разумный, но подверженный той же немощи; он сам о себе говаривал: «Несчастный я человек, был молод, талантлив, бывало, купцы и помещики на руках носили, угощали, угощали Василия Петровича, кровь перепортили; вот и доживай свой век да страдай Василий Петрович». Это была личность такая солидная и разумная, что совестно бывало и вспомнить об его слабости. Однажды, по немощи, был он заперт в своей келлии; когда поправился, говорит приставнику: «Поди к Архимандриту и скажи, что мне нужно поговорить с ним». Архимандрит благословил придти. Малев входит к Настоятелю и, чинно помолившись пред святыми иконами, говорит: «Вот что, батюшка, вам известна моя немощь и скверное житие мое; но я и в таком положении имею обычай ежедневно, пред образом Преподобного Сергия, который находится у меня в келлии, читать акафист. Вот, на этих днях, стою я пред иконой Преподобного Сергия и читаю, а образ как бы говорит мне: “Поди к Архимандриту и скажи, чтобы он тебя высек”. Так, батюшка, как благословите — публично или наедине?» — «Вот видишь, Василий Петрович, — сказал Настоятель, — Преподобный Сергий сам о тебе заботится. Я нахожу, что лучше наказать публично, чтобы другие имели осторожность», — «Как благословите, батюшка, так

и исполните», — спокойно отвечал кающийся. Конечно, это не было исполнено.

Были и другого рода болящие, которых архимандрит Игнатий также не оставлял без внимания. Поступил в монастырь молодой человек, сенатский чиновник Иван Мызников, впоследствии иеромонах и казначей Сергиевской пустыни. Человек весьма хороший и строгой жизни; но, вероятно, по ревности, без руководства, самочинно привел себя в странное состояние духа, близкое к прелести. Отец Архимандрит, как опытный руководитель, заметив в нем неправильное настроение, приказал ежедневно приходить к себе. Мудрый наставник, желая разбить в послушнике некоторое мнение о себе и ипохондрическое расположение духа, называл его «веселеньким» и употреблял разные меры как словесные, так и практические с прямой целию довести его до детского смирения, уничтожить самомнение и начало губительной прелести. Это продолжалось года три или четыре; и наконец удалось Архимандриту, так сказать, вынянчить человека: Мызников пришел в нормальное положение и был полезен для обители.

Другой послушник, Николай, заболел тяжкою болезнью и до того высох, что ему казалось, будто желудок его прирос к спинной кости. Больной имел обычай открывать помыслы Настоятелю, которой поместил его близ себя, чтобы наблюдать за ним поближе. Когда Николай стал поправляться, ему стали приходить помыслы о самоубийстве; к нему приставлен был человек, и в келлии все опасное было прибрано; но он усмотрел как-то гвоздь над дверью, и помысл говорит ему сделать тесемку из простыни и удавиться на этом гвозде. Но обычное откровение помыслов спасло его и на этот раз, он сейчас же исповедал преступное намерение своему старцу и тем сохранил жизнь свою.

Когда он значительно стал поправляться, о. Архимандрит начал несколько развлекать его; однажды дал ему бумагу и велел отнести в канцелярию, но нигде не останавливаться, а скорее возвращаться обратно. Николай пошел и пропал. Настоятель послал за ним: в канцелярии его не оказалось; послали верхового по дорогам и к морю и около монастырских прудов отыскивали его; но Николай нигде не находился. Архимандрит стал на молитву... Через два часа приходит к нему сам больной. «Где ты был?» — спрашивает его Настоятель. «На колокольне», — отвечает больной. «Зачем же ты туда ходил?» — «Помысл сказал мне: иди на колокольню и соскочи оттуда». — «Отчего же

ты не соскочил?» — «Я долго думал, а другой помысл говорил мне: как же ты соскочишь без благословения батюшки? Я думал, думал, да и сошел с колокольни».

В одном из творений своих Преосвященный Игнатий повествует о достойном замечания случае. «Посетил меня, — говорит Владыка, — афонский схииеромонах, бывший в России за сбором. Мы сели в приемной моей келлии, и он стал говорить мне: "Помолись о мне, Отец: я много сплю, много ем". Когда он говорил мне это, я ощутил жар, из него исходивший, почему и отвечал ему: "Ты не много ешь и не много спишь; но нет ли в тебе чего особенного" — и просил его войти во внутреннюю мою келлию. Идя пред ним и отворяя дверь во внутреннюю келлию, я молил мысленно Бога, чтоб он даровал гладной душе моей попользоваться от афонского иеросхимонаха, если он истинный раб Божий. Точно, заметил я в нем что-то особенное. Во внутренней келлии мы опять уселись для беседы, и я начал просить его: "Сделай милость, научи меня молитве. Ты живешь в первом монашеском месте на земле, среди тысяч монахов: в таком месте и в таком многочисленном собрании монахов непременно должны находиться великие молитвенники, знающие молитвенное тайнодействие и преподающие его ближним, по примеру Григориев Синаита и Паламы, по примеру многих других афонских светильников". Иеросхимонах немедленно согласился быть моим наставником, и — о ужас! — с величайшим разгорячением начал мне передавать способ восторженной, мечтательной молитвы. Вижу: он в страшном разгорячении! у него разгорячены и кровь и воображение, он в самодовольстве, в восторге от себя, в самообольщении, в прелести! Дав ему высказаться, я начал понемногу, в чине учащегося, предлагать ему учение святых Отцов о молитве, указывая его в Добротолюбии и прося объяснить мне это учение. Афонец пришел в совершенное недоумение. Вижу: он вполне незнаком с учением Отцов о молитве. В течение беседы говорю ему: "Смотри, старец: будешь жить в Петербурге, никак не квартируй в верхнем этаже, квартируй непременно в нижнем". "Отчего так?" — возразил афонец. "Оттого, — отвечал я, — что если вздумается ангелам, внезапно восхитив тебя, перенести тебя из Петербурга на Афон и они понесут из верхнего этажа, да уронят, то убьешься до смерти; если ж понесут из нижнего и уронят, то только ушибешься". "Представь себе, — отвечал афонец, — сколько уже раз, когда я стоял на молитве, приходила мне живая мысль, что ангелы восхитят меня и поставят на Афоне!" Оказалось, что иеросхимонах носит вериги,

почти не спит, мало вкушает пищи и чувствует в теле такой жар, что зимою не нуждается в теплой одежде. К концу беседы пришло мне на мысль поступить следующим образом: я стал просить афонца, чтоб он, как постник и подвижник, испытал над собою способ, преподанный святыми отцами, заключающийся в том, чтоб ум во время молитвы был совершенно чужд всякого мечтания, погружался весь во внимание словам молитвы, заключался и вмещался, по выражению святого Иоанна Лествичника, в словах молитвы, причем сердце обыкновенно сочувствует уму душеспасительным чувством печали о грехах, как сказал преподобный Марк Подвижник: "Ум, неразвлеченно молящийся, утесняет сердце; сердце же сокрушенно и смиренно Бог не уничижит". "Когда же испытаешь над собою, — сказал я афонцу, — то и мне сообщи о плоде опыта, потому что самому мне предпринять такой опыт неудобно по развлеченной жизни, мною проводимой". Афонец с охотою согласился. Чрез несколько дней приходит он опять ко мне и говорит: "Что ты со мною сделал?" — "А что?" — "Да как я попробовал помолиться со вниманием, заключая ум в слова молитвы, то все мои видения пропали, и уже не могу возвратиться к ним". Далее в беседе с афонцем я не увидел той самонадеянности и той дерзости, которые были заметны в нем при первом свидании и которые обыкновенно замечаются в людях, находящихся в самообольщении, мнящих о себе, что они святы или находятся в духовном преуспеянии. Афонец изъявил желание услышать для себя мой убогий совет. Когда я посоветовал ему не отличаться наружностию от других, потому что это ведет к высокоумию, то он снял с себя вериги и отдал их мне. Через месяц он еще был у меня и сказывал, что жар в теле его прекратился, что он уже нуждается в теплой одежде и гораздо более спит».

На приемах светских лиц Архимандрит был неровен; редким удавалось понять его. Иногда он, как юродивый, бывало раскричится, а иногда молчит, слова не дождешься; посетители не знают, как и уйти из гостиной. А зато как разговорится, то слушал бы его, не отходя несколько суток. Маленький Игнатий всегда торчал при нем и часто, по сыновней любви, делал ему замечания: «Зачем, Батюшка, сказали то или это? Вот и будут делать об вас ложные заключения». А он, бывало, махнет рукой, говоря: «Я не светский человек, не умею рассчитывать», пойдет к себе в кабинет и ляжет в угол, прибавив: «Вот мое место». И здесь-то он был истинный аскет, не отошел бы от него: речи

его, как гусли сладкозвучные, услаждали ум и сердце. «Видел я, — свидетельствует маленький Игнатий, — двух человек: нашего Батюшку и пустынного старца Исаию Никифоровского; видел их вместе, видел и порознь, и благодарю Бога, что сподобил Он меня видеть святых людей». Еще говорит о. Игнатий маленький, что в продолжение 24-х лет он не помнит случая, чтобы о. Архимандрит отказал в приеме братий: дверь его для всех была открыта, и он любил, чтобы приходили к нему. Отец Игнатий припоминает, как он в новоначалии надоедал своему старцу ежеминутным испрошением благословения, имея обычай не приступать без этого ни к какому делу. Бывало, в пятом часу утра послушник будит своего Настоятеля, чтобы получить благословение идти к утрени, и о. Архимандрит никогда не прекращал такого порядка и не отягощался им. Ему не нравилось, когда кто-либо из братий уклонялся от него или боялся его. Все ближайшие ученики всегда находились около него, как пчелы около матки. Он приучал их к чтению Священного Писания, часто приглашал к себе и заставлял читать, как бы нужное для него самого, и усматривал, кто как читает, с какою верою и любовию к Слову Божию. Келейников своих он заставлял читать каждый день утреннее и вечернее правило. Многие из них ежедневно вечером приходили исповедовать грехи свои, не оставляя до другого дня никакого греховного помысла, и получали разрешительную молитву. Вследствие чего они были веселы и легки, как на крыльях летали. Старец не любил уныния, и если замечал в ком уныние, спрашивал причину и разбивал словом утешения, прибавляя: «Уныние не от Бога, исповедуй грех и будь весел».

Были и такие в числе братства, которые никак не могли привиться к своему отцу, и это большею частию те, которые получили начальное воспитание в других монастырях; они-то и составляли противную партию, не желая жить по правилам отеческим, и враждовали против тех, которые ходили на исповедь и откровение помыслов. В последующее время много пострадал за это от противной партии старец схимонах Макарий, к которому также новоначальные ходили на откровение, между тем как сказано у Аввы Дорофея, что все живущие без назидания падают, как листвие, и погибают. Авва Исаия говорит: «Каждый помысл, производящий в тебе брань, открывай наставнику твоему, и облегчится брань твоя. Из-за стыда не позволь скрыть ни одного такого помысла; потому что демоны находят себе место толь-

ко в том человеке, который утаивает свои помыслы, как благие, так и лукавые» (гл. 163).

Ученики о. архимандрита Игнатия, в союзе любви между собою, ревновали о деле Божием: бывало, кто из богомольцев попросит отслужить молебен или панихиду, все стремятся без очереди исполнить как можно лучше, так что сами монашествующие, проходя мимо, остановятся и слушают с наслаждением. Есть и ныне подобные сыны обители; иначе и не мог бы удержаться чин священнослужения в порядке.

Архимандрит Игнатий был широкой, возвышенной натуры, пылкий, восприимчивый, всему хорошему радовался как младенец, и эта радость обыкновенно выражалась быстрым хождением, почти беганьем по залу и потиранием затылка. Когда в это время входили ученики, он не замечал их, продолжая бегать и непритворно радоваться. В таких же формах выражались у него и скорби, с тою разницею, что тогда потирал он не затылок, а лоб. Ученики в это время не смели входить, а смотрели в дверные щелки. Много приходилось о. Архимандриту переносить оскорблений, тогда как сам он был необыкновенно добр и благожелателен к ближним. Он глубоко сочувствовал всякому доброму делу, а его грубо, невежественно оскорбляли; кто несправедливыми притязаниями по службе, кто дерзкими и лживыми порицаниями, — и все это делалось по бесовской зависти, незаслуженно. Тогда, взволнованный скорбию, он обвинял антихриста и его сотрудников; но вскоре успокоивался, и если оскорбление было велико, то удалялся в спальню, спускал густые занавеси на окнах, делал из келлии темницу и запирался на неделю и на две, объявляя себя больным. В такое время никто не входил к нему, он предавался молитве и плачу до тех пор, пока не придет благодатное посещение свыше и не осенит его неизреченною радостию. По выражению его, не только душа, но и тело и кости принимали участие в этой радости; по словам Спасителя нашего: *Царствие Небесное внутрь вас есть.* Истинен глагол Господень! Человек, находясь в таком состоянии, иного блаженства и представить себе не может. Обычно Небесному Царству приходить после тяжкой скорби: *многими скорбми подобает внити в Царствие Небесное.* Вот тогда-то и совершалось преображение из врагов во Ангелов светлых; об этом он сам выражается в своем «плаче»: «Я встречал врагов, ищущих головы моей, как Ангелов светлых». В таком настроении духа архимандрит Игнатий занимался сочинением своих поучений. После дол-

гого затвора всегда являлись на столе поучительные его творения, и сам он выходил из своей темницы с светлым, необыкновенно радостным лицом. Он не скрывал своих творений от учеников, всегда, бывало, прочитает, не из тщеславия, а как будто для проверки. Весьма редкие понимали высокие душевные качества Архимандрита: кроткий сердцем, простой, безмерно милостивый и любвеобильный, бывало, вспылит на минуту и гасит эту вспышку слезами покаяния.

Архимандрит Игнатий был замечательно нестяжателен и несребролюбив; бывало, казначей принесет ему жалованье или долю по разделу братской кружки — он и в руки не возьмет, и даже не сосчитает, а скажет казначею: «Положи, батинька, в налойчик», — и из этого налойчика брали келейники и расходовали по его распоряжению. Стол его был неприхотлив; он употреблял более растительную пищу и какие-либо кашицы, и то весьма умеренно, тогда как вид его не представлял из себя постника или больного; полный, румяный, он казался пользующимся совершенным здоровьем и, по мнению многих, изнеженным; а в сущности был изможден болезнями. В зимнее время он почти никуда не выходил; в келлиях устроены были тройные рамы, в небольшой гостиной стояли две печи, так что здоровому человеку невыносимо было сидеть в ней, а он выходил в эту гостиную в рясе, ваточном подряснике и в катанках на ногах. Келейники часто надоедали ему советами держать температуру попрохладнее, уверяя, что будет для него здоровее. Старец покорится, бывало, своим попечительным чадам и непременно простудится: «Ну вот, послушал вас и простудился, болен. Тело мое, истомленное болезнями, требует большего тепла». Уйдет и затворится в своей теплице, в спальне. Келейная его одежда была также незатейлива: мухояровый подрясник, не застегнутый на груди, на ногах катанки. Так и видишь его: ходит бывало по келлии и потирает затылок, или пишет у стола, или лежит в углу и читает книгу; вот постоянные занятия подвижника. Всегда приветливый, ласковый, в особенности с своими любимыми келейниками; он иногда шутил с ними и давал наименования каждому по его способности.

В последнее время пребывания о. архимандрита Игнатия в Сергиевой пустыне началась перестройка зимней Сергиевской церкви. Хотя пространная церковь была необходима, но он неохотно принимался за новую постройку, опасаясь войти в новые долги, потому что и старые его тяготили. Настоятель поручил

своему первому келейнику, маленькому Игнатию, всю заботу по постройке, как приобретение средств, так и заготовку материалов и самую постройку; и все совершилось во славу Божию, без особенных затруднений, за молитвы старца. Храм Преподобного Сергия был окончен и освящен уже по отъезде Преосвященного Игнатия на епархию.

Два замечательные случая были при освящении этой церкви, которое совершилось 20 сентября 1858 г. Преосвященным Митрополитом Григорием[1]. Когда началось священнослужение, все окна и двери были заперты, вдруг неизвестно откуда влетел голубь и сел на иконостас над Царскими Вратами и просидел все время освящения и Литургии, не слетая с места; когда и как он улетел, никто не мог заметить. Второй случай: Высокопреосвященнейшему митрополиту не понравились Царские Врата нового храма, весьма ценные, с изображением двенадцати Апостолов. По мнению Митрополита, следовало изобразить Благовещение и четырех Евангелистов, и он приказал настоятелю, преемнику Преосвященного Игнатия, непременно выставить их и сделать другие. Настоятель, затрудняясь исполнить волю Архипастыря, за неимением средств, просил позволения окончить врата, для которых заказаны были серебряные ризы на Апостолов; но Митрополит не соглашался. Архимандрит томился недоумением и молчал, не сообщая никому из братий во избежание пересудов. В том же году, в декабре, Митрополит Григорий был опять в Сергиевой пустыне по случаю погребения статс-дамы Мятлевой и подтвердил свою волю Настоятелю, чтобы переменил Царские Врата. В ту же зиму скончался Архипастырь, и Настоятель еще более мучился совестью, что не мог исполнить его приказания и врата стояли неоконченными. В сороковой день кончины Митрополита приходит к Настоятелю родной брат его, проживавший в Сергиевой пустыне, ризничий иеромонах Платон, и говорит, что видел во сне Митрополита Григория. «Владыка сидел посреди церкви на амвоне, — говорил о. Платон, — а я выходил из алтаря и нес мешок с хлебцами; Митрополит подозвал меня к себе и сказал: раздайте эти хлебы на помин души моей, а ты скажи своему брату, пускай окончит Царские Врата».

Удивленный и обрадованный Настоятель возблагодарил Бога, что покойный Владыка развязал его совесть, и тут же рассказал

[1] *Высокопреосвященный Григорий* (в миру Георгий Петрович Постников; 1784–1860) — Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский с 1856 г.

о своем затруднении брату, предварительно ничего не знавшему. Царские Врата немедленно были окончены.

Письмо архимандрита Игнатия (Малышева) к Преосвященному Леониду (Краснопевкову)[1]

Ваше Высокопреосвященство

Всемилостивейший Архипастырь,

Я получил письмо Ваше, вы желаете знать, какого мнения был покойный Преосвященный Игнатий о книге Фомы Кемпийского. Могу положительно сказать, что Преосвященный Игнатий не любил эту книгу, и не только он, но и все знаменитые отшельники нашего времени. Сколько раз я слышал от Преосвященного Игнатия, что Оптинские старцы, и особенно Отец Леонид, сподвижник старца Феодора, и все ученики Паисия Величковского единогласно отзывались так, что не по достоинству дают такую высокую цену этой книге. Отцы находили, что автор не имел помазания Святого Духа и что это сочинение написано из мнения своего ума, потому умные люди и узнают свое, а помазанники Божии только то высоко ценят, что вытекает из дара Духа Святого.

Простите, Владыка Святый, что я дерзаю говорить об этом, будучи невежда, а только был послушник Преосвященного Игнатия, что слышал от него, то и сообщаю Высокому Вашему Смирению. Я уже полюбил вас, и сердце мое открыто для вас, вы сами меня вызвали на открытость, и мне приятно сообщить желающему знать о Преосвященном Игнатии. Могу сказать, не многие его понимали, да и трудно было его понять, он в житейских делах нередко являлся младенцем, а в делах духовных сподобился великих и редких дарований. Простите, Владыка Святый, что я с вами громко думаю, это происходит от любви и доверия к вам, как любил покойного Преосвященного Игнатия, верил ему и не скрывал от него ни малейшего помысла.

Прошу Святых молитв ваших и Архипастырского благословения Вашего Высокопреосвященства

нижайший послушник

Архимандрит Игнатий.

10 ноября 1871 года

[1] РГБ ОР. Ф. 149. К. 13. № 30. О Преосвященном Леониде (Краснопевкове) см.: Т. 1. С. 80–108.

Письма архимандрита Игнатия (Малышева) к архимандриту Леониду (Кавелину)*

№ 1

Ваше Высокопреподобие Возлюбленнейший Отец
Архимандрит Леонид!

Прежде выражения моей благодарности, приветствую Вас с наступившим Новым Годом, с пожеланием Вам милости Божией. Не сочтите, Батюшка, мою медленность в ответе за невежество, нет, это моя единственная добродетель, и мне удается в этом успевать, особенно насчет поздравлений: я иногда поздравляю зараз с прошедшим, настоящим и будущим Новым годом.

Душевно благодарю Вас за прекрасную Икону Преподобного Отца нашего Сергия, благодарю также и за поздравление с милостию Божиею и Царскою.

Протекли моего настоятельства 25 лет, как день един. Не избежал я и торжества, и милостей беспримерных.

Скажу вам по-братски: все суета!

Хотелось бы остальные дни провести в покаянии. Дела незаконченные, дряхлость и тягость телесные уже начинают всякому делу препятствовать. Вот купец и проторговался, одна надежда на неизреченную милость Божию.

Прошу Ваших Святых Молитв пред престолом Божиим, да покрыет Господь Своим милосердием мое недостоинство.

Вашего Высокопреподобия имею честь быть усердный слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.
13 января 1883 года

№ 2

Христос Воскресе!

Незлобиве отче! Я еще за старую книгу не благодарил, а ты, добродушне, и другую прислал. Вот и экономия: за два благодеяния один раз благодарить.

Очень, очень благодарю и прошу прощения за мою леность. По этому поводу я благодарен Достоевскому, который одному приятелю отвечал на письмо через два года, и говоря, что письма писать дело невозможное, прибавлял к тому, что если я буду за грехи сослан в ад, то другого тягчайшего наказания не

* РГБ ОР. Ф. 148. К. 12. № 27. Об архимандрите Леониде (Кавелине) см. примеч. на с. 34.

ожидаю, кроме того, что заставят писать каждый день по десяти писем.

Хотя меня это не утешает, но успокаивает, что и умные люди ленились письма писать. А нам и Бог простит.

Прошу Св. молитв и благословения от Преподобного Сергия, старый друг и почитатель Твой

Архимандрит Игнатий.
20 апреля 1886 года

Письмо архимандрита Иннокентия (бывшего настоятеля Троицко-Зеленецкого монастыря) к архимандриту Игнатию (Малышеву) [1]

Ваше Высокопреподобие, Высокопреподобнейший Отец Архимандрит, возлюбленнейший о Господе Брат!

Очень бы желалось лично обнять Вас, Ваше Высокопреподобие, и братски похристосоваться с Вами; но, как видно, не всем нашим желаниям суждено притти в исполнение. И вот, вместо личного свидания, Христосуюсь с Вами на письме.

Поводом к ускорению письменного Христосования послужила горестная весть об утрате драгоценного и незабвенного Отца Архипастыря, Преосвященного Епископа Игнатия. Этою вестью, Ваше Высокопреподобие, я глубоко поражен, и с первого раза не поверил, доколе за Литургиею 6-го Марта в Митропол. Крестовой церкви не услышал провозглашения и самого имени Усопшего на Заупокойной Эктении. Тут-то горько поплакал, и до сего дня поминаючи много любимого Владыку, с коим столько разделял в жизни приятного, грущу.

Прошу, Ваше Высокопреподобие, успокоить и утешить меня хотя несколькими строчками о времени кончины Преосвященного и прочих ея обстоятельствах. Последнее своеручное письмо Его Преосвященства, ко мне посланное от 10-го Апреля, я удостоился получить в день отправки моего письма к нему — 15 Апреля.

Испрашивая молитв и благословения Ваших, имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Архимандрит Иннокентий.
7 мая 1867 СПб.
Александрон<евское> Дух<овное> Училище

P. S. Любезному Павлу Петровичу мое Христос Воскресе.

(*Приписка П. П.*: Получ. 8-го Мая 1867.
Отвеч. Лично 17-го Мая 1867
в Среду недели Самаританыни)

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 2. № 8.

Письмо архимандрита Игнатия (Малышева) в город Сараево, написанное в связи с отправкой туда икон для строящегося Храма[1]

Возлюбленные о Христе Отцы и братие!

Получил я от Вас два драгоценные для меня письма, исполненные братской любви. Сорадуюсь и я Вашей радости, и считаю себя счастливым, что Бог привел меня разделить с Вами это Духовное Торжество.

Признаюсь, что никакие дела Европейских народов меня не интересуют, а занимает меня мысль та, что делается на востоке, что делается у наших братьев славян. Такое чувство жило во мне с самой юности, следовательно, я не заслуживаю никакой благодарности за пожертвование в Ваш храм святых икон. Трудно выразить, какое вы мне этим доставили удовольствие: как бы сократили расстояние между нами.

Переношусь мысленно на Ваш Праздник, на Ваше торжество, на освящение Храма. Если бы не был я так занят в своей обители, может быть, и приехал бы к Вам, взглянул бы на вас, возлюбленные братие, но, к сожалению, должен удовлетвориться одним письменный приветом.

Мне хотелось, чтобы и другие лица Русской земли участвовали в благолепном украшении Вашего Святого Храма, и я имел случай доложить об этом детям нашего Государя Императора. Их высочества пожертвовали св. иконы для нового храма. Теперь, слава Богу, все готово к отправлению. Посылаем 73 образа, запрестольный крест и хоругви. Добавочных денег никаких более не нужно, при помощи Божией все здесь уплачено.

Прошу Ваших Святых молитв и драгоценной вашей памяти о мне. Имею честь быть, возлюбленные Отцы и братие, ваш усердный Слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.

[1] Жизнеописание настоятеля Троице-Сергиевой пустыни Архимандрита Игнатия (Малышева). СПб., 2000. С. 86.

Воззвание к русскому народу, составленное архимандритом Игнатием (Малышевым)[1]

Храм Воскресения Христова, на месте страшного события 1 марта 1881 года.

Церковь изрекла от лица Христова: «Людие мои, что сотворих вам?» (стихира Страстной седмицы). Христос Сын Божий, Царь мира, пришел на землю освободить род человеческий от клятвы законной; больных исцелил, прокаженных очистил, мертвых воскресил. Чем воздали неблагодарные евреи? За исцеление — раны наложили, за манну — желчь, за воду — оцет, за воскресение мертвых — ко кресту Его пригвоздили. «Людие мои, что сотворих вам?»

Там Богочеловек устами Церкви вопиет, здесь — вопиет неповинная кровь Помазанника Божия, Царя Освободителя: «Людие мои, что сотворих вам?» Я всю жизнь заботился о благосостоянии вашем, а вы осудили меня на смерть. Помышления мои, сердце мое, все было посвящено вам. Я, как человек, имел что-либо пред Богом; Христос оправдал меня, Я принял искупительную жертву — Тело и Кровь Христову, очищающую всякий грех, а вы убили меня: смерть моя — венец мой, слава моя! Я со Христом. Он один безгрешный, на кресте пригвожденный, произнес: *Отче, отпусти им, не ведят бо что творят* (Лк. 23. 34). И я дерзаю повторить то же: «отпусти им, не ведят бо, что творят».

Тогда жены-мироносицы, пришедши на гроб Христов, принесли драгоценное миро и ароматы, чтобы помазать тело Иисусово, и мы принесем наши дары на жертвенник святаго Храма и на месте пролития крови нового мученика, Царя-Освободителя.

Первая жертва уже принесена Помазанником Божиим, благочестивейшим Государем Императором Александром Александровичем. Мы уверены, что за вождем своим последует и вся земля русская и принесет свои посильные дары и сокровища: поставит здесь местночтимые святые иконы, зажжет пред ними неугасимые лампады на вечные времена, во свидетельство любви и теплоты сердечной к Царю-Освободителю и Престолу. Пусть эти светильники горят и не угасают! Пусть они просвещают и отгоняют всякую тьму от земли русской. Они останутся заветом последующим векам. Сюда будут приходить скорбящие и оскорбленные, они будут у этой окровавленной царской кровью плиты почерпать себе силы. Пусть соразмеряют они свои скорби со скорбью Помазан-

ника Царя-Освободителя. Пусть взводят очи свои горе: там они увидят изображение Царя царствующих, одетого в багряницу, и изречение от лица Его: «Людие мои, что сотворих вам?»

Этот храм будет иметь особенное значение в земле русской: сюда будет допущено все православное духовенство для совершения бескровной жертвы и поминовения незабвенного царя и мученика.

[1] Жизнеописание настоятеля Троице-Сергиевой пустыни Архимандрита Игнатия (Малышева). С. 114–116.

Письмо архимандрита Иустина (Татаринова) к архимандриту Леониду (Кавелину)[1]

Ваше Высокопреподобие

Высокопреподобнейший Отец архимандрит!

Так много и тепло утешили Вы нас Своим радушным гостеприимством, что и высказать не могу. Спаси Вас Господь за все. Очень утешен был я монашеским Вашим направлением и опытностию. Трудно найти теперь Настоятеля с такими духовными понятиями, какие имеете Вы.

Позволяю себе послать Вам прилагаемую рукопись, которая будет напечатана в Ярославских Губернских Ведомостях. Это написано одним благочестивым мирянином. Посылаю потому, что Вы коснулись в разговоре со мной о всенародном житии.

Испрашивая себе Святых молитв Ваших, с чувством глубокого уважения и благодарности имею честь быть

Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Настоятель Бабаевского монастыря

Архимандрит Иустин.

31 октября 1886 г.

[1] РГБ ОР. Ф. 148. К. 6. № 53.

Письма П. П. Яковлева к архимандриту Иустину (Татаринову)

№ 1[1]

Исполнение святого послушания всегда было, любезнейший Отец Игумен, одним из главных Ваших правил. И ныне надеюсь, что это же чувство руководило Вас для принятия весьма нелегкого бремени Настоятельства обители. Поздравляю Вас от всей души и молю Господа о помощи в трудах Ваших. Уверен,

что не мечтательное утешение, а забота о благе обители занимает сердце Ваше. Дай Бог сохранить Вам эту заботу до конца жизни; святая Обитель никогда не останется и у Вас в долгу. — Архипастырские молитвы Благодетеля и Руководителя Вашего да помогут Вам на всем пути жизни Вашей; с ними и многотруднейшее поприще не страшно!

Прошу взаимно молитв Ваших и благословения

Преданнейший Вам

П. Яковлев.

29 ноября 1861 г.

Любезнейшему Алексею Петровичу[2] прошу Вас изъявить мое усерднейшее почтение. Отца Каллиста весьма благодарю за присланные строчки; все формы бумаг описей собравши препроводил я чрез почту; вероятно, получите вскоре.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 5.
[2] Племянник святителя Игнатия.

№ 2[1]

Вероятно, получили Вы, Любезнейший Отец Архимандрит, известие от Петра Александровича о намерении Федора Ильича Тюменева побывать и поговеть в Богоспасаемой Обители Вашей.

Если благословит Господь исполнить ему благое намерение, то он лично доставит строки мои.

Рекомендуем Вам его как благочестивого Христианина и благотворителя многих обителей и вообще храмов Божиих. Многие из бедствующих и нуждающихся в помощи находят в сочувствии его и благочестивейшей супруги великую отраду. В Валаамской обители проживает в числе братий сын их, и они к Валаамской обители расположены весьма; любят и не оставляют нашу Обитель.

Не лишите Вашими святыми молитвами преданного Вам

П. Яковлева.

4 апреля 1867
С. Петербург

Его Высокопреподобию
Настоятелю Николо-Бабаевского монастыря,
честнейшему О. Архимандриту Иустину
В Ярославль

У Владыки смиреннейше испрашиваю Архипастырских молитв и благословения, усердно поздравляю Его Преосвященство и Вас с приближающимся радостным праздником Воскресения Христова.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 2. № 8.

Письмо П. П. Яковлева к Петру Александровичу Брянчанинову[1]

По поручению Отца Архимандрита Иустина спешу известить Вас, дражайший Петр Александрович, что он имел счастие *сегодня* представляться здесь Его Величеству Государю Императору и их Высочествам Великим Князьям, пред погребением Графа Эдуарда Трофимовича Баранова. Подробности сообщит сам; но сей час спешит с о. Архимандритом нашим отправиться на железной дороге в село Орлино — мызу Графа Николая Сергеевича Строганова,

преданный Вам

Павел Яковлев.

1 час дня
воскресенье, 8 Авг. 1884 г.
Сергиева Пустыня

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 3.

Письмо Петра Александровича Брянчанинова к П. П. Яковлеву[1]

Многоуважаемый Павел Петрович!

О. Архимандрит, уезжая сегодня на ревизию 3-х остальных мужских монастырей, поручил мне переслать Вам рукописи, кои я и направил согласно его желанию посылкой. Епархиальное начальство (Костромское) не ожидало такого дельно-практического исполнения этого поручения, как его исполнил О. Иустин. Он все упорядочил, всех примирил и объединил общее направление монастырского общежительства и администрации.

У нас настали холода и образовался зимний первопуток. Я до сих пор еще никуда не выезжал, и потому не знаю, как идет дело о наперсном кресте? Как Вам Господь поможет. Здесь прошла весть, впрочем, взятая из газет, что О. Игнатий [(Малышев)] заболел? Выздоравливает ли он?

Поручая себя Вашей доброй памяти и святым молитвам Вашим, остаюсь всегда Вас искренно уважающий

П. Брянчанинов.
16 ноября 1885 г.

Сергию Васильевичу прошу передать мое почтение.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 9.

Письма святителя Игнатия к сестрам Старо-Ладожского Успенского девичьего монастыря

I. К монахине Александре Васильевне Васильевой

№ 1

На Ваше благословение дня, в который Вы ощутили, что Господь явил Вам особенную Свою милость, и я отвечаю так: Благословен Бог Отец Света, от Которого *всякое даяние благо и всяк дар совершен! Люди, седящие во тьме и сени смертней, Свет возсия им*, то есть Христос в Его истинном учении.

И опять — начинаю славословить, благодарить Бога! Благословен Бог, облегчивший Вам переход от самочинного образа жизни к другому, который ближе к преданию святых Отцов. Безмолвствующему как-то несвойственно многословие и в самом молитвенном правиле. Хотя все человеки созданы по образу Божию, но в этом отношении безмолвник есть особеннейший, точнейший образ Божий. Посмотрите, что говорит Евангелист Иоанн о Боге: от вечности Он довольствовался единым Своим Словом!.. Утешение, которое — надеюсь на милость Божию — прозябнет из настоящего Вашего делания, подтвердит Вам эту истину. Оно будет со временем требовать, чтоб Вы еще более стряхнули с себя листья для плодов.

К смертной памяти — полезно принуждать себя, хотя бы сердце и отвращалось от нее. Она — дар Божий, а понуждение наше к ней — только свидетельство искренности нашего желания иметь этот дар. При понуждении себя нужно и молиться: «Господи, даждь ми память смертную». Таково об этом предмете учение Макария Великого, Исаака Сирского и прочих великих Отцов; Вы найдете его и в драгоценной книжке Нила Сорского.

О любви к ближнему мы знаем из учения Отцов, что она бывает двух родов: естественная и Евангельская, или о Христе. Естест-

венная насажена в нас при нашем сотворении, и потому непременно есть в каждом человеке. Она повреждена, как и прочие благие свойства, падением, или прародительским грехом; а потому в каждом человеке подвержена большим или меньшим, кратким или продолжительным изменениям. Христос, исцеляющий все наши недуги дивным образом, исцеляет и поврежденную любовь: заповедует Себя — Господа — любить в человеках. Этим Он возводит любовь на высочайшую степень горячности, дарует ей чистоту, духовность, святыню, — и погашается пламенем любви о Христе нестройный, дымный пламень плотской любви — любви смешанной, составленной из мечтательного, несуществующего наслаждения и жестокого, убийственного мучения. Ощущение духовной любви водило пером святаго Иоанна Лествичника, когда он сказал: «Любовь к Богу погашает любовь к родителям и прочим близким по плоти; говорящий, что имеет ту и другую любовь, обольщает себя». Также он сказал в 15-й степени: «Огнь погашается огнем, то есть любовь плотская любовию Божественною». Когда мы рассмотрим себя со вниманием, то увидим с Божиею помощью (на такое видение нужна помощь Божия! Такое видение — дар Божий!), что наиболее имеем любовь естественную, а Евангельскую должны еще стяжавать. Это самое разумел я, когда писал вам, что Евангелию от Иоанна предшествует Евангелие от Матфея. Евангелие от Иоанна говорит наиболее о любви к Богу, о смотрении Божием, ясном для одних очищенных. Очищается же человек, входит в видение Бога и любовь к Нему — любовию о Христе к ближнему, или любовию Христа в каждом ближнем, а в чуждом Христианства и Христа — любовию к образу Божию. И лишенный славы Христианства не лишен славы человечества — есть образ Божий!

Вы отнеслись ко мне ради Бога для пользы души Вашей; я — также ради Бога — располагаюсь говорить вам то, что сочту истинным и душеполезным. Шествуя к Господу путем ума и сердца, желая встать пред величеством Его неприступной славы, лицем к лицу, не будьте разумны и многосведущи. Для Него приятнее младенческое лепетанье души, умалившейся, так сказать, от зрения множества немощей своих, нежели красноречивое витийство души, напыщенной самомнением. Апостол Павел сказал о себе: *Не судих себе ведети ничтоже, точию Иисуса Христа, и Сего распята*[1]. А для меня предовольно, если я познаю, что я грешник. Довольно мне будет этого знания! Оно, прикасаясь — как жезл Моисеев к камню — к моему ожесточенному

сердцу, будет изводить живую струю слез. Плач мой пред Господом моим предпочитаю всей земной мудрости, — и *грех мой предо мною есть выну!* Грех мой — первенствующий предмет моего духовного созерцания!

В письмах Ваших ко мне не будьте умны, красноречивы, сведущи в Писании. Будьте буи! Из премудрой сделайтесь буйею, чтоб стяжать истинную премудрость — смиренномудрие, в котором обилие духовного разума. И я, грешник, в ответ Вам буду произносить обнаженное, безлестное слово сердца, приятное одною искренностию и, может быть, истиною. Отселе, вкусив его, познайте, что сказанное мною сказано — ради Господа.

Прошу Ваших святых молитв о глаголющем и не творящем, чтоб произносимое мною слово послужило мне во спасение, а не в осуждение. — Аминь.

[1] *...Ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого* (1 Кор. 2. 2).

№ 2

Вместо всякой надписи ставлю над письмом моим изображение святого Креста. Крест — это приличнейшая надпись над словом крестным, произносимым для проходящего путь крестный. И так внимайте тем словам, которые извлекаются верой Вашей из окаянного сердца моего, погруженного в молитву и слышащего дивные глаголы, произносимые благодатию в тайне душевной клети. Глаголы эти питают меня, питают и тех, которые ради спасения души своей захотят не презреть грешных и убогих слов моих.

Георгий Алексеевич, Затворник Задонский, в продолжение двух лет был обеспокоиваем помыслами о выходе из Задонской обители. Ему представлялось, что место это не довольно уединенно, что в другом его будут менее беспокоить посетители; однажды, как он развлекался этими мыслями, сказывают ему, что некоторый странник желает его видеть, ибо имеет нечто сказать ему от Серафима Саровского. Затворник приглашает странника, который, вошедши к нему, говорит: «Отец Серафим велел тебе сказать, что стыдно тебе, Затворнику, дозволять бесовским помыслам такое долгое время беспокоить тебя. Никуда не переходи, Богу угодно, чтоб ты жил здесь». Сказав эти слова, странник поклонился и удалился. Изумлен был Затворник этим обличением его тайных помыслов и, когда опомнился, послал келейника своего, чтоб воротить странника. Келейник напрасно

искал в монастыре и за монастырем обличителя — он скрылся. Кто он был? Не будем об этом любопытствовать много, но заметим из этого события нужное нам, именно, что постоянное стужание помысла не есть еще признак его правильности. Ах! Где то желанное спокойствие, к которому влечется наше сердце, которого оно не может не жаждать и не искать? Оно сокровенно в Кресте Христовом. Напрасно будете его искать в чем другом. Диавол, смотрящий на лицо души человеческой и ловящий ее в погибель, видит стремление, стремление естественного нашего сердца к нерушимому покою, и по поводу этого стремления дает совет: «прейди с места твоего жительства в другое, там найдешь желанное спокойствие». Таков его совет, под личиною которого скрыт другой: «Сниди со Креста».

Святые Отцы повелевают выдерживать брани, не оставляя места, в особенности если в нем нет явных поводов ко греху. Монах, оставляющий по причине душевной брани место своего жительства, никогда не возможет стяжать духовных плодов. Стойкость — одно из первых достоинств воинства и земного и духовного. Опытные в битвах ратники почитают признаком храбрости отважное нападение на строй неприятельский, но несравненно большим — безмолвное стояние с угрюмою твердостию под ядрами и картечью неприятельских батарей, когда этого требует общий план военачальника. На таковых-то воинов наиболее он может положиться. На таковых воинов наиболее полагается наш Подвигоположник Господь Иисус Христос и венчает их духовными венцами. Делание это заповедает нам Дух Святый: *Аще взыдет на тя дух сильнаго, ты места своего не оставь*. Напротив того, Он укоряет воинов нестойких и объявляет им лишение духовных дарований: *Сынове Ефремли наляцающе и стреляюще луки, возвратишася в день брани... И отрину Господь селение Иосифово, и колено Ефремово не избра*[1]. Этого и Вы устрашитесь; постарайтесь принести плод, по слову Господню, *«в терпении»*.

Что Вы заметили в себе некоторые недостатки, о которых прежде думали легче, с извинением и оправданием их, — этому не удивляйтесь. Мы к тому стремимся, чтобы узреть наши грехи и омыть их слезами покаяния прежде того времени, времени страшного, когда покаяние будет только мучить, а не исцелять.

Если о. Пафнутий усердствует ссудить Вас книгами своими, то советую вам сперва прочитать книгу Великого Варсонофия,

и если заблагорассудите — списать ее. По Вашему состоянию книга эта будет полезнее, нежели Исаака Сирина, которою, Бог даст, займетесь в свое время... Мир Вам!

[1] *Сыны Ефремовы, вооруженные, стреляющие из луков, обратились назад в день брани... и отверг шатер Иосифов и колена Ефремова не избрал* (Пс. 77. 9; ср.: Пс. 77. 67).

№ 3

Что может быть тяжелее состояния души, томимой искушениями? Это пребывание во аде, в вечных муках. Воспоминание о них облегчает здешние искушения. «Враг мой, — говорит (в Лествице) уныние, — есть память смертная». Вспомните об обществе бесов во аде и — искушения сделаются для вас легкими.

Если помысл Ваш отстраняет пример Затворника рукою смирения, по крайней мере таким кажущегося по наружности, то послушайте совет святого Иоанна Лествичника, говорящего в 4-й степени своей Лествицы так: «Легко решающиеся на прехождение с места на место вполне неискусны: ибо ничто так не делает душу бесплодною, как нетерпение... преходя, ты можешь потерять то искупление, которым тебя искупил Христос». Святой Григорий Синайский уподобляет преходящих с места на место пересаживаемым древам, при каждой пересадке находящимся в опасности погибнуть, а уже непременно теряющим значительную часть силы своей. По всему, что ощущаю из письма Вашего, и по всему, что вижу из святых Отцов, не даю вам совета к прехождению. Для отрады же души Вашей советую съездить в Никифоровскую пустыню Олонецкой епархии к старцу Исаии[1]. Его беседа будет вам отрадна, и думаю, что он подтвердит мой совет вам и скажет вам с откровенностию, что помыслы Ваши о прехождении не что иное, как злохитрое советование бесовское.

Чему уподобить слово, теперь мною Вам произносимое, ради Господа, к пользе души Вашей? — Уподоблю Вас и прочих желающих спастись, в числе которых, прельщая себя, думаю, что нахожусь и я, — путникам, идущим по дороге. Путь этот всегда был тесен и прискорбен, но ныне еще прибавилось на нем неудобство — недостаток в хлебе. Этот недостаток так велик, что многие, заметя в моей сумке несколько заплесневших кусков, просят, чтобы я ими поделился. И делюсь, — а кто возвратит

мне заплесневший кусок, беру с приятностию, ибо думаю, что и принимающие такую гнусную снедь — принимают по крайней нужде. Прошу вас считать такими слова мои и не связываться ими, а если захотите быть связаны ими, то свяжитесь, и милосердый Господь, по вере Вашей, силен извести Вас на свободу, которую ощутивши, возрадуетесь о обретении сокровища некрадомого. — Если будете у о. Исаии, то прочтите ему и письма мои к Вам — как делателю, имеющему опыт, чтоб «при устах двух свидетелей стал пред вами твердым всяк глагол», произнесенный о Господе.

Относительно правила молитвенного — знайте, что оно для вас, а Вы не для него, но для Господа. Почему имейте свободу с рассуждением. При немощи убавляйте, при силе прибавляйте — то и другое с умеренностию и осторожностию, потому что мы крайне немощны и окружены татями и убийцами отовсюду. Когда Вы не бываете в церкви, то читайте правило, прописанное Вами: я его одобряю, по крайней мере до времени, когда окаянному моему сердцу, в случае вопрошения Вашего, известится — что изменить.

О еретиках воспрещено молиться, как бы о членах, принадлежащих к Церкви, почему и вынимать о них частицы, как изображения участия в Церкви, — не должно; молиться же о обращении их — можно. Имеющий своего мертвеца о нем плачет, о нем молится. Заключенные в темницу преступники не могут принимать на себя ходатайства о других преступниках. Господь есть Любовь, и столько желает спасения всех, что мы и постичь не можем. Предоставим этой Любви спасение наше — и всех, а с своей стороны постараемся о том, что зависит от нас, — о очищении себя. Тогда этого достигнем, когда умрем ко всему. — Богу нашему слава!

[1] О нем см.: Т. 1. С. 506–508.

№ 4

Если Вы находите, что дальнейшее пребывание в Старо-Ладожском Никольском монастыре для Вас невозможно по усилившимся браням до превышения сил Ваших, то Господь, ради Которого я советовал Вам пребывание и противление браням, да благословит «исход» Ваш и «вход» в иную обитель, где бы Вы могли в мире душевном обрести «пажить» спасительную. Но исход Ваш да будет о Господе. Он будет таковым, когда Вы

совершите его со смирением, обвиняя единственно себя, приводя в причину исхода единственно свою немощь и укоряя себя, что не могли поступить так, как святые Отцы признают за лучшее, т. е. выдержать и победить душевные брани на месте. Тогда вход Ваш в иную обитель может привлечь на себя благословение Господа, «не уничижающего сокрушенных и смиренных сердцем, а гордым противляющегося!»

О. Исаия в настоящее время гостит у меня, и я утешаюсь, видя в нем обильную благодать Божию. — Не вздумаете ли проехать до Твери? Там игумения В. благонамеренная и имеющая духовное знание. И климат там получше, а климат, по замечанию святых Отцов, имеет сильное влияние на тех особенно, которые проводят жизнь безмолвную. — И паки — Бог вас да благословит совершить намерение Ваше, если оно совершится с миром и смирением! Если же Вы желаете моего грешного благословения, то и я заочно благословляю Вас благословением от Господа, от Него же всякое даяние благо. Прошу Ваших святых молитв о мне, недостойном.

10 февр<аля> 1844

№ 5

Письмо Ваше я получил. Вижу Ваше желание поместиться в Сяндебской обители. Хотя оно и представляется мне несбыточным... мало этого! Мне представляется, что если Вы и получите желаемое, то должны будете оставить Сяндебскую обитель: такие неожидаемые Вами неприятности там встретят Вас, такие попечения, такая молва, такое беспокойство! Однако, чтоб могли Вы достовернее узнать волю Божию, советую Вам написать Преосвященному Венедикту, который, точно, самый добрый человек. Вы можете указать в письме Вашем на меня, сказать, что я Вас знаю и что Вы просите услышать ответ его чрез меня. — Вы подумали, что Вы там будете хозяйкой, что о всякой безделице Вас будут спрашивать, что все попечения о всем вещественном лягут на Вас? Даже в минуты спокойствия и уединения мысль Ваша будет уклоняться от Бога в размышления о вещественном. Впрочем, я не связываю Вашей свободы. О. Исаия советует Вам путь, который он сам проходил, на котором Господь покрыл его, но который вне общего закона и на котором многие могут преткнуться. — Жительство в обители Сырновской уже несравненно будет превосходнее этого; там попечения житейские

мало Вас будут касаться. Если же Вы хотите не встречаться с людьми, то это желание неправильное. Когда об этом спрашивал Преподобный Дорофей своего старца Авву Иоанна Пророка, то Иоанн отвечал, что удаление от встречи с людьми весьма вредно для не достигшего совершенства, потому что скрывает от него его немощи, открываемые людьми, и по этой причине делает его бесплодным.

Относительно правила Вашего нахожу нужным, чтоб Вы, читая как кафизмы, так и каноны, равно и молитву Иисусову, произносили слова помедленнее, напрягая больше внимание, чтоб ни одно слово не было произнесено без внимания. Переходя, таким образом, от количества к качеству, можете из вечернего правила убавить кафизму и несколько поклонов, чтоб умножение количества не уменьшило качества. Будьте свободны, зная, что правило для человека, а не человек для правила.

Мир Божий да водворяется в Вас богатно! Перст Божий да направит пути Ваши по премудрой и всеблагой Божественной воле!

Келейнице Вашей — мое грешное благословение.

№ 6

Воздадим благодарение Милосердому и Премудрому Промыслителю, остановившему Вас в перемещении Вашем из Успенской Ладожской обители! Если Вы рассмотрите мои письма к Вам, то увидите, что я был вполне против Вашего перемещения; наконец, видя непреклонное намерение Ваше переместиться, желал, чтоб Вы его совершили, по крайней мере, со смирением, осуждая себя. Нет ничего лучше мысли о распятии себя. Ибо таковые — Христовы! Мир вам!

19 июля 1844 г.

II. К инокине Варваре, пожелавшей вступить под духовное руководство святителя Игнатия

№ 1

Спаситель мира, Господь Иисус Христос, простивший сына, который сперва сказал: *не иду,* потом же *раскаявся иде,* да простит и Вам то, в чем просите прощения. Пишете, что по прочтении книги Святого аввы Дорофея, Вы увидели, сколько

отклонились Вы от пути истинного. Но это бывает со всеми, кто переходит от жизни самочинной к Христоподражательному послушанию. Таковый, по словам св. Иоанна Лествичника, «слеп бе и прозре». — Я вас не только не отвергаю, но и призываю: «приидите чада, послушайте мене, страху Господню научу вас», не потому, чтоб доволен я был сам по себе научить кого чему-либо, но потому, что учение мое несть мое, но заимствовано от святых Отцов, пером которых водил Дух Святой. — Относительно Вашего нового знакомства с Матушкой А., то да не озабочивает вас различие характеров: единомыслие о Христе не только двух инокинь сильно соединить, но в первенствующей Церкви весь верующий народ соединило в сердце и душу едину. — Вы говорите о привычках, усвоенных долгим временем. На это отвечает Лествичник: «истинные иноки вся да оплюют! Всех да отвергнутся, т. е. пристрастий!» Хотя же этого вдруг невозможно сделать, но с постепенностию можно. Боитесь строгости! Но можем ли мы быть строгими, когда слышим Господа, нам обещающего: *в нюже меру мерите, возмерится вам*[1]. Почитайте книгу святого аввы Дорофея и, если произволение Ваше шествовать по стези отсечения воли не прекратится, но возгорится еще сильнее, и пламень небесных желаний обымет Вашу душу, то благоволите приехать, дабы пространнее услышать учение о пути этом и принять некоторые правила, которые, как стены высокие и твердые, оградят душу Вашу. — Вы желаете соделаться моею дщерью? Я в восторге духа, взирая на сонм духовных чад моих, которых несть достоин назваться отцом, но рабом, — говорю душе моей: *возвеселись неплоды не раждающая, возгласи и возопий не чревоболевшая, яко многа чада пустыя, паче нежели имущия мужа*[2]. Наконец призыванием на вас милости Божией оканчиваю эти строки.

Марта 10, 1842 г.

[1] *...Какою мерою мерите, [такою] и вам будут мерить* (Мф. 7. 2).

[2] *Возвеселись, неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, немучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа* (Ис. 54. 1).

№ 2

Если Вы приписываете моему грешному сердцу единственную радость в том, когда я слышу, что чада мои во истине ходят; то зачем же приписывать скорбь за молчание Ваше, за неполучение от вас благодарственных слов, которые принадлежат Еди-

ному Богу и к Нему да возлетают на крыльях молитвы, на крыльях воздыханий сердечных. Истина — Господь наш Иисус Христос, предстоявшая в смиренном виде Пилату, вопрошавшему о Истине, смотревшему на Нее и Ее не познавшему, как и ныне все рабы мира, видяще ее, не видят, и слышаще ее, не слышат, — Эта Небесная Истина, сошедши на землю к падшим и немощным человекам, *ихже сердце от юности прилежит на зло*[1], начала учение Свое с этих слов: *покайтеся!* Доколе же каяться немощному, непрестанно падающему, если не телом, то мыслию и сердцем? — Доколе он подвержен необходимо изменяемости, этому следствию падения праотеческого, даже до последнего издыхания: ибо не видно, чтоб Истина, завещавая покаяние, положила ему на земли другой предел, или окончание, кроме естественного конца его с кончиною земной жизни человека. Итак, не дивитесь, видя в себе непрестанную изменяемость, не надейтесь избавиться от нее до смерти или лучше не обольщайтесь этою надеждою; а иначе треволнения всегда будут заставать вас врасплох, и потому несравненно сильнее на вас действовать, даже ниспровергать. Подивитесь и поклонитесь Истине, которая непрестанную изменяемость человеческую врачует заповедию непрестанного покаяния. Ложась на одр, кайтесь, и, вставая, кайтесь; как в цепи звено держится за звено, так в жизни Вашей воздыхание да следует за воздыханием. Так проводите дни, месяцы и годы. Предметом рассматривания Вашего да будут немощи Ваши. В чувстве сердца Вашего будьте подобною ввергнутой до конца жизни в темницу, подобною прокаженному, изгнанному вне стана. Тогда окончатся страдания, когда окончится жизнь: последнее стенание испустится с последним вздохом. Для инока утешение на земли есть плач и умиление. Что плач? Это действие благодати, данной при крещении, это ходатайство Духа, в нас вселившегося при святом крещении, о грешнике; потому-то святой плач неведущим Христа и еретичествующим неизвестен. — Хочешь ли ощутить облегчение от борющих тебя страстей? Хочешь ли найти умиление в твоей келлии, без которого, как ладья без якоря, мысль, восхищенная свирепым ветром, носится по волнам мечтания и низвергается в глубину уныния? Хочешь ли увидеть свет от Света? Хочешь ли вкусить любовь, от Любви исходящую и в Любовь ведущую? — Возьми мысль твою и повергни к ногам братий и сестер, не различая худых от добрых; скажи помыслу твоему и как можно чаще повторяй, чтоб от мысли родилось чувство: это Ангелы

Божии, а я одна грехом и мраком подобна диаволу. Суждено вам найти облегчение для души у ног братий; определена молитва мытарева, а не Иисусова. Отверзет для Вас Царствие Небесное исповедание разбойника, а не святыня Иоаннова. Изъемлем из сердца и глаголем: *слыши дщи и приклони ухо твое*, и когда украсишься покаянием, тогда *Царь царей и Господь господий возжелает доброты твоея*[2], яже от покаяния.

Пишете о помыслах и желаете разбирать их и узнать, что разумеет Апостол под словами: *несть наша брань*[3] и проч. Это для вас неполезно и не нужно. Довольно вам знать, что ежеминутно могут на вас восстать и страсти собственные, и духи лукавствия, жаждущие погибели всем, что вам, как немощнейшей, непрестанно должно вопить к Господу: «помилуй мя, яко немощна есмь!» Господь, когда по надежде Вашей на Него будет Вашею крепостию, а по занятиям Вашим — будет Вашим пением, — тогда Господь будет и спасением Вашим. *Крепость моя и пение мое Господь, и бысть мне во спасение*[4]. Тогда Вы не умрете, но живы будете покаянием и поведаете дела Господни, как Он грешников изъемлет из ада и вводит в рай. О! Когда бы Господь этого сподобил! Уготовьтесь на скорби, и скорби облегчатся; откажитесь от утешения, и оно придет к тому, кто считает себя его недостойным. — Прошу святых молитв о глаголющем и не творящем.

9 октября 1842

[1] См.: Быт. 8. 21.
[2] *Слыши, дщерь... и приклони ухо твое... возжелает Царь красоты твоей; ибо Он Господь твой* (Пс. 44. 11, 12).
[3] Еф. 6. 12.
[4] Ср.: Исх. 15. 2.

№ 3

Господь, пришедший спасти грешников, из которых я первый, а вторая Вы, да отверзет нам отеческие объятия Свои и да примет нас, как упоминаемый в Евангелии отец принял сына, расточившего имение его. Успокоение сердца нашего да будет для нас извещением, что Милосердый Отец Небесный принимает покаяние наше. Вы мне не писали пером, но писали сердцем и умом, а в книге преподобного Исаии видели ответы, мною заблаговременно вам написанные. Говорю это потому, что, усмотрев отчасти устроение души Вашей, я Вам советовал прилепиться особенно к чтению упомянутой книги, — в которой отпечатывается душа,

испытавшая много болезней и узревшая множество немощей своих, — душа, предавшаяся плачу о самой себе, ищущая отрады и пристанища в милосердии Божием. — Не смущайтесь Вашими заботами о бедных земледельцах, или крестьянах, или Христианах; делайте им возможное добро, до тех пор, когда Господь снимет с вас эту заботу. — Я утешился, увидевши из письма Вашего, что Вы уже не так умны, как были прежде. А что пишу к Вам так откровенно, то из этого можете видеть, как я к Вам близок сердцем моим и как искренно желаю Вам преуспеяния о Господе. Мир Божий да почиет над Вами богатно. Аминь.

1843 г.

№ 4

Богу угодно, чтоб я был вестником пред вами о кончине Вашего брата, последовавшей в день Богоявления. Он исповедался в полной памяти и приобщился Святых Таин, после чего через два часа лишился языка. Вот все, что сердце Ваше наиболее требует знать. Сегодня были у меня П. Н. с супругою и с Т. Н., похоронив вчера нашего и своего брата. Они просили меня, чтоб я принял на себя написать Вам известие об этом событии, и прежде чем они меня попросили об этом, сердце мое мне сказало, что я должен это сделать. Лейтесь, токи слезные, в отраду и утешение оставшимся и почившим! В слезных каплях да светится молитва, как в каплях дождя разноцветная радуга, этот образ или, правильнее, символ мира между Богом и человеками. Разными цветами в молитве да будут: исповедание, сокрушение сердца, раскаяние, умиление, радость. Сейчас, как пишу, пришло мне на мысль, что слово «радуга» происходит от радости — это радостная дуга. Такою дугою да будет Ваша молитва; один конец ее да касается Вашего сердца, а другой — неба. Свет надежды и упования да светится в душе Вашей, свет от Света — Христа, который грехи наши омыл и искупил нас от тьмы греховной. Ему сами себя и друг друга вручаем. Ему вручаю и Вас, яко милость Его почивает над Вами. Аминь.

10 января 1843 г.

№ 5

Мы, исшедшие из среды мира в недро святых обителей, этим самым предначали нашу смерть по плоти и жизнь о Христе. Бывают кончины скоропостижные; бывают кончины при про-

должительных болезнях. Мы, с того времени, как оставили мир, умираем ежедневно, по свидетельству святаго апостола Павла. В этой смерти видим непременное условие истинной жизни. Минута преселения нашего с земли, рождения нашего в вечность для нас не так странна и чужда, как для тех, которые живут посреди мира, оглушены его шумом, пригвождены к нему умом и сердцем, забыли, что есть смерть, не думают о вечности, долженствующей непременно быть и их уделом.

Узнав о смерти ближнего Вашего, не предайтесь тем неутешительным рыданием, которым обыкновенно предается мир, доказывающий тем, что надежда его — только во плоти. Ваша надежда — во Христе! Пролейте о умершем слезы молитвенные, обратитесь сердцем и мыслями к Тому, Кто Один может вас утешить, пред Которым Вы должны предстать в предназначенное Вам время. Не увлекитесь чем-нибудь: плод такого увлечения, которое — обманчивая, обольстительная мечтательность, — тление. Мир имейте в Боге, предавайтесь с полной покорностью Его святой Воле. В этой Воле полнота Благости и Премудрости. Ей поклонимся, припадем к стопам ее, вручая души и тела наши Господу. Аминь.

1843 г.

№ 6

Хотя Вы и не извещали меня, что находитесь в некотором смущении, но сердце мое мне это сказывало. Вот ответ моего грешного сердца Вашим сокровенным помыслам: Вы предо мною всегда одинаковы, потому что отношение мое к Вам — ради Господа. Мир вам!

...Вижу в Вас плод духовный, который состоит в познании немощей своих, о них святый апостол Павел сказал: *благоволю в немощах моих, да вселится в мя сила Христова*[1]. Хорошо бы вам прочитать ответы Великого Варсонофия Андрею. (Эту книгу можете списать тогда, когда она в обители нашей переведется на русский язык, а это дело перешло уже за половину.) Знайте, что я не присваиваю себе никакой власти над Вами, но, подавая Вам совет, предоставляю Вашей воле, исполнить его или не исполнить. В том и другом случае будьте мирны. Так и относительно келейницы Вашей: я совершенно буду мирен, если Вы ее отстраните от себя, потому что в отношениях моих к Вам имею главною целью — пользу души Вашей. Руководствуйтесь

Вашею совестию. По прочтении этого письма рассмотрите, какое ощущение будет в душе Вашей. Если прольется в нее мир и спокойствие, то знайте, что сказанное Вам сказано о Господе; совесть ваша будет свидетельствовать, что сказанное о Господе должно исполнить, хотя бы исполнение сопряжено было со скорбию. Святые Отцы сказали, что добродетель без скорби не есть добродетель. Господь говорит в Евангелии (Лк. 8. 15), объясняя притчу о семени, упавшем при сеянии на различную почву: *А иже на добрей земли, сии суть, иже добрым сердцем благим слышавше слово держат и плод творят в терпении*. Сказав это, Господь добавил страшными словами: *Имеяй уши слышати, да слышит*. — Еще прошу — вникните в себя, — и Вы найдете, что в вас было сокровенное желание принести по силе Вашей душевную пользу какой-либо сестре. Судьбами Божиими это устроилось, но не тем путем, какой рисовала наша мечтательность, а путем Божиим, так что представлявшееся нам полезным осталось бесплодным, а представляющееся нам вредным и немощию принесло обильный плод, и слава в плоде принадлежит Единому Богу, а мы находимся при одних наших немощах, в долгу неоплатимом пред Богом! Приглашаю Вас с собою: разумениями нашими и сердечными ощущениями снидем в ничто, да возвеличится в нас Христос. Умертвим себя: мертвец — без жизни и без действия. Умертвим себя, чтоб в нас жил и действовал Христос. Будьте снисходительны к душе Вашей в ее немощах: излишняя строгость отвлекает от покаяния, приводит в уныние и отчаяние. Будьте мирны и к обстоятельствам Вашим, прилагая, впрочем, старание о окончании Вашего управления имением: этого требует от Вас заповедь Христова, уверяющая вас живущею в ней истиною, что *вкупе невозможно работать Богу и мамоне*. Мир вам. Аминь.

28 июня 1844 г.

[1] Ср.: 2 Кор. 12. 9.

№ 7

Так! Скончалась на руках Ваших А<лександра> В<асильевна> или, правильнее: окончила земное странствие и начала жительство вечное там, где нет печали и воздыхания, но радость бесконечная! Все мы такие кратковременные гости на земли! То и дело, что кто-либо отъезжает в дальний путь. Очень хорошо сравнивает Георгий Затворник жизнь нашу с пребыванием заклю-

ченных в темнице, из которых то тот, то другой требуются к суду и окончательному приговору. Будем приготовляться к этому суду, чтоб приговор был для нас благоприятный. Праведные представят свои правды, как жертвы тучные пред престол Судии: а мы, грешные, принесем туда хотя покаяние и слезы! — Господь да благословит вас и да подкрепит продолжать и окончить во славу Его течение Ваше. Мир вам.

16 сентября 1844 г.

№ 8

Письмо Ваше я получил и сердечно утешился, видя с какою прямотою и откровенностию Вы открыли Вашу душу мне недостойному. Господь да воздаст вам по вере Вашей и да устроит временное жительство Ваше к пользе для жизни вечной! — Я удостоверяюсь, что Келейнице жить при вас невозможно. Господь не дал ей того благопокорливого разума, как ее брату, при мне живущему и жительством своим назидающему себя, меня и многих. Вы ее отпустите совсем и будьте мирны. Мы веруем, научаясь так веровать от святых Отец, что если кому Господь, по недоведомым нам, а Ему Единому известным причинам, не даст уразуметь пути послушания, тот от человеков ничего не примет, и хотя бы имел пред собою самых святых Апостолов, то и на них будет метать камнями. Отпустите эту девицу, должную вам двумястами динарий, с миром, без всяких упреков, помня, что мы все должны тьмами талантов Господу, Который тогда только оставит нам долг наш, когда мы оставим должникам нашим. Если же хотите пожать обильный плод духовный, то унизьте себя пред ближним *в сердце* Вашем и скажите сами себе: «в том, что это дело не устроилось, я виновата по недостатку духовного разума и терпения, которыми стяжавается ближний». Помолитесь обо мне, чтоб Господь даровал мне обвинить себя, как главную причину этого беспокойства. Я винюсь и прошу вас простить меня ради Господа, ради Которого Вы расположились внимать моему грешному слову, произносимому о Господе. Господь да благословит Вас; будьте мирны и спокойны.

2 апреля 1845 г.

№ 9

Господь да утешит скорбящее сердце Ваше! Пока мы на пути, пока не взошли в пристанище неизменяемой вечности, мы долж-

ны ожидать в себе и в своих обстоятельствах изменений, переворотов, скорбей обыкновенных и нечаянных. Некоторый преподобный Отец сказал: «За все слава Богу, — за самые немощи наши; потому что лучше быть грешником и видеть себя таковым, нежели быть по наружности праведником и почитать себя таковым». Эти слова святого Отца крайне утешительны для нас, немощных и грешных, для нашего времени и племени, могущего похвалиться только немощами своими. Они не подают повода грешить произвольно, но утешают таких, которые при некотором внимании к себе ощущают, что души их находятся в невольном плену у греха.

Размышляя это и видя себя оскудевающею в делах правды, стяжите мытарево смирение; то сердце сокрушенное и смиренное, которое Господь не уничижит. Не обвиняйте в немощах Ваших никого, ни даже обстоятельства и развлечения, в которые Вы поставлены. Обвиняйте единственно себя. Царь Давид, святый Пророк и Боговидец Моисей, святый Пророк Даниил угодили Богу среди множества разнородных занятий, среди всевозможного развлечения. Преподобные общежития египетского, описанного святым Иоанном Лествичником, говорили ему: «среди молв стяжи безмолвную мысль, что преславно». Укоряйте себя, укоряйте свое немощное произволение, потому что сила произволения и в немощных производит великое. В обвинении себя найдете утешение. Обвините себя и осудите себя, а Бог вас оправдает и помилует. — Когда Феофил, Патриарх Александрийский, прибыл в Нитрийскую гору, то спросил у игумена горы, под руководством которого спасались до десяти тысяч монахов: «Что, Отец, нашел ты особенно важного на пути монашеском?» — «Укорять и осуждать себя непрестанно», — отвечал святой и смиренный Игумен. — «Да, — сказал Патриарх, — другого средства к спасению нет». — И Вы стяжите это легкое делание, могущее ввести в душу Вашу смирение, а вместе с ним утешение и мир святый от Господа, в Котором почивает от сердечных трудов своих всякий, обремененный ими. Мира, духовного утешения и спасения Вам желаю.

12 сентября 1845 г.

№ 10

Если Вы видите в себе, что Вы только слышатель слова Божия, а не творец, то мыслями Вашими встаньте пред этим Словом Божиим, имеющим судить нас в последний день, — как

осужденная, и постарайтесь стяжать дух сокрушен и сердце сокрушенно, а когда можно, то и поплачьте при таком размышлении — и Господь помилует Вас. Не вдавайтесь в безнадежие, но при безнадежии на себя тем тверже уповайте на Бога.

Если рассудите — что списать для пользы Вашей и для благочестивого препровождения времени в труде и вместе в Богомыслии, то спишите. Есть у нас на русском языке Лествичник моего убогого перевода. Если угодно, то можно Вам доставить; книга эта принадлежит не мне, но одному из братий, который охотно усердствует одолжить ею вас. Переписывание книг святых было рукоделием многих преподобных Отцов, между прочими нашего преподобного Нила Сорского. Таким образом, оно есть делание засвидетельствованное, как делание Угодников Божиих, и не может не быть соединено с обильною пользою. — Мир вам!

28 марта 1846 г.

№ 11

Письмо Ваше я получил и увидел из него, что путь жизни Вашей пролегает по теснинам и скорбям, как это обещано всем, желающим последовать Христу. Кто последует Христу, как верховный Петр и первозванный Андрей, тому предназначен Крест. Кто обращается ко Христу, как разбойник, того удел — опять Крест. В первом случае крест соделывается венцом, во втором он бывает лествицею. Но каковы бы ни были наши обстоятельства, к какому бы образцу мы ни подходили, — невозможно быть Христовым без Креста, «еже есть», говорится при пострижении в монашество, — «готову присно быти к подъятию всякой скорби, которую Промыслитель нам попустит».

Господь да укрепит Вас.

Мая 20-го, <18>46 г.

№ 12

Соедините милость с Вашею пользою. Если вас смущает мысль, что Ваша милостыня не вполне чиста, но с примесью своекорыстия, то знайте, что хлебы наши и не могут быть вполне чисты. Добродетели наши должны непременно иметь примесь нечистоты, происходящую от немощей наших. Не должно с души своей, с своего сердца требовать больше, нежели сколько они могут дать. Если потребуете сверх сил, то они обанкротятся, а оброк

умеренный могут давать до кончины Вашей; довольствуясь им, Вы будете совершать себя до смерти и не умрете с голода.

Мир Вам!

17 февраля 1847 г.

№ 13

Не только относительно тела, но и относительно души не все бывает так, как мы хотим, а большая часть зависит от обстоятельств. Почему, по возможности, отклоняя причины расслабления, зависящие собственно от нас, надо пребывать мирным, повергая себя с немощами своими в пучину милосердия Божия.

20 февраля 1848 г. Бабайки

№ 14

По вопросу о девицах, обратившихся к Вам за душеполезным советом, — назидайте их по силам Вашим, не давая хода сердечному пристрастию и зная, что Един Бог есть врач душ их, равно как и Вашей. Такое устранение от пристрастия сохранит вас в самоумерщвлении, при котором удобно действует память смертная.

Извините мою ошибку! Я не понял, что Вы желаете переписать «Цветник» священноинока Дорофея, а полагал, что Вы хотели заняться книгою аввы Дорофея, для большего впечатления ее в памяти. Я столько уважаю эту книгу, что и доныне не перестаю перечитывать ее для назидания моего и братий моих. Относительно же «Цветника» скажу вам то же, что и относительно святого Исаака: эти книги принадлежат более отшельникам, и глубоким отшельникам. «Цветник» переводится ныне на российский язык по благословению Митрополита ученым иеромонахом Ионою, проживающим в Валаамском монастыре. Почему и советовал бы я вам лучше переписать Исаака, а «Цветник», может быть, будет скоро напечатан на русском языке. Исаак же имеет такое достоинство аскетическое в переводе Паисия, что его никакой другой перевод заменить не может. — Впрочем, если Вы рассудите и «Цветник» иметь на Славянском языке, на котором он написан священноиноком, то это благо. Книга эта и теперь редка, а впоследствии еще будет реже.

Января 25, 1851 г.

№ 15

Благодарю Вас за письмо Ваше, что Вы вступаете в море иночества на ладье веры. Этою же верою переноситесь чрез волны иноческого моря: волны его — многоразличные скорби, попускаемые Божиим Промыслом для спасения нашего, воздвигаемые собственными нашими немощами и врагом нашим диаволом. Очень утешаюсь мыслию, что Вы принимаете пострижение. Господь да благословит вас и да укрепит Вас!

2 апреля 1858 г.

№ 16

Продолжительное жительство наше в монастыре приносит нам хотя тот плод, что мы начинаем зреть наши немощи и все упование наше возлагать не на себя, но на Искупителя нашего.

30-го апреля <18>59 г.

№ 17

Господь да помянет любовь Вашу!

Заповеди Евангельские суть свет наш во время странствования нашего в нощи земного жития. На них надо неуклонно смотреть, чтоб не сбиться с пути, и по ним выходить на путь, когда собьемся с него. Такого жительства себе и Вам желаю.

Ставрополь, 4-го января 1861 г.

№ 18

Милосердый Господь, дарующий путь спасения и самое спасение произволяющим спастись, да укажет Вам подобающий путь. В наше время предоставлено спасаться наиболее терпением скорбей.

Вообще здоровье мое очень расстроено. Приехал сюда полумертвым. На все свое время. Было время, когда я большую часть его отдавал ближним, а теперь пришло другое время — время, в которое должно обратить внимание особенно строго на себя, чтоб приготовиться покаянием к переходу из сей жизни.

28-го ноября, 1861 г.

№ 19

Что нахожу полезным для себя, то нахожу полезным и для Вас, а именно: благодушное терпение внешних и внутренних

скорбей и благовременное приготовление себя покаянием к переходу в вечность.

№ 20

Благо иноку и инокине, долго жившим в монастыре и достигшим преклонных лет, остаток дней своих провести во внимании себе, в безмолвии, в приготовлении себя к переходу в вечность. Желающему благочестно и успешно безмолвствовать надобно в основание жительства своего положить постоянное самоукорение, как сказал некоторый великий Старец горы Нитрийской Феофилу Патриарху Александрийскому.

Прошу Ваших святых молитв о мне ко Господу, чтоб и мне даровалось то делание, которое Вам указываю и без которого невозможно душе успокоиться и выйти из состояния смятения и развлечения.

17 марта 1862 г.

№ 21

Море, взволнованное ветрами, и после того, как ветры утихнут, в течение значительного времени продолжают волноваться. Так и ум, подвергшийся влиянию развлечения, продолжает чувствовать это влияние и по удалении от развлечения в течение значительного времени. Надобно переносить такое положение благодушно и стараться отвлекать ум от развлечения в памятовании смерти и суда Божия.

Милосердый Господь да осенит Своею милостию подвиг Ваш.

29 апреля 1862 г.

№ 22

Вы хорошо сделали, отказавшись (от игуменства) на первый раз по сознанию немощи и недостоинства. Далее — что Бог даст. Святый Симеон Новый Богослов сказал, что всякое служение в недре Церкви, когда оно проходится с целию угождения Богу, преблаженно. Поступите по воле Божией, умолив Бога, чтоб Он даровал Вам поступить благоугодно Ему.

29-го декабря 1863 г.

№ 23

Состояние моего здоровья похоже на Ваше: даже на Святую Пасху не мог выйти в Церковь. Надо благодарить Бога за посланное наказание во время земной жизни: оно подает надежду избавления от казней в вечности, составляющих необходимое последствие греховности.

20 апреля 1864 г.

Письмо инокини Варвары к святителю Игнатию[1]

Как много виновата я, Батюшка, не предусмотрев заранее всех затруднений, встретившихся теперь относительно будущей моей келейницы, и не предуведомив Вас заблаговременно. Для матушки была новость неожиданная, когда пришла я просить позволения взять келейницу из посторонних, хотя я и объяснила ей обстоятельства, вынуждающие меня отказаться от собственных. — Я сказала матушке, будто бы сестры мои по рекомендации тетушек предлагают мне желающую вступить в монастырь и ко мне в услугу; не без затруднений, однако же позволила взять, но с условием, чтоб прослужить три года в мирском платье, не одеваясь в рясу, полагая, может быть, что такое продолжительное испытание устрашит каждого; впрочем, в извинение такой предосторожности, матушка представила мне несколько примеров, против которых нет возражений, и если я не знала, кого и откуда получаю, была бы с нею согласна. Меня не устрашает, Батюшка, трехгодичный срок испытания, если Господу угодно будет, он может сократиться на трехмесячный и даже трехнедельный, но затрудняет еще непредвиденное; тетушки и сестры живут в Петербурге, следовательно, и та, которую рекомендуют, петербургская, когда же она приедет, то паспорт ее и самый выговор покажут другое, а между тем весьма легко может дойти до сведения матушки, что и брат ее у Вас, тогда не было бы хуже. Итак, Батюшка, не знаю, просить ли мне Вас отпустить ее с моим человеком, который доставит Вам и письмо мое, если решитесь, то прикажите только доставить ее к сестре моей Яхонтовой, где человек мой будет ожидать Ваших приказаний, или, если благодетельная княгиня не потяготится подержать ее еще у себя, то подождать, покуда можно будет мне приехать, не навлекая новых подозрений, то есть в первых числах января. В таком случае покорнейше прошу Вас, Батюшка, известить сестру мою, чтоб не останавливалась отпускать человека.

С любовью жду нареченную келейницу, в надежде, что с нею придет в мою келлию мир и благословение, как с словом Вашим приходят они в мою унылую душу. Когда в душе мир, не страшны наружные брани, надобно и мне готовиться, может быть, и моя очередь недалеко. С благословения Вашего, Батюшка, я начала писать книгу Аввы Варсонофия, в ней нахожу вопросы, в которых я нуждалась и не умела сделать, благословите руководствоваться ею? Мать Августа начала писать с моих тетрадей, потому что я уже несколько впереди, помоги ей Господи, велики ее скорби настоящие; ее скорбь для меня не легче моей! Болит сердце, а помочь не умею, враг сильно вооружился на нее, недостает рассудка, как поступить в некоторых случаях. Прося матушку о келейнице, я упомянула о тетушках с намерением, чтоб в случае, когда откроется, что моя келейница родственница Вашим, сложить на них, а Вас и себя оправдать незнанием этого обстоятельства, если я буду в Петербурге, попрошу и их помочь мне в этом случае, матушка с ними незнакома.

Итак, Батюшка, какое будет Ваше распоряжение, повинуюсь ему, как Божию, прошу Вашего благословения, молитв и наставления многогрешной душевно уважающей Вас

Варваре
9 декабря 1844

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 5. № 3.

III. К инокине, имя которой скрыто за инициалами Н. Д.

№ 1

Новый Завет всюду именует христианина храмом, домом, сосудом. Цель этого храма, с которою создал его Создатель, цель этого сосуда, с которою устроил его Великий Художник, — в том, чтобы он был жилищем Бога, вместилищем даров Святого Духа. Бог, по неизреченным — Любви Своей и Смирению, не восхотел быть насильственным обладателем храма, сооруженного Им для Себя. Он даровал словесному храму свободу, власть принадлежать или не принадлежать своему Зиждителю, чтоб пребывание Бога в человеке было единственно по любви человека к Богу. Но храм этот, сосуд, удалив из себя Бога, не может не быть тем, чем создан, то есть храмом, сосудом. Тогда, по словам Писания, он принимает в себя грех — яд, ввергнутый в естество

наше диаволом, — соделывается вместилищем страстей. Если же христианин опять захочет быть обителию Бога, то покаянием изгоняет из себя грех, а хранением заповедей опять привлекает к себе Бога. Впрочем, возможность этих изменений продолжается только во время земной жизни, по окончании которой тот, кто был последним владетелем храма, остается его владетелем на всю вечность, и Бог составляет Собою вечное блаженство Своего жилища, а грех — вечное мучение своего логовища.

Судьба наша в вечности зависит от того образа жизни, который будем проводить во время нашего краткого на ней пребывания. Хотите ли быть храмом Божиим? — Желаете ли, чтоб сердце Ваше было сосудом даров Благодати? — Вручаю Вам Евангелие, пусть оно будет правилом Вашей жизни. Веруйте в него Вашими делами, Вашею жизнию — не только мыслию, сердцем и устами. — Когда читаете эту Божественную книгу, книгу жизни, — представляйте себе, что невидимо стоит пред Вами Сам Христос и говорит Вам глаголы, которые «Дух суть, и Живот суть!» — Не должно начертывать в воображении вида Христова — нет, должно лишь живо и благоговейно ощущать Его Всесвятое присутствие.

Что желающий любить Спасителя обязан исполнять все Его заповеди, изложенные во Святом Евангелии, — это ясно засвидетельствовал Сам Спаситель. *Кто любит Меня*, — сказал Он, — *тот Слово Мое соблюдет*... <...>

Не любящий Меня, словес Моих не соблюдает[1]. Любовь к Богу проистекает от хранения Евангельских заповедей и соблюдается в сердце этим хранением. *Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей.* — Какой же плод любви к Спасителю? — *Кто любит Меня*, — отвечает Он, — *тот возлюблен будет Отцем Моим, и Я возлюблю его и являюся ему Сам.* Ученик, которого мысль была еще пригвождена к земле, услышав о явлении Спасителя возлюбившему и возлюбленному, думая, что обещающий явиться будет зрим очами телесными, вопрошает: *Господи, отчего это, что Ты хочешь явиться нам, а не миру?* — Иисус говорит ему в ответ: *Кто любит Меня, тот слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его и Мы придем к нему и обитель у него сотворим*[2]. — Это явление — в сердце. Это то явление, о котором сказал апостол Павел: *Уже не я живу, но живет во мне Христос!* Это то явление, то пребывание Господа, которое должны ощущать все христиане, если они точно христиане! *Или вы не познаете самих себя,* — гово-

рит Апостол Коринфянам, — *что Иисус Христос в вас, разве только вы не то, что должны быть?*[3] — Вселение Господа в сердце — плод любви; любовь — плод хранения заповедей; хранение заповедей — плод знания их; знание их приобретается чтением Евангелия и молитвою. — *В заповедях Твоих поучуся*[4], — говорит Пророк Духом Святым; и в другом месте молится: *Не скрый от мене Заповеди Твоея*[5]. От молитвы возсиявает при чтении просветление.

Отец Небесный Сам подает все нужное для временной жизни тому, кто ищет Царствия Небесного, почему преподобные Отцы наши, оставив все прошения о земном, молились только об одном — об очищении от грехов. А как Господь, преподавая после Тайной вечери ученикам Своим высочайшие заповеди, повелел призывать в молитвах Свое Всесвятое Имя, то святые Отцы присовокупили прошение об отпущении грехов к имени Господа, и их молитвою были краткие, но Небо отверзающие слова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Эта молитва делалась их непрестанным, почти единственным мысленным занятием. «Имя Иисусово, — сказал один из них, — да соединится с дыханием твоим». Сам апостол Павел говорит о себе: *Я рассудил ничего не знать в вас, кроме Иисуса Христа, и притом распятого*[6]. Но чтоб вселился в нас Христос, это дело не одного дня или двух, сказал святой Иоанн Златоустый, но многих лет и годов. Притом желающий стяжать Христа, должен отречься от всего: нельзя работать миру и вместе Богу. Желающие приучиться к молитве именем Господа, обыкновенно называемой Иисусовою, первоначально приучаются по преданию Отцов, соединяя ее с поклонами. Это правило увеличивается или сокращается сообразно силам каждого. Для многих бывает достаточным следующее.

Восстав от сна, старайтесь, чтоб первая Ваша мысль была о Боге и Его благодеяниях, которые на Вас излиты Богом без Вашего сведения и желания, по Его единой милости. Особеннейшим же благодеянием почитайте то, что Вы просвещены истинною христианскою верою, в недре истинной Церкви; потом начинайте правило так:

20-ть земных поклонов; при каждом поклоне молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

20-ть поясных поклонов с тою же молитвою.

10-ть земных поклонов; при каждом поклоне молитва: «Пресвятая Владычице моя Богородице, спаси меня грешного».

10-ть поясных поклонов с тою же молитвою.

5-ть поясных с молитвою: «Ангеле Божий Хранителю мой святый, моли Бога о мне грешнем».

5-ть поясных с молитвою: «Все Святые, молите Бога о мне грешнем».

Итого 70 поклонов, из которых 30 земных и 40 поясных. Если найдете, что этих поклонов для Вас мало, то можно прибавить соответственно силам Вашим несколько поклонов с молитвою Иисусовою. Но должно правило соразмерить так, чтобы оно ежедневно было одинаковое. Святые сказали: «Лучше небольшое делание, но постоянное, нежели большее, но в скором времени прекращающееся».

После этого читаются утренние молитвы и, если хотите, помянник, который Вам нравится по особенным причинам; после помянника читайте Евангелие, главы по две или по три. Когда будете читать о слепых, хромых, прокаженных, беснующихся, мертвых, то думайте, что Вы подобны им, и молите Спасителя о спасении Вас. Затем должны следовать обыкновенные Ваши занятия со страхом Божиим, молитвою, полезными мыслями и воспоминаниями. Для чтения одобряю книгу: «Les saints pères des déserts de L'Orient». Но и эту книгу должно читать с умеренностью. Советую приучаться к чтению на Русском и Славянском языках, для чтения книг святых Отцов. Если для нужд приходящего мира Вы приучались к разным иностранным языкам, — то отчего не потрудиться и не приучиться к родному языку для Христа и для блага души своей? — Начните читать на Русском и Славянском — хотя Евангелие.

Если в продолжение дня выпадет свободный часок, то можно повторить правило с поклонами или только положить 20 поклонов земных и 20 поясных с Иисусовой молитвою. Если же не будет свободного времени, то правило оставляйте и пребывайте мирны.

Вечером должно начинать опять с поклонов в вышеопределенном порядке и числе, после них читать вечерние молитвы и Евангелие. Легши на постель, должно вспоминать о смерти, которой образ — временный сон, и, отрекшись от всех помыслов и мечтаний, засыпать с молитвою Иисусовою.

Если желаете идти истинным путем Божиим и увидеть духовный плод в душе Вашей, то довольствуйтесь смиренным и простым образом духовного подвига. Не ищите наслаждения в вос-

торгах мечтательности, которые возбуждаются иностранными писателями. Отрекитесь от них. Вскоре Вы убедитесь в прочности пути Вашего тем душевным миром и спокойствием, которые прольются в Ваше сердце. В Отцах пустынь Востока Вы увидите, что Евангелие и Псалтырь были по большей части единственными их книгами. «Христос, — сказал один из них, — сокрыт во Евангелии, желающий найти Христа может найти Его во Евангелии. Христос есть Божия Сила и Божия Премудрость». — Нашедший Божию Премудрость нуждается ли в премудрости человеческой? Не уничижите Премудрость Божию за то, что наружность ее так проста и смиренна. Оставьте, оставьте, повторяю Вам, все иностранные молитвы и чтения, которые Вам так нравились, казались так прекрасными. Последуйте тому, что Вам советуется пред Богом и ради Бога. Когда сердце Ваше очистится вкушением истинно Святого и Духовного, тогда оно получит отвращение к поддельно духовному, тогда возрадуетесь и возблагодарите Бога, что уклонил Вас от челюстей лжи и прелести, которых не могут понять обманутые и омраченные ими. Вспомните слова Христовы: *Узки врата и тесен путь, ведущие в жизнь и немногие находят их. Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные*[7].

Если при жизни по заповедям Христовым благодать Святого Духа прольется в сердце Ваше и будет ознаменовывать свое присутствие в нем различными духовными плодами, как-то: необыкновенным миром, кротостию, благостию ко всем, терпением, — тогда будете сосудом, благоприятным Богу, сосудом спасения.

Если же захотите быть совершеннее, то после полного самоотвращения погрузитесь в глубину смирения. Тогда благодать может Вам преподаться обильнее, тогда можете ощутить вселение Христово, соделаться храмом Божиим; опытом узнаете — что такое Христианское совершенство на земле, называемое Апостолом: *совершенство отчасти*[8].

Господь, призывающий всех в вечное блаженство, Господь, Которому известны избранные Его, Господь, испытующий сердца и утробы, да призрит свыше на желание Ваше работать и благоугождать Ему Единому, да примет это желание, да ниспошлет Вам свою помощь! *Без Мене*, — сказал Он, — *не можете делать ничего*[9], душам вашим полезного и Богу приятного. Аминь.

[1] Ин. 14. 23, 24.
[2] Ин. 14. 22, 23.

[3] 2 Кор. 13. 5.
[4] См.: Пс. 118. 73.
[5] Пс. 118. 19.
[6] 1 Кор. 2. 2.
[7] Мф. 7. 14, 15.
[8] Ср.: 1 Кор. 13. 9, 10, 12.
[9] Ин. 15. 5.

№ 2

Письмо Ваше я получил и благодарю Господа Бога, отверзшего ушеса сердца Вашего к принятию словес живота вечного, кои Дух Святый нам предал, при посредстве избранных сосудов Своих — Отцов святых. В особенности важен путь духовного совета, которым проходили святые иноки и достигали сперва очищения страстей, а потом и благодатных дарований. Горе же единому, сказал святый Иоанн Златоуст, заимствовав слова эти у Екклезиаста. Вифсаидский расслабленный, хотя и лежал посреди множества других больных, однако жаловался на свое одиночество, говорил пришедшему к нему Спасителю мира: *человека не имам*. Подобно этому и состояние тех иноков и инокинь, кои, живя посреди многолюдного братства, не имеют, к кому прибегнуть для совета во время душевной напасти. Совет же — тот только может преподать, кто в душевных искушениях советовался с искусным и ощутил облегчение в душевных болезнях. Так утверждает преподобный Кассиан Римлянин, научившись сему от великих Египетских Отцов. Почему благо вам будет, если вникните в наставления святаго аввы Дорофея, превосходно описывающего путь этот и доказывающего, что им шествовали все святые иноки и что кроме его спасение крайне затруднительно. К этому чтению присовокупите теплые молитвы Господу Богу, дабы путь неправды отставил от тебя и сказал тебе путь, в онь же пойдеши. Позанявшись довольно книгою и понявши дух ее (а толкущему и просящему Господь дает понятливость), не худо приехать Вам сюда. Когда Богу изволяющу приедете, тогда о том, о чем сказано Вам в малых словах, можно подробно объяснить. — Если Господь влагает Вам в сердце послушаться грешного моего совета, то и я, уповая на Господа, умудряющего младенцев, не отказываюсь Вам служить, тем более, что на мне лежит обязанность такового служения.

1842 г. Март, 10-е.

№ 3

Письмо Ваше от 24 апреля получил; сердечно благодарю за поздравление с Праздником Праздников, взаимно поздравляю Вас, желаю Вам и себе сподобиться участия в праздновании нескончающейся Пасхи, в невечернем свете Царствия Христова, чего сподобятся все потрудившиеся здесь воскресить души свои от греховного умерщвления животворящими Евангельскими заповедями.

Буди Вам по вере Вашей! В древнем, еще христианском Египте было много женских многолюдных монастырей. В один из таких монастырей пришел разбойничий атаман, чтоб, осмотревши, привести всю свою шайку разбойничью и ограбить. Дабы удобнее произвести осмотр, он одел монашеское платье. — Игуменья и сестры, увидев старца, пригласили в гостиницу. Игуменья своими руками умыла ноги разбойника, мнимого инока, и помоями окропила инокинь. Одна из инокинь была слепа. Привели и ее. Когда вода, коею омыты были ноги разбойника, коснулась очей слепой, — то она немедленно прозрела. — Вот сила веры. Старшина разбойников покаялся и, приняв пострижение, угодил Богу. Так Ваша вера и многих других, послужив Вам во спасение, да послужит и мне возбуждением к оставлению нерадения моего и расслабления. Почему поступайте, как ныне поступаете, имея на Ваш поступок свидетельство аввы Дорофея. Мы научаемся наставлением великого Антония допускать только те поступки в круг нашей деятельности, кои имеют свидетельство от священного Писания и святых Отцов. Ваше желание послушать моих грешных советов ради Бога — приемлю. И Ваше намерение и мое да благословит Господь Иисус Христос, сказавший: *без Мене не можете творити ничесоже*. На сих днях выезжает в Ладогу нашей Обители монах Иларион, мой духовный и ближний ученик. Надеюсь на милость Божию, что Вам не неприятно будет увидеть в нем, какие плоды разума и благонравия произрастают от послушания. Благословение Божие да почиет над Вами. — Сам Господь да оставит от Вас путь неправды и святым законом Своим да помилует Вас, заповедью Своею да просветит очи Ваши, да уразумеете чудеса от закона Его, яко заповедь Его — живот вечный есть.

№ 4

Милосердый Господь наш Иисус Христос, приемлющий в лице меньшей братии Своей даяния человеков, да приимет Ваше повержение к грешным стопам моим и да благословит Вас, да подкрепит и да наставит на пусть святых заповедей Своих. — Если Вы чувствуете, что от назначенного числа поклонов не утруждается Ваше тело, то прибавьте несколько, дабы тело ощутило некоторую усталость, которая способствует сокрушению сердца, помня и следующие слова святаго Исаака Сирина: «смотри, чтоб, желая приумножить несколько труды, тебе не остановиться вовсе и не пресечь всего течения твоего. Не простирай ноги твоей свыше силы, чтоб не соделаться совершенно праздным» (Сл<ово> 10-е). А и следующие слова принадлежат также Исааку: «Всякая молитва, в которой не утрудится тело и не утеснится сердце, вменяется отверженною: ибо таковая молитва без души» (Сл<ово> 11-е). Сколько эти последние слова справедливы, столько и первые важны и основательны: они были сказаны брату, особенно занимавшемуся поклонами. Святый Исаак говорит в 40-м Слове: «Возлюби в молитве более поклоны, нежели упражнение в стихословии», т. е. в чтении псалмов и канонов. Количество поклонов пусть назначается удовлетворением цели их. Цель их согреть тело, при чем разгорячается и дух. При этом хорошо вспомнить слова Святителя Димитрия, сказанные им от опыта и принадлежащие к келейному пребыванию: «Лучше краткая и частая молитва, чем продолжительная с продолжительными промежутками». — Вы спрашиваете, что значит телесная молитва? — Это вообще молитва новоначальных, в особенности же клиросное пение, а наипаче нотное, где все внимание обращено на голос. От этой молитвы, сопровождаемой сильною наружною ревностию, также плотскою, переходит человек к сердечному и умственному вниманию, при чем ревность действует с тихостью и благообразием. Вы это можете уразуметь из Вашего сердечного опыта. Пишете, что при начале упражнения в Иисусовой молитве бороли Вас только уныние и его порождения: отчаяние, недоумение, сон и проч. Это хороший признак. «Пользу молитвы, — сказал святый Иоанн Лествичник, — можно заметить из бесовских препятствований, возникающих во время собрания», т. е. молитвенного. *Вы, конечно, помните, что я Вам завещал внимать умом языку, тихо произносящему молитву*, отнюдь не позволяя себе самочинно

вдаваться в художество, описанное в Добротолюбии и превосходно сокращенное святым Нилом Сорским в следующие слова: во время Иисусовой молитвы тихо дыши, а не сильно: это способствует к собранию ума, что покажет самый опыт. — Вы начали читать книгу «Брань духовная» и ее оставили. Почему оставили? — Потому что ощутили в сердце сомнение, Вас обеспокоившее. — И я Вам завещаваю довольствоваться чтением святых Отцов, коих Богодухновенность не подвержена никакому сомнению, а переводов с новейших языков крайне охраняться: они едва ли не все написаны духом лестчим, как и апостол Павел сказал (2 Кор. 11. 13–15). Читающий их сообщается сатане; ум таковаго и сердце прелюбодействуют. К таковым относится пророческого слово: *Погубиши всякаго прелюбодействующаго от Тебе*... Сказали Отцы: «Кто хочет достичь до Царствия кратким путем, тот да не внедрит в сердце свое милость». Милостию преподобные Отцы наши уподобились Богу и носили немощи человеческие.

№ 5

Милость и благословение Господа нашего Иисуса Христа чрез меня, недостойнейшего служителя Его, да осенит Вас, да укрепит Вас в деле благом спасения, едином на потребу! — Пишете, что не всегда исполняете правило, то по слабости, то по причине посещения ближних, и потом чувствуете скорбь. На это Вам повторяю, что не человек для правила, а правило для человека. И потому, в чем согрешили по немощи тела, или души, или рассуждения, вся сия да простит Вам Премилосердый Господь Бог, пред Коим и правды наши нечисты. И я, многогрешный, именем Господним Вас прощаю и разрешаю и впредь завещаваю в таких случаях держаться рассуждения, т. е. когда замечаете, что немощь естественная, происходящая от занятия с посетителями или от недуга, обнаруживающегося уменьшением аппетита, бессонницею и тому подобным, тогда полезно послабить телу, дабы оно до конца не изнемогло и не повредилось, будучи понуждено сверх сил. — Тогда поклоны оставьте и, прочитав сообразно немощи сполна или не сполна вечерние молитвы, пребывайте мирны. — Не дивитесь, что услыхали стук; это страхование, а страхованию не должно предаваться, зная, что диавол весь во власти Божией и только то сделать и делает, что Бог ему попущает для нашей пользы. — Кто, бывающий на брани, бранных труб и стука неприятельских оружий

не слышит? — Заслышавши их, храбрый воин веселится, ибо зрит и заключает, что близко сражение и близок конец. Некоторая девица, мне известная, шла по уединенной дороге недалеко от нашего монастыря; переходя через мост, вдруг из-под мосту выскакивает разбойник с огромными усами и, приставляя пистолет к ее груди, кричит: «Убью!» Девица обнажает грудь и отвечает, знаменуясь крестным знамением: «Если есть на то воля Божия — убивай». Едва она произнесла эти слова, как страшилище исчезло. Это пишу Вам, дабы Вы мужались и страхом Божиим побеждали страх бесовский. У нас с кем случится страхование, тот приходит и сказывает, и страхование уничтожается благодатию Божиею, покрывающею смиренных, т. е. открывающихся, ибо смирение новоначального состоит в том, когда он с охотою, свободно открывает свои помыслы. — Что дыхание удерживаетесь вводить по художеству, изложенному в Добротолюбии, — хорошо делаете. Это художество превосходно сокращено преподобным Нилом Сорским в следующие слова: «Не дыши борзо, ибо сие способствует к собранию ума». Этим и Вы довольствуйтесь, т. е. дышите тихо при молитве. Умиление и любовь к ближним, кои все, без изъятия, кажутся яко Ангели, суть плоды истинные и непрелестные молитвы. А встречающиеся искушения, уныние и сон служат доказательством, сколько молитва нам полезна. Предаю Вас благодати Божией; она Вас да наставит, да укрепит и да руководствует, яко *без Мене не можете творити ничесоже,* — рече Господь.

И паки! От художества о ноздренном дыхании уклонитесь! Когда Богу изволяющу, придет время, то скажу. Этим художеством, в свое время полезным, некоторые неисцельно себя повредили. Непарительность, немечтательность, умиление, любовь к ближним — вот истинные признаки истинной молитвы.

9 октября

№ 6

Тесен и прискорбен путь, ведущий в Царство Небесное. Из числа скорбей его суть и болезни, которыми тело и душа очищаются от греховного тления. Тот, пред очами которого — крест Христов, утешается в болезнях своих болезнями Искупителя. Тот, кто, взирая на грехи свои, счел себя достойным вечных мук, радуется, когда ему приключаются болезни в этой жизни. После такого рода болезней, как ныне у Матушки А., обыкновенно

чувствуется особая легкость по телу и душе. При возложении полного упования на Господа Бога нужна строгая диета при употреблении чая из Александрийского листа; если же можно получить разводящую микстуру, то это — еще лучше.

Что Вам сказать, Н. Д.? — То, что Вам не должно удивляться множеству помыслов, волнующих Вас, от которых происходят в душе различные болезненные ощущения. Научитесь смирению. Где? — в Евангелии. От кого? — От разбойника, от мытаря, от жены грешной. Сочтите себя слепою, прокаженною, вполне нуждающеюся в помощи от Господа. Тогда Вы ощутите спокойствие и утоление страданий, когда от сердца сокрушенного и смиренного, из глубины Ваших болезней, будете взывать молитвою ко Господу, тогда Он невидимо приидет и поможет Вам. Если жизнь наша на земле имеет свой конец, после которого проведшие в занятиях ради Бога наследуют вечное утешение, то Вы должны благодарить Господа Бога, приведшего Вас в святую Обитель Свою, где славословится Святое Имя Его, где рабы Его пребывают в различных скорбях вдали от всех мирских увеселений, в чаянии воздаяния и утешения вечного, которое они непременно получат, если пребудут верою и смирением в терпении, чего Вам искренне желаю. Если сердце Ваше не имеет благодарения, то принуждайте себя к благодарению; вместе с ним внидет в душу успокоение. Не подражайте тем, которые, находясь ради Бога и ради надежды наследовать землю обетованную в пустыне, пожелали возвратиться в Египет и за это отвергнуты Богом. Смерть близка, час ее неизвестен. Суд Христов ожидает — да грешники покаются, мука готова, пламень геенны жаждет жертв своих! Обращайте взоры Ваши туда: ибо те могут избежать геенны, которые часто вспоминают о ней. Иноки и инокини! Возблагодарим Бога, избравшего нас в служение Себе, несмотря на то, что мы — отребие миру. Зрите, братия, звание ваше (1 Кор. 7. 20) — Бог избрал худородных, немощных, буих! — Братия наши миряне велицы и высоцы[1] именами и богатством и мудростию, но не благоволил в них Бог. Слепотствующая и неразумная Н.! Благодари Бога, благодетельствующего тебе! Попри, смири мятежные порывы твоего гордого сердца! — И мир Божий, истекающий из смирения, прольется в твое сердце. — Милосердый Господь да укрепит Вас и помилует по неизреченной Своей милости.

[1] См.: Псалом Давида на единоборство с Голиафом, ст. 5.

IV. К инокине, нуждающейся в успокоении

№ 1

Если б не было поношающих, оскорбляющих и гонящих нас, то мы никогда не возмогли бы прийти в любовь к врагам, заповеданную Евангелием, составляющую высшую заповедь между заповедями, данными нам по отношению к ближнему. Отсюда входим в чистоту сердечную, которой является и которою любится Бог. Но сколько плодовита эта заповедь, столько и трудно стяжать ее. Молитесь Господу Иисусу, и Он пошлет в Ваше сердце благодатное и разумное чувство, которым возлюбите врагов и обижающих, как орудия правосудия Божия. Ибо Он, Сын Божий, пролил за нас, бывших врагами Его, кровь Свою, предвидя притом, что, и по совершении искупления, редкие из нас захотят последовать Его Всесвятой воле. Успокоить Игум<ени>ю, сходив к ней, нахожу я полезным. Если примет Ваше оправдание — хорошо, если же не примет, то совесть Ваша будет мирна. Конечно, люди, судящие по наружности, почитают за великое — игуменство и прочие земные приобретения, но узнавшие Христово учение считают все земные приобретения потерями, как отвлекающие от того, что едино на потребу. Я Вам не желаю игуменства, как ввергающего в земные попечения, наполняющего сердце бревнами, кирпичами, известкою, а что еще хуже — гордостию, сварами и прочим, Господу противным. И я не имел желания быть начальником, но приведен к этому обстоятельствами, и теперь как величайшее благодеяние приму от руки Божией удаление от начальнической должности, дабы принести покаяние Господу Богу и оплакать грехи мои прежде смертного часа. На искушение Ваше, пришедшее ныне, и на те, которые впредь могут придти, не обращайте особенного внимания, а внимайте тому, чтоб искушение перенесть с терпением и благодарением, молясь за оскорбивших и призывая их молитвы. Бояться искушений не должно, ибо Тот Бог, Который нам их попускает, Тот нас в них и хранит. К искушениям надо иметь расположение и горячность, ибо ими изображается на душах наших Крест Христов, ими предохраняемся от пороков, ими сохраняемся в добродетели, и при них только дается благодать. Пред сестрами излишне не оправдывайтесь, ибо и Господь, Самая Истина и Самая Правда, стоя пред Иудейскими архиереями и Пилатом, не скрывал от них истины, чтоб не подать им причины к заблуж-

дению, но, сказав ее в кратких словах, далее не оправдывался, но с молчанием переносил клеветы и мучения, нам подавая образ, как себя отвергаться и как носить Крест Господень, т. е. скорби, Господом посылаемые.

Желаю, чтоб вы имели любовь к Господу Богу, любовь живейшую, а к ближним одинаковую и равную, как к образу Божию. Да сподобит Вас Господь узреть в каждом ближнем образ Божий. Святый Марк Подвижник сказал: «Егда человек человека воспользует словесы или делы, Божию благодать да разумеют оба» (гл. 74, Доброт<олюбие>. Это и Вам должно соблюсти и не позволять своему сердцу входить в любовь человеческую излишне: ибо многие, пренебрегши этою осторожностию, отпали от любви Божией. Преосвященный Филарет, Митрополит Киевский, пастырь, имеющий помазание благодатное, сказал мне следующие достопримечательные слова: «Те наставники похвальны, которые приводят не к себе, а к Богу». — Милость Божия да укроет Вас.

№ 2

Не вижу я в Н. Д., что видите Вы. Вижу не отчаяние, а раздражение, произведенное домашними неприятностями. Читала она многих иностранных писателей, от чего осталась в ней некоторая восторженность. И восторженность и раздражительность могут усилиться от жительства в монастыре. Если возьмете ее на краткое время, то это не может повредить душе Вашей. — Относительно приезда Вашего сюда — как хотите, время ныне у нас шумное; окружены многими, ищущими в нас недостатков, которые есть по самой вещи. Поэтому лучше Вам ехать в Вашу мирную Обитель, не заезжая к нам, как и Писание говорит: *Идеже вои, нейди, не уснут бо, дондеже не сотворят зла.* Вместо личного зрения и беседы примите мое искреннее слово, в котором открывается душа моя. Поражение одного воина не есть уже побеждение всего войска. Так и Ваше согрешение словом не есть уже падение души. О таковых ежедневных и ежечасных падениях не должно безмерно печалиться: ибо это хитрость врага, хотящего безмерною печалию ввести в душу расслабление. О таких-то прегрешениях говорит Серафим Саровский, что не должно себя осуждать, когда случится преткновение, но, думая о себе, что мы способны ко всем грехам, что наше преткновение не есть новость и необычайность, ходить пред Богом в сокрушении духа, исполненного мыслей покаяния. Это-то Бог не уни-

чижит, т. е. сердце сокрушенное и смиренное поставит превыше преткновений, сколько человеку можно быть выше их. Аминь!

№ 3

Поздно отвечаю на письмо Ваше. Может быть, молчанием моим искупилось терпение ваше... Мир Божий да почиет в Вас, в то время, когда снаружи свирепо дышат различные ветры. Кто не возмет Креста своего и не идет вслед Господа, тот не может быть учеником Его. Взятие Креста своего есть признание себя достойным посылаемых на нас скорбей. Мир Вам! Аминь.

№ 4

Господь да благословит Вас и сожительствующих Вам сестер в новой келлии; да осенит Вас благодатию Своею и да дарует Вам жительствовать, паче странствовать в куще Вашей; Ему, Господу, благоугодно, Вам же душеспасительно, находящие скорби терпеть безропотно и без жалоб, в сознании своей греховности, достойной вечных наказаний, заменяемых милосердием Божиим временными наказаниями. «Аще кто правильного или неправильного запрещения отвергся — своего спасения отвергся», — сказал святый Иоанн Лествичник. Притом надо веровать, что Бог не попускает искушения паче силы: почему пред посылаемым искушением надо смирять свою выю. Плотская и душевная ревность да изгонится из общества Вашего, да водворяется в нем чуждая пристрастий о Господе любовь, и молитвы Ваши да проливаются пред Господом о обижающих Вас, во исцеление душ Ваших. Старец Василиск однажды, во время великого молитвенного утешения, услышал глас: «Имей во всю жизнь — единым делом — ношение в сердце Господа Иисуса, а между тем примешь бесчестия». Сам Господь, все Апостолы, все Святые, провели жизнь свою в многоразличных скорбях. Без бесчестий — нам не спастись.

Скажите сестре Е.: «Ум не может быть бесстрастным, по Великому Максиму, аще не приемлют его многая и различная видения». — Понимая цель, надо оставлять средства без особого внимания.

1855 г. Сентября 5

№ 5

Недоведомым Судьбам Божиим должно покоряться! Жалею бедную Д<осифею>. Больных такого рода необходимо держать

вдали от родственников и от всех тех, к которым они близки во время обыкновенного своего состояния.

Когда был в подобном состоянии К<авелин>, то ярость его возбуждалась наиболее против жены и родственников, коих он особенно горячо любил в здравом состоянии.

Октября 5

№ 6

О случившемся искушении Вам не должно скорбеть, но отдаваться на волю Божию, которая спасает всех спасаемых многоразличными скорбями. Попущенное умопомешательство Д<осифеи> попущено ей на пользу, да дух ее спасется. Предоставьте ее Богу.

Относительно всего, что она ни говорила и ни делала в своем припадке, Вам не должно обращать никакого внимания и не должно принимать к сердцу никаких ее слов и дел, потому что все произносилось и делалось ею вне рассудка. Потому именно от таких больных отделяют всех их родственников и близких сердцу, что сумасшедший должен быть управляем холодным рассудком и холодным сердцем, чего не в состоянии вынести лица, имеющие сердечное расположение к больному. Когда возле нас жил К<авелин> в состоянии помешательства и некоторое время еще позволено было родным приезжать к нему, то после каждого приезда ему делалось хуже, потому что они все хотели его урезонить и смягчить. Бывший тут доктор из сумасшедшего дома говорил мне о действиях родственников: «Странные люди! Хотят больного урезонить, между тем как болезнь его и состоит в том, что он лишен здравого смысла». К. хватался за нож, намереваясь пронзить им жену и себя, высказывая против нее величайшие неудовольствия, между тем как в здравом состоянии он питал к ней величайшее расположение. Вот как надо рассуждать о больных такого рода. П. П. я советовал никак не видеться с сестрою, доколе она не выздоровеет. — Я имею письмо от Д<осифеи> от 24 сентября, из которого можно понимать причину случившейся с нею болезни.

Также не должно смущаться, что некоторые смутились словами и действиями Д<осифеи> во время ее сумасшествия и находили им причину по своему умозаключению, а не по опытам науки, совсем иначе смотрящей на эту болезнь и ее действия. Если Бог дарует Д<осифее> выздороветь, то она будет к Вам

еще более в близких отношениях. То, что она Вас поносила в сумасшествии, есть верный признак ее преданности Вам.

Вам не должно скорбеть на тех, которые соблазнились положением Д<осифеи> и произнесли о Вас какое невыгодное слово. Это от неведения и по попущению Промысла Божия, как видно, усматривающего, что Вам нужно смирение и очищение при посредстве человеческого бесчестия. Любовь имейте и мир со всеми, и с оскорбляющими Вас, без чего невозможно иметь духовного преуспеяния. Воздайте славословие Богу за все случившееся и предайте себя воле Божией.

№ 7

Путь христиан, сказали святые Отцы, есть Крест повседневный. — Сказали они это, руководясь словами Самого Господа Иисуса Христа, Который повелел желающему совершенства взять крест свой и последовать за Ним, Господом. Крест — готовность к благодушному подъятию всякой скорби, попущаемой Промыслом Божиим. Потому познается, что человек находится под особенным Промыслом Божиим, когда этому человеку попущаются постоянно скорби, — сказал святый Исаак. Пей поругания на всяк час, яко воду живую, — говорит святый Иоанн Лествичник; а кто отвергся правильного или неправильного выговора, тот отвергся своего спасения. Господь помянул Вас и послал Вам искушение, для Вашего очищения и умерщвления миру, а потому для Вашего преуспеяния. Я, окаяннейший грешник, благоволю о искушении, Вас постигшем. Благоволят о нем Ангелы хранители Ваши, видя в нем залог спасения Вашего. Помяните меня, грешного, в молитвах Ваших! Говорит святый Исаак Сирин, что человек до вступления в искушения молится Богу как чужой Ему, а подвергшись ради Его искушениям, молится Ему как свой и как бы имея Его — Бога — должником себе. Помолитесь о мне Богу, рабы Божии! Ибо мне в моей жизни не довелось потерпеть ни единого искушения, а что случалось противное моему гордому сердцу, то — мелочь, мелочь, мелочь… не заслуживающая никакого внимания, и если б я вздумал говорить о моих искушениях, то впал бы в одно пустословие. — Вам не должно попускать страхованию овладевать Вами. Кто поддается этой страсти, над тем она возобладает, и таковой будет пугаться всяких пустяков. Прочитайте в святой Лествице статью о страховании. Никаких заклинательных молитв не нужно: они прочитаны над каждой из вас при Святом крещении.

Нужно предаться воле Божией и признать себя достойным всякого человеческого и бесовского наведения: тогда страхование пройдет само собою. Оно ни от чего так не истребляется, как от глубокого сердечного сокрушения.

Молитвы Иисусовой не оставляйте: монашествующий, в числе своих обетов при пострижении, дает обещание денно-нощно заниматься этою молитвою. У нас Святейший Синод постоянно занимался развитием этого делания, издавал книги святых Отцов о сем предмете; а в 1837 году разослал по монастырям книгу преподобного Нила Сорского во множестве экземпляров, дав ее в руководство Российским монашествующим и предписав благочинным строго наблюдать, чтоб по монастырям это исполнялось.

Не сделайте новой глупости: не вздумайте приехать в Петербург. Надо брани побеждать на их месте, а не оставлением места, от чего брани только укрепляются. Взойдите в себя, постарайтесь увидеть множество согрешений Ваших, при чем умаляются в очах Ваших согрешения ближнего. Воспользуйтесь уединением и удобствами ко внимательной жизни, дарованными Вам Божиим милосердием, для плача о Ваших грехах. Поминайте в молитвах Ваших оскорбивших Вас, да исцелеете от страшного недуга вражды к ближнему. Поминайте в молитвах Ваших болящую Досифею, которая предана судьбами Божиими сатане, да дух ее спасется. Она много содействовала к успокоению Вашему, а последним случаем — к смирению и преуспеянию. В духовном отношении такое наказание Божие отнюдь не служит худым свидетельством о человеке: такому преданию сатане подвергались многие великие Угодники Божии. Преподобный Кассиан описывает о преподобном Моисее Скитском, с которым беседовал о рассуждении, что Моисей подвергся сумасшествию и беснованию за некоторое противоречие своему старцу Макарию Великому Египетскому. В другом священном сочинении 4-го века описывается, что некоторый Египетский Старец, по причине своей святой и чистой жизни, необыкновенно обиловал даром чудотворений; слава о нем неслась далеко. Заметив в себе начала гордости, Старец начал молить Бога, чтоб ему послано было беснование, что Господь и исполнил. Старец провел в ужасном положении целых 8 месяцев, употребляя даже в пищу свои собственные извержения. Мирские почитатели его, видя его в таком положении, как быть следует, соблазнились, хорошую о нем славу изменили на худую, а Старец в свое время, избавившись

от беса, в неизвестности и покое работал Господу и пришел в гораздо большее преуспеяние. Гораздо маловажнее беснование, нежели принятие какого-либо вражеского помысла, могущего навеки погубить душу. Что Д<осифея> вам сердечно предана — не подлежит никакому сомнению. На слова ее и действия при сумасшествии — не должно обращать никакого внимания, и никак нельзя сравнивать таких больных с пьяными, у которых отнимается только благоразумие, а не разум. Пьяный высказывает свои тайные мысли и чувства, а сумасшедший или беснующийся несет дичь, чуждую ему. Если Д<осифея> выздоровеет, примите ее, ничтоже сумняшеся. Этим исполните заповедь Божию; да и лица монастыря Вашего, соблазнившиеся словами и действиями больной, поймут, что она поносила Вас вне разума, и исцелятся, и вразумятся. Я не находил нужным писать или говорить г-же Игумении о Вас, полагая, что она из сожительства гораздо может больше уразуметь, нежели из моих слов. Если же ей нужен письменный мой отзыв о Вас, то я постараюсь и это исполнить. Я не раз предостерегал сестру Е., чтоб она удерживала язык свой, часто ее предающий и навлекающий неприятности, что было причиною и неприятностей Аввакира (см. Лествицу). Эти неприятности должно принимать как драгоценные врачевства против нашего тщеславия и высокомудрия.

Лозу, творящую плод, Вертоградарь осыпает и навозом, да множайший плод принесет. Не будете побеждены злом, но добром побеждайте зло.

Окт. 29-го

V. К монахине Досифее

№ 1

Благословение и милость Божия над тобою! Многими скорбьми и смертьми подобает нам, по примеру всех от века святых, наследовать Царство Небесное! — так говорится в одной из молитв иноческого пострижения. Не дивись ничему случившемуся. «Не искушение ли человеку житие его на земле?» — давно сказал праведный Иов. Блажен человек, иже претерпит искушение и чрез искушения и терпение внидет в познание закона Божия, а чрез это познание — в живот вечный. Храни ум твой в тишине и преданности Воле Божией, удерживай его от порывов и дерзновения. *Радуйтеся Господеви*, — говорит пророк, — *с трепетом*. Страх и благоговение, изливающиеся от Престола

Божия, да прольются в твою душу и да сохранят ее от козней вражеских. Мир тебе от Бога и человеков! А где решительное примирение, там полное прощение.

1848 г. Февр<аля> 27

№ 2

Кто поставлен в страну духа, тот должен удвоить бдительность над собою, должен быть особенно осторожным. Дверь в ту страну — мир Божий, — превосходяй всяк ум, потопляющий все помышления человека в несказанной сладости своей. Этот мир Христов уничтожает все смущения и страхи, так сильно действующие на человека плотского: обновленный Духом начинает чувствовать в себе обновление живой веры. Бог престает быть для него мертвым, каковым Он представляется для умерщвленных плотским мудрованием, считающих свою смерть — жизнию, а истинную и существенную жизнь — признающих как бы не существующею. За дарованием «мира» следует, как видно из Евангелия, другое дарование: отверзается ум ученика Христова для разумения Писаний. Крест Христов делается понятным и удобоносимым, страдания начинают источать из себя сладость. Но все совершающееся с тобою есть действие только отчасти духовное, а не вполне. — Возьми свои предосторожности.

Есть действие от крови, кажущееся для неопытных действием благим, духовным, а оно не благое и не духовное — оно из падшего естества нашего, и познается потому, что порывисто, горячо, нарушает мир в себе и ближних. Действие духовное рождается из мира и рождает мир. Рассмотри себя внимательно: действия в тебе — еще смешанные; действие духовное смешано с действием кровяным. Ты их не различила и не разделила. Смотри за твоими водами (сердечными чувствами), чтоб они текли тихо, — как сказал Пророк о водах Силоамских: *Воды Силоамли текущия тисе*[1]. Всякое разгоряченное чувство — кровяное! Не сочти его усердием, ревностию по благочестию, любовию к Богу и ближним. Нет — это движение души, произведенное в ней нервами, кровию. А кровь приводится в движение душевными страстями, которые — орудия и цепи миродержца, его скипетр — держава. Храни себя в глубоком мире и отвергай все, нарушающее мир, как неправильное, хотя бы оно имело наружность правильную и праведную. Относительно ближних руководствуйся следующим наставлением преподобного Исаака

Сирского: «Пусть лучше признают тебе невежею по причине неспособности ума твоего к прекословию, а не премудрым за бесстыдство твое и дерзость. Обнищай для смирения — не будь богат для дерзости. Силою добродетелей твоих, а не словопрением твоим, обличи противоучащих тебя. Кротостию и тихостию уст твоих загради уста и принудь умолкнуть бесстыдство непокорных. Обличи невоздержных благородством жития твоего и разрешенных чувствами —стыдливостью очей твоих», — учит Божественное Слово, учит и Божественное молчание.

Относительно гласов и явлений нужна еще большая осторожность: здесь ближе и зловреднее прелесть бесовская. Многие из святых и искусных Отцов были обмануты бесами, хитро скрывающими и обличающими свою ложь и тьму признаками истины и света: тем удобнее могут быть обмануты юные и неопытные. Нужно долгим временем и опытом приучать ум и сердце к отличению добра от зла, под какою бы личиною не маскировалось зло. Поэтому святые Отцы заповедали, чтоб новоначальные не вверялись никаким гласам и явлениям, — но отвергали их и не принимали их, предоставляя дело суду и воле Божией, а для себя признавая смирение более нужным всякого гласа и явления. Глас Христов — Евангелие; будем вслушиваться в него и ему повиноваться.

Истинные духовные видения и ощущения принадлежат тому веку, вполне невещественны, не могут быть объяснены в стране чувств, словом вещественным: таков верный признак истинно Духовного. — Глас Духа — невещественен; он вполне явствен и вполне невеществен: он — умственный глас. Также все Духовные ощущения — невещественны, безвидны, не могут быть истолкованы, ясно переданы человеческим вещественным словом, и вместе с тем они ощутительны, сильны, одолевают все другие ощущения, соделывают их бездейственными, как бы не существующими. Для плотского человека Духовное действие непостижимо, вовсе непонятно, а кто имеет Духовное чувство, тому это чувство объясняет то, что необъяснимо словом вещественным.

Низшую степень видений составляют те видения, которых зрителем делается человек от неядения, бдения и других изможденний плоти; до этих видений достигают не только люди подвижнической жизни, но и многие порочные, пришедшие какимнибудь образом в измождение плоти. Телесные чувства их достигают какой-то особенной тонкости, — и они начинают

видеть духов, слышать гласы, обонявать благоухания и зловония. Это состояние опасно, и многие, пришедши в него, впали в прелесть.

В твоем состоянии признаю посещение милости Божией: свидетель этой милости — мир Божий, на тебя излившийся и открывший тебе тайну Креста Христова. Но в то же время надо признать, что в этом состоянии было много кровяной примеси. Сама это заметишь, если будешь храниться в молчании и обуздывать каждое горячее, порывистое чувство, — вводить вместо него чувство тихое и мирное. Мне бы желалось, чтоб ты вышла из этого состояния: оно тебе не под силу. Хранись и хранись! Да дарует тебе милосердый Господь перейти в другое состояние, менее опасное, более духовное и более полезное: это состояние — сокрушение духа от зрения падения человеческого и Искупления нас Спасителем. Многие святые Отцы, обиловавшие смиренномудрием и духовным рассуждением, когда в них — нечаянно — [замечалось] какое особенное духовное дарование, молили Бога, чтоб Он отнял от них это дарование, бывшее им не под силу. «Если дела твои, — сказал преподобный Исаак Сирский, — благоугодны Богу и Он даст тебе дарование, то умоли Его, чтоб дал тебе разум, как тебе смириться, или чтоб поставил стража при даровании, или чтоб взял от тебя дарование, чтоб оно не было для тебя причиною погибели, потому что не все могут безвредно обладать этим богатством». При состоянии, в котором измененными или утонченными телесными чувствами подвижник слышит гласы, обонявает благоухание, видит явления, диавол очень легко может подменить Истину чем-либо своим, придав этому своему личину Истины, — и неисцельно повредит душу неопытного и юного подвижника. Гораздо возвышеннее и безопаснее утонченным покаянием и измененными Духом мыслию и сердечным ощущением зреть глубину падения и высокое таинство Искупления, погружаться при посредстве духовного, невещественного действия в бездну смирения, в море благоговения и удивления Богу.

Опять привожу слова преподобного Исаака: «Ощутивший грехи свои лучше воскрешающего мертвых молитвою своею и обитающего вместе со многими. Воздыхающий о душе своей лучше пользующего весь мир видением своим. Сподобившийся увидеть себя лучше сподобившегося увидеть Ангелов: потому что у второго отверзлись чувственные очи, а у первого — душевные».

Давай телу умеренное количество пищи и сна, храни себя молчанием, вниманием себе, смирением. Из твоего настоящего состояния постарайся соблюсти действия *мира Христова* и познание *Креста Христова*. А из состояния утонченных чувств телесных, как из состояния очень опасного, превышающего твои силы, да изведет тебя Милосердый Господь. — В монастырской библиотеке вашей есть письменная книга преподобного Исаака Сирского. Прочитай в ней 55-е слово, к преподобному Симеону Чудотворцу. Всего тут не поймешь; но и то, что поймешь, принесет тебе значительную пользу. Христос с тобою.

1848
Марта 15

[1] ...*Водами Силоама, текущими тихо* (Ис. 8. 6).

№ 3

Всемогущее покаяние — пристань Божественная, Божественная врачебница. — Всякое согрешение исправляется покаянием, всякая язва, всякий недуг исцеляется покаянием. Объятия Отца Небесного отверсты для прибегающих в эти объятия блудных сынов. Христос, снисшедший на землю для грешников, а не для праведников, доселе пребывает *невидимо, но вполне существенно* между человеками, совершая великие знамения и исцеления, — будет, по неложному обещанию Своему, пребывать между нами до скончания века. Доселе раздается Его голос, доселе слышатся Его действительные слова, сказанные некогда — всеми осужденной — грешнице, осудившей себя глубоким молчанием: *Аз тебя не осуждаю: иди и отселе ктому не согрешай*[1]. С таким предостережением дается отпущение в тяжких согрешениях.

Кто может быть судиею действий Божиих? — Довольно для ума человеческого, если он соделается зрителем действий Божиих, будет погружаться в благоговейное созерцание дел Божиих, в удивление им, в славословие их. Одно из таких чудных действий Божиих — Его призвание к иноческой жизни. Одни призваны к этой жизни святой из предварявшей ее святой жизни среди мира, — другие призваны к ней с распутья, с халуги — из мрака и пропасти беззаконий. Откуда бы кто ни был призван, будь послушен Призывающему, иди на призывный голос! Благословен всякий, грядый во имя Господне, призванный Господом! — И если ему на пути к Господу надо сразиться с возбра-

няющим блаженное шествие, грехом, — да сразится мужественно, да станет *до крови*, да восхитит победу, и да сопричислится к Патриархам, Пророкам, Апостолам, Мученикам, Исповедникам и прочим Святым, которые многими скорбьми и смертьми наследовали Небо. Кто нарушил верность Богу впадением в грех, восстанови эту верность, докажи ее борьбою с грехом, свержением с себя чрез победу цепей, тех цепей, которыми оковывает грех своих пленников, которые удерживают пленников греха в насильственной работе ему. Подвиг телесный слаб против греха, подвиг размышления ничтожен — силен подвиг веры! Он наперсник победы! Когда ощутишь нашествие силы греховной, не входи в переговоры с супостатами — открывай немедленно на них огонь, рази их громами, попаляй молнией небесной. Этот огнь, эти громы, эта молния — молитва. Беги в келлию твою, падай ниц пред иконами, проси помощи против греха, проси победы над ним. То и другое подастся тебе Свыше. Этот образ борьбы со грехом подала подвижникам Христовым великая подвижница Мария Египетская. Почитай житие ее.

Друг друга тяготы носите, и так исполните закон Христов[2], — сказал Апостол. Пред теми же, которые позволили себе осуждать, Сам Богочеловек показался несовершенным! Святые Отцы заповедают инокам помнить добродетели своих Настоятелей, часто размышлять о их похвальных поступках, а на недостатки не обращать внимания, как на сучцы, в сравнении с которыми наши немощи — бревна. Истинным покаянием и истинным смирением — они невидимы для людей — примири душу свою с Богом и ближними.

[1] Ин. 8. 11.
[2] Гал. 6. 2.

№ 4

Един Бог — Вина бытия человеков. Он Един — Вина, по погибели человеков, пакибытия их, т. е. спасения. Если Бог, употребивший для твоей душевной пользы, какое-либо орудие в свое время, — в другое время отложил это орудие к стороне, то ты этим не смущайся. Бог спасает ими же весть судьбами, а не все одним и тем же способом. Прилепляйся к Богу верою, прилепляйся к Нему непрестанным покаянием: сердце сокрушенно и смиренно не уничижает и не отвергает Бог, — уничижающий и отвергающий разум разумных о себе и премудрость премудрых

пред собою и пред Боговраждебным миром. Будучи отдален от тебя телом, я столько же близок к тебе, как и прежде, моею любовью и желанием тебе спасения. — Молись о мне. Благословение Божие да почиет над тобою.

23 дек. 1851 года

№ 5

Господь Иисус Христос, питающий святым миром Своим, исходящим от учения его, избранных Своих и возносящий их этим миром превыше всех скорбей земного странствования, — да дарует мир святой Свой, мир и просвещающий, и укрепляющий, рабе Своей Д<осифее> — Сего желаю тебе! — И ты этого достигнешь скоро, если отдашь себя всецело в волю Божию. Что же касается до телесной пищи твоей, то не должно пещись о ней от всего сердца твоего: ибо такое попечение может отвлечь от Бога. Но вместе с тем надо обратить на эту немощь должное внимание. Преподобный Кассиан Римлянин в слове «О рассуждении» говорит: «Крайности обою страну равно вредят: и избыток поста, и насыщение чрева, и безмерие бдения и сытость сна, и прочая избыточествования. Ибо увидехом неких чревобесием убо не побежденных, безмерным же постом низверженных» и проч. По такому рассуждению святых Отцов, я советую тебе позаботиться о некотором поправлении твоего желудка употреблением ухи из ершей, парного молока и тому подобных пособий, вменяя употребление их в лекарство, а не в лакомство. «Научихомся быти страстоубийцы, а не телоубийцы», — сказал Великий Пимен некоторому брату, который увидал, что этот Угодник Божий поливает воду на свои ноги. — Благословение Божие да почиет над тобою.

1852 г. Апр. 22 дня

№ 6

Просвещаемые Словом Божиим, мы исповедуем, что временные скорби суть великий дар Божий, который дается избранным рабам Божиим, предуготовленным к вечному блаженству, почему сами себя и возлюбленных наших о Господе при случающихся скорбях приветствуем словами Апостола: *Всяку радость имейте, братия моя, егда во искушения впадаете различна*[1]. Преподобный Марк Подвижник советует при случающихся скорбях искать не того, откуда и чрез кого пришла скорбь, но чтоб

перенести ее с благодарением. Святый Иоанн Лествичник сказал: «Кто отвергся какого-либо запрещения, правильно ли оно или неправильно, тот своего спасения отвергся». Также рассуждают святые Отцы, что верующий Божию управлению судьбами человека примет всякое искушение как *свое*: ибо управление Божие не может быть ни ошибочным, ни неправосудным. Вникни хорошенько в себя и увидишь, что тебя смущает. Смущают тебя оправдания человеческие, паче бесовские, стремящиеся к тому, чтоб ты отреклась от креста. Скажи оправданию: «Иди за мною, сатана, не мыслиши бо яже суть Божеская, но яже суть человеческая». Иду за Христом на крест и клеветы, насмешки, словом — все неприятное и тяжкое, приемлю как *свое*, как дар Божий, посылаемый мне Его милостию. Аминь.

8 марта 1853 года

[1] Иак. 1. 2.

№ 7

В мире скорбни будете, — предвозвестил Спаситель ученикам Своим, — *но дерзайте яко Аз победих мир*[1]. И вот! — это предсказание Спасителя совершается над последователями Его в течение тысячи восьмисот пятидесяти двух с половиной лет. Но скорби, постигавшие малое Христово стадо на этом пространстве времени, очень различны. Сперва было явное гонение на христиан: все 12 главных Апостолов Христовых, за исключением Иоанна Богослова, окончили земное странствование насильственною смертию. Впоследствии времени это явное гонение преобразилось в более тонкое, неприметное для каждого, но вполне ясное для умов очищенных: начали требовать гонители от христиан не отречения от Христа, а принятия ереси, столько же душепагубной, как и отречение, т. е. требовать не прямо нечестия, но злочестия. — Далее гонение сделалось еще тоньше: оставлено на произвол верование во Христа, а отвергнуто жительство по заповедям Христовым — принято жительство противоположное им, отчего вера никак не может перейти из вводной в деятельную, тем менее в живую, т. е. духовную. *Вера без дел веры,* т. е. без исполнения заповедей Христовых, *мертва*. Самые вводные познания ее остаются для человека крайне темными и сбивчивыми, как не объясненные в нем и ему — деянием, паче — Духом Святым. В этом состоянии сбивчивости и темноты мы видим в настоящее время многих, считающих себя христианами,

и даже учителями Христовой Церкви, — из них иной не верит чудесам Христовым, исчисленным в Евангелии, — другой верит одной части учения Христова, а другую отвергает, иной не верит существованию демонов; опять иной думает, не умея различить дел веры от дел естества, что все спасутся за свои добрые дела, и проч. и проч. По этой причине весьма редко можно слышать истинное Слово Божие из уст человеческих, хотя и часто можно слышать поддельное. Глад слышания Слова Божия — вот бедствие, несравненно тягчайшее бедствие всех бедствий, которые когда-либо были попущены на христиан. Но и это — попущение Божие, которое должно переносить с преданностию воле Божией. *Гнев Божий понесу,* — говорит Пророк. По тягости скорбей, попущенных на настоящее поколение, Господь с особенною благостью прощает согрешения его. Благословение Божие да почиет над тобою.

18 июля 1853 года

[1] Ин. 16. 33.

№ 8

Тебе известно, что иноки последних времен должны спасаться скорбями, а потому не считай чуждыми твоему положению и спасению скорби, которыми ты окружена. Не советую тебе искать перемены монастыря, доколе сам Промысл Божий не укажет тебе на такую перемену, сделав ее возможною и удобною. Напрасно думаешь, что я на тебя сержусь: отнюдь нет. Если б я на тебя сердился, то не стал бы поддерживать тебя Словом Божиим. Претерпи тяготу времени, попущенную Промыслом Божиим и не лишенную награды своей в вечности. Теперь не время начинать что-либо.

30 дек. 1853 г.

№ 9

Мы не должны засуждать себя за наше преткновение: не потому, чтоб какой бы то ни было грех был маловажен — нет! всякий грех есть язва, — а потому, что мы искуплены необъятною ценою — кровию Богочеловека. Засуждающий себя впадает в отчаяние, а надеющийся на Христа приносит покаяние и исцеляет себя им. Покайся в твоем поползновении и приступи ко Христу, к Его Святым Тайнам, яко кровоточивая.

3 марта 1854 г.

№ 10

Благословение Божие да почиет над рабою Божиею Д<осифеею>. — Поздравляю тебя с прибытием в тихое пристанище, в котором да дарует тебе Милосердый Господь пребывать с твердостию духа и постоянством, в терпении переносить невидимую брань со страстьми и похотьми и научиться от Самого Господа победе над грехом. Распнись на кресте послушания, творя единственно повелеваемое тебе, а отнюдь не увлекаясь твоими собственными ощущениями и рассуждением, хотя бы они по-видимому и казались бы добрыми и хорошими. Начни же с следующего: просишь благословения моего на участие в пожертвовании на обновление церкви? — Не благословляю. Вот тебе ответ от святаго Отца: «Не даждь без отца твоего, иже по Бозе, милостыню от пенязей, яже принесл еси, и ни чрез ходатая от онаго прияти некая от тех да восхощеши: лучше бо тебе нищу и странну быти и нарицатися, нежели расточати пенязи, и даяти убогим новоначальну сущу» (Доброт<олюбие>. Ч. 1. Сим<еон> Нов<ый> Богослов, гл. 16). — Прочитай и 15 главу. Не думаю, что в этом начинании действует в тебе доброе побуждение. Нет! Тут суетное кичливое горячение крови, возбуждаемой тщеславием и человекоугодием. Аминь.

Радуюсь твоей радости, а радость должно умерять рассуждением, что в жизни земной все переменчиво.

№ 11

Господь не хотяй смерти грешника, но обращения его посредством покаяния, да примет тебя, раскаивающуюся в поползновениях твоих. Если хочешь стяжать крепость в невидимой брани, особливо против блудного духа, который, как и все духи, ловит в тайне, исповедуй, не стыдясь, твои поползновения старице твоей — и исцелеешь. — Мнениям своим не верь: сказано о истинной любви, что она не мыслит зла.

№ 12

Грех человека уничтожается исповеданием греха, а самые корни греха истребляются борьбою с греховными помыслами и повторением исповедания, когда помыслы начнут одолевать. Бог да простит тебе прошедшее и да укрепит на будущее время. Твое искушение — ничего не значащее, — только оно было крепко

от того, что ты его скрывала. Перескажи его с раскаянием матери А., и когда помыслы начнут действовать, то повторяй исповедание с раскаянием. Великое счастье, когда при этой борьбе есть человек, которому можно исповедаться. *Противьтесь диаволу, и бежит от вас*[1], — сказал святый Апостол Иаков, — противьтесь, не соглашаясь со влагаемыми им помышлениями, и исповедуйте их. Всякое лицо, чье бы оно ни было, когда является воображению, возбуждая нечистые мысли и помышления, есть лицо диавольское, т. е. лицо самого диавола, который во время греховного искушения предстоит душе и обманывает ее принятою личиною, способною возбудить страсть, по настроению души. Сочетавающийся с греховными помышлениями и мечтаниями сочетавается с самим сатаною и подчиняется ему в сей век и в будущий, почему необходимо бороться с помыслами. И самое побуждение к ревности есть также диавольский обман, потому что тот, кто научает других мертвости ко всем, а потому — и любовью во Христе ко всем равной, не предпочитает одного другому, так как Христос, во всяком Своем образе, есть Един. — Господь да возвратит тебе мир, чрез истинное твое покаяние. Отпущается тебе грех твой, впредь не согрешай.

[1] Иак. 4. 7.

№ 13

Увидев пользу исповедания своих греховных помышлений, держись этого драгоценного жительства и ежедневно исповедуй свои согрешения пред Старицею. Относительно правила: после вечерних молитв полагай 10 поклонов земных с молитвою Иисусовою, а потом твори 30 молитв Иисусовых неспешно, со вниманием, шепотом. Затем 5 поклонов земных с молитвою: Пресвятая Владычице моя Богородице, спаси мя грешную. Потом по 3 покл<она> поясных Ангелу хранителю и всем Святым. Мир тебе!

№ 14

Как зрение своих согрешений, так и сердечное исповедание их есть особенный дар Божий и испрашивается усердною молитвою. Умоляй Милосердого Господа, чтоб даровал тебе этот дар — залог спасения, и сама понуждайся к откровенности: ибо враг рода человеческого ненавидит этого пути и всячески старается воспрепятствовать рабу Божию, желающему стяжать милость

Божию частым исповеданием своих грехов. А для тебя этот путь необходим. Волю свою добровольно отсекай пред Старицей. Милосердый Господь да поможет тебе во всем. Аминь.

Бог да благословит тебя приобщиться Святых Таин. Облегчение, чувствуемое тобою после исповедания твоих поползновений, свидетельствует, что твое спасение заключается в этом делании. Принуждайся со всевозможным усилием исповедываться пред Старицей: это поможет тебе вскоре. Оттого, что ты пожила долго в других монастырях без этого делания, тебе трудно приняться за него. Но преодолей себя!

№ 15

Путь твой — все открывать о себе Старице. На сновидения же твои, на разные скорби и искушения не обращай внимания, как бы они случались с другими, а не с тобою; твое дело — только о нем сказать Старице. Такое делание начнет умерщвлять в тебе мало-помалу страсти. Так жительствовал Досифей, ученик аввы Дорофея. Побеждай ложный срам на земли, и не постыдишься на небеси.

№ 16

Каким бы оправданием или личиною ни прикрывалась борющая тебя ревность, ты не принимай ее. Не думай, что сравнение себя с Исавом, а ближнего с Иаковом родилось в тебе от смиренномудрия. Нет! Этим смиреннословием прикрылась зависть, чтоб удобнее низложить тебя. Сохраняй невменяемость[1], т. е. ни с кем не сравнивай себя, а смирения ищи единственно в откровении твоих помыслов Старице и в отсечении твоей воли перед нею. Бог да поможет тебе восприять истинное иноческое делание.

[1] «Невменяемость» — выражает: не ставить, не вменять себе ничего в достоинство, в добродетель, в заслугу, в подвиг; не приписывать *себе* ничего хорошего.

№ 17

Нисколько не смущайся действующими в тебе бранями, сопряженными с тягостью, омрачением и унынием. Таким браням обыкновенно подвергаются все перешедшие от долговременной самочинной жизни к послушанию. Понуждай себя к простоте и откровенности пред Старицею; от всех же других вполне скрывай

свои брани, потому что такой преступною откровенностию повредишь себе и другим, которым отнюдь не полезно слышать о твоих бранях. Понуждай себя и паки понуждай; за твое постоянное понуждение к сокровенности Господь даст тебе в свое время силу открываться с легкостью. А твое спасение единственно от твоей откровенности пред Старицею. Без этого делания тебе не достигнуть ничего духовного и благодатного, а пребудешь *плоть* и *кровь*. Если будешь открываться, то достигнешь чистоты, которую осеняет благодать Божия. Не принимай никакого вражеского осуждения, или смышления, или подозрения на твою Старицу. Не ищи ее любви, но ищи своего спасения. Мужайся. Благословение Божие да будет над тобою, и благодать Божия да осенит тебя.

P. S. При решительном откровении согрешений делами, словами и помышлениями можно в один год преуспеть более, нежели при посредстве других подвигов, самых многотрудных, в течение десяти лет. Оттого враг и борет так сильно против этого спасительного делания.

№ 18

Теперь ты можешь сказать с пророком Давидом: *Господь, наказуя наказа мя, смерти же не предаде мя*[1]. Многими скорбьми и смертьми подобает нам наследовать Царствие Небесное, да умертвится наш ветхий человек со страстьми и похотьми его и да соделается сердце способно к принятию Божественной благодати. Как видно из жития святых Отцов, подобным твоему искушению подвергаются те иноки, которые слабо противостоят брани самоволия и самосмышления, не исповедуя своих помышлений старцу и вверяясь бесу, показывающему ему в старце такие недостатки, коих в нем вовсе нет. Узнав причину попущенного тебе искушения, направь всевозможное усилие к устранению этой причины и восприми благое иго Христова смирения, которое является в послушании и откровении своих помышлений.

[1] *Строго наказал меня Господь, но смерти не предал меня* (Пс. 117. 18).

№ 19

Милость и суд воспою Господеви. Милость за помилование, суд за то, что наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя. — Благодари Господа и держи себя спокойнее. Господь

да простит тебе прошедшее и укрепит на будущее. Правило с поклонами дают здоровым, а не больным. Впрочем, если хочешь, клади утром, среди дня и вечером по 12-ти поклонов поясных с молитвою: Боже, очисти мя грешную. Потом твори 50 этих молитв каждый раз, после поклонов. Из больницы не выходи преждевременно.

№ 20

Сказал святый Иоанн Лествичник в 4-й степени: «Бес старается иногда осквернить послушников телесными сквернами, и соделывает их жестокосердыми, подучая их быть — сверх обыкновения — тревожными, иногда же соделывает какими-то сухими и бесплодными, ленивыми к молитве, сонливыми и помраченными, чтоб их отторгнуть от повиновения, как не получивших никакой пользы от этого подвига, но и ощутивших душевный ущерб. Он не попущает им уразуметь, что смотрительное (бывающее по Промыслу Божию) отъятие мнимых в нас благ весьма часто бывает причиною глубочайшего смиренномудрия».

Что бывает с монахами послушниками, то бывает и вообще с монахами, живущими ради Бога. Враг ратует против них различными бранями, чтоб привести в безнадежие и отторгнуть от монашеской жизни или ввергнуть в нерадение. В особенности тяжка наводимая им блудная брань и преткновения, близкие к падениям, как их называет преподобный Исаак Сирский. Но верный раб и воин Христов на этой брани и доказывает свою верность Христу и веру в Него: он пребывает твердым, хотя бы понес бесчисленные брани. Так поступай и ты. Говори врагу: «Я отдалась Богу и решаюсь великодушно перенести все мои падения, сколько бы их ни было и как бы долго они ни продолжались».

Бог да простит тебе прошедшее и да укрепит на будущее.

№ 21

Будь мирна; подвига как телесного, так и умственного, превышающего силы твои, отрицайся. Господь любит смирение, а безумной ревности к сверхсильным подвигам, каким бы то ни было, не приемлет, потому что в стремлении к сверхсильному подвигу — гордость и самомнение. Подвиг сверх силы, по учению святых Отцов, очень вреден и приносит или смущение, или самомнение, или то и другое попеременно, что и служит доказательством, что в сверхсильном подвиге нет истины, но он есть ложное состояние души.

Письменные опыты ваши очень хороши, но и этим трудом надо заниматься с умеренностию. Тебе не должно утомлять ни души, ни тела.

№ 22

Желаю, чтоб милость Божия покрыла тебя от всех искушений, наносимых врагом спасения нашего и собственными нашими страстями. Яко яда смертного хранись от ревности, от подозрений на Старицу и сестру. Искушение, тебя постигшее, должно показать тебе со всею ясностию, как бедственно вверяться наносимым от врага самосмышлениям и подозрениям, которых неправильность и злое происхождение познаются по производимому ими смущению.

№ 23

Очень сожалею о постигшей тебя скорби! Тебе известно, что скорбь надо потерпеть, в надежде на милосердие Божие и на помощь Божию. Возлагая все упование свое на Господа Бога, подвижник Христов должен и сам стараться о уничтожении причин скорби, если это зависит от него. Такое старание прилично и тебе. Искренне желаю тебе терпения и преуспеяния духовного. Если бы обстоятельства устроились так, чтоб мне не пришлось видеть тебя во время сей земной жизни[1], то память о тебе останется неизглажденною в душе моей, и я усердно желаю помогать тебе моим убогим советом о Господе, когда такой совет мой понадобится.

Милосердый Господь да простит тебе все согрешения твои и да укрепит тебя против искушения твоего.

13-е октября 1857 г.

[1] В том же 1857 г. 27 октября архимандрит Игнатий хиротонисан во епископа Кавказского и Черноморского и немедленно отправился в Ставрополь. Он действительно никогда более не свиделся с этою ученицею своею. — *Примеч. П. А. Брянчанинова.*

VI. К крайне болящей инокине

№ 1

Милосердый Господь учредил, при посредстве Святых Своих Апостолов и святых Отцов, Святителей и Учителей Церковных, различные душеспасительные подвиги, а между ими и пост святый, коим связывается и обуздывается плоть наша. По отно-

шению всех этих подвигов должно помнить, что они для человека, а не человек для них, как и Господь сказал: *Суббота бысть человека ради, а не человек ради субботы*[1]. Сие должно разуметь и о посте. Почему, находясь в крайней немощи и не имея нужды удручать тело, а напротив, имея нужду укреплять оное, нисколько не усомнитесь употреблять уху из рыбы во время нынешней Святой Четыредесятницы: ибо уха из рыбы менее даст крепости Вашему слабому телу, нежели сколько другому сильному хлеб и вода. Сердцеведец Господь, видящий немощь Вашу, не исключит Вас из числа постящихся. Так поступали многие великие угодники Божии и между прочими святый Епифаний Кипрский. Св<ятый> Исаак Сирский в 10-м слове говорит: «Да не смятеши и отсечеши житие твое, еже подобно есть веризе духовной и за вожделение прилога мала труда да не останешися и престанеши от всего течения твоего. Яждь умеренно, да не всегда яси. И да простерши ноги твоея выше силы, да не отнюдь празден будеши». Этот премудрый совет великого Наставника монашествующих вполне может быть приложен к Вам; потому что воздержанием, не соответствующим силам Вашим, вы можете привести себя окончательно в слабость, лишитесь церковной службы и обществу Вашему, которому теперь приносите некоторую услугу, будете служить обременением.

Просящий Ваших святых молитв и любви о Господе — недостойный архимандрит Игнатий.

[1] Мк. 2. 27.

1846 года. Март 2-го д<ня>.

№ 2

Препровождаю Вам краткую статью о молитве Иисусовой. По болезненности Вашей Вам должно подвизаться лежа или сидя на спокойном стуле. Молитву произносите *неспешно, со вниманием, заключая ум в слова молитвы, имея глаза на устах или закрывая их*. Полезно Вам почитывать краткие статьи о молитве, имеющиеся у С<естры> Г. Они Вам будут способствовать при этом делании, которое сначала кажется сухим, но впоследствии оказывается самым плодоносным. Бог дал молитву молящемуся, да дарует дар ее Вам, дабы отселе могли Вы частою молитвою встать на страшный суд Христов и испросить себе заблаговременно помилование.

Апр<ель> 23 1846 г.

№ 3

Несмотря на то, что Вы больны, Вы потрудились написать целое письмо к грешнику. Вы это сделали, движимые любовию христианскою. Бог утешает меня дружбою матушки Игумении и Вашею, ибо дружба рабов Божиих есть истинное утешение для души, странствующей в этом кратковременном и суетном мире, враждебном Богу. — Да даруются Вам силы свыше, от Отца Небесного, наказующего всех Им любимых, и биющего всех Им приемлемых. Я часто о Вас вспоминаю; извещает меня о Вас мое сердце. Вспоминаю Вас — и желаю, чтобы вы благополучно, о Господе, преплывали житейское море. Сколько в этом море подводных камней! Какими ветрами различными, действующими по различным направлениям, оно обуревается! И на нем еще, кроме опасностей, ему природных, — на нем еще привитают разбойники! Эти разбойники невидимы для телесных очей, а наветуют они и тело и душу; и тело и душу стараются увлечь в бездну греха и потопить в ней навеки! Увы, бедная душа человеческая! Как совершишь ты путь по морю житейскому? Как спасешься от волн, от ветров, от подводных камней, от разбойников, от плена, от смерти? — Не иначе как Христом. Он сотворит силу, Он вознесет мя, Он крепость моя и пение мое и будет мне во спасение. Мир вам!

Письма святителя Игнатия к игумении Вирсавии

№ 1

Преподобнейшая мать Вирсавия!

Простите меня за невнимательное прочтение письма Вашего, которое Вы писали ко мне в декабре. Я уничтожен болезненностию, а лечением, начавшимся с половины сентября, до конца уничтожен, — так это лечение расслабляет меня.

Приходящих к Вам за советом принимайте со страхом Божиим и, при каждом приходе их, моля Бога, чтоб Он давал Вам сказать ближнему слово полезное. Обращаясь с молитвою к Богу пред каждою беседою с ближним, Вы будете очищать Вашу беседу от тщеславия. Говорите с осторожностию, не вдаваясь в многословие. Пустых любопытных вопросов приходящим не делайте и от разговора о делах монастыря и всех делах мира сего старайтесь уклоняться. Если же увлечетесь и скажете что-либо

не по совести, т. е. с нарушением написанных здесь правил, то мысленно укорите себя и раскайтесь пред Богом. Таким образом приход ближних принесет Вам существенную пользу, открывая Вам Вашу немощь, которая без этого могла бы оставаться закрытою, что очень душе — вредно. Хотя Вы и недостаточны для преподавания советов, как недостаточен и я, но, по скудости нашего времени, мы должны делиться с ближним нашим скудным знанием. Если будете совершать это дело со смирением, не попуская действовать своему я, то и за это дело, как оно ни недостаточно, Божия милость осенит Вас.

Просящий Ваших святых молитв и призывающий на Вас благословение Божие

Недостойный Е<пископ> Игнатий.
17 февраля 1865 года.

№ 2

Преподобнейшая мать Вирсавия!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне и поздравление с праздниками, с которыми равномерно поздравляя Вас, усерднейше желаю Вам всех благ, какими Господу благоугодно ущедрить Вас. Тому, что Вам нечем похвалиться, кроме немощей Ваших, весьма радуюсь: это значит, что Вы приблизились к опытному познанию Искупителя.

Мое здоровье находится в обычном положении; случаются изменения к лучшему и худшему, которые в отношении к общему, никакого значения не имеют. Слава Богу, руководящему нас непостижимым Промыслом Своим. Вручая и себя и Вас этому всемогущему и всеблагому Промыслу, имею честь быть

Вашего преподобия покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
30 декабря 1865 года.

Милосердый Господь да благословит благое намерение Ваше и да благословит Вам исполнить его.

Недостойный Е<пископ> Игнатий.

№ 3

Преподобнейшая мать Вирсавия!

Примите мою усерднейшую признательность за воспоминание Ваше о мне и поздравление с Праздником Праздников, с которым

равномерно поздравлю Вас, желая Вам всех истинных благ и приветствую всерадостным приветствием: Христос Воскресе!

Ныне дух времени лежит громадною тяжестью на всем христианстве и монашестве: все стонут под бременем его. Замечают, что ныне стало поступать в монастыри из мира очень-очень мало благонамеренных, неиспорченных людей. Надо понимать время, и с особенною бдительностию заботиться о своем спасении, удаляясь по возможности от общения с людьми, чтоб избежать как заразы грехом ближнего, так и осуждения греха в ближнем.

Просящий Ваших святых молитв и призывающий на Вас благословение Божие

Недостойный Епископ Игнатий.
31 марта 1866 года

№ 4

Преподобнейшая мать Вирсавия!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне и поздравление с праздником и Новым Годом, с которыми взаимно поздравляя Вас, желаю Вам всех истинных благ.

Точно, как Вы говорите, преселение в вечность — близко для каждого из нас, и необходимо покаянием омывать наше прошедшее и покаянием же привлекать к себе милость Божию, чтоб в надежде и радости преселиться в вечность. Петр Александрович находится в настоящее время в С.-Петербурге, квартирует на Владимирской улице, в доме Лихачева, № 3, квартира № 38, в меблированных нумерах г-жи Артемьевой, — занимается наблюдением за печатанием двух остальных томов моих сочинений. Отпечатание кончится, вероятно, к февралю или в первых числах февраля. Покорнейше прошу принять от него экземпляр для Вашего келейного упражнения и поминать меня, грешного, в Ваших молитвах.

Вашего Преподобия покорный слуга

Е<пископ> Игнатий.
1 января 1867 года

№ 5

Преподобнейшая мать Вирсавия!

Письмо Ваше от 22 марта я получил 30-го и немедленно же отвечаю; но не знаю, скоро ли попадет мой ответ на почту, пото-

му что у нас открывается уже распутица, во время которой сообщение с городами прекращается.

К сделанному Вам предложению я мирен и полагаю, что это предложение устроилось по Промышлению Божию о Вас. Не отказывайтесь от него. Вологда — город мирный; там много благочестия. Это моя родина. В монастыре и в игуменских келлиях я был в 1832 году. Келлии каменные, удобные, двухэтажные. Воздух в городе мягкий, вода в реке здоровая, рыбы много и отличного достоинства.

Когда человек обновится покаянием, тогда грехи юности его не препятствуют ему заботиться о душах ближних. Так понимала Церковь издревле; и Святый Нифонт, епископ Кессарии Кипрской, по откровению Божию, принял на себя обязанности пастыря, хотя в юности и подвергался тяжким преткновениям. Житие его 23 декабря.

Просящий Ваших святых молитв и призывающий на Вас благословение Божие

Ваш покорнейший слуга

Епископ Игнатий.
30 марта 1867 года

Письма святителя Игнатия к некоему иноку Леониду, озаглавленные: «К брату, занимающемуся умною молитвою»

№ 1

Сердце мое говорит больше, нежели сколько может выразить слово. И странно! Едва сердце мое захочет начать беседу с тобою, как впадает в него ощущение молитвы, уносит меня в тот мрак, который служит закровом Богу, светом для разумных Его тварей. Несись туда и ты! Хорошо — забыть человека в Боге: потому что помнит его Бог. Хорошо — быть мертвым для человека в Боге: это — истинная жизнь, жизнь — Духом. Дух и мертвит и живит. Разумеющий да разумеет, а от недостойного да скроется слово духовное в неприступном для плотского ума свете своем.

Отсюда, из мрака или с неба — назови как хочешь, — смотрю на тебя. Утешаюсь тем, что ты захотел принести сосуд свой в служение Богу, — не на другое служение, временное, пустое, тленное. — Благословляю за это Бога, славословлю Его!

Взгляни: человек, отовсюду ограниченный человек, сколько придумал, сделал вещей для удовлетворения многоразличным

нуждам и прихотям своим! — Несравненно удивительнее Премудрость Всепремудрого и Всемогущего Бога в уготованных Ею бесчисленных, разнообразных сосудах разумных. Каждый сосуд — с отдельною, ему собственно принадлежащею способностию! Всякий сосуд — вместилище какого-нибудь особенного духовного дарования. Иной способен к служениям, совершаемым телом; иной — к делам милосердия; иной — к молитве и безмолвию; иной — со способностию созидать души словом Истины и Духа, другой — со способностию управлять людьми, устраивать их; иной — со способностию доставлять обществу человеков нужное для временного их существования — пищу, одежду, домы и тому подобное. Твой сосуд — для таинств Духа. Дух Божий — Свят, — почивает только в чистых, святых. Вычистись Истиною — не человеческою, глупою истиною, — Истиною Божественною, сошедшею к человекам с неба, хранимою для человеков во Святом Евангелии. Она говорит: *Научитесь от Мене яко кроток есмь и смирен сердцем и обрящете покой душам Вашим* (Мф. 11. 29). Этот покой — место Духа Святаго; *в мире*, — говорит Писание, — *место Его* (ср.: Пс. 131. 14).

Свойство Божественной Истины — очищать, освобождать. Сказал Господь: *Аще вы пребудете в словеси Моем, воистину ученицы Мои будете. И уразумеете Истину и Истина свободит вы* (Ин. 8. 31, 32). Он молился Отцу о учениках Своих: *Святи их* (т. е. запечатлей Духом Святым) *во Истину Твою: Слово Твое Истина есть* (Ин. 17. 17). А ученикам Своим сказал: *Уже вы чисти есте за слово, еже глаголах вам* (Ин. 15. 3). Посему желающий уразуметь Истину — быть очищенным, освобожденным Ею, должен изучать разумом и деянием Евангельские заповеди, хотя бы это и было сопряжено с насилием сердца, стяжавшего грехопадением Богопротивные наклонности и влечения. В заповедях — Истина; в заповедях — смирение; в заповедях — любовь; в заповедях — Дух Святый. Все это засвидетельствовано Писанием. *Вся заповеди Твоя Истина*, — воспевал Боговдохновенный Давид; *Имея заповеди Моя*, — сказал Господь, — *и соблюдаяй их, той есть любяй Мя* (Ин. 14. 21). *Будите в любви Моей. Аще заповеди Моя соблюдете пребудите в любви Моей* (Ин. 15. 10). *Глаголы яже Аз глаголах Дух суть и Живот суть* (Ин. 6. 63). К тому, кто исправлен, предочищен Истиною, приходит Дух Святый, как *Дух Истины*, неожиданно, непостижимо проникает в ум,

душу и тело, обновляет, возрождает человека в жизнь духовную. *Привлекох Дух, яко заповеди Твоя желах* (Пс. 118. 131). Евангельские заповеди да будут предметом твоего учения, размышления, деятельности всей жизни. *Иже будет во Мне и Аз в нем,* чрез соблюдение Евангельских заповедей, — сказал Господь, — *той сотворит плод мног*. Напротив того: *без Мене не можете творити ничесоже*, то есть никакой духовной добродетели. Добродетели же, свойственные всему падшему человеческому естеству, — как бы ничто, не имеют никакой цены пред Богом, подлежат огню геенскому. *Аще кто во Мне не пребудет* соблюдением Евангельских заповедей, *извержется вон, яко розга, и изсышет, и собирают ю, и во огнь ввергают, и сгарает* (Ин. 15. 6), несмотря ни на какие добродетели естества падшего.

В молитвах твоих погружайся весь в покаяние. Есть состояние обновленное — это знаешь; а находишься в состоянии ветхости! И потому пребывай в непрестанном сетовании, в печали спасительной. Отвергнись себя! *Не имей душу свою честну себе* по примеру святого Апостола. Оценивай себя только осуждением себя. Будь бескорыстен пред Богом. Никак не позволь себе ожидания благодати: это состояние и учение находящихся в самообольщении, отпавших от Истины. Стремись узреть грех твой и возрыдать о нем: это твое дело. А Бог сделает свое дело, потому что Он верен, дал обетование и исполнит его. Благодать — Его! Дать ее — Его дело. Не сочти свои ризы чистыми, достойными духовного брачного чертога, сколько б ты их не обмывал: судия твой — Бог.

Мне понравилось служение твое родителю твоему. Пусть причиною этого служения будет не союз крови, а заповедь Великого Бога, сказавшего: *Чти отца твоего и матерь твою и благо ти будет*. Повсюду замени плоть и кровь Христом. Он отделит тебя от земли и вознесет к Себе на небо.

Выписываю для тебя некоторые изречения святых Отцов:

«Брат вопросил великого Сисоя: Как мне спастись, как угодить Богу? — И отвечал ему Старец: Если хочешь угодить Богу, отступи от мира, отступи от земли, оставь тварь, приди ко Творцу, совокупись с Богом посредством молитвы и плача, и найдешь покой в этом и будущем веке».

«Сказал великий Варсонофий: Если оставишь попечение о всякой вещи, то это приблизит тебя ко граду. Если не будешь вменять себя в человеках — это вселит тебя во град. А если

умрешь от всякого человека — этим наследуешь град и его сокровища».

«Брат спросил авву Пимена: Что мне делать со страстями, смущающими меня? — Старец отвечал: будем плакать пред благостию Божиею, доколе Бог не сотворит с нами Своей милости».

«Другой брат спросил того же великого Пимена: Что мне делать с грехами? — Старец отвечал: хотящий очиститься от соделанных им грехов, плачем очищается от них и хотящий сохраниться от впадения в новые грехи, плачем сохраняется от них. Это путь покаяния, преданный нам Писанием и Отцами, которые говорили: плачьте, потому что другого пути кроме плача, нет».

«Великий Пимен говаривал: Начало зол — рассеянность».

«Он же говаривал: Если человек во всяком обстоятельстве будет обвинять себя самого, то везде устоит».

«Еще он говорил: Если будешь молчалив, то найдешь покой везде, где бы ты ни жил».

«Написал святый Иоанн Лествичник: Исходящий телом, но не исходящий словом — кроток, весь — дом любви».

«Он же написал: Затворяй дверь келлии для тела, дверь языка для разговора и внутреннюю дверь для духов лукавых».

Следующее заимствую из 41-го Слова святаго Исаака Сирского, сокращая: «Более всего возлюби молчание, потому что оно приблизит тебя к плоду. Слова недостаточны, чтоб поведать о нем. Сперва понудим себя молчать; тогда от молчания родится в нас нечто, которое будет наставлять нас молчанию. Да даст тебе Бог ощутить нечто, рождаемое от молчания. Если начнешь жить этим жительством, — не знаю, сколько свету воссияет тебе отсюду. Не подумай, что поведуемое молчание дивного Арсения было следствием его свойства естественного. Нет! Он сперва понуждал себя к молчанию. При этом жительстве рождается в нас множество слез и видение чудное. Велик человек, имеющий в душе обычай молчания. Молчание вспомоществует безмолвию. Нам, живущим между многими, невозможно избежать встреч с людьми; даже равно-Ангельный Арсений, возлюбивший более всех безмолвие, не возмог устранить от себя встречи. Невозможно не встречаться с сожительствующими нам Отцами и братиями — и нечаянно, и ходя в Церковь, и при других случаях. Видя это, достоблаженный муж приучил себя, наставляемый благодатию, ко всегдашнему молчанию».

В 20-м слове святый Исаак научает инока говорить, обращаясь к душе своей, так: «В безумии прожил ты жизнь твою, срамнейший человек, достойный всякого наказания. По крайней мере, сохранись в этот день, оставшийся от дней твоих, истраченных во тще, скудных делами благими, богатых делами злыми. Изшел ты из мира таинственно, вменился мертвым ради Христа; не оживай снова для мира и для всего того, что принадлежит миру, — и предварит тебя покой, ты будешь жив о Христе. Готовься и приуготовься ко всякому поношению, ко всякой досаде, поруганию и укоризне от всех. Прими все это с радостию, как точно достойный того. Претерпи с благодарением Богу всякую болезнь, скорбь и беду от бесов, которых волю ты совершал. Претерпи всякую нужду и горести естественные! Претерпи с упованием на Бога лишение телесных потребностей, долженствующих чрез краткое время превратиться в гной. Подклони выю всему этому в надежде на Бога, не ожидая ни от кого другого избавления или утешения, но возверзи на Господа попечение твое и во всех искушениях осуди себя самого, как причину их. Не соблазнись ничем, не укори никого из оскорбляющих тебя, потому что ты вкусил от запрещенного дерева и стяжал различные страсти. С радостию прими эти горькие врачевства: пусть они потрясут тебя немного — и ты впоследствии усладишься. Увы тебе! Увы твоему смрадному тщеславию! Душу твою, исполненную всяких грехов, ты оставил без внимания, как бы не подлежащую никакому осуждению, а занимался осуждением других, осуждая их и словами и помышлениями»...

«Феофил, Патриарх Александрийский, посетив безмолвников горы Нитрийской, спросил их авву, великого угодника Божия: Что нашел ты на пути иноческой жизни особенно важное? Духоносный Старец отвечал: то, чтоб во всем обвинять себя и непрестанно укорять себя».

Преподобный Пимен Великий называл самоукорение тою сваею (бревном, вбиваемым в землю), к которой привязывают ладию душевную во время бури.

Вот образцы и свидетельства подвигов, тебе свойственных, могущих принести душе твоей обильную пользу, доставить тебе прочное духовное воспитание. Не подумай, что для научения безмолвию необходим затвор или глубокая пустыня. Нет! Гораздо лучше научиться ему между людьми при посредстве душевного подвига. Самые падения, невидимые ближними, видимые и ведомые Богу и совести, падения ума и сердца, послужат

к пользе, соделывая тебя искусным в борьбе со грехом, открывая тебе всю немощь человека. Подвижник, воспитанный между людьми силою невидимого внутреннего подвига, бывает прочен, богат знанием и опытностию духовною, исполнен смиренномудрия, для ближнего — пристанище, сокровище. Он подобен древу, выросшему на открытом холме, подвергавшемуся ветрам порывистым и всем другим непогодам; такие древа глубоко пускают в землю корни, бывают особенно сочны, полны жизни и силы. Напротив того, питомец затвора и уединенной пустыни подобен цветку и древу, воспитанному и возлелеянному в оранжерее. Ему свойственна пагубная изнеженность: при малейшем ненастье он уже страдает; ненастье — немного посильнее — он умирает. Совершенное уединение, по правилам духовного закона, дозволяется только тем, на подвиг которых, как выражается святый Иоанн Лествичник, низошла благодатная роса Святого Духа. Для таких точно — полезно, нужно строгое уединение, чтоб при помощи его свободно предаться учению и водительству Духа, о чем говорить — ныне не время.

Мы еще не довольно знакомы... Говорю так, чтоб не сказать: ты еще мало знаешь меня. Поэтому нужно нам условиться. Если я и недостоин называться человеком, имея в себе много скотского и бесовского, то ты, по любви твоей ко мне, припиши мне достоинство человека, или, по крайней мере, достоинство разумной твари, хотя и запечатленной горестным грехопадением. Сын Божий называет Себя в Евангелии Сыном Человеческим. Бог, явившись между человеками, не принял на Себя никакого выдуманного падшими человеками титула — именует Себя наименованием, данным нам Богом, Который пред нашим сотворением совещался Сам в Себе таинственно: *Сотворим человека*. Сын Человеческий!.. Как мне нравится это наименование! Какое прекрасное наименование! Смиренное и возвышенное наименование! Как наставительно и утешительно звучит оно в ушах моих!.. Люди не захотели этого наименования, им понадобилось: Высокопреподобие, Высокоблагородие... Какая бессмыслица! И поведение их, подобно именам, сделалось бессмыслицей, карикатурой уродливой, в которой гордое — в соединении с глупым. На конверте, позволяю, пиши какую хочешь бессмыслицу; но в письме будь как человек с человеком, как сердце с сердцем, пред очами Всесвятого Бога. Пусть сердце твое беседует со мною просто, искренно; каждое слово твое пусть будет для истины.

А Бог! — Будет, как и есть, свидетелем бесед наших, которых причина и цель — Он и наше в Нем спасение.

Назначение этого письма — удовлетворение не общей — частной нужде — твоей нужде; оно написано под влиянием твоего душевного состояния. Это не универсальное лекарство, — частное, твое! Ты читай это письмо и перечитывай, переноси слова его с бумаги в сердце; ты пей из этой чаши здравие душевное; а другим она может принести только недуг, послужит поводом к пустым суждениям, пересудам, к зависти, к составлению ложных догадок и мнений. Скрой от всех письмо, строки, букву; пусть способные читать сердцем и умом прочитают его в твоем поведении и прославят Бога, хотящего, чтоб все человеки спаслись, пришли в познание Истины.

5 сентября 1847 г.

№ 2

Первое письмо твое от 7-го сентября я получил. Уже много было написано в ответ на него в письме моем от 5-го. И потому я положил себе: дождаться ответа и тогда на два твои письма отвечать вместе — что Бог вложит в мое недостойное сердце, у которого в распоряжении едва пишущая от слабости рука. Я постоянно болен и хил, в особенности по зимам; ныне же вдобавок принимаю лекарство, которое врачует боли, но ослабляет силы. Думал я написать некоторые подробности о духовном делании, тебе идущем. Останавливаюсь исполнить это до другого времени; спешу, получив второе твое письмо, способствовать сколько-нибудь, с Божиею помощию, к восстановлению в тебе нарушенного спокойствия душевного. И ты просишь меня поспешить ответом.

Иди скоро, — сказал Господь Моисею, внимавшему Его таинственным учениям в уединении, на вершине горы Синайской, в уединении мрака, произведенного нисшедшими на гору небесными облаками: *Сниди отсюду: беззаконноваша бо людие твои, ихже извел еси из земли Египетския: преступиша с пути скоро, егоже заповедал еси им: сотвориша себе тельца и поклонишася ему, и пожроша ему*[1]. Знай, что человек, когда находится вне состояния мира, находится в состоянии неправильном по отношению к закону Христову, в состоянии самообольщения и заблуждения, в кумирослужении.

Смотрю на кипящие в тебе волны — и нет от них никакой печали в моем сердце; они не устрашают моего сердца, не

приводят его в сомнение. Мое сердце спокойно, мало того: оно ощущает утешение духовное. От чего бы это было? — Мое сердце — чувствительно по природе; оно не может быть холодным и равнодушным. Скажу тебе, отчего: в нем действует с убедительностию извещение, что к тебе — милость Божия. Вышло такое определение о тебе от горнего Престола Царя Царей. Не устрашись бурь, не ослабей от них: они — признак добрый. Тебя скоро осенит помощь Божия; на весы твоего сердца положится тяжеловесное духовное сокровище, отчего противоположная чаша, чаша земных скорбей и утешений, сделается без весу. Поверь моему сердцу! Не знаю, стоит ли оно доверия, но уверяет так сильно, что я, оставя всякое соображение и умствование, пишу — что внушает мне, велит писать сердце. Вижу пристань духовную, приготовленную тебе Всеблагим Богом, тебя ожидающую. Но Он, Многомилостивый и Всепремудрый, попускает тебе сперва потрудиться в волнах, чтоб ты утомился, умучился в борьбе с ними — дал цену пристани. Человек не дает должной цены тому, что достается ему ценою слишком дешевою. Не была ли пристань — рай? — И этой пристани человек не дал цены, был недоволен ею — захотел большего, несбыточного!

Получив твое письмо, я прочитал его; спустя несколько часов прочитал еще раз и, когда сердце мое отделило шум слов и выражений от голоса души, взял перо, обмакиваю его, больше, кажется, в сердце, чем в чернила, — отвечаю тебе. Прости мою нескромность, которую позволяю себе для твоего ободрения: меня объемлет невыразимое духовное, просветительнейшее утешение, поглощающее в сладости своей мой ум, соделывающее вдохновенным мое сердце. Из среды этого утешения пишу к тебе!.. *И ныне, Израилю, послушай оправданий и судов, елика аз учу вас днесь делати, да поживете и умножитеся, и вшедше, наследите землю, юже Господь Бог Отец ваш даст вам в наследие* (Втор. 4. 1), — говорил Израилю его Законодатель — Боговидец.

Пишет к тебе искушенный волнами многими, бурями многими, многими пропастями и подводными камнями, — хотя и доселе неискусный, — искушаемый скорбями многими с того самого времени, как только себя помнит. Много я страдал! — страдал наиболее из-за своей пламенной крови, — из-за своей пламенной любви к ближнему, любви, соединенной, казалось мне, с чистым, полным самоотвержением, — из-за расположения

к справедливости, чести, — из-за своего плотского разума. И теперь должен смотреть и смотреть за своею кровию; без этого она как раз похитит у моего сердца святый мир, отнимет меня из водительства Святаго Духа, предаст водительству сатаны.

Знай: Бог управляет миром; у Него нет неправды. Но правда Его отличается от правды человеческой. Бог отверг правду человеческую, и она — грех, беззаконие, падение. Бог установил Свою Всесвятую правду, правду Креста, — Ею отверзает нам небо. Ему благоугодно, чтоб мы входили в Царство Небесное многими скорбями. Образ исполнения этой Правды Бог подал Собою: Он, вочеловечившись единою из покланяемых Ипостасей Своих, подчинил Себя всем разнородным уничижениям и оскорблениям. Святейшее Лице Его подверглось заушениям и заплеваниям; не отвратил Он от них лица Своего. Он вменился с беззаконными; в числе их, вместе с ними осужден на поносную, торговую казнь, предан ей; какими же людьми? — Гнуснейшими злодеями и лицемерами. — Все мы безответны пред этою всевысшею правдою; или должны ей последовать, или к нам отнесутся слова: *Иже не примет креста своего и в след Мене грядет, — несть Мене достоин... Иже несть со Мною, на Мя есть* (Мф. 10. 38; 12. 30).

Против правды Христовой, которая — Его Крест, вооружается правда испорченного естества нашего. Бунтуют против Креста плоть и кровь наши. Крест призывает плоть к распятию, требует пролития крови; а им надо сохраниться, усилиться, властвовать, наслаждаться. Путь к кресту — весь из бед, поношений, лишений; они не хотят идти по этому пути; они — горды, они хотят процветать, величаться. Понимаешь ли, что плоть и кровь — горды? — Всмотрись на украшенную плоть, на обильную кровь — как они напыщенны и надменны! — Не без причины заповеданы нам нищета и пост!

Не устрашись слов моих: они по наружности, с первого взгляда, — страшны, жестоки. Исполнишь спасительный совет мой — и обретешь мир, исцеление сердцу твоему. Твое расположение к N.[2] болезненное. Воню твоего сердца обонял я, бывши у вас в обители; потом при получении первого письма твоего; во втором же письме душа твоя сама сознает его: болезнует, мучится, мечется, стонет. Писал я тебе, свидетельствуясь деланием и учением святых Отцов, что желающий перейти из плотского состояния в духовное должен умереть для всех человеков. — Какая смерть без болезней! При свидании я тебе сказал: «Ты

должен быть один». Сердце твое, ум, сознали справедливость произнесенного; но услышала кровь твоя приговор смертный на нее — и ужаснулась. Я понимал это; не остановился, не останавливаюсь сказать истину, необходимую для твоего спасения и преуспеяния. Услышь, услышь голос грешника, слово грешника, голос и слово, избранные Богом в орудие твоего оживления в Духе, — и, хотя б то было с пролитием кровавого пота, исполни их. Мечем и луком твоим отними у Аммореев землю, отдай ее Сыну возлюбленному Отца, таинственному Иосифу — Христу. Так сделал прообразовательно святый Патриарх Иаков (Быт. 48. 22). Землею — называю твое сердце; Аммореями — кровь, плоть, злых духов, завладевших этою землею. У них надо отнять ее душевным подвигом, т. е. деланием умным и сердечным.

Как и чем исцелить твое болезненное расположение?

Ты веришь Спасителю? Ты веришь словам Его? Он сказал: *Вам и власи главнии вси изочтени суть*[3]; так бдителен, заботлив до мелочной подробности, Промысл о нас всеблагого Бога нашего! Бог, столько о нас заботящийся, имеющий на счету все волосы наши, — смотрит: первомученика Стефана побивают камнями, — и не препятствует убийству. Зрит: Апостолы умирают ежедневно, страдают непрестанно, оканчивают земное течение свое насильственною смертию. — Взирает: и тысячи, и тысячи тысяч мучеников претерпевают отсечение, строгание, ломание членов, продолжительное заключение в смрадных и душных темницах, убийственные работы в рудокопнях, сожигание на кострах, замерзание в озере, потопление в водах. — Он смотрит: иноки совершают невидимое мученичество в борьбе с плотию и кровию, с духами нечистыми, с людьми — любителями мира, с бесчисленными лишениями телесными и душевными. На все это Он, человеколюбец и Всемогущий, взирает. От всех скорбей Он мог бы избавить избранных Своих, но не делает этого — возвещает рабам Своим: *В терпении вашем стяжите души ваши* (Лк. 21. 19)... *Претерпевый до конца, той спасется* (Мф. 24. 13); *Кто ж поколеблется, о том не благоволит душа Моя* (Евр. 10. 38).

Просили сыны Зеведеевы у Господа престолов славы; Господь даровал им *чашу Свою*. Чаша Христова — дар Христов, подаваемый Им любимым Его, избранным Его. Чаша Христова — условие, залог вечного блаженства. Чаша Христова — страдания. Посему познается, говорит святый Исаак Сирский:

«Особенный Промысл Божий над человеком, когда этому человеку пошлются непрестанные скорби». В заключение употреблю слова святого апостола Петра: *Темже и страждущии по воле Божией, яко верну Зиждителю, да предадят души своя во благотворении*[4].

Основываясь на вышесказанном, утверждаю: N. под особым Промыслом Божиим; все совершающееся над ним — пред взорами Бога, по попущению Бога, его Создателя, Искупителя и Владыки... Неужели ты еще не увидел Бога в Промысле Его и управлении Его?.. Благоговейно отступи, ничтожная пылинка!.. Останови руку, дерзостно простирающуюся с рукою Божиею к образам правления судьбами человека! Остановись!.. Вытрезви твой ум, упоенный порывами, волнением крови: больное твое сердце представило тебе Бога покинувшим бразды, Ему Единому принадлежащие, — забывшим свое святейшее обещание...

Приступи же к врачеванию прокаженной и расслабленной, беснующейся души твоей. Опираясь на веру, на живую веру, ежедневно вставай — сперва по нескольку раз в день, раза по три и четыре, — в течение краткой минуты на колени, говоря Господу: «Господи! N., которого я думал так любить, думал так уважать, — называл, обманываясь, моим, — Твой, Твое создание, Твоя собственность. Он Твой — Всеблагого Творца и Владыки своего! Ты всеблаг: Хочешь устроить для него все благое. Ты всесилен: все можешь для него устроить, что не восхощешь. Ты всепремудр: путей Твоих духовных, судеб Твоих исследовать, постичь человеку невозможно... А я — кто? — Пылинка, горсть земли. Сегодня существующая, завтра исчезающая. Какую могу принести ему пользу? — Могу лишь более повредить ему и себе моими порывами, которые кровь, которые грех. Предаю его в Твою волю и власть! Он уже есть, всегда был в Твоей полной воле и власти; но этого доселе не видел слепотствующий ум мой. Возвращаю Тебе твое достояние, которое безумно похищал я у Тебя обольщавшим меня мнением моим и мечтанием. Исцели мое сердце, которое думало любить, но которое только больно, потому что любит вне Твоих святых заповедей, с нарушением святого мира, с нарушением любви к Тебе и ближним». — И врагов нам повелено любить; и нарушение любви к ним есть нарушение заповеди, нарушение любви к ближнему. Встав с колен, повторяй несколько раз неспешно: «Господи! Предаю его, себя, всё святой воле Твоей; буди во всем воля Твоя! — За все — слава Тебе!» Когда ты с людьми и увидишь, что приближается к

душе невидимое искушение, то повторяй мыслию вышесказанные слова. Когда видишь неустройство мира и вашего маленького мира — монастыря, повторяй слова: «Господи! Ты, Всесильный, все это видишь; да будет воля Твоя; да совершаются недомыслимые судьбы Твои. А я — кто, пылинка, — чтоб мне вмешиваться в Твое непостижимое управление!»

Сын Божий сказал о Себе: *Сын Человеческий предается в руце человеков* (Мф. 26. 46). Если Он, Всесвятый, предается в эти руки, — что странного, когда грешник предается в руки подобных ему грешников. Научимся говорить подобно распятому близ Христа грешнику: «Приемлю достойное по делом моим; помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

И N. должен также поступать относительно тебя — предавать тебя Богу, Его воле, Его Промыслу. Для духовного руководства он слаб — влечется твоею немощию. А в немощи твоей большая сила крови, красноречивой крови, восстающей против духовного закона: кто не ощутил в себе явного духовного действия, дарующего свободу, независимость, тому не выстоять против напора твоей крови. «Ты должен быть один». Из тебя сказал я это; сказал и повторяю. Те, которым будешь поверять твои брани, повредятся — и, может быть, неисцельно. Мой жребий был — постоянное одиночество; был и есть. Что делать? — претерпим тягость уединения. Увидев его, увидев сиротство наше на земле, — Дух Святый, в свое, известное Ему время, придет к нам. Тогда будешь не один и порадуешься тому, что был один. Умертвите взаимное пристрастие истинным смирением, которое предложено в вышенаписанных молитвах Боговидения. Не должно вам безвременно, по влечению нежного чувства, т. е. глупой крови, учащать друг к другу. Не будь нежен! Не позволяй себе разнеживаться! Будь истинный муж! В противном случае, чтоб не постыдили нас жены, не причислили нас к женам по причине нашей слабости! Так, некоторая преподобная инокиня сказала нерадивым, некрепким инокам: «Вы — жены!» Имею основание искать от тебя этого. Дай! — потому что можешь дать.

Когда придут тебе помыслы ревности и нежности к N., а ему к тебе, говорите сами себе: «Господи! Он Твой! А я что?» — когда же усилится брань — к себе в келлию и на колени! Подвизаясь так, вы ощутите по милости Божией исцеление от пристрастия друг ко другу, которым сердца Ваши лишены свободы; они в плену и от того в муке. Время ваше и здоровье теряются в пустых смущениях и бесплодных мучениях. Когда Бог дару-

ет вам исцеление от пристрастия и вы ощутите свободу и легкость, тогда познаете, что настоящее ваше состояние было «искушение», было состояние ложное, а не духовное, — и потому греховное, Богопротивное. Малости, незаметные в мирской жизни, в монастырской делаются уже не малостями, но весьма важными недостатками, могущими нанести неисцельный вред, — не только остановить — прекратить всякое духовное преуспеяние, сделать жительство в монастыре вполне бесплодным. В особенности это относится к монашествующим, которым на ниве Христовой досталась в удел для возделания — умная молитва и прочие сопряженные с нею подвиги внутренние.

Краткие слова вышенаписанных молитв и смиреннословия, — но которыми должно вращать чаще пред лицем души, чтоб не успели насесть на него разные насекомые и изъязвить его, — принадлежат к числу сильных и действительных орудий душевного невидимого подвига. Употребление этих и подобных орудий называется деланием, которым зиждутся стены Иерусалима душевного, — рассыпаются стены градов иноплеменников, построенные ими в сердце нашем. «Ты должен быть один!»... «Умри для человеков»... Да падут под острием меча Левитов, верных Богу, их родные братья и соседы, поклонники кумира. Помыслами и чувствованиями, служителями Бога, да истребятся из души помыслы и чувствования, служители греха. Родители их одни и те же: ум и сердце; потому они — братья. Они — ближние и соседы, потому что имеют вид близкий к добру и очень к ним привязано сердце. Когда, по повелению Моисея, сыны Левия препоясали каждый меч свой на бедре и прошли по всему стану Израильскому от врат до врат, убивая каждый ближнего своего и соседа своего, то сказал им Моисей: *Наполните руки ваши днесь Господу, кийждо в сыне своем и в брате своем, да дастся на вас благословение*[5]. И ты поступи так, — да дастся на тебя благословение. Если же не умрешь для людей, если будешь дозволять сердцу своему увлекаться, пленяться пустыми привязанностями, — всю жизнь твою будешь пресмыкаться по земле, не сподобишься ничего духовного: кости твои падут вне земли обетованной.

Не устрашись ни подвига, ни сражения, ни исполинов! Не пощади, как истинный Израильтянин, как истинный Левит, ни братьев, ни сынов, ни дщерей, ни соседей и ближних! Не тронься сожалением к крови, убивающей вечною смертию снисходительных к ней! — За меч, Леонид, за меч! — На бой, на бой

отчаянный! На бой упорный, постоянный, доколе не увенчает его решительная победа! «Лучше смерть в подвиге, — сказал святый Исаак, — нежели жизнь в падении». И что за жизнь — жизнь во грехе? Не стоит она названия жизни; назвало ее Писание смертию; она — начаток смерти вечной, может быть и смертию вечною, если не умертвится жизнию о Христе. Сколько дряхлых старцев, нежных дев, слабых детей остались победителями? Неужели ты позволишь двоедушию поколебать себя, выпустишь из рук победу и венец вечного торжества за цену мгновенного, мучительного колебания, которое обольстительно, насмешливо, ругательно силится представиться нам наслаждением, добродетелию. Не убойся твердынь греховного града: с постоянством *укрепи брань твою на град*, — говорит Писание, — *и раскопай и*[6]... Да увижу на тебе венец победы, венец Духа, венчающий сперва главу твою, а потом и сердце! Да истекут из них источники воды живой! Из этих источников да пьешь, во-первых, сам до сытости и пресыщения; да пьют от них, и насытятся, и возвеселятся, и восхвалят Господа все, которых привлечет к тебе жажда Слова Божия. Любовь духовная ближних да вознаградит тебя сторицею за умерщвление кровяной любви. До обновления же — будь один; до него соединение особенною любовию с кем-нибудь — говорю в духовном отношении — «блуд». После обновления является истинная любовь к ближним, святая, духовная; она вся в Боге; она — видение духовное. Стоит пролить кровь, когда за нее дается бессмертное сокровище — Дух. По принятии Духа человек увидит ясно: кровь — Богопротивная, смрадная мерзость. И потому говорит Писание: *Проклят возбраняяй мечу своему от крове*[7]. — Умри, умри! — И погребись... чтоб наследовать святое воскресение души Духом Божиим.

Как ты не должен сообщать другим своих браней и искушений душевных, так не должно выслушивать брани и искушения других. Частная тому причина — твоя сильная, горячая кровь. Ты передаешь сильно и воспринимаешь сильно. Оттого твоими возмущениями очень потрясаешь других и сам очень потрясаешься от сообщаемых другими скорбей их. — Вторая причина заключается в общем правиле для всех подвижников: брани душевной невозможно обнять, объяснить естественным разумом, потому что все естество наше — в падении. Для этого нужен разум духовный, т. е. явившийся в человеке от действия Духа. И потому только духовный способен выслушать брань ближне-

го и преподать ему спасительный совет; а держимый во мраке страстей еще не способен к этому. Умолкни, умолкни! Сперва надо умолчать, по совету святого Псалмопевца, о самых благах; тогда уже должно не возбранять устам своим, когда в поучении ума, т. е. в непрестанно рождающихся в уме мыслях, возгорится огнь Божественный.

Пишешь: «Бросить N. — это бросить в лице его Самого Христа, обнаженного, изъязвленного, привязанного к столбу темничному? Не бросит ли и Он меня тогда?» и проч. — Видишь, как красноречива кровь твоя! Кто не увлечется ею! Ты, как Цицерон, можешь выпросить милость у Цесаря самому ненавистному для него Аппию Милону, — как Демосфен можешь поднять всю Грецию на Филиппа!.. Пощади немощных! Не устремляй на них твоего слова сильного! Пощади и немощного, так живо чувствующего и выражающего страдания других, — живее, нежели они сами! — В твои прекрасные выражения облеклись — так называемые монашествующими святыми Отцами — «оправдания». Оправдание — личина добродетели, которою Ловитель душ наших прикрывает расставляемые им сети для ума и сердца нашего. О избавлении от оправданий мы молимся с коленопреклонением: «Не уклони сердце мое в словеса лукавствия непщевати вины о гресех». Говорил святый Пимен Великий о естественной, падшей воле нашей и о оправданиях: «Своя воля человеческая есть стена медная между им и Богом, камень противуударяющий. Если человек оставит свою волю, то и он скажет: о Бозе моем прейду стену, Бог мой, непорочен путь Его. Если же к воле присоединится оправдание, то погибает человек». Твоя «своя воля» — наклонность сердца к N.; оправдания помогают твоему пристрастию; мыслишь, говоришь, по-видимому, Божественно, а мучишься ужасно, — можешь, если не примешь мер, очень повредиться, повредиться неисцельно. За простоту и искренность твоего сердца Бог посылает тебе руку помощи!.. Понимаешь ли, что сердце у тебя самое простое? Ничего в нем нет сложного. Не годишься для мира: там нужны хитрые. Ты можешь быть хитрым и скрытным только тогда, когда молчишь. Приучись к молчанию: оно необходимо тебе и для духовного подвига, и для отстранения наружных, бесплодных скорбей. Твое сердце для Бога! Твое сердце для Духа Святаго: Он любит почивать в сердцах простых и незлобивых. Ты и незлобив; только тебя сбивает кровь твоя. Уйми ее смирением и молчанием. Смотри чаще на Христа: *Се Отрок Мой*, свидетельствует о Нем Отец: *Его же изволих,*

Возлюбленный Мой, Нань же благоволи душа Моя: положу Дух Мой на Нем и суд языком возвестит: не пречечет, ни возопиет, ниже услышит кто на распутиях гласа Его. Трости сокрушенны не преломит, и лена внемшася не угасит: дондеже изведет в победу суд. И на имя Его языцы уповати имут[8].

С помыслами никогда не должно рассуждать. Может враг представить много логического, неопровержимого, склонить наш ум к принятию лукавых, убийственных помыслов, замаскированных личиною добродетели и благочестия. Пробным камнем помыслов для тебя да будет твое сердце. Как бы ни благовиден был помысл, но если отнимает «мир» у сердца, тонко приводит к нарушению «любви с ближними» — он вражеский. Не спорь с ним, не рассуждай; а то уловит и заставит вкусить от запрещенного древа; вооружайся скорее против него, гони его прочь от себя оружиями духовными: «Славословием Бога», — «Благодарением Бога», — «Преданием себя Его воле», — «укорением и осуждением себя», — «молитвою». Превосходное оружие при сильной брани: прийти в свою келлию, повергнуться на минуту пред Богом с прошением Его помощи и преданием себя Его воле. При сильной брани это повторяется несколько раз в день — и очень помогает.

Наблюдал ли ты за умом твоим? Изучал ли — какое его свойство? — У тебя ум не аналитический, который все разбирает по частям, анатомирует и после этой работы выводит свое заключение. Большая часть умов человеческих имеют свойства анализа, и по этому свойству способны хитрить, ловко устроивать дела свои, строить козни. Твой ум без работы видит, обнимает предметы. Этот ум — для духовного видения. — Вот еще что заметь в нем: он с свободою, наслаждением может пасть в прах пред величием Божества; но чтоб смириться пред ближним, ему нужен труд над собою. Почему? — Потому что он по естеству своему имеет презрение ко всему подлому, пошлому, мелочному, — не способен к изгибам и изворотам. Видя эти недостатки в ближнем, он презирает ближнего вместе с его недостатками. Ум твой, наставленный Евангелием, тогда смирится пред каждым ближним, когда увидит в каждом ближнем Христа. Все, крестившиеся во Христа, облечены во Христа. Чем бы и как бы они ни оскверняли себя, риза Христова, до Суда Христова, — на них. Необходимо признать себя хуже всех человеков: этого требует святое смирение. Апостол не просто сказал, что он — первый из грешников; был убежден в этом. И нам надо убедить

себя: здесь предлежит работа и труд. Бог да дарует и мне и тебе совершить его. По причине ума твоего, по причине его отдельного устройства от большей части других умов, тебе придется понести, и вероятно, несешь уже, некоторые скорби. Редкий поймет ум твой. Видя его сметливость и бойкость, кто поймет, кто поверит, что он прост! Большая часть будут признавать тебя хитрым, с замыслами, подозревать тебя, придумывать на тебя и за тебя. Это неизбежно: аналитические умы не могут предположить даже существование ума без анализа, смотрящего просто и ясно. Видя силу ума, они приписывают ее высшей степени анализа — признают глубокую, утонченную, обдуманную хитрость в том, кто никогда не думает, глядит с проницательною простотою на все, подлежащее взорам человеческим... Извини ближних. Мы все немощны. Исполнение закона Христова и состоит в том, чтоб носить великодушно, любовно и смиренно тяготы друг друга.

Доволен я, что ты мало читал книг религиозных: лучше — скрижали неписанные, нежели исписанные бестолково. Неужели мне придется писать на твоих? Если так — пусть будут начертаны на них не мертвые слова человеческие, но живые — Духа. Видя твою доверенность ко мне, присваиваю себе право присылать тебе, по возможности моей, книги святых Отцов, какие сочту для тебя полезными. Это «мое», «свое» даю тебе: таково было мое поведение; я напитывал себя и доселе напитываю исключительно чтением святых Отцов Восточной Церкви, тщательно хранясь, по их же святому совету, от книг, содержащих в себе лжеучение, которое содержат в себе все книги, написанные вне спасительного лона Единой Истинной Церкви. Прими «мое», когда Бог возвестил тебе желать его. Не читай никаких инославных сочинителей: у них Дух Святый заменен кровию необузданною, пламенною; они могут завлечь в пропасть — и завлекают туда многих. Духа Святого нет у них; у них свой дух — мрачный, льстивый дух ереси темной и гордой. Упоминаемое тобою «действие», произведенное в тебе чтением описания — какое впечатление имели на Иоанна Богослова и Мироносиц отдаленные звуки молотов, ударявших в гвозди при распятии Спасителя, было «кровяное». Пойми: потрясены были нервы. Таковые действия отвергаются в духовном подвиге, называются «прелестными», т. е. происходящими от самообольщения и приводящими к нему, потому что они не от благодати Божией, а собственное состояние человеческое, свойственное

естеству нашему падшему, до которого дойдено напряжением воображения и чувствительности. Неопытные в духовной жизни приписывают такие состояния свои действию благодати; от сего является мнение о себе; усвоившееся мнение есть самообольщение или прелесть. Поэтому должно держать себя в состоянии ровности, тишины, спокойствия, нищеты духа, удаляясь тщательно от всех состояний, производимых разгорячением крови и нерв. Не ударяй себя ни в грудь, ни в голову для исторжения слез: такие слезы — от потрясения нервов, кровяные, не просвещающие ума, не смягчающие сердца. Ожидай с покорностию слезы от Бога. Какой-то святой, невидимый перст, — какой-то тончайший помысл смирения коснется сердца — и придет слеза тихая, слеза чистая, изменит душу, не изменит лица; от нее не покраснеют глаза — кроткое спокойствие прольется в выражение лица, соделает его Ангелоподобным.

Когда я дочитал в твоем письме до следующего: «Ни малейшего луча благодати или признака добра не нахожу в том, о ком так громко и много говорили люди... И ваше незлобивое сердце поверило молве и верно осудило в неправде мою раздражительность», — я от души рассмеялся... Мне нужен письменный твой ответ, чтоб мне оправдаться пред самим собою. Я не доверяю никому так мало, как самому себе; не страшусь никого более, как самого себя. Кто я, чтоб вести к Богу душу человеческую, созданную по образу и подобию Его? Моя душа заблудилась в пустыне, увязла в тимении. На заботы об ней нужно мне употребить краткое время моего земного странствования. Таков я пред моими очами... Христос с тобою.

12 октября 1847 г.

[1] *...Поспеши сойти; ибо развратился народ твой, который ты вывел из земли Египетской; скоро уклонились они от пути, который Я заповедал им: сделали себе литого тельца и поклонились ему, и принесли ему жертвы* (Исх. 32. 7–8).

[2] N. — старец инока Леонида.

[3] *У вас же и волосы на голове все сочтены* (Мф. 10. 30).

[4] *Итак, страждущие по воле Божией да предадут Ему, как верному Создателю, души свои, делая добро* (1 Пет. 4. 19).

[5] *...Сегодня посвятите руки ваши Господу, каждый в сыне своем и брате своем, да ниспошлет Он вам сегодня благословение* (Исх. 32. 29).

[6] *Усиль войну твою против города и разрушь его* (2 Цар. 11. 25).

[7] *...Проклят, кто удерживает меч Его от крови!* (Иер. 48. 10).

[8] *Се, Отрок Мой, Которого Я избрал, Возлюбленный Мой, Которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него, и возвестит народам*

суд; не воспрекословит, не возопиет, и никто не услышит на улицах голоса Его; трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит, доколе не доставит суду победы; и на имя Его будут уповать народы (Мф. 12. 18–21).

№ 3

Как ты думаешь? В чем недостаток, на который мог бы я особенно пожаловаться при неисходном из келлии уединении моем? — На недостаток времени. Болезненность и лечение пожирают у меня все время. Лежу, лежу, лежу в бездействии, в онемении: сильное лекарство вытягивает из жил и костей застаревшую простуду, как цирюльник выдавливает кровь из припущенной пьявицы. Если, Бог даст, поокрепну, — придут занятия, которые теперь терпеливо ждут меня, — начнут отнимать время. Если возвращусь в Петербург и Сергиеву Пустынь — там обрушатся на меня братия, друзья, знакомые, любопытные, дела монастыря и монастырей, — похитят все время. Подумал я: теперь, в свободные минуты, мало-помалу составлю для Леонида обещанное ему мною описание и объяснение некоторых иноческих деланий, — вместе дам ответы на некоторые статьи его писем.

Мы не сходимся с тобою в понятиях при некоторых употребляемых нами выражениях; под одним и тем же словом ты разумеешь одно, — я — другое. Например, под словом: «духовный, духовность» ты разумеешь то, что все ныне приняли разуметь, — таким разумением удаляешься от смысла, соединенного с этим словом в Священном Писании и писаниях святых Отцов. Ныне книга лишь о религиозном предмете — уже носит имя «духовной». Ныне — кто в рясе, тот — неоспоримо «духовный»; кто ведет себя воздержно и благоговейно, тот «духовный» в высшей степени! Не так научает нас Священное Писание, не так научают нас святые Отцы. Они говорят, что человек может быть в трех состояниях: в естественном, нижеестественном или чрезъестественном и вышеестественном. Эти состояния иначе называются: душевное, плотское, духовное. Еще иначе: пристрастное, страстное, бесстрастное. Нижеестественный, плотской, страстный есть служащий вполне временному миру, хотя бы он и не предавался грубым порокам. Естественный, душевный, пристрастный есть живущий для вечности, упражняющийся в добродетелях, борющийся со страстями, но еще не получивший свободы, не видящий ясно ни себя, ни ближних, а только гадательст-

вующий как слепец, ощупью. Вышеестественный, духовный, бесстрастный есть тот, кого осенил и обновил Дух Святый, кто, будучи исполнен Им, действует, говорит под влиянием Его, возносится превыше страстей, превыше естества своего. Такие — точно свет миру и соль земли, — видят себя, видят и ближних; а их увидеть может только подобный им духовный. *Духовный вся востязует, сам же ни от единаго востязуется*[1], — говорит Писание. Такие встречаются ныне крайне редко. В жизни моей я имел счастие встретить одного — и доныне странствующего на земли — старца, лет около 70, из крестьян, малограмотного, он жил во многих местах России, в Афонской горе, — говорил мне, что и он встретил только одного. Держись, как в этом случае, так и в других терминологии святых Отцов, которая будет соответствовать твоей жизни практической, которая часто не согласна с терминологией новейших теоретиков. Прости, что назову теоретиков — мертвыми! Пусть эти мертвые возятся со своими мертвецами, т.е. с теми, которые хотят слышать Слово Божие с целию насладиться красноречием, кровяными порывами, игрою ума, но не с тем, чтобы «творить Слово». — Последним нужно сказать: «С какою приятностию мы слушали, — провели время», а первым нужно, чтоб об них сказал мир: «Ах! Как они умно, прекрасно говорят». Не прельстись ни умом естественным, ни красноречием! Это все — прах! Этому красноречию и этому уму сказано: «Земля еси!» Впрочем, я понимаю, что ты, вкусивши жизни, не можешь удовлетвориться мертвым! Прекрасно сказал святой Симеон Новый Богослов: «Притворяющихся добродетельными и кожею овчею, по наружности являющих одно, другое же сущих по внутреннему человеку, всякия исполненных неправды, полных зависти и рвения и сластей злосмрадия, весьма многие яко бесстрастных и святых чтут, имея неочищенное душевное око, ниже могуще познати их от плодов их; во благоговении же и добродетели и простоте сердца пребывающих и святых сущих воистину, яко прочих от человек пренебрегают, и, презирающе их, претекают, и за ничтоже вменяют. — Глаголивого и тщеславного, учительным паче и духовным таковые быти вменяют. Духом Святым вещающего, высокомудренники и гордостию недугующие диаволею, яко высокомудра и горда отвращаются, от словес его ужасающеся, паче нежели умиляющеся. От чрева же и учений тонкословствующего, и противу спасения своего лгущего, вельма похваляют и приемлют»[2]. Равным образом только те книги в точном смысле могут быть названы

«духовными», которые написаны под влиянием Святого Духа. Не увлекайся общим потоком, но следуй по узкой стезе вслед за святыми Отцами. Ты полюбил мое: сообщаю тебе, как я старался вести себя.

Написал ты мне в письме твоем: «Бегай людей, и спасешься!» Был вещий глас к Арсению. — «Как же любящему безмолвие сносить тесноту общежития наравне с новоначальными и еще мятущимися охотно?» — Когда святый Арсений был в столице, при Дворе Царском, и молился Богу, при повстречавшемся ему искушении, не зная, что делать, то был ему глас: «Бегай человек, и спасешься!» — И тебе был этот глас, раздавался он в душе твоей, когда ты жил среди многокозненного мира; ты послушался, удалившись в уединенную обитель. Ты сделал это с простотою сердца, искренностию, простотою намерения, с малым предъуготовительным знанием монашеской жизни. Тебя повстречали неожиданные скорби и недоумения! Что до того? Бог любит тебя, хочет даровать тебе милость Свою, упремудрить тебя — так говорил святый инок — старец святому иноку — юноше, жаловавшемуся на скорби. — Бог послал скорби; Он пошлет и утешение. Когда святый Арсений был уже в монастыре, — опять молился Богу: «Господи! Научи меня, как мне спастись!» Ему дан был ответ уже полнее: «Арсений, бегай людей, молчи, безмолвствуй: это корни безгрешия». — И ты уже в обители услышал: «приучись к молчанию», которое очень много способствует безмолвию. Уже в обители ты услышал: «умри для людей», — то же, что и «бегай людей». Ты услышал: «научись безмолвию между людьми, при посредстве душевного подвига». Арсений Великий говаривал в наставление братии из своих опытов: «подвизайся, сколько у тебя сил, чтоб внутренним твоим деланием, которое ради Бога, было побеждено все внешнее». — Макарий Великий, основатель и главный наставник знаменитого подвижничеством Скита египетского, в котором жил и Арсений Великий, говаривал обыкновенно братии по окончании Божественной Литургии: «бегите, братия». Однажды старцы возразили ему: «куда нам бежать далее этой уединеннейшей пустыни?» Великий угодник Божий показал им перстом на уста и повторил: «бегите, братия!»

Умоляю тебя: дай цену, дай должный вес деланию Святых Отцов, которому они научились из Божественных откровений; дай цену деланию, которое соделает для тебя удобным спасение и преуспеяние; дай хотя ты цену деланию, — говорю с плачем

и слезами, — деланию, которое ныне отвергнуто монахами, попрано ими, погребено в глубокое забвение, в неизвестность, заменено — не знаю чем — какими-то играниями. *По Христе убо молим, яко Богу молящу нами, молим по Христе!*[3] — говорил Апостол. Увы! Ищу в себе самоотвержения и не обретаю его! Ищу человека, который бы решился отвергнуться волей своих и, обнаженный всякой воли, всецело захотел последовать Христу, исполнять Его волю, — и не встречаю такого человека! Тоскуют мои взоры между многолюдством, как бы в безлюдной пустыне, — не находят зрелища, на котором бы остановились с утешением!.. Все мы возлюбили свои пустые и глупые пожелания, возлюбили тленное, временное, плоть и кровь, в них живущую, — смерть вечную!.. Путь узкий — путь самоотвержения; тесно на пути широком своеугодия! Теснимся, торопимся, толкаем друг друга в преисполненную уже, в пресыщенную уже пропасть ада! — Есть и ныне подвижники — нет на них венцов победных, венцов Христовых. Венец Христов — Дух Святый. Духом Святым венчает Христос Своих воинов победителей. Ныне не нисходит Дух, потому что подвижники подвизаются незаконно. *Аще и подвизается кто,* — сказал Апостол, — *не венчается, аще не законно подвизатися будет*[4]. *Никтоже бо воин бывая,* — возвещает он, — *обязуется куплями житейскими да воеводе угоден будет*[5]. Все, что препятствует самоотвержению и вводит в сердце молву, — купля житейская. Гневно взирает на нее Бог — отвращается от воина, обязавшегося куплею житейскою! Потому святый Апостол убеждает ученика своего к истинному духовному подвигу. *Ты убо злопостражди яко добр воин Иисус Христов,* — говорит преподобный Исаак Сирский о подвижниках, не заботящихся об искоренении душевных страстей. Они ничего не пожнут. Как сеющие в тернии не могут ожидать никакого плода, так и те, которые потребляют себя злопомнением и привязанностями; они ничего не возмогут совершить — лишь тщетно стонут на ложах своих от бдения и прочих теснений. И свидетельствует о них Писание: *Мене день от дне ищут, и разумети пути Моя желают, яко людие правду сотворшии, и суда Бога своего не оставльшии; просят ныне у Мене суда праведна, и приближитися ко Господу желают, глаголюще: что яко постихомся, и не увидел еси? Смирихом души наша и не увидел еси? Во дни пощений ваших обретаете воли ваша* (Ис. 58. 2, 3), т. е. исполняете мысли ваши, приносите их, как всесожжения, идолам; вы признали как бы богами

лютые помышления ваши, вы приносите им в жертву самовластие ваше, честнейшее всех жертв, которое следовало бы вам освятить Мне благоделанием и чистою совестию» (Исаак Сирский. Слово 58). — Говорит святый Симеон: «Если кто преложит любовь к Жениху Христу в любовь к чему-нибудь другому, тайно или явно, и сердце его удержано будет этою любовию, тот делается ненавистным, мерзостным Жениху, недостойным соединения с Ним. Он сказал: *Аз любящих Мя люблю* (Добротолюбие. Ч. 1. Гл. 81).

Послушай, как древние иноки глубоко уважали делания святые, какую давали им бесценную цену! Мы, омраченные, неспособны даже понять этого, потому что не жили существенною, внимательною жизнию; жили как-то легко, ветрено, как бы шутя, как бы веря и не веря вечности, двоякому воздаянию в ней. «Некогда Великий угодник Божий старец Даниил пошел с учеником своим из Скита в обитель горней Фиваиды, где жил авва Аполлос. Отцы, услышав о пришествии его, вышли навстречу ему за семь поприщ от обители. Их было более пяти тысяч мужей, в числе которых пятьсот знаменоносных. Представилось чудное зрелище! Они все лежали ниц на песке, ожидая принять Старца, как бы Ангелы ожидали принять Христа. Одни из них постилали ему под ноги свои одежды, другие — клобуки свои, и источники слез лились из очей их. Пришел Отец Аполлос и, подходя к старцу, седмь крат падал ниц пред ним, поклоняясь ему. Потом они приветствовали друг друга с любовию. Братия начали умолять Старца, чтоб сподобил их услышать из уст его слово спасения. Старец не скоро начинал говорить с кем бы то ни было. Они сели на песке вне монастыря. Церковь не могла вмещать их всех. Отец Даниил велел написать ученику своему следующее: "Если желаете спастись — держите нестяжание и молчание: потому что в этих двух деланиях — все монашеское жительство". — Написал ученик сказанное ему старцем и отдал одному из братии, который прочитал это братиям Египтянам. Все пришли в умиление и начали плакать» (Патерик Скитский).

Какова была жизнь Старца, что он возмог всю жизнь монашескую сократить в два слова! — Двумя словами положить решительные границы для ума и сердца, определил делание спасения! — Какова была жизнь братий, как души их были богаты опытами внимания себе, рассматривания себя, что поняли всю глубину слова старцева и отвечали ему общим рыданием!

Нестяжание — то же, что и умерщвление ко всему, — содержит в свободе сердце от всего земного; а молчание, обратившееся в навык, дает ему всю свободу непрестанно глядеть в сердце. Вот живой образ истинного безмолвника, истинного инока, мертвеца для мира, таинственного священника и архиерея, приносящего Богу непрестанную жертву глубоких святых помышлений и чувствований и жертву превысшего их сердечного и умного молчания — этого таинственного, священного мрака, за которым непосредственно — Бог.

Послушай, что Господь сказал. Дай цену и вес словам Господа!.. Все для нас без цены и без весу!.. С ценою и весом только одни наши пожелания!.. *Подобно есть Царствие Небесное сокровищу сокровенну на селе, еже обрет человек скры: и от радости его идет, и вся елика имать, продает и купует село то*[6] (Мф. 13. 44). Что за сокровище? — Дух Святый, вводящий в душу Отца и Сына. — Какое село, на котором скрыто это сокровище? — Покаяние. — Как это село обретается? Живою верою. — Что значит радость? — Разжженная ревность к делу Божию, рождающаяся от живой веры. — Что знаменует: *скры?* — Молчание и безмолвие. — Что значит: *Вся елика имать продает и купует село?* — Нестяжание. Все, все надо продать: всякое пристрастие, всякую сердечную наклонность, чтоб купить покаяние. Иначе оно не продается. Если удержана безделица сердцем — не может сердце наследовать покаяния: эта безделица развлекает его. Скрыться надо молчанием, скрыться не только от людей — если можно, и от себя. Кто же это исполнит, того — село покаяния; кто приобрел это село — того сокровище — Всесвятая Троица. О! Когда бы Она призрела на нас, бедствующих в волнах невидимого моря, даровала бы нам, мне и тебе, самоотвержением наследовать страну покаяния, соделалась бы нашим сокровищем, богатством неизмеримым и неисчислимым.

Позволь мне сделать тебе предложение: согласись, чтоб за молчание, когда будешь мало-помалу вводить себя в навыкновение молчания, тебя сочли немного странным, сказали бы о твоей странности и то и другое. Согласись на это с великодушием: оно не будет противно воле Божией и уединит более твое сердце. *Аще кто мнится мудр быти в веце сем,* — заповедал Бог Своим Апостолам, — *буй да бывает яко да премудр будет*[7].

Пишешь: «Дома у меня нет уединения, в храме оно часто нарушается... соединению мыслей мешает беспокойный помысл:

за мною подглядывают». В Евангелии сказано: *Назираху да обрящут речь нань*[8]. За кем *«назираху»?* За Господом. Позволь, чтоб и за тобою назирали, примирись с этим. Не отказывайся от чаши Христовой, как в этом случае, так и во всех. Скажи себе: «С Христом так поступали, от чего же со мною не поступить так?» Земная наша жизнь коротка — точно обман: ее скорби, по самой — вещи, ничего не значат, имеют столько значения, сколько им даем его. Смирение принесет в твое сердце мир, молитву, безмолвие. Когда ты дома, думай, что ты с Ангелами; принося услугу, обращаясь с ними, говори мысленно: «Ангелы Божии! Примите служение от грешника». Сидишь ли за трапезой, за чаем, за рукоделием, говори себе: «Сподобляюсь быть с Ангелами Божиими». Любовь к ближнему в Боге приносит сердцу утешение от Бога, а это утешение уединяет человека в самом себе. Он любит ближнего и вместе мертв для него; сердце его погружается в безмолвие, которое — начало любви Божией.

Пишешь: «Не освобождаясь от тревожных ощущений сердца, и волнений ума и принуждая себя к мысленному занятию, я только чувствую сильную головную боль и нервное расстройство». Повторяю тебе, что все внешние волнения и тревоги должны быть побеждены внутренним деланием. Надо, чтобы с сердца началось обновление; сердце — корень. *Аще корень свят, то и ветви* (Рим. 11. 16). Этот образ подвига установлен Самим Спасителем. *Очисти прежде внутреннее сткляницы и блюда*, — сказал Он, — *да будет и внешнее их чисто* (Мф. 23. 26). Придет тревога — отвергни мысли, приносящие ее, уйми волнение крови, принимая за верное, что всякая мысль, приносящая тревогу, — богопротивная, и опять продолжай молитвенное занятие. Во всех подвигах, в особенности же в молитве, требуется постоянство и терпение. Нетерпеливость сбивает нежный цвет ее, как иней и ветры сбивают цвет плодовитых деревьев. *В молитвах терпите* (Кол. 4. 2), сказал Апостол; это отличительное свойство упражнения молитвою. Сначала — вводя ум в молитву, приучая к ней, не держи его долго в ней, чтоб он не утомился излишне, но зато почаще вводи его в молитвенное занятие. Ах! Требует понуждения это занятие! Не любит преступник — ум наш — темницы молитвенной; ему нужна безумная свобода; с насилием надо влечь его в темницу, в узы; без того не укротится, не возвратится к здравому смыслу беснующийся. В свое время, когда он укротится, сделается тих, как Ангел, выйдет ему навстречу сердце со всеми душевными силами,

как с чадами, со всеми телесными способностями, как с рабами, — и бывает мир дому тому, святый мир от Пресвятого Господа, праздник велий обновления и воскресения. Головная боль — обыкновенный первоначальный спутник глубокого внимания Слову Божию и молитве. *Живо слово Божие*, — говорит Апостол, — *и действенно и острейше паче всякого меча обоюду остра и проходящее даже до разделения души же и духа, членов и мозгов и судительно помышлением и мыслем сердечным* (Евр. 4. 12). Не только у тебя она болит, не только болела у меня; болела она у святых Отцов, — и они это поместили в своих писаниях. Говорит преподобный Григорий Синайский: «И рамены боля и главою многажды болезнуя, терпи та притрудне и рачительне, взыскую в сердце Господа». Бывает по временам от упражнения в молитве расслабление всего тела, пот, жар; все это у начинающих; у преуспевших молитва укрепляет, питает душу и тело. Но пот бывает и у них. Впрочем, тебе преподан самый легчайший способ внимания и молитвенного подвига, чуждый всякого трудного механического телесного упражнения, для которого необходима крепость здоровья. На мелочи, на все ощущения в теле обращай как можно меньше внимания, наблюдай, чтоб ум твой пребывал в покаянии и удалялся от развлечения. Надеюсь, что головные боли твои не будут долго продолжаться. И у меня продолжались не долго. После того как они прошли, молитвенное занятие сделалось как бы более свойственным уму и более легким для него. Ты не требуй от ума твоего, при молитве, превышающего силы его, например, нерушимой полной нерассеянности. Показывай мысленно немощь и ветхость твою Богу, говори: «Господи! Ты видишь всю ветхость мою!» — и, терпя, терпи великодушно немощь ума твоего. Не напрасно и не без цели сказано: *Терпя, потерпех Господа, — и внят ми, и услыша молитву мою: и возведе мя от рова страстей, и от брения тины, и постави на камени нозе мои, и исправи стопы моя. И вложи во уста моя песнь нову* (Пс. 39. 1–4).

Во втором письме пишешь: *«Изми мя, Господи, от человека лукава, от мужа неправедна избави мя, иже помыслиша неправду в сердце, весь день ополчаху брани. Изостриша язык свой яко змиин, яд аспидов под устнами их. Сохрани мя, Господи, из руки грешничи, от человек неправедных изми мя, иже помыслиша запяти стопы моя»*[9]. Как ты думаешь, кто человек лукавый, муж неправедный, грешник, весь день ополчающий брани,

с ядом аспида под устами? — Это диавол. Когда святый Давид проклинает врагов, или, правильнее, устами его Дух Святый, то в этих случаях надо всегда разуметь духов нечистых, врагов рода человеческого, отнявших у нас рай, хотящих отнять дарованное Богом искупление и спасение. В Писании диавол иногда называется человеком. Так Спаситель назвал посеявшего плевелы между пшеницею *врагом-человеком*. Книга Псалтирь — возвышеннейшая духовная книга. В ней глубоко и подробно описан внутренний подвиг воина Христова. Часто употреблены прообразовательные тени и иносказания, дающие книге таинственность и темноту (не без причины на ней завеса!). Не надо принимать ее буквально: буквальное разумение Писания убивает душу. Необходимо разумение духовное: оно оживотворяет, поставляет на стези правые, святые. Дух Божий, заповедуя устами Давида совершенную ненависть к невидимым врагам душевным, научающий нас прибегать молитвою к Богу о сокрушении и истреблении их, в то же время требует от нас любви ко врагам нашим — человекам, требует прощения нанесенных нам обид от наших ближних, требует этого с заклинанием: *Господи Боже мой,* — молится Псалмопевец, — *аще сотворих сие, аще есть неправда в руку моею, аще воздах воздающим ми зла: да отпаду убо от враг моих тощ, да поженет убо враг душу мою, и да постигнет, и поперет в землю живот мой, и славу мою в персть вселит*[10]. Здесь представлены две стороны, делающие зло: ближние, человеки, — и диаволы. Дух Святый научает нас, что мщением, воздаянием ближнему зла за зло, — словами то, или делами, или помыслами, — человек призывает на себя брань невидимого врага, побеждение, низложение им, потерю благодати. *«Слава»* — благодать Духа. «Молящийся за человеков, причиняющих обиды, — сказал преподобный Марк Подвижник, — сокрушает бесов; а препирающийся с первыми сокрушается от вторых». Все это ты испытал самым опытом, Итак, отвергни все оправдания, которые все неправильны. Потому что противоборствуют заповеди Божией; постарайся непременно стяжать любовь к врагам и, доколе не возможешь взять этой твердыни, *укрепи брань,* брань постоянную, повторяй приступы за приступами. То есть молись за тех, от которых терпишь напасти, и исполняй заповеданное Господом относительно врагов в конце пятой главы Евангелия Матфея — получишь непременно исцеление! В свое время начнет развеваться знамя победы, знамя Креста Христова, на стенах твоего Иерусалима. — Знай:

Божественное Писание, неправильно понимаемое и толкуемое, может погубить душу. Так сказал святый Апостол Петр о посланиях святого Апостола Павла, распространив это замечание и на прочие книги Священного Писания (2 Пет. 3. 16), что особенно должно отнести к Ветхому Завету, исполненному прообразований, теней. А потому и священной мрачности. Осторожно обходись с мечем обоюдоострым — Писанием. Святые Отцы советуют новоначальным инокам более, чем в чтении Священного Писания, упражняться в чтении деятельных Отеческих сочинений, в которых объяснены подробно иноческие подвиги и указан путь к правильному разумению Священного Писания. И ты последуй этому святому и спасительному совету Отцов. По той же причине новоначальным полезнее для молитвословий читать акафисты и каноны, нежели Псалтирь. Но превосходнее всего, когда ум достигнет до того, чтоб ему вполне удовлетворяться молитвою: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго».

Пишешь во втором письме: «Жажду, а не жду от себя ничего доброго, ниже совершенного чувства покаяния или смирения». Покаяние — дивная благодать Божия, бесценный дар Божий, совокупность всех деланий иноческих. Инок, воспитанный всеми частными деланиями, достигший значительной зрелости, оставляет многие оружия свои, облекается в одежду покаяния и в ней входит во внутреннюю душевную клеть свою. Когда он войдет туда и раздастся в ней благоухание священного кадила молитв сокрушенных и смиренных, тогда нисходит Дух к плачущей душе и благовествует ей мир от Бога. На все есть свое время. *Времена и лета положил Отец Небесный во власти Своей* (Деян. 1. 7). Ты не требуй от души своей излишнего; сиди при дверях покаяния с самоотвержением, как по всем отношениям вдовица, и тем доказывай, что истинно желаешь смирения, от которого — покаяние; Податель того и другого — один Бог.

В прошедшем письме написал я тебе, как бороться с помыслами и возмущениями. Опять повторяю: препояшься мечом, облекись во всеоружие. Не удостоивай врагов твоих не только беседы, ниже слова, ниже воззрения. Только что услышишь глас войны — вставай на сражение, возглашая твоим помышлениям и чувствованиям: *мужаемся и укрепимся о людех наших и о градех Бога нашего*[11]. Глас войны — нарушение мира сердечного. Едва мир сердца начнет нарушаться, колебаться, — знай: идут

иноплеменники. И вот тебе завет от Бога относительно поведения твоего с иноплеменниками: *Избиеши я, пагубою погубиши я; да не завещаеши к ним завета, ниже помилуеши их: ниже сватовства сотвориши с ними: дщери твоея не даси сыну его, и дщери его да не поймеши сыну твоему. Отвратит бо сына твоего от Мене и послужит бесом инем: и разгневается Господь гневом на вы, и потребит тя вскоре. Но сице да сотворите им: требища их разсыплете, и столпы их да сокрушите, и дубравы их да посечете, и ваяния богов их да сожжете огнем: яко люди святи ести Господеви Богу вашему и вас избра Господь Бог ваш*[12]. Сватовством и супружеством изображается здесь беседа с помыслами греховными, принятие, усвоение помыслов и ощущений греховных. Кумиры — предметы пристрастия, страсти, особенной привязанности; их должно сжечь огнем молитвы, огнем любви по Богу. Требища — своя воля, воля плоти и крови; столпы — оправдания; дубравы тенистые — плотской разум, которым заслоняется от нас Свет Божественный. Исполняли это повеление Божие истинные рабы Божии. Когда Давид завладел столицею Аммонитян, Раввафом, *взя*, — говорит Писание, — *венец Молхома царя их с главы его, талант злата вес его и от камения драга, и бе на главе Давидове, и корысть изнесе из града многу зело. И люди сущия в нем изведе, и положи на пилы и на трезубы железны и на секиры железны, и превождаше их сквозь пещь плинфяну. И тако сотвори всем градом Аммоним, и возвратися Давид и весь Израиль во Иерусалим*[13]. — Точно: славословие Бога, благодарение Богу за все случающееся скорбное, предание себя всецело воле Божией с отвержением своей воли, молитва за врагов, благословение врагов, как орудий промысла Божия, — и прочие святые делания: и пилы, и трезубы, и секиры, и пещь плинфяная для греховных помыслов и ощущений. Ум наш — таинственный Давид, царь и предводитель воинства Израильтян — помышлений и чувствований Богослужебных, когда возьмет град и грады иноплеменников, тогда возвращается во Иерусалим со всеми Израильтянами своими — в град мира (Иерусалим — значит «град мира»), откуда выводила его война с иноплеменниками. На главе его венец Молхома — разум деятельный, приобретенный им на брани с греховными начинаниями, — в ее подвигах, трудностях, несчастиях и торжествах; с ним — «корысть многа зело» — опыты драгоценные, могущие препитывать, поддерживать его на будущее время, поддерживать и препитывать советующихся с ним.

Талант весу в златом венце, приобретенном Давидом: тяжеловесен драгоценный разум деятельный; богатый опытностию, он не колеблется, не увлекается всяким являющимся уму помыслом, но с недоверчивостию рассматривает, испытывает его, хотя бы он и казался благим. Так Иисус Навин, военачальник Израильский, вопрошал представшего внезапно пред ним неизвестного витязя, хотя то был Ангел: *наш ли еси, или от сопостат наших*[14].

Конец слова, заключенного в пределах совета: если случится пасть, победиться, увлечься, обмануться, согрешить пред Богом, — не предавайся унынию, малодушию. Тот же прообразовательный Ветхий Завет говорит: *сице да речеши ко Иоаву* (вождю Израильтян), *да не будет зло пред очима твоима слово сие; яко овогда убо сице, овогда же инако поядает меч; укрепи брань*[15]. Будь снисходителен к себе, не засуждай себя. При побеждениях прибегай к Богу с раскаянием — и простится тебе побеждение твое; а ты снова за меч — и на сечу. — *Укрепи брань!* — Упорною, постоянную войною возьми град! — Господь пришел призвать грешников на покаяние, а не для праведников! — Ты уподобляешь себя слепцу Евангельскому, вопиющему вслед Спасителя и возбраняемому... *Возстани, дерзай*: Божественный Учитель *зовет тя... Вера твоя спасе тя* (Мк. 10. 49, 52).

[1] *Духовный судит о всем, а о нем судить никто не может* (1 Кор. 2. 15).

[2] 1-я часть Добротолюбия, гл. 70, 71 и 72.

[3] *Итак мы — посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим* (2 Кор. 5. 20).

[4] *Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться* (2 Тим. 2. 5).

[5] *Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику* (2 Тим. 2. 4).

[6] *Подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то* (Мф. 13. 44).

[7] *Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым* (1 Кор. 3. 18).

[8] *...Наблюдали... чтобы найти обвинение против Него* (Лк. 6. 7).

[9] *Избавь меня, Господи, от человека злого; сохрани меня от притеснителя: они злое мыслят в сердце, всякий день ополчаются на брань, изощряют язык свой, как змея; яд аспида под устами их. Соблюди меня, Господи, от рук нечестивого, сохрани меня от притеснителей, которые замыслили поколебать стопы мои* (Пс. 139. 2–5).

[10] *Господи, Боже мой! если я что сделал, если есть неправда в руках моих, если я платил злом тому, кто был со мною в мире, — я, который спасал*

даже того, кто без причины стал моим врагом, — то пусть враг преследует душу мою и настигнет, пусть втопчет в землю жизнь мою, и славу мою повергнет в прах (Пс. 7. 4–6).

[11] *Будь мужествен, и будем стоять твердо за народ наш и за города Бога нашего* (2 Цар. 10. 12).

[12] *поразишь их, тогда предай их заклятию, не вступай с ними в союз и не щади их; и не вступай с ними в родство: дочери твоей не отдавай за сына его, и дочери его не бери за сына твоего; ибо они отвратят сынов твоих от Меня, чтобы служить иным богам, и [тогда] воспламенится на вас гнев Господа, и Он скоро истребит тебя. Но поступите с ними так: жертвенники их разрушьте, столбы их сокрушите, и рощи их вырубите, и истуканов их сожгите огнем; ибо ты народ святый у Господа, Бога твоего: тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле* (Втор. 7. 2–6).

[13] *...Взял Давид венец царя их с головы его, — а в нем было золота талант и драгоценный камень, — и возложил его Давид на свою голову, и добычи из города вынес очень много. А народ, бывший в нем, он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими. И возвратился после того Давид и весь народ в Иерусалим* (2 Цар. 12. 30–31).

[14] *...Наш ли ты, или из неприятелей наших?* (Нав. 5. 13).

[15] *...Так скажи Иоаву: «пусть не смущает тебя это дело, ибо меч поядает иногда того, иногда сего; усиль войну»* (2 Цар. 11. 25).

№ 4

На слова письма твоего: «возьми меня, добрый пастырь, и причти к овцам твоего стада», ответ мой: «прими меня, ближний мой, в услужение тебе на пути твоем ко Христу».

Так отвечать научает меня святый Апостол Павел. Он написал Коринфянам: *не себе проповедаем, но Христа Иисуса Господа, себе же самех рабов вам Иисуса Господа ради* (2 Кор. 4. 5). Не себя проповедую! Нет!.. сохрани Боже!.. Пусть стою в стороне! Так стоять, извещается моему сердцу, приятно Ему. Довольно, если, указывая тебе на Мессию, сподоблюсь говорить: *Се Агнец Божий, вземляй грехи мира* (Ин. 1. 29), *вторый человек Адам. Господь с небесе* (1 Кор. 15. 47). *Облекохомся во образ перстнаго* рождением невольным по плоти, *облечемся во образ небеснаго,* уже неведомо во младенчестве, облеченные в этот образ крещением, разоблаченные жительством нерадивым, — облечемся снова покаянием и жительством по Евангельским заповедям. Исполним слова Господа, Который повелел ученикам Своим: *не нарицайте учителя, не зовите отца на земли, не нарицайте наставницы; вси же вы братия есте* (Мф. 23. 8–10). Соблюдем взаимную мертвость, говоря

друг о друге Богу: «Твое Тебе, — и да пребывает Твоим!» Люди, оживая безумно друг для друга, оживая душевною глупою привязанностию, умирают для Бога, а из пепла блаженной мертвости, которая — ради Бога, возникает, как златокрылый феникс, любовь духовная.

Истинное послушание — послушание Богу, единому Богу. Тот, кто не может один, сам собою, подчиниться этому послушанию, берет себе в помощники человека, которому послушание Богу более знакомо. А не могут — люди с сильными порывами, потому что порывы уносят их. Святый Иоанн Лествичник сказал: «Отцы определили, что псалмопение — оружие, молитва — стена, непорочная слеза — умывальница, а блаженное послушание — исповедничество, без которого никто из страстных не узрит Господа» (Степень 4). Если же руководитель начнет искать послушание себе, а не Богу, — недостоин он быть руководителем ближнего! Он не слуга Божий! Слуга диавола, его орудие, его сеть! *Не будите раби человеком* (1 Кор. 7. 23), — завещавает Апостол.

Пребывание твое с родителем твоим по плоти, служение ему, разумеется, должно остаться, как оно теперь есть. Заповедано инокам удаление от родителей, когда родители влекут в мир, отвлекают от Христа; но когда они содействуют нашим благим намерениям, когда они больны, беспомощны, нуждаются в руке нашей, тогда ли отнять эту руку? Тогда помощь и служение им причисляются к иноческим добродетелям, одобрены и похвалены святыми Отцами (преп. Кассиан Римлянин). Все духовное преуспеяние заключается в том, чтоб сердце, отрекшись переменчивых, бестолковых законов, правильнее, — беззакония своей воли, приняло законы Евангелия, всюду подчинялось им. Истинное послушание — в уме и сердце. Там и самоотвержение! Там и нож, о котором повелело Евангелие ученику своему: *да продаст ризу свою и купит нож*[1]. Риза — нежность, удовлетворение приятных чувств сердечных по плоти и крови.

Такое понятие о послушании, самоотвержении, духовном преуспеянии оставляет наружное поведение в полной свободе. Да благословит Бог пребывание твое всюду, где бы ты ни был, когда сохранишь цель Богоугождения. Да благословит Бог все входы твои и исходы, если входить и исходить будешь с этою целию! *Господня земля и исполнение ея*[2]*; на всяком месте владычествия Его*[3]*. Темже и тщимся, аще входяще, аще отходяще, благоугодни Ему бытии*[4]. Никакое место в глазах моих не

имеет особенной важности; а жизнь ради Бога на всяком месте бесценна.

Начну же говорить недосказанное в прежних письмах... Ты не совсем угадал, — что мною было недосказано!.. Приехав к вам в обитель, увидев тебя, я тотчас ощутил, что тут — не твое место; сердце мое было недовольно, что ты тут. Но сказать тебе это я был не вправе до сей минуты, когда ты дал мне право на откровенность, завоевав ее своим самоотвержением. Странник обязан приносить мир всюду, куда он ни входит, и оставлять мир. Нужно тебе место и настоятель, которые бы доставили, не намеренно, по договору, но по естественному общему ходу, свободу уму твоему идти по пути, который Бог благоволит указать ему. Бог да благословит твое намерение и да дарует привести его в исполнение к душевной твоей пользе и к успокоению страждущего родителя твоего. Только поступи основательно, спокойно, неторопливо, часто моля Бога привести тебя туда, куда Ему угодно. Уже ты испытал, каково кинуться в воду, не измерив наперед броду. И не позволь себе при твоем исшествии никаких поступков и слов, которыми было оскорблено, нарушено святое смирение. Молчание лучше лучших слов. Выдь, как непотребный и грешный от честных и святых. Тогда рука Божия будет с тобою, рука, которая ведет и поддерживает смиренных, — карает и сокрушает гордых. Желаю, чтобы всюду поведением твоим благовествовалось Евангелие! — Этого желаю непременно! Здесь являю власть ради Бога: окажи послушание ради Бога.

Думаю: при избрании нового места надо иметь тебе в виду, чтоб однажды в год или, по крайней мере, в два года можно было тебе иметь личное со мною свидание и беседу. Так делают некоторые иноки, по обстоятельствам живущие в других обителях, а по извещению сердечному руководствующиеся моими советами. Скудость в духовных сведениях, которую я увидел в обители вашей, поразила меня! Но где, в каком монастыре и не поражала она? Светские люди, заимствующие окормление духовное в Сергиевой Пустыни, имеют сведения несравненно большие и определительные, нежели эти жители монастырей. Это увидишь собственными очами. Живем в трудное время! «Оскуде преподобный от земли, умалишася правды от сынов человеческих!» Настал глад слова Божия! Ключи разумения у книжников и фарисеев! Сами не входят и возбраняют вход другим! Христианство и монашество при последнем их издыхании! Образ

благочестия кое-как, наиболее лицемерно, поддерживается; от силы благочестия отреклись, отверглись люди! Надо плакать и молчать.

Ничем наружным не связываю тебя. Делай, что признаешь за лучшее для своих обстоятельств: на всем, что ни предпримешь с благою целию, буди благословение Божие. У меня нет своего благословения: благословляю призыванием благословения Божия.

Для соображения нужно тебе иметь понятие о моих обстоятельствах. Я на них кивнул головой, махнул рукой! Да будет со мною как угодно Богу! Рассматривая состояние и потребности души моей, я признавал нужным мне безмолвие, глубокое безмолвие, вне всякой внешней земной должности, служа ближним служением слова. Прошлой зимой я думал видеть указание воли Божией к уединению в крайней болезненности моей и прочих обстоятельствах. С молитвою: «...не моя, но Твоя воля да будет» — подал я просьбу об увольнении меня моему начальству и письмо о том же Государю Императору. Сначала дело наклонялось к увольнению меня; но внезапно поворотилось иначе. Государь лично изъявил мне свое желание, чтоб я возвратился в Сергиеву Пустынь, — и полагаю, что должно туда возвратиться. Такое у меня сердечное чувство. Но ин суд человеческий, ин Божий.

Благодарю тебя за то, что ты остановился излить сожаление о болезни моей: этим угодил мне! Вижу, что из тебя будет толк! Не люблю жестокого сердца от грубости, от недостатка любви к ближнему; но не люблю и плотски чувствительного, тающего в нежностях... Знаешь ли, что нежность лукава?.. Я по природе с сильным чувствительным сердцем, как и ты; потому не охотник позволять сердцу моему расслабление нежностию. Евангелие научило меня, что сердце слабое неспособно к Христианским добродетелям, что нужно его скрепить верою, самоотвержением, сделать героем при посредстве внутренних борений и побед... Победы делают сердце героем!.. За победы нисходит в него святая вера, живая вера, сильная вера!.. Насади и воспитай в себе мертвость ко мне. Что бы неприятное ты ни услышал о мне, говори: «Однажды навсегда я отдал его Богу — и отдаю: да совершается над ним воля Божия».

В последней статье письма твоего говоришь: «О, если б я мог служить Вам в виде домашнего животного всяким родом службы, какой только доступен мне». — С приятною улыбкою на устах и в сердце отвечаю: кажется, твое желание исполнит Бог,

Он так и устроил, чтоб тебе быть в одном деле со мною... Не помню, с которого времени, — а очень, очень давно, — мне особенно нравились слова Апостолов: *Не угодно есть нам оставльшим слово Божие, служити трапезам... мы в молитве и служении Слова пребудем* (Деян. 6. 2, 4). Служение братии Словом Божиим!.. Какою восхитительною, насладительною картиною представлялось очам души моей это служение!.. «Ни один наш дар, — сказал святый Иоанн Лествичник, — столько не благоприятен Богу, как приношение Ему словесной души покаянием. Весь видимый мир не равночестен одной душе: он преходит, а она нетленна, и пребывает во веки». Что же? Бесконечно милосердый Бог подал мне в руки это служение! Не только подал мне в руки, но и извещает многим душам искать от меня этого служения! Теперь все время мое взято этим служением. Как утешительно перекликаются со мною многие души среди таинственной ночи мира сего с различных стран своих! — иная с одра болезни, другая из изгнания, иная с берегу Волхова, иная с берегу Двины, иная с поля Бородинского, иная из хижины, иная из Дворца Царского. Душа, где бы она ни была поставлена, если не убита нечувствием, везде ощущает нужду в Слове Божием, везде падение гнетет ее, давит. Произношу Слово Божие в беседах личных, пишу его в беседах заочных, — составляю некоторые книги, которые могли бы удовлетворить нуждам нынешнего христианства, служить при нынешнем голоде каким-нибудь утешением и наставлением. От служения Слову раздается в душе моей какой-то неизреченно радостный голос удостоверения в спасении... Твой жребий — принять участие в моем служении, и ту мзду Духа, которая будет выдана по несказанной милости Божией за это служение, разделить со мною. Удовлетворен ли ты?.. Несколько времени, — как стала мне приходить мысль: великопостная служба столько заключает в песнопениях своих глубокой поэзии, которою говорит душа, проникнутая святым покаянием, что могла бы быть составлена особенная книга великопостных вдохновений в поэтическом порядке, с поэтическим построением. Предметы этих песнопений именно те, которые душа твоя в настоящем ее устроении способна правильно, полно ощутить, потому удовлетворительно, определительно выразить. Но решение этого дела — до личного свидания. О нем надо много, основательно потолковать.

Пишешь, что тонкий помысл тебе внушает искать собственно «моего» учения. Вижу: такое твое призвание. По вере твоей

да будет тебе. И я тебе этого желаю: да дарует тебе Бог наследовать «верою» сокровище духовное.

Наконец — прими мое поздравление: приветствую тебя со вступлением в правильный род иноческой жизни, от которого получишь систематическое духовное воспитание. Такое воспитание — неоцененное благо, — доставляемое им устроение душевное далеко отстоит от устроения, хотя и похвального, но приобретаемого самоучкою, в жительстве самочинном. Осяжи сердце твое! Не раздается ли в нем чувство легкости, свободы, радости, извещения? Такие бывают ощущения в душе, когда она получит дар свыше. Ты получил его, принял рукою веры. Начинай, Израиль, наследовать землю обетованную! (Втор. 2. 31). Христос с тобою!

[1] *...Продай одежду свою и купи меч* (Лк. 22. 36).
[2] *Господня — земля и что наполняет ее* (Пс. 23. 1).
[3] *...Во всех местах владычества Его* (Пс. 102. 22).
[4] *И потому ревностно стараемся, водворяясь ли, выходя ли, быть Ему угодными* (2 Кор. 5. 9).

№ 5

Положив в недостойную мою руку, как руку освященную, твой ум и сердце для принесения их при посредстве этой руки, в жертву Богу; пожелав собственно «моего учения», чего уже и я тебе желаю, — ты приобрел право получить, а я вменяю себе в обязанность тебе доставить краткий отчет моей жизни, жизни ума и сердца. Взгляни на то, чему, не видев, уверовал, — чего, не видев и не знав, пожелал, водимый непостижимым чувством сердца, призванием! Присылаю думу, которую я назвал «плач мой», а написал прошедшею зимою, полагая, что указывается мне отшествие из Сергиевой Пустыни и даруется бесценное безмолвие... Может быть, дело и идет к тому!.. Вернее: плакать о грехах на уединенном берегу Волги, нежели предаваться молвам, скопившимся со всей России на берега Невы.

Получил от твоего Настоятеля тетрадь твоих стихотворений. Зачем мне прислали ее?.. Неужели я скажу на ветер, скажу кому-нибудь, кроме автора, кроме кого-либо могущего и нуждающегося понять делом, мое мнение о каком бы то ни было сочинении? Впрочем, я прочитал ее; увидел ни более ни менее как то же, что увидел при первом знакомстве с тобою, с твоею душою. Мое первое знакомство с твоею душою, в Петербурге, в Сергиевой Пустыне, в моем кабинете, когда я прочитал неко-

торые твои стихотворения. Первое впечатление, произведенное на меня твоею душою, остается неизменным, самым живым, — более объяснилось, утвердилось. Впечатление было верное, как верен ты. «Где этот человечек? (такое имя дало тебе мое впечатление) Он непременно житель или будет жителем святой обители!» В душе его услышал я глубокое истинное призвание к Богу. Это призвание отдалось чем-то знакомым. Приезжаю к вам в обитель; неожиданно называют, указывают мне тебя — гляжу: «Да это тот самый человечек!»... Я глядел на душу; для лица и для всего вещественного я — точно без глаз. Черты физиономий как раз забываю; черты души, и самые тонкие, остаются запечатленными в памяти.

Увидишь из прилагаемой статьи, что твое давнее призвание (так устроил нас Создатель — Бог!) — последовать и наследовать мне, тому моему, что не мое собственно — усвоилось мне по великой милости Господа, хотя я и вполне недостоин такой милости. Мне нравятся те твои сочинения, которые вижу в утешающей меня дали твоего будущего. Я угадываю твои будущие сочинения по настоящим: душа, как выказывающаяся при ее собственном свете и вдохновении, от которых еще несет плотским разумом и чувством, удовлетворит меня, когда по очищении от этого сору и смраду будет высказываться при вдохновении и свете Христовом.

Хорошо сделал — так и впредь делай, — что описал мне ясно происшедшее в тебе действие при прочтении «немилостивых слов». Точно: это было нервное состояние (ты уже смекнул!), это было чувство плоти, увидевшей, что ей приготовляется распятие; это действие плотского разума, когда этот разум видит предстоящую ему смерть на кресте веры.

№ 6

2 декабря получил я письмо твое: а на 30 ноября видел тебя во сне. И вот — какой был сон мой: вижу — в руках моих какая-то вновь изданная книга, похожая форматом на посланную тебе мною «Стихотворения святителя Григория Богослова»; только печать ее покрупнее, — как бы печать брошюрки «Валаамский монастырь». Холодно, без внимания перебираю листы книги, останавливаюсь на какой-то статье, узнаю: это твои новые сочинения, существующие в моем предчувствии! Много тут мыслей, целых тирад из нашей переписки. С сердечным интересом и утешением начинаю рассматривать, читать книгу: в ней все мне так

нравится! Вдруг предо мною картинка, премиленькая, пречистенькая картинка, как бы живая, — с движением! Смотрю: ваш монастырь; пред ним тихое, покойное, уединенное поле. По полю идешь ты в послушническом подряснике, с шапочкой на голове. Навстречу тебе, от монастыря едет на коне Божия Матерь, подобно тому, как Господь, Сын Ее, въезжал в Иерусалим на жребяти осли. Поравнявшись с тобою, Она остановилась, благосклонно обратилась к тебе, благословила тебя, говорит так милостиво, свято, мирно: «Ты будешь жить в <...>; тебе здесь не утешиться». При этом разлилась в сердце моем необыкновенная приятность; от сильного ея действия я проснулся, — и чувствую: та же приятность, которую ощущал я во сне, сладит душу мою наяву. Где тебе жить, ускользнуло от слуха моего... в вере! Но что ты под кровом и попечением Божией Матери, меня несказанно радует. «Благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя моя имя святое Его».

В этом сне мне все — по мысли. Сущность его: слова кротчайшие и милостивейшие Богоматери. Ими не осужден монастырь, не осужден и ты — все покрыто Божественным снисхождением. Чудно и мудро ускользнуло от слуха название места, определенного тебе в жительство. Этим умолчанием остается сердце в свободе. Весь сон — только утешает.

Милость Божия посетила тебя в день приобщения Святых Христовых Таин. Это было истинное утешение, утешение начальное, объемлющее поверхность ума; дальнейшие утешения, которые тебя ожидают по благости Божией, будут гораздо глубже. Понял ли ты, как оно уняло кровь, какое расстояние между им и кровяным восторгом, которым жалко тешат себя самообольщенные? Вкушение утешения начнет мало-помалу просвещать ум твой познанием Божественным. От вкушения — просвещение и разум духовный. *Вкусите и видите, яко благ Господь*[1], — говорит Писание. Ты хранишь мою тайну — и храни ее: этим дашь свободу моему сердцу быть откровенным с тобою, вполне свободным; с другими открывается соразмерно им. Родство по плоти не имеет никаких прав на связи и отношения духовные, — разве сделается этого достойным, породнившись о Господе духом. Оставляй меня таким, каким мне велит быть сердце мое. В откровенности моей пред тобою нет ничего премудрого и разумного, одно, дерзаю сказать — невинное, утешительное в Боге. С этою откровенностию говорю следующее: хотя я весь погружен в страстях, но молил Бога, признавая эту молитву сообразною воле

Божией: «Господи! даруй Леониду ощутить духовное утешение, чтоб вера его соделалась верою живою, верою от извещения сердечного, не от одного слуха». Как и ты — я слаб на язык; непрестанно падаю им, хотя непрестанно более и более убеждаюсь в достоинстве молчания. По этой слабости недели две тому назад повторил Стефану: «слышу сердцем моим, как в Леониде действует утешение». Получив письмо твое, я показал ему те твои строки, в которых написано об утешении, чтоб он и этот случай приложил к прочим своим опытам, полезным для души его. Храни утешение и не позволяй уму твоему вдаваться в мечтания. Утешение сперва действует на ум, обновляя мысли; а он, почувствовав оживление, охотно вдается по неопытности своей в мечтательность, — и в ней бесплодно и безрассудно истощает дарованную ему сладость. Сказывает ли тебе это сердце твое? Ведь — оно говорит, только мы не вдруг навыкаем расслушивать голос его. При утешении вдавайся более в благодарение, в молитву и самоукорение: утешение будет возрастать и возрастать. Я желал для тебя, чтоб ты был причастником блаженной трапезы утешения духовного: вкусивший ее соделывается мертвым для мира, стяжевает особенную силу к совершению пути духовного. Так святый пророк Илия, по вкушении пищи, принесенной ему Ангелом Господним, *иде в крепости яди тоя четыредесять дней, и четыредесять нощей до горы Божия Хорив*[2], там сподобился сперва явственнейшей беседы с Господом, а потом и совершеннейшего Боговидения *во гласе хлада тонка*[3]. Эти утешения — таинственная манна, названная в Писании *хлебом небесным* (Пс. 77. 24), препитывающая новых Израильтян — христиан — во время путешествия их по пустыне — во время странствования земного. Эти утешения — *манна сокровенная* (Апок. 2. 17) Апокалипсиса, о которой сказал явившийся Иоанну Богослову Сын Божий: *Побеждающему дам ясти от манны сокровенныя*[4]. Она — точно «сокровенная»: незрима человеками; ее видит подающий Бог — видит невидимо, видит ощущением приемлющий раб Божий. Таковой раб Божий, пребывая во множестве людей, пребывает один с единым Богом, видимый и невидимый, знаемый и никому не ведомый. Теперь скажи: хорошо ли быть одним? Теперь скажи: каков тот приговор, которым я на тебя грянул: «Ты должен быть один»? Приговор смерти и жизни! Только минуты перехода трудны; когда не вкусишь жизнь — смерть ни-по-чем! Так ли герои!.. Трапеза духовного утешения — как пища и вместе как отрава! Кто

вкусит ее — теряет живое чувство ко всему вожделенному мирскому. Все многоуважаемое миром начинает казаться ему пустою, отвратительною пылью, смрадною мертвечиною.

Очень приятно мне, что спутником твоим приходится быть N. — Расположение к тебе этого старца — дар Божий. Дары Божии надо содержать в чистоте. Пойми: Христос-Законоположитель любви — заповедал отречение не от любви, а от пристрастия, этого недуга, искажения любви. Имей любовь ко всем, в особенности к рабам Божиим; а пристрастие врачуй, ограждайся от него отречением от твари — от меня и от всякой другой — преданием твари Творцу. Не усвояй себе тварь; не усвояй себя твари; приноси свою свободу в жертву единому Богу. При таком самоотвержении и отречении от всего, или во всем от самости, возможешь иметь духовную любовь ко всякому ближнему, возможешь иметь много и многих — Богом в Боге, — и вместе пребывать в нестяжании и бесстрастии, в священном безмолвии и уединении о Господе.

В молитвенном подвиге будь свободен. Поступай, как привык поступать; вкушай то, что тебе по вкусу, что тебя питает, удовлетворяет. Не гоняйся за количеством молитвословий, а за качеством их, т. е. чтоб они произносимы были со вниманием и страхом Божиим. Дальнейшее покажут время и состояние души твоей... Леонид! Ты счастливее меня! Завидую тебе! Когда я поступил в монастырь, — ни от кого не слыхал ничего основательного, определительного. Бьюсь двадцать лет, как рыба об лед! Теперь вижу несколько делание иноческое; но со всех сторон меня удерживают, не впускают в него... Живем в ужасное время: в преддвериях развязки всему.

Прочитай книгу «Цветник». Там много сказано о телесных подвигах; в них явлено самоотвержение, что вполне справедливо, истинно. Книга эта для преуспевших уже иноков; это увидишь, это говорит и сам писатель. Всякая книга, хотя бы исполненная благодати Духа, но написанная на бумаге, а не на живых скрижалях, имеет много мертвости: не применяется к читающему ее человеку! Потому-то живая книга — бесценна! Тебе надо умеренною наружною жизнию сохранить тело в ровности и здравии, а самоотвержение явить в отвержении всех помышлений и ощущений, противных Евангелию. Нарушение ровности нарушит весь порядок и всю однообразность в занятиях, которые необходимы для подвижника. «Плоть и кровь» не в плоти и крови собственно, а в плотском мудровании. Оно поставляет душу

под влияние, власть плоти и крови, а плоть и кровь под полную власть и управление греха. И тела святых имели плоть и кровь, но свергшие ярем греха мудрованием духовным, вступившие под управление и влияние Святаго Духа. Иные так устроены Создателем, что должны суровым постом и прочими подвигами остановить действие своих сильных плоти и крови, тем дать возможность душе действовать. Другие вовсе не способны к телесным подвигам: все должны выработать умом; у них душа, сама по себе, без всякого предуготовления, находится в непрестанной деятельности. Ей следует только взяться за оружия духовные. Бог является человеку в чистоте мысленной, достиг ли ее человек подвигом телесным и душевным или одним душевным. Душевный подвиг может и один, без телесного, совершить очищение; телесный же, если не перейдет в душевный, — совершенно бесплоден, более вреден, чем полезен: удовлетворяя человека, не допускает его смириться, напротив того, приводит в высокое мнение о себе, как о подвижнике, не подобном прочим немощным человекам. Впрочем, подвиг телесный, совершаемый с истинным духовным рассуждением, необходим для всех одаренных здоровым и сильным телосложением, с него начинать — общее правило иноческое. Большая часть тружеников Христовых, уже по долговременном упражнении и укоснении в нем, начинают понимать умственный подвиг, который непременно должен увенчать и подвизающегося телесно, без чего телесный подвижник — как древо без плодов, с одними листьями. Мне и тебе нужен другой путь: относительно тела — нам надобно хранить и хранить благоразумную ровность, не изнурять сил телесных, которые недостаточны для несения общих подвигов иночества. Все внимание наше должно быть обращено на ум и сердце: ум и сердце должны быть выправлены по Евангелию. Если же будем изнурять телесные силы по пустой, кровяной ревности к телесным подвигам, то ум ослабеет в брани с духами воздушными, миродержителями тьмы века сего, поднебесными, падшими силами, ангелами, сверженными с неба. Ум должен будет ради немощи тела оставить многие, сильные, существенно необходимые ему оружия — и потерпеть безмерный ущерб. Говорю тебе испытанное на самом деле, познанное из горьких опытов. Когда я был юношею — все это говорило мне сердце мое, — не так ясно, не определительно, — но говорило. Другого голоса, другого свидетеля, который бы подтвердил, объяснил свидетельство сердца, — не было. И не устоял, не поддержанный никем, глагол моего сердца

пред умом моим! Не умел я слушать моего сердца! Страшным, опасным казалось мне слушать его! Тонок, таинствен его голос!.. Старцы, общею молвою прославленные, как одаренные духовным рассуждением, говорили другое, издавали другое мнение об этих предметах, не так, как я понимал и видел их. Всегда я себе не верил: мысль слабая, увертка ума в другом казались мне предпочтительнее моей мысли, прямой и сильной. Много времени протекло в таком состоянии; не много лет, как я отказался, освобожден от последования мнениям других — встречаю приходящее к уму моему мнение человека и книги не как страннолюбец гостеприимный и приветливый, но как строгий судия, как привратник, хранитель чертога, облеченный в этот сан милостию Всемилостивого Бога моего, после бесчисленных, смертных, долговременных язв и страданий. В этом сане привратника стою — у врат души твоей. Мое — твое. Мне данное туне после лютых ударов ты взял туне верою. Христос — подающий. Ему — Единому слава! Аминь.

4 декабря 1847 г.

[1] Пс. 33. 9.
[2] ...*Поел... шел сорок дней и сорок ночей до горы Божией Хорива* (3 Цар. 19. 8).
[3] ...*Веяние тихого ветра...* (3 Цар. 19. 12).
[4] ...*Побеждающему дам вкушать сокровенную манну* (Апок. 2. 17).

№ 7*

Призываю на тебя и на начинания твои благословение Божие! Да содействует тебе милость и помощь Божия!

Удивляюсь простоте твоего сердца и утешаюсь ею! Повторно сказанное в 4-м письме моем: «Ничем наружным не связываю тебя. Делай, что признаешь за лучшее для своих обстоятельств: на всем, что ни предпримешь с благою целию, — буди благословение Божие». Разумеется: сюда принадлежат отношения твои к ближним, а в числе их к отцу N. Дело, принадлежащее собственно мне с тобой, — наблюдать, чтоб шествие твоего ума и сердца было по пути святых евангельских заповедей, чтоб по этому пути ты взошел в разум Истины, в видение духовное. В стране видения — неизреченная, чудная простота заставлена, заслонена миродержителями от человека, подчинившегося им грехопадением — бесчисленными обольстительными лжеобра-

* Письма № 7, 8, 9 — ОР РНБ. Ф. 1927. № 288; опубликованы впервые в ПСТ. Т. 7.

зами Истины. И здесь-то я особенно нужен к услужению тебе по милости и избранию Божию, предопределившим тебе опытное познание этих предметов во славу Бога, для пользы многих человеков. Если бы не было этого предопределения, я был бы тебе нужен и полезен несравненно меньше, ты удовлетворялся бы очень немногим, к убогому слову моему не имел бы такого извещения, от всея души этой несытой жажды. Попущено встать против тебя таким иноплеменникам, которые иначе не могут быть низложены, как видением. К этому же видению направлены все твои естественные свойства. Бог даст: все это узнаешь и ясно увидишь. Человечек! Твое назначение — не себе принадлежать, а ближним! Потрудись доставить им стяжание чистое, святое!

Получив твое письмо от 25–29 ноября, я не поторопился отвечать на него: ответ на вопрос, всего более тебя занимающий, мною уже дан в посланном к тебе последнем письме. А я в то время лежал и лежал: лекарство целит меня, но по временам крутит, лишая сил и способностей ко всякому занятию. Ты желаешь иметь от меня подробнейший, точнейший отзыв об отношениях твоих к старцу N.? вот он — не следствие слов твоих, но, как подобает, извещение недостойного сердца моего, извещающегося и просвещающегося святым миром. Избрание твое вполне одобряю. Оно — избрание не ветреное, избрание не сверстника юного, а человека уже в некоторых летах, имеющего в глубине своего сердца чувство «хранить тебя». Этот человек так устроен и по природному своему нраву, что может служить для тебя, по природе пылкого, преполезным ограничением в твоем наружном поведении. Желаешь, чтоб я утвердил ваше расположение о Господе моим убогим благословением? И призываю на вас благословение Божие, призываю благодать Божию, немощное врачующую, недостаточное восполняющую. Споспешествующую всем святым начинаниям, без которой никакое истинное доброе дело совершаться не может. Да творит Господь над вами святую волю Свою, да изливает на вас святую благость Свою! — во всем этом обстоятельстве нехорошо только то, что ты в порыве горячности давал слово пред Крестом. Отчего бы не дать этого слова со страхом Божиим и смирением, как велит в таких случаях поступать Святый Апостол Иаков; он завещевает говорить так: *аще Господь восхощет и живи будем, и сотворим сие ли «оно»*[1]. Не думаешь ли, что обещание от клятвы и порыва получает твердость? Нет! От них-то оно и делается хилым. Давал

Святый Апостол Петр на Тайной вечери клятвенное обещание умереть со Христом, и какое же было последствие этой клятвы? ...Господь встретил клятвенные обещания, — сказал, что они от неприязни. Точно, «они от неприязни»! в них — самонадеянность, устранение Бога, оживление самости, плотское мудрование! В них, как замечает Святый Апостол Иаков, гордыня, хвала, т. е. самохвальство! — Да стяжут слова наши твердость от крепкого Господа! Да будут они тверды, как основанные на камени заповедей Евангельских.

Вот как я хочу, чтобы ты вел себя в таких случаях, а прошедшее да простит тебе Бог! Вникни: ничего нет чудного, необыкновенного, что мы впадаем в погрешности, что в нас действует грех! Этому удивляются, этим смущаются одни неопытные. Мы все — в падении; зачинаемся уже в беззаконии, уже родимся в грехах. Должно с терпением и долготерпением носить «ярем Навуходоносоров»: т. е. действие в себе греха, — и с милостью к себе очищать себя покаянием, повергая немощь свою пред Богом, непрестанно пред Ним. Всякое нарушение закона очищается покаянием, дело неправильное получает правильность, когда его выправят по Евангельским заповедям. Так очищаются и поправляются обещания клятвенные, данные в явное противоречие закону Божию. Опять превосходным примером нам может служить Святый Апостол Петр. Нарушив клятвенное обещание свое от порыва нрава, обещание умереть за Христа, он оплакал свои клятвы плачем горьким; впоследствии, уже водимый Духом и разумом Истины, вкусил смерть за Христа, — и с каким смирением! — вкусил не как приносящий дар Богу, но как приемлющий дар неоцененный от руки Божией, как вполне недостойный такого дара. Желаю, чтоб ты усовершился в любви к ближнему, очистив себя от двух крайностей, от двух друг другу противоположных недугов, которыми заразило падение любовь человеческую: от вражды и от пристрастий. Этого достигнет сердце, когда почиет в Боге.

Христос с тобою! Он да причтет тебя к людям «Своим», да дарует тебе ту крепость, которую приемлют от Него люди — точно Ему «свои».

14 декабря 1847 г.

P. S. Со вниманием прочитывай мои недостойные письма, не спеша. Моли Бога, чтоб даровал мне слово истинное, духовное, тебе — разумение этого слова. Слово духовное, точно невещест-

венное, неудобоемлемо, ускользает от ума ветхого. От того и случается, что перечитывающий его встречает в нем много нового, ускользающего при первом чтении и чтениях. Ты — хотя и человечек — но ум у тебя, как обращавшийся лишь в вещественном, еще какой-то толстый, духовное переделывает на вещественное. И является у него забота, как у Никодима: *како человек может родитися стар сый? Еда может второе внити во утробу матери своея, и родитися?*[2]. Мне тебя — мученичка — жаль, у тебя столько разнородных страданий! Не мучься заботами Никодима! Душа моя! Мне бы хотелось — только утешать тебя! Что ж мне делать, когда чаша обильного утешения, подаемая из страны духовной в страну вещественности, для самого вкушения ее требует распятия. Привыкший к вину ветхому, не *абие хочет нового,* — сказал Спаситель.

[1] *...Если угодно будет Господу и живы будем, то сделаем то или другое...* (Иак. 4. 15).

[2] *...Как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?* (Ин. 3. 4).

№ 8

Мир Тебе! Благодать Божия да сопутствует тебе, да хранит тебя, да устраивает твое внешнее положение. Будь спокоен: все совершающееся с тобою совершается как бы с рабом Христовым, которому должно *многими скорбями внити в Царствие Божие,* которому должно *пройти сквозь огнь и воду, и ведену быть в покой,* которого сердцу предназначено *возвеселиться утешениями Божиими по множеству болезней его.*

При утешениях — за верное, за непрелестное, за Божие принимай одно вполне невещественное духовное действие, являющееся в мире сердца, в необыкновенной тишине его, в какой-то хладной и вместе пламенной любви к ближнему и всем созданиям, любви, чуждой разгорячения и порывов, любви в Боге и Богом. Этот духовный пламенный хлад, этот всегда однообразный тончайший пламень — постоянный характер Спасителя, постоянно и одинаково сияющий из всех действий Спасителя, из всех слов Спасителя, сохраненных и передаваемых нам Евангелием. В этот характер облекает Дух Святый, при производимых Им утешениях, служителя Христова, снимая с души его одежду Ветхого Адама, облекая душу в одежду Нового Адама и доставляя таким образом существенное познание Христа, познание впол-

не таинственное и вполне явственное. От всего вещественного отвращайся -- явится ли оно очам телесным или воображению. Оживить чувства, кровь и воображение старались западные; в этом успевали скоро, скоро достигали состояния прелести и исступления, которое ими названо святостью. В этой стране все их видения. Читающий их непременно заражается духом прелести, любодействует в отношении к Святой Истине — Христу, подвергает сам себя роковому определению Божественного Писания, оно говорит: *удаляющий себе от Тебе погибнут: потребил еси всякого любодеющего от Тебе*[1]. Восточные и все чада Вселенской Церкви идут к святыне и чистоте путем, совершенно противоположным вышеприведенному: умерщвлением чувств, крови, воображения и даже «своих мнений». Между умом и чистотою — страною Духа — стоят сперва «образы», т. е. впечатления видимого мира, а потом мнения, т. е. впечатления отвлеченные. Это двойная стена между умом человеческим и Богом. Из жизни образов в уме составляется плотской, а из мнений душевный разум, неприемлющие веры, не способные к живой вере, являемой делами, вообще всем поведением, и рождающей духовный разум, или разум Истины. Потому-то нужно умерщвление и воображения, и мнений. Понимаешь ли, что мнение — прелесть. Эту прелесть Писание называет *лжеименным разумом*[2], т. е. произвольным ложным умствованием, присвоившим себе имя разума. Точное и правильное понятие о Истине есть «знание», знание от видения, видения — действия Святаго Духа. Когда нет знания истинного в уме, оно заменяется знанием сочиненным. Люди часто сознаются в этом невольно, не понимая сами, какое глубокое значение имеет их сознание; они говорят: «мы приняли так понимать», т. е. составили, за неимением знания точного, мнение, чуждое всякой точности. Итак, мнение — прелесть! Избавляемся от прелести заповеданным в Евангелии самоотвержением, погублением души своей. Погублением души названо отречение от своих мнений, от своей воли, от стяжательности, от кровных движений, от чувств — словом сказать, от всей вместе взятой прелести, обвившей всего человека, все части его, все существо его. Прелесть так усвоилась нам, что сделалась как бы жизнью, как бы душой нашей, совершенно заглушила естество наше, как заглушают плевелы хлеб на поле, чрезмерно удобренном. Устранение у себя прелести названо Богомудрым Писанием с чрезвычайною правильностию: самоотвержением, погублением души своей и проч.

Выслушай и следующее: человеческое повреждение состоит в смешении добра со злом; исцеление состоит в постепенном удалении зла, когда начинает в нас действовать более добро. Совершенное отделение добра от зла, чистое действие одного добра бывает в одних совершенных, и то на время и по временам. Место, где действует одно чистое добро, — небо; на земле — смешение. При наших духовных утешениях продолжает действовать это смешение, только количеством добра превозмогается количество зла, — оттого и утешение. Следовательно, при утешении надо наблюдать крайнюю осторожность, зная, что грех, падение, прелесть близ нас. *Работайте Господеви*, — завещевает Пророк, — *со страхом, и радуйтеся Ему со трепетом*[3]. Отвергай с тихостию, как бы отказываясь, как недостойный, всякое изображение, являющееся уму или телесным очам, света ли или какого Святаго и Ангела, Самого Христа и Божией Матери, всего, всего. Старайся иметь ум твой единственно внимающим словам молитвы, безвидным, незапечатленным никаким образом (как бы этот образ тонок ни был!), не занятым никаким мнением, в полном самоотвержении. Мы пали отвержением Божиего, оживлением своего; а свое у нас — ничтожество, небытие; ведь все, что имели мы до бытия, начиная с которого, включая которое, все получили мы от Бога. Устранив из себя Божие, оживив в себе свое, мы родили «смерть». Провести себя в небытие мы не в силах; но исказить свое бытие, сделать его худшим небытия, родить смерть — мы могли (разумеется смерть душевную! телесная пред душевной малозначительна, результат ее, и была бы еще отрадою, если б не давала большего развития вечно существующей смерти душевной).

Чтоб умертвить смерть, надо устранить из себя все свое, приведшее и хранящее смерть: в самоумерщвленного проникает Дух и, как Создатель, дарует ему «пакибытие». — Когда действия чисто духовные умножатся в душе твоей, тогда всякое чувственное явление потеряет цену на весах твоего ума и сердца.

Хорошо делаешь, что приходящих к дверям твоей душевной клети просишь подождать до свидания с твоим привратником. С этой же целью храню твои письма; большую часть писем, получаемых мною, истребляю по прочтении и ответе. — Несколько раз ты слышал от меня слово «определительность», и не совсем ясно для тебя, что я хочу высказать этим словом. Определительность от «знания» — неопределительность — непременно чадо «мнения». Определительность есть выражение

знания в себе мыслями, для других — словами. Ей свидетельствует сердце чувством мира. Мир — свидетель Истины, плод ее. Мне очень не нравятся сочинения «Ода Бог», Преложения псалмов, все, начиная с преложений Симеона Полоцкого, Преложения из Иова Ломоносова, athale de Racine — все, все поэтические сочинения, заимствованные из Священного Писания и Религии, написанные писателями светскими. Под именем светского разумею не того, кто одет во фрак, но кто водится мудрованием и духом мира. Все эти сочинения написаны из «мнения», оживлены «кровяным движением». А о духовных предметах надо писать из «знания», содействуемого «духовным действием», т. е. действием Духа. Вот! Этого-то хочется мне дождаться от тебя! «Оду Бог», слыхал я, с восторгом читывал один дюжий барин после обеда, за которым он отлично накушивался и напивался. Бывало, читает и слюна брызжет изобильно на всех и все, как картечь из крупнокалиберного единорога... приличное чтение после сытого обеда! Верен, превелик восторг, производимый обилием ростбифа и шампанского, поместившихся во чреве! Ода написана от движения крови, — и мертвые занимаются украшением мертвецов своих! Не терпит душа моя смрада этих сочинений. По мне, уж лучше прочитать, с целью литературною, «Вадима», «Кавказского пленника», «Переход через Рейн»: там светские поэты говорят о своем, — и в своем роде прекрасно, удовлетворительно. Благовестие же Бога да оставят эти мертвецы! Оно не их дело! Не знают они — какое преступление: преоблачать духовное, искажать его, давая ему смысл вещественный! Послушались бы они веления Божия *не воспевать песни Господней на реках Вавилонских*. Кто на реках Вавилонских и не отступник от Бога Живаго, на них тот будет плакать. Не унывай! Будь мирен и со спокойствием, с душевною беспопечительностию предайся водительству веры. Обстоятельства сами покажут, что должно делать. Трудности да научат тебя вере, которую да подает тебе Податель всех благ видимых и невидимых, Христос!

[1] *...Удаляющие себя от Тебя гибнут; Ты истребляешь всякого отступающего от Тебя* (Пс. 72. 27).

[2] Тим. 6. 20.

[3] Пс. 2. 11.

№ 9[1]

Когда, прочитывая письма из N. монастыря, дошел я до твоего девятистрочия, гляжу на него, хочу прочитать... не читаю!.. не могу!.. не дает мне неодолимая сила, — куда-то уносит меня!..

Ты знаешь: воображенье, вдохновенье — свободы сыны своевольные, прихотливые неукротимые...

Несусь!.. несусь!..

И вот! — я поставлен за тридевять земель и за сорок столетий... стою в чертоге обширном, великолепном, — во временах, как будто бы Библейских. Некогда мне подробно осматривать зодчество чертога, — скажу только: оно массивно, величественно, роскошно. — Все внимание мое влечется к совершающемуся в чертоге действию.

Могущественный, прекрасный собою Властелин рисуется на возвышении. Небрежно и живописно раскинулся длинный блистающий плащ его; одни оконечности плаща лежат на возвышении, другие свесились по ступеням. Тщетно в черных, ясных очах властелина суровостию и гневом усиливаются закрыться благость, участие, любовь!.. Пред ним в молчании, в цепях чужестранец — юноша с поникшим к земле, убитым взором... На них — на властителя и юношу — выпучены пресмешно глаза всех присутствующих, сгорающих любопытством, но не могущих понять — в чем дело... Взглянул я на эти любопытные, ищущие, не находящие толку, — улыбнулся... и только лишь начал догадываться, что я в Египте, — что вижу Иосифа, проданного туда в рабы, соделавшегося властелином, — что пред ним Веньямин, возвращенный с дороги, как похититель драгоценной волшебной чаши; взвилась картина очаровательная — исчезла!..

Опять гляжу на твое девятистрочие; прочитал его; положил на стол, говорю: «Ты, исчитывающий звезды, странствующий в беспредельной бездне, — от века начертавший им пути их! Призри на эту душу, — душу, направившую полет свой в неизмеримые пространства желаний небесных... скажи ей путь ее!..»

Молись о мне... А мечту мою безотчетливую, своенравную, да простит мне поэт великодушный!..

Февраль 1848 г.

[1] Ответ святителя Игнатия на церемонное, благодарственное письмо инока Леонида, написанное по приказанию настоятеля N монастыря. — *Примеч. П. А. Брянчанинова.*

Ольга Шафранова

Михаил Васильевич Чихачев

Батюшка мой! Поставь своею милостию — уведомь, если случится что особенное с Михаилом Васильевичем.

Святитель Игнатий

В Жизнеописании святителя Игнатия Брянчанинова, составленном людьми, близко знавшими его, рассказывается, что еще в младенческие годы его братья и сестры сознавали нравственное превосходство его и невольно относились к нему с некоторым благоговением. С годами его нравственное влияние на людей проявлялось еще сильнее, отражаясь иногда на их судьбе. Именно так произошло с присным другом Святителя, Михаилом Васильевичем Чихачевым.

Михаил Васильевич Чихачев тоже принадлежал к старинному дворянскому роду, известному с конца XVI столетия. Родословное древо[1] Чихачевых, начиная с родоначальника Даниила, на протяжении веков несколько раз разветвлялось, и предки Михаила Васильевича каждый раз оказывались в младшей ветви. Но уже за внуком Даниила, Иваном Ивановичем Чихачевым, в 1621 г. записано было по Государевой ввозной грамоте поместье в Пусторжевском уезде Дубецкой волости… Младший внук Ивана Ивановича, Ларион Чихачев, в 1683 г. был владельцем в Псковском уезде пустоши Дроздово и деревни Фаустово, которыми он владел вместе с троюродным братом Иваном Федоровичем Чихачевым. А 20 апреля того же года за службу в войне с турками он получил «с поместного его окладу 450 четвертей 90 четвертей в вотчину в Пусторжевском уезде в Ошенском стану сельцо Красное на речке Лещанке, во Изборском уезде в Павловской губе деревню Фаустову». Внук Лариона, Яков Алферьевич Чихачев, в 1749 г. капитан, имел трех сыновей, младший из которых, Василий Яковлевич (р. 1760), гвардии прапорщик, помещик Псковской губернии, владел в Порховском уезде сельцом Токаревка и селеньями в Новоржевском уезде; у него было наследственных 110 душ, да благоприобретенных 97 душ, да за женой 85 душ. Женат он был на Екатерине Михайловне Семенской.

---

[1] Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1293. Оп. 1. № 65.

Михаил Васильевич, младший сын Василия Яковлевича и Екатерины Михайловны Чихачевых, родился он 8 апреля 1806 г.; у него было два брата — Дмитрий (р. 1794) и Александр (р. 1801) и две сестры — Екатерина (р. 1789) и Ольга (р. 1797), в замужестве Кутузова.

Все три сына Чихачевы были определены в военную службу. Младший, Михаил Васильевич, был привезен отцом в Петербург, как и Дмитрий Александрович Брянчанинов, в 1822 г. Он хорошо сдал приемный экзамен в Главное Инженерное училище и тоже был зачислен пансионером Великого Князя Николая Павловича.

Впервые встретившись в Инженерном училище, молодые люди вскоре подружились. Несходство их характеров: Дмитрий Александрович был серьезен, задумчив, сосредоточен в самом себе, а Михаил Васильевич несколько рассеян, говорун, весельчак, привыкший дома «к баловству и болтовне», — не мешало их искренней дружбе, но с самого начала определило их отношения. Михаил Васильевич предался Дмитрию Александровичу, как сын отцу, как младший старшему. А Дмитрий Александрович привязался к нему, как к младшему любимому брату, который на протяжении всей его жизни оставался, может быть, самым близким ему человеком.

Этот период их жизни, время учебы в училище и несколько последующих лет, воспроизведен в «Жизнеописании святителя Игнатия» на основании «Записок» М. В. Чихачева; писал их Чихачев уже на склоне лет, «понуждаемый любовью его знающих, как можно было припомнить, что было с ним[1] от юности до времени пострижения его», излагая «повесть своего обращения ко всемогущему покаянию». При этом, описывая тот или иной эпизод, он иногда добавлял: «если вспомнить». Но судя по подробностям, которые содержатся в «Записках», память его крепко удерживала события тех лет.

К сожалению, «Записки» М. В. Чихачева отдельно не публиковались и ныне утрачены, но в отрывках использовались разными авторами. По возможности постараемся восстановить их по этим отрывкам, так как они чрезвычайно важны и для характеристики самого Михаила Васильевича, и для более полного описания отдельных эпизодов жизни и деятельности святителя Игнатия, свидетелем, а часто и непосредственным участником которых Михаил Васильевич был.

[1] Свои «Записки» М. В. Чихачев писал от третьего лица.

Вообще, по продолжительности времени, когда они были вместе, по характеру их взаимоотношений и взаимной доверенности можно определенно сказать, что М. В. Чихачев на протяжении долгих, трудных лет был самым близким человеком для святителя Игнатия. Ближе даже, чем его брат, Петр Александрович Брянчанинов, который во все время настоятельства святителя Игнатия в Сергиевой пустыни проходил военную службу вдали от Петербурга, с братом встречался не часто и о его обстоятельствах знал мало. (Близко они сошлись после 1857 г., когда архимандрит Игнатий был назначен Епископом Кавказским и Черноморским с кафедрой в Ставрополе, где Петр Александрович сначала был вице-губернатором, с 1 августа 1859 г. — губернатором; и затем когда он получил отставку и переехал к брату в Николо-Бабаевский монастырь.)

Нет сомнения, что Михаил Васильевич воспитывался в религиозной семье и набожное настроение было привито ему с детства. Тем не менее о вере он имел «весьма темное понятие» и, может быть, не решился бы на столь крутой поворот в своем жизненном пути, если бы не встретился с Дмитрием Александровичем. Вот как он сам описывает влияние на него его товарища: «В одну субботу слышу приглашение от товарища своего идти к священнику. “Зачем?” — “Да обычай у меня исповедаться, а в воскресенье приобщаться Святым Христовым Тайнам. Смотри и ты не отставай”. Бедная моя головушка пришла тогда в изумление и великое смятение. Страх и ужас: что и как, не готов, не могу! “Не твое дело, а духовника”, — отвечает храбро товарищ и любовию своею влечет за собою.

Раз сделано, а на другую субботу опять то же приглашение. Хотя это делалось, по-видимому, легко, но внутренний мой состав весь потрясался. Юность и здоровье, и все внешние обстоятельства, и вся обстановка, да к тому же и внутреннее сильное восстание страстей и привычек, разъяренных противодействием им, страшно волновали душу, и могла ли бы она своею немощию устоять, если б не была невидимая сила, свыше поддерживавшая ее? И при всем этом, не будь у меня такого друга, который и благоразумием своим меня вразумлял, и душу свою за меня всегда полагал, и вместе со мною всякое горе разделял, не уцелел бы я на этом поприще — поприще мученичества добровольного и исповедничества».

Молодые люди начали ходить к инокам Валаамского подворья для исповеди и Святого Причащения. «Один из них, —

пишет Чихачев, — отец Серафим, сказал им однажды: "Здесь вы не удовлетворите души вашей, а, если угодно, есть в Невском монастыре ученики отца Леонида[1], старца опытного и получившего образование монашеское от учеников старца Паисия Молдавского, они вам лучше укажут путь и со старцем своим могут познакомить"». Последовав этому совету, Дмитрий Александрович и Михаил Васильевич стали ходить в Невскую Лавру и познакомились там с иеромонахом Аароном и монахами Харитоном и Иоанникием.

По рассказу Чихачева, жизнь их в это время протекала следующим образом: от семи до часу дня они проводили в училище, в классах. Возвратившись к себе и скромно отобедав, отправлялись к вечерне в Лавру, где по окончании богослужения, заходили в кому-нибудь из учеников отца Леонида для беседы. Но из трех знакомых им иеромонахов в монастыре остался скоро один отец Иоанникий, а два других, по назначению начальства, перешли в другие монастыри. С отцом Иоанникием и лаврским духовником отцом Афанасием молодые люди совещались о всем, что касалось внутреннего монашеского делания, им они исповедывали свои помыслы, не скрывая ничего, учились у них «охранять себя от страстей, от помыслов, от поползновений». Занимались прилежно чтением книг «святых Отцов: Димитрия Ростовского, Иоанна Златоустого, Добротолюбия, Лествицы и других», почерпая у них образ мыслей, разум духовный и способы ко спасению души.

Скоро представился случай познакомиться и со знаменитым старцем отцом Леонидом, который прибыл в Петербург по своим делам и остановился в Невской Лавре. После первой же беседы с ним Дмитрий Александрович говорил Чихачеву: «Сердце вырвал у меня отец Леонид; теперь решено: прошусь в отставку от службы и последую старцу, ему предамся всею душою и буду искать единственно спасения души в уединении».

Однако по окончании училища Дмитрий Александрович вместо отставки, о которой он просил, был направлен в Динабургскую крепость. Вскоре, однако, начальство убедилось, что состояние здоровья не позволяет ему продолжать службу. Получив в ноябре 1827 г. «вожделенную» отставку, он отправился к отцу Леониду в Александро-Свирский монастырь. По пути он заехал в Петербург, где в это время находился Чихачев. «Вот я уже

[1] О старце отце Леониде (Наголкине) см.: Т. 2. С. 4–11, 14–16.

еду, — сказал он ему, — а как думаешь ты устроить свою дальнейшую жизнь? Не раздумал ли ты еще последовать за мною?» Чихачев, которому всегда казалось, что он, хотя и желал всем сердцем во всем подражать непорочной жизни своего товарища, но «далеко, далеко отставал от него и по слабости, и по лености, и по вкоренившимся с детства порокам, от которых при всех усилиях не мог отстать», чистосердечно отвечал, что, не полагаясь на свои силы, он последует за своим другом только в том случае, если этот последний обещает никогда не оставлять его без своей помощи. «Подавай же в отставку, — воскликнул, услышавши это, товарищ, — а о неоставлении с моей стороны само собою разумеется».

Однако Михаил Васильевич тоже вместо отставки был командирован в Бобруйскую крепость. Здесь он вторично подал прошение об отставке, и на этот раз оно было удовлетворено. 11 ноября 1829 г. он прибыл в Площанскую пустынь Орловской епархии, куда к этому времени переместился отец Леонид со своими учениками.

Дмитрий Александрович с радостью встретил своего друга. К этому времени он уже преуспел в подвигах духовных и мог быть для своего товарища добрым наставником в первых шагах его иноческой жизни. Особенно утвердился он в правильности выбранного ими пути после происшедшего с ним здесь случая, описанного Чихачевым: «В одно утро, разбудив товарища своего Чихачева, послал его в церковь к утрени; сам же остался в келье, ибо по болезни не мог в то время даже в церковь ходить. Возвратившись от утрени, Чихачев застал его бодрым, веселым, и не следа болезни в нем не было заметно. “Что с тобой необычное сделалось?” — спросил Чихачев. “Милость Божия великая”, — сказал он и поведал бывшее ему видение, не во сне, а в тонкой дремоте: виделся ему светлый крест во весь его рост и надпись на кресте таинственная и ему непонятная. Над крестом виделись ветви и длани Христа Спасителя, при кресте благоговейно стояли он и товарищ его Чихачев. И был от креста Голос к нему: “Знаешь ли, что значат слова, написанные на кресте?” — “Нет, Господи, не знаю”, — отвечал он. “Они значат искреннее отречение от мира и всего земного, — продолжал невидимый Голос, — а знаешь ли, почему ветви и длани Христа Спасителя наклонены на сторону ту, где стоит твой товарищ?” — “И этого не знаю, Господи!” — отвечал он. Тогда Голос ясно и значительно произнес: “Это значит, что он должен участвовать в твоих страданиях”».

На этом видение прекратилось, оставив в душе видевшего его глубокий мир, благодатное утешение и обильное умиление духовное, невыразимое словами. По замечанию Чихачева, с тех пор товарищ его получил особую духовную силу разума, удобно постигал и разрешал трудные вопросы и недоумения духовные и являл в себе многие свойства благодатные, нередко приводившие Чихачева к благоговейному удивлению.

Недавно прибывший в Площанскую пустынь Михаил Васильевич не сразу заметил, что товарищ его не вполне удовлетворен руководством отца Леонида; о себе же он писал: «Нередко случалось, придешь к отцу Леониду и передашь ему все свои беды, а он какими-нибудь простыми словами и благословениями до того облегчит сердечную скорбь и обновит унылый дух, что пойдешь от него совсем обновленный, как бы переродившийся новый человек, и примешься опять с усердием и удовольствием за внутренний подвиг очищения сердца от страстей». Дмитрий же Александрович страдал от многолюдства около отца Леонида, от празднословия в его приемной, от неумения старца разрешать его недоумения. Он просил старца благословить его жить отдельно, а тот не сразу, но все же разрешил ему и Чихачеву жить отдельно, избегая многолюдных собраний.

Всего несколько месяцев прожили молодые подвижники в благодатном уединении в Площанской пустыни. В апреле 1829 г. отец Леонид вынужден был покинуть ее. Вслед за ним и Брянчанинову с Чихачевым было предписано оставить пустынь. Пришлось друзьям самим искать себе приют. Они побывали в Белобережной пустыни, но не смогли там остаться. Тогда они прибыли в Оптину Пустынь, куда перешел отец Леонид. Но и здесь настоятель ее, отец Моисей, колебался принять молодых дворян, предполагая, что им невмоготу будет соблюдать монастырские правила. Старшая братия, однако, уговорила его, и он разрешил им остаться.

Вскоре, рассказывает Чихачев, для них настали тяжкие и многотрудные дни: противники старчества относились неблагосклонно к ним, как ученикам отца Леонида, к тому же грубая монастырская пища, приправленная плохим постным маслом, весьма вредила и без того плохому здоровью Дмитрия Александровича. Видя, что другой пищи взять негде, друзья придумали у себя в келье варить похлебку без масла и, с большими затруднениями выпрашивая круп, картофелю и кастрюльку и употребляя вместо ножа топор, сами готовили себе более легкую и сносную

пищу. Однако условия жизни привели к тому, что оба они тяжело заболели. Спасло их то, что некоторые изменения обстоятельств в семье Дмитрия Александровича[1] сделали возможным его возвращение под родительский кров в село Покровское, куда пригласили и больного Чихачева. По дороге в Покровское они приложились к мощам в Троице-Сергиевой Лавре и к мощам Димитрия Ростовского в Яковлевском монастыре. В Покровском, на первых порах, их встретили очень радушно: родители Дмитрия Александровича надеялись, что после перенесенных испытаний он откажется от своего намерения стать монахом. Чихачев вспоминал, что «его лечили, окружили всеми удобствами, при которых молодой человек быстро стал поправляться и сохранил навсегда к Александру Семеновичу и всей семье его живейшее чувство признательности».

Недолго, однако, могла продолжаться эта безмятежная жизнь. Мир снова начал настойчиво предъявлять свои требования, и молодые люди опять начали помышлять о том, как бы им поместиться на жительство в монастырь. В феврале 1830 г. в начале Великого поста они отправились в Кирилло-Новоезерский монастырь Новгородской губернии, в 30 километрах от города Белозерска. Здесь из-за сырого климата Дмитрий Александрович снова заболел, и в июне 1830 г. родители прислали за ним экипаж и его перевезли в Вологду.

Михаил Васильевич оставался еще некоторое время в монастыре и познакомился с прибывшим туда двадцатилетним юношей из купеческого звания, Петром Дмитриевичем Мясниковым, будущим Угрешским архимандритом отцом Пименом. В позднейших своих «Воспоминаниях» архимандрит Пимен писал: «Из младшей братии я застал в монастыре [Новоезерском] между прочими: Комаровского Александра Федоровича, Чихачева Михаила Васильевича и Яковлева Павла Петровича... Чихачев Михаил Васильевич, из весьма древнего и известного дворянского рода, был лет 22-х, роста весьма высокого, видный и красивый юноша, говорил очень скоро и пел октавою. Волосы имел черные и в молодых летах уже чрезвычайно скудные. Он был весьма добр, обходителен, простосердечен и ко всему временному и мирскому совершенно беспристрастен и равнодушен. Послушание он имел клиросное пение, а когда ему приходилось читать сутки, то, так как он был весьма близорук и читать на обыкно-

---

[1] См.: Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 66–67.

венном налое не мог, по благорасположению к нему настоятеля, для него был сделан превысокий налой, соответственный его высокому росту. За свой добрый характер он был всеми весьма любим. Единственный его недостаток, впрочем, не от него зависящий и происходящий от природных способностей, это слабость характера и неимение собственного мнения и своего суждения...» Это свойство характера Михаила Васильевича понуждало Дмитрия Александровича постоянно беспокоиться о своем товарище: «Батюшка мой! — писал он П. П. Яковлеву 27 апреля 1830 г. — Поставь своею милостию — уведомь, если случиться что особенное с Михаилом Васильевичем, его отъезд и проч.».

Через некоторое время Михаил Васильевич также оставил Новоезерский монастырь и пешком отправился в родные места в Псковскую губернию.

Между тем произошли известные события: оправившись от недуга, Дмитрий Александрович Брянчанинов, по благословению Преосвященного Стефана, епископа Вологодского, поместился сначала в Семигородной пустыни Вологодской губернии, затем в Глушицком Дионисиевом монастыре и, наконец, 28 июня 1831 г. Преосвященный Стефан самолично постриг его в мантию с именем Игнатий; 5 июля он был рукоположен в иеродиакона, 20 июля — в иеромонаха, а 6 января 1832 г. был назначен строителем Лопотова Пельшемского монастыря.

Михаил Васильевич, отправившись на родину, прибыл в Свято-Благовещенскую Никандрову пустынь, где и остался погостить. «Чин богослужения и напевы (киевские), неслыханные до сих пор Чихачевым, одаренным от природы великими музыкальными способностями и чудным голосом-басом, произвели на него необычайное впечатление, и он с рвением стал учиться таким напевам, ходя на клирос петь вместе с другими монахами Никандровой пустыни. [Впоследствии Чихачев вводил такие напевы в те обители, в которых находился; особенно много сделано им в Троице-Сергиевой пустыни.] Родители прислали за ним престарелую тетку, и она уговорила его ехать домой. Родители уговаривали его поступить на светскую службу. Тяжела была его внутренняя борьба, так как “сталкивалась сама любовь с любовию же...”. “Ради Христа надел и ношу это платье, зачем же для угождения миру и родным сниму его?” Так, не зная, на что решиться, провел он около года, то живя у родителей, то в Никандровой пустыни, настоятелю которой очень хотелось постричь его и сделать иеродиаконом».

Следует отметить, что родители Михаила Васильевича также не были в восторге от решения их сына уйти в монастырь, также отговаривали его, ссорились с ним, но все-таки не проявили такой непреклонности, как родители Дмитрия Александровича. Об этом можно судить по тому, что они выделили ему его часть наследства и позволили распорядиться ею по его усмотрению. Дмитрий Александрович от своих родителей не получил ничего.

Итак, примирившись с родителями, уладив семейные обстоятельства, навестив любимую сестру Ольгу Васильевну, прибыл Михаил Васильевич к своему другу в Лопотов монастырь. Отец Игнатий ждал его: начав обустраивать монастырь, доставшийся ему в полуразрушенном состоянии, «где не было, где голову приклонить», он отстроил для настоятельских покоев небольшой домик, в котором предусмотрел помещение и для Чихачева. «Увидавшись с товарищем в его монастыре, — пишет Чихачев, — хоть и обрадовался, но не так, как предполагал, чему сперва удивился, но впоследствии очень сделалось понятно, что прежде мы только друг друга знали, а теперь у него попечение о целом общежитии было, следовательно, силы сердечной любви распространялись не на одного меня, а на всех чад его».

В Лопотове Михаил Васильевич был облечен другом своим в рясофор, «радуясь и благодаря всей душой Господа за то, что Он сподобил его хотя и малого, но ангельского образа». Он сделался деятельным помощником Строителя по благоустройству и обновлению монастыря, и главное, составил там отличный хор.

В «Записках» Михаила Васильевича имеется рассказ, свидетельствующий о том, как нелегко было строителю Игнатию водворить нравственный порядок в Лопотовом монастыре: в обитель часто приходил тамошний поселянин Карп, любивший советоваться с настоятелем Игнатием о своей духовной жизни. Однажды этому простому человеку было такое видение: видел он, что братия, бывшая в Лопотовом монастыре до прибытия сюда Игнатия, купается в реке и с воплями жалуется стоящему тут же на берегу преподобному Григорию, основателю обители, на нового настоятеля Игнатия, который их притесняет: не велит ходить в церковь с заплетенной косой, запрещает на клиросе нюхать табак, не велит носить красных кушаков, не позволяет ходить в деревню, как бывало прежде, и т. п. Преподобный Григорий, слыша эти жалобы, обращается к Карпу и говорит: «Могу ли их послушать? Настоятель делает как надо, и, если пребудет в заповедях Божиих до конца, причтен будет с нами».

Этот же Карп имел другое видение: ему было открыто, что отцу Игнатию дается церковь Святой Троицы близ Петербурга, где братия, как бы возбужденная от сна, удивляется прибытию его сюда; он ясно видел даже, какой в церкви иконостас. Тогда отец Игнатий ничего еще не помышлял о Сергиевой пустыни, а думал, что ему удастся переселиться куда-нибудь в Псковскую губернию, почему и спросили Карпа, рассказавшего о своем видении, как он думает, будет ли верст четыреста от Петербурга до той церкви, в которой он видел Игнатия. Но он отвечал, что эта церковь гораздо ближе. Все остались в недоумении, и только тогда, когда прибыли в Сергиеву пустынь и в церкви увидели иконостас, как описывал Карп, вспомнили его видение, которое, таким образом, вполне оправдалось.

Через некоторое время семейные обстоятельства, а именно свадьба сестры, вызвали Чихачева снова на родину, на этот раз ненадолго. По дороге он заехал в Новгородский Юрьев монастырь, где представился знаменитому архимандриту Фотию[1] и познакомился с его духовной дочерью графиней Анной Алексеевной Орловой-Чесменской.

Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская (1785–1848) «представляет разительный пример благочестия и добродетели». Дочь героя Чесмы, графа Алексея Григорьевича Орлова, в семилетнем возрасте пожалованная во фрейлины, в 23 года оставшаяся сиротой и унаследовавшая от родителей огромное имение, стоившее до 40 миллионов рублей ассигнациями и приносившее ежегодно до миллиона рублей, она отказалась «от светских благ, от мирских наслаждений» и посвятила себя уединенной жизни. Найдя себе духовного руководителя в лице настоятеля Юрьевского монастыря отца Фотия, она поселилась поблизости этой обители и непрерывно ей благотворила. Благодаря ее пожертвованиям и дарам архимандрит Фотий обновил с необыкновенным великолепием старинный храм святого Георгия и другие церкви монастыря, а также имел возможность построить ряд новых строений. Более 25 лет прожила Анна Алексеевна при Юрьевском монастыре, но постоянно благотворила и другим обителям, «посвятив Богу и свое богатство, и свою душу и тело, но выполняя и свои обязанности, связанные с высоким положением». Благотворить она предпочитала тайно. Также тайно приняла постриг с именем Агния.

---

[1] О нем см.: Т. 1. С. 488–491.

Графиня Анна Алексеевна уже давно хотела познакомиться с молодыми подвижниками. «Она очень обласкала Чихачева, пожертвовала несколько книг для Лопотова монастыря и 800 рублей денег и отправила его на свой счет в Вологду». С тех пор друзья пользовались особым расположением графини до самой ее кончины. Старанием отца Игнатия на пособие графини в Лопотовом монастыре были построены два деревянных братских корпуса, обновлена церковь. Пополнена ризница, куплена пара лошадей. «Спорки были деньги графини», — заключает Чихачев.

Вредный климат, однако, вновь начал оказывать свое воздействие на организм отца Игнатия. Чихачев пишет: в Лопотовом монастыре Игнатий постоянно и сильно хворал. Болотистая местность, неимоверное количество насекомых. Обилие монастырских нужд, отсутствие средств для их удовлетворения, невольное, по требованию жизни, перенесение центра тяжести с духовного подвига на суетное житейское, хотя и для Божьего дела, — тяготили душу Игнатия. «Тело его тоже крайне изнемогало». Чихачев томился всей душой, видя друга и духовного наставника своего лежащим на одре болезни. Наконец он решился предложить ему переместиться в один из монастырей Псковской епархии и отправился хлопотать об этом.

К моменту его прибытия в Петербург деньги, которые он смог взять на дорогу, были все израсходованы. Не имея, где остановиться, это было, по его словам, перст Божий, ведущий его и показывающий, куда ему надлежало идти, — к графине Орловой. Узнав о его критическом положении, графиня не только поместила его в своем доме и снабдила всем необходимым, но и взялась хлопотать об его деле. Она обратилась прежде всего к Псковскому архиерею, но тот отказал. Не нашел места в своей епархии и Митрополит Санкт-Петербургский Серафим. Чихачев хотел уже возвращаться, но графиня посоветовала ему обратиться к Московскому Митрополиту Филарету, который находился как раз в Петербурге. Высокопреосвященный Митрополит принял Чихачева ласково, расспросил обо всем, сказал, что уже слышал о деятельности игумена Игнатия, и сам предложил перевести его в Николаевский Угрешский монастырь. И на другой день послал в Вологду к епископу Стефану указ о перемещении игумена Игнатия, который должен немедленно явиться к новому месту службы.

Однако, хотя назначение это состоялось, игумен Игнатий не попал в Угрешский монастырь, а был вызван, по Высочайше-

му повелению, в Петербург, возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем в Троице-Сергиеву пустынь под Петербургом. 5 января 1834 г. оба друга прибыли в обитель, где один из них проведет почти 24 года, а другой останется до конца своих дней.

Предстояла огромная работа по возрождению пустыни. По свидетельству Чихачева, в Сергиевой пустыни настоятельский корпус топлен никогда не бывал, и потому настоятелю приготовлено было помещение в инвалидном доме графа Зубова, в двух комнатах, куда на зиму и поместился сам он и приехавшие с ним пять человек братии, в том числе Михаил Чихачев и послушник, впоследствии преемник, Иван Васильевич, в монашестве Игнатий (Малышев). Первым предметом попечения настоятеля была Сергиевская церковь, требовавшая непременного возобновления, кроме стен, затем корпус настоятельский. А для соединения их нужно было вновь устроить трапезу. В этих работах настоятелю и его другу очень помогала их специальность инженеров. Также, говорит Чихачев, «помогало деятельности настоятеля его умение выбирать людей и его знание сердца человеческого, которым он умел привязывать людей к делу, им доверяемому. Он искал развить в человеке преданность поручаемому ему делу и поощрял ее одобрениями и даже наградами и повышениями. Окружая себя людьми со способностями и силами, он быстро достигал своих целей и приводил намерения свои в точное исполнение».

Михаил Васильевич был первым из таких людей. Он пожертвовал в обитель все свое наследственное состояние 40 000 рублей, которые позволили архимандриту Игнатию осуществить задуманные им работы по введению рационального сельского хозяйства для обеспечения нужд монастыря. В необходимых случаях, которые на первых порах в Сергиевой пустыни возникали нередко, он мог, по словам Архимандрита, «и посбирать», чему весьма способствовали его связи, а также добрые качества, привлекавшие к нему людей. Так, он по-прежнему пользовался благоволением графини А. А. Орловой-Чесменской, которая много помогала пустыни. Ее жертвы на пользу обители учету не поддаются: она любила благотворить тайно. «Передавалось все, — говорит Чихачев, — чрез мои руки без счета, а я не почитал нужным считать, но предоставлял все настоятелю и Богу, воздающему всем и каждому из нас обильно благами».

При всем том Михаил Васильевич был очень талантлив. Он обладал редким по красоте голосом — басом-октавою, и его церковно-музыкальным познаниям обязана пустынь своим величественно-художественным исполнением духовных песнопений. О том, как современники восхищались красотой и звучностью его голоса, рассказывает, в частности, Н. С. Лесков в своей полуфантастической повести «Инженеры-бессребреники»:

«Чихачев не достиг таких высоких иерархических степеней и к ним не стремился. Ему во всю жизнь нравилось тихое, незаметное положение, и он продолжал тушеваться как при друге своем Брянчанинове, так и после. Превосходный музыкант, певец и чтец, он занимался хором и чтецами и был известен только в этой области. Вел он себя как настоящий инок, никогда, впрочем, не утрачивая отпечатка хорошего общества и хорошего тона, даже под схимою. Схиму носил с редким достоинством, устраняя от себя всякое покушение разглашать что-либо о каких бы то ни было его особливых дарах...

Музыкальные и вокальные способности и познания Чихачева до некоторой степени характеризуются следующим за достоверное сообщаемым случаем: одна из его родственниц, Мария Павловна Фермор, была замужем за петербургским генерал-губернатором Кавелиным[1]. Чихачев нередко навещал ее. Однажды, когда он сидел у Кавелиной, к ней приехал с прощальным визитом известный Рубини. Кавелина, знакомя встретившихся гостей, сказала Рубини, что Чихачев — ее дядя и что он, хотя и монах, но прекрасно знает музыку и обладает превосходным голосом... Я думаю (воскликнул Рубини), вы не запретите мне спеть при вашем дяде.

— Я буду в восторге.

— А вы ничего против этого не имеете? — обратился, живо вставая с места, Рубини к самому Чихачеву.

— Я очень рад слышать знаменитого Рубини.

— В таком случае Рубини поет с двойною целью, чтобы доставить удовольствие хозяйке дома и своему собрату, а в то же время, чтобы сделать неудовольствие грубым людям, не понимающим, что музыка есть высокое искусство.

Мария Павловна Кавелина открыла рояль и села аккомпанировать, а Рубини стал и пропел для Чихачева несколько лучших своих арий.

[1] Об А. А. Кавелине см.: Т. 3. С. 483–484.

Чихачев слушал с глубочайшим вниманием, и, когда пение было окончено, он сказал:

— Громкая слава ваша нимало не преувеличивает достоинств вашего голоса и уменья, Вы поете превосходно.

Так скромно и достойно выраженная похвала Чихачева чрезвычайно понравилась Рубини...

— Я рад, что мое пение вам нравится, но я хотел бы иметь понятие о вашем пении.

Чихачев сейчас же молча встал, сам сел за фортепиано и, сам себе аккомпанируя, пропел что-то из какого-то духовного концерта.

Рубини пришел в восхищение и сказал, что он в жизнь свою не встречал такой удивительной октавы и жалеет, что лучшие композиторы не знают о существовании этого голоса.

— К чему же бы это послужило? — произнес Чихачев.

— Для вашего голоса могли быть написаны вдохновенные партии, и ваша слава, вероятно, была бы громче моей.

Чихачев молчал и, сидя боком к клавиатуре, тихо перебирал клавиши.

Рубини встал и начал прощаться с Кавелиной и с ее гостем.

Подав руку Чихачеву, он еще раз сильно сжал его руку, посмотрел ему в глаза и воскликнул с восторгом:

— Ах, какой голос! Какой голос пропадает безвестно!

— Он не пропадает: я им пою Богу моему дондеже есмь, — проговорил Чихачев по-русски».

Основательно изучивший столповое пение, Михаил Васильевич не только сам пел на клиросе, но и помог архимандриту Игнатию создать в Сергиевой пустыни великолепный, «лучший» церковный хор того времени, который даже привлекался в особо торжественных случаях к выступлениям вместе с Придворной певческой капеллой.

Но самым главным, что характеризовало душевные качества и архимандрита Игнатия, и Михаила Чихачева, было то, что, несмотря на разницу положений, они сохранили все ту же искреннюю дружбу, которая связывала их в юношеские годы. Как и прежде, архимандрит Игнатий поверял откровенно другу свои сокровенные думы, печали, скорби, которых было предостаточно в годы служения его в Сергиевой пустыни, и всегда встречал в нем полное и отрадное себе сочувствие. «Управление Игнатиево, — писал Чихачев, — казалось небывалою новостию. Братия из старых, привыкшие к своим обычаям,

принуждены были понуждаться на новый порядок, как делали вновь вступившие; чин церковной службы тоже вводился. Иной напев, иное стояние, поклонение по положению, клиросное пристойное пребывание и прочее, одежда, трапеза и вся жизнь как бы вновь созидалась, потому что и мудрование, то есть образ мыслей и взгляд на вещи, был иной от обыкновенного, к тому же и письменная часть, и хозяйственная устраивалась вновь. Тогда — это схоже было на одну семью, управляемую одним отцом, который зорко наблюдал и за исполнителями, и за исполнением. Вся ответственность лежала на отце, то есть на настоятеле. Неудобность места к жительству монашескому, молодость и представительность многих из нас, неблагоприятство многих из сильных особ, зависть и клевета недоброжелающих и в некоторых случаях притеснения самих начальствующих высоких особ, да и свои собственные немощи, недостатки и малоопытность, все это вместе разве не доставляло забот самой главе — отцу? Но делать было нечего, убежать было нельзя, надо нести и помощи просить свыше, что и на самом деле было. С Божиею помощью все было вынесено — и сносное, и кажущееся по-человечески несносным. Но настоятелю это стоило многих тяжких болезней и скорбей душевных, которые и от меня даже были скрыты. Самые действия его были непонятны многим, чтобы не сказать всем, тем более мне, простаку. В нем вмещалось много и одно другому не мешало, то есть и глубокое знание писаний святых отцов с монашеским деятельным опытом, и внешний навык и способность обращения со всякого рода людьми, тонкое постижение нравов человеческих со всеми их причудными немощами. Различение благонамеренности от зловредной ухищренной гибкости и все проказничьи крючки умел он проникать, иногда и воспользоваться ими для пользы братии и обители».

Будучи верным сподвижником архимандрита Игнатия во все время его пребывания в Сергиевой пустыни, помощником во всех его начинаниях, Михаил Васильевич так и остался в его тени. По воспоминаниям архимандрита Пимена (Угрешского): «Он священства не желал и не принимал никаких видных должностей. Жизнь вел уединенную и воздержанную... и всегда и везде, где ни был, всеми был любим и уважаем за приветливость и общительность». «Жизнеописание святителя Игнатия» упоминает о нем теперь редко, в основном в связи с представлениями Государю, который его тоже знал по учению в Инженерном учи-

лище. Так, летом 1834 г. Государь неожиданно приехал в Сергиеву пустыню. «Дома ли архимандрит? Скажи, что прежний его товарищ хочет его видеть», — сказал он встреченному монаху. Пришел архимандрит. «Вслед за ним, — рассказывает Чихачев, — вхожу и я. Государь, увидев меня, обнял и тем такое впечатление сделал, что я сам обеими руками схватился за шею его, и мы, по крайней мере, раз пять поцеловались при всем народе и при Императрице с Наследником, взошедшими в церковь несколько позднее Государя. Потом, поставив нас рядом с настоятелем, много расспрашивал: “Всегда ль мы вместе? чем я занимаюсь? где третий из наших товарищей, поживший несколько времени в монастыре и снова поступивший на службу?” В ответ, что тот возвратился в мир и поступил вновь в службу, Государь заметил: “Видно, ему монастырский хлеб сух показался, а тебе, — обратился он к Чихачеву, значительно пополневшему, — пошел впрок”».

Государь, очевидно, желал поддержать свою моральную связь с управляемою архимандритом Игнатием обителью, потому что в то же посещение пожелал, чтобы архимандрит и Михаил Чихачев, вместе с братией Александро-Невской Лавры и Митрополитом, являлись во дворец для славления Христа. «Что продолжается и до сегодняшнего времени».

Но, продолжает рассказ Чихачев, «видно, многим из окружающих Государя лиц не понравилось искреннее обхождение его с монахами, наипаче же не нравилось оно общему врагу рода человеческого и всякого добра, который всячески старался навести гнев Государя на Игнатия за что бы то ни было и, к сожалению, успел. Вскоре после того последовали от Консистории три указа, один за другим, такие, которые нельзя было иначе исполнить, как уничтожив существование монастыря. Первый указ был о том, чтобы послать трех иеромонахов на флот, а всех тогда и с должностными было только шесть. Когда же послали, пришел другой указ с выговором настоятелю, зачем посылает престарелого. Но другого, моложе и надежнее, не имелось в нашей обители. Третий указ был о том, чтобы ни архимандриту, ни из братии никому не ездить в город иначе, как выписав себе прежде позволительный билет из Консистории. А у нас и хлеб, и провизия, и всякая вещь малая и большая покупаются в городе; когда же дожидаться билета консисторского? Но в этом Митрополита совершенно уверили, что на то есть Высочайшая воля. Когда, написав бумагу о невоз-

можности исполнения Указа, настоятель привез ее к Владыке, тот не принял. Нечего было делать, поехали оба мы в Царское Село, тогда Царская фамилия находилась там. Только мы подъехали к крыльцу, встречается Наследник, нынешний Император. Обратясь к товарищу, спрашивает о причине его приезда. "Мне надо видеть Государя", — отвечает товарищ. "Хорошо, — сказал Наследник, — я доложу ему о вас, а вы подождите ответа у Кавелина на квартире". Чрез несколько часов Кавелин приходит и узнает от нас обо всем — ему и поручено было от Государя так сделать и ему донести. По возвращении в монастырь архимандрит снова поехал к Митрополиту и сказал, что он уже ездил к Наследнику и говорил с ним об этом. Митрополит говорит: "Вот очень хорошо сделали, может быть, и другим можно будет сделать облегчение"; и опять не хотел принять бумаги. Но секретарь Суслов, услышав это объяснение, понял дело и сказал: "действительно, это с нашей стороны ошибка". Тогда только Митрополит взял дело и разрешил ездить Сергиевским по-старому».

Но все скорби и гонения были ничто в сравнении с тем, чем обносила архимандрита обыденная клевета и людское злоречье. Примером тому может служить рассказанная Чихачевым история с французским посланником при Русском дворе Барантом, в подробностях включенная в «Жизнеописание святителя Игнатия»[1].

«Было время, — пишет Чихачев, — что и духовное начальство хотело сжить архимандрита и заставить его просить увольнения от должности, чтоб самим управлять по их желанию, но и того не удалось. Это было во время болезни митрополита Антония, когда всеми епархиальными делами управлял викарный епископ Нафанаил. Архимандрит, видя и понимая все, подал прошение об увольнении, но Синод благоволил дать ему только на год отпуск в избранный им Бабаевский монастырь Костромской епархии».

По свидетельству Чихачева, за время отпуска Настоятеля Государь, увидев Чихачева, спрашивал о здоровье архимандрита Игнатия и приказал передать ему, что нетерпеливо ожидает его возвращения.

«Прошло время, — пишет далее Чихачев, — и не стало уже ни Митрополита Антония, ни викария его; места их заме-

---

[1] См.: Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 148–150.

нили другие. Митрополит Никанор сам был некогда настоятелем Сергиевой пустыни, знал, что было тогда и что сделалось потом. При этом Владыке было полегче, хотя и бывали некоторые недоумения и недоверчивость к настоятелю, но и то прошло. Митрополит Григорий, тоже бывший настоятель Сергиевский, хорошо знал и понимал архимандрита». По свидетельству Чихачева, «архимандрита Игнатия сначала предполагали назначить Епископом в Новгород, куда он уже и готовился. Но вышло иначе. В Новгород посвятили другого, а архимандрита Игнатия через год после этого назначили Епископом Кавказским и Черноморским для приведения епархии в должный порядок».

Л. А. Соколов, профессор Киевской Духовной академии и автор двухтомной монографии о Святителе, пишет: «Тесная дружба с юных лет Брянчанинова и Чихачева естественно вызывает вопрос, почему они расстались, когда Игнатий Брянчанинов был назначен на кафедру Епископа Кавказского и Черноморского, а Михаил Чихачев остался все в том же звании послушника в Троице-Сергиевой пустыни». Михаил Васильевич отвечает: «Многим знакомым нашим кажется странным, отчего мы, столь долго проживя вместе, теперь пребываем в разлуке? Дивны дела Божии и неиспытанны пути Его! Сделалось так, что товарищу дали епархию, в которой монастырей нет, да и благоустроить их по тамошнему местоположению еще невозможно. Будь эта епархия с монастырями, как прочие, тогда не только я, но и многие, может быть, из нашего братства перешли бы к нему, чрез что могло случиться, что монастырь наш не имел бы того вида, но теперь, в особенности при этом настоятеле [ученике святителя Игнатия — Игнатии (Малышеве)], он остается совершенно таким, как был: все старики живут, упокоиваются любовию и благонамеренностию настоятеля, с ними вместе и я тоже, почему и уговорили меня принять полное пострижение, предварительно вступив в духовное ведомство, что мне Господь и помог учинить. Теперь, если угодно будет Господу, желание имею по усмотрению начальства посхимиться для того, чтобы конец был сообразен началу, и ожидать перехода из временной жизни в вечную, при покаянии и сокрушении сердечном, дабы не быть отвергнутым от Господа на Страшном Суде, где и за каждое праздное слово потребуется дать ответ».

20 декабря 1860 г. Чихачев был пострижен в монашество с наречением его Мисаилом, а 21 мая 1866 г. принял схиму с возвращением ему имени Михаила.

О том, что побудило его принять схиму, он сам написал в записке, озаглавленной: «Изложение причин желания моего пострижения в схиму»: «1) Принимая и веруя со Святою Церковию, что это есть второе крещение, желаю сподобиться отпущения всех грехов моих, имея уже печать смертной болезни на ноге. 2) Самый образ схимы и облечение в него отводит от многих случаев развлечения и молвы. 3) Показать пример имеющим превратное понятие, будто бы облеченный в схиму обязан жить в гробе и никакого не исполнять послушания. 4) Предлагая причины эти на рассмотрение кому следует, полагаюсь на благоусмотрение их, ища не своей воли, а воли Божией чрез них... Приблизилось законное время моего окончательного пострижения. 1866 года 8 апреля мне совершилось от роду 60 лет. По форме гражданского закона, это — узаконенный срок для желающих пострижения в схиму. По представлению настоятеля отца Архимандрита Игнатия (Малышева) и по благословению Митрополита Исидора меня постригли в день отдания праздника Святой Пятидесятницы 21 мая — день прежнего моего Ангела, Муромского святого князя Михаила, которого и имя мне снова возвращено. Слава Тому, Кому подобает всякая честь и поклонение, Единому Премудрому Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Почти 38 лет ждал этого дня и, милостию Божиею, дождался. Теперь буду и должен ожидать переселения из здешней жизни, и кто весть, — как оно последует. Оттуда уже не напишешь и не скажешь ничего, потому прошу всех: помяните в своих молитвах бедного странника земного — Михаила схимника, да и, вас помянув, Господь исполнит всякого блаженства здесь и там, где нет болезни, ни печали, но жизнь бесконечная во веки веков. Аминь».

С отъездом епископа Игнатия в Ставрополь между ним и Чихачевым установилась довольно частая переписка, к сожалению, до нас не дошедшая. Выдержки из писем святителя Игнатия к Чихачеву были напечатаны в последнем томе его Собрания сочинений и приводятся ниже. Из них известно, что отец Михаил начал болеть, и болезнь его из года в год усиливалась: «Теперь пришло время похворать и тебе. Радуюсь, что ты переносишь болезнь должным образом... Болезнь твоя есть Богом

данная епитимия. Милосердый Господь да дарует тебе переносить епитимию с благодарением Богу».

По-видимому, в первое время Чихачев довольно сильно ощущал отсутствие товарища: «Ты живешь при моем ближайшем ученике, — ободрял его епископ Игнатий в письме от 15 января 1860 г., — и в монастыре, который почти основан мною: следовательно, ты не удалялся от меня и не расходился со мною. Не сунулся же по увлечению глупой фантазии куда-нибудь, а пребыл в своем месте и по отношению ко мне проходил послушание корреспондента». Он желал навестить друга в Ставрополе, но болезнь ему не позволила: «Я и сам находил твою поездку сюда излишнею, — отвечал ему епископ Игнатий 27 июня 1860 г. — Мы не мирские люди! Разговору у меня с тобою хватило бы только на пять минут. Гораздо лучше внимать себе, не оставляя места, данного Богом для спасения».

5 августа 1861 г. состоялось увольнение епископа Игнатия на покой, и 14 октября он прибыл в Николо-Бабаевский монастырь. «Никогда в жизни моей я не был так доволен моим положением, как доволен им теперь», — писал он 18 октября 1861 г. А Михаил Чихачев продолжает в своих «Записках»: «Вот и еще протекло пять лет, как эта рукопись написана. В продолжение этого времени Епископ Игнатий оставил по болезненности своей Кавказскую епархию и переселился в Николаевский Бабаевский монастырь Костромской епархии с управлением монастыря, где и ныне находится. На другой год после моего пострижения поехал я посетить болящего Епископа. <...> Пробыл с месяц у него в монастыре, возвратился обратно, ощутив, что мне переселиться в тамошнюю обитель невозможно. Болезнь ноги с 1859 г., не допускающая переносить сквозного ветра, устройство церкви и служба продолжительная, пустынная, мне сделались невыносимы. Перейти туда — значило бы прибавить собою ни к чему не способного инвалида, нуждающегося в содержании, прокормлении и прислуге. Итак, по общему совещанию и согласию, живем каждый на своем месте, довольствуясь взаимным расположением душ и перепискою».

Михаил Васильевич Чихачев почти на шесть лет пережил своего друга. Старожилы запомнили его как замечательного старца, кроткого и положительного аскета и бессребреника. Единственным украшением его бедной кельи была фисгармония, на которой он поверял церковные мелодии, да и от этого утешения он отказался на склоне лет. Достававшиеся ему

церковные доходы он не носил в свою келью, а тут же или еще раньше раздавал бедным. А когда нужно было ехать во дворец, надевал чужую рясу.

Он скончался в Сергиевой пустыни и был похоронен у часовни рядом с основателем этой обители, архимандритом Варлаамом Высоцким. На стене часовни, над могилой Михаила Васильевича, было написано: «Добродушный и нестяжательный. Схимник Михаил Чихачев. Скончался 16 января 1873 года, 66 лет от роду».

Историограф Сергиевой пустыни П. П. Яковлев причислял М. В. Чихачева к замечательнейшим личностям, жившим в пустыни в его время: «схимонах Михаил Васильевич Чихачев, из дворян Псковской губернии, товарищ Преосвященного Игнатия Брянчанинова, пожертвовавший в Обитель все наследственное от родителей имущество, простиравшееся до 50 000 рублей, проживший здесь 39 лет, прежде всех являвшийся к церковной службе и до окончания не уходивший из нея; при отличных музыкальных его познаниях и превосходном октавистом голосе, усердный певец и распорядитель церковного пения, не оскудевший в своем усердии и тогда, когда тяжкая рана на ноге не давала ему покоя; он скончался в 1873 году января 16-го».

Вместе с разорением монастыря в 30-е годы XX столетия были уничтожены и все следы могил. В настоящее время честные останки М. В. Чихачева обретены его почитателем, нынешним настоятелем и восстановителем Сергиевой пустыни отцом игуменом Николаем (Парамоновым), и помещены в храме Преподобного Сергия Радонежского для поклонения.

Письма святителя Игнатия к Михаилу Васильевичу Чихачеву (впоследствии схимонаху Михаилу)

№ 1[1]

Молитвами Святых Отец наших Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.

Дражайший о Христе Михайло Васильевич!

Письмо твое, посланное с братом Николая Ивановича Веденеева, я получил будучи в Вологде на пути из Покровского в

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 11; впервые было опубликовано в ПСТ. Т. 7.

Корбанку — село Дмитрия Ивановича Самарина[1]. Долго не отвечал на оное, ибо не хотел писать из мира, а из монастыря. В двадцатых числах августа выехал из Корбанки и живу теперь в Семигородной пустыне в настоятельских келлиях. Слава Богу, довольно здоров, но только часто прихожу в крайнее расслабление. Тотчас, то есть сию минуту, ехать тебе ко мне нельзя, но когда увижу, что пришло время и приблизился час, то чего тебе прислать: денег на дорогу, и сколько, или лошадей? — посоветуйся и напиши.

У нас дома женятся и посягают. Петр идет в отпуск на шесть месяцев. Много бы тебе мог написать, но не хочу прежде времени тебя слишком обрадовать и, может быть, по-пустому.

Интересовавшимся о здешней пустыни вот что скажи: свежей рыбы и ухи в трапезе никогда не бывает; чаю и сахару совсем не выдают и никому; а по воскресным дням настоятель зовет братию к себе, монахам дает по четыре, а послушникам по две чашки чаю. Одежда очень скудная; и вообще грунт земли весьма каменист.

Ты, как благоразумный и предусмотрительный, выведи для себя некоторый полезный результат из твоего пребывания в Новоезерском (ибо это не просто) и составь себе некоторый Боголюбезный план доброго жития, дабы ты мог быть предметом созидания для ближних, а не предметом соблазна, — тем более, что здесь гораздо пристальнее на тебя будут смотреть, нежели до сих пор смотрели, что понятно. Прости и моли милосердого Бога о многогрешном Димитрии.

31 августа 1830-го

Александру Федоровичу от меня усерднейший поклон! Благодетеля моего О. Сергия не забудь. Также О. Нифонта, Игнатия, Фельдфебеля, Ник. Ивановича и проч.

[1] *Самарин Д. И.* — дядя и крестный отец Дмитрия Александровича Брянчанинова — святителя Игнатия.

№ 2

...Имущество приманчиво: редкий человек может устоять против производимого им соблазна. Покажи старичку в «Слове к Пастырю» святого Иоанна Лествичника то место, где сей святой говорит, что милостыня, оказываемая для душ, столько выше милостыни, оказываемой для тел, сколько душа выше тела.

Такую милостыню, или намерение совершить такую милостыню, могущую старичку открыть путь по мытарствам и доставить блаженную кончину и вечность, всячески будут стараться похитить наши невидимые враги, то самому старичку влагая правдоподобные помыслы, оттягивающие от исполнения на деле задуманного, то действуя через людей. Надо это заметить и остеречься, противопоставляя помыслам бесовским и людским речам, оттягивающим от исполнения, вышеупомянутое изречение Писания, которое именно и сказано в предосторожность против лукавых помыслов, приносимых диаволом, и поучающих отсрочивать задуманное добро, с тем, чтобы и совершенно похитить его у человека.

27 января 1859 года

№ 3

Получив письмо твое от 15 мая, я отвечал на него. После этого я не имел от тебя письма, а читал посланное к Отцу Иустину, и порадовался, что при болезни твоей приходит тебе мысль о смерти и что ты понимаешь опасность твоей болезни. Воспоминание о смерти не приближает к смерти, а только приготовляет к ней, располагая к покаянию. Твоя рана и боль от нее — это отеческое наказание от Бога, Который его же любит, наказует. Я провел всю жизнь в болезнях и скорбях, как тебе известно; но ныне не будь скорбей — нечем спастись. Подвигов нет, истинного монашества — нет; руководителей — нет; одни скорби заменяют собою все. Подвиг сопряжен с тщеславием; тщеславие трудно заметить в себе, тем более очиститься от него; скорбь же чужда тщеславия и потому доставляет человеку богоугодный, невольный подвиг, который посылается Промыслителем нашим сообразно произволению...

В мои годы и при моей болезненности надо искать покаяния, а уже не до земных сиятельств. Все придет своим чередом во мрак могилы забвения: только служение Богу и покаяние пред Ним будут иметь вечную цену. Кажется, на земле затевается большая война; но борьба со страстьми и похотями совсем оставлена. Очень заметно общее ослабление в вере. Утешайся! Господь тебя да утешит и покроет Своею милостию.

Е<пископ> И<гнатий>.
14 июля 1859 года

№ 4

Спаси Господи за письмо твое от 14 августа. Мы живем очень спокойно и тихо. Отец Александр (бывший Андрюша) по сознанию всех врачей безнадежен по отношению к выздоровлению. Но это нас не огорчает! Полагаемся на волю Божию, беседуем часто о спасении и смерти, рассуждая, что гораздо лучше умереть при покаянии и с должным приготовлением молодому, нежели старому без покаяния и без приготовления. Ныне соблазны умножились в такой степени, даже в недре Святых Обителей, что каждого желающего спастись объемлет страх и недоумение по причине множества козней вражеских: такую кончину, какую Бог дает отцу Александру, должно признать особенной милостию Божиею... Теперь твоя очередь похворать. Похворай, батюшка, с терпением и самоукорением; болезнь многому доброму учительница; сверх того, она — послание Божие взамен и пополнение наших недостаточных подвигов.

27 августа 1859 года

№ 5

Благодарю тебя за письмо твое от 1 сентября и искренне желаю, чтоб здоровье твое поправилось; знаю по собственному опыту, что больной человек и себе и другим не слуга. Здоровье потерять легко, а возвратить трудно. Лечившись здесь в течение двух сезонов, только ныне начинаю чувствовать значительное облегчение после продолжительной сыпи, и то облегчение, а не выздоровление. Мое здоровье расстроено еще в детстве золотухою скрытною, которая не была понята, а потому не лечена, а потом — простудою. Слава Богу за все! для меня болезнь была как бы цепями, обуздывавшими горячность моего характера и сложения; она препятствовала деятельности, вместе препятствовала и большему развитию гордыни, которая часто развивается от успешной деятельности. Слава Богу, Промыслителю нашему, за все. — О намерении подать просьбу Царю одного из здешних я знаю... трудно такой просьбе иметь успех. Да если б и получила она какой успех, то я полагаюсь на волю Божию, которая часто разными противностями устрояет человеку спасение, о коем мне в мои лета следует думать и думать. Буди воля Божия и за все, имеющее случиться, слава Богу.

Отец Александр очень слаб, но благодушествует, ежедневно беседует со мною о смерти и о том, что надо человеку предаваться воле Божией.

18 сентября 1859 года

№ 6

Благодарю за извещение об освящении церкви преподобного Сергия, чем я весьма утешился. Да славится имя Божие на земле бедным созданием Божиим — человеком, и да достигнет сие бедное создание зрения вечной славы Божией на небеси.

Отец Александр тает постепенно, чрезвычайно слаб. Я на него любуюсь, как на небесного жителя, физиономия у него ангельская.

10 октября 1859 года

№ 7

Промысл Божий бдит неусыпно над судьбами Своей Церкви и над судьбами мира. Воля Божия да совершится! Ты живешь при моем ближайшем ученике и в монастыре, который почти основан мною: следовательно, ты не удалялся от меня и не расходился со мною. Не сунулся же по увлечению глупой фантазии куда-нибудь, а пребыл в своем месте и по отношению ко мне проходил послушание корреспондента. Леонид[1] и Ювеналий[2] избрали свой путь, отвергнув то предложение, которое им было сделано. Дай Бог им всего доброго! Желать им всего доброго можно и должно, а соваться с каким-либо своим предложением или советом невозможно. Даруй, Господи, всем вся на временную и вечную пользу.

15 января 1860 года

[1] *Леонид (Кавелин)* — о нем см.: Т. 2. С. 34.
[2] *Ювеналий (Половцев)* — о нем см.: Т. 2. С. 144.

№ 8

Судьбы Божии помогают тем, которые имеют искреннее, хотя и немощное намерение спастись. Тебе известно, как рано посланы были мне болезни, постепенно отнимавшие возможность подвига и уничтожавшие способность к занятиям. Вижу, что болезненность моя есть дар Божий: она обуздывала меня и, лишая временного благоденствия, привлекала ко мне вечную милость Божию. — Теперь пришло время похворать и тебе. Радуюсь, что ты переносишь болезнь должным образом, повторяя слова разбойника, который был распят одесную Господа и за сознание свое получил вход в рай. Болезнь твоя есть Богом данная епитимия. Милосердый Господь да дарует тебе

переносить епитимию с благодарением Богу... И от болезней и от лечения я так слаб, что надо бы в какой-либо монастырь на покой, то есть с управлением монастырем. Пришли мне такую книгу, где бы русские монастыри были описаны, да собери какие можно сведения о монастырях Задонском и Колязинском. Последний был бы удобнее: как менее посещаемый знатью. Впрочем, это помышления человеческие, а Бог знает, что делает с Своими созданиями.

Потрудись передать мой поклон Павлу Петровичу и скажи ему, что пора перестать сердиться на меня и простить меня. Передай мой поклон всей братии.

17 февраля 1860 года

№ 9

Спаси Господи за всю любовь твою ко мне грешнику. За все слава Богу! — Не начинаем жить, а оканчиваем земную жизнь. Довольно нагляделись на все земное: кажется, надо бы научиться и твердо знать, что все земное превратно, что всякая горесть и радость — земные минуты, яко сон обманчивый проходят и не возвращаются.

23 апреля 1860 года

№ 10

Болезнь твою надо признавать милостию Божиею. Всеблагий Господь отеческим наказанием Своим дополняет недостаток произвольного человеческого подвига. Пишешь, что отец Иустин редкой души человек. Точно: к нему имеется особенная милость Божия. Я должен благодарить Бога, что Он, по великой милости Своей, послал мне на старость, при крайней немощи моей, человека, несущего о Господе тяготу мою. И Каллист очень мил, становится почтенным. — Дело о пострижении в схиму надо начинать по окончании дела о лечении. Лечение очень развлекает мысль лечащихся, это знаю по собственному опыту; схимнику же по пострижении непременно надо иметь мысль, сосредоточенную в себе: первоначальное расположение духа, воспринятое по пострижении, будет действовать на всю остальную жизнь.

12 мая 1860 года

№ 11

Бог устроил тебе на старости лет поболеть и в келлии посидеть, чтоб грехи юности помянуть и в них принести Богу покаяние, а от Бога получить прощение. Слава Богу, устрояющему нам спасение Его премудрыми судьбами. Из постигшей тебя болезни должно понимать, что Бог принял твое произволение по отношению к твоему вступлению в монастырь и награждает за твое посильное служение Ему в монастыре. Апостол говорит, что *Бог биет всякого сына, егоже приемлет* (Евр. 12. 6). Итак, хотя теперь идут побои, но они знак принятия, и должны быть приняты с радостию и благодарением. От благодарения — терпение; от терпения — надежда спасения.

25 мая 1860 года

№ 12

Благодарю за уведомление о почившем Епископе и о отходящем. Такие вести поучительны: и нам предстоит путь туда же. Надо приготовиться. И Господь приготовляет судьбами Своими тех, кто по силе сам приготовляется.

17 июня 1860 года

№ 13

Спаси Господи за уведомление о кончине митрополита Григория. Хотя и скорбная весть, но судьбы Божии неисследимы и им должно покоряться.

Да дарует тебе Бог благополучно пожить при указе. Я и сам находил твою поездку сюда излишнею. Мы не мирские люди! Разговору у меня с тобою хватило бы только на пять минут. Гораздо лучше внимать себе, не оставляя места, данного Богом для спасения. Час призыва в вечность для каждого из нас неизвестен, но непременно будет, и по большей части подкрадывается, яко тать в нощи.

27 июня 1860 года

№ 14

Недавно попало мне в руки завещание Святителя Тихона Воронежского. В этом завещании между многими благодарениями праведник воссылает благодарение Богу за то, что даровал ему прежде кончины **село покаяния**, на коем сокровенна драгоценная жемчужина спасения. Но чтоб купить село покаяния,

надо, по наставлению Евангелия, продать все имущество, то есть пожертвовать видным земным положением, приводящим в рассеянность, и всеми земными приятными отношениями, развлекающими сердце и не допускающими углубиться в покаяние. В таком расположении души сами себя, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим.

11 июля 1860 года

№ 15

Я молю Бога, чтоб Он даровал мне поприще покаяния. По моему мнению: я еще не начинал покаяния, и вполне разделяю мнение преподобного Исаии Отшельника, высказанное им в послании к ученику его, авве Петру, что доколе человек находится в развлечении и попечении, дотоле он не может стяжать покаяния.

28 июля 1860 года

№ 16

Господь являет милость Свою к рабам Своим не в земном благополучии, а в земных скорбях. Очень утешительно изложена эта мысль в житии Великомученика Евстафия Плакиды: там сказано, что если Господь и даст земное благополучие рабам своим, то на короткое время, чтоб они не испортились. Благополучие неизменное очень портит сердце. При нынешних переменах я могу ожидать, что предложат на покой: надо это счесть за великую милость Божию, дарующую время для тщательного покаяния.

Извини меня пред А. С., что не затеваю с ним переписки, хотя и сохраняю всю прежнюю любовь. Я вообще прекратил переписку со всеми и пишу только при крайней нужде. В мои годы и при слабости моего здоровья мне не до переписки и не до земных помышлений, а как бы почаще вспоминать о смерти и приносить Богу покаяние, пока поприще покаяния не отъято.

Относительно моих сочинений передай Отцу Архимандриту[1], что я никак не желаю, чтоб ныне они были напечатаны, по многим причинам, между прочим и по той, что я их выправляю и пополняю. Так, **Правила для наружного поведения новоначальных** выправлены и к ним приделана другая половина, в пять раз больше первой, **о душевном делании для новоначальных**. «Слово о смерти» я выправил и послал к Московскому

Митрополиту с прошением о разрешении напечатать, как опыт аскетических трудов моих. Что будет? не знаю! — Если Богу угодно будет, то мне желалось бы напечатать собрание моих сочинений, пересмотревши тщательно, и напечатать под собственным моим наблюдением. Если же этого Богу не будет угодно, то выправленная рукопись может остаться по смерти моей тому, в чьи руки Бог приведет ее, и может быть напечатана или и ненапечатанной послужит кому-либо в душевную пользу. У О. Архимандрита имеется снимок многих моих сочинений в память о мне грешном и в память того, что я, хотя сам мало знал, но что знал, то братии сообщал в общее спасение. Почему прошу и молю О. Архимандрита моих сочинений не печатать ни в целом виде, ни в выписках, ни в переделанном виде. Мне старец Исаия говаривал: не пиши! не для кого!

10 августа 1860 года

[1] Отец Архимандрит Игнатий (Малышев).

№ 17

Вот уже истина, сказанная в Священном Писании, что всякий человек расцветает для земной жизни на короткое время! Глядишь: расцветает, поцветет, а там и блекнет. И богатырь Кн<язь> О. отходит. В Оптиной 7 сентября скончался иеросхимонах Макарий Иванов, знаменитый старец: он постоянно переписывался со мною с того времени, как я на Кавказе. Скажи Шереметеву, что я сердечно радуюсь воздвигнутой им обители для иноков; за это, по всей вероятности, он найдет в той жизни уготованную себе богозданную обитель вечную. Не могут остаться без исполнения слова Христовы: *в меру, в нюже мерите, возмерится вам*. Полагаю, что 25-го Митрополит[1] был у вас в Пустыне: сердечно желаю, чтоб он дал дожить отцу Игнатию и братии в той обители, в которую они вступили, когда она состояла в развалинах и когда, по милости Божией, превратилась в благолепнейший монастырь с такими прекрасными зданиями, каких нет ни в какой другой обители. О благочинии и благонравии судит Бог. Но и в этом отношении Сергиева пустынь далеко выше многих других монастырей, даже знаменитых святостию. Впрочем, воля Божия да будет! если и последует с Игнатьюшкой какое искушение, то оно будет служить признаком особенного Божия благоволения.

По милости Божией начинаю чувствовать значительное облегчение после сильнейшего и мучительного действия вод, которое, впрочем, продолжается в значительной степени и доселе. Веду жизнь весьма уединенную. Не могу довольно возблагодарить Бога, извлекшего меня из Петербургского омута: кажется, я нарочно был поставлен туда, чтоб вблизи увидеть всю суету мира, познать ее обманчивую прелесть и окончательно возненавидеть ее. Никифоровские поживают здесь мирно и со мною очень поладили. В городе ими назидаются. Слава Богу, дающему время на покаяние и на ознакомление с будущностью прежде вступления в будущность.

26 сентября 1860 года

[1] *Исидор* (Иаков Сергеевич Никольский; 1799–1892) — Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский с 1860 г.

№ 18

Весьма бы рад был, если б дали епархию где вдали, но с монастырями, чтоб можно было заблаговременно приготовить монастырек, а потом и удалиться в него. Таково предположение человеческое, но Господь строит свое, и должно покоряться воле Его.

10 октября 1860 года

№ 19

Письмо твое от 31 октября получил и порадовался известию, что новый Митрополит расположился к Сергиевой пустыне и ее Настоятелю. Искренне желаю, чтоб это расположение пришлось и упрочилось для блага обители, для мира и спасения живущих в ней и для самого Святителя, который впервые в жизни своей имеет дело с монашествующими, понимающими монашество. Оттолкнуть от себя монахов и разогнать очень легко, а собрать и образовать — весьма трудно, даже невозможно, без особенного дара Божия. О. Архимандрит Моисей известил меня о кончине старца иеросхимонаха Макария и просил брошюру сочинения отца Леонида Кавелина. Оптина лишилась души своей. Отец Макарий, хотя и был наиболее телесным исполнителем заповедей, но имел любовь к ближнему и ею поддерживал братство. Он незаменим, по моему мнению и взгляду! оставшиеся слишком телесные делатели. Святой Исаак Сирский сказал, что телесное делание без душевного к разуму Божию приближаться не может, а весьма способно к доставлению мнения о себе.

Мир прославляет Оптинских как святых; но мнение мира всегда бывает противно истине. Оскудело монашество, и еще более должно оскудеть. Спасаяй да спасет свою душу. Всей братии мой усерднейший поклон.

Е<пископ> И<гнатий>.

15 ноября 1860 года

№ 20

О дамах, вышедших замуж за границей, сожалею. Век такой! вкус такой! залоги такие! О бывшей К. Е. очень сожалею. Так люблю все их семейство, что приятности их и неприятности живо трогают меня.

14 декабря 1860 года

№ 21

Усердно желаю тебе принять святый ангельский образ во спасение души твоея и окончательное отрешение от мира.

Относительно себя скажу тебе прямо, что я никакого видного места для себя не желаю, да и не в силах, по болезненности и истощению от болезненности, понести служения на видных местах, а искренне желаю где-либо в уединении и неизвестности окончить дни свои во внимании себе и покаянии.

27 декабря 1860 года

№ 22

Спаси Господи за все, и за свидетельство о мне, что я от продолжительной болезни истощился. Это совершенная правда. Грешную мою жизнь всю перезабыл; пиши, что знаешь и хочешь, а я только то знаю и помню, что жизнь моя была и есть цепь грехов.

Справедливо святые Отцы называют земную жизнь обманчивым сном, а счастие, которое не остается собственностью человека на вечность, самообольщением. Сколько примеров земного довольства и величия, рушившихся пред нашими глазами! А теперь живой пример К. О. — И богат, и славен, да по рассудку в детском состоянии, а потому и слава, и богатство составляют лишенную почти всякого значения обстановку, которую смерть вполне отымет. Велика к нам милость Божия, приведшая нас в монастырь. Это благо выше всех земных благ.

О мне ходят здесь основательные слухи, что переведут. Что ж? вся земля принадлежит одинаково Богу, и я предаю себя всецело Его воле и водительству. Бог нередко устраивает для тех,

которые вручили себя Ему, душеполезное положение обстоятельствами противными. Тихона Воронежского обвиняли в излишней горячности; по причине такого обвинения он должен был удалиться в монастырь, где сподобился особенной милости Божией. В предсмертном завещании своем Святитель именно приносит Богу особенную благодарность за то, что даровано ему был приготовиться к переходу в вечность тщательным покаянием. Вот что сочтено духовным мужем за благодеяние Божие: изгнание с кафедры и смиренное пребывание в монастыре. Самое правильное суждение!

Отцу Архимандриту и всей братии потрудись передать мой усерднейший поклон. Будь здрав и благополучен. Молись о мне.

Е<пископ> И<гнатий>.
30 января 1861 года

№ 23

Спаси Господи за письмо твое от 31-го января.

Святой Иоанн Златоуст и другие святые Отцы, начиная говорить о чем-либо, всегда старались начинать со следующих слов: «Буди воля Божия над всеми нами! Слава Богу за все совершающееся, хотя бы совершающееся было и тяжким и горьким». Бог и в благодеяниях Своих многомилостив, и в наказаниях Своих многомилостив. Дело каждого христианина — понять и признать эту истину.

Нередко случается, что, по смотрению Божию, отнимается что-либо вещественное и временное, взамен его дается нравственное и духовное, вечное. А люди, привязанные к веществу и временной жизни, скорбят, не понимая, что они возводятся к бесценным, высшим благам. Предание себя воле Божией приносит сердцу успокоение и утешение при всех скорбях. Это я говорю по своим частым опытам; но уверен, что и опыты каждого человека подтвердят то же, если он настроит себя по духу Святых Отцов. Слухи о моем перемещении здесь продолжаются; но ты не говори о них для празднословия и со всяким. Услышав о кончине Митрополита Григория, я понял, что должен получить другое назначение, потому что с переменою высшей власти обыкновенно бывает значительное изменение в административных планах.

Е<пископ> И<гнатий>.
16 февраля 1861 года

№ 24

Назначение Преосвященного Леонида [Краснопевкова] для освящения храма в Париже нахожу весьма основательным, а желание некоторых, чтоб я был употреблен для этого, нахожу вполне неосновательным; за любовь же благодарю. Я очень устарел, лишился телесных сил и душевных способностей, приехал сюда полумертвым, сам не понимая, что я ужасно болен. Лечение на водах открыло всю важность моей болезни, сопровождавшейся даже нервным расстройством. Теперь хотя и чувствую некоторое облегчение, но не настолько, чтоб фигурировать в видных должностях, к которым не имею ни малейшего сочувствия. Доля Преподобного Тихона Воронежского — вот доля, достойная сочувствия и соревнования!

11 июня 1861 года

№ 25

К. С. Н-чу весьма благодарен за участие, которое он принимает во мне. Но я, видя, что дние мои, яко сень, уклоняются, а силы крайне слабеют, сверх того, имея давнишнее желание окончить дни свои в уединении, подал прошение в Святейший Синод об увольнении меня от управления епархией и о предоставлении мне в управление общежительного Бабаевского монастыря Костромской епархии. Сделав это, я ощутил в душе моей особенное чувство спокойствия и даже тихой радости, как по исполнении своего долга. Не с моим направлением жить в видных местах и занимать видные должности. А теперь — и не с моими силами и здоровьем. Если же поколебаться от двоедушия и благое намерение удаления для покаяния отлагать день за день, к чему лестью влечет враг спасения нашего под различными предлогами благовидными, то можно в таком двоедушии и нерешительности провести всю земную жизнь и быть застигнутым смертию в неготовности. Бабайки — место уединенное, малопосещаемое, особливо зимою вовсе не посещаемое, сухое и здоровое, при реке Волге. Если Бог дарует мне этот приют, то он может сделаться приютом для многих, истинно желающих спасения вдали от шумного мира.

Попроси от меня О. Архимандрита Игнатия, чтоб он поговорил о мне Митрополиту, а если нельзя прямо, то через Преосвященного Викария. Основание в том, что многие ученые монахи имеют о мне самое превратное понятие, судя по себе.

Преподобный Исаия Отшельник сказал: «Как полотно сохраняет признак той краски, в которую оно было окрашено в первый раз, сколько бы его после не перекрашивали, так и монах сохраняет в себе на всю жизнь отпечаток того направления, которое он получил первоначально, вступая в монастырь». Совершенная истина! Вижу это на себе и на других. Академические иноки, вступая в монашество с целию служения Церкви в ученом и административном отношениях, сохраняют это направление, и новоявленный Угодник Божий Святитель Тихон, оставив епископскую кафедру, сперва скучал в монастырском уединении, будучи лишен административной деятельности. То же самое замечено и на других. Я, напротив того, проведя начало моего иночества в уединеннейших монастырях и напитавшись понятиями самой строгой аскетики, сохранял это направление в Сергиевской пустыни, так что в моей гостиной я был репрезентабельным архимандритом, а в кабинете скитянином. Здесь продолжается то же самое, только в большей степени: так сроднился с келлией, что с трудом могу принудить себя выйти в сад, чтоб доставить себе необходимое для здоровья уединение. Такого направления моего многие и не подозревают, а потому сочиняют для меня направление, вполне чуждое мне, что мне и писал покойный Митрополит Григорий. Удовлетворив моему прошению, доставят двойную плату: 1) меня не только успокоят — облагодетельствуют, предоставив мне жительство, удовлетворяющее моему направлению; 2) успокоят тех, которые видят во мне разные замыслы, опасные или неприятные для них. И второй пункт для меня очень важен. Преподобный Пимен Великий сказал: «Не живи там и так, чтоб жительство твое приносило смущение ближним, иначе и ты лишаешься духовного плода единственно по той причине, что жительство твое приводит ближних в смущение».

Кроме просьбы в Синод я писал и просительные письма к Митрополитам Московскому и Петербургскому и Обер-Прокурору. Прошение послано 24 июля, следовательно, переговором надо поторопиться.

Е<пископ> И<гнатий>.

31 июля 1861 года

№ 26

Спаси Господи за письмо твое от 8 августа и уведомление. Я уже получил формальное уведомление от Обер-Прокурора в понедельник 21 августа. Особенное чувство радости и спокойствия меня исполняет, а истощение телесных сил — необыкновенное. К 1-му октября потрудись написать мне в Николо-Бабаевский монастырь, в Нерехту.

24 августа 1861 года

№ 27

Приехав 14 октября в Пустынную обитель Святителя Николая, Бабаевскую, я нашел там письмо твое от 29 сентября. Путь совершил я с трудом по слабости тела, истощенного болезнями, а в Москве захворал серьезно. Больным выехал из Москвы и больным приехал сюда, несмотря на то, что к заболевшей ноге приставлено было в Москве 120 пиявок.

Монастырь Бабаевский заштатный, общежительный строительский. Настоятели за многие достоинства возводятся в игумены и, изредка, в архимандриты. Имеется 36 манатейных вакансий, но налицо находится только 18 монахов. Монастырь в упадке и по нравственному, и по материальному отношениям; расположен на весьма здоровой и довольно приятной местности, весьма удобен для монашеской жизни. Будущее монастыря во власти Божией.

Никогда в жизни моей я не был так доволен моим положением, как доволен им теперь. Кажется, мой Ангел хранитель по повелению Божию продиктовал Святейшему Синоду указ о мне; — так этот указ удовлетворяет требованиям моего душевного настроения и телесного здоровья. Государь, быв на Кавказе, послал мне орден. Если же к 1000 рублей пенсии прибавлены еще 500, то я уже не знаю, что сказать о таком обилии милостей.

Адрес мой: в Ярославль.

Н<едостойный> Е<пископ> И<гнатий>.
18 октября 1861 года

№ 28

Не могу нарадоваться настоящему моему положению. После долгих страданий среди бурного житейского моря Бог привел в тихое пристанище. Все устроилось как нельзя лучше. Еще

прежде моего прибытия здешний Настоятель исходатайствовал себе другое настоятельское место, а потому естественно, что Иустин заступил его место к общему удовольствию братства, коего налицо более 80 человек. Монастырь — особенно удобный для монашеской жизни во всех отношениях! Воздух и вода прездоровые.

30 октября 1861 года

№ 29

Я очень доволен тем, что дали, полагал, что вовсе ничего не дадут. Когда данное достаточно, то не сообразно с монашескою совестию хлопотать о большем. Если что здесь поудержали, то встретим многоумноженным в будущем веке. Время наступило такое, в которое наиболее надо думать о вечности: годы ушли, здоровье и силы оставили. Не видать, как подкрадется и смерть. Местом я очень доволен: самое уединенное! Никто не беспокоит. Выздоровления ожидать мне нельзя: потому что очень истощился и болезнями, и лечением. Разве последует какое особенное чудо по Промыслу Божию. Не должно льстить себе предположением долгой земной жизни, вернее, частым воспоминанием о смерти стараться сделать ее менее страшной в час ее прихода. — Минеральные воды сильно погнали из меня простуду и золотуху: это продолжается и теперь, держит всегда в трудном положении, а по временам приводит и в весьма трудное. За все слава Богу!

Е<пископ> И<гнатий>.
10 декабря 1861 года

P. S. При проезде через Москву посмотрел на преуспевших. Ничего завидного нет; напротив того, многое показалось достойным сожаления.

№ 30

Кто окончательно будет назначен Обер-Прокурором — уведомь. В здешнюю глушь — таков Бабаевский монастырь в зимнее время — никаких сведений не приходит: живем как бы в ином мире, чем я очень доволен. Летом здесь приятно: если вздумаешь посетить — милости просим, и с тезкой[1]. Я становлюсь как будто посвежее; с приезда был очень плох.

15 января 1862 года

[1] То есть с отцом архимандритом Игнатием (Малышевым).

№ 31

Я, по обыкновению, похварываю; только четыре раза был в церкви, сижу безвыходно в келлии; ни разу не прогуливался ни пешком, ни в экипаже.

13 февраля 1862 года

№ 32

Вообще я всем очень доволен, а чего недостает, то, надеюсь, милосердый Господь устроит для меня грешного. Потрудись передать письма мои Чернявскому и Рудавскому. Не важно, что эти дети вспомнили меня; важно то, что вспомнили себя. Без последнего первого не было бы.

Е<пископ> И<гнатий>.
26 февраля 1862 года

№ 33

Спаси Господи за письмо твое и за благодушие, с которым претерпеваешь находящая. Все мимо идет, и хорошее, и худое, а ни человеки, ни бесы не могут сделать того, чего Бог не попустит. Если встретил затруднение в получении отпуска: то лучше и не начинать, тем более, что в поездке никакой крайности нет. В особенности же О. Архимандрит должен быть осторожным и для себя, и для обители. Я отнюдь не желаю видеть вас чувственными очами, а желаю видеть душевными очами в благочестивом преуспеянии, в жительстве во страхе Божием. Сего для меня предовольно. Сегодня в четвертый раз в течение зимы вышел из келлии в церковь.

Слава Богу за все! В 1856 году, кажется, я именно для того и возобновил знакомство с Оптинскими, чтоб еще более разойтись с ними. Промысл Божий избавил и от Ювеналия, который не понес бы моих немощей. Теперь я в своем кругу! среди братий, несущих мои немощи. Весьма сошелся с отцом Феофаном, бывшим Никифоровским, который здесь помаленьку старчествует. И прежнее братство Бабаевское простое, с пустынным направлением, мне, старику, на руку. Монастырь преуединенный, особливо зимою. Слава Богу, давшему покой после продолжительного обуревания. Здоровьишко очень слабо, и за то слава Богу!

Е<пископ> И<гнатий>.
10 марта 1862 года

№ 34

Хотя и недавно писал тебе, но и на письмо твое от 15 апреля отвечаю, видя из письма твоего, что ты нездоров. Милосердый Господь да дарует тебе терпение, которое является в душе тогда, когда мы отдаем себя воле Божией и благодарим Бога за скорбь, посланную во очищение грехов наших. Прекрасно сказал Святой Мученик Тивуртий о земной жизни (Четьи-Минеи 22 ноября): «Мнится быти и несть». Точно! она будто и пред глазами, и в руках, а все ускользает. О будущей жизни Тивуртий сказал: «мнити не быти, и есть». Точно, когда здесь живем, то представляется, что и всегда здесь останемся жить; будущая жизнь представляется несуществующею. Но нет! не видать, как наступит, и наступит непременно. Блаженны те, которых Бог приготовляет к вечности болезнями и другими скорбями, которые из среды скорбей своих исповедаются Богу. **«Достойное по делом нашим приемлем! Помяни нас, Господи, во царствии Твоем!»**

У меня болят руки и ноги, особливо очень болит правая нога; очень болит голова, но главная боль в левом боку, по всей нижней части груди и ребер, даже с левого плеча, паче же около сердца. В этом месте по временам чувствую боль, как бы от язвы копием, отчего прихожу в крайнее изнеможение и чувствую себя как бы умирающим. Спаси Господи за извещение о кончине Шереметева. Господь посетил его тяжкою болезнию. Полезно слышать о смерти знакомых, такими известиями своя смерть напоминается.

Как внезапно, без особенной видимой причины, самые свежие кровь и плоть начинают в себе и из себя зародыш смерти! Этот зародыш начинает развиваться и вдруг разовьется в неизлечимую болезнь, которая укладывает человека во гроб.

Е<пископ> И<гнатий>.
22 апреля 1862 года

№ 35

И сюда доходят известия о скорбях, постигших столицу. Жаль, очень жаль! Умножились люди, пренебрегающие законом Божиим и не останавливающиеся ввергать ближних в беды и напасти. Жаль и отца Ираклия, решившегося поднять голос против братии своей. Милосердый Господь да заградит источники искушений, если бы мы сделались немощны. По крайней

мере, о себе скажу, что я сделался крайне немощен и всякая малость обеспокоивает и действует вредно на здоровье.

На днях ездил в Ярославль и Кострому к тамошним Святителям[1] и был принят очень благосклонно — всех приветствовал и со всеми простился, сказав, что имею намерение не выезжать из монастыря, чего требует и крайне расстроенное здоровье, и соответствующее ему настроение душевное. Поездка была для меня затруднительным подвигом.

12 июня 1862 года

[1] То есть к Высокопреосвященным Нилу (Исаковичу) и Платону (Фивейскому) — о них см.: Т. 1. С. 45–51.

№ 36

В настоящее время живу в келлиях о. Игумена, потому что моим доставляют необходимый комфорт соответственно моему здоровью, которое весьма плохо. Здесь получено известие о кончине нашего соседа и моего доброго знакомого Н. П. Полозова. Почти все близкие мне перебрались в вечность; наступила или наступит и моя чреда.

Здесь с июня месяца наступила хорошая погода, перепадают дожди, но вокруг монастыря нет грязи; хлеба и травы хороши. Посетителей монастырь почти не имеет; летом уединение почти такое же, как и зимой. Простолюдины посещают монастырь в значительном числе: но они приходят к Богослужению и после него уходят в свои села или на гостиницу, не беспокоя прихотливыми требованиями братию.

К Ахматову я писал форменное отношение, что никакой возможности не имею заниматься с подначальными, которых расположился присылать ко мне Гр<аф> Толстой[1], по совершенному расстройству моего здоровья. Это вполне справедливо! и ныне чувствую ужасную боль в левом боку: видно, образовался сильнейший аневризм[2], который требует пребывания в совершенном спокойствии и уединении. Видно, настало время заняться исправлением себя, а не других, и приготовлением к переходу в вечность.

Е<пископ> И<гнатий>.

27 июня 1862 года

[1] О графе А. П. Толстом см.: Т. 2. С. 682–694.

[2] Этот припадок совсем, казалось, прошел весною 1863 г., но он скоро вновь появился и развился в смертную причину. — *Примеч. П. А. Брянчанинова.*

№ 37

Спаси Господи за письмо твое от 6 июля и за твои благие желания. Как я, так и Петр Александрович ищем единого: окончить дни наши в покаянии. Сего единого просим у Бога; развитие же монастыря или неразвитие предоставляем Всесвятой воле Божией, единой ведущей полезное. Мы же боимся вещественных попечений и молвы, яко отводящих от попечения о душе. Бабаевский монастырь, весьма уединенный зимою, оказывается весьма уединенным и в летнее время. Здоровье мое очень слабо: сил нет, и являются припадки параличного свойства.

Спаси Господи за заботы о мне. О смерти: не избрать человеку, какою ему болезнию умереть; умереть тою, какую Бог пошлет. Святитель Тихон, новоявленный Угодник Божий, заболел от удара параличом. У меня давно прекратился открытый геморрой и с того времени начали делаться припадочки параличного свойства.

Как ни умереть, а дай Бог умереть с покаянием. Отец Гедеон, иеродиакон, умирает при весьма хорошем приуготовлении.

Е<пископ> И<гнатий>.
19 июля 1862 года

№ 38

Потрудись передать мой искреннейший привет Виктору Ипатьевичу[1]. Уважаю его подвиг, совершаемый с таким самоотвержением и с такою пользою для православных христиан. Петр Александрович, принадлежащий к числу ревностнейших читателей Виктора Ипатьевича, желает познакомиться с ним лично, будучи очень знаком заочно.

Относительно моих сочинений тебе известно, что я писал их для себя и для коротких, немногих знакомых моих, из настроения, полученного и усвоенного монастырскою жизнию. Не удивительно, что это настроение в некоторых оттенках представляется отделяющимся от настроения благочестивых иноков, даже святых, но заимствовавших свое настроение в духовных училищах. Для примера укажу на превосходные во всех отношениях сочинения Святого Тихона Воронежского. Мои сочинения, несмотря на многие их недостатки в духовном и ученом отношениях, иного характера. Я полагаю необходимым сохранить этот характер и не перекраивать их на Академический образец; в противном случае оставить ненапечатанными, тем более, что не с этой целию были

писаны и самим мною признаются недостойными того. — Здесь, в уединении, оглядываясь на прошедшую жизнь и усиливаясь раскаянием ослабить силу моих согрешений, приношу раскаяние и в составленных сочинениях, признавая их грешными пред Богом и слова их недостойными предмета. При всем том и для многих монахов, славных своею аскетическою жизнью, например для Оптинских, мое настроение остается очень неясным: ибо их настроение образовалось от деятельной жизни телесной, столько видной для мира и прославляемой им, а мое — от вынужденного болезнями и другими обстоятельствами затвора и сопряженного с ним душевного делания и подвига, невидного и непонятного для мира. Это-то настроение и проявляется повсюду в моих сочинениях, как они не недостаточны, и делает их своехарактерными. Они по характеру подходят к писаниям древних аскетов.

Настала осень; закупоривают на зиму окна, и я закупориваюсь в моих комнатах по необходимости, не только по произволу. Что делать? надо идти тем путем, который указан Промыслом Божиим.

Испрашивающий твоих Святых молитв.

<Недостойный> Е<пископ> И<гнатий>.

6 сентября 1862 года

[1] *Аскоченский В. И.* (1813–1879) — прозаик, журналист, историк, издатель журнала «Домашняя беседа».

№ 39

Здоровье мое очень слабо. Паче всего силы окончательно истощены. Перемены бывают не по дням, а по часам: то поотдает, то опять схватит. Не могу нарадоваться спокойному приюту, который дарован мне Богом и который столько соответствует моему положению.

Спаси Господи, Батюшка мой, за труд, который ты принимал на себя, пиша ко мне довольно часто. Уже не утруждай себя столько. Весьма буду благодарен, если напишешь изредка или при какой особенной нужде.

31 октября 1862 года

№ 40

Спаси тебя Господи за письмо твое от 5 января. Справедливо говоришь, что Бог даровал мне в свое, известное Богу время то, чего я давно и постоянно желал, но к чему не был готов.

«Безмолвие, — говорит святой Иоанн Лествичник, — неопытных погубляет». Прошу твоих молитв, чтоб дарована была мне премудрость употребить должным образом время, дарованное на покаяние и приготовление себя к вечности.

О себе рассуждай с осмотрительностию. Здешнее место не Сергиева пустыня.

Так называемыми талантами, при которых позволяют себе гордость, самоволие и другие послабления, здесь не дорожат, а дорожат сохранением монашеского направления. Нарушителю монастырских правил и благочиния, кто бы он ни был, выдается немедленно билет для приискания себе другого места. А потому желающий здесь жить должен предварительно приуготовиться к покаянию, которое определяется святым Иоанном Лествичником так: «покаяние состоит в постоянном утеснении чрева и сокрушении духа». С иным приуготовлением лучше сюда не вступать. Место здешнее — уединенное, способствующее вниманию себе и покаянию; в города и села братии не позволяется отлучаться, в гостиницу без спросу не ходят, женского пола в келлии к себе не принимают.

Очень буду рад посещению о. Архимандрита, но заблаговременно могу сказать, что к советам я потерял способность, если и имел ее. Потрудись передать мой усердный поклон и благословение братии и болящему Иоанну Дементьевичу, коему желаю скончать земное течение свое в покаянии и надежде на единственную надежду нашу — Господа Иисуса Христа, Бога и Искупителя нашего.

И паки прошу твоих святых молитв.

Е<пископ> И<гнатий>.

17 января 1863 года.

№ 41

Справедливо говоришь, что милость Божия к тем, которые устранены Промыслом Божиим от общего стремления массы в отдельные положения, как бы на острова, с которых только видна и слышна буря морская, и то тогда, когда житель острова оставит глубину его — внимание к себе и приблизится к берегу — начнет внимать совершающемуся на житейском море. Эта милость Божия возвещена и Священным Писанием (Пс. 30. 20, 21, 22). Святые Отцы предвозвестили, что в последние времена спасающиеся скроются от входов человеческих и пойдут

смиренным путем делания, хранясь осуждать отступников, предавая все воле Божией и суду Божию, благоговея пред самыми попущениями Божиими.

Не от кого ожидать восстановления христианству! Сосуды Святого Духа иссякли окончательно повсюду, даже в монастырях, этих сокровищницах благочестия и благодати, а дело Духа Божия может быть поддерживаемо и восстановляемо только Его орудиями. Милосердое долготерпение Божие длит время и отсрочивает решительную развязку для небольшого остатка спасающихся, между тем гниющее и почти согнившее достигает полноты тления. Спасающиеся должны понимать это и пользоваться временем, данным для спасения, «яко время сокращено есть» и от всякого из нас переход в вечность недалек.

Е<пископ> И<гнатий>.

14 ноября 1864 года

№ 42

Брат привез мне известие, что ты подвергался тяжкой болезни, почему и пишу тебе эти утешительные строки. Святые Отцы советуют благодарить Бога за те скорби, которые нам посылаются, и исповедовать в молитве нашей, что мы достойны наказания за грехи наши. Таким образом принимаемая скорбь послужит нам непременно в очищение грехов наших и залогом к получению вечного блаженства. Мы, по свойству недугующего падением естества нашего, заботимся наиболее об устроении нашего земного положения, а Бог устраивает наше вечное положение, о котором мы забыли бы, если б земное наше положение не было потрясаемо скорбями, если б скорби, посылаемые по временам Промыслом Божиим, не напоминали нам, что все временное и земное преходит и что главные заботы должны быть о вечном. Писание говорит: *Господь, его же любит, наказует*[1]. Скорби вразумляющие посылаются от Бога тем, которых Он хочет помиловать, а отверженным посылаются скорби сокрушительные и решительные, наиболее на самом конце жизни, как-то или скоропостижная смерть, или лишение рассудка и тому подобное.

Велик Бог наш! Великое дело — искупление человеков Богом! страшные дни — падение человека! Необходимо нужно основательно познать это, чтоб не погибнуть навеки.

Е<пископ> И<гнатий>.

1866 года

[1] Евр. 12. 6.

№ 43

Подвижникам, занимающимся умственным подвигом, попускаются преимущественно пред телесными подвигами болезни и другие скорби: от действия их подвижник по необходимости должен возлагать надежду на Бога. От усиления надежды на Бога слабеет самонадеянность; с уменьшением самонадеянности уменьшается самомнение. С ослаблением этих недугов начинает зарождаться в душе истинное смирение, на котором основаны правильность и прочность всякого подвига.

Это сказано в утешение тебе в постигшей тебя болезни. Будем предаваться воле Божией и делать сами то, что зависит от нас.

Е<пископ> И<гнатий>.
22 июня 1866 года

№ 44

Тому человеку, которого Бог избирает в служение Себе, посылаются различные скорби. За скорби должно благодарить и славословить Бога, моля Его, чтоб даровал покорность Ему и терпение. Очень хорошо сказал святый Исаак Сирский, увещевая покоряться Богу: «Ты не умнее Бога». Просто и верно.

После последнего приема сиропа чувствую необыкновенную слабость. Ноги не служат. Боль в сердце, которая была уже очень сильною в Сергиевой Пустыне, обнаружилась после сиропа с особенною ясностию. Проведши жизнь под игом различных немощей, в постоянных преткновениях, в постоянном упущении обязанностей моих, имею тот счастливый результат из такой жизни, что всю надежду спасения моего должен возлагать на единого Бога.

Е<пископ> И<гнатий>.
29 июля 1866 года

№ 45

Жизнь христианина на земле есть цепь страданий. Должно бороться с телом своим, со страстями, с духами злобы. В этой борьбе — наша надежда. Наше спасение есть Бог наш. Возложившись на Бога, должно переносить с терпением время борьбы. Искушения как бы топчут человека, претворяя зерно в муку. Они попускаются нам по Промыслу Божию, к великой душевной

пользе нашей: от них получаем сердце сокрушенно и смиренно, которое Бог не уничижит.

Прошу твоих святых молитв обо мне, изнемогающем и телом и душою. Призывающий на тебя благословение Божие.

Е<пископ> И<гнатий>.
29 ноября 1866 года

№ 46

С месяц, как я чувствую во всей нижней части груди особеннейшую боль и истощание. От ничтожнейшего занятия письмом утомляюсь неимоверно.

П. А. довольно хлопот с изданием моих сочинений! Но эти хлопоты тем полезные ему, что дали возможность всмотреться в состояние Церкви, которое грустно. Святитель Тихон, смотря проницательно на направление, принимаемое современниками его, сказал: **«Должно опасаться, чтобы христианство, будучи жизнь, таинство и дух, не удалилось неприметным образом из того человеческого общества, которое не умеет хранить этот бесценный дар Божий»**.

Прошу твоих молитв обо мне. Призывающий на тебя обильное благословение Божие.

Е<пископ> И<гнатий>.
27 декабря 1866 года

№ 47

Приношу искреннейшую благодарность за воспоминание о мне, немощном и грешном. Неизреченное милосердие Божие да дарует и мне и тебе нести попускаемые нам скорби с преданностию воле Божией, с благодарением Богу, с исповеданием своей греховности, от которых является в душе терпение.

Жизнь человека в миру, в светской жизни, хотя бы и молодого, не снимает с него обязанности вести себя благочестно. Благочестие необходимо не только в отношении к вечности, но и к временному благополучию его: одно благочестие может удержать его от пагубных увлечений, которыми он вредит себе и потрясает любящих его истинно.

Времена чем далее, тем тяжелее. Христианство, как Дух, неприметным образом для суетящейся и служащей миру толпы, очень приметным образом для внимающих себе удаляется из

среды человечества, предоставляя его падению его. Сущие во Иудеи да бежат в горы.

Е<пископ> И<гнатий>.
1 февраля 1867 года

Во всех письмах к М. В. Чихачеву обозначалось время получения письма, постоянно посылались благословения всей братии Сергиевой пустыни, но как эти, так и другие случайные, но не имевшие никакого особого значения обстоятельства выпускались из писем[1], сохранялись лишь наставления и главнейшие, лично до Владыки относящиеся обстоятельства. — *Примеч. П. А. Брянчанинова.*

[1] Конечно, тем самым содержание писем к М. В. Чихачеву было чрезвычайно обеднено. — *Примеч. О. Шафрановой.*

Два письма М. В. Чихачева к оптинскому иеромонаху Леониду (Кавелину)*

№ 1

Молитвами Святых Отец наших Господи Иисусе Христе Боже наш помилуй нас

Воистину воскресе Христос

Возлюбленнейший о Господе Отец Леонид!

Очень благодарю за письмо и поздравление ваше; взаимно сам благоговейно поздравляю и усерднейше желаю всегда радоваться о Исполняющем всех верных своих несказанными благами — Господе Иисусе. То же молю передать и маститым старцам вашим: отцу архимандриту Моисею и отцу Макарию, некогда сожительствующему купно под руководством одного старца, вашего тезки отца Леонида. Пока мир существует, естественно одни родятся, другие умирают, в одном месте вновь начинают строить, в другом уничтожать ветхость. Вот и Рекони пал жребий возобновляться. Участие в ней принимал наш о. Моисей. Когда пришло время выбрать настоятеля, он пожелал избрать такого, который бы не желал сердечно начальствовать, а делал бы это из послушания, ради любви к Богу и ближнему, мне и вздумалось ему показать на вас, как на самого в этом случае упрямого и не хотящего, а могущего с помощию Божиею дело уладить. Отец Моисей и прочие Реконские братия приняли это единодушно и никто это-

* РГБ ОР. Ф. 148. К. 10. № 38; о Леониде (Кавелине) см.: Т. 2. С. 34.

го не знал, кроме нас двоих. Теперь оказалось, что вы сами пожелали быть из числа многих званых, а не из числа малоизбранных для этого места. Это — ваше дело про то знать, а мне вас не учить стать, сами имеете возраст, и мы хорошо знаем, что вы не из числа ищущих что-либо, кроме милости Божией, без которой никому спастись нельзя, и эту милость Господню непременно надобно приобрести, пока мы находимся на поверхности земли, а в недрах ее уже поздно — такова участь всякого человека: пожить в утробе матери, не видя света, повертеться на земли при свете, худо или хорошо, и опять отправиться в утробу матери-земли, где нет света никакого, но вечная тьма и тоска. Единая безмерная милость Божия, приобретенная смирением, верою и покаянием, может доставить человеку покой, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная, а как? и где? и какими путями? Это надо предоставить Всеведцу, а не нам, человекам, весьма во всем ограниченным. Кстати, вспомнил про книгу: слово о смерти, если она у вас цела и не нужна, потрудитесь переслать ее ко мне — по почте или с кем-либо из верных знакомых ваших, все равно мне не к спеху. Наш отец архимандрит и братия благодарят вас за память и поздравляют; все, благодарение Создателю, здоровы, а мне все и теперь еще хворается, всю зиму и прошлое лето хворал, вид имею человека весьма здорового, но болен, и говорят неисцельно.

Надо готовиться, видно, в путь невозвратный, а леность, неразумие, нерадение, забвение и прочие огромные немощи зело одолевают. *Неключимый раб есмь.* Простите все, отцы святые! И в молитвах своих усердно помяните многогрешного.

Михаил Чихачев.

13-го апреля 1860-го года

№ 2

Молитвами Святых Отец наших Господи Иисусе Христе Боже наш помилуй нас.

Возлюбленнейший о Господе Отец Леонид!

Вы премного меня утешили и обрадовали присылкою книги писем отца Макария достоблаженного, взаимно и вам желаю радоваться о пресладчайшем Господе нашем Иисусе Христе и приветствую радостным для всех словом: Христос Воскрес! потому что строки эти придется вам читать по прошествии Великого поста. Очень благодарят вас отцы наши: архимандрит и брат его

Моисей — за память. Мне уже было тем более приятно читать эту книгу, что многие есть знакомые, которых как не скрывай, но тотчас узнаешь, ибо и жили вместе. Действительно, пока дух такого учения будет в монашестве и христианстве существовать — врата адовы не одолеют Церковию, по неложному обещанию Спасителя. Тут главное внимание обращено на очищение души, на усовершение и спасение внутреннего человека, от которого внешний фарисей сам собою не найдет места. Недавно отец Моисей наш был в Реконской пустыни, там настоятель и братия все из Валаама. А стодвадцатипятилетний старец Амфилохий от них удалился за тридцать верст в лес и живет один в землянке; при свидании с Моисеем скорбел о духе фарисейском братства их; если они жили погрешнее, говорит, лучше б было, а то — как красное яблочко, да только снаружи, а копни внутрь — гнилью и пустотою так и отзовется. Слышал об отце игумене Глинском Ювеналии — далеко пошел, да и еще может уйдет, даруй только Господи во славу Божию! Место хорошее и монашеское, хоть бы кому ни было, можно быть довольным и завести с Божиею помощию порядок дельный, хотя пока монастырь в долгу, что его беспокоит несколько, но и это, есть надежда, поправится скоро при его попечительстве. Самого же Игумена мы не видали, ибо ему не заблагорассудилось побывать у нас.

Потрудитесь передать от меня усерднейшее поклонение, целование и поздравление вашим Старцам: Отцу Архимандриту Моисею, Отцу Игумену Антонию и еще кто обрящется из знаемых мне. Прошу их Отеческих молитв и благословения. Читая письма О. Макария, так живо представились все отшедшие и живущие ваши отцы, как будто недавно только с ними всеми расстался, а их всех немало, начиная с О. Леонида, О. Макария, другой монах Макарий, О. Иоанн, О. Иоанникий, О. Гавриил, О. Израиль, О. Геронтий, О. Иосиф и другие — всего мог насчитать двенадцать человек. Упокой Господи отшедших и спаси Господи и помилуй здравствующих! Также и вас прошу не оставлять в своих молитвах, пустынных, уединенных и Богоугодных, и поминать мою ничтожность и убогость, чем много одолжите и бедной душе моей милость велию сделаете.

С душевною преданностию и почтением остаюсь готовый ко услугам многогрешный монах пустяшный

Михаил Чихачев.

1862-го года 2-го апреля

Три письма М. В. Чихачева к Л. Н. Ваксело*

№ 1

Здравствуйте, почтеннейший Лев Николаевич!

С самого начала Великого поста все стараюсь исполнить вам мое обещание написать, но до сих пор, когда уже и пост на исходе, еще не мог собраться. И потому не ведь о чем толковать о посте или о мясоеде? Кажется, письмо сие вас застанет на разговинах или на конце поста, и потому прилично мне прежде всего вас всех поздравить во-первых, с принятием Святых Таин, ибо, вероятно, вы все говели и оных сподобились; а потом и с Светлым праздником Воскресения Христова. Даруй Господи вам мирная и премирная Своя благая, во еже получите милость Его, яже ко спасению прошения и вечных благ восприятия. Не думаете ли перебраться в здешний край? Что-то будет, а пошаливать начинают в Европе, надо и нам быть наготове. На всякий случай собираются, однако, здесь все тихо очень пока, только не совсем весело от неприятностей для Высочайшего дома! Дожили до время! Мы, собственно, монастырские жители, благодарение Господу, живем потихоньку, своим делом занимаемся и мало, кажется, думаем о том, о чем не следует думать. Отца Архимандрита ожидаем к Троице, то есть к 1-му июню, как он и обещается в письмах своих приехать. Перемены относительно его и монастыря нашего еще никаких нет, хотя и поговаривают о каких-то, но едва ли не мелют. Весны такой у нас давно не бывало. Нева прошла до Благовещенья дни за четыре и уже очистилась теперь от льда. И море наше даже растаяло, погода теплая и дождя довольно. Иногда отворишь окно и слышны птицы разных сортов: утки, гуси, журавли стадами. Как при сих зрелищах не вспомнить друга, милого охотника Льва Николаевича? Ходил, бывало, близко, хоть и не часто, но увидишь его. А ныне ходит, да далеко, не увидишь. Спасибо, — душою зато близок; а для сердца глаз не надо, им и слепые видят часто лучше зрячих. Простите же, дорогой мой Лев Николаевич! Теперь напишите вы ко мне что-нибудь о себе и о ваших всех. Кого искренне любишь, о том всегда приятно слышать, хоть бы и маловажное что. Детей ваших за меня поцелуйте. Софье Пла-

---

* ОР РНБ. Ф. 124. Оп. 1/III. № 4756; *Ваксель Лев Николаевич* (1811–1885) — штабс-капитан в отставке с 1831 г., писатель-натуралист, автор «Карманной книжки для начинающих охотиться с ружьем и легавою собакою». СПб., 1856.

тоновне и Софье Карловне мое усерднейшее доброжелание и приветствие великого праздника: Христос Воскресе! Не удивляйтесь, что раненько пишу это слово. Кто празднику рад, тот до свету пьян, говорит пословица. Дай-то Господи и нам благодатию Воскресения Твоего учиться поучением Спасительного Твоего о нас смотрения и в радости достигнуть постоянного и непреложного дня Твоего славного Воскресения! Вот чего усердно желаем всем вам и себе, душою преданный

Михаил Чихачев.
30-го марта 1848-го года

№ 2

Искреннее письмо твое от 5-го марта имел честь получить, многолюбезнейший Лев Николаевич! Благодарю очень: во-первых, за писание, 2) за искренность, 3) за то, что не осерчал. Прошу также прощения дружеского твоего — кто кому может навязывать свой образ мыслей. Больше полумира имеют подобное тебе понятие о православной Церкви и живут с именем Христиан, особенно Лютеране. Если до сих пор никто не мог разубедиться в таких мнимо здравых положениях, то нечего тут человекам смертным делать. В добавок ты даже не хочешь и слышать противного мнению твоему, в котором ты так крепко убежден. Еще раз прошу искренно прощения — не желаю ничем оскорблять ближнего моего, тем более что и сам, если снять с меня личину, остаюсь, при всей моей старости, с теми же опёрами греха, какими пользовался деятельно в молодости, потому и нуждаюсь в Спасителе, к Которому и прибегаю молясь, моля и Угодников Его оказать мне помощь в деле спасения души, непременно бессмертной, в чем все верующие и неверующие были убеждены естественно. Если все это для тебя кажется морозом, то прости меня, не имею ничего теплее предложить тебе, дорогому приятелю, а не чудовищу, каким будто тебя считаю, как изволишь выражаться. Спасибо еще за любопытство твое о моей ноге. Она теперь меня не мучит, а разве сам мучу ее. Каждый день по два раза держу ее в холодной воде со льдом по получасу и сверх того прикладываю льдинку на нее, с которой и делаю перевязку. Это так поступаю по староверству моему к водолечению и замечаю, что от этой проделки рана гораздо чище делается, нежели от пластыря, и меньше чешется окрестность ее, да и простуда

почти вовсе не действует от такого рода лечения. Пиво все также продолжаю пить и другого, кроме его, решительно ничего. Странно то, что все находят меня похуделым, между тем как от пива все толстеют. Остальными всеми частями тела мне грех пожаловаться на нездоровье. Архимандрит и брат его благодарят тебя очень за память и поклон — и сами взаимно кланяются, так же, как и все тебя знающие здесь. К Отцу Аполлосу[1] писал недавно, к Софье Львовне тоже. Софье Платоновне приношу почтение с усерднейшим желанием всех благ душевных, телесных и духовных. Для тебя такое желание — не в коня корм. Червяку не до неба, даже и не до земли, а как бы только в земле скрыться. Вот и мне, червяку, пишущему эти строки, перешло уже на седьмой десяток — двух веков не проживешь, глядишь, как раз уйдешь на веки невозвратимые. Тогда прощай и ты, возлюбленный мой, и все таковые. Всем не отвергающим крещения и прочих святых таинств, постановленных в православной Церкви, есть отрада — надежда на Пришедшего в мир, чтобы не погубить, а спасти грешников от погибели вечной, а отвергающим все и того не будет, так и должны погибнуть безвозвратно. Пока еще живы, надо вопить к Живому вечно, чтобы избавить от вечной смерти. Пишешь ты мастерски, и слог и почерк весьма хорош, а конверт с ниточкой — очень примечательный. Как эта ниточка кстати для удобнейшего распечатания. Вот если все конверты клеенные были так устроены, а то или ищи ножика при получении письма, или рви на мелкие куски весь конверт. Так-то и все реформы — когда к лучшему, очень хороши, а как хуже, чем было, — несносны и донельзя неприятны. Прощай, друже! в полном смысле слова, Твой

Михаил Чихачев.

1866-го года 12-го марта

День получения твоего письма

[1] К *Отцу Аполлосу*... — о нем см.: Т. 2. С. 248–250.

№ 3

Очень благодарю тебя, друг мой Лев Николаевич, за письмо и хлопоты твои. По желанию твоему посылаю рецепт, а ты постарайся хорошенько все состряпать, чтоб можно было тебя произвести прямо в чин пластырного Кохмейстера. Надеюсь на твою удачу, а цена всего материала 70 копеек. Если не найдешь, с кем

послать, — пошли по почте, здесь в Стрельне есть теперь приемка посылок и денег.

До свидания

Желающий тебе всех благ

Михаил Чихачев.

Его Высокоблагородию!

Льву Николаевичу Ваксель

Между городом Ковно и Юрбургом в Райданы

Письмо М. В. Чихачева к архимандриту Аполлосу (бывшему казначею Сергиевой пустыни)[1]

Воистину Воскресе Христос!

Высокопреподобнейший отец Аполлос!

Взаимно поздравляю вас с текущею Пятидесятницей и от души благодарю за письмо ваше, которое дошло до меня весьма скоро. Оно пришло ко мне вместе с письмом Л<ьва> Н<иколаевича> шестого апреля, написанным второго числа. И мне немало прискорбно, что писем моих ни вы, ни Л<ев> Н<иколаевич> не получили, хотя там было написано довольно существенного и полезного. Но пенять не на кого, сам виноват. В то время, как написал их, были у меня мои родные Ферморы из города. Мне хотелось ускорить посланием их на почту, потому и поручил Ферморовой отослать; видно, посланы были с человеком, который не отдал их на почту. Что делать? Оплошал, простите старика меня глупого. Теперь того не напишешь, как там было написано кстати. Деньги пять рублей от С<офьи> Л<ьвовны> сейчас же тогда были переданы сторожу Тимофею, который и молится о ее вожделенном здравии и от души благодарит. Все это там было описано ладно, и вам большая благодарность за то, что, по словам С<офьи> Л<ьвовны>, умеете мною ценить дорого, хотя чувствую, что и дешевой оценки не стою. Относительно Л<ьва> Н<иколаевича> надо молиться вам совокупно, да и его убедить, чтоб он пожелал и сам помолился очень простенько: Господи, дай мне веру в Тебя истинную, не по моему разумению, а по Твоей Святой воле. Тогда непременно дастся и будет ощутительно для самого убеждения разума человеческого. Так как вы пишете, что Л<ев> Н<иколаевич> скоро сюда приедет, то и подожду отвечать ему. Его родитель скончался. Это слышал от Бутузова. Не пишу вам политических новостей, сами все узнали уже, вероятно.

Офранцузились русские скоро, только удача-то остается русская, та же медвежья.

В том письме писано было и о матери Варсонофии[2], что скончалась, а на место ее управляет всем теперь мать Евстолия. Собственно, у нас в Обители новостей нет, на флот назначены двое: отец Леонид и отец Пахомий. Петр Александрович Брянчанинов был здесь, взял ваше описание жизни Преосвященного. Может быть, мы из всего, говорит, составим нечто полное; он очень вам кланяется и сердечно рад, что вам теперь хорошо. У нас вся Святая неделя стояла прекрасною, а теперь пасмурная погода, сыро, часто дождь, иногда снег, а по утрам морозит. Все это предвещает хорошее будущее. А вас поздравляю с летом. Вот теперь-то именно вам и оживать, помоги Господи духовно и телесно.

Все наши отцы и братия вам кланяются и поздравляют. Прошу вашего благословения и святых молитв. Письмо С<офье> Л<ьвовне> потрудитесь передать сохранно в руки. Простите.

Душою преданный инок.

Мисаил Чихачев.

1866-го года 6-го апреля

Извините, что не на большом листу пишу. От того, что маленьких листков мне надавали много, а больших-то мало.

Письмо ваше Павлу Петровичу передал.

[1] ОР РНБ. Ф. 124. Оп. 1/III. № 4756.
[2] *Матери Варсонофии...* — о ней см.: Т. 1. С. 472–474.

Ольга Шафранова

Павел Петрович Яковлев

Очень чувствую великость вашего расположения ко мне и благодарю милосердого Бога, даровавшего мне оное.

Святитель Игнатий

Павел Петрович Яковлев, назвавший Михаила Васильевича Чихачева замечательнейшей личностью, сам тоже вполне заслужил такого определения. Скромнейший делопроизводитель Сергиевой пустыни, никогда не выступавший за пределы своей долж-

ности, он на всю жизнь сохранил и огромное доверие и дружбу святителя Игнатия Брянчанинова.

Он происходил из младшей ветви известного дворянского рода, родился в 1810 г. в имении своих родителей в Костромской губернии, рано потерял отца, после чего его матушка София поселилась в Горицком монастыре, недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря, а сам он поступил послушником в Новоезерский монастырь. Архимандрит Пимен (Угрешский), побывавший в молодости в этом монастыре и познакомившийся там с П. П. Яковлевым, вспоминал о нем: «В 1832 году ему было лет за двадцать. Не очень высокого роста, приятной наружности и характера самого уживчивого, мягкого. Он был письмоводителем о. Игумена и имел почерк весьма четкий и красивый и, кроме того, пономарил ранние обедни у Преподобного Кирилла».

О своем знакомстве с Дмитрием Александровичем Брянчаниновым (святителем Игнатием) П. П. Яковлев пишет так[1]: «1830 года в первых числах февраля, в начале Великого Поста, прибыл из Вологды в Новоезерский монастырь Дмитрий Александрович Брянчанинов с Михаилом Васильевичем Чихачевым. При них находился отпущенный из села Покровского человек Феодосий, весьма умелый и расторопный мальчик.

Лихорадочное состояние Дмитрия Александровича уложило его в постель.

Михайло Васильевич пел на правом клиросе прекрасною звучною октавою небезызвестное ему Столповое пение обители.

К концу Великого Поста здоровье Дмитрия Александровича поправилось настолько, что в день Святыя Пасхи мог быть в церкви у Литургии.

Чрез несколько дней опять слег в постель и к концу мая или в первых числах июня отправился обратно в Вологду в экипаже, присланном родителями с человеком их Доримедонтом, к которому в помощь был помянутый человек Феодосий.

С 16 июня того же 1830 года началась моя искренняя дружеская переписка с Дмитрием Александровичем».

Из ответов Дмитрия Александровича на первые письма Павла Петровича видно, что отношения их сразу же определились раз и навсегда: «Любезнейший о Господе Павел Петрович! — пишет он 27 июня 1830 г. — Приятнейшие Ваши строки я полу-

---

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 5. № 5.

чил и стараюсь сколько возможно не медлить с ответом, тем более, что моею обязанностию было заслужить ваш ответ.

Не буду уверять вас в том, что особенное ваше благорасположение, истинно-христианское и истинно-иноческое, оставило глубокое впечатление в моем сердце и изобразило в оном память о вас чертами, кажется, неизгладимыми. Примите с любовию слова сии, — как изображение моей благодарности, — не как уплату долга: от долга приятного я не намерен освобождаться».

И в следующем письме от 31 августа того же года: «Очень чувствую великость вашего расположения ко мне и благодарю милосердого Бога, даровавшего мне оное (ибо приобретший любовь ближнего приобрел сокровище)».

Из этих же писем можно заключить, что Павел Петрович не стремился стать монахом: «Относительно разговора нашего, — писал ему Дмитрий Александрович, — о вступлении вашем в службу — постарайтесь привести поскорее в действо: ибо что-то поговаривает сам Царь о уменьшении дворян. Это я слышал наверно. Царю не нравится, что много в России бедных и бесчиновных дворян; и так все таковые находятся в опасности потерять дворянство и быть приписанными к однодворцам».

«В начале сентября, — продолжает П. П. Яковлев свой рассказ, — Господь привел мне побывать в городе Вологде — и во время пребывания мы вдвоем с ним [Дмитрием Александровичем] неоднократно бывали у Преосвященного Стефана и Владимира Алексеевича Волоцкого[1], с которым один раз отправились в коляске в Прилуцкий монастырь на могилу недавно скончавшейся его супруги, где им была выстроена часовня».

Оправившись от болезни, Дмитрий Александрович испросил позволения Преосвященного Стефана поместиться в Семигородной пустыни. «В 1830 году, — продолжает П. П. Яковлев, — дважды привел Господь быть в Семигородной Пустыни. В первый раз увез меня с собою из Вологды на тройке гнедых весьма примечательных монастырских лошадей Дмитрий Александрович, у которого пробыл в келлиях о. Строителя Мелхиседека 27-е, 28-е и 29-е числа сентября. Во время этого пребывания написана для меня 28-го числа Азбука[2]».

---

[1] *Волоцкой Владимир Алексеевич* — вологодский помещик, сосед и родственник Брянчаниновых. || [2] См. пример такой Азбуки: Т. 1. С. 350–352.

Павел Петрович просил Дмитрия Александровича написать также для него какое-нибудь сочинение: «Отказать не хочу, не смею, не должен! — отвечает ему тот. — ...Только потерпите немного, пока руки мои несколько поукрепятся: от слабости они еще дрожат». А через три-четыре месяца: «...по отъезде вашем Сочинение у меня полилось, и если б знал я, что вы в Вологде, то оно уже было бы у вас в руках». Возможно, что речь шла о «Плаче инока», написанном как раз в это время.

«Во второй раз, — продолжает рассказ П. П. Яковлев, — отправились мы из Вологды с добрым товарищем, Николаем Ивановичем Моталындиным, в первых числах декабря по зимнему первопутку, пробыли у Дмитрия Александровича два дня. Федосей готовил нам обеды по оба раза моих посещений. <...> В 1831 году он пострижен и произведен в Иеродиакона, 20 июля — в Иеромонаха. <...> В конце декабря месяца в проезд мой в Ярославль через Вологду получил в первый раз его благословение. Затем от Синода произведен в Наместника Лопотова монастыря, и мы с ним продолжали дружескую переписку в течение двух лет постоянно до времени прибытия моего в Сергиеву пустыню в начале мая 1834 года». То есть архимандрит Игнатий вызвал к себе Павла Петровича практически сразу же после назначения своего настоятелем Сергиевой пустыни.

М. В. Чихачев писал, что П. П. Яковлев был деятельным помощником архимандрита Игнатия и преданным ему человеком. Образованный, необычайно трудолюбивый, добросовестный и аккуратный, он был точным исполнителем всех распоряжений Архимандрита, «любил его, понимал дух его распоряжений, предусматривал трения в делах и во всем, шаг за шагом, следовал за своим патроном». Он был из тех людей, кто много мог и на которых поэтому возлагалась наибольшая нагрузка. На нем лежала вся письменная и канцелярская часть не только Сергиевой пустыни, но и по благочинию. Также Архимандрит ему доверял и личные поручения, которых было множество, по множеству обращавшихся к нему разных просителей. Кроме того, когда начались капитальные работы по восстановлению главного собора во имя Живоначальной Троицы, Павлу Петровичу была поручена вся отчетность, связанная с расходованием больших сумм денег, наймом рабочих и расчетами с ними, заготовкой материалов и т. д. Архимандрит Игнатий в своем представлении по этому делу писал, что П. П. Яковлев «независимо от возложенных на него обязанностей письмоводителя Сергиевой пустыни, содействовал

ему во всех важных случаях при исправлении соборного храма составлением журналов и производством всех письменных дел Комиссии, подлежащими расчетами поставщиков и подрядчиков, ведением в течение всего времени денежной отчетности... по подрядам и, наконец, составлением отчетов, которые по обревизовании, где следует, найдены совершенно правильными и удовлетворительными во всех отношениях». За участие его в этих трудах ему была объявлена благодарность Епархиального начальства особым свидетельством от 30 марта 1847 г., в котором было отмечено, что «дворянин Павел Петрович Яковлев был секретарем Временного Комитета, безвозмездно исполняя эту должность с усердием и успехом».

Сам Павел Петрович о той массе дел, которые были на него возложены, пишет в своем обращении к архимандриту Игнатию от 17 августа 1846 г. следующее:

«Многолюбезнейший Батюшко, Отец Архимандрит

Всюду Господь по милости Своей сохраняет нас на пути жизни!

Конечно, Вы припомните разговор наш, бывший как по получении Указа с инструкцией Консистории о построении наших часовен, так и в то время, когда Валаамский О. Казначей просил Вас об освобождении их от Журнальных постановлений при производстве постройки Скитской церкви.

Зная предстоящий труд и участвуя, или разделяя его всем сердцем, Вы решались на представление в то и другое время; но мне до чрезвычайности было трудно приводить сию мысль в исполнение, почему и осталось это предположение до некоторого времени без огласки. Между тем, ныне Валаамский Настоятель с Казначеем сделали со стороны своей Представление об освобождении их от Журналов.

Получив его, Владыко[1] сильно огорчился и сдал резолюцию, как сказывали мне, такого содержания, что Представление их нелепо, противузаконно и т. д. и что О. Благочинный должен вразумить их и проч.

Итак, Валаамцев можно поздравить с Журнальными постановлениями, а нас по постройке часовен: с отдельными Входящими и Исходящими журналами, Докладными по консисторской форме, Реестрами и с существующими в виде Протоколов подробными Журналами! Заранее благодарю за милости по обе-

[1] *Высокопреосвященный Антоний* (Г. А. Рафальский; 1789–1848) — Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский.

им постройкам, исключительно до меня касающимся; но только дело вот в чем:

Небезызвестно Вам, что в течение восьмилетнего управления Благочинием при обыкновенном течении дел наших не было еще ни одной серьезной бумаги, ни по одной из восьми Обителей[1], которая бы миновала грешных рук моих и которая бы не была мною составлена; а также не было еще ни одного важного дела, по которому бы не следил я всюду и везде, где можно, с начала до конца его.

Натурально, все это требовало времени, следовательно, время для меня всегда было дорого, в особенности, если угодно Вам будет принять во внимание то, что Строительная отчетность по исправлению нашего Собора (92 674 р<ублей> асс<игнациями>) сдана была на ревизию Синодального Контроля и Казенныя Палаты в количестве четырех тысяч листов беловых бумаг за подписью всей Комиссии. И что все те бумаги по милости Божией не сделали не только никаких дурных последствий, но, напротив, найдены правильными, законными, даже образцовыми, о чем не раз случалось слышать Вам и мне от многих лиц, сведущих по этой части, начиная от Г. Г. Синодального Обер-Контролера и Председателя Палаты до последнего Помощника Контролера. Главным же и неоспоримым доказательством сей истины служит то, что правильностию отчетов спасены для пользы Обители 12700 р<ублей> асс<игнациями>, пригодившиеся на нынешнее построение часовен.

Не желая и ныне исполнять мою обязанность как-нибудь, дабы сохранить тем драгоценное для меня здоровье и спокойствие Ваше, я решаюсь покорнейше просить Вас при наступлении нынешнего многотрудного времени облегчить меня хотя отчасти. Говорю облегчить потому, что избавиться от труда не желаю за грехи мои до гроба — лишь бы Господь даровал здоровье.

Вы одни в состоянии облегчить бремя трудов моих тем, что ежели поручите Отцу Сергию вполне строительную часть, т. е. найм рабочих людей, закупку материалов и правильное ведение Реестров материалам и рабочим людям, форменное составление тому и другому ведомостей и Расчетных тетрадей так, как и все узаконенное соображение цен Сметных, Справочных и

[1] Кроме Троице-Сергиевой пустыни, архимандрит Игнатий являлся благочинным Спасо-Преображенского Валаамского, Троицкого Зеленецкого, Рождественского Коневского, Старо-Ладожских Николаевского и Успенского, Богословского Череменецкого и Введенского Островского монастырей.

утвержденных Начальством, со всеми приходо-расходными книгами и месячными ведомостями о суммах Строительной и Переходящей. Эта Контрольная работа, столь необходимая при нынешних строгих взысканиях, требует особенного навыка, который О. Сергий при исправлении Собора стяжал, уже и от того он один в целой Обители нашей может быть достойным сотрудником сего дела. Все прочие могут только приложить мне ко бремени бремя, выключая О. Иосифа, который так завален работою, что более обременять его и грешно, и совестно.

А потому сделайте одолжение, по получении письма сего потрудитесь пригласить О. Сергия и поручить ему предстоящий труд наш разделить вместе с нами, уволив его совершенно от всех прочих послушаний, иначе предстоит дело худое!

Да будет Вам известно, что более двадцати дел самых серьезнейших лежат у нас без исполнения за недостатком рук моих. В числе тех дел многие таковы, по которым требуются Его Преосвященством мнения и мнения довольно важные и не терпящие отлагательства времени.

А что, если прибавить к сему и ту постоянную заботу, или лучше сказать: болезнь моего сердца, о предстоящей ответственности за неисправность **описи имущества** многих обителей, в особенности нашей?

Столь обильный поток дел наших, судя по нынешним обстоятельствам, без сумнения будет продолжаться впредь еще с большею силою; следовательно, заняться мне исключительно всею вообще операциею постройки часовен нет никакой возможности. Довольно и того, что, составив **общий план действий,** буду наблюдать за его исполнением, займусь **Докладными, Журналами, Отчетами** и прочими важными по постройке **Исходящими бумагами**.

Нельзя же оставить в забвении и то, что по милости текущих дел, ежедневно нас наводняющих, прошло более месяца самого лучшего времени, в которое бы можно было продолжать нашу постройку, но она не начата еще!

Вам преданнейший П. Яковлев.

17-го августа 1846 года
С<анкт->П<етер>бург».

Архимандрит Игнатий вполне отдавал должное трудам своего «вселюбезнейшего Павла Петровича». «Вас надо мне благодарить, — писал он ему в январе 1848 г., — за Ваши труды о при-

ведении описей Сергиевой Пустыни в порядок, так как и всей ее письменной части, равно и письменной части всех монастырей С. Петербургской Епархии. Не видит этого высшее начальство, не может видеть, не хочет видеть — что до того! Видит Бог. И Ваши труды пред Ним не забыты! Хотя предмет их — вещество; но Вы, занявшись веществом, дали другим время и возможность заняться предметами духовными, чего бы они не могли сделать, если б Вы не заменили их собою в трудах вещественных. И занятия о временном прекрасны, когда они совершаются с целию служения ближним, ради Бога, ради святой Любви о Господе».

Павел Петрович тоже был слабого здоровья и несколько раз брал отпуск для лечения. Архимандрит Игнатий в этих случаях писал ему письма, заполненные разными полезными советами и рецептами лекарств, которые испробовал сам. Но все-таки торопил с возвращением: «Прочее все по-старому. Только в том перемена, что я начинаю Вас поджидать обратно, да и дела, Вами оставленные, требуют непременно возвращения Вашего к октябрю» и т. п. Из архивных материалов видно, что архимандрит Игнатий предпочитал, чтобы и в его отсутствие Павел Петрович оставался в пустыни. Так, отправляясь для обозрения монастырей своего благочиния и поручая исправление должности настоятеля своему наместнику, он всегда оставлял в монастыре Яковлева «для охранения законности и порядка по канцелярии». Епархиальное начальство тоже ценило знание Яковлевым монастырской жизни. Например, когда в 1852 г. архимандрит Игнатий обратился с просьбой временно из-за болезни освободить его от обязанностей благочинного монастырей, то Высокопреосвященный Митрополит Никанор[1] назначил исполнять эту должность с 7 мая 1852 г. по 7 мая 1853 г. Зеленецкому архимандриту Иннокентию, но с тем, чтоб для повременного обозрения монастырей он «брал с собою из Сергиевой Пустыни П. П. Яковлева». Однако и в этом случае архимандрит Игнатий не считал возможным в свое отсутствие отпускать Павла Петровича из монастыря. «Нужным считаю, — писал он 17 июня 1852 г. временно исполняющему благочинному, — предварить Вас, что по случаю назначения моего Депутатом при производстве следствия по делам Устюжского помещика Страхова, я отправляюсь ныне же в город Устюжну, и нахожу нужным, чтоб во время моего

[1] *Высокопреосвященный Никанор* (Н. С. Клементьевский; 1787–1856) — Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский с 1848 г.

отсутствия Г<-н> Яковлев находился в Сергиевой Пустыни до 1-го числа будущего августа месяца».

Особо следует отметить, что П. П. Яковлев, может быть, первым понял вневременную значимость святителя Игнатия и историческую ценность всех документов, касающихся его деятельности и его личности. Очень рано он начал собирать и приводить в порядок архив Сергиевой пустыни. Сам святитель Игнатий вовсе не стремился к сохранению своих личных документов, в том числе переписки. Он писал, что большинство писем, по прочтении их, он сжигал. И только благодаря П. П. Яковлеву до наших дней дошло довольно значительное число писем Святителя и его корреспондентов, раскрывающих весьма важные свойства его характера и его взаимоотношения с самыми разными людьми.

Л. А. Соколов, многое почерпнувший из архива Павла Петровича при работе над своей монографией «Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения» (Киев, 1915), писал: «Для любителя канцелярской исправности и порядка Архив и делопроизводство Сергиевой пустыни за время исполнения обязанностей по этой части П. П. Яковлевым представляют интересное явление. Порядок в делах, исправные описи, пояснительные пометки и таблички показывают, что П. П. Яковлев был не только исправный и аккуратный чиновник, работавший не за страх, но за совесть, но и большой любитель своего дела. Канцелярская часть, делопроизводство Сергиевой пустыни и благочиния монастырей С.-Петербургской епархии, экономическая отчетность и все, к ней относящееся, за время настоятельства архимандрита Игнатия были в безупречном порядке. Брянчанинов умел выбирать и ценить людей, а П. П. Яковлев в своей части был достойным птенцом гнезда Игнатиева».

Несмотря на свою огромную загруженность, Павел Петрович взял на себя еще обязанность летописца Обители[1]. Начиная со времени основания пустыни, он привлек многие архивные материалы, чтобы объяснить причины ее упадка к моменту назначения туда архимандрита Игнатия. В числе главных причин он называет управление пустынью людьми, для которых она была только источником их материальных интересов. Вначале это были ректоры С.-Петербургской семинарии

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 19.

и ученые архимандриты, а с 1819 г. — преосвященные викарии вновь открытого при С.-Петербургской митрополии викариата. В этих условиях «постепенный упадок и разрушение Пустыни были естественны, также и у братий отбирало всякую охоту трудиться на ее пользу».

«В таком состоянии застал ее в 1834 году новый Настоятель» — этими словами П. П. Яковлев предваряет свою Летопись Троице-Сергиевой пустыни и продолжает: «1834 год останется навсегда памятным в летописях Сергиевой Пустыни! То был год ее полного и всестороннего возрождения. Виновником его был Отец Архимандрит Игнатий (Брянчанинов). Его имя будет помнить и ублажать обитель до последних дней своего существования. Если О. Варлаам был ее основателем (1734 год), то О. Архимандрита Игнатия достойно и праведно можно назвать ее воссоздателем».

Каких, однако, трудов стоило это воссоздание! Немедленно по прибытии Архимандрита в пустынь нужно было приступить к возобновлению обветшавших зданий, иначе «негде было голову приклонить». «Первым из таких зданий оказался каменный двухэтажный флигель, в котором помещались настоятельские келлии, которые были в таком разрушении, что невозможно было в них жить. <...> Одновременно приступлено было к возобновлению и церкви Преподобного Сергия, в которой затруднительно было служить из-за разрушений. Возобновив эти здания, О. Архимандрит соединил их каменною в два этажа галерееею и в верхнем этаже устроил братскую трапезу, а в нижнем полуподвальном — кухню, келарню и некоторые келлии». После этих работ необходимо было заняться капитальным возобновлением главного собора во имя Живоначальной Троицы, построенного еще в 1760 г. по проекту Растрелли. Средства на возобновление собора Государь Император Николай Павлович повелел выделить из казны.

Павел Петрович по архивным материалам подробно описывает историю создания этого собора: «Главная церковь или собор во имя Святой Троицы находится в средине монастыря. Построение его начал производить на средства Троицкой Сергиевой Лавры Архимандрит ея Афанасий Волховский в 1756 году; кончено оно в 1760 году. Главный олтарь освящен 10-го августа 1763 года Членом Святейшего Синода Лаврским же Архимандритом Лаврентием Хоцятовским, в присутствии Государыни Императрицы Екатерины II. <...>

По окончании Богослужения Государыня изволила за обеденным столом у Архимандрита кушать со всеми находившимися в Свите Ея Величества фрейлинами и другими придворными особами.

Приделы этого Собора, правый в честь святых апостолов Петра и Павла и левый — во имя святых Захария и Елисаветы, освящены раньше главного олтаря Членом Святейшего Синода Архимандритом Лавры, знаменитым Придворным проповедником Гедеоном Криновским; первый 18-го, второй 19-го августа 1761 года. <...>

Второй — при капитальном возобновлении всего храма, освящен во имя Усекновения Главы святого Иоанна Предтечи настоятелем архимандритом Игнатием Брянчаниновым 1840 года августа 16. Главнейшую святыню Собора составляет икона Преподобного Сергия Радонежского, привезенная, по преданию, основателем пустыни Архимандритом Варлаамом из Сергиевой Лавры. При ней находится сребропозлащенный малый Крест с частицею святых мощей Преподобного Сергия Радонежского, принесенный 22-го августа 1861 года в дар Сергиевой Пустыне известным путешественником по святым местам камергером Андреем Николаевичем Муравьевым[1], получившим эту святыню в 1850 году от Высокопреосвященного Митрополита Московского Филарета. Здесь на горнем месте главного престола помещается в большом изящном киоте, устроенном по рисунку архитектора А. П. Мельникова[2], примечательнейший по художеству образ Святыя Троицы, писанный знаменитым профессором Карлом Павловичем Брюлловым в 1840 году».

В архивном фонде П. П. Яковлева сохранились документы, относящиеся к восстановлению Собора. Прежде всего это описание причин, приведших к разрушениям, и смета. Архимандрит Игнатий, вспомнив свою специальность военного инженера, сам обследовал собор и написал «Покорнейшее прошение Святейшего Правительствующего Синода Первенствующему Члену Серафиму[3], Митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому», в котором описал состояние собора и изложил причины, приведшие его в ветхое состояние:

---

[1] О нем см.: Т. 3. С. 260–261. || [2] *Мельников А. П.* (1784–1854) — преподаватель архитектуры в Академии художеств, участвовал в конкурсе на проект Храма Христа Спасителя — 1-я премия; строил многие церкви; в 1818 г. — профессор архитектуры. || [3] *Высокопреосвященный Серафим* (С. В. Глаголевский; 1763–1843) — Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский с 1821 г.

1. Грунт земли состоит из глины с большим количеством воды, близко от поверхности, из-за чего фундамент отсырел и из него ключом бьет вода,

2. на поларшина ниже земли фундамент переходит в кирпич, который от сырости пришел в состояние трухлости, которая все выше проникает в стену,

3. сырость, поднимаясь выше, уничтожала штукатурку и лепные работы,

4. сгнили балки деревянного пола,

5. иконостас обветшал — на его позолоту нужна такая же сумма, как на новый иконостас,

6. железная крыша совершенно попортилась.

По составленной смете из казны было выделено 96 808 рублей 19 копеек, а для проведения работ был приглашен известный придворный архитектор, академик и профессор Абрам Петрович Мельников. Над иконостасом много потрудился Игнатий Малышев, бывший тогда послушником. А главный престольный образ Святыя Троицы написан был, как и писал П. П. Яковлев, выдающимся художником К. П. Брюлловым и помещен в изящный киот, устроенный по рисунку Мельникова. В 1838 г. работы были закончены, и собор оставался одним из главных украшений обители еще более 120 лет и был взорван в 1962 г.

Архимандрит Игнатий вообще чрезвычайно строго относился к внешнему виду возводимых строений и, соответственно, к выбору архитекторов. Вот что он писал по этому поводу оптинскому монаху Ювеналию (Половцеву[3]): «...к сожалению, случалось видеть особенно по обязанности моей — благочинного: многие настоятели объяты ненасытным желанием строиться, имеют возможность доставать деньги, не терпят участия архитектора, непременно хотят выполнить свои мечты, возводят многоценные здания, лишенные удобств, прочности, красоты, то есть всех качеств, доставляемых правильностию. Напротив чего, правильно построенные здания превосходны во всех отношениях. Таковы выстроенные в недавнее время по проекту профессора Горностаева двухэтажный храм в Валаамском Скиту и Гостиница при Валаамском монастыре. По прочности они как литые из металла, не имеют никаких украшений, но строгий характер и правильность дают им необыкновенную, весьма серьезную красоту».

Алексея Максимовича Горностаева, профессора архитектуры, и пригласил архимандрит Игнатий для дальнейших работ в Сер-

гиевой пустыни. Биограф[1] А. М. Горностаева пишет: «...настоящая творческая деятельность Горностаева начинается с тех пор, как ему поручили постройки для Валаамского монастыря и Троице-Сергиевой пустыни. <...> В конце 40-х годов встретились обстоятельства, совершенно изменившие его художественное направление, — произошел перелом. <...> он познакомился с настоятелем Сергиевой пустыни архимандритом Игнатием и с игуменом Валаамского монастыря[2], от которых стал получать заказы. Работая для монастырей, Алексей Максимович начал изучать с особенным вниманием памятники русской архитектуры, и талант его через это принял совершенно иное направление. ...единственно по собственной внутренней потребности взялся он за настоящий русский стиль, но был много обязан обоим архимандритам в том отношении, что они не только не помешали, но помогли ему осуществить самые задушевные стремления. А поддержка очень нужна была. В 40-х годах вся Россия обязана была строить по-тоновски. Никакой архитектор не смел предаваться вольному полету своей фантазии. ...Чтобы избавиться от Тоновского хомута... надо было проявить много уменья и ловкости, надо было обладать могучими и надежными связями. Все это было в руках у архимандрита Игнатия Брянчанинова, и всем этим он сумел воспользоваться с истинным мастерством».

В Троице-Сергиевой пустыни А. М. Горностаев построил в 1844–1845 гг. две часовни, в 1851–1852 гг. — склеп для погребения членов семейства князей Гагариных.

В последующие годы А. М. Горностаев был занят созданием самых крупных и значительных своих произведений. В Троице-Сергиевой пустыни это была церковь во имя Преподобного Сергия Радонежского. П. П. Яковлев писал о ней: «Церковь Преподобного Сергия с приделами Христа Спасителя (праздник 1 августа) и мученицы Зинаиды. Она находится на Северной стороне Монастыря, на продолжении братской трапезы и Настоятельских келлий, длиною 19-ти, шириною — 9-ти сажен. Церковь пятиглавая, каменная, без колокольни, крытая железом. Она строена по плану и фасаду Профессора архитектуры Алексея Максимовича Горностаева. Внутри она имеет разноцветный мраморный иконостас, уставлена в два ряда гранитными полированными колоннами и по своим украшениям принадлежит к

[1] *Стасов В. В.* А. М. Горностаев. Вестник изящных искусств. СПб., 1888. С. 460. ‖ [2] О. Дамаскин — о нем см: Т. 1. С. 165–170.

зданиям древлевизантийским, в особенности храму во имя Преображения Господня, построенному на Синайской горе, в Синайском монастыре, в начале VI века Византийским Императором Иустинианом Великим. Первоначально каменная церковь во имя Преподобного Сергия устроена была на этом месте в 1758 году, вместо обветшавшей деревянной, на средства Сергиевой Лавры, а в 1854–1859 годах перестроена с основания в более пространных размерах на счет разных благотворителей и особенно княгини Зинаиды Ивановны Юсуповой[1], ныне Де-Шево».

О перестройке этой церкви архимандрит Игнатий писал своему духовному другу, игумену Варфоломею, 5 октября 1854 г.: «...у нас теплая церковь Преподобного Сергия, в которой Вы были, сломана, и строится на том же самом месте новая, имеющая быть втрое больше прежней и уже приводящаяся к окончанию. Прежняя была очень тесна. Гранит найден поблизости монастыря; из него вышли прекрасные колонны; также цоколь гранитовый и дверь высечена из гранита. По милости Божией нашлись добрые люди, которые помогают в постройках». Во время перестройки теплой церкви Богослужение зимой проводилось в Соборе, который обогревался устроенными в подвале двумя пневматическими печами.

К весне 1855 г. теплая церковь вчерне была закончена, но ее отделкою начали заниматься только через год, дав ей возможность хорошо высохнуть и вымерзнуть. Отделочные работы завершались уже после отъезда епископа Игнатия в Ставрополь.

Освящена церковь Преподобного Сергия, писал П. П. Яковлев, «Преосвященным Митрополитом Новгородским и С.-Петербургским Григорием[2] 20-го сентября 1859 года в присутствии Их Императорских Высочеств: Великого Князя Константина Николаевича и Великия Княгини Александры Иосифовны, Великого Князя Николая Константиновича, Великих Княжен Ольги и Веры Константиновн. Приделы во имя Всемилостивого Спаса и святой мученицы Зинаиды находятся в нижнем этаже. Они устроены на счет Княгини Юсуповой и Графини Елисаветы Ивановны Чернышевой (рожденной 1 августа 1808 года Графини Зотовой), супруги бывшего Господина Военного Министра.

[1] Княгиня Зинаида Ивановна Юсупова пожертвовала на постройку храма 40 тысяч рублей. См.: Жизнеописание настоятеля Троице-Сергиевой пустыни Архимандрита Игнатия (Малышева). СПб., 2000. С. 37. || [2] *Высокопреосвященный Григорий* (Г. П. Постников; 1784–1860) – Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский с 1856 г.

Освящены: первый 4-го июля 1857 года, второй 28-го апреля 1861 года, оба нынешним Настоятелем Архимандритом Игнатием Малышевым, под личным наблюдением которого производилось все построение храма, при руководстве бывшего Настоятеля Архимандрита Игнатия Брянчанинова. В церкви Преподобного Сергия находятся: а) на солее пред иконостасом на мраморном пьедестале сребропозлащенный, украшенный каменьями ковчег с девятью частицами разных святых мощей, принесенный 30-го апреля 1864 года в дар Сергиевой Пустыне путешественником ко святым местам А. Н. Муравьевым, получившим их от Патриарха Александрийского Иерофея и Епископа Фиваиды Никанора, и б) за правым клиросом, на пьедестале мраморная 13 $^1/_2$ вершков высоты колонна, привезенная в 1862 году, по благословению Кирилла, Патриарха Иерусалимского, известным путешественником по Святой Земле Г-м членом Государственного Совета, действительным тайным советником Авраамом Сергеевичем Норовым, из дома святых праведных Богоотцов Иоакима и Анны. На колонне находится образ Рождества Пресвятыя Богородицы. Под плитным полом обеих церквей нижнего этажа, как и всей паперти, погребены многие усопшие лица».

Таким образом, благодаря удачному выбору архитектора архимандритом Игнатием, в Троице-Сергиевой пустыне появился еще один шедевр русской архитектуры. Биограф архитектора пишет о нем: «В свой базилике Горностаев явился с такими смелостями, каких никогда еще не предпринимал у нас ни один архитектор. Так, например, ряды колонн внутри базилики состоят из колонн, из которых каждая — совершенно иная, с иною капителью... Изящно и талантливо в высшей степени... Но еще выше и своеобразнее другое создание Горностаева, это Святые Ворота, служащие для въезда в монастырь... Это лучшее и талантливейшее произведение Горностаева».

К счастью, эти два творения А. М. Горностаева — церковь Преподобного Сергия и Святые Ворота — уцелели от погромов, которым подвергался монастырь на протяжении многих лет XX в.

Алексей Максимович до конца дней своих (умер в 1862 г.) работал в Сергиевой пустыни, а со святителем Игнатием поддерживал дружеские и деловые отношения и после его возведения в сан Епископа Кавказского и Черноморского. Ему заказал епископ Игнатий проект церкви в Моздоке.

Похоронен Алексей Максимович Горностаев в Троице-Сергиевой пустыни. «Над прахом его сооружен изящный памятник весь из одного мраморного куска, в северном стиле, по проекту талантливого племянника и друга, Ивана Ивановича Горностаева».

Далее в Летописи П. П. Яковлева приводятся описания других строений монастыря, возведенных уже при настоятельстве архимандрита Игнатия (Малышева). А затем перечисляются звездные имена тех, кто был погребен на монастырском кладбище, имена эти — слава России.

Одновременно с возобновлением и строительством храмов, говорит П. П. Яковлев в своей Летописи, «архимандрит Игнатий старался привести и богослужение в соответствующий им вид. Особое внимание уделял он церковному пению».

Церковное пение архимандрит Игнатий признавал важнейшим элементом богослужения, и в его письмах рассуждения на эту тему встречаются неоднократно: «Несколько времени, — как стала мне приходить мысль: великопостная служба столько заключает в песнопениях своих глубокой поэзии, которою говорит душа, проникнутая святым покаянием, что могла бы быть составлена особенная книга великопостных вдохновений в поэтическом порядке, с поэтическим построением. Предметы этих песнопений именно те, которые душа твоя в настоящем ее устроении способна правильно, полно ощутить, — потому удовлетворительно выразить».

Следует заметить, что архимандрит Игнатий обладал развитым слухом, — в молодости он играл на скрипке. Но его музыкальные вкусы не совпадали с модным тогда церковным пением. Любимое им столповое пение не воспринималось уже «испорченным ухом» не только мирян, но и многими из братий монастырей. «Весьма справедливо, — писал он, — Святые Отцы называют наши духовные ощущения “радосто-печалием”: это чувство вполне выражается знаменным напевом, который еще сохранился в некоторых монастырях и который употребляется в единоверческих церквах. Знаменный напев подобен старинной иконе. От внимания ему овладевает сердцем то же чувство, какое и от зрения на старинную икону, написанную каким-либо святым мужем. Чувство глубокого благочестия, которым проникнут напев, приводит душу к благоговению и умилению. Недостаток искусства — очевиден, но он исчезает пред духовным достоинством. Христианин, проводящий жизнь в страданиях,

борющийся непрестанно с различными трудностями жизни, услыша знаменный напев, тотчас находит в нем гармонию со своим душевным состоянием. Этой гармонии он уже не находит в нынешнем пении православной Церкви»[1].

Отсюда такое своеобразное впечатление от пения в других монастырях: «Не можешь себе представить, как показалось мне отвратительным московское пение с его фигурами и вариациями. Нам нужна величественная, благоговейная простота и глубокое набожное чувство: этими двумя качествами наше пение становится выше пения Московских монастырей». Также и в Лавре: «...певчие с такими вариациями, что хоть вон беги из церкви».

В заботах о церковном пении архимандрит Игнатий прилагал немало усилий, подбирая способных к пению монахов и послушников. Он считал, что «существенное достоинство инока, конечно, не составляют его голос и знание ноты! Они хороши для Богослужения церковного, когда душа не разногласит с устами». Поэтому далеко не всякий мог удовлетворить его требованиям: «Я наведывался здесь о людях, именно с крылосными способностями, но до сих пор еще ни один не пришелся мне по глазам и по сердцу. Ты не можешь себе представить, какая повсюду скудость в людях!» П. П. Яковлев пишет, что при этом все немаловажные издержки по подбору и переезду способных к пению монашествующих и послушников «большею частию падали на собственные суммы настоятеля».

Большую помощь в формировании хора оказывал Архимандриту Михаил Васильевич Чихачев, отлично знавший церковное пение и музыку и сам обладавший великолепным голосом — басом октавой. Тем не менее оба они понимали, что без сведущего учителя пения обойтись нельзя. Сам Промысл Божий, продолжает П. П. Яковлев в Летописи, «послал обители такого наставника пения, какого только пожелать можно. Это был отец протоиерей Петр Иванович Турчанинов. Проживая с 1835 по 1841 год в соседней Стрельне, наш знаменитый церковный композитор взял на себя, по просьбе О. Игнатия, труд обучения церковному пению сформированный О. настоятелем церковный хор и с этой целию написал для него, между прочим, несколько лучших своих музыкальных произведений. Таковы, например: Слава и ныне, Херувимская, два

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 7.

нумера Милость мира, Достойно есть, Отче наш, Хвалите Господа с небес, Да исправится молитва моя, Благословлю Господа, Воскресни Боже и Ангел вопияше, помещенные в 1 книге полного собрания духовно-музыкальных его произведений.

Совокупными трудами знаменитого композитора и Отца архимандрита монастырский хор вскоре возведен был на степень первого в России монастырского хора».

Отец архимандрит проявлял большую заботу о выполнявших клиросное послушание, которое он считал одним из самых трудных, приводящим иногда к потере голоса и болезням. Он ввел особый порядок участия певцов в богослужениях: «Когда некоторые из них провожали меня при отъезде моем из Святой обители вашей, зашел разговор, между прочим, о том, какому изнеможению подвергаются крылосные от своего послушания. Я, в свою очередь, поведал, что по причине этого изнеможения установлена в нашей обители чреда для утрени и вечерни. Половина крылосных становится на этих службах на крылосе, а другая не становится. На следующий день поют отдыхавшие накануне, а певшие накануне отдыхают. У этих же служб приучаются к пению те из вновь вступивших, которые имеют голос и способность к пению. К Божественной Литургии и Всенощным приходят все. Понравилось братиям вашим распоряжение, сделанное в Сергиевой Пустыне!»

И в заботах о монастырском хоре не обошли архимандрита Игнатия скорби. Вот что ему пришлось писать в 1847 г. Инспектору Придворной Капеллы П. Е. Беликову[1]:

«Милостивый Государь, Петр Егорович,

Очень я рад, что Вы полюбили моего доброго Платона; я люблю его, как сына, заботился о нем в течение пяти лет, как о родном сыне, и надеялся пожать плоды трудов моих, то есть, чтоб Платон был со временем, когда он созреет по летам и нравственному образованию, регентом хора Монашествующих в Сергиевой Пустыне. Посему предложение Ваше, утеша меня Вашим добрым мнением о Платоне, вместе с сим крайне огорчает тем, что я должен лишиться человека, над которым я столько трудился и для которого уделял из своего скудного содержания: потому что Платон в течение всего сего времени имел от Монастыря одну пищу, а прочие предметы содержания своего полу-

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 3.

чал из моей собственности. Меня обвиняют за то, что я прошусь из Сергиевой Пустыни! Невозможно оставаться: едва воспитаю человека, издержусь на него, едва он делается годен к делу, как берут его — и я остаюсь с потерянным трудом, потерянными понапрасну издержками.

И для Платона, по моему мнению, гораздо полезнее пожить со мной по привычке его ко мне (ибо точно он привык и сделался ко мне необыкновенно искренен) и потому, что по простоте и мягкости сердца он способен к увлечению, а по сему свойству крайне нуждается в человеке, который бы исправлял по отношению к нему должность Ангела Хранителя.

Таково мое мнение и желание; таковы мои чувства! Я их сказал Вам со всей откровенностию! Мое положение в Сергиевой Пустыне подобно садовнику, который садит и сеет, а другие приходят, вырывают и топчут посаженные и посеянные им растения! Призывая на Вас благословение Божие, с истинным почтением и преданностию имею честь быть Ваш покорнейший слуга и богомолец

Май 2-го дня 1847

Арх<имандрит> Игнатий».

К сожалению, Платона, обладавшего прекрасным голосом — баритоном, все-таки забрали из Сергиевой пустыни, и предвидение Отца архимандрита относительно его судьбы оправдалось: «Проживши несколько лет в другом обществе, — писал о. Игнатий (Малышев), — вернулся Платон, да не он: с новыми навыками и немощами. Архимандрит подумал: что делать? Взят он ребенком от отца-священника, теперь круглый сирота, и, по свойственному ему милосердию, оставил Платона у себя... Отеческим обращением О. архимандрита сохранен от явной гибели человек»[1].

В последующие годы архимандриту Игнатию больше не приходилось обижаться на руководителей Придворной певческой капеллы. Напротив, он близко сошелся с ее директором, Алексеем Федоровичем Львовым (1798–1870), знаменитым скрипачом, завоевавшим европейское признание, и композитором, автором гимна «Боже, Царя храни!». После назначения директором Капеллы 30 декабря 1836 г. Львов предпринял огромный труд по собиранию, изучению, разработке и гармонизации древних русских напе-

[1] Жизнеописание Епископа Игнатия (Брянчанинова). СПб., 1881. С. 125.

вов. «Сохраняя в строжайшей точности эти древние несравненные напевы», он стремился к «единству их пения при богослужении», то есть не допуская «искажения, которое тогда дерзали делать разные плохие композиторы, прибавляя к этим напевам свою собственную фантазию». С этой целью он издал полный круг церковного пения на 4 голоса и в конце концов, преодолевая сопротивление «доморощенных знатоков и композиторов-самоучек», исходатайствовал запрещение петь в церквах сочинения, не одобренные директорами Придворной капеллы. Также Львов учредил «Регентский класс при Придворной капелле», в котором вместе с учениками Капеллы, «спавшими с голоса», регентскому искусству обучались молодые люди из всех епархий.

Как видно из приведенных выше выдержек из писем, взгляды святителя Игнатия и Львова на церковное пение совпадали. Алексей Федорович много содействовал повышению исполнительского мастерства певчих Пустыни и обучению ее регентов. Тем более что монастырский хор в особо торжественных случаях принимал участие в выступлениях Придворной Капеллы.

Свидетельством сложившихся отношений может служить следующее письмо архимандрита Игнатия:

«Милостивый Государь! Алексей Федорович!

Примите мою сердечную признательность за доставленные Ваши книги переложений Ваших: опыт в присутствии Вашем и дальнейшие опыты доказали, что изучение их вполне удобно, как дающее правильный ход каждому голосу по напеву уже известному. Братия мои вполне поняли это, и с усердием принимаются за труд, очевидная цель которого — дать всему вообще Богослужению должную правильность и гармонию, и тем умножить благолепие оного.

Всегда был ощутителен недостаток, который Вы ныне так удовлетворительно восполнили! По церковным обиходам всем голосам предлежала одна и та же нота: делать необходимые для гармонии отступления предоставлялось на произвол каждого поющего, и каждый делал сообразно способности и познаниям своим — иной хорош, иной худ. Последнее, по недостатку знаний и вкуса, случалось гораздо чаще первого. Теперь для каждого голоса указан верный путь! Это услуга, всю цену которой, всю важность могут понять особливо в монастырях, где Богослужение отправляется с преимущественным тщанием. Не мудрено ли, что я и все мое братство преисполнены

признательности за труд, совершенный Вашим Превосходительством.

Призывая на Вас благословение Неба, с чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть

Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.
1849, ноября 25 дня»[1].

На просьбу архимандрита Игнатия оказать содействие в подготовке регента для монастырского хора А. Ф. Львов 11 января 1851 г. отвечал ему:

«Ваше Высокопреподобие Милостивейший отец!

Разделяя вполне Ваше мнение, что без образованного регента никакой хор певчих не может делать успехи и исполнять правильное пение с желаемым совершенством, — с тем вместе, соображая всеблагую цель... я не нахожу не токмо препятствия к принятию в число учеников назначаемого Вами для образования послушника, но уверен, что сие послужит к положительному добру для хора Вашего и к полезнейшему примеру для других монастырей, где, при всем усердии братии, они лишены всех средств образовать себя, — достичь в пении желаемого совершенства, и, наконец, быть правильными судьями в нотах, сочиняемых для богослужения в храмах Божиих.

За сим я буду ожидать уведомления Вашего, Высокопреподобнейший отец мой, когда Вам угодно будет, чтоб я вошел с формальным представлением по сему предмету.

Благоволите принять уверение в совершенном почтении и преданности, с коими честь имею быть

Вашего Высокопреподобия покорнейший слуга

А. Львов»[2].

Получив этот ответ, архимандрит Игнатий обратился 23 января 1851 г. с форменным представлением к Митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Никанору: «В вверенной управлению моему Сергиевой Пустыни с давнего времени введено придворное пение, заключающееся прежде в Литургии и

[1] ОР РНБ. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Впервые опубликовано в ПСТ. Т. 7; публикация А. М. Любомудрова. || [2] РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 823. || [3] *Бортнянский Дмитрий Степанович* (1751–1825) — выдающийся русский композитор.

некоторых сочинениях Бортнянского³. Впоследствии это пение обогащено многими переложениями с церковной простой ноты, каковые переложения, сообразно вкусу посещающей Сергиеву Пустыню публики, по возможности разучивались и употреблялись хором иночествующих. При таковом развитии пения нужда в регенте, основательно знающем свое дело, сделалась крайне ощутительною. Его Превосходительство, директор Придворной Певческой Капеллы Алексей Федорович Львов, по усердию своему к Святой Обители, много способствующий мне в устроении благолепного пения, вполне разделяет сие мое мнение, убедившись в справедливости его при личном присутствии своем на спевке крылосных Сергиевой Пустыни. Из числа послушников Сергиевой Пустыни имеет особенные музыкальные способности, что усмотрено и Генералом Львовым, послушник Стефан Артамонов, окончивший курс в Курской Семинарии. По совещании с Генералом, получив словесно согласие его на обучение оного послушника в Придворной Певческой Капелле, по примеру Епархиальных регентов, я ныне получил оное и письменно. Почему я осмеливаюсь испрашивать Вашего Архипастырского разрешения и благословения на дозволение Артамонову обучаться в Придворной Певческой Капелле. При сем не лишним считаю присовокупить, что Артамонов, получа должное образование, по музыкальным способностям, соединенным с душевным настроением к монашеской внимательной жизни, может быть полезен не только специально для Сергиевой пустыни, но и вообще для Епархиального ведомства, равно как и для самого искусства, о чем и генерал Львов упоминает в конце письма своего, которое имею честь приложить здесь в подлиннике на Архипастырское благорассмотрение»[1].

Прекрасное пение певчих привлекало в Сергиеву пустынь многих любителей хорового пения, в числе которых были и известные музыканты, как, например, наш выдающийся композитор М. И. Глинка (1804–1857).

Михаил Иванович Глинка, живя в Санкт-Петербурге, конечно, бывал в Сергиевой пустыни, но его сближение с архимандритом Игнатием и те длительные беседы, о которых рассказывается в Жизнеописании Святителя, едва ли могли происходить ранее начала 1850-х гг. До этого времени, в 1830-х гг., он был слишком занят созданием своих гениальных опер: после премьеры в

[1] РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 823.

1836 г. оперы «Жизнь за Царя» он на протяжении шести лет упорно трудился над созданием «Руслана и Людмилы» — премьера состоялась в 1842 г. А 1844–1848 гг. он провел за границей. Ко времени его возвращения в Санкт-Петербург в Сергиевой пустыни появился молодой послушник, Иван Григорьевич Татаринов, обладавший, по словам современников, удивительно красивым голосом — тенором, и Михаил Иванович, по просьбе архимандрита Игнатия, начал обучать его правильному пению, регентскому искусству и композиции.

Примерно в это же время Михаил Иванович серьезно увлекся старинной полифонией и начал изучать наследие Палестрины, Генделя и Баха. Он ставил перед собой задачу создания оригинальной системы русского контрапункта, что побудило его к углубленному изучению также древнерусских мелодий знаменного роспева, в которых он видел основу русской полифонии. Несомненно, что именно интерес к знаменному роспеву и явился поводом для длительных бесед его с архимандритом Игнатием. Л. И. Шестакова (1816–1906), сестра Михаила Ивановича, в своих воспоминаниях рассказывает: «В этом 1855 году, Великим постом брат хотел слышать сочиненную им перед этим церковную музыку: ектинии на обедни в три голоса и "Да исправится". Через князя Волконского устроилось так, что архимандрит Сергиевой пустыни был сам у нас и пригласил брата и меня приехать в назначенный им день в пустынь; брат был не очень здоров и ехать не мог, но отправил меня одну. С этого времени брат начал подумывать серьезно о церковной музыке и начал заниматься церковными нотами»[1]. Людмила Ивановна за давностью времени не очень точна: упоминаемые ею духовные сочинения были созданы композитором не в 1855-м, а в 1856 г. Вероятно, Михаил Иванович хотел услышать в исполнении певчих Сергиевой пустыни какие-нибудь другие сочинения в этом роде. Может быть, именно об этом же он пишет в своем письме архимандриту Игнатию от 27 августа 1855 г.: «Я был очень нездоров, и в минуты тяжких страданий жаждал более всего удостоиться принятия Святых Таин из рук Вашего Высокопреподобия... Желания видеть Вас, получить благословение Ваше и отраду в беседе Вашей были так сильны, что я не мог устоять против этого глубокого влечения сердца.

[1] *Глинка М. И.* Литературные произведения и переписка. Т. 2. Б. м. 1977. С. 95.

Сверх того, я желал сообщить Вам некоторые мои соображения насчет церковной отечественной музыки, но теперь оставляю это до приезда Ивана Григорьевича Татаринова, которого прошу по возвращении навещать меня, и тогда, сообразя еще более все, относящееся к этому предмету, буду иметь честь представить Вашему Высокопреподобию плод посильных трудов моих»[1].

В Жизнеописании Святителя рассказывается: «В продолжительных собеседованиях о духе и характере православно-церковного русского пения архимандрит Игнатий передал М. И. Глинке свои духовно-опытные воззрения по этому предмету. Глинка, сознавая истинность наблюдений и замечаний Архимандрита, просил его изложить эти мысли на бумаге, что Архимандрит и исполнил, написав статью, озаглавленную им «Христианский пастырь и христианин-художник», в котором изложил все, что предварительно передал устно Глинке»[2].

Поиски Михаила Ивановича в этом направлении выразились в написанных им в 1856 г. «Ектинии» — для 4-голосного смешанного хора и «Да исправится молитва моя» — для 2-х теноров и баса. Смерть (3 февраля 1857 г.) не позволила ему осуществить все свои замыслы, но они нашли воплощение в произведениях композиторов следующих поколений, например, у С. И. Танеева — «По прочтении псалма», у С. В. Рахманинова — гениальная «Всенощная» и др.

Дополнением к Летописи, в которой П. П. Яковлев говорит о наиболее важных действиях по возрождению монастыря, могут служить сведения из писем, касающиеся повседневной деятельности, также и некоторых примечательных событий. Например, в письме от 1 июля 1836 г. Павел Петрович рассказывает об утверждении Государем Императором предложения Святейшего Синода о возведении Сергиевой пустыни из второго в первый класс, а также о делах, связанных с размежеванием земли; в письме от 25 декабря 1847 г. — об установке монумента над могилой похороненного в Сергиевой пустыни Митрополита Иосафата. В записке от 30 июля 1836 г. он пишет: «Самым лучшим средством было бы просить о настоянии Сухаревой Вице-Губернатору, от которого ныне зависит и ускорение, и медленность дела [о размежевании земли]». Интересно, что это та самая Агафоклея Марковна Сухарева, которая когда-

[1] *Глинка М. И.* Литературные произведения и переписка. Т. 2. С. 95. || [2] Полное Жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 184; статья, о которой идет речь, напечатана на с. 612–616.

то чинила препятствия уходу Дмитрия Александровича в монастырь[1], — теперь она помогала архимандриту Игнатию в его монастырских делах. Примечательна другая записка П. П. Яковлева: «Елисавета Михайловна Хитрово убедительно просит Вас вынуть часть [из ее вклада] за упокой новопреставившегося Александра Пушкина, которого тело вчера отпевали в Конюшенной церкви, а для погребения повезли в Псковской которой-то Монастырь, близ коего их Пушкиных имение».

Заканчивает Павел Петрович описание периода настоятельства архимандрита Игнатия в Сергиевой пустыни следующими словами: «Таким образом, в течение почти 24-летнего управления пустынею О. Архимандритом Игнатием Брянчаниновым, благодаря его неусыпным трудам, обитель была приведена в такое состояние, что сделалась предметом религиозного утешения для православных русских и удивления для иностранцев, которые во множестве стали приезжать, чтобы посмотреть на нее. <...> В 1857 году, отправляясь к месту своего нового служения, епископ Игнатий мог иметь совершенно справедливое сознание, что он честно сделал возложенное на него дело, оправдал доверие Августейшего монарха и Высшего Духовного начальства, оставив своему преемнику воссозданную им обитель, благоустроенную и цветущую. Искренними слезами, теплыми молитвами и сердечными благопожеланиями провожала его братия. Горечь разлуки услаждалась лишь мыслию, что Обитель переходит в опытные руки и что таким образом дальнейшее ее процветание вполне обеспечено».

Еще Павел Петрович вел Журнал посещений Пустыни членами Императорской фамилии. Начинает он журнал с 1834 г.:

«23 июня имели счастие видеть Его Императорское Высочество Наследника[2], приехавшего сюда с генерал-Адъютантом А. А. Кавелиным во время поздней обедни, несколько времени слушавшего оную, а потом удостоившего быть в Настоятельских келлиях... Настоятель поднес образ Преподобного Сергия и просфору. Его Высочество изволил пожаловать Монастырю 25 и для раздачи нищим 25 руб.

В конце июня месяца 1834 года Государь Наследник изволил прислать инкогнито к Настоятелю О. Архимандриту Игнатию с известием, что третьего числа июля в Александрийской, что близ

[1] См.: ПСТ. Т. 3. С. 571. || [2] Будущий Государь Император Александр II.

Петергофа, Церкви будет освящение, на которое он, Настоятель, приглашен будет, что и исполнилось.

18-го числа минувшего месяца августа в 6 часов вечера Государь Император с Государынею Императрицею и Наследником Цесаревичем, отправляясь в Петербург с соседственного нам Петергофа, удостоили здешнюю Пустыню своим посещением. Вышедши из коляски, Государь Император изволил спросить встретившегося у Святых ворот здешнего казначея: "Дома ли О. Игнатий?" — и потом: "Скажи ему, что приехал его прежний товарищ и желает его видеть"; вслед за тем изволил пройти прямо в Соборную церковь, где когда Государь увидел пришедшего О. Архимандрита, то в присутствии всех нас несколько раз целовал его, потом спросил Чихачева, товарища О. Архимандрита, по прибытии коего Государь на него смотрит, узнав, обнимает и целует.

Из Церкви шествовали в Настоятельские келлии, кои ныне вновь были переделаны, так как и теплая старая церковь, между которою с Настоятельскими келлиями вновь сделана Братская трапеза. По осмотрении всего Государь изъявил свое удовольствие касательно оной постройки.

В бытность Их Величеств и Его Высочества в Настоятельских келлиях, я имел счастие быть от О. Архимандрита представленным; Государь Император удостоил несколькими о мне вопросами, заключающими совершенно отеческое попечение о каждом из его верноподданных.

По возвращении из келлий вторично в Церковь сказана была Ектения и многолетие, при пении коих Государь Император изволил сам несколько петь вместе с крылосными.

Наконец отправились в сопровождении О. Архимандрита, братии и многих петербургских Богомольцев, в то время здесь бывших, Драгоценные посетители обратно к своим экипажам. Здесь столь же искреннее последовало прощание, как и первоначальная встреча, т. е. тем кончилось, что Государь не прежде изволил сесть в коляску, как расцеловавши О. Архимандрита и Чихачева, ныне находящегося в рясофоре...»[1]

1835 год.

«15 числа сего месяца июня Его Высочество Государь Наследник Цесаревич вместе с Кадетскими Корпусами изволил проходить к Петергофу в лагерь. Едва завидев кресты Монастыря,

---

[1] Это третий вариант рассказа об одном и том же событии: первый находится в Жизнеописании Святителя Игнатия, второй — в Записках М. В. Чихачева; все они дополняют друг друга.

тотчас приказал музыкантам играть молитву “Коль славен наш Господь в Сионе”; увидев стоящего у Святых ворот вместе с нами О. Архимандрита, подбежал к нему и с большим участием расспрашивал о его здоровье и занятиях, сказав при этом, что «для Вас играют молитву».

Для Корпусов была дневка, почему они и расположились в соседней нам слободе, а Училище Артиллерийское с своими орудиями на полуциркульном лугу, что против монастыря (если припомнить). Командиры, офицеры, юнкера и кадеты, как знакомые с протекшего года, ознакомились ныне еще более с нами.

12-го числа сего июля месяца удостоили своим посещением Государыня Императрица с Наследником Цесаревичем, Великими Княжнами Мариею, Ольгою и Александрою Николаевнами и с сестрою Ее Величества Луизою, Принцессою Нидерландскою. Изволили быть во всех здешних Церквах, настоятельских келлиях и в братской трапезе.

В течение нынешнего лета таким посещением (без Государя Наследника) удостоили троекратно.

Августейший Император прошедшим летом осчастливил посещением с Государынею Императрицею и Наследником Цесаревичем.

31-го числа сего декабря месяца угодно было Его Величеству принять О. Архимандрита вместе с братиею в Зимний Дворец. При поздравлении как О. Архимандрит, так и вся братия имели счастие Государя Императора и Великого Князя Михаила Павловича целовать в щеку. Государыне Императрице и Великой Княгине Елене Павловне подходить к руке. В сие счастливое время Добродетельнейший Царь изволил изъявить свою волю, дабы на поправку здешней Соборной Церкви было выдано из Казначейства и Комиссии духовных училищ 100 тыс. руб., на каковую сумму в будущее лето должна работа производиться...»

«1836 года февраля 15 дня доставлен ковер, шитый по канве, в длину 1 $^{1}/_{2}$, в ширину $^{1}/_{2}$ аршина собственных трудов Ее Императорского Высочества Великой Княжны Марии Николаевны.

Февраля 23 дня 1836 в 12 часов утра Настоятель О. Архимандрит Игнатий имел счастие представляться Ее Императорскому Высочеству Марии Николаевне. Она выразила желание, чтобы ковер был постлан на подножие иконы Преподобного Сер-

гия, на что Отец Игнатий возразил, что Обитель хотела бы иметь его на длительное время, а так он быстро сотрется. Тогда Мария Николаевна пожелала, чтобы ковер постилался пред иконою в праздничные особенные дни.

По выходе Отец Игнатий встречен был Его Императорским Высочеством Наследником, который, расцеловав, изволил расспрашивать о здоровье и о перестройке Собора.

19 августа 1836 года удостоила посетить Обитель Государыня Императрица Александра Федоровна... У Настоятеля выкушала чашку чая.

21 августа 1836 года удостоили своим посещением Государыня Императрица Александра Федоровна с Великой Княжной Марией Николаевной и баронессою Фридерикс.

24 сентября 1836 года Обитель посетила Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна с дочерьми Марией, Елисаветой и Екатериной Михайловнами.

27 сентября 1836 года Отец Игнатий представлялся в Царском Селе Государыне Императрице и преподнес до 30 яблоков из монастырского сада, а Государь Император через Императрицу изволил объявить, что осенью будет в Сергиевой Пустыне.

31 декабря 1836 года О. Настоятель Сергиевой Пустыни вместе с Чихачевым, Митрополитом Серафимом и Лаврскою братиею были приняты Государем Императором».

Такие же приемы продолжались и в последующие годы.

Об одном из приемов архимандрит Игнатий рассказывает сам в письме сестре от 1 июля 1848 г.: «13 июня представлялся я в большой Петергофской придворной церкви по окончании Литургии Их Императорским Величествам Государю Императору и Государыне Императрице. Они были чрезвычайно ко мне милостивы. По окончании представления, при котором Государь Император осыпал меня многими выражениями милости своей и внимания, — Государыня Императрица необыкновенно кротким и величественным голосом своим говорит мне: “Чрез час будьте у меня в Александрии”. В этом чудном чертоге своем Государыня Императрица изволила принять меня в своей гостиной; при ней была одна Александра Иосифовна, нареченная невеста Великого Князя Константина Николаевича, которая через четверть часа ушла. Могу только сказать, что Россия должна благодарить Бога за всех членов Царской Фамилии: они исполнены Ангельской доброты. Дай Бог, чтоб

продлилось благоденствие России, пред которым теперь благоговеет и которому завидует вся Европа. — В Петербурге холера сильна; были небольшие волнения в народе: но Государь Император явил при этом случае всегда живущее в Нем величие души, пред которым умолк и преклонил колена народ».

Государыня Императрица Александра Федоровна каждый год регулярно посещала Пустынь, в период с июня по сентябрь.

«18 июля 1855 года Государыня Императрица Александра Федоровна по прибытии из Петергофа в 7 $^{1}/_{2}$ вечера; по желанию Ее отправлена была Настоятелем соборне панихида о почившем в Бозе Государе Николае Павловиче. По окончании ее Ее Величество изволила отправиться в Стрельнинский дворец».

Ежегодно, иногда и несколько раз в году, посещала Сергиеву пустыню Государыня Цесаревна Мария Николаевна, особенно почитавшая Преподобного Сергия Радонежского. Иногда она приезжала с сестрой Ольгой Николаевной. Однажды они даже пожаловали пешком из Александрии «слушать монахов-виртуозов». 23 марта 1842 г. Мария Николаевна впервые посетила пустынь с супругом, Его Императорским Высочеством Герцогом Максимилианом Лейхтенбергским; 8 мая 1848 года она пожаловала с детьми, Их Императорскими Высочествами Князем Николаем Максимильяновичем и Княжной Марией Максимильяновной. 15 июня 1848 г. она «удостоила Архимандрита Игнатия приглашения служить молебствие в Ново-Сергиевском загородном дворце ее по случаю получения Ее Высочеством части мощей Преподобного Сергия»[1]. В последний раз она виделась с Преосвященным Игнатием 2 ноября 1857 г., когда приехала в Сергиеву пустыню, «чтобы проститься с епископом Игнатием», как она выразилась.

В свободное от службы время посещали пустыню Государь Наследник и его братья, Их Императорские Высочества Великие Князья Николай, Михаил и Константин Николаевичи. 28 августа 1849 г. Великий Князь Константин Николаевич привез в Сергиеву пустыню свою супругу Александру Иосифовну из соседнего Стрельнинского дворца. 28 июня 1853 г. Александра Федоровна и Александра Иосифовна приезжали с наследным Великим Герцогом Фридрихом Голштейн Ольденбургским. 28 мая 1854 г. Александра Иосифовна привезла в Пустыню своего сына Николая Константиновича. В последующие годы они

[1] По этому случаю святитель Игнатий написал статью «Благополучный день»; напечатана ниже.

вместе с вдовствующей Императрицей Александрой Федоровной или Александра Иосифовна одна неоднократно приезжали в Пустыню. В последний раз при архимандрите Игнатии Брянчанинове Их Императорские Высочества Константин Николаевич и Александра Иосифовна были в Сергиевой пустыни 7 сентября 1857 г.

«4 ноября [1857 г.], по назначению вдовствующей Императрицы Александры Федоровны, епископ Игнатий ездил в Царское Село для представления Ее Величеству. Государыня изволила принимать его в своем кабинете, причем пожаловала панагию, украшенную бриллиантами и рубинами, сказав: "С соизволения Государя даю вам эту панагию в память обо мне и о покойном Государе"».

Вдовствующей Императрице Александре Федоровне тяжело было расставаться с Преосвященным Игнатием, которого она знала на протяжении почти всей своей жизни в России. Впервые она узнала его в 1822 г., когда ее супруг, тогда еще Великий Князь Николай Павлович, представил ей юношу, первым сдавшего вступительный экзамен в Главное Инженерное училище, и она зачислила его своим пансионером. Затем, в конце 1833 г., Государь Император привел к ней молодого игумена Игнатия, ставшего через несколько дней архимандритом и настоятелем Сергиевой пустыни. Ежегодно, иногда по нескольку раз, Государыня Императрица Александра Федоровна посещала Сергиеву пустынь, слушала службу, после которой имела душеспасительную беседу с Настоятелем. В 1842 г. она пожертвовала сюда значительную сумму на устройство богатых клиросов в обновленном Троицком соборном храме. 18 февраля 1855 г. скончался Император Николай Павлович. Святитель Игнатий искренне любил его. Он писал тогда Н. Н. Муравьеву-Карскому: «Рыдания, огласившие и столицу и всю Россию, делают честь и почившему Царю, и его верному народу. Особенно поучительна скорбь нынешнего Императора и та почесть любви и благоговения, которую он воздает почившему Родителю Своему и которою Он утешает достойнейшую Родительницу»[1]. Александра Федоровна знала об искренних чувствах архимандрита Игнатия к ее супругу. Именно в Сергиеву пустынь она приехала 18 июля, после всех официальных церемоний, отслушать по нему панихиду, которую соборне отправлял архимандрит Игна-

[1] См.: Т. 3. С. 273.

тий. И теперь, прощаясь с епископом Игнатием, с которым связано было столько дорогих воспоминаний, «она очень плакала».

«9 ноября, — продолжает Яковлев, — Епископ откланивался у Великого Князя Константина Николаевича и Великой Княгини Александры Иосифовны в Мраморном дворце, причем имел продолжительную беседу о духовных предметах с Ее Высочеством, а 10-го в Царском Селе имел счастие откланиваться сначала у Государя[1], потом у Государыни[2] особо, на их половинах».

Государь Император Александр II, который, будучи еще Наследником, оказывал архимандриту Игнатию столько дружеского расположения, пожаловал ему по случаю возведения в сан епископа полное архиерейское облачение и тоже прослезился при прощании. Никогда они уже больше не увидятся, но свое расположение Государь сможет доказать еще раз, когда лучшим образом решится вопрос об увольнении епископа Игнатия на покой с передачей ему в управление Николо-Бабаевского монастыря. А в 1867 г. на докладе графа Д. А. Толстого о кончине Святителя он собственноручно написал: «Искренне о нем сожалею, как о старом моем знакомом».

В дальнейшем из всей Царской Фамилии святитель Игнатий увидится только с сыновьями Александра II, когда 29 июня 1863 г. Великий Князь Николай Александрович и 14 августа 1866 г. Великие Князья Александр и Владимир Александровичи навестят его в Николо-Бабаевском монастыре.

О хиротонии святителя Игнатия в его Жизнеописании рассказано, что Митрополит Григорий намеревался возвести его во Епископа в Новгороде, «и он уже готовился к этому, но вышло иначе». А через год после этого он был возведен во епископа Кавказского и Черноморского. Но в архиве П. П. Яковлева сохранилась анонимная записка об еще одном предположении или предложении: «При возведении в сан Епископа Сергиевского Настоятеля можно присвоить ему наименование Петергофского или Царскосельского, с оставлением в звании Настоятеля Сергиевой Пустыни и местопребывания в той же Обители, которую учредить Ставропигиальною, то есть вместо С.-Петербургского Митрополичьего ведомства, подчинить ее ведомству Святейшего Синода».

---

[1] Государь Император Александр II. ‖ [2] Государыня Императрица Мария Александровна (1824–1880), супруга Александра II.

Нелегко было, наверное, и Павлу Петровичу расставаться со своим «многолюбезнейшим Батюшкой, Отцом Архимандритом», также и святителю Игнатию — со своим преданным другом и сотрудником. Павел Петрович был единственным мирянином на прощальном обеде, данном епископом Игнатием для присутствующих при хиротонии архимандритов. А затем, «ноября 24-го, — пишет он, — в Церкви святой мученицы Екатерины училища Правоведения — литургия новым хиротонисованным Преосвященным Епископом Кавказским и Черноморским Игнатием Брянчаниновым, по предложению Его Императорского Высочества Принца Петра Георгиевича Ольденбургского.

Ноября 25-го отъезд наш с Преосвященным Игнатием из С.-Петербурга в Москву по Николаевской железной дороге.

Отдельные купе, приготовленные усердием Николая Андреевича Харичкова, сопровождавшего нас до станции Балагово, где обед и возвращение его в Петербург, а наше путешествие в Москву.

Здесь у Красных ворот квартира, приготовленная нам тем же благотворителем, Николаем Андреевичем Харичковым. Это его комнаты, занимаемые по временам в непродолжительные его пребывания там, а в отсутствие его занимаемые родным его братом.

Болезнь Владыки [епископа Игнатия]. Доклад мой Его Высокопреосвященству [Митрополиту Московскому Филарету].

Прибытие Его к болящему Владыке и предложение своего доктора.

Ноябрь 30-го отъезд наш в Троице-Сергиеву Лавру, перемена лошадей в Берлюковской пустыни, пребывание там.

Прибытие в Лавру очень поздно ночью. Ночлег наш с О. Игуменом Пименом [Угрешским] в Лаврской гостинице, а Владыки — у Вифанского О. Ректора архимандрита Игнатия.

Декабря 1-го в 9 часов в Лавре Литургия служилась О. Наместником Архимандритом[1] соборне. Прибытие из Вифании Преосвященного Игнатия во время чтения Апостола. По окончании Литургии обед в братской трапезе, после чего посетил Владыка Духовную Академию.

Смеркалось; отправились обратно из Лавры при сильном ветре и вьюге снега. Владыка с Иваном Григорьевичем[2] в карете, а мы с О. Игуменом Пименом в повозке. В Берлюкове пере-

[1] О. Антонием — о нем см.: Т. 1. С. 85–87. || [2] Иван Григорьевич Татаринов, будущий архимандрит Иустин.

менили лошадей и возвратились в Москву рано утром 2-го числа. Вьюга снега не переставала во всю ночь, от чего путь наш был очень затруднителен; но по милости Божией без болезненных последствий»[1].

Из сохранившейся переписки можно сделать вывод, что это было их последнее свидание. Но в архиве П. П. Яковлева имеется документ, озаглавленный «Краткий очерк современного состояния Монастырей Санкт-Петербургской Епархии» и приписано: «Неизданное произведение. Дорогое для меня последнее благословение, лично полученное от Архипастыря-Автора, Отца и Благодетеля при посещении моем Его Преосвященства в Николаевском Бабаевском Монастыре 22-го июня 1865 г.»[2].

На следующий день Павел Петрович отправился обратно в Сергиеву пустынь, а 5 декабря продолжил свой путь к новому месту службы епископ Игнатий.

Связь между ними, однако, не прерывалась. Переписка свидетельствует, что Павел Петрович продолжал выполнять отдельные поручения Преосвященного Владыки. Переписывался он и с бывшими насельниками Сергиевой пустыни, отцом Иустином (Иваном Григорьевичем Татариновым) и отцом Каллистом, заместившим его в должности письмоводителя при епископе Игнатии. Так, при назначении отца Иустина настоятелем Николо-Бабаевского монастыря, П. П. Яковлев писал ему: «Исполнение святого послушания всегда было, любезнейший Отец игумен, одним из главных Ваших правил. И ныне надеюсь, что это же чувство руководило Вас для принятия весьма нелегкого бремени настоятельства обители. Поздравляю Вас от всей души и молю Господа о помощи в трудах Ваших. Уверен, что не мечтательное утешение, а забота о благе обители занимает сердце Ваше. Дай Бог сохранить Вам эту заботу до конца жизни; святая Обитель никогда не останется и у Вас в долгу. — Архипастырские молитвы Благодетеля и Руководителя Вашего, да помогут Вам на всем пути жизни Вашей; с ними и многотруднейшее поприще не страшно!

— Прошу взаимно молитв Ваших и благословения

Преданнейший Вам П. Яковлев

29 ноября 1861 года

Любезнейшему Алексею Петровичу[1] прошу Вас изъявить мое усерднейшее почтение. Отца Каллиста весьма благодарю за присланные строчки; все формы бумаг описей собравши, препроводил я чрез почту; вероятно, получите вскоре»[2].

После кончины святителя Игнатия Павел Петрович собрал сведения о последних часах его жизни (эти сведения вошли в Жизнеописание Владыки), а также о похоронах. По его словам, из Бабаек телеграммой на похороны приглашались о. Архимандрит Игнатий (Малышев), Чихачев, Яковлев и о. Гедеон. Архимандрит Игнатий подал прошение Митрополиту Исидору об увольнении на погребение «Духовного Отца и Благодетеля, Преосвященного епископа Игнатия». Никто, однако, не смог приехать, вероятно, потому, что Преосвященный Ионафан, который руководил погребением, перенес похороны с седьмого, как было намечено, на пятое число мая.

Далее П. П. Яковлев сообщает, что «в Сергиевой Пустыни в Воскресенье расслабленного 7 мая архимандрит Игнатий (Малышев) служил соборне Литургию и панихиду.

Присутствовали: племянники родные, кавалергарды Александр и Николай Семеновичи Брянчаниновы, артиллерист Петр Дмитриевич Паренсов, Алексей Петрович Брянчанинов; Бибиковы: Елена (Свечина), Прасковья и Варвара Ильинишны; Чичерины: Александра Александровна (урожденная Шнурина), Саша Константинович, Ольга Павловна (урожденная княжна Голицына); Аскоченский Виктор Ипатьевич.

О. Гедеон не в состоянии был кончить “во блаженном успении вечный покой”, точно так, как во время первой панихиды 30-го апреля 1867 г.

Последние письма Владыки:

24 апр. Князю Михаилу Дмитриевичу Волконскому

25 апр. Ивану Ильичу Глазунову

25 апр. Варваре Петровне Бибиковой

25 апр. Павлу Петровичу и в его письме: А. П. Плещеевой и С. И. Снессаревой.

9 мая во вторник С. И. Снессарева, возвратившись из Бабаевского монастыря, сообщила, встретившись в Воскресенском девичьем монастыре, что 1-е) Владыку похоронили в Сергиевской церкви за левым клиросом (за правым Преосвященный Самуил); 2-е) При погребении было простого народа до

---

[1] *Алексей Петрович Брянчанинов* – племянник Святителя. || [2] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 5.

5000 человек; 3-е) Погребение совершил Преосвященный Викарий Ионафан — в пятницу 5-го числа; 4-е) При кончине, в открытом каноннике оказалась 3-я утренняя молитва; 5-е) Капитала осталось после усопшего 7 копеек и долгу 70 рублей, которые поручил заплатить из имеющего получить за два месяца пенсиона».

В архиве П. П. Яковлева сохранились два письма, написанные в связи с кончиной святителя Игнатия, содержание которых говорит само за себя. Первое адресовано архимандриту Игнатию (Малышеву):

«Ваше Высокопреподобие, Высокопреподобнейший Отец Архимандрит, возлюбленнейший о Господе Брат!

Очень бы желалось лично обнять Вас, Ваше Высокопреподобие, и братски похристосоваться с Вами; но, как видно, не всем нашим желаниям суждено придти в исполнение. И вот, вместо личного свидания, христосуюсь с Вами на письме.

Поводом к ускорению письменного Христосования послужила горестная весть об утрате драгоценного и незабвенного Отца Архипастыря, Преосвященного Епископа Игнатия. Этой вестью, Ваше Высокопреподобие, я глубоко поражен, и с первого раза не поверил, доколе за Литургиею 6 мая в Митрополичьей Крестовой церкви не услышал провозглашения и самого имени усопшего на заупокойной Ектении. Тут-то горько поплакал, и до сего дня поминаючи много любимого Владыку, с коим столько разделял в жизни приятного, грущу.

Прошу, Ваше Высокопреподобие, успокоить и утешить меня хотя несколькими строчками о времени кончины Преосвященного и прочих ее обстоятельствах. Последнее своеручное письмо Его Преосвященства, ко мне посланное от 10 апреля, я удостоился получить в день отправки моего письма к нему — 15 апреля.

Испрашивая молитв и благословений Ваших, имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Архимандрит Иннокентий.
7 мая 1867 СПб.
Александровское Дух. Училище

P. S. Любезному Павлу Петровичу мое Христос Воскресе»[1].

---

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 2. № 8.

Выписка из второго письма — «настоятеля Черменецкого монастыря Отца Игумена Антония [(Бочкова)] к бывшему Настоятелю Нило-Сорской пустыни, а ныне казначею Сергиевой Пустыни иеромонаху О. Нектарию от 9 мая 1867 года:

1 мая уведомили меня по телеграфу о кончине Преосвященнейшего Игнатия. А накануне я благодарил его письмом за присланные последние томы его сочинений: письмо мое застало Его во гробе. Служил по новопреставленному две обедни сам и две панихиды соборне, но память о нем останется в душе моей навсегда. После Вашего Преподобного Нила Сорского Преосвященный Игнатий был вторым и, может быть, последним монашеским учителем и писателем, а по силе слова, по ясному изложению своего Аскетического учения — первым и единственным. Никто из современников не мог равняться с ним в знании Отеческих писаний. Это была живая библиотека Отцов.

Учитель плача, новый Иеремия, скончался к этому пророческому дню и последователь Преподобного Нила погребен в день его памяти. Вся седмица Мироносиц, по Евангелию Иоанна, как бы посвящена усопшим и вся Вселенская Церковь воздала эту честь новопреставленному невольно. Учение о хлебе жизни, которое так убедительно объяснял Преосвященный, читалось в тексте над Его непогребенными мощами. Верую я, что все это совершилось по небесному чину.

Сергиева пустынь, конечно, воздаст Ему свое благодарение: еще живы в ней ученики и дела усопшего»[1].

П. П. Яковлев оставался в Сергиевой пустыни до конца своих дней. Он по-прежнему выполнял обязанности письмоводителя при архимандрите Игнатии (Малышеве), занимался делопроизводством по пустыни и благочинию, которое тоже перешло к новому настоятелю. Но от составления журналов и отчетности по строительству новых храмов, которым интенсивно занимался настоятель, был по старости и болезненности освобожден.

Его знали и уважали в Епархии. Для монастырского делопроизводства его авторитет был непререкаемым.

Знавшие его ближе высоко ценили его человеческие качества. Особенно трогательная дружба связывала его с игуменией Санкт-Петербургского Воскресенского монастыря Феофанией (Готовцевой), которая знала его еще 12-летним мальчиком в бытность свою в Горицком монастыре. Уже на смертном одре она призвала его,

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 2. № 8.

и он почти безотлучно пребывал при ней до самого конца: она «передавала ему любвеобильные распоряжения по внешним делам монастыря, так как издавна привыкла пользоваться его опытными советами».

Так же Павел Петрович до самой своей кончины поддерживал отношения с родственниками своего «незабвенного батюшки».

В 1875 г. к нему обратился Петр Александрович Брянчанинов: «Имею намерение предложить Вам и просить Вас, не признаете ли возможным посодействовать составлению жизнеописания покойного святителя Игнатия очертанием его служебной деятельности Настоятеля Сергиевой Пустыни и благочинного монастырей СП-бургской Епархии. Описание общее начал я составлять и дошел до поступления в Александро-Свирский монастырь.

Завтра или в среду думаю уехать в Сергиеву Пустыню, где пробуду до 23-го.

Пришлите 23-го по городской почте записочку, в которое время утра 24-го могу я застать Вас дома. Очень бы желал повидаться: Моховая ул. № 34, кв<артал> № 4-й»[1].

Павел Петрович немедленно включился в эту работу. Поскольку П. А. Брянчанинов свое описание довел до поступления Дмитрия Александровича (святителя Игнатия) в Александро-Свирский монастырь, он посчитал необходимым собрать наиболее полные сведения о его деятельности в Вологодский период и обратился за помощью к настоятелю Спасо-Каменного монастыря архимандриту Нафанаилу. 28 июля 1877 г. в Сергиеву пустыню пришел объемистый пакет: «Материалы из Архива Вологодской духовной консистории: по желанию П. П. Яковлева в копиях прислал Архимандриту Игнатию Малышеву — Вологодского Спасо-Каменного Духова Монастыря Настоятель Архимандрит Нафанаил». Павел Петрович пометил на первом листе: «Все без изъятия отношение написано собственноручно Отцом Архимандритом Нафанаилом». Среди «Материалов» была и переписка между Митрополитом Московским Филаретом и Преосвященным Стефаном, Епископом Вологодским и Устюжским, в связи с переводом отца Игнатия в Санкт-Петербург. Причем Епископ Стефан в своем письме отметил «похвальные качества и образованность в науках» молодого Игумена. Следует отметить, что «Материалы» почти полностью вошли в «Жизнеописание святителя Игнатия», но все же их можно дополнить выпиской из «Послужного списка», характеризующей как раз его «образованность»: «Обучался в Главном Инже-

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 9.

нерном училище: Закону Божию, Российскому, Французскому, Немецкому, Итальянскому и Греческому языкам, Риторике, Поэзии, Логике, Чистой математике, Начертательной Геометрии, Фортификации, Артиллерии, Тактике, Истории, Географии, Черчению, Архитектуре, Военно-Строительному искусству, Механике, Физике, Химии и Ситуации».

Одновременно с подготовкой материалов для составления Жизнеописания святителя Игнатия П. П. Яковлев занимался написанием «Исторического очерка Троице-Сергиевой пустыни», который был опубликован в 1884 г. и получил положительную оценку в компетентных кругах. Петр Александрович Брянчанинов, получив «Очерк», отправил автору прочувствованное письмо:

«Многоуважаемый Павел Петрович!

Искренне благодарю Вас за добрую память Вашу, выраженную присылкою мне Вашего образцово составленного "Очерка". Читал и восхищался, как изящно накидали Вы контур той Истории Троице-Сергиевой Пустыни, которая осязательно уже вся собрана не только в подлинных документах, но и в уме систематично-мудро расположившем в самом себе, как характер, так и все изложение истории. Читаешь очерк и чувствуешь полноту самой истории, из которой, в самых живых, в самых выдающихся очертаниях тебе показываются последовательно те отметные случайности, чрез которые проходила жизнь Пустыни. Выставлены и деятели и выставлены так же отметно, как и все то, чего Вы коснулись в очертаниях Ваших. В этом очерке столько достоинств, что вперед можно Вас поздравить с несомненным успехом Вашей истории, контур которой ручается за окончательное соответственное исполнение подробностей.

Еще и еще благодарю Вас за подарок, который познакомил меня с Вами очень близко и очень тепло и почтительно по всем отношениям. Эти чувства сохранит навсегда Ваш покорнейший слуга

Петр Брянчанинов.
21 февраля 1885 г.»[1]

Павел Петрович прожил почти 90 лет. До конца своих дней он поддерживал отношения с многими еще живущими друзьями святителя Игнатия и пользовался их любовью и уважением. В этом смысле весьма интересный его словесный портрет оставил граф Сергей Дмитриевич Шереметев: «После обедни

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 9.

в церковные и семейные праздники многие прихожане и разнообразное общество приглашались к большому завтраку в белой зале. <...>

Монахи Сергиевой пустыни, приезжавшие на Рождество и на Пасху славить Христа, всегда охотно принимались отцом моим, любившим их стройное и действительно выдающееся пение. Отдельно появлялся иногда Павел Петрович Яковлев, один из друзей покойного Архиепископа (sic!) Игнатия Брянчанинова, дворянин, поступивший в монастырь Макария на Унже, долго живший потом в обители Кирилла Новоезерского и соединившийся в Сергиевой пустыни с Брянчаниновым и Чихачевым. Он был дружен со всем моим семейством. Первая жена дяди С. С. Шереметева, Варвара Петровна, урожденная княжна Горчакова писала масляными красками и сделала его портрет. Яковлев не был монахом, но носил рясу и занимался внешними делами монастыря. Бывал он и у Татьяны Васильевны[1], и у него были связи с тогдашним обществом. Он подарил мне однажды книгу "Правила св. Геннадия". Говорил он несколько изысканно и томно, закрывая глаза и часто вздыхая. Он представлялся мне всегда несколько таинственным, и с именем его связано немало воспоминаний о лицах, давно отшедших; его очень любил А. С. Норов. Он пошел в монастырь по убеждению и занял там исключительное своеобразное положение»[2].

Последние документы, написанные Павлом Петровичем, свидетельствуют, что он трудился, пока силы совсем не оставили его: до такой степени изменился его когда-то красивый, даже, можно сказать, художественный почерк. Он скончался 12 декабря 1899 г., и, как пишет Л. А. Соколов, значительная часть его архива — «документы, записки и бумаги самого Яковлева, по распоряжению К. П. Победоносцева, лично знавшего и ценившего Яковлева, была забрана в Канцелярию Обер-прокурора Святейшего Синода». Большая часть этих документов и бумаг поныне хранится в архиве Святейшего Синода. Что касается документов более личного характера (писем и др.), которые оставались в Сергиевой пустыни, то значительная часть их утеряна навсегда, а сохранившаяся составляет драгоценное собрание фонда самого П. П. Яковлева в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки.

---

[1] *Шлыкова-Гранатова Татьяна Васильевна* (1771–1863) — дочь крепостного, ведущая балерина в крепостном театре графов Шереметевых; вольную получила в 1803 г.; ближайшая подруга Прасковьи Ивановны Ковалевой-Жемчуговой-Шереметевой; до конца дней жила с Шереметевыми, как член их семьи. ‖ [2] *Граф Сергий Шереметев*. Домашняя старина. М., 1900. Вып. 1. С. 124.

Переписка святителя Игнатия с Павлом Петровичем Яковлевым*

№ 1

Любезнейший о Господе Павел Петрович!

Приятнейшие Ваши строки я получил и стараюсь сколько возможно не медлить ответом, тем более, что моею обязанностию было заслужить ваш ответ.

Не буду уверять вас в том, что особенное ваше благорасположение, истинно-христианское и истинно-иноческое, оставило глубокое впечатление в моем сердце и изобразило в оном память о вас чертами, кажется, неизгладимыми. Примите с любовию слова сии, — как изображение моей благодарности, как отголосок взаимной к вам привязанности, — не как уплату долга: от долга приятного я не намерен освобождаться.

Удовлетворяя ваше одолжительное участие, хочу сказать что-нибудь о своем здоровье. Оно милосердием Божиим при помощи ближних весьма поправилось; осталась еще некоторая слабость: пройду утром какие-нибудь две верстки, а отдыхаю целый день. За пощение во время лихорадки теперь имею очень сильный аппетит. Волосы наполовину вылезли; от этого вид мой стал гораздо смиреннее и более, нежели прежде, схож на вид пустынника. Пока — живу в деревне. Мысль колеблется: не знаю, в который монастырь сунуться, дабы жительство мое в оном было попостояннее и для бедной душеньки моей пополезнее. Помышлял было о Корнильеве, а снится Семигородная; что в яве будет? Бог весть.

Впрочем, там или сям, а то твердо помню, что Павел Петрович обещал в случае своего путешествия в Вологду посетить и многогрешного Димитрия.

Желаете, чтоб написал я что-либо росписью? Отказать не хочу, не смею, не должен! — Притом и своего бы сочинения? — И на сие дерзну ради дружбы с помощью Божиею. Только потерпите немного, пока руки мои несколько поукрепятся: от слабости они еще дрожат и не могут давать чертам правильного характера; да и грудь неспособна к перенесению напряжений продолжительных.

Знаете ли вы? Самсону возвращен паспорт, и он опять на свободе.

---

* РГБ ОР. Ф. 425. Впервые была опубликована О. Шафрановой в книге: *Святитель Игнатий (Брянчанинов).* Странствие ко вратам вечности. М., 2001.

Сердце сердцу весть подает. Во время болезни приезжал ко мне дядя, Иван Афанасьевич Брянчанинов, бывший прошлого года в Новоезерском и вам понравившийся; зашел разговор о вашем монастыре. Старик очень вас помнит, и как он вам, так и вы ему весьма пришлись по сердцу.

Что ж наконец? Приходится отлучить мысль мою от заочного разговора с вами, дражайший о Христе Павел Петрович. Простите! С искреннею преданностию, остаюсь навсегда вашим покорнейшим слугою

Димитрий Брянчанинов.
27 Июня 1830.

P. S. Батюшка мой! Поставь своею милостию — уведомь, если случится что особенное с Мих. Васильевичем, напр., его отъезд, и проч. С днем Ангела! Даруй Боже имяниннику всего доброго.

Относительно разговора нашего о вступлении вашем в службу — постарайтесь привести поскорее в действо: ибо что-то поговаривает сам Царь о уменьшении дворян. Это я слышал наверно. Царю не нравится, что много в России бедных и бесчиновных дворян, и так все таковые находятся в опасности потерять дворянство и быть приписанными к однодворцам.

№ 2

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Благодарю Вас за то, что вы меня не забываете. Очень чувствую великость вашего расположения ко мне и благодарю милосердого Бога, даровавшего мне оное (ибо приобретший любовь ближнего, приобрел сокровище); тем более веселюсь и утешаюсь вашею любовию ко мне, что примечаю в ней постоянство и что она беспрестанно возрастает. Можете ли поверить, что мне от безумия моего кажется, будто духовным чувством ясно вижу ваше сердце и ощущения оного, и не нуждаюсь, чтоб кто-либо извещал мне о вас то или другое. О! потерпите мне: скажу еще нечто. Мне представляется, будто нет никого на свете, к кому бы вы чувствовали таковое расположение и таковового разбора, каковое чувствуете ко мне. Не представляется ли еще чего-либо? Представляется! Но помолчу до времени.

Ныне часто имею случай беседовать с вами заочно: ибо, пользуясь уединением и свободою, составляю небольшое (однако и немалое) сочинение, — хочу исполнить свое обещание и удовлетворить по силам вашему желанию.

Не удалось вам ныне побывать в Вологде? Скажите: отчего бы сатане было противиться вашему намерению? Не предчувствует ли он чего-либо? Не произойдет ли какой-либо для вас пользы от сего путешествия? Бесполезному не воспротивился бы сатана! Наконец, скажите мне: от чего торжествует душа моя и чувства мои, скачущие от веселья, не попущают мне даже писать складно, между тем сродно было бы мне печалиться о том, что лишился свидания с вами? Не вижу ли я в будущности, как в некоей дали, чего-либо меня толико радующего и восхищающего?

Помните: Исаак хотел благословить Исава, благословил Иакова; Павел ехал в Дамаск, чтоб истребить веру в Христа, а, приехав, стал проповедовать Христа; верховному Петру сказано: *егда был еси юн, поясался еси сам*[1], и проч.

За сим простите! Дай Господи вам всего доброго; молитесь о многогрешном Димитрии.

31 Авг. 1830

[1] *...Когда ты был молод, то препоясывался сам* (Ин. 21. 18).

№ 3

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Поздравляю Вас с праздником наступившим и наступающим Новым Годом. Бумагу почтовую, палочку сургучу, связку калачей получил и приношу за оные благодарность. Сочинение, Богу помогающу и наставляющу, постараюсь начать, когда буря маленько поутихнет и волны поулягутся. Дело дошло было до того, что я совсем собрался отсюда ехать; но сие испугало Строителя, и он стал ко мне гораздо полегче. Если Вам угодно, то, кажется, ничто не препятствует переписать сочинение для Наумова[1]. Присылаю при сем денег, из коих покорнейше прошу купить для меня 5 фунтов сахару да бумаги писчей; ибо в сих двух вещах нуждаюсь. Подожду, потерплю, не помянет ли меня Господь, почти забытого людьми. Чувствую себя на гостинице гораздо покойнее, нежели в строительских келлиях; только теперь приезжающих не было,

а если приезжающие будут, то и поневоле придется просить другой келлии.

Простите! Остаюсь навсегда Ваш преданнейший слуга

Многогрешный Димитрий.

Да семги пришлите.

1830

[1] *Наумовы Иван Наумович и Анна Тимофеевна* — вологодские помещики, соседи П. П. Яковлева по имению.

№ 4

Дражайший о Господе Павел Петрович!

Покорнейше благодарю Вас за доставление писем моих, которые и получил во всей исправности из рук Константина. Не знал я, что вы еще в Вологде. Представьте себе, что по отъезде вашем Сочинение у меня полилось, и если б знал я, что вы в Вологде, то оно уже было бы у вас в руках. Вышло количеством листков с главы Феогноста. Получа оное, не судите о нем по наружности, но по чувству, которое должно явиться у вас по прочтении оного: ибо наружность его несколько сурова, а содержание исполнено милосердия. Прочитав его, вы увидите, что не без промысла Божия рука моя была останавливаема столь долгое время. Слава Богу, я чувствую себя гораздо здоровее прежнего. Вместо Феодосья живет у меня виденный вами на рыбной ловле Павел, чрезвычайно ко мне приверженный. Когда захотел я его взять, то все братия (и Костя) стали меня отговаривать, называя его и плутом, и вором, и распутным; однако сердце мое говорило не то. А теперь все дивятся, что в столь короткое время он так переменился, не понимая того, что я человек заразительный. И Закхей, старей мытарем, от грешников грешник — в одну минуту переменился. Се Господи, сказал он Сердцеведцу, полимения моего раздам нищим, и аще обидел какую-либо добродетель, то возвращу четверичным покаянием. Так и с моим чадом новым случилось, и я теперь весьма им утешаюсь и ощущаю в себе над ним несравненно больше власти, нежели над Федосьем, а потому и думаю от сего последнего отказаться, тем более, что он и сам не желает у меня жить. Сделайте милость доставьте на почту письмо к Чихачеву; что недостанет в деньгах, дополните вашими, ибо присылаю свои последние, и записку сию домашним моим. Кланяйтесь усерднейше Царю Соломону. Вам кла-

няется Чихачев, — хочет ко мне ехать или меня перетащить к себе. Ивану Наумовичу и Анне Тимофеевне со всем их семейством усерднейший мой поклон. За сим остаюсь ваш искреннейший брат

Многогрешный Димитрий.
30 октября 1830

Строитель вам и Наумовым кланяется.

№ 5

Молитвами Святых Отцев наших
Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас
Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Усерднейше желаю Вам здравствовать и радоваться о Господе. Ваше приятнейшее письмо и при оном письмо от Михаила Васильевича с 5-ю рублями я получил от Ивана Наумовича, а после от него же и чемодан с шубою и прочими вещами. Должен я благодарить вас за особенное внимание и заботливость о нуждах моих, что весьма трогает мое сердце и наполняет оное приятнейшими ощущениями. Извещаю вас, как принимающего во мне большое участие, что я решился постричься, что идет уже о мне представление в Синоде к мантии, и Архиерей дает Семигородную пустыню, из которой принужден был я выехать по причине притеснений Строителя. Весьма радуюсь сему событию, которое может доставить мне кусок хлеба, без отягощения моих родителей и прочих ближних, а для некоторых, любящих меня о Господе, — спокойный приют. Знаю, что и вы сему порадуетесь, от обильной вашей ко мне любви. Впрочем, предвидится сначала и некоторый труд, по причине малого количества благонамеренных из числа братии. Слава Богу, что ваше здоровье находится в лучшем состоянии, желаю и впредь вам здравствовать душевно и телесно. С приезда в Вологду я чувствую себя хуже, и по всему замечаю, что климат Семигородной особенно здоров.

Дядюшке Дмитрию Ивановичу[1] сказывал от вас поклон так, как и Владимиру Алексеевичу[2], который на днях женился. Писем образцовых написалось три. Дополнение к сочинению не начинал, зане от различных превратных обстоятельств смятесе мысленное око мое и сердечная тишина подернулась волнами, как поверхность воды от дунувшего ветерка. Книгу «Основания Российской словесности», сочинение Никольского, не могу вам доставить,

потому что в ней нуждаются домашние, в коих я менее уверен, нежели в Вас, и потому лучше желаю огорчить Вас, нежели их.

Зачем вы трудились, дражайший мой, присылать ко мне чемодан, подушки, ложки, мешок; все это, вы сами видели, для меня было не нужно, а нужна точно одна шуба, которую надеюсь опять к вам переслать, когда Бог приведет сделаться Настоятелем; прочие же вещи по оказии к Вам перешлю ныне, кроме белья, которое, кажется, уже никуда не годится.

Наконец, остается мне, возлюбленнейший Павел Петрович, пожелать вам всех благ от Милосердого Господа и поздравить с наступающею четыредесятницею. Прощайте и многогрешного Димитрия в молитвах поминайте.

Остаюсь ваш навсегда искренно преданным и молюсь, чтоб любовь наша о Господе возрастала для общей пользы.

16 февраля 1831

[1] *Самарин Дмитрий Иванович* – вологодский помещик, дядя и крестный отец Дмитрия Александровича Брянчанинова.

[2] *...Владимиру Алексеевичу* – Волоцкой Владимир Алексеевич – сосед и родственник Брянчаниновых.

№ 6

Молитвами Святых Отцев наших

Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Не знаю, с чего начать письмо сие? Ибо чувствую себя весьма виноватым перед Вами. Точно, я виноват, столь долго замедлив ответом на ваши приятнейшие строки, обнаруживающие ваше искреннее и обильное ко мне благорасположение. Не буду оправдываться перед вами; любовь оправдывает любимого, хотя бы он был и виноват.

Свершилось! Я пострижен и посвящен в иеромонаха. Когда меня постригли, казалось мне, что я умер, когда посвятили, казалось, воскрес. Живу какою-то новою жизнию; весьма спокоен; не тревожит меня никакое желание; во время каждой обедни ощущаю, что достиг конца желаний, ощущаю, что получил более, нежели сколько бы мог пожелать.

Не хочу описывать Вам наружных обстоятельств, сопровождавших мое пострижение и посвящение; предполагаю, – другие расскажут. Сказываю вам о себе то, чего другие о мне знать и сказать не могут: я щастлив!

Преосвященный не открывает ясно своих намерений относительно меня. Но я спокоен: полагаюсь на волю и милосердие Создателя моего и Бога.

Очень рад, если Господь сподобит меня видеть Вас осенью — время, в которое предполагаете быть в Вологде.

Видел отца Нифонта, иеродиакона вашего. С чего бы сделаться ему ко мне столь хладным; по крайней мере, мне так представилось.

Получили ль Вы письмо от Михаила Васильевича, который к Вам крайне расположен.

Пишите ко мне от времени до времени и не забывайте в святых молитвах.

Остаюсь как и был Ваш преданнейший слуга, недостойный богомолец

Иеромонах Игнатий.
11 августа 1831

И от 7 августа письмо ваше получил. Павла Стефанова я не видел: ибо в то время, как он проходил Вологду, я отлучался из оной; сказывают, он прошел в Ярославскую Епархию. Прощайте, дражайший мой! Что делается с вашим Александром Федоровичем?[1] И с вами что? Дай Бог вам всего доброго.

25 ав<густа>

Чтоб я в Питер не махнул! Доставьте мне хоть парочку четочек черненьких шерстяных Горицких, только без стеклышек.

[1] *Комаровским.*

№ 7

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Усерднейше желаю Вам здравствовать о Господе. При сем письме намерен я препроводить к Вам чемодан, но не тот, который Вы ко мне прислали, а другой, ибо сей последний и прочнее и исправнее. Также беседу мною сочиненную: сия беседа, так как и прошедшее письмо, к вам написанное, имеют правильное расположение; особенно в письме случилось употребить слог и обороты довольно удачные и для писем приличные. Благодарю покорно за четочки!

Между тем живу в Вологде; прошусь в Петербург; отпускают. Доходят до меня верные слухи, что сильно действует про-

тив меня Прилуцкий Архимандрит Евтихиан, несмотря на то, что подводил меня к пострижению, и к ужасу моему и горести вижу, что всех сих несовместностей причина есть корыстолюбие. Своими же обстоятельствами я весьма доволен, и вы нашли бы меня столь же радостным, как видели в Новоезерске во время оной болезни. Верую, что вся тварь повинуется непостижимым намерениям Творца и оные исполняет, хотя и кажется, что по-видимому оным противятся. Хорошо б, если б мог я сказать о Боге то, что сказал некто: «Любит же меня и Он, и утешения Его возвеселяют сердце мое!»

Получил от Михаила Васильевича письмо на трех листах: и меня ждет к себе, и сам сбирается ко мне, — смотря по тому, как устроятся обстоятельства. О. Нифонт между прочими своими замечаниями заметил, что не тесно ли будет мне вместе с М. В. Я промолчал, так как и на прочие замечания ответствовал молчанием. Он, когда был у меня в первый раз, то был уже начинен. Но кто б его начинил? — Я хожу здесь только в шесть домов, из коих ни один ему не знаком. Разве Наумовы, с коими познакомился единственно ради Вас. Как Вы думаете? — Впрочем, если и поеду в Питер, то намерен дождаться зимнего пути. Может быть, Бог приведет еще Вас увидеть, а между тем остаюсь искренне любящий вас и желающий Вам всех возможных благ

Иеромонах Игнатий.
27 сент. <1831>

№ 8

Христос Воскресе!

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Усерднейше поздравляю Вас с светлым праздником Воскресения Христова. Приятнейшее письмо Ваше получил, по желанию и благорасположению Вашему, уведомляю Вас о теперешнем моем житье-бытье. Приехав в монастырь, нашел все в большом расстройстве; похоронил покойного Строителя, моего предшественника, приложив для сей церемонии несколько из своего кошелька: ибо в монастыре наличной суммы было 1 рубль 33 коп. Начал помаленьку сбираться с силами и строить келлии и трапезу: ибо сии постройки состояли почти из одних развалин. Теперь живу в маленьком флигильчике, мною выстроенном; когда перешел в оный, то почувствовал ощутительное облег-

чение в здоровье. Пособралось несколько и братии, — в числе коих и Михайло Васильевич прилетел. Живет он в одном со мною флигеле, — ибо в оном имеется седмь келлий. Есть слухи, будто меня хотят переводить куда-то.

За сим усерднейше вам кланяюсь, также и Александру Федоровичу, и остаюсь, как и был, Ваш покорнейший слуга

И<еромонах> Игнатий

При сем и я, от души благодаря, поздравляю вас с прошедшим светлым праздником и имею честь быть навсегда искренно преданный вам

Михаил Чихачев.

1832-го года 23-го апреля
Лопотов монастырь

№ 9

Возлюбленнейший о Господе

Павел Петрович!

За долгое молчание не сердитесь, простите! Уверен я, что вы скорее припишите оное моей лености и рассеянности, нежели чему-либо другому худшему. Хлопочу около своего монастырька, и помаленьку стараюсь приводить оный в хорошее состояние; мог бы надеяться с осени жить поспокойнее, ибо к сему времени должны быть отделаны Строительские келлии. А теперь весьма теснюсь, и то к щастию, что удалось выстроить флигелек о семи келлиях, из которых в одной живу, хотя не просторно, но с теплом. Очень часто бываю болен. Говорят, будто ожидает меня перемещение в Корнильев монастырь — игуменский. Братия у меня, Божиею милостию, крайне смирны; а я стараюсь к ним быть как можно милосерднее, и помнить оное евангельское слово: «Сын Человеческий не прииде да послужат Ему, но послужити». Бывый Семигородский Строитель Мелхиседек живет ныне у меня.

Михайло Васильевич уехал в Псков. Вы не вздумаете ли побывать в Вологде? За сим честь имею пребыть Ваш

нижайший богомолец

Иеромонах Игнатий.

Авг. 1832

Приложенное при сем письмецо прошу доставить О. Игнатию, иеродиакону. Александру Федоровичу скажите мое усерд-

нейшее поклонение и благодарность за присланные им четки и параманы.

Вашему о. Игумену прошу засвидетельствовать мое почтение и за просфору благодарность, также благодетелю моему о. Сергию и прочим старцам.

№ 10

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

По последнему письмецу Вашему препровождаются к Вам тетрадки Ваши, о коих извольте услышать следующее:

1) Житие Отца Феодора Ушакова[1] и дополнение мною пересмотрено и токмо грамматические ошибки некоторые исправлены.

Потому некоторые, что все оное сочинение не по правилам писано, с смешением наречий Словенского и Российского. Но оно имеет ясность рассказа достаточную и некоторую оригинальность занимательную; только надо надписать в заглавии, что составлено и написано самим Отцем Феофаном[2]. Тогда для всякого очень любопытно читать сочинение старца, и простый его рассказ гораздо приятнее покажется, нежели красноречие кого-либо другого.

2) К Беседам отца Феофана можно применить также сии последние слова. И потому в них постарался я только переправить грамматические ошибки.

3) Буди Вам известно, что житие о. Феофана мною довольно тщательно переправлено, и, как Вам угодно, но поостерегитесь хорошее заменить посредственным. Знайте, что его нравоучение, в Житии помещенное, прибавкою, мною сделанною, такой получило вид, что для людей, имеющих вкус и знание, кажется весьма связным, простым и сильным отрывком. Сие нравоучение вместе с описанием его нравственности и кончины составляет всю красоту сего жизнеописания. Ограда же, ризница, аудиенции и проч. суть предметы, наименее занимательные в жизни человека, прославившегося возвышенною нравственностию, смирением и презрением всего суетного!

Как пишете Вы, что намерены быть в Костроме, то вероятно поедете через Вологду, а может, и нас, нищих, посетить вздумаете. Михайло Васильевич отправился на свою родину, погостить.

Житие Преподобного Ферапонта препровождаю к Александру Федоровичу, возлюбленнейшему по духу собрату; а Житие Феофана Соловецкого оставляю у себя с намерением заняться

оным повнимательнее. Весьма недавно начал я приниматься за всякое дело; а так было ослаб, что вовсе и хозяйством монастырским перестал заниматься. Здесь имею я довольно странную судьбу: Семигородная братия ждут меня в Семигородную; Тотемская — в Тотьму, Корнильевская — в Корнильев и проч. Кажется, из бесед извлекать более нечего для помещения в Жизнеописание: в них почти повторяется все одно и то же, простенько и смиренненько. Феодора Ушакова слова гораздо резче, но и, по моему грешному суждению, далече отстоят от Василисковых. За тем простите.

Ваш сердечно любящий и покорный слуга

И<еромонах> И<гнатий>.

Житие Василиска есть евангельское, мудрование его Евангельское, очищенное и просвещенное!

Сент. 1832

[1] *О. Феодор Ушаков* (в миру Иван Игнатьевич; 1718–1791) — с 1762 г. настоятель Санаксарского монастыря; одним из его учеников был Феофан Новоезерский.

[2] Об отце Феофане Новоезерском см.: Т. 1. С. 467–471.

№ 11

Молитвами Святых Отцев наших Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Усерднейше желаю Вам здравствовать о Господе. Приятнейшее письмо Ваше получил; а не писал давно к Вам, особенной нужды крайне не имея и за различными Монастырскими хлопотами, коих довольно. Тем более, что я в Вашем расположении уверен, надеюсь, что и Вы в моем также. Прощайте. О многом писать, может быть, еще и для Вас, и для меня не время. Молитв Ваших прошу и остаюсь

нижайший богомолец

И<еромонах> Игнатий.

Приписка другим почерком:

Наш монастырь каким-то скитком представляется, на манер Южных пустынь. Тихо! Безмолвно! Бесхитростно! Любовно! Радостно! Мытарево слово! Не чаем и не отчаиваемся! Блажен, кто может сказать: течем да постигнем.

С нами Бог! Разумейте, покоряйтеся, языцы! Стоим ли? Пред Богом стоим! Лежим ли? С нами Бог! Силен нас поднять! Успокоюсь, почию: яко Ты, Господи, на уповании покаяния, вселил мя еси! Хотя и должен я сказать: смятеся сердце мое, когда помыслю о множестве прегрешений моих. И не вниди в суд с рабом Твоим: ибо не только умерщвленный грехами, но и живый по причине живущей в нем благодати, не оправдится пред Тобою, и правды наши судить имущем.

О! Простите моему безумию, впрочем. С нами Бог!

Приписка М. В. Чихачева:

Молитвами Святых Отцев наших Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Желаю Вам душевно радоваться о Господе. При сем удобном случае и я не мог преминуть, дабы не изъявить моего вам усердного желания всякого блага от подателя оного Господа Бога. Молю вас изъявить от меня то же и Отцу Александру. Я же пребыть имею навсегда с искренно-сердечным моим расположением Ваш

многогрешный послушник Михаил

1833-го года Генваря 22-го дня.

№ 12

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Приятнейшее письмецо Ваше получил; не знаю, найдет ли Вас сей мой ответ в преславном Новоезерске: ибо самое письмо Ваше получено мною весьма много спустя по отправлении оного Вами.

Весьма желаю Вас видеть; но не знаю, попадете ли Вы в сей далекий край. Затем простите и по-прежнему любите

Ваш усерднейший богомолец

Архимандрит Игнатий,

янв. 1834.

Приписка Павла Петровича:

Послушник Александр Федорович Комаровский просится из Кирилло-Новоезерского м-ря в Сергиеву пустыню.

№ 13

Высокопреподобнейший Батюшко! Отец Архимандрит!

Слава Богу! Дело о первоклассии кончено. Вчерашнего дня Государь Император Высочайше соизволил утвердить доклад Синода. Получа оный, Граф Протасов[1] от курьера, так был обрадован, что немедленно отправился к Высокопреосвященному Митрополиту Серафиму, который сей вестию чрезвычайно также был доволен. Личных объяснений их был свидетелем Андрей Николаевич, со слов коего докладываю Вам о сем предмете и усерднейше поздравляю!

По объяснении моем с Губернским землемером о ходе дела относительно земли, а также по содержанию Вашего письма к Князю Голицыну[2], он, Г<-н> Зайцев, просит Вас дополнить оное письмо, для того, чтоб отвратить непременно имеющие возникнуть споры при межевании, от слов: половина и линия, назначенная карандашом, — ибо натурально, что мы будем принимать за основание свою линию, назначенную карандашом, да Депутаты крестьян будут говорить только о половине; а по сему и осмеливаюсь препроводить Вам письмо, назначенное к Князю, с тем, что не угодно ли Вам будет его дополнить, согласно содержанию записки г. Зайцева, при сем прилагаемой. Сие удобнее сделать, что подобные дополнения в Комитет Министров нередко бывают.

Вчерашнего дня явился ко мне Василий Егоров с сокрушенным сердцем, горькими слезами и отчаянным видом, во утешение свое и престарелых его родителей просит к довершению многих Ваших милостей еще одной и последней таковой же: а именно Аттестата, коим он надеется примирить себя с родителями. Иначе боится и показаться к ним, дабы не поразить их, и без сего уже расстроенных по всем внешним обстоятельствам. Если не будет огорчительна для Вас изъясненная наша просьба, то сделайте милость, не отриньте!

Я с своей стороны не излишним считаю присовокупить, что подобный Аттестат некоторым образом нужен ему и потому, что в паспорте падучая болезнь его не упоминается. Во время же пути подобное слово отдалит сомнение от каждого, во время несчастных минут страждущего встретившего.

С истинным высокопочитанием, честь имею быть Ваш преданный сын и покорнейший слуга

П. Яковлев.

1-го июня 1836 года

Г<-н> Муравьев ходатайствовать о секретаре не только не берется, но говорит, что весьма будет много, если он не будет против него, и что пользу одной обители он не может предпочесть всем: ибо будто бы тот дерет с живого и мертвого. Не знаю, что мне остается делать? Вразумите!

[1] *Протасов Николай Александрович* (1799–1855) – граф, с 1836 г. обер-прокурор Св. Синода.

[2] *Голицын Александр Николаевич* – в 1836 г. занимал должность статс-секретаря по принятию прошений; также о нем см.: Т. 1. С. 489.

№ 14

...Г<-н> Зайцев полагает самым лучшим средством просить о настоянии Сухаревой Вице-Губернатору, от которого ныне зависит и ускорение, и медленность дела...

П. Яковлев.

30 июля 1836 г.

№ 15

Г<-н> Мельников советует взять суммы на первый раз 50 или 60 тысяч рублей...

П. Яковлев.

2 февраля 1837 г.

№ 16

...Елисавета Михайловна Хитрово убедительнейше просит Вас вынуть часть за упокой новопреставившегося Александра Пушкина, которого тело вчера отпевали в Конюшенной церкви, а для погребения повезли в Псковской которой-то Монастырь, близ коего их, Пушкиных, имение...

П. Яковлев

№ 17

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Состояние Отца Геронтия[1] довольно трудно. Мое бы мнение таково: принять строительство, и по принятии уже искать освобождения по болезни, что, кажется, не неудобно сделать, а то противлением, чтоб не навлек о. Геронтий себе большого искушения, – и вместе Старцам, якобы учителям противления власти. При противлении если кто из здешних Сильных замолвит

Архиерею слово, то Архиерей выставит противление, коему если потакнуть, то, пожалуй, и вся Епархия взбунтует. Таковый отзыв Архиерея будет весьма силен и пропадет последнее средство вспоможения о. Геронтию. И потому думаю принять ему начальство с покорностию и по малом времени, при помощи здешних искать увольнения, что будет похитрее и попрочнее. И Бонапарт не везде нахрапом брал, а инде и хитрость употреблял. Спросите о сем мнения у друга нашего Муравьева, а когда он своим мнением мое мнение утвердит, то немедленно Старцев известите: ибо дело таковаго рода, что отлагательства не терпит. Христос с Вами, дражайший мой!

23 окт. 1837

(Адрес П. П. Яковлева: в Ямской, в доме Галченкова, в квартире Сергиевой Пустыни Архимандрита с братиею.)

[1] *Отца Геронтия* — о нем см.: Т. 2. С. 46.

№ 18

Высокопреподобнейший Батюшко! Отец Архимандрит!

По милости Божией за Ваши Св. молитвы в обители нашей все обстоит благополучно. Я намерен доложить Вам токмо о том, что как и предуведомлены Вы о. Казначеем, — прибыл сюда 1 июня искать Вашего покровительства Новоезерский иеромонах Иаков, с билетом, данным ему до Моденского монастыря, для поступления в тамошнее братство. Представив его к Алексею Ивановичу Суслову[1], узнали, что резолюциею Преосвященного Митрополита иеромонах Иаков должен поместиться в Моденский монастырь не навсегда, но токмо на один год, почему 5-го числа сего месяца он туда и отправился с тем же билетом, который дан ему в Монастыре Новоезерском. Предприимчивость Отца Иакова — посетить столицу без надлежащего билета, довольно необыкновенна; но по *вере* чего не бывает... а потому-то сей его поступок можно повергнуть токмо Вашему Отеческому благоснисхождению.

Третьего дня о. Аарон с о. Наместником Феофаном[2] отправились в Зеленецкий Монастырь; в тот же день уехала в Москву на несколько недель Княгиня Зинаида Петровна по делам своим. Указ о дозволении употребить остаточную Староладожского Николаевского Монастыря строительную сумму из Св. Синода к Преосвященному Митрополиту уже последовал.

Просьбу о согласии принять о. Платона Георгиева Староладожский о. Строитель подписал; на сих днях представляю ее Преосвященному Митрополиту. Из Валаама пишут, что поныне там все состоит благополучно; в прочих обителях — также. Лесную дачу о. Нафанаил преимущественно выбрал **Присыпскую**, но мы не репортуем в надежде Вашего возвращения, с нетерпением нами ожидаемого.

По делу Ивана Тимофеевича Генерал Полозов поручил мне сообщить ему те вопросные пункты, кои к нам будут присланы из Уголовной Палаты, и тогда окажет он всевозможное содействие.

Преосвященный Митрополит отпустил о. Аарона токмо на две недели; следовательно, к 25-му или 28-му числу сего месяца он возвратится.

Усерднейше прося Вашего благословения и Св. молитв, с совершенным высокопочитанием имею честь быть

Ваш

Достопочтеннейший Батюшко! преданнейший сын

П. Яковлев.

15-го июня 1839

С<анкт->П<етер>бург

По письму Сестрицы, сию минуту мною полученному, постараюсь все исполнить с надлежащею точностию и Вас немедленно уведомить.

Петр Васильевич Лесников[3], войдя ко мне в комнату, просит свидетельствовать Вам от него и от всего семейства усерднейшее почтение.

Любезнейшим о. Марку, Ивану Тимофеевичу и Саше низко кланяюсь.

[1] *Суслов А. И.* — секретарь Митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Серафима.

[2] Наместник о. Феофан (Комаровский).

[3] *Лесников Петр Васильевич* — см. о нем: примеч. 4 на с. 161.

№ 19

Любезнейший друг! Павел Петрович!

Хотя всякое отвлечение для хода дела нашего весьма вредно; но Вы знаете, нужде пришедшей закона применение бывает. Так и ныне! Потрудитесь быть у Кн. Шаховской, взгляните на состояние экономических дел ее, составьте краткую

сравнительную ведомость ее капитала, долгов и дохода, смету необходимого расхода. Она теперь в крайности, почему посоветуйтесь секретно с Иваном П. Лесниковым[1] и с Василием Антоновичем, — во-первых, о том, как помочь ей в настоящей нужде, а во-вторых (об этом единственный советник Василий Антонович, посоветовавшись с коим, можно прибегнуть к Лесникову в случае нужды) о управляющем; ибо недостаток в управляющем расстраивает ее хорошее состояние. Я слышал, что у Василия Антоновича есть братец, — впрочем, надеюсь, его ли, или другого кого Василий Антонович не откажется дать благонадежного человека, который под его надзором может быть благонадежнейшим. В первом пункте, если не найдется других средств при тщательном изыскании, отец Михаил располагается помочь. Вы можете понять, как на это трудно для меня согласиться, и только при последней крайности соглашаюсь. Все сие возьмитесь сделать наисекретнейше, самым верным актом. Но хорошо бы избежать, и о последующем настрочите с верною оказиею ответ, а всего лучше в воскресение к обедни приезжайте. Что-то мне внушается по милости Божией к Василию Антоновичу большая доверенность. Помоги Вам Господи.

Ваш искреннейший друг

Арх<имандрит> Игнатий.
11 дек. [1839]

[1] *Лесников Иван Петрович* (сын П. В. Лесникова) — купец, в доме которого в отроческие годы служил Игнатий маленький (Малышев); был одним из щедрых благотворителей Сергиевой пустыни; святитель Игнатий поддерживал с ним близкие дружеские отношения.

№ 20

Достопочтеннейший Батюшка! Отец Архимандрит!

Не желая упустить сегодняшней почты, спешу уведомить, что я с сопутником в Четверг на прошедшей неделе отправились из Петербурга по Московской дороге до станции Чудово, как нам посоветовали при выдаче подорожной в Канцелярии Военного Генерал-Губернатора. Из Чудова чрез Грузино прибыли сего дня к концу поздней обедни в здешнюю Тихвинскую обитель. Дорога была, кроме некоторых песчаных мест, довольно хорошая; погода самая благоприятная. Огромные поля, засеянные хлебом, и прекрасные луга села Грузина с его окрестными селениями оставили

во мне самое приятнейшее впечатление; здесь легко себе можно было представить, что время рано или позже сторицею наградит труд, подъемлемый для улучшения Сергиевского хозяйства, — тем более, что любящим Бога всё споспешествует во благое.

Здесь мы, по окончании сегодняшней обедни, только и успели сходить в Церковь приложиться к иконе Божией Матери, после чего зашли в келлию о. Архимандрита, который, приняв довольно милостиво, не забыл пригласить в братскую трапезу и позволил пробыть в монастырской гостинице до четверга.

Должен признаться, что замечание Ваше касательно того, какое произведет на меня влияние встреченные в здешнем крае предметы, по многим отношениям вполне справедливо; не описываю причин тому — они лично Вами изложены мне столько ясно и так основательно, что возражать против них значило бы противоречить истине.

Но правда, что наше путешествие до здешнего края довольно продолжительно; но если вспомните Ваше назначение ехать нам только днем, а отнюдь не ночью, тогда согласитесь, что скорее прибыть в Тихвин невозможно, в особенности, если дополню еще тем, что на станции Оскуй мы ожидали лошадей более полусуток.

Впрочем, такое неспешное путешествие имеет своего рода приятность, не говорю уже о сохранении здоровья, которое по днесь обеим нам очень благоприятствует. Кабриолет наш в хорошем состоянии и чрезвычайно успокаивает — можно сказать, балует нас.

Желал бы знать, одобрен ли рисунок клиросов собора? Цена, испрошенная подрядчиком, мне кажется, самая умеренная.

Нектарий просит Вашего благословения, которым наградите, Достопочтеннейший Батюшко, и не лишите Вашими молитвами того, кто, с чувством глубочайшего почтения и преданности, имеет честь быть

Ваш искренний слуга

П. Яковлев.

16-го августа 1842
Тихв<инский> М<онасты>рь

Всем Отцам и братиям свидетельствую усердное почтение, в особенности любезнейшим о. Наместнику, о. Казначею, о. Михаилу, о. Илариону, о. Иосифу и о. Игнатию, помню очень и ревностного исполнителя своей службы уроженца града Кадникова.

Не угодно ли Вам будет покушать здешних баранок или бубликов, они мне показались довольно вкусны, а потому и отправляю их в ящике с этою же почтою на имя о. Иосифа, ибо не желаю такую малость адресовать на имя Ваше. Чтоб баранки не очень засохли, то потрудитесь поручить о. Иосифу поскорее получить их с почты и доставить к Вам. Не взыщите на Тихвинских гостинцах; чем богаты, тем и рады.

№ 21

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Приношу Вам сердечную благодарность за Тихвинские баранки, которые мне очень понравились. Я, по милости Божией, здоров и довольно спокоен, равно и братия поживают благополучно. Крылоса Императрица утвердила, ей показалось необыкновенно дешево. Хлеб убран благополучно; урожай сильный. По именному повелению посылается к нам под начал протодиакон Василий Лебедев.

Прочее всё по-старому. Только в том перемена, что я начинаю Вас поджидать обратно, да и дела, Вами оставленные, требуют непременно возвращения Вашего к октябрю.

Прошу Ваших Св. молитв и остаюсь навсегда преданнейший Ваш друг

Арх<имандрит> Игнатий.

О. Нектарию — мой поклон!

7 сент. 1842

№ 22

Достопочтеннейший Батюшко! Отец Архимандрит!

Напутствованный Вашим благословением доселе совершаю мое путешествие весьма благоприятно. После восьмидневного пребывания моего в Горицах, прибыл в Вологду 8-го ч<исла> с<его> месяца. В продолжение пути возродилось во мне желание побывать в Новегороде, на каковый предмет при отъезде не получил Вашего благословения, то и прошу Вас покорнейше принять труд поспешить уведомить меня: согласны ли Вы на исполнение моего желания, которое если найдете хотя несколько несовместимым с какими-нибудь известными Вам обстоятельствами, то сделайте одолжение, не затруднитесь отказом; я пойму его тогда, когда Вы не будете отвечать мне на это письмо. Раскрою Вам и цель моего путешествия в Новгород. Она состоит в том,

во-первых, чтоб поклониться Св. Мощам угодников Божиих, а во-вторых, видеться с Саввою Вишерским Настоятелем и Юрьевским о. Владимиром, взглянуть на их житье-бытье, в особенности на устроение первого. Желал бы очень видеть и Графиню[1].

Пробыв здесь и в Покровском до 16-го числа с<его> м<есяца>, а в Горицах и в Новоезерском до 6 октября, обратный путь наш будет также чрез Чудов, от которого до Новгорода 70 верст, расстояние самое незначительное. Впрочем, всё это представляется Вашему благорассмотрению. С живейшим чувством глубочайшего почтения имею честь быть, прося Ваших Св. молитв и благословения

Ваш преданный слуга

П. Яковлев.

12-го сентября 1842
Вологда

Сопутник мой в настоящее время находится в Новоезерске. Завтра отправляюсь в Покровское.

Если ни в Горицах, ни в Новоезерске не встречу письма, в котором бы заключалось особенное приказание Ваше о немедленном возвращении, и если настоящая хорошая погода не переменится на худшую, в таком случае предполагаю отправиться из Новоезерска к Тихвину не ближе 6 октября, согласно желания моей Старицы, которая намеревается проводить до Новоезерска. А потому адресовать письмо ко мне потрудитесь на имя о. Феофана[2] в Новоезерский монастырь, где получаются письма из Стрельны на 9-день.

Если же по обстоятельствам замедлится на это письмо ответ Ваш, то можете адресовать ко мне на имя о. Архимандрита Иллариона в Тихвинский монастырь, где предполагаю пробыть сутки-двои.

Все семейство Наумовых свидетельствует Вам усерднейшее почтение; а я таковое же приношу всем Отцам и братиям нашим, прося их о мне молитв.

[1] Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская.
[2] *О. Феофана* — Комаровского.

№ 23

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Письмо Ваше от 12-го Сентября я получил и немедленно отвечаю. Распоряжайтесь Вашим путешествием, как заблаго-

рассудите. Кажется, не предвидится особенной крайности, а если таковая случится, то я уже напишу к Вишерскому. У нас новости! Государь Император изволит требовать в С.-Петербург обоих Филаретов, Киевского и Московского, помимо Обер-Прокурора[1], который изволит вот уже два воскресенья жаловать ко мне и беседовать с такою откровенностию, что на диво. Если будете в Новегороде и увидите Графиню, скажите ей от меня, что благословляю ее за труды ее ради Церкви. Если же лично не увидите, то слова сии да не перейдут с письма сего никому в уши.

Наши все здоровы, все вас очень помнят, скучают об отсутствующем, собираются обрадоваться приезжему. Будьте здоровы. Христос с Вами

Друг ваш Арх<имандрит> Игнатий.
19 сент. 1842

О. Нектарию — мой поклон.

[1] Н. А. Протасова.

№ 24

По 27-е число мы путешествуем благополучно. Простившись с Вами, прибыли к 12-ти часам в Ладогу. Моим спутникам в дороге всё нравилось, а мне приятно было смотреть на их любопытство — это чувство живого человека, чувство, которого нет у полуумершего. Местоположение Ладоги, ее древности, ее Волхов, ее источники, ее рыбаки, ее рыба занимали попеременно внимание приезжих. 26-го рано утром выехали в проливной дождь из Старой Ладоги и в 8-м вечера прибыли в Введенский, где застали о. Строителя больным. В течение этой дороги мои спутники были особенно веселы, а я был особенно грустен; глубока язва, нанесенная мне известным Вам лицем, ибо ядый хлебы моя возвеличи на мя запинание. Сегодня началось следствие; я послал с утра гонца в Никифоровскую пригласить о. Исаию; употребил несколько времени на обзор Монастырского Хозяйства, которое, как и Ладожское, меня весьма утешило, хотя я и вижу, что оные можно еще гораздо более возвысить. Как старцы-спутешественники за мною ухаживают, как услуживают! Право, подобного внимания можно ожидать от одних только ближайших родных. Как они между собою милы! Как Марк весел! Лицо его играет от радости, как весен-

нее солнце; извещая Вас о том, что теперь я был у вечерни и с приятностию слушал пение степенное старичков, оканчиваю сию страницу.

27-е Вечер

28-го ничего нового не воспоследствовало; но решаемся завтра ехать в Свирский на большой крытой лодке. Нет! ездили в карете и в ночь на 31-е число возвратились в Введенский, где начинаем производить наше мелочное и не заслуживающее внимания исследование сплетней, для чего весьма достаточным исследователем и весьма приличным могла бы быть Игуменья Феврония[1] с Ладожским старцем Сергием. В Свирском провел я время довольно приятно, познакомился с отцом Исаиею, который приехал со мною и в Введенский. Вчера и сегодня я повеселее и поспокойнее. Мои спутники, а особенно Марк, веселы; меня успокаивают и забавляют.

2 сентября. Сего дня кончаем следствие и намереваемся выехать в дальнейший путь к Зеленецкому. От Вас обещанного письма не получил, почему и хочу завещать отцу Израилю переслать таковое, если он получит, уже в Ладогу. Пожелав Вам доброго здоровья и благополучия, имею честь быть Ваш навсегда преданнейший

Арх<имандрит> Игнатий.

1843 г.

О. Илариону и келейным моим прошу сказать мой усердный поклон и благословение. 4 часа по полудни! Посылаем за лошадьми и часов в 6 надеемся выехать.

[1] *Матушка Феврония* – в 1840-х гг. игумения Старо-Ладожского Успенского девичьего монастыря.

№ 25

Высокопреподобнейший Батюшка, Отец Архимандрит!

Благодарение Господу Богу по днесь в обители нашей всё состоит мирно и благополучно в полном смысле слова. Всё это время о. Наместник и о. Казначей хлопотали с особенным усердием об устройстве бархатного голубого Сакоса, которой уже и шьется иждивением Баронессы[1]. Печи в гостиной и спальной готовы, на лестнице делают, остается выкрасить келлии.

В приятном ожидании Вашего возвращения усерднейше прошу Вашего благословения и Св. молитв, с глубочайшим высокопочитанием имеющий честь быть

Вам

Высокопреподобнейший Батюшка

преданнейший слуга

П. Яковлев.

3-го сентября 1843 г.

Сергиева пустыня

[1] Баронесса Фридерикс — о ней см.: Т. 2. С. 314.

№ 26

Друг мой Павел Петрович!

Письмо к Параскеве Михайловне я уже послал к Павлу Матвеевичу; в дополнение к нему присылаю просфору. В письме, поелику я узнал вчера от Павла Матвеевича о опасном состоянии здоровья Параскевы Михайловны, писано все с осторожностию.

А в прошедшем письме, в котором она собственноручно отвечала мне от 22-го Октября, я и сам подивился тому, что написалось. Видно, Богу так угодно. Дарье Михайловне мой усерднейший поклон, так как и всему их почтеннейшему семейству.

Ваш преданнейший

Архимандрит Игнатий.

3 ноября 1843[1]

[1] См.: Т. 3. С. 402.

№ 27

Любезнейший Павел Петрович!

С 3-го сентября я на Валаме; сегодня 9-е, а депутата — еще нет. Наступают осенние непогоды. Кроме того, что я не имею столько времени, чтоб напрасно гостить на Валаме, — наступают осенние бури, во время которых переезд на берега часто по целым неделям бывает невозможным. Так во время пребывания нашего в Коневце была там сильнейшая буря, так что самый пароход пришел тремя днями позже. И здесь не могут дождаться посланного в Сердоболь на почту с половины той недели. До сих пор его еще нет. Посему я решился послать нарочного к Его Преосвященству с репортом и письмом. Последнего пером при сем к Вам препровождаю. Потрудитесь побывать у Преосвященного и получить от него ответ, хотя партикулярный, известите меня. Хорошо бы указ

Консисторский, но вы знаете, что там не поспешат, и сею медленностью уничтожатся все плоды той меры, на которую мы решились, то есть своею неспешностию оставят нас на Валаме встретить октябрь месяц; а если встретим, то и препроводим.

Я оздоровел и не нахожу причин, чтоб горевать. Валам. Здесь всё идет порядочно. Составлявший записку — теорист и слишком в мрачном виде всё видел. Есть бездельницы, кои исправить должно и легко можно.

Будьте здоровы и благополучны

9 сент. 1846

Арх<имандрит> Игнатий.

Доложите Владыке, что если мы будем дожидаться непременно депутата, то можем на таковое пождание употребить целые месяца, а Вы сами знаете, сколько нужно мое присутствие в Сергиевой по постройке и по всему, также необходимо должно посетить Ладожские монастыри, особенно Сергиевский. Пусть, если хотят, пришлют своего чиновника Консисторского по прежде бывшим примерам. Если и устроится таким образом все, то я надеюсь около 20-го возвратиться в Петербург, полагая, что к 14-му возвратится сюда посланный мною. В таком случае потрудитесь попросить Лесникова, чтоб я мог побыть у них суточки, ибо желаю сходить в Петербургскую баню, после которой обыкновенно целые сутки надо мне провести в комнате. В прочие же монастыри думаю пуститься после 25-го.

№ 28

Милостивому Государю Павлу Петровичу Яковлеву

Дражайший сердцу моему Павел Петрович!

Благодарю Вас за два письма Ваши, из которых одно получил я чрез Ивана Иоакимовича Мальцова[1], а другое чрез Николая Петровича Полозова[2] по приезде моем в Ярославль. В Бабайки прибыл я 9-го августа; таким образом, выехав из Сергиевой 10-го июля, я пробыл ровно месяц в странствовании. До странствования я не охотник, но надо же было побывать там, где все бывают. Наш монастырь, Сергиева Пустыня, есть необыкновенное явление, с совершенно отличным характером среди прочих монастырей такого роду. По наружности она имеет чистоту, которой нельзя встретить в другом месте; по внутреннему устроению — нигде нет таковаго благонамеренного братства, чуждого

ханжества, безнравственности. Один у нас недостаток, и тот, если сравнивать Сергиеву Пустынь с уединенными монастырями, — это множество посетителей и развлечения. Бабаевскою обителию я очень доволен; мне отдан мезонин над Настоятельскими покоями, состоящий из четырех комнат, весьма сухих и с прекрасным видом на Волгу и заволжские села. О. Феоктист — открытого нрава, что мне очень по сердцу. Время стоит хорошее: купаюсь дважды день в Солоной, пользуюсь прогулкой и точно чудным здешним воздухом.

О деле, о котором Вы пишете, теперь ничего не должно начинать: его время после Нового Года, о чем, Бог даст, я вас извещу; теперь — приготовление, которое делают другие; а Ваше уже будет после Нового Года. Скажу Вам: место в Бабайском прекрасное, а любовь моя в Сергиевской, то есть люди, дорогие моему сердцу, в ней.

Сергия я еще не видал: потому что в Ярославле останавливался не более, как на час. Получил я письмо от Ивана Павловича Лихачева[3], которое препровождаю при сем к Наместнику. Хорошо б, если б они уплатили ему из монастырских доходов хотя тысячу асс.; да я поручаю из осенней кружки моей отдать ему две тысячи асс<игнациями>; остальное можно отдать из моей же Декабрьской. У меня здесь расход есть, но умеренный: вода очень хороша, она заменяет многое.

Напишите мне о брошюрке «Валаамский Монастырь»: какова ее судьба и в чем заключаются ее последствия.

Христос с Вами! Будьте здоровы и содействуйте к общей пользе и миру.

Ваш преданнейший друг

Архимандрит Игнатий.
12 августа 1847

Кн. Шихматову и многим членам К<онсисто>рии я писал письма из Москвы. Мой адрес: Ярославской губернии на станцию Тимохино. Передавайте так вопрошающим. На все напишите мне обстоятельный ответ.

[1] *Ивана Иоакимовича Мальцова* — святитель Игнатий был дружен со всей семьей Мальцовых (Мальцевых), см. например: Т. 3. С. 322–323.

[2] Николай Петрович Полозов в это время был губернским прокурором в Ярославле.

[3] *Иван Павлович Лихачев* — книгоиздатель.

№ 29

Достопочтеннейший Батюшко, Отец Архимандрит

Имея удовольствие получить приятнейшее письмо Ваше от 12-го ч. сего Августа, приношу Вам чувствительнейшую благодарность. Желаю душевно, чтоб Бабаевская Обитель послужила совершенным поправлением Вашего здоровья, столь для всех нас драгоценного; впрочем и не сумневаюсь в безошибочности Вашего предположения, избрания и исполнения, а тем более надеюсь, что Милосердый Господь утешит нас возвращением Вашим в добром устроении ослабевших сил Ваших, на поприще святого служения Вашего.

Известное Вам дело, находясь в совершенной неизвестности от всех и каждого, не имеет однако же никакого еще начала, потому что А. А[1] выжидает благоприятнейшего времени и содержит всё в величайшем секрете. Предположено было начать при доставлении книг: «Валаамский монастырь»; но О. Н.[2] пожелал доставить их Б-се Ф-с[3] лично, для чего и был в Знаменке; отклонить сие исполнение не было никакой возможности без объяснения причины, а открыть причину находим вполне делом рановременным, а потому не безвредным. К сожалению, это личное исполнение было не совсем удачно: ибо вчера Отцом Игнатием, живописцем, получено секретное предуведомление от Б-сы, чтоб более к ним в дом не являться для того, что этой осторожности требуют их домашние обстоятельства. А-ю А-ю поручено Вам написать, что они желают Вам всех возможных благ и благодарят душевно за ответное письмо Ваше, доставившее им истинное наслаждение; просят Вас написать **для них собственно** хотя краткое **сочинение Ваше** и препровождают для кровати коврик, о котором, как и о кровати в их доме и у нас, кроме меня, вовсе никто не знают. Руководствуясь сим правилом, они поручили предуведомить, что всякое сочинение или письмо Ваше будет служить их единственно утешением и наслаждением, а не украшением туалета, как случается иногда им видеть то у других. Милая их Малютка Наследница здоровьем поправляется; третьего дня была уже у Государыни Императрицы, а вчера кушала за общим столом.

В Валаамской часовне книжки продаются, но довольно еще медленно, и потому нет пока никаких последствий, кроме истинного удовольствия.

Лихачева не видал я, хотя и несколько раз был у него; но вероятно, получив он ныне в уплату около 2000 рублей

ассигнац<иями>, остался очень доволен. Остальную сумму не угодно ли Вам будет дозволить заплатить из Неокладной, а не из собственной Вашей кружки в том внимании, что в нынешнее лето при благонамереннейших Свечниках и лучшем счетоводстве, свечная кружка целою третию больше прошлогодней, между тем как у Вас и келейные и путевые расходы.

Чтоб не стеснить в экипаже Даниила Петровича[4] с семейством, отправляю чай и коврик чрез почту.

Испрашивая Вашего благословения и Св. молитв, с чувством глубочайшего почтения и преданности имею честь быть

Вам

Преданнейший слуга

П. Яковлев.

27 августа 1847-го
С<анкт->П<етер>бург

[1] *Анна Александровна Александрова* — см.: Т. 2. С. 317.
[2] *О. Н.* — Отец Наместник Сергиевой пустыни Игнатий (Васильев).
[3] *Б-се Ф-с* — Баронесса Фридерикс.
[4] *Даниил Петрович Полозов* — брат Н. П. Полозова, см. о нем примеч. к предыдущему письму.

№ 30

Любезнейший Павел Петрович!

Письмо Ваше от Даниила Петровича я получил и в то же время посылки, которые он взял в Ярославле с почты и привез ко мне. Это было 5-го. На письмо Ваше отвечаю по пунктам.

Известное обстоятельство, как говорил я Вам и опять подтверждаю, не начинайте ранее Нового Года, по весьма важным, мне известным причинам. В противном случае все будет испорчено. И я сам напишу Вам о том. Так и передайте А. А-вне. Экземпляры «Валам» я поручил доставить Б. Ф-с и так приказал пред отъездом моим Наместнику, потому что и мне там сказано было после известного Вам чтения на балконе.

От А. А-вны я получил письмо, на которое ответ при сем прилагаю, и когда Бог даст счастливую минуту, то напишу желаемое ею краткое сочинение и пришлю по почте, и потому нечего опасаться за него. Радуюсь, что Наследница их выздоровела.

Всем знакомым кланяйтесь; что же касается до возвращения моего, то скажу Вам искренно: хотелось бы провести здесь всю зиму. Чем далее, тем более убеждаюсь, что я захватил серьезную болезнь от огорчений и от простуды. Невесело пожил я, Любезнейший Павел Петрович, в Сергиевой Пустыни. При отъезде очень

утешила меня обнаружившаяся приверженность братства и знакомых; а теперь утешают вести о том, как братия ведут себя без меня. Вообще чувствую себя покрепче, но ноги болят; очень рад, что окончилось онемение, а они начали согреваться, причем открылся переходящий лом: это явно — ревматизм, почему я начал пить сассапарельный декокт, причем не выхожу из комнаты. Кроме о. Игумена никто ко мне не ходит, чем я очень доволен. Писал я к Федору Петровичу[1]; не знаю, получил ли он письмо мое. От Танеева[2] получил письмо, при котором печатный приказ о производстве в Надворные Советники![3] Надворный Советник имеет претензию на получение ордена Св. Анны 2-й степени. Сколько наград в одно время! И когда же? Когда дело идет к 70-ти годам! Об этом ни слова: благо, что утешают игрушки. Добрейший Федор Петрович взялся похлопотать о сем деле. По последним собранным сведениям, все таковые награды отложены до возвращения ревизоров, грозных ревизоров. Таковая гроза для Вологды есть Действительный Статский Советник Николай Иванович Кутузов, — в настоящее время гремящий и сверкающий в Архангельске, а недели через две-три имеющий разразиться над Вологдою. Почему Вы благоволите подействовать на грозу — отводом; говорят, отводы особенно удобно делать в болотные места; а такова-то местность С. Петербурга. О последующем потрудитесь известить. Скажите Ивану Петровичу[4] и всему их дому мой усерднейший поклон. Я обещался ему написать, что и помню твердо, но не спешу, чтоб написать поосновательнее. Прочим всем знакомым кланяйтесь: всех очень помню и благодарю за любовь. Пришлите пучок хороших лебядиных перьев, два карандашика, да чтоб маленький Игнатий купил две пачки белой, толстой английской бумаги в известном ему магазейне, и пришлите ко мне. Кое-что пописываю, а потому и нуждаюсь в бумаге; да и 12 лебядиных перьев Норова, бывшие у меня около 2-х лет, кончаются. Что Вы ничего не пишете о Лавре и наших в ней делах? Будьте здоровы. Христос с Вами.

Ваш преданнейший друг

А<рхимандрит> Игнатий.

7 сент. 1847

Я позволил взять 2000 из моей кружки для уплаты Лихачеву — а рассудите, и мне же что-нибудь надо.

[1] *Опочинин Федор Петрович* (1778–1852) — обер-гофмейстер, член Госсовета, директор Департамента разных податей и сборов; о нем см.: Т. 3. С. 388–390.

[2] О нем см.: Т. 3. С. 497–498.
[3] *...в Надворные Советники...* — отца святителя Игнатия, Александра Семеновича Брянчанинова.
[4] *Ивану Петровичу* — Лесникову.

№ 31

Благодаря часовням имею наконец несколько строк от Вас, любезнейший Павел Петрович. Мне гораздо лучше, особливо глазам. Но слаб и все почти лежу. Мало пишу от того, что лежать надо. Мало написал от того, что всё лежал. Желаю всем братиям и знакомым всех благ. Христос с Вами.

23 окт. 1847

От Головиных получил письмо и любуюсь на него, а не отвечаю, потому что всё лежу. Передайте это им. Тороплюсь лежать. Прощайте!

№ 32

Любезнейший Павел Петрович!

Имел особенное удовольствие получить на двух листах письмо Ваше; но, к сожалению, прочитал его очень скоро. Моей руки маленькой листочек гораздо долее читаю, нежели Вашей два большие листа. За все присланное очень благодарен. Полагаю тому, что к вам никаких особенных придирок и бумаг нет — две причины: 1-я) потеря надежды меня сжить, 2-я) болезнь и слабость Митрополита, по которой викарий не думает уже о том, как бы схватить Сергиеву Пустынь себе в аренду, а как бы согреть уголок и в него убраться до нового Митрополита.

О себе скажу Вам, что я непременно воротился бы к сроку, если б болезненность моя не требовала остаться долее. Неужели Вы не видели, что около Пасхи я был при смерти болен, т. е. прошлого года. Ревматизм потряс уже все нервы, теперь он выходит, но зато лежу в онемении по целым дням, все члены тянет и вытягивает из них закоренелую простуду. Пожалуйста, по почте будьте осторожнее. Для откровенного извещения есть способ; пользуйтесь им, а по почте не пишите о расходах комисс<ионных>. Прошу известить меня о делах Невских обстоятельно: что моя просьба о выездах, что описи, кто рассматривает? Мне всё это хочется знать. Потрудитесь всё это узнать, и мне доставьте сведение не политическое, не дипломатическое, а простое, откровенное.

Всем знакомым кланяйтесь; Павла Васильевича Э<нгельгардта> поздравьте с приездом. Не знаю, что такое в этом человеке

заставляет его особенно любить. Скорблю на Василья Павловича[1], что я с ним не виделся пред моим отъездом. Деньги за экземпляры В<алаамского> М<онастыря>, думаю, еще следует выплатить в типографию К-ры, а когда пойдут избытки, то их Стефану Васильевичу Макарову[2].

Всем знакомым кланяйтесь, а не пишу, потому что ужасно слаб. И эти строки валят на бок.

Христос с Вами. Скажите братии усерднейший поклон. Побывайте у прежнего владельца часов — если он приехал в Петербург и попеняйте, что совсем забыл.

А<рхимандрит> И<гнатий>.
2 ноября <1847>

[1] *Василий Павлович* — сын Павла Васильевича Энгельгарта; см. примеч. к следующему письму.
[2] *Макаров С. В.* — старший брат О. Игнатия (Малышева).

№ 33

Достопочтеннейший Батюшко, Отец Архимандрит

За приятнейшее письмо и записочку Вашу приношу Вам чувствительнейшую благодарность. Сердечно сожалею, что болезнь Ваша продолжается и душевно желаю избавиться ее, дабы скорее мы имели утешение видеть Вас. Просьба о выездах остается у Высокопреосвященного Митрополита без всякого движения и никуда не была сдана по сие время.

Описи наши на сих днях поверил с натурою вещей, со старыми описями и приходо-расходными книгами. Находящийся здесь Воронежской Семинарии Ректор О. Архимандрит Симеон — добросердечнейший и благонамереннейший Старец, найдя все в совершенном порядке, он словесно объявил уже в Консистории, что это дело (устройство описей наших) должно считать образцовым для всех Российских Обителей и сегодня составил с возвращением описей репорт, которого копию буду иметь честь Вам препроводить. В Консистории приложат к тем описям печать и возвратят к нам без промедления времени; а старые описи ныне же остаются в нашем архиве для хранения.

Дело о Богоявленском Монастыре на будущей только неделе предполагают рассматривать, отчего и нельзя знать теперь какое состоится заключение, о котором не замедлю уведомить тогда же. Вологодский гость не возвращался и ничего письменно не доносил; ему поручено еще посетить некоторый край, после чего,

как полагаю, и лично и письменно он будет свидетельствовать о всех и каждом. Прежний владелец часов возвратился сюда лишь 5-го числа сего месяца и обещался непременно 8-го числа отвечать на письмо Ваше. Преосв<ященный> Г<едео>н[1] тоже возвратился, но никаких сношений между нами нет по сие время. О пострижении О. Стефана в Консистории решено уже и в этом же месяце отправится в Синод. Горестный Павел В-ч[2] очень Вам кланяется; кончина милого Гриши чрезвычайно его потревожила. Бедная мать ничего еще не знает; третьего лишь дня послали уведомление; а Василий Павлович с минуты смерти брата по сие время в постеле; если позволит Ваше здоровье, то не лишите их, Батюшка, утешительными строчками, в особенности скорбную Софью Григорьевну. В Лавре все идет старое по-старому. Прошу Вашего благословения и Св. молитв, с сердечною преданностию и глубоким почтением имеющий честь быть

Вам

Покорнейший слуга

П. Яковлев

1-го декабря 1847

Серг<иева> П<усты>ня

[1] *Высокопреосвященный Гедеон* (Г. И. Вишневский; 1797–1849) – архиепископ Полтавский и Переяславский.

[2] Павел Васильевич Энгельгардт; и далее о его сыновьях и супруге, Софье Григорьевне. См. о них также: Т. 3. С. 466 и 479.

№ 34

Спешу известить Вас, Достопочтеннейший Отец Архимандрит, что после свидания моего с Графом[1], он сказал, что по состоянию определения Св. Синода о Вашей отсрочке, непременно представится Графу доложить о том Государю Императору. Почему и нужно вместе с письмами Высокопреосвященному Митрополиту и в Консисторию, прислать письмо Ваше и Графу.

Не изволите ли напечатать прилагаемое послание Ваше. Добрый и благонамеренный О. Архимандрит Симеон, взявши у меня сию тетрадку для прочтения, пожелал сделать Вам приятное и сегодня, сверх моего чаяния, возвратил процензорованный с приложением надлежащей печати для того, чтобы напечатать и переслать Вам экземпляры. Не решаюсь к тому без Вашего благословения, испрашиваю его, тем более, что набор цельного печатного листа будет стоить не более 12-ти рублей

серебром; а в этой тетрадочке менее чем печатный лист, составляющий 16-ть страничек. Если будет Вам сие угодно, то потрудитесь возвратить ко мне тетрадку, которую многим весьма будет приятно видеть печатною.

Испрашивая Ваших Святых молитв и благословения с чувствами глубочайшего почтения и преданности честь имею быть

Вам преданнейший

П. Яковлев.

Декабрь 19-го дня 1847
СПб.

[1] Граф Протасов Н. А. — обер-прокурор Св. Синода.

№ 35

Высокопреподобнейший Батюшко! Отец Архимандрит!

Вчера поставили монумент, по распоряжению Директора Хоз. Упр. Св. Синода Павла Мих. Нов-го, над могилою Митроп<олита> Иосафата, состоящий из сердобольского четырехугольного продолговатого гранита, на котором белая мраморная доска с следующими словами: «Здесь погребено тело Высокопреосвященного Митрополита Иосафата, Архиепископа Полоцкого, скончавшегося в С.Петербурге 23-го февраля 1838 года, на 82-м году от рождения». В соборную же нашу церковь предположено устроить образ Спасителя такой точно меры, какой устроен в память Прасковьи Михайловны Толстой, для помещения на пилястру; тем сие дело, как видно, и покончится.

А. Н. Муравьев пробыл здесь по сегодняшний праздник, с коим Вас, дражайший Батюшка, имею честь усерднейше поздравить; как-то Вы его проводите? Но у нас до чрезвычайности заметно, что нет нашего доброго, радушного хозяина-отца, умеющего соединить приятное с полезным — и тем составить истинный, радостный праздник.

П. Яковлев.

25-го декабря 1847 года

№ 36

Достопочтеннейший Батюшко, Отец Архимандрит!

Во время пребывания в обители нашей О. О. Архимандритов Аввакума и Симеона в начале сего месяца, заметили они способности Николая Митрофанова и испытав его в пении, нашли,

что он мог бы исправлять обязанности причастника в Пекине, куда снаряжается на пятилетний срок Миссия к Февралю месяцу будущего 1849 года. Желая доставить Митрофанову истинную пользу, О. Аввакум, объяснившись с Товарищем Министра, ныне поручил мне снестись с Вами об этом предмете, изложив Вам следующее:

Если угодно Вам будет разрешить сие предприятие, то польза Митрофанова состоит в том, что он во 1-х изъемлется из податного состояния, во 2-х получает жалованья по 500 р<ублей> серебром в год, кроме столовых, поступающих в распоряжение тамошнего Настоятеля и в 3-х, по истечении пятилетнего срока получает ежегодно пенсии по 300 рублей серебром.

Для поддержания бедного семейства Митрофанова и для его собственного благополучия мы находим сие дело милостию небесною Промыслителя. Сам Митрофанов в восхищении. Впрочем, предоставляя Вашему Отеческому благоусмотрению, ожидаем Вашего разрешения, после коего не медля О. Аввакум должен будет распорядиться приготовлением Митрофанова в отношении изучения китайского языка и других сведений, для чего понадобится ему употребить от 8-ми до 10-ти месяцев.

За сим позвольте обратиться к Вам с предложением до меня собственно касаемом.

На сих днях получил я письмо от своей Матушки, которая убедительно просит побывать к ней в Горицкий Монастырь. Сообразив настоящее положение дел наших, нахожу, что нет у нас ничего такого, чтобы могло затруднить отъезд мой, почему и прошу Вас, дражайший Батюшко, разрешить мне утешить свою Старицу — быть может, действительно в последний раз, потому что она слаба в своем здоровье до чрезвычайности. Предпринять это путешествие я полагал бы в конце сего месяца, после сдачи всей годичной отчетности в Казенную Палату.

В ожидании Вашего разрешения, с чувством глубочайшего высокопочитания и преданности имею честь быть

Вам,

Достопочтеннейший Батюшко,

Покорнейшим слугою

П. Яковлев.

31-го декабря 1847 года
С<анкт->П<етер>бург

Его Высокопреосвященство с Лаврским братством и с о. Михаилом были сегодня для славления Христа у одного только его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича, но ни к Его Императорскому Величеству, ни к Его Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу назначений не было.

Сегодня мы с О. Наместником и О. Михаилом обедали у Кавелиных, которые Вас очень вспоминали.

Отправленная с С. Г. Энгельгардт племянница ее 12-го сего месяца скончалась в Париже. Таким образом, в течение двух недель С<офья> Г<ригорьевна> лишилась милого Гриши и племянницы. Такая ей скорбь!

В Валаамской часовне по сие число в расходе всех книг 272 экземпляра; полагая за каждый 30 коп. сер<ебром>, составляет вырученной суммы 81 р<ублей> 60 коп. серебром, из числа коих доставлено по назначению О. Игнатию 75 р<ублей> серебром, остальные же 6 р<уб> 60 коп. серебром хранятся у часовенного О. Александра.

С наступающим Новым Годом приношу Вам усерднейшее поздравление и сердечно желаю, чтоб Милосердый Господь утешил нас обновлением Вашего здоровья и спокойствием сердца, с которыми весьма тесно соединено благополучие многих душ, имеющих к Вам духовную привязанность.

№ 37

В обителях Ваших везде милостию Божиею состоит благополучно. Из числа примечательных дел: 1-е Валаамские рыбные ловли переданы уже Финляндскому Правительству; 2-е напечатан по рисунку архитектора Горностаева вид Скита со вновь построенною церковию, который вид и предполагают Валаамские старцы к Вам отправить; 3-е Епархиальным начальством разрешено устроить церковь в северо-восточной башне Коневского монастыря; 4-е при сдаче Зеленецкого монастыря о. Феофан должен был дополнить взамен израсходованных собственными до 2000 рублей серебром, без чего Казначей с старшим братством не согласились принять Монастырь. В Лавре всё старое по-старому.

Опочинины, Головины, Моллер, Чичерины и Анненские поручили свидетельствовать Вам усерднейшее почтение. Исполняя сие, прошу Вас сделать милость разрешить поскорее напечатать письмо Ваше к нам: ибо устали переписывать его: — так велика потреб-

ность! Формат бумаги и шрифт печати, кажется, весьма хороши, те, кои употреблены для описания Валаамского монастыря...

П. Яковлев.
Январь 1848

№ 38

Вселюбезнейший Павел Петрович!

Вас надо мне благодарить за Ваши труды о приведении описей Сергиевой Пустыни в порядок, так как и всей ее письменной части, равно и письменной части всех монастырей С. Петербургской Епархии. Не видит этого высшее начальство, не может видеть, не хочет видеть — что до того! Видит Бог. И Ваши труды пред Ним не забыты! Хотя предмет их вещество; но Вы, занявшись веществом, дали другим время и возможность заняться предметами духовными, чего бы они не могли сделать, если б Вы не заменили их собою в трудах вещественных. И занятия о временном — прекрасны, когда они совершаются с целию Богоугождения, с целию служения ближним, ради Бога, ради святой Любви о Господе. Чрезвычайно мне нравится сделанное Апостолом уподобление общества Христианского телу человеческому, которого разные члены исполняют столь разнородные служения и действия, а все вместе составляют одно общее действие тела, и не может один член сказать другому, например, ухо глазу: ты мне не нужен.

Относительно присланного процензированного письма моего: при всей моей признательности моим истинным доброхотам — О. Архимандритам Симеону и Аввакуму — я никак не согласен на напечатание его: 1) потому что оно не тщательно обработано, как это делается с чем-либо приготовляемым к напечатанию; 2) это имело бы вид выказывания себя, чего я доселе не желаю и не терплю. У меня подобных посланий накоплено на целую книгу. Когда Бог даст мне возвратиться в свое время, во время мира, по исшествии Бонапарта и усмирения Пугачева, — может быть, я решусь и на напечатание упомянутого собрания, по должной выправке и вычистке оного.

Брошюрка «Воспоминание о Бородинском монастыре» напечатана с множеством прегрубых ошибок, уничтожающих смысл и все достоинство брошюрки, которая, смею сказать, имеет достоинство «нового» по мыслям, «чистого» по слогу. Почему я бы очень был обязан, если б Вы потрудились перепечатать в числе ста экземпляров таким шрифтом, каким напечатан Вал. Монастырь с пробела-

ми, как и тут между параграфами, с виньеточкой вверху и внизу — в роде при сем присылаемого мною листочка. «Воспоминание» по моему расчету должно занять почти 4-е страницы. Устройте мне это — и последний корректурный листочек пришлите мне на рассмотрение. Будьте здоровы! Мне лучше и лучше!

Ваш преданнейший

Арх<имандрит> Игнатий
в Генваре 1848.
Безымянная Пустыня

Приложенные стихи возвратите: оне О. Игумена.

№ 39

Дорогой мой Павел Петрович!

Благодарю Вас за милые строки Ваши от 2-го марта из Кирилло-Новоезерского Монастыря. Господь, даровавший Вам совершить благополучно путь до пределов Белоезерских, да дарует также благополучно возвратиться.

Меня лекарство лечит и мучит: очень слаб; малейшее усилие в занятии, лишние пять-десять строк в письме — наказываются лихорадкою, производимою простудными мокротами, которые лекарство тянет из всего тела, особливо из ног, в желудок. По этой причине виноват пред многими в неисправных ответах на получаемые мною добрейшие письма. Потрудитесь передать мой всеусердный поклон, во-первых, почтеннейшей родительнице Вашей Матери Софии, во-вторых, достопочтенной Г-же Игумении старице Схимонахине[1], прочим о Господе знающим меня.

Здешний О. Игумен — очень добрый и открытый человек; со мною очень сошелся. Место — прездоровое и преуединенное, препростое. Нет дальних претензий.

Призывая на Вас благословение Божие, с чувством сердечной преданности остаюсь навсегда

Арх<имандрит> Игнатий.
1848 года марта 9-го дня

[1] Госпожа Игумения Горицкого монастыря Вологодской епархии Маврикия (Ходнева).

№ 40

Любезнейший Павел Петрович!

Господин Николая Маленкова приехал в Петербург и соглашается отпустить на волю его сына за известную цену, как то

мне передавал отец Маленкова. Барина зовут Павел Павлович Максимович. Попросите Николая Петровича[1], чтоб он принял участие в этом обстоятельстве и склонил барина уволить Маленкова за сообразную цену, которая была бы мне под силу. Максимович остановился в Главном Штабе близ Английского магазина. Смешон и забавен Николай! «Батюшка! как получу увольнение, то дайте мне рясофор. Один купец обещал одеть с ног до головы».

Ваш преданнейший

Архимандрит Игнатий.
<1848>

[1] Полозова.

№ 41

Любезнейший Павел Петрович!

Письмо Ваше от 28-го октября получил сего 16-го ноября, в день кончины Митрополита Антония. Более недели тому назад Преосвященный Никанор возведен в сан Митрополита Новгородского, а епархия Петербургская ему отдана в управление. На днях ожидают в Петербург нового Владыку.

Мое здоровье гораздо лучше; но все еще не выхожу из комнат. Желаю и Вам полного выздоровления; здоровье — великое благо! При нем можно быть полезным и себе, и ближним; без него затруднительно то и другое.

Уведомьте, когда Вы можете выехать: потому что нужно же закончить строительное дело и отчет к нему. Тем более это нужно, что я намерен, если мое здоровье не улучшится и начальство не перестанет притеснять, проситься в Николаевский Ладожский монастырь с управлением этого монастыря. Да и для братии в нравственном отношении гораздо лучше там, чем здесь: меньше будут развлекаться и интриговать против своего Настоятеля в угождение своим страстишкам. А и эта статья здесь порядком меня уходила. И так до свиданья! Потрудитесь передать мой усерднейший поклон О. Игумену Феофану[1]. Наместник и прочие братия Вам очень кланяются. Призывающий на Вас благословение Божие

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.
17 ноября 1848

[1] Комаровскому.

№ 42

Дражайший Батюшко, Отец Архимандрит

Милостию Божиею за Ваши Св. молитвы здесь по сие время все состоит благополучно. По отъезде Вашем приезжала проститься с Вами Пр. И. Мятлева[1] и весьма сожалела, что запоздала. — Вчера был у обедни граф Протасов с графинею и двумя незнакомыми мне дамами; стоял на хорах; долго очень разговаривал с Ф. М. Долгополовым, который, как видно, прежний его знакомый. Наконец обратился ко мне и сказал, что он очень сожалеет, что не застал Вас дома и не знал вовсе, что Вы отправились на Валаам, привез к Вам семейство, которое пожелало быть у Вас; графиня подтвердила мне то же. Вчера же заказною раннею Обеднею приобщалась Святых Таин Аполлина Михайловна Веневитинова с сестрицею Фрейлиною; поручила свидетельствовать усердное почтение и передать, что она очень рада, что Господь сподобил ее приобщиться Святых Таин в тот день, когда, вероятно, и Вы служите на Валааме Божественную Литургию. Благословенное семейство!

Вспомнил я, что Александр Александрович Кавелин, между прочим, очень огорчился на песчаную, извилистую и, по выражению его, гадкую дорогу, что от гавани до Св. ворот Коневского Монастыря. Если справедливо его замечание, то не угодно ли Вам будет сделать милость Старцу, приказавши ему устроить гладкую трамбованную, или по крайней мере выстланную мелким камнем дорогу, но совершенно прямую по методе, какую благоволите признать за лучшую.

Испрашивая Вашего благословения и Св. молитв, с чувством глубочайшего почтения и желанием Вам благополучного и скорого возвращения, имею честь быть

Вам

преданнейший слуга

Павел Яковлев.
16-го августа 1849
Сергиева пустынь

[1] *Мятлева Прасковья Ивановна* — о ней см.: Т. 2. С. 318.

№ 43

Любезнейший Павел Петрович!

Я послал нарочного к Стефану Григорьевичу, прося его известить меня, в который именно день выедет. Если он выедет в четверток, то мне надо перебраться в Лавру во вторник вечером.

Думаю проехать в Валаамскую часовню и переговорить с Казначеем, а лучше пусть казначей приедет ко мне в Лавру. Арфаксада прикомандируйте на «Усердный» даже для пробного рейса, потому что Андрей Андреевич Жандр[1] именно говорил мне, что нужно взять сведущего шкипера на казенный пароход; казенные шкиперы не знают Ладожского озера. Будьте здоровы

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.

8 июля 1850

[1] *Жандр Андрей Андреевич* (1789–1873) — родственник мужа сестры святителя Игнатия, Александры Александровны Жандр; действительный тайный советник, сенатор; в молодости занимался литературой, преимущественно драматической, увлекался театром; с 1836 по 1853 г. состоял директором Канцелярии Морского Штаба.

№ 44

Конечно, Вам неизвестно, любезнейший Павел Петрович, что наш добрейший, не имеющий себе подобного по доброте Даниил Петрович Полозов[1] опасно болен. Потрудитесь навещать их ежедневно, доколе опасность не минуется, и извещайте меня с делижансом о состоянии здоровья больного. Наш Бутузов советовал ему еще летом пустить кровь: вот она теперь и разродилась. Призывающий на Вас благословение Божие

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.

17 ноября 1850

[1] Скончался 22 ноября 1850 г.

№ 45

Приношу Вам, любезнейший Павел Петрович, чувствительнейшую мою благодарность за присланную Вами прекрасную рыбу. Три письма Ваши (включая в это число и последнее) я получил. И отсутствуя Вы продолжаете заботиться о обители. Желаю Вам скорейшего и прочного выздоровления: Ваша болезнь серьезна, и надо от ней вылечиться радикально.

Архимандрит Игнатий.

2 февраля 1853

№ 46

Любезнейший Павел Петрович!

Есть ли надежда высвободить Серанкина, или судьба его решена? Получен указ из Консистории, разрешающий построй-

ку предварительно одной церкви, назначены лица для комиссии, велено представить и архитектора. Почему я желал бы немедленно открыть комиссию и Великим постом покончить торги. Так как в нынешнем году предполагается только выстроить церковь вчерне и покрыть, на таковую работу и на лесный товар только и должны быть торги, за заготовкою бута, кирпича, цополя и извести. Почему не угодно ли Вам пожаловать с Алексеем Максимовичем[1] для обсуждения о сем, хотя во вторник.

Сегодня Великий канон. Уведомьте, к которому времени Вы приедете, чтоб мне не ждать понапрасну, что по болезни меня крайне утомляет.

Ваш преданнейший

Арх<имандрит> Игнатий.
Понедельник 22 марта 1854

[1] *Алексей Максимович* — архитектор А. М. Горностаев.

№ 47

Любезнейший Павел Петрович!

Благодарю Вас за извещение о назначении меня в чреду Священнослужения, таковое назначение постараюсь в точности исполнить. Относительно же обеда у Ивана Петровича[1], то я полагаю, что лучше оный устроить в субботу: потому что в пятницу после обедни я очень устану и должен приготовиться отдыхом к вечерней панихиде, а в субботу после отпевания, отдохнув, я буду совершенно свободен. Давно б мне надо было побывать у Ивана Петровича, да болезнь и другие недосуги не по стариковским силам. Ответ можно мне доставить на квартиру Паренсовой[2], т. е. свободен ли И. П. в субботу.

Ваш преданнейший

Арх<имандрит> Игнатий.
3 марта 1855

[1] *Иван Петрович Лесников.*
[2] *Паренсова Елизавета Александровна* — сестра святителя Игнатия.

№ 48

Любезнейший Павел Петрович!

Сделайте одолжение потрудитесь узнать в Министерстве Внутренних Дел — сделано ли там что-либо относительно перемещения Петра Александровича из Вице-Губернаторов Костромы в Вице-Губернаторы Ставрополя.

Ваш преданнейший

Недостойный Архимандрит Игнатий.
4 Октября 1855 г.

В Консистории потрудитесь наблюсти по делам Иеродиакона Гедеона Тамбовской Епархии и вдового диакона Василия Малева, желающих переместиться в Сергиеву Пустыню.

№ 49

Благодарю вас за хлопоты Ваши! Кроме Гедеона, Иеродиакона Тамбовского, просится к нам вдовый диакон Василий Малев из Нижнего Новгорода. У нас печи остановились. Рабочие Цепенникова кушают монастырский хлеб, а работают у Тайвани. Чтоб нам щетов не накатали двойных и тройных. Вы знаете аккуратность по письменной части О. Игнатия[1]. Надо Цепенникова понуждать, чтоб скорее закончил свое дело.

Ваше преданнейший

Архимандрит Игнатий.

6 окт. 1855

Остановитесь присылкою перьев: с моею экономией и этих будет на многие лета.

[1] *О. Игнатия* – иеромонах Игнатий (Малышев).

№ 50

Любезнейший Павел Петрович!

Искренно благодарю Вас за воспоминание Ваше о мне и прошу принять на себя труд принести мою совершенную благодарность графине Клеопатре Петровне за ее память о мне, равно как и прочим знакомым, которые вспомнят о мне. С особенною приятностию слышу отовсюду добрые вести о Сергиевой Пустыне, усердно желаю сей Обители преуспеяния, и если б представился мне случай быть для нее полезным, то я счел бы такой случай приятнейшим случаем. Я уверен, что переписка, возникшая по особенному обстоятельству относительно Сергиевской Церкви, ведена благоразумно; но вместе имею правилом не любопытствовать о действиях в ином ведомстве, почему присылка переписки этой ко мне была бы совершенно излишнею.

Будьте здоровы и благополучны. Передайте мой усерднейший поклон всей братии. Прошу их и Ваших молитв в подкрепление многих немощей моих, душевных и телесных.

Игнатий, Епископ К<авказский> и Ч<ерноморский>.

15 декабря 1858 года

№ 51

Любезнейший Павел Петрович!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за поздравление меня, грешного, с Всесвятою Пасхою, с которою Вас равным образом поздравляю, и за исполнение моего поручения пред Владимиром Петровичем[1]. У нас погода, подобная лучшим июльским дням лучшего Петербургского лета. Сады цветут.

Благословение Божие да почиет над Вами. Поручающий себя Вашей любви

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
15 апреля 1859 года

[1] Буткевич.

№ 52

Его Благородию Павлу Петровичу Яковлеву
С.-Петербургской губернии в Стрельню,
в Сергиевой Пустыне

Благодарю Вас, Павел Петрович, за воспоминание Ваше о мне и поздравление с Монаршими милостями. Бог даровал мне положение, которого я давно желал, — положение столько удовлетворительное, что оно превышает даже мое желание. Будьте здоровы и благополучны! Поминайте в Ваших молитвах Вашего покорнейшего слугу.

Епископ Игнатий.
2 ноября 1861-го года

№ 53

Преосвященнейший Владыко,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Приношу Вашему Преосвященству искреннейшую благодарность за приятнейшие строки Ваши от 4-го ч<исла> сего месяца. Не могу скрыть, что Богом дарованное Вам положение, приносит мне и многим искренно уважающим Вас лицам — утешительнейшую надежду как на улучшение Вашего здоровья, так и на душевное спокойствие, при котором многие получат неисчислимую пользу не для времени только, но и для блаженной вечности. Жизнь Вашего Преосвященства исполнена весьма многими событиями, утверждающими надежду нашу.

Усерднейше прошу святых молитв и Архипастырского благословения. Имеющий честь быть с чувством глубочайшего почтения и преданности

Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца

покорнейший и преданнейший слуга

Павел Яковлев.

1-го ноября 1861 года
С. Петербург

№ 54

Преосвященнейший Владыко,

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Имея утешение получить третий и четвертый томы назидательнейших сочинений Вашего Преосвященства, приношу мою искреннейшую, сердечную благодарность за отеческую любовь и попечение Ваше.

Да наградит Вас милосердый Господь за этот истинно полезный труд для нас, грешных, равно как для всех смиренномудрых иноков и православных христиан, ищущих спасения.

Приношу Вашему Преосвященству усерднейшее поздравление с праздником Воскресения Христова; смиреннейше прошу Ваших Архипастырских молитв и благословения и имею честь быть с глубочайшим высокопочитанием и преданностию Вашего Преосвященства

Милостивого Архипастыря и Отца покорнейший и преданнейший слуга

Павел Яковлев.

17-го апреля 1867 Сергиева Пустынь

Понедельник Светлой Седмицы

№ 55

Возлюбленнейший о Господе Павел Петрович!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне и за поздравление с Праздником Праздников, с которым взаимно поздравляю Вас, желаю Вам всех истинных благ и приветствую всерадостным приветствием: Христос Воскресе.

Странна судьба последней статьи 4-го тома! Нужны были 36-ть лет, чтоб ей вызреть, и потом уже появиться печатно. Теперь странно действие ее! Из полученных мною писем вижу, что она привлекла особенное внимание многих и произвела особенное впечатление на многих. Многие, с разных мест, отозвались мне, что они читают и вчитываются в нее, рыдают над ней, и каждый признает как бы написанною собственно для себя.

Имел я известие, что Илия Гаврилович опасно болен. О последствиях болезни не имею известия: и потому покорнейше прошу известить меня, в особенности, если последовала кончина; желаю, чтоб и здесь помянули его. Приложенные письма потрудитесь передать по адресу[1].

Прошу Ваших молитв и призываю на Вас благословение Божие. С чувством искреннейшей преданности и уважения имею четь быть

Вашим покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

25 апреля 1867 года

[1] Адресаты писем поименованы: Т. 2. С. 561.

Письмо П. П. Яковлева к А. С. Брянчанинову, отцу святителя Игнатия[1]

Милостивый Государь!

Александр Семенович!

Прибыв благополучно в Вологду, приношу Вам чувствительнейшую благодарность за одолжение лошадей и за все Ваше искреннее расположение. С таковыми же чувствами искренней преданности и глубочайшего почтения имею честь быть

Ваш, Милостивый Государь, покорнейший слуга

П. Яковлев.

15-го сентября 1842 г.

Вологда

Семену Александровичу свидетельствую усердное почтение.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 5.

Письмо Николая Семеновича Брянчанинова, племянника святителя Игнатия, к П. П. Яковлеву[1]

Многоуважаемый Павел Петрович!

По поручению Вашему я наводил справку, где именно находится портрет покойного Преосвященного Игнатия, снятый во дни его молодости в военной форме. На днях я только что узнал, что он находится здесь, в Петербурге, у моего двоюродного брата, Алексея Петровича Брянчанинова, которому я и передал Ваше желание снять с него копию. Он хотел по этому поводу переговорить с настоятелем Сергиевской Пустыни Отцом Игнатием. Прошу извинить меня за мое долгое молчание, но причи-

ною тому была моя переписка с Вологдою о месте нахождения означенного портрета, не подозревая вовсе, что он здесь, у Алексея Петровича.

С истинным почтением имею честь быть Вашим покорным слугой

Николай Брянчанинов.

3 мая 1876 г.

Адрес Алексея Петровича Брянчанинова: Моховая улица № 37, дому Сафоновых.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 8.

Письмо от письмоводителя святителя Игнатия — Каллиста к П. П. Яковлеву[1]

Многоуважаемый Павел Петрович!

Прибегаю к Вам с покорнейшею просьбою, она состоит вот в чем: для здешнего монастыря нужно отпечатать Ризничные Описи, но так как усовершенствованные бланки находятся только в Вашей Пустыни, то не благоволите ли Вы прислать для форм по листочку Церковных описей как средних, так и заглавных, а также и бланок, на коих пишутся Отношения от лица Настоятеля и Пустыни, вообще всего относящегося для Канцелярии; по Вашим формочкам будут отпечатаны бланки и для здешней обители. На Кавказе Описи Церковные составлены по вашему образцу.

Когда будете отправлять, то адресуйте в г. Ярославль, а не в Нерехту, ибо письменная и всякого рода корреспонденция с 1 ноября перенесена в Ярославль согласно желанию Его Преосвященства.

Благодарю Вас, добрейший Павел Петрович, за память о мне, именно за приписку в письме Преосвященного.

7 ноября был здесь Петр Александрович и в этот же день уехал.

Зима у нас с 28 октября стоит чудная, снег местами в полтора аршина, а морозы доходят до 17 градусов.

Затем позвольте пожелать вам всего лучшего, остаюсь с истинным почтением и преданностию Вашим покорнейшим слугою

Каллист.

12 ноября 1861 г.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 2.

Христианский пастырь и христианин художник

Художник. Прихожу я к тебе за искренним советом. Душа моя с детства объята любовию к изящному. Я чувствовал, как она воспевала какую-то дивную песнь кому-то великому, чему-то высокому, воспевала неопределительно для меня самого. Я предался изучению художеств, посвятил им всю жизнь мою. Как видишь, я уже достиг зрелых лет, но не достиг своей цели. Это высокое, пред которым благоговело мое сердце, кого оно воспевало, еще вдали от меня. Сердце мое продолжает видеть его как бы за прозрачным облаком или прозрачною завесою, продолжает таинственно, таинственно для самого меня, воспевать его: я начинаю понимать, что тогда только удовлетворится мое сердце, когда его предметом соделается Бог.

Пастырь. С того, чем ты кончил твою речь, начну мою. Точно, один Бог — предмет, могущий удовлетворить духовному стремлению человека. Так мы созданы, и для этого созданы. Человеку дано смотреть на Творца своего и видеть Его сквозь всю природу, как бы сквозь стекло, человеку дано смотреть на Него и видеть Его в самом себе, как бы в зеркале. Когда человек смотрит на Бога сквозь природу, то познает Его неизмеримую силу и мудрость. Чем больше человек приучается к такому зрению, тем более Бог представляется ему величественным, а природа утрачивает пред ним свое великолепие, как проводник — и только — чудного зрения. От зрения Бога в нас самих мы достигаем еще больших результатов.

Когда человек увидит в себе Бога, тогда зритель и зримое сливаются воедино. При таком зрении человек, прежде казавшийся самому себе самостоятельным существом, познает, что он создание, что он существо вполне страдательное, что он сосуд, храм для другого Истинно-Существа. Таково наше назначение: его открывает нам христианская вера, а потом и самый опыт единогласным свидетельством ума, сердца, души, тела. Но прежде этого опыта другой опыт свидетельствует о том же: ни созерцание природы, ни созерцание самих себя не может удовлетворить требованию нашего духа, с чем должно быть сопряжено величайшее, постоянное блаженство.

Где нет совершенного блаженства, там в сердце еще действует желание; когда ж действует желание, тогда нет удовлетворения. Для полного удовлетворения, следовательно и блаженства, необходимо уму быть без мысли, то есть превыше всякой мысли, и сердцу без желания, то есть превыше всякого желания.

Не могут привести человека в это состояние и усвоить ему это состояние ни созерцание природы самой по себе, ни человека самого по себе. Тем более это невозможно, что в обоих предметах очень перемешано добро со злом, а блаженство не терпит ни малейшей примеси зла: оно — наслаждение цельным добром.

Художник. Почему же мы не видим этой теории в применении к практике?

Пастырь. Такое применение всегда трудно найти между человеками, особливо в настоящее время. Но оно и существовало во все времена христианства и существует ныне — не примечается толпою, которая, стремясь почти единственно к материальному развитию, не может сочувствовать истинно изящному, увидеть, понять его и оценить. Люди, одаренные по природе талантом, не понимают, для чего им дан дар, и некому объяснить им это. Зло в природе, особливо в человеке, так замаскировано, что болезненное наслаждение им очаровывает юного художника, и он предается лжи, прикрытой личиною истинного, со всею горячностию сердца.

Когда уже истощатся силы и души и тела, тогда приходит разочарование, по большей части ощущаемое бессознательно и неопределительно. Большая часть талантов стремились изобразить в роскоши страсти человеческие. Изображено певцами, изображено живописцами, изображено музыкою зло во всевозможном разнообразии. Талант человеческий, во всей своей силе и несчастной красоте, развился в изображении зла; в изображении добра он вообще слаб, бледен, натянут.

Художник. Не могу не согласиться с этим! Искусства возвысились до высшей степени в изображении страстей и зла, но, повторяю твои слова, они вообще бледны и натянуты, когда они пытаются изобразить что-нибудь доброе, тем более Божественное. Мадонна Рафаэлева, это высочайшее произведение живописи, украшена очаровательным характером стыдливости. Когда является в девице стыдливость? Тогда, когда она начнет ощущать в себе назначение женщины. Стыдливость — завеса греха, а не сияние святыни. Таков характер «Херувимских» Бортнянского, таковы — характер «Есфири» и «Гофолии» Расина, характер «Подражания» Фомы Кемпийского[1], из них дышит утонченное сладострастие. А толпа пред ними и плачет и молится!.. Но я хочу знать, какое средство может доставить художнику изображать добродетель и святость в их собственном неподдельном характере?

Пастырь. Прекрасно уподоблено Евангелием человеческое сердце сокровищнице, из которой можно вынимать только то, что в ней

находится. Истинный талант, познав, что Существенно Изящное — один Бог, должен извергнуть из сердца все страсти, устранить из ума всякое лжеучение, стяжать для ума Евангельский образ мыслей, а для сердца Евангельские ощущения. Первое дается изучением Евангельских заповедей, а второе — исполнением их на самом деле. Плоды дел, то есть ощущения, последующие за делами, складываются в сердечную сокровищницу человека и составляют его вечное достояние! Когда усвоится таланту евангельский характер, — а это сначала сопряжено с трудом и внутреннею борьбою, — тогда художник озаряется вдохновением свыше, тогда только он может говорить свято, петь свято, живописать свято.

О самом теле нашем мы можем тогда только иметь правильное понятие, когда оно очистится от греха и будет проникнуто благодатию. Изменения тела не ограничиваются и не оканчиваются одною земною жизнию. Здесь мы видим, что оно с зачатия своего до разлучения смертию непрестанно изменяется; многие изменения его остаются для многих неизвестными, оно должно еще окончательно измениться воскресением и, посредством его, вступить в неизменяющийся мир или вечного духовного блаженства, если тело сделалось к нему способным, или вечной смерти, если оно во время земной жизни подчинилось греху.

Чтоб мыслить, чувствовать и выражаться духовно, надо доставить духовность и уму, и сердцу, и самому телу. Недостаточно воображать добро или иметь о добре правильное понятие: должно вселить его в себя, проникнуться им. Тем более это необходимо, что ясное понятие о добре есть вполне практическое; теория показывает только средства, как стяжать понятие о добре. Ясное понятие о добре есть уже самое добро, потому что добро в сущности есть мысль, есть дух, есть Бог. *Вкусите и видите*[2] говорит Писание. Итак, духовное понятие — от духовного ощущения.

Художник. Какие мысли и соответственные им чувствования могут быть признаны достойными Бога, чтоб художник знал, что́ возможно ему изобразить искусством? Возьмем для большей ясности частный предмет, например, в церковном песнопении.

Пастырь. Первое познание человека в области духовной есть познание своей ограниченности как твари, своей греховности и своего падения как твари падшей. Этому познанию гармонирует чувство покаяния и плача. Большая часть людей находятся в состоянии греховности. Самые праведники подвергаются весьма часто тонким согрешениям и, как они очень внимательно наблюдают за собою, то и признают себя грешниками гораздо более,

нежели все вообще люди; притом они по чистоте ума гораздо яснее других людей видят свою ничтожность в громадности и истории мира. На этих основаниях они усвояют себе чувство покаяния и плача гораздо более своих собратий, мало внимающих себе. И потому чувство покаяния и плача есть общее всему роду человеческому. Этим чувством преисполнены многие песнопения, начиная с многозначительной молитвы, так часто повторяемой при Богослужении: «Господи, помилуй». В этой молитве все человечество плачет, и с лица земли, где оно разнообразно страждет, и в темницах, и на тронах вопиет к Богу о помиловании.

Однако не все церковные песнопения проникнуты плачем. Чувство некоторых из них, как и мысль, заимствованы, можно сказать, с Неба. Есть состояние духа, необыкновенно возвышенное, вполне духовное, при котором ум, а с ним и сердце останавливаются в недоумении пред своим невещественным видением. Человек в восторге молчит всем существом, и молчание его превыше и разумнее всякого слова. В такое состояние приходит душа, будучи предочищена и предуготована глубоко-благочестивою жизнию. Внезапно пред истинным служителем обнаружится Божество непостижимым образом для плотского ума, образом, которого невозможно объяснить вещественным словом и в стране вещества.

В этом состоянии пребывают высшие из Ангелов — пламенные Херувимы и шестокрылатые Серафимы, предстоящие Престолу Божию. Одними крыльями они парят, другими закрывают лица и ноги и вопиют, не умолкая: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф». Неумолкающим чрез века повторением одного и того же слова выражается состояние духа, превысшее всякого слова: оно — глаголющее и вопиющее молчание. И высоко парят чистые и святые умы, и предстоят Престолу Божества, и видят Славу, и закрывают лица, и закрывают все существо свое: величие видения совокупляет воедино действия, противоположные друг другу.

В такое состояние приходили иногда и великие угодники Божии во время своего земного странствования. Оно служило для них предвкушением будущего блаженства, в котором они будут участвовать вместе с Ангелами. Они передали о нем, сколько было возможно, всему христианству, назвав такое состояние состоянием удивления, ужаса, исступления. Это состояние высшего благоговения, соединенного со страхом; оно производится живым явлением величия Божия и останавливает все движения ума. О нем сказал святой пророк Давид: *Удивися разум Твой от мене, утвердися, не возмогу к нему*[3].

Чувством, заимствованным из этого состояния, исполнена Херувимская песнь; она и говорит о нем. Им же исполнены песни, предшествующие освящению Даров: «Милость мира, жертву хваления» и проч. Особенно же дышит им песнь, воспеваемая при самом освящении Даров. Так высоко совершающееся тогда действие, что, по смыслу этой песни, нет слов для этого времени... нет мыслей! — Одно пение изумительным молчанием непостижимого Бога, одно чуждое всякого многословия и велеречия Богословие чистым умом, одно благодарение из всего нашего существа, недоумеющего и благоговеющего пред совершающимся Таинством.

После освящения Даров поется песнь Божией Матери — при ней выходит сердце из напряженного своего состояния, как бы Моисей с горы из среды облаков и из среды громов, где он принимал Закон из рук Бога, выходит, как бы на широкую равнину, в чувство радости святой и чистой, которой преисполнена песнь «Достойно». Она, как и все песни, в это время певаемые Божией Матери, в которых воспевается Посредница вочеловечения Бога Слова, преисполнена духовного веселия и ликования. Бог, облеченный человечеством, уже доступнее для человеков, и, когда возвещается Его вочеловечение, невольно возбуждается в сердце радость. Остановимся на этих объяснениях.

Художник. Согрелось сердце мое, запылал в нем огнь — и песнопения мои отселе я посвящаю Богу. Пастырь! Благослови меня на новый путь.

Пастырь. Вочеловечившийся Господь уже благословил всех приступать к Нему и приносить себя Ему в словесную жертву. Его благословения тебе вполне достаточно; и я только этому свидетель. Престань скитаться, как в дикой пустыне между зверей, в плотском состоянии, среди разнообразных страстей! Войди во Двор Христов вратами — покаянием и плачем. Этот плач родит в свое время радость, хотя и на земли, но не земную. Духовная радость — признак торжества души над грехом. Пой плач твой, да дарует тебе Господь воспеть и радость твою, а мне услышать песни твои, возрадоваться о них и о тебе, о них и о тебе возблагодарить, прославить Бога. Аминь.

[1] Книга «Подражание» есть не что иное, как роман, подыгрывающийся под тон Евангелия и ставимый наряду с Евангелием умами темными и не отличившими утонченного сладострастия от Божественной благодати. — *Примеч. святителя Игнатия.*

[2] Пс. 33. 9.

[3] *Дивно для меня ведение* [Твое], — *высоко, не могу постигнуть его!* (Пс. 138. 6).

Благополучный день (15 июня 1848 года было молебствие в Ново-Сергиевском — загородном дворце Великой Княгини Марии Николаевны по случаю получения Ее Высочеством части мощей преподобного Сергия)

Много святых произрастила благословенная земля Русская. Они сияют различными благодатными дарами с неба отечественной Церкви. Из этого блаженного сонма Преподобный Сергий сияет даром помогать стране родной в ее опасностях и бурях, покровительствовать и споспешествовать ее Царственному Дому. Споборал он герою Донскому против несметных полчищ Мамая; споборал он потомкам Донского против хищных, мятежных казанцев.

Во время самого тяжкого отечественного бедствия, во время смут, произведенных самозванцами и сарматами, Преподобный Сергий совершил дивное знамение, знамение историческое; подобного знамения не записано на листах истории других народов. Как волны сокрушаются, рассыпаются, ударяясь о скалу гранитную, так все усилия врагов сокрушились под стенами обители Преподобного Сергия, пред его молитвами, пред силою Божиею, призванною и привлеченною его молитвою. На необъятном пространстве опустошенной, мятущейся России стояла Лавра Сергия, стояла камнем краеугольным. Этот камень отразил всепоглощающие волны! Этот камень сделался камнем обновления и величия России.

И Цари и народ, видя помощь Небес, ниспосылаемую чрез предстательство Преподобного Сергия, возлюбили его и его обитель. Туда притекают они к нетленным мощам Угодника Божия — к живым свидетелям на земли, — как угодна Небу пламенная любовь к Богу, соединенная с любовию к Царю и Отечеству. Святый Сергий — русский народный святый. В соседстве древней столицы почивает Сергий сном воскресения, являя и предначиная свое воскресение нетлением и присутствием благодати Божией при его теле.

Чудное тело!.. Души многих не способны для присутствия при них Божией благодати, — для такого присутствия способно это тело! Обыкновенно тела человеческие, разлучившись с душами, мгновенно заражаются тлением, начинают издавать зловоние; а это тело противустоит тлению многие столетия, проливает из себя благоухание! Это тело — давно почившего, а дышит

из него жизнь. И является вечная духовная жизнь этого тела в различных исцелениях, в различных знамениях, которые совершаются над призывающими помощь Преподобного Сергия, над лобызающими с верою и любовию его тело, освященное Святым Духом, — над преклоняющими колена пред Святым Духом, таинственно и существенно живущим в этом священном теле!

Ныне совершилось счастливейшее событие; нынешний день должен носить наименование «дня благополучного». Призванный благочестивою Отраслью Царственного Дома русского Преподобный Сергий пришел частицею своего тела, всем исполнением обильной Божественной благодати, соприсутствующей его телу, — пришел преподобный Сергий в обитель благочестивой и боголюбивой Марии. Давно посеялось в душе ее расположение к Угоднику Божию, заступнику Царей и Отечества.

Основывая свою летнюю обитель на берегу Бельта, на живописном холме, среди чащи развесистых вековых деревьев, Мария назвала обитель по имени Преподобного Сергия. Рука ее, водимая вдохновением свыше, водимая любовию к Угоднику Божию, начертала изображение храма. По собственному чертежу ее устроенный храм стоит на оконечности двух аллей: обе они ведут от чертога Царского к чертогу Божию. Преподобный Сергий воздвиг в обители своей храм Пресвятой Троице; последуя в этом Сергию, Мария посвятила храм Пресвятой Троице. Что ж удивительного, — если и сам Преподобный Сергий пришел в обитель Марии!

До 15 июня стояла в Петербурге погода ненастная, бурная; 15-го Мария назначила молебствие в своем храме Пресвятыя Троицы пред мощами преподобного Сергия. С утра легкий ветер разогнал облака; благоухание лета разлилось в воздухе; на чистом, синем небе сияло солнце во всем блеске. Небо казалось каким-то радостным: оно как бы приятно смотрело на дело благочестивой Дщери Царя русского, споспешествовало ее делу благому.

К молитвословию стеклись все жители Царского чертога Марии, разделяя с своею Повелительницею усердие к святому, утешаясь ее усердием святым. Погруженная в глубокое благоговейное внимание, она со старшею дщерию своею предстояла мощам целебным и нетленным Праведника. На берегу Бельта, при шуме волн его, при шуме ветра морского, раздавались молитвенные песнопения священнослужителей, песнопения хвалебные Преподобному Сергию, песнопения хвалебные душе его, лику-

ющею с Ангелами на вечном празднике Неба, песнопения хвалебные мощам его, принесенным в обитель благословенной, благочестивой Марии.

По совершении молитвословия, по произнесении прошения благоденственных и многих лет великому Царю России, богоизбранному и боговенчанному, всему Его семейству, освященному и возвеличенному помазанием помазанника, Мария облобызала святые мощи святого жителя, вновь пришедшего жить в ее обители. Когда она удалилась, ее домочадцы приступили к святыне с тою простою и девственною верою, которая доселе хранится в сердцах россиян и составляет их духовную, существенную силу. 15-е июня — день, по справедливости названный «благополучным»! в этот день сколько родилось в царственной обители Ново-Сергиевской впечатлений, ощущений, мыслей — святых, благоугодных Небу.

Да снидет благословение Неба на тебя, Виновница этого дня благополучного! да снидет это благословение на супруга твоего, на чад твоих, на весь дом твой, на дела твои, на все дни и часы жизни твоей, и земной и небесной. А новый житель твоей обители да будет хранителем, стражем твоим, как был стражем рая пламенный Херувим. Таинственно да глаголет он уму и сердцу твоему, да сказует им волю Бога, святые уставы вечности, скорую изменяемость всего временного, да научает тебя высоким добродетелям Евангелия, которые очищают и просвещают душу, которые одни с почестию вступят в блаженную и славную вечность. Ты здесь радушно, с любовию приняла Сергия в твою обитель; он да споспешествует тебе в созидании нетленной обители в селениях святых и вечных горнего Иерусалима! Да умолит Преподобный Сергий Бога вписать имя твое на Небе в книгу живота, а на земли начертать его на скрижалях истории в светлых лучах славы. Эти лучи испущает из себя чистая, святая добродетель.

15 июня 1848 года.

ДЕЛОВАЯ ПЕРЕПИСКА СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА

В этом разделе публикуются письма архимандрита Игнатия из частично сохранившейся его переписки с министрами Двора Его Величества, с обер-прокурорами Святейшего Синода и их канцелярией, с Митрополитами Санкт-Петербургскими, с наместником Кавказа князем А. И. Барятинским и некоторыми другими высокопоставленными чиновниками, а также ответ Святителя на запрос Великого Князя Константина Николаевича. Особый интерес представляют письма, относящиеся к периоду его настоятельства первоклассным монастырем Сергиева пустынь. Период тот в жизни Владыки связан с многочисленными трудностями, которые ему требовалось преодолеть, чтобы привести в надлежащий вид расстроенную обитель, благоукрасить ее и наладить в ней спасительный монашеский лад жизни братии во Христе. Поистине лишь подвигом — и никак по-другому — не назвать служение известного всей столице Сергиевского архимандрита, сумевшего своей благожелательностью и своей культурой общения с самыми громкими талантами из среды художников, музыкантов и архитекторов привлечь их к сотрудничеству с монастырем для обогащения церковного искусства. Вместе с тем архимандрит Игнатий в Сергиевой пустыни проявил себя как выдающийся духовный писатель и богослов, создатель уникального двухтомного труда «Аскетические опыты», утвердился в прямом своем отстаивании жизненности святоотеческого наследства.

Все это ярко представлено в письмах архимандрита Игнатия из Сергиевой пустыни, публикуемых в настоящем собрании его писем. Вместе с тем в архивах страны имеется много писем великого подвижника Божия служебного характера, например, в связи с Рождественским славлением Христа в покоях Государя Императора. Письма эти обычно направлялись архимандритом

Игнатием Министру императорского Двора. Разумеется, как сами письма-запросы, так и ответы на них носили формальный, чисто этикетный характер, причем из года в год с повторами. Эта переписка здесь дана безо всякого редакционного вмешательства и без сокращений; имея в виду, что и такие тексты могут быть полезны для биографов Святителя, — помечают даты его встреч с Царской семьей.

Отдельным разделом представлены письма Святителя к графу Александру Петровичу Толстому (1801–1873), известному обер-прокурору Святейшего Синода; относятся они к периоду его служения на Кавказской кафедре и последние три касаются увольнения Преосвященного Игнатия от управления епархией. Они знаменовали собой важный этап в жизни Святителя. За увольнением последовал отъезд в Николо-Бабаевский монастырь на Волге.

Все тексты писем даны с сохранением особенностей написания служебной титулатуры и с соблюдением правил письменного этикета.

А. Н. Стрижев

Переписка святителя Игнатия с Министром Двора Его Императорского Величества князем П. М. Волконским*

№ 1

Ваша Светлость!

Милостивейший Государь!

Прошлого года Вашим ходатайством доставлено было мне щастие представиться вместе с Монашеством Александро-Невской Лавры Его Императорскому Величеству Государю моему и Благодетелю.

И нынешний год, осмеливаюсь утруждать Вас и покорнейше просить — доставьте мне сие щастие — мне и Чихачеву, воспитывавшемуся иждивением Его Императорского Величества и живущему у меня в Обители. Если просьба моя, удостоившись милостивого Вашего внимания и ходатайства, получит желанный успех, то ответ Вашей Светлости позвольте мне получить от генерал-адъютанта Кавелина.

* Письма с № 2 по № 13 — РГИА. Ф. 472. Д. 4, 49, 78, 108, 155. Публикация А. Н. Стрижева.

С истинным высокопочитанием и преданностию имею честь быть Вашей Светлости покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.
28-го декабря 1835-го года
Сергиева Пустыня

№ 2

Ваша Светлость!
Милостивейший Государь!
Князь Петр Михайлович!

Вашим ходатайством доставлено было мне неоднократно счастие представляться Его Императорскому Величеству, Государю моему и благодетелю.

И ныне осмеливаюсь утруждать Вас и покорнейше просить доставить мне сие счастие, — мне и Чихачеву, воспитывавшемуся иждивением Его Императорского Величества и живущему у меня в обители. Если просьба моя, удостоившись милостивого Вашего внимания и ходатайства, получит желанный успех, то ответ Вашей Светлости позвольте мне получить от Преосвященного Серафима, Митрополита Новгородского и С.-Петербургского.

С истинным высокопочитанием и преданностию имею честь быть

Вашей Светлости
покорнейший слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.
Декабря 26-го дня 1840 г.
Сергиева Пустынь

№ 3

Ваша Светлость!
Милостивейший Государь!
Князь Петр Михайлович!

Вашим ходатайством доставлено было мне неоднократно счастие представляться Его Императорскому Величеству Государю моему и благодетелю.

И ныне осмеливаюсь утруждать Вас и покорнейше просить доставить мне сие счастие, мне и Чихачеву, воспитывавшемуся иждивением Его Императорского Величества и живущему у меня в Обители. Если просьба моя, удостоившись милостивого Вашего внимания и ходатайства, получит желанный успех, то ответ

Вашей Светлости позвольте мне получить от Преосвященного Серафима, Митрополита Новгородского и С-Петербургского.

С истинным высокопочитанием и преданностию, имею честь быть

Вашей Светлости покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.
Декабря 26 дня 1841 г.
Сергиева Пустыня

№ 4

Светлейший Князь,

Милостивейший Государь!

Болезненность моя, державшая меня в продолжении двух зим безвыходно в комнатах, лишила меня счастия предстать Лицу Его Императорского Величества, Государя Императора пред наступлением 1846-го и 1847-го годов, в то единственное время, когда я имею это счастие. Ныне отправляюсь в отпуск и по настоятельному совету медиков должен непременно провести зиму вне здешнего климата, на что имею согласие Преосвященного Митрополита; следовательно и пред наступлением 1848-го года не суждено мне зрить Высокого Благодетеля моего, Государя Императора. Посему позволяю себе утруждать Вашу Светлость покорнейшею моею просьбою: примите, Светлейший Князь, на себя труд исходатайствовать мне у Его Императорского Величества дозволение по причине наступающего моего отъезда на столь продолжительное время представиться Их Императорским Величествам Государю Императору и Государыне Императрице.

С чувством совершенного высокопочитания и преданности имею честь быть

Вашей Светлости

Покорнейшим слугою Богомольцем

Архимандрит Игнатий.
1844 года июня 7-го дня
Сергиева Пустынь

№ 5

Светлейший Князь,

Милостивейший Государь!

Находясь временно в отдаленной, тихой пустыне, где врачуюсь с довольным успехом от сокрушивших меня недугов, мыс-

лию и сердцем перелетаю пространство обширное, предстою в эти торжественные дни пред священным лицем Высоких благодетелей моих, Их Императорских Величеств Государя Императора и Государыни Императрицы, — приношу к стопам Их благоговейнейшее желание Им и всей Их Высочайшей Фамилии многих лет в совершенном, нерушимом благоденствии и благополучии.

Светлейший Князь! Всепокорнейше прошу Вас — примите на себя труд, по обычному Вам снисходительному вниманию к моим просьбам, доложить о сем Их Императорским Величествам. Жительство имею Костромской Епархии в Николаевском Бабаевском монастыре, и письма ко мне адресуются в Ярославль.

С желанием Вашей Светлости всех истинных благ, с глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Вашей Светлости

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий,
Настоятель первоклассной Сергиевой Пустыни.

Декабря 25-го дня 1847 года

№ 6

Ваше Высокопреподобие!

По всеподданнейшему докладу моему письма Вашего Высокопреподобия от 25 сего декабря, Государь Император и Государыня Императрица Высочайше повелеть изволили изъявить Вам Высочайшую Их Величеств благодарность за поздравление и желания, изъясненные в письме Вашем.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Князь Волконский.

В С.-Петербург
31-го декабря 1847 г.

Его Высокопреподобию Архимандриту
Игнатию.

№ 7

Ваше Высокопреподобие!

Имею честь уведомить Ваше Высокопреподобие, что по всеподданнейшему докладу моему письма Вашего от 25 сего декабря Государь Император изъявил Высочайшее соизволение на

принятие Вас и монаха Чихачева для славления Христа, вместе с монашеством Александро-Невския Лавры, в будущую пятницу, 31 декабря, в Зимнем Дворце, в час пополудни.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. Волконский.

Его Высокопреподобию
Архимандриту Игнатию.
Верно: Секретарь *Вульф.*

28 декабря 1848 г.

№ 8

Святейший Князь!
Милостивейший Государь!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим новым годом, который желаю Вам препроводить в совершенном здравии и благополучии. Благословение Божие да осеняет и хранит Вас для мудрого совета Царю, для совета, полезного Отечеству.

Знаю из многих сношений моих, что многие в России молят Бога за Вас, я имею особенную причиною быть к Вам признательным: потому что Вы, единственно по влечению Вашего благонамеренного сердца, в течение многих лет не престаете делать мне зависящее от Вас добро. Ваши действия относительно меня запечатлелись в моем сердце впечатлением неизгладимым. Да продлит Бог дни Ваши! Тем сильнее и прямее мои желания Вам, что они исходят из сердца, оценившего все земное самою малою ценою. Зритель в течение пятнадцати лет центральных событий и действий в царстве Русском — что скажу я о них? «Человек, — как говорит Писание, — суете уподобися». Точно: одна добродетель совечна вечности! Одни добрые дела остаются собственностию человека за пределом гроба.

С чувствами глубочайшего почтения и совершенной преданности имею честь быть
Вашей Светлости
покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.
1849 года 1 января
Сергиева Пустынь

№ 9

Ваше Высокопреподобие!

С особенным удовольствием получив поздравление Вашего Высокопреподобия с новым годом, долгом считаю изъявить Вам искреннюю мою за сие благодарность и взаимно поздравить Вас.

Поручая себя молитвам Вашим, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. Волконский.

Верно: Секретарь *Вульф*
В С.-Петербург
5 января 1849 года,
Его Высокопреподобию Архимандриту
Игнатию.

№ 10

Ваша Светлость,
Милостивейший Государь
Князь Петр Михайлович!

Вашим ходатайством неоднократно доставлено было мне счастие представляться Его Императорскому Величеству, Государю моему и благодетелю, вместе с братиею Александро-Невския Лавры.

И ныне осмеливаюсь утруждать Вас и покорнейше просить, доставить мне сие счастие, — мне и Чихачеву, воспитывавшемуся иждивением Его Императорского Величества и живущему у меня в Обители. Если просьба моя, удостоившись милостивого Вашего внимания и ходатайства, получит желанный успех, то ответ Вашей Светлости позвольте мне получить от Преосвященного Никанора, Митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского.

С чувствами истинного высокопочитания и совершенной преданности имею честь быть

Вашей Светлости
покорнейшим слугою и Богомольцем.

Архимандрит Игнатий.

1851 года
Декабря 25-го дня
Сергиева Пустыня

№ 11

Министерство
Императорского Двора
Канцелярия
Его Высокородию
архимандриту Игнатию.

Ваше Высокопреподобие!

Имею честь уведомить Ваше Высокопреподобие, что по всеподданнейшему моему докладу письма Вашего от 25-го сего декабря, Государь Император изъявил Высочайшее соизволение на принятие Вас и монаха Чихачева для славления Христа, вместе с монашеством Александро-Невския Лавры, 30 декабря, в Зимнем Дворце, после обедни.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении.

[Приписка секретаря Канцелярии]

По приказанию Его Светлости писано было Митрополиту прежде поступления от него письма о сем предмете, а так как Преосвященный Никанор уведомлен о приеме вместе с ним архимандрита Игнатия и монаха Чихачева, то согласно приказанию Его Превосходительства, Архимандриту Игнатию отправлено письмо не было, что согласно и с содержанием письма его.

28 декабря [1851]. Секретарь...

№ 12

Письмо Митрополита Серафима к князю П. М. Волконскому

Светлейший Князь,

Милостивый Государь!

В продолжение нынешнего праздника я с братиею Александро-Невской Лавры по давно заведенному обыкновению каждогодно славил Христа у Его Императорского Величества. Почему покорнейше прошу Вашу Светлость доложить Государю Императору, не благоугодно ли будет Его Величеству назначить мне и ныне время для славления сего; и о последующем почтить меня Вашим уведомлением.

Честь имею быть с истинным почтением и совершенною преданностию

Вашей Светлости
покорнейший Слуга
Серафим, Митрополит Новгородский и С.-Петербургский.
27 декабря 1840

Его Светлости,
Князю Петру Михайловичу
Волконскому.

№ 13

Письмо князя П. М. Волконского к Митрополиту Серафиму

По части Секретаря
В С.-Петербурге
28 декабря 1840

Ваше Высокопреосвященство,
Милост[ивейший] Государь и Архипастырь.

На отношение Вашего Высокопреосвященства от 27 сего декабря честь имею ответствовать, что Государь Император изволит принять Вас с братиею Александро-Невской Лавры, равно и архимандрита Сергиевской Пустыни с монахом Чихачевым, для славления Христа, 31 сего декабря, в Зимнем Дворце.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнейший слуга.

Князь Петр Волконский

Его Высокопреосвященству
Серафиму, Митрополиту Новгородскому
и С.-Петербургскому.

Письмо святителя Игнатия к Министру Двора Ее Императорского Величества

Ваше Превосходительство! Милостивейший Государь!

Честь имею известить Вас, что позлашенные крылоса, устроенные в Троицкой Соборной Церкви вверенной мне обители на всемилостивейше пожалованных Ее Императорским Величеством двести рублей серебром приведены к совершенному окончанию и поставлены на место. Долгом своим поставляю присовокупить, что крылоса сии составляют необыкновенное украшение Храма, и так сказать говорят, что их именно прежде недоставало для полноты благолепия[1].

Я сочту для себя величайшим благополучием, если Государыня Императрица благоволит дозволить мне лично представиться Ее Императорскому Величеству для принесения всеподданнейшей благодарности.

В ожидании Вашего ответа с совершенным почтением и преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.
Апреля 13 дня 1843 года
Сергиева Пустынь

[1] См.: Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 102.

Письма святителя Игнатия к Министру Двора Его Императорского Величества графу В. Ф. Адлербергу*

№ 1

Милостивейший Государь,
Граф Владимир Федорович!

Считая себя совершенно счастливым, что имею честь отнестить сими строками к Вашему Сиятельству, всепокорнейше прошу Вас исходатайствовать мне и живущему в обители моей монаху Чиханову счастия представиться Его Императорскому Величеству Государю Императору, Благодетелю моему, вместе с братством Александро-Невской Лавры в тот день, когда оно будет славить пред Государем временное рождение безначального Бога. Если попарнейшая моя просьба, удостоившись милостивого внимания Вашего, получит желаемый успех: то ответ Вашего Сиятельства позвольте мне получить чрез Преосвященнейшего Никонора, Митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского.

С чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть
Вашего Сиятельства
Покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.
1852-го года 25-го декабря
Сергиева Пустынь

* Письма с № 1 по № 6. – РГИА. Ф. 472. Д. 3, 28, 33, 43, 53, 62.

№ 2

Милостивейший Государь,
Граф Владимир Федорович!

Ходатайством Вашего Сиятельства доставляемо было мне счастие представляться вместе с монашеством Александро-Невския Лавры, накануне нового года, Их Императорским Величествам Государю Императору и Государыне Императрице.

И ныне осмеливаюсь утруждать Ваше Сиятельство покорнейшею просьбою о доставлении сего счастия мне и монаху Сергиевой Пустыни Михаилу Чихачеву, воспитывавшемуся в Главном Инженерном училище на иждивении Его Императорского Величества. Если соблаговолите удостоить меня ответом, то всепокорнейше прошу Ваше Сиятельство приказать доставить оный в Александро-Невскую Лавру, в дом Высокопреосвященнейшего Митрополита, где я ныне останавливаюсь.

С чувствами совершенного высокопочитания и преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.
Декабря 25-го дня 1853 года
Сергиева Пустыня

Его Сиятельству Г-ну Министру Двора
Его Императорского Величества
Графу Владимиру Федоровичу
Адлербергу.

№ 3

Милостивейший Государь
Граф Владимир Федорович!

Ходатайством Вашего Сиятельства доставляемо было мне счастие представляться вместе с монашеством Александро-Невския Лавры накануне нового года Их Императорским Величествам Государю Императору и Государыне Императрице.

И ныне осмеливаюсь утруждать Ваше Сиятельство покорнейшею просьбою о доставлении сего счастия мне и монаху Сергиевой Пустыни Михаилу Чихачеву, воспитывавшемуся в Главном Инженерном училище на иждивении Его Императорского Величества. Если благоволите удостоить меня ответом Вашим, то всепокорнейше прошу Ваше Сиятельство приказать доставить

оный в Александро-Невскую Лавру, в дом Высокопреосвященнейшего Митрополита, где я ныне останавливаюсь.

С чувствами совершенного высокопочитания и преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.

Декабря 24 дня 1854 года
Сергиева Пустыня

Его Сиятельству Г[-ну] Министру
Двора Его Императорского
Величества Графу Владимиру
Федоровичу Адлербергу.

№ 4

Милостивейший Государь,
Граф Владимир Федорович!

Ходатайством Вашего Сиятельства доставляемо было мне счастие представляться вместе с монашеством Александро-Невския Лавры, накануне нового года, Их Императорским Величествам.

И ныне осмеливаюсь утруждать Ваше Сиятельство покорнейшею просьбою о доставлении мне и монаху Сергиевой пустыни Михаилу Чихачеву счастия представиться в сей день Их Императорским Величествам, Государю Императору Александру Николаевичу, Государыне Императрице Марии Александровне и Государыне Императрице Александре Феодоровне.

Если благоволите удостоить меня ответом Вашим, то всепокорнейше прошу Ваше Сиятельство приказать доставить оный в Александро-Невскую Лавру, в дом Высокопреосвященнейшего Митрополита, где я ныне останавливаюсь.

С чувствами совершенного высокопочитания и преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.

22-го декабря 1855 года
Сергиева пустыня

Его Сиятельству Г[-ну] Министру
Двора Его Императорского
Величества графу Владимиру
Федоровичу Адлербергу.

№ 5

Милостивейший Государь

Граф Владимир Федорович.

Ходатайством Вашего Сиятельства доставляемо было мне счастие представляться вместе с монашеством Александро-Невския Лавры, накануне нового года, Их Императорским Величествам.

И ныне осмеливаюсь утруждать Ваше Сиятельство покорнейшею просьбою о доставлении мне и монаху Сергиевой Пустыни Михаилу Чихачеву счастия представиться в сей день Их Императорским Величествам, Государю Императору Александру Николаевичу и Государыне Императрице Марии Александровне.

Если благоволите удостоить меня ответом Вашим, то всепокорнейше прошу Ваше Сиятельство приказать доставить оный в Александро-Невскую Лавру, в дом Высокопреосвященнейшего Митрополита, где я ныне останавливаюсь.

С чувствами совершенного высокопочитания и преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.

Декабря 22-го дня 1856 года
Сергиева Пустынь

Его Сиятельству Г[-ну] Министру
Двора Его Императорского Величества
Графу В. Ф. Адлербергу.

№ 6

Вполне конфиденциально

Милостивейший Государь,

Граф Владимир Федорович!

Покойный Государь Император Николай Павлович именовал Ваше Сиятельство другом своим, а я удостоивался быть называем воспитанником Его Величества. В память Вашего Друга сделайте доброе дело для воспитанника.

От 24-го сего июня, то есть сегодня, я послал прошение в Св. Синод и вместе письмо к Государю Императору Александру Николаевичу о увольнении меня от управления Епархиею и о предоставлении мне, по имеющимся примерам, в управление

Бабаевского монастыря Костромской Епархии. Окажите мне милость: замолвите за меня слово Государю, чтоб исполнена была моя просьба, которую я приношу в совершенно спокойном духе. Вступив в монастырь, я намеревался быть пустынным монахом: не только не приготовлял себя к архиерейству, но ниже к какой видной настоятельской должности. Помещение в Сергиеву Пустыню и настоящее мое положение устроились для меня наличием обстоятельств, и я с радостию желаю выдти из него, побуждаемый и усвоившемся мне направлением и крайним истощанием сил от долговременной сорокалетней болезненности. Вы фактически видите, что я стремлюсь не к почестям, не к чему-либо внушаемому честолюбием и другими страстями, но к необходимому по моему положению. Еще в 1847-м году я просил покойного Государя письмом, а свое начальство формальною просьбою о даровании мне приюта в Бабаевском Монастыре. И тогда я был плох; теперь же — совершенно изветшал. Ваше Сиятельство! оказав мне просимую милость, Вы сделаете для меня истинное благодеяние.

С чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства покорнейшим слугою.

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

Письмо святителя Игнатия к Митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Григорию[1]

Предместники мои по Кавказской кафедре Преосвященные Иеремия и Иоанникий в дополнение к окладу Епископа, к 285 рублям жалованья и к 457 рублям на стол и экипаж, получали 1000 рублей серебром ежегодно вспомоществования. По производстве моем в сан Епископа, находясь еще в С.-Петербурге и узнав о бедности кафедры Кавказской епархии, я просил письменно и лично его Сиятельство г-на синодального Обер-прокурора графа А. П. Толстого о том, чтоб мне, по примеру моих предшественников, была выдаваема назначенная вспомогательная тысяча рублей. Главным основанием к такой просьбе было мое крайне болезненное состояние. Его Сиятельство, по свойственной ему доброте сердечной и сознавая всю основательность моей просьбы, заверили меня честным и благородным своим словом, что просьба моя непременно будет удовлетворена.

По прибытии моем в Ставрополь я нашел Епископский дом в несравненно худшем состоянии, нежели в каком полагал найти. Я нашел руину во всех отношениях.

Такое состояние Дома усилило нужды Епископа. Надеясь на то, что обещанное вспоможение будет мне доставлено, я был спокоен и даже позволил себе из тех крох, которые остались у меня от дороги, дать триста рублей серебром на канцелярию Консистории, так как чиновники ее терпели особенную нужду по причине необыкновенно суровой и продолжительной зимы 1858 года. Сделаны из упомянутых крох и другие издержки в пользу Епархии. Некоторые доходы, которыми, сверх вспомогательной тысячи, пополнялся оклад Епископа и которые соблазняли Край девственный и строго смотрящий на образ действий духовенства, я немедленно отменил. Средства содержания Епископа перешли от состояния умеренности к состоянию крайней скудости.

Внезапным сокращением средств к содержанию я был бы поставлен в весьма затруднительное положение, именно по болезненнейшему состоянию, давно требовавшему пользования минеральными водами, если б особенная милость Божия не помогла мне неожиданно. Некоторое лице, весьма мало со мною знакомое, без всякого даже намека с моей стороны, доставило мне тысячу рублей серебром с извещением, что оно делает мне эту помощь, узнав о особенной моей нужде воспользоваться минеральными водами и о неимении к тому средств. Признаю эту помощь ниспосланною Богом: ибо воды произвели во всем моем организме чудное потрясение, волнение и преобразование, которые продолжаются до сих пор, освобождая меня постепенно, хотя и при мучительном действии от золотушной материи, гнездящейся во множестве во всех членах тела моего. Если не могу признать себя вполне исцелевшим, по причине застарелости моей болезни и произведенного ею истощения сил, то должен с глубоким чувством благодарности к милосердию Божию и к орудию этого милосердия признать себя значительно поправившимся.

По возвращении моем в Ставрополь из Епархии обширной, с населением редким, хотя и живущим в селениях многолюдных, видя, что вспомогательная тысяча рублей мне не высылается, отчего положение мое делается весьма затруднительным, я изобразил в покорнейшем прошении Святейшему Синоду от 25 сентября 1858 года за № 200 особенность положения Кавказской

кафедры и, особенное на сей особенности, мое затруднительное положение по содержанию. Такое положение Православного Епископа весьма естественно в стране инославной и иноверной, в которой он не имеет гражданского значения, неприменимо в стране Православной, в России, где Епископ необходимо должен сохранить повсюду соблюдающиеся обычаи, например, выезжать в карете, принимать посетителей прилично. А здесь, сверх того, надо особенно приласкать все сословия и все разнородные управления: ибо, по новости Епархии, Епископ имеет нужду в особой благосклонности всех сословий и всех управлений. Содержание, которое прежде получал Епископ Кавказский, по скудости своей служило предметом соблазна для здешней публики. Теперь соблазн усилился, потому что полное прекращение содержания, считавшегося скудным, известно всем чиновникам казенной палаты и казначейства, а чрез них всему городу. 1000 рублей, высылавшаяся собственно Епископу, не выслана ни в 1858-м, ни в 1859-м году, а 1500 рублей, высылавшаяся на содержание Дома, выслана в 1858-м году, но в 1859-м уже не высылается. Сведение о том, что Кавказский Епископ поставлен в крайнее затруднение по содержанию, перешло при посредстве лиц гражданского ведомства чрез Кавказские горы, в Тифлис, сделалось там предметом разговора и соблазна. Кавказский наместник, Князь Барятинский, писал к г-ну синодальному Обер-прокурору, прося его исходатайствовать мне тысячу рублей, которую получали мои предместники в дополнение к своему жалованью. О сем я уведомлен формальным отношением. Мне очень жаль, что Князь Барятинский должен был писать о сем Графу Толстому, этому не следовало бы быть.

Необходимо, чтоб здесь имели уважение к голосу Святейшего Синода. Степень этого уважения постоянно будет гармонировать с действиями, которые благоугодно будет обнаруживать. Неблаговолением к личности надо пожертвовать [в пользу] интересов Церкви. Едва миновавши моральное положение Кавказского Епископа, положение, при котором выражалось совершенное невнимание к нему и к Епархии, служит достаточным тому доказательством.

Что ж касается собственно до меня, то я не могу довольно нарадоваться, что Господь извлек меня из шумной столицы, для которой я неспособен ни по душе, ни по телу. Место здесь весьма спокойное, весьма уединенное. Жители посещают Епископа только в великие праздники, тогда собирается их очень

много. На расходы по Дому я должен был занять тысячу рублей. Эти деньги надо возвратить, что и надеюсь сделать по милости Божией, ибо Князь Наместник уведомил меня формально, что он ходатайствует пред Государем Императором о доставлении Кавказскому Епископскому дому ежегодного денежного вспоможения из казны вместо угодий, которых Край дать не может. Это вспоможение заменит деньги 1500 рублей серебром, высылавшиеся собственно на Дом. По сей причине я ходатайствую только о представлении мне той тысячи рублей, которая отпускалась собственно Епископу. Примите, Ваше Высокопреосвященство, благосклонно письмо сие как дань, которой я приношу мои обязанности к моему сану и служению. Постараюсь принять все меры, если того сподобит меня Господь, чтоб не сделать чего-либо по увлечению и устоять на церковном поприще, на котором я поставлен. Если это окажется невозможным, то сию невозможность отселе лобызаю со всею любовию, со всею радостию, яко устроимую Промыслом Божиим в пользу окаянной души моей, имеющей совлещись тела и предстать на лицеприятный Суд Божий. Исполнен долг мой, предоставляю остальное воле Божией и благоусмотрению Вашего Высокопреосвященства.

В письме моем к г-ну синодальному Обер-прокурору, которое посылаю по сей же почте и о том же предмете, я сослался на сие письмо к Вашему Высокопреосвященству. Примите на себя одолжительный труд показать сие письмо графу, так как я не счел приличным писать к Его Сиятельству того, что помещено здесь и что я мог сказать только пред Вами как пред Первосвятителем. Всепокорнейше прошу не давать официальности этому письму, как вполне конфиденциальное, оно написано мною собственноручно.

Поручая себя и вверенную мне паству Вашим святым молитвам и испрашивая Ваше Архипастырское благословение,

с чувством глубочайшего почтения и преданности имею честь быть и проч.

2 февр. 1859, № 9

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 247–251об. Митрополит Григорий (Георгий Петрович Постников; 1784–1860), видный церковный деятель; с 1856 г. и до конца жизни возглавлял Санкт-Петербургскую кафедру.

Переписка святителя Игнатия с Обер-прокурором Святейшего Синода графом Н. А. Протасовым *

№ 1

Ваше Сиятельство Граф Николай Александрович!

Представляю при сем на усмотрение Ваше записку, доставленную мне Иеромонахом Георгием, отрешенным от должности Эконома Александро-Невской Лавры. Дело его поступило, или довольно скоро поступит в Святейший Синод с резолюциею Митрополита, в коей определено: оного Иеромонаха, уже лишенного экономской должности и присутствия в Конторе Александро-Невского Собора, удалить из Лавры по избранию его в другой монастырь, и проступок его внести в формулярный список.

О. Георгий, поклоняя выю обоим первым членам сентенции, т. е. оставлению должности и удалению из Лавры, просит не вносить поступка его в формулярный список. Не смея обратиться прямо к Вам по обычной робости нашего Духовенства, он просил меня сообщить Вам его покорнейшую просьбу, которая столько легка, что я не думаю обременить Вас сообщением оной.

Равноапостольный Император Константин был столько размягчен благодатным елеем милосердия, коим паче всех добродетелей истинные христиане Богу уподобляются, что говаривал: если б я увидел [грешащего] пресвитера или инока, то снял бы с себя императорскую порфиру и ею бы прикрыл грешащего. Честь или бесчестие, оказанные служителю к Служимому восходит. Желая Вам всех истинных благ от щедрыя руки Господни, с истинным почтением имею честь быть

Вашего Сиятельства покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.
7 июня 1838
Сергиева Пустыня

№ 2

Секретно

Милостивейший Государь,

Граф Николай Александрович!

Извините, что с приезда моего в Устюжну до сих пор я ничего не писал к Вашему Сиятельству. Занятия членов Комиссии и мои были кабинетные, приуготовительные, состоявшие в многотрудной

---

* *Протасов Николай Александрович* (1798–1855) — генерал-лейтенант, обер-прокурор Св. Синода (с 1836 г.), исполнитель особых поручений по духовному ведомству (с 1850 г.).

письменной деятельности и лишенные деятельности наружной: возложенная на нас обязанность «переследовать» делала необходимыми тщательный пересмотр всех, в течение пяти лет составившихся, делопроизводств, и выписку из оных, которая, чтоб быть ясною, должна иметь достоинство полноты и отчетливости.

Положительные сведения, приобретаемые разведыванием и собираемые формальным следствием, доказывают, что жалобы крестьян г-на Страхова имеют свою причину в его поведении. Он не умел воспользоваться снисхождением к нему двух Комиссий и привел *ныне* крестьян своих в такое состояние горя и отчаяния, в каковом они доселе еще *никогда* не находились. Кажется, само Провидение внушило Правительству нарядить новую Комиссию для отвращения трагической развязки, которою должна бы кончиться эта печальная и продолжительная драма. Теперь крестьяне с нетерпением ожидают прибытия Комиссии в их деревни, чтоб пред нею излить свои жалобы, а между тем взялись за способ действия самый умный. Проученные первою Комиссиею, которая хватала и садила в острог всякого дерзавшего отворить рот о ужасных действиях Страхова, они теперь держат себя чрезвычайно спокойно, работы исправляют с особенною тщательностию и послушанием, чтоб не дать места никакой придирке. Но из среды этой тишины вырываются от времени до времени отзывы, выражающие их душевное расстройство. Генерал Игнатьев видит это состояние их и решается, как он мне говорил, писать к Новгородскому губернатору о взятии имения г-на Страхова в опеку. Если эта мера не будет принята, то очень может быть, что крестьяне, выведенные из терпения поведением г-на Страхова и потеряв всю надежду на защиту и правосудие Правительства, решатся на самоуправство. Эти сведения имею из верных источников. Даже здешний исправник, посетивший дня два тому назад деревни, под предлогом другого дела, вывел из своих наблюдений и сообщил мне такое заключение о духе и настроении крестьян. Разврат Страхова — какой-то неестественный! например: он растлил три пары родных сестер, и попеременно, а может быть и в одно время, имел с ними связь.

Сколько можно заключать по ходу дела, то оно кончится не ранее как в исходе августа. Около этого времени надеюсь увидеть Вас; а между тем с чувствами искреннейшей преданности и отличного уважения имею честь быть

Вашего Сиятельства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий.
1852 года, июля 26 дня
Устюжна-Железнопольская.

№ 3

Его Высокопреос<вященс>тву Никанору,
Митрополиту Новгородскому
и С<анкт>-Петербургскому

Высокопреосвященнейший Владыко,
Милостивый Государь и Архипастырь.

В минувшем августе сего года г-н Генерал-лейтенант Дубельт сообщил мне о полученном им совершенно частном сведении, будто бы командированный в Устюжский уезд по делу о крестьянах помещика Страхова Архимандрит Игнатий по приезде на место следствия говорил открыто при посторонних лицах, что он прислан переделать следствие в пользу крестьян и на этом настоит.

Как упомянутое отношение г-на генерал-лейтенанта Дубельта, так и мой отзыв ему, и ныне полученное от г-на шефа жандармов Генерал-адъютанта Графа Орлова[1] отношение по сему же предмету долгом считаю сообщить Вашему Высокопреосвященству в списках на благоусмотрение.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть
Вашего Высокопреосвященства
Милостивого Государя и Архипастыря
покорнейшим Слугою

Граф Протасов.
30 ноября 1852

[1] *Орлов Алексей Федорович* (1786–1861) – шеф жандармов, главный начальник III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии (1844–1856). – *Ред.*

№ 4

Его Сиятельству
Г<осподи>ну Обер-Прокурору Св<ятейшего> Синода
Графу Николаю Александровичу
Протасову

Сиятельнейший Граф,
Милостивый Государь!

Вследствие отношения Вашего Сиятельства ко мне от 30 минувшего ноября за № 8360 относительно действий Настоятеля Сергиевой Пустыни Архимандрита Игнатия во время пребывания его в г. Устюжне при производстве следствия по делу о помещике

Страхове, имею честь препроводить при сем на усмотрение Вашего Сиятельства секретно истребованное мною от архимандрита Игнатия объяснение по обстоятельствам, изложенным в приложенных при означенном отношении Вашем двух списках.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть *Вашего Сиятельства покорнейший слуга*

Никанор, М. Новгородский и С.-Петербургский.
24 декабря 1852

№ 5

Объяснение архимандрита Игнатия

Вследствие предъявленного мне, последовавшего на меня в четырех пунктах, доноса от неизвестного лица по пребыванию моему в Устюжне в сем 1852 году, имею честь представить следующее объяснение.

По первому пункту. По прибытии моем в Устюжну, когда из следователей там находились только генералы Игнатьев и Строев, уездный предводитель дворянства г-н Ефимьев почтил меня своим визитом. Я, между прочим разговором, счел обязанностию своею выразить ему мои мнение и желание, чтоб никто из посторонних лиц не вмешивался в имеющее производиться следствие, а положились бы на следователей, которые — люди благонамеренные. Существенная причина этих слов, которой, впрочем, я не объяснил г-ну предводителю, состояла в том, что в делопроизводстве первой комиссии (том 1-й) имеется протест духовного депутата, в котором сей жалуется, что во время допросов в соседней комнате, при отворенных дверях в присутствие, стояли некоторые дворяне и подслушивали производившееся исследование; в числе прочих фамилий в протесте поименована и фамилия г-на Ефимьева. Надеюсь, что в словах моих г-ну Ефимьеву могут быть найдены и некоторая основательность и некоторая благонамеренность. Г-н Ефимьев беседовал со мною без свидетелей, глаз на глаз. Выраженная мною мысль диаметрально противоположна мысли, которую мне приписывает доноситель. Эту последнюю мысль я, в свою очередь, признаю лишенною логического смысла. Если б следственная комиссия состояла из местных членов, то я имел бы еще повод просить предводителя отрекомендовать меня незнакомым мне членам. Но какой повод искать содействия в предводителе, когда члены ему вовсе не известны, когда я, как депутат, имел право относиться прямо к членам и на словах и

письменно (чтó мною и было исполняемо, даже с отягощением для господ следователей), когда, наконец, постороннее вмешательство строго воспрещено законом, а самое дело должно быть тайною для всех, кроме следователей и депутата?

По второму пункту. По приведенной мною причине я не мог просить о том же и судью г-на Ушакова; он еще менее предводителя мог действовать на следователей: ибо следователи лично выразили мне свое особенное недоверие к сему лицу, наиболее же г-н полковник Станкевич.

Беседа в доме г-на Ушакова была исключительно о духовных предметах. — Что ж касается до статьи доноса, якобы я в разговоре с полковником Коковцевым просил и его содействовать к оправданию виновных, как их называет доноситель, священников, то я недоумеваю пред сею статьею и не знаю, как и чем объяснить ее. Можно объяснить ее разве тем, что доноситель хотел позабавиться надо мною и над теми, которые бы нá слово поверили ему. Полковник Коковцев женат на дочери г-на Страхова, питает всю привязанность к своему тестю. Искать, чтоб г-н Коковцев действовал в пользу обвиненных священников, следовательно, против своего тестя, было бы противным уже не только логическому смыслу, но и смыслу здравому и естественному порядку. Когда комиссия окончила свои занятия в деревнях и, на обратном пути в Устюжну, остановилась на несколько часов в усадьбе Страхова-сына для снятия немногих дополнительных показаний, тогда в первый раз в жизни я встретился с г-ном Коковцевым. После некоторого времени, в общей зале, где находилось несколько и других лиц, полковник Коковцев, заметя, что я стою одинокий у окна, подошел ко мне с приветливостию образованного человека и, в течение пяти-десяти минут, излагал мне тягость положения, в которое приведены настоящим делом и тесть его, и все они — ближние г-на Страхова; при сем он выразил свою мысль, что причиною доноса, поданного священником Ивановским, было корыстолюбие сего священника. Признавая себя не вправе говорить о деле с г-ном Коковцевым, я наиболее отвечал ему молчанием. — Тогда был бы основан на неопровержимых фактах донос доносителя, когда бы он написал, что я просил следователей о точном определении прикосновенности к делу обвиняемых священников, что утруждал комиссию неоднократно по сему предмету моими мнениями, что, несмотря на почти постоянный отказ комиссии, я подписал под окончательным журналом, что оста-

юсь при всех поданных в комиссию мнениях: это всё совершенная правда.

По третьему пункту почтенный доноситель, во-первых, уличает сам себя в крайне недостаточном знании самого дела. Высочайше учрежденная Комиссия в 1851 году, обозрев всю переписку, нашла в ней совокупленными два разнородных дела, исследование которых производилось первою Комиссиею лишь в одно время, и потому отделила их одно от другого, назвав первое *делом по неповиновению крестьян деревень Денисова и Ярцева,* а второе *делом по жалобам крестьян деревни Избищ на обременение их помещиком налогами и на насилие им девиц их.* Этому разделению последовала и настоящая комиссия в 1852 году. *По первому* из этих дел г-н Страхов есть доноситель, а священник Ивановский есть обвиненный; *по второму* же священник Ивановский есть доноситель, а г-н Страхов есть обвиненный. Отношения упоминаемых доносителем двух священников к священнику Ивановскому принадлежат к *второму делу.* В нем (и нигде в деле) упоминаемого доносителем показания одного из священников на Ивановского в подстрекательстве крестьян *вовсе не имеется.* Имеется ли показание сих священников на Ивановского в том, что он их уговаривал присоединиться к его доносу, объявив о изнасилованных г-ном Страховым девицах в их приходах? А Ивановский утверждал, что эти священники сами объявили ему о изнасилованных девицах в их приходах; исследование впоследствии открыло таких девиц. Священник Ивановский нигде в деле не обвиняется за сделанный им донос, напротив того, его донос подтвердился, а обвиняется единственно в подстрекательстве крестьян деревень Денисова и Ярцева к неповиновению. Будучи несколько знаком с делом, мог ли я склонять одного из священников, чтоб он отказался от прежнего своего показания о подстрекательстве крестьян Ивановским, каковогo показания, повторяю, *в деле нет.* Если ж Ивановский подстрекал двух священников заодно с ним донести на г-на Страхова, то неужели это есть подстрекательство крестьян? неужели эти два священника суть крестьяне г-на Страхова? Справедлив ли оговор священников на Ивановского или Ивановского на священников, ни то ни другое нисколько не изменяет вопроса о прикосновенности Ивановского к возбуждению крестьян к неповиновению помещику, почему забота о изменении сих показаний лишена разумной причины. Последние слова третьего пункта не только не подкрепляют извета доносителя, но, напротив того, окончатель-

но уничтожают его. Помещение этих двух священников в монастырь последовало так: Устюжское Духовное Правление получило указ Новгородской Духовной Консистории, в котором именно сказано, что сии священники устраняются из своих приходов *на время переследования,* для объявления чего послан был к этим священникам нарочный; вместе с тем Правление уведомило и меня отношением (копия с него при сем прилагается). Следовательно, священники знали срок прежде свидания со мною, на который они помещаются в монастырь, равно и я знал его, также священники знают ход духовных дел, равно как и я несколько знаком с ним и знаю, что никто не может ни сократить, ни увеличить срока, назначенного Указом епархиального начальства, кроме его самого. Таинственный доноситель мой поставляет в затруднительное положение, чем объяснить его донос, потому что я доселе подвергался обвинениям во многом, но не в решительном отсутствии разума. Уж не дошел ли до него слух, разумеется в искаженном виде, о случае, который я считал известным только трем лицам, и он захотел приписать мне поступок, принадлежащий другому лицу. Этот случай состоит в следующем. Был приглашен в комиссию для свидетельства священник Евсигней Яковлев. Когда он дал свое показание сперва словесно, потом написал его начерно, выправил и стал переписывать набело, то два члена, господа Игнатьев и Строев, занялись беседою между собою о деле, а г-н полковник Станкевич встал близ столика, при котором писал священник. Когда священник достиг перепискою до того места в показании своем, где говорилось нечто о поведении г-на Страхова, то г-н Станкевич дал ему совет, чтоб он не вписывал этой статьи. Священник знаменательно поглядел на полковника и на меня; затем последовала минута молчания и размышления, после которой, однако, священник вписал статью в свое показание, вопреки желанию г-на Станкевича. — Как доноситель называет помещение священников в монастырь заключением, то я считаю обязанностию своею объяснить, что это выражение вполне неверно. Они не только не были заключены, но ниже́ посланы[1] под начало, а помещены на правах всей братии, пользовались даром трапезою, жалованье по приходу им не было прекращено, даже отлучки из монастыря в город Устюжну им дозволялись. До начатия сего дела один из священников штрафован за неправильное употребление церковных денег, а другой за пьянство содержался срочное время в монастыре. В течение этого дела они выказали себя неблаговидно в духовном отношении, особливо один даже

обязался принять очистительную присягу, между тем как показания прочих лиц уличали его во лжи. Это, может быть, кажется доносителю маловажным; но в духовном отношении от сего обстоятельства рождается вопрос: может ли такой священник продолжать священнослужение? Посему духовное начальство приняло благодетельную меру на время преследования устранить их от постороннего влияния. Когда они явились ко мне, то я, по наставлению моего начальства, объяснил им, что принимаемая относительно их мера служит собственно к их пользе и охранению, что помещение их в монастырь отнюдь не есть вид наказания, а только гощение, и дал им наставление, чтоб они показали, в случае если их спросит комиссия[2], всю истину. Управляющий Моденским монастырем Архимандрит отнесся мне о сих двух гостях своих не с выгодной стороны, особливо сказал об одном, которого действия и по делу неблаговидные, что он — человек с потерянной совестию и очень подвержен пьянственной страсти. Но в комиссию он явился в должном виде. Таким образом самый ответ подтвердил благоразумие меры духовного начальства. Во время моего пребывания в Устюжне полковник Станкевич не раз просил меня с особенным участием о освобождении сих священников из монастыря; я ему отвечал, что они помещены указом Новгородской Консистории на время преследования и что я отнюдь не вправе изменять это распоряжение. Сознаюсь, мне показалась странною такая критика г-на полковника распоряжений постороннего ведомства и такое его участие в лицах сомнительного поведения.

По четвертому пункту. 1) Перед отъездом моим в С<анкт>-Петербург обвиненных (называемых доносителем виновными) священников, коих числом три, я к себе не приглашал, а приехал проститься со мною начальник Устюжского духовенства старший священник Никитин, потом приходил священник Яковцевский, приходил ли Абрютин — не помню, а Ивановский вовсе не приходил, по болезни. 2) Я не объявлял священникам, что никто из них наказан не будет по весьма простой причине, а именно: священник Яковцевский признан Высочайше учрежденною Комиссиею неприкосновенным к делу неповиновения крестьян, о чем тайный советник Переверзев писал Новгородскому Преосвященному Викарию: вследствие сего священник Яковцевский указом Новгородской Консистории еще в прошлом 1851 году от наказания освобожден и водворен в прежнем своем приходе. Желал бы я получить наставление от доносителя: каким образом объявить

Яковцевскому, с избежанием решительной бессмыслицы, что он наказан не будет, когда уже год тому назад он оправдан и освобожден от наказания? Равным образом Абрютину уже определено наказание Святейшим Синодом по совещанию с г-ном Министром внутренних дел, состоящее в отнятии у него его прихода и в удалении его из Устюжны в другой отдаленный уезд, о чем до прибытия моего в Устюжну был получен указ. Как же мне уверять Абрютина, что он не будет наказан, когда он уже получил указ о своем наказании? Священник Ивановский был наказан заключением в острог и теперь наказуется содержанием в монастыре под началом: уже наказанного и ныне наказуемого уверять, что он не будет наказан, кажется мне чуждо здравого смысла. По окончании последнего заседания, чтó было около трех часов по полудни, я немедленно известил отношением Устюжское Духовное Правление о закрытии следственной Комиссии, чтоб оно распорядилось отправлением вышеупомянутых двух священников к их приходам, а священника Ивановского — в назначенный для пребывания его монастырь, чтó было сряду же и исполнено. Сим заключив мои действия, я того же дня в 7 часов вечера выехал из Устюжны.

Архимандрит Игнатий.

[1] Даже не были посланы. — *Ред.*

[2] Я даже полагал, что их вовсе не спросят: ибо одного из них спросила высочайше учрежденная комиссия, а нынешняя положила в основном своем журнале не переспрашивать спрошенных высочайше учрежденною; да и допрос их ни к чему не вел.

Письма к святителю Игнатию от секретаря Митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Серафима А. И. Суслова*

№ 1

Высокопреподобнейший Отец Архимандрит Игнатий,
Милостивый Государь!

В Череменецком монастыре открывается Настоятельская Вакансия. А как Его Высокопреосвященство усмотрел из представленной Вами о монашествующих, находящихся во вверенной усмотрению Вашему Сергиевой Пустыне за 1836 год ведомости, что, судя по Вашим рекомендациям, есть довольно способных к Настоятельским должностям Иеромонахов, то и

* РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 22.

приказал мне отнестись к Вашему Высокопреподобию, чтоб Вы, избрав из них благонадежного к сей должности Иеромонаха, прислали его завтра поутру к его Высокопреосвященству при своем репорте, с приложением при нем послужного его списка.

Честь имею быть с истинным высокопочитанием и совершенной преданностию

Вашего Высокопреподобия Милостивого Государя

Всепокорнейший слуга

Алексей Суслов.

30-го марта 1837-го года

№ 2

Ваше Высокопреподобие

Владыко имея нужду с Вами переговорить об одном деле, просит вас пожаловать к нему нынешний день, и не позже шестого часу по полудни: ибо у него будет в 7-м часу собрание.

Вашего Высокопреподобия всепокорнейший слуга

Алексей Суслов.

26-го марта 1837

№ 3

Ваше Высокопреподобие!

Письмо Ваше Владыко прочитал с удовольствием. Усердно благодарит Ваше Высокопреподобие за то участие Ваше, которое Вы изволили принимать в известном Вам деле, а также и за добрый совет Ваш, который он находит весьма основательным.

С глубоким моим к Вам высокопочитанием имею долг навсегда быть Вашего Высокопреподобия всепокорнейшим слугою

Алексей Суслов.

3 ноября 1838

Письма святителя Игнатия к директору Канцелярии синодального Обер-прокурора К. С. Сербиновичу

№ 1[1]

Милостивейший Государь,

Константин Степанович![2]

Получив сегодня от Его Сиятельства Графа Александра Петровича Толстого три экземпляра Извлечения из Отчета, я подумал: не двадцатый ли труд Ваш вижу? Почти что так: если не двадцатый, то наверно девятнадцатый.

Приехав сюда, я немедленно озаботился, чтоб отчетность из Кавказской Консистории за 1857-й год была представлена в Святейший Синод в возможной исправности, согласно тому, что Вы изволили говорить мне при прощальной беседе. Сделали, что можно было сделать. Оказывается: циркулярами не были соглашены частные действия; каждое место доставляло сведения по своему смотрению. Это можно поправить, но я искренно желал бы слышать замечания Вашего Превосходительства, чтоб на будущее время Кавказская Епархия могла представлять к труду Вашему матерьялы вполне удовлетворительные.

По совету Вашему я довольно сблизился с бывшим Секретарем Васильевым, и он доставил мне много полезных сведений; я, с своей стороны, постарался сколько мог и умел растворить утешением чашу его горестей. Действительно, должно желать, чтоб здешнее духовенство было лучше; но исправление нравственности в целом сословии совершается не скоро. На это надо время и время. Начала ложные должно заменить началами правильными, злонамеренность благонамеренностию. Наказания не могут быть единственным орудием исправления.

Призывая благословение Божие на Вас и на милого сына Вашего, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский.

Ставрополь.
18 февр. 1858

[1] РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Дело 1098. Л. 1–2. *Сербинович Константин Сергеевич* (1797–1874) – директор Канцелярии обер-прокурора Св. Синода (1839–1853), редактор «Журнала Министерства народного просвещения» (1833–1856).

[2] Ошибка: нужно Сергеевич.

№ 2

Ваше Превосходительство,

Милостивейший Государь!

Примите мое усерднейшее поздравление с Монаршею милостию, которою ознаменовано долговременное служение Ваше Царю и Отечеству. Искренне желаю Вашему Превосходительству многих лет в вожделенном здравии, совершенного успеха в Ваших трудах и всех утешений на поприще службы.

С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

24 апреля 1858 года
Ставрополь Кавказский

№ 3 [1]

Ваше Превосходительство,
Милостивейший Государь!

Главное Управление Наместника Кавказского уведомило меня отношением от 25-го сентября за № 3702, что вследствие моего ходатайства, Князь Александр Иванович Барятинский сообщил Г. Председателю Кавказского Комитета об испрошении Высочайшего Государя Императора соизволения на ассигнование и ежегодный отпуск от казны Кавказскому Архиерейскому дому, в дополнение к получаемому им ныне содержанию и в замен тех угодий, коими он не может быть наделен, трех тысяч восьмисот рублей серебром. Имея честь уведомить о сем Ваше Превосходительство, вместе с тем считаю приятнейшим долгом моим покорнейше просить Вашего милостивого содействия в доставлении Кавказскому Архиерейскому дому означенной суммы, долженствующей обеспечить содержание Дома и доставить Епископу Кавказскому возможность деятельности, требуемой от него новостию и переходным состоянием Края.

Призывая на Вас обильное благословение Неба, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Игнатий,
Епископ Кавказский и Черноморский.

2 окт. 1858, № 204

[1] РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 1098. Л. 4–4об.

№ 4

Ваше Превосходительство,
Милостивейший Государь!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим праздником Рождества Христова и Новым годом. Как на этот новый год, так и на прочие лета жизни Вашей усердно желаю Вам всех истинных благ.

С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Превосходительства

покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
12 декабря 1858 года

Письмо К. С. Сербиновича к святителю Игнатию[1]

Высокопреподобный Отец архимандрит,

Милостивейший Государь.

Имею честь препроводить при сем Вашему Высокопреподобию экземпляр изданного мною Жизнеописания Преподобной Евфросинии Полоцкой с изображением устроенного ею креста.

С совершенным почтением имею честь быть

Вашего Высокопреподобия

Покорнейший слуга

К. Сербинович.
24 декабря 1841

Его Высокопреподобию отцу
Игнатию, архимандриту
Сергиевской Пустыни

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1.

Письмо святителя Игнатия к Директору Департамента Государственных имуществ Н. П. Дубенскому[1]

Ваше Высокопревосходительство!

Милостивейший Государь!

Имел я честь представить Его Сиятельству Г. Министру Финансов записку, в коей просил, дабы благоволено было землю, по Плану и Межевым книгам Генерального межевания, принадлежащим Сергиевой Пустыни, а занимаемую и Монастырем и Казенными крестьянами, или возвратить Монастырю, или, если сие найдется невозможным, то разделить оную между Казенными крестьянами и Монастырем.

Судя по времени, полагаю, что означенная записка могла возвратиться из Казенной палаты в Департамент Государственных Имуществ. Поелику Монастырь от решения сего дела или должен понести значительный урон, или возможность улучшить способы своего содержания, — то и решаюсь я обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшею просьбою, дабы благоволили обратить благотворное внимание на состояние земли сей.

Землею сею, как упоминал я и в записке, владеет и Монастырь, и крестьяне вместе. Напрасно Казенная Палата призывает к себе на помощь давность. Сия давность столько же на стороне Казенных крестьян, сколько и на стороне монастыря. Ибо в слободе Подмонастырской находится двенадцать домов Каз<енных> Кр<естьян> и двенадцать домов монастырских штатных служителей. Они имеют вместе огороды, они выгоняют вместе скот, они пользуются одинаково дровами. Благоволите о сем справиться в натуре; впрочем, ясное сему доказательство Вы имеете в Вашем Департаменте: Донесение Казенной Палаты от 12-го Октября 1826-го года, в коем сие смешанное владение Монастыря с Казенными крестьянами, хотя и с примесью некоторых пристрастных мыслей, изображено.

Ваше Высокопревосходительство! Благоволите принять милостивое участие в сем деле, в котором Пустыня решается уступить лучшую половину своей собственности, не желая тревожить бедных крестьян, просит себе другую половину, состоящую из болот, кустарника и дровяного леса, — в надежде на Бога, любящего и благословляющего хозяйственное трудолюбие, услаждающего кусок хлеба, снисканный потом.

Если же Вы стесните и еще более землю Пустыни, то Вы поставите ее в затруднительное положение: ибо на рамены ее, на ее свечную сумму, единственный источник нашего содержания, упадет и содержание штатных служителей с их семействами, которые теперь содержатся, пользуясь землею вместе с Казенными крестьянами.

Позвольте от Вашего милостивого внимания, от Ваших благородных правил ожидать всего доброго и справедливого. В сей полной уверенности, имею честь быть с истинным высокопочитанием

Вашего Высокопревосходительства
Покорнейший слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.
24-го марта 1836-го года

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 6.

Письмо святителя Игнатия к статс-секретарю князю А. Н. Голицыну[1]

Ваше сиятельство, обычное снисхождение Ваше внушает мне смелость — беспокоить Вас покорнейшею просьбою, впрочем,

весьма для Вас легкою. Она состоит в следующем: наша обитель давно ведет процесс о земле по купчим, плану и межевой книге генерального межевания ей принадлежащей, но оспариваемой казенными крестьянами, которые насильственно на ней поселились.

Министр финансов, рассмотрев дело, хотя и нашел, что земля по всей справедливости принадлежит Сергиевой пустыни, однако, затрудняясь переселением крестьян, положил землю разделить так: сторону, на которой стоит монастырь, отдать монастырю, а на коей поселились крестьяне — крестьянам. Сие мнение его поступило в Комитет министров.

Думаю, что преподобный Сергий лучше бы согласился уступить часть достояния своего, чем причинить огорчение крестьянам переселением их, чему простые сии люди не иначе повинуются, как предаваясь неутешной печали и горьким слезам. Посему и я, поверенный преподобного Сергия, как в сем деле, так и в прочих, до обители его касающихся, должен сообразоваться с благоустроением своего Настоятеля и решением министра финансов быть довольным. Поддержите сие решение в Комитете министров. Вот в чем состоит вся просьба к Вашему сиятельству от поверенного обители преподобного Сергия.

Архимандрит Игнатий
1836 г.

[1] О Александре Николаевиче Голицыне см.: Т.1. С. 489, примеч. 1.

Письмо к святителю Игнатию от Статс-секретаря князя А. Н. Голицына

Высокопреподобный Отец Архимандрит

Милостивый Государь!

По письму Вашему, докладывал я Государю Императору и Его Величество указать соизволил, чтоб Ваше Высокопреподобие приехали в первое воскресенье после возвращения Государя в С. Петербург к обедни в Аничковский дворец.

Поручая себя молитвам Вашим, честь имею быть с истинным почтением и таковою же преданностию

Вашего Высокопреподобия

Покорнейший слуга

Князь Александр Голицын.

Царское Село
14-го октября 1838 года

Письмо к святителю Игнатию от Духовника Государя Николая I, Николая Музовского

Ваше Высокопреподобие Милостивый Государь!

Государь Император Высочайше повелеть соизволил: вновь устроенную Церковь при Петергофском Военном Госпитале во имя Св. Николая Чудотворца освятить 25 сего марта, в день Праздника Пресвятой Богородицы.

А как в сей торжественный праздник в городе Петергофе священники все заняты, кроме протоиерея Л.-Г. Уланского полка Прокоповича, то я покорнейше прошу Ваше Высокопреподобие назначить двух иеромонахов и одного иеродиакона для освящения означенной Церкви.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашего Высокопреподобия Милостивого Государя

Покорнейший к услугам

Духовник Николай Музовский.

16 марта 1842 г.
Его Высокопреподобию
Архимандриту Игнатию.

Письмо святителя Игнатия к графу Петру Андреевичу Клейнмихелю

Многомилостивый Государь! Граф Петр Андреевич!

Позвольте принести Вашему Сиятельству искреннейшую благодарность за то милостивое внимание, которое Вы, посреди Ваших многочисленных занятий, обратили на обветшавшие часовни Сергиевой пустыни. Возобновление их будет вполне принадлежать Вашему усердию.

Таким образом Вы включили себя в число тех, о коих ежедневно в храмах Сергиевой пустыни произносится и будет произноситься сия глубокая и сильная молитва: «Благословляяй, благословляющия Тя, Господи, и освящаяй на Тя уповающия, спаси люди Твоя и благослови достояние Твое, освяти любящая благолепие дому Твоего: Ты тех воспрослави Божественною силою!»

Граф! Сие благословение, сие спасение, сие освящение да освятит Вас и все семейство Ваше к благополучию на земле и к блаженству на небе!

С чувством совершенного почтения и преданности имею честь быть <...>

19 июля 1845
Сергиева Пустынь

Письмо святителя Игнатия к некоему высокопоставленному лицу

Со мною совершилось несчастие! 23-го августа, полубольной, я ехал к Преосвященному Митрополиту по делам Монастыря и Благочиния; на 10-й версте от Стрельны дорожный рабочий испугал лошадь моего экипажа, которая, выскочив из постромок, его задела, уронила, от чего он и умер. Дав знать о сем куда следует, я возвратился в монастырь, сраженный болезнию и сердечною и телесною. Ныне немного оправясь телом и умом, осмеливаюсь повергнуть к стопам Вашим... просьбу, извлекаемую из сердца, растерзанного горестию! Дозвольте мне... в глубоком уединении, вне всякой должности, — как бы заживо умершим, окончить дни мои! Для сего повелите уволить меня от Начальства Сергиевой Пустыни с дозволением избрать уединенное место, соответствующее моему слабому здоровью. — Понесу в мое гробище тяжкую мысль и тяжкое чувство, что за все милости... истекавшие ко мне прямо из глубины великой души Вашей, я принес Вам только одни огорчения!

Повергая сердце мое, уязвленное острым жалом скорби, к стопам Вашим, с глубочайшим благоговением и совершенною, неограниченною преданностью имею счастие, хотя и недостойный его, быть...

Сергиевой Пустыни Архимандрит Игнатий.

31 августа 1845
Сергиева Пустынь

Письма святителя Игнатия к Управляющему делами Комитета Министров Ф. П. Корнилову*

№ 1

Милостивейший Государь,

Феодор Петрович!

Милостивейшее внимание Вашего Превосходительства ко мне внушает мне дерзновение обеспокоить Вас моею покорнейшею просьбою. Состоит она в нижеследующем.

---

* ОР РНБ. (Ф. 379 (Корнилов Ф. П.). Ед. хр. 612. *Корнилов Федор Петрович* (1809–1895) — управляющий канцелярией Московского военного генерал-губернатора графа А. А. Закревского (1848–1859), управляющий делами Комитета министров (1861–1874), член Государственного Совета. Публикация, подготовка текста А. М. Любомудрова.

Мещанин города Ярославля, Иосиф Федотов, подрядчик каменной работы, строит и оканчивает уже построение Соборного храма в Николо-Бабаевском монастыре своими рабочими, но на монастырских хлебах, сделав притом и другие значительные пожертвования на это здание. Ценность пожертвований простирается более, нежели на 17 тысяч рублей серебром. Как значительность пожертвования, так и то, что Федотов положил последнюю свою трудовую лепту в пользу Церкви, решили меня представить его к значительной награде, к награде золотою медалию на Владимирской ленте. Представление сделано Г<осподину> Синодальному Обер-Прокурору и должно идти чрез Комитет Министров. Граф Толстой[1] расположен ко мне так благосклонно, что он, по уважительным причинам, изложенным в моем представлении, никак не откажется удовлетворить моему ходатайству, если оно удостоится покровительства от Вашего превосходительства. Прошу Вас об этом покровительстве с таким свободным сердечным чувством, с такою доверенностию, как бы уже получивший удовлетворение моей просьбе.

Позволю себе приложить при сем копию с представления моего графу Толстому и покорнейше просить о сообщении Вашего мнения родному брату моему, действительному статскому советнику Брянчанинову, который будет иметь честь лично явиться к Вашему Превосходительству и который сообщит мнение Ваше Графу Толстому.

Призывая на Вас обильное благословение Неба, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

28-го января 1867 года

[1] *Граф Дмитрий Андреевич Толстой* (1823–1889) – государственный деятель, Обер-прокурор Святейшего Синода в 1865–1880 гг.

№ 2

Милостивейший Государь
Феодор Петрович!

Податель этого письма есть родный брат мой, Петр Александрович Брянчанинов, о котором я имел честь говорить Вашему Превосходительству в письме моем к Вам от 28-го января, посланным по почте, и которого я просил лично явиться к Вашему Пре-

восходительству для получения наставлений и приказаний Ваших по представлению моему о награде Федотова.

Вашего Превосходительства
покорнейший слуга

Епископ Игнатий.
30-го января 1867 года

Переписка Кавказского периода

Письмо святителя Игнатия к директору Синодальной канцелярии Я. А. Позняку

Ознакомившись вообще с делами Кавказской Консистории, считаю не лишним представить взгляд мой на них благоусмотрению Вашего Превосходительства.

Здешнее духовенство набрано из разных Епархий; нужда заставляла принимать людей без строгой критики; да и невозможно основательно узнать, при самой строгой критике, человека, пришедшего из дальней страны, не жившего на месте продолжительно. По этой радикальной причине невозможно, чтоб во вновь устроенной Епархии при таком составе духовенства не было значительных беспорядков. Строгим надзором и взысканиями можно более или менее обуздать безнравственных, но редкие из безнравственных могут совершенно измениться и сделаться нравственными. Следовательно, нужнейший способ исправления духовенства состоит в замене старых, закоснелых новыми, благонравными воспитанниками Семинарии; этот способ требует времени.

Дела в Консистории не так запутанны и делопроизводство идет совсем не так худо, как это представлялось при борьбе, возникшей от столкновения страстей, причем с обеих сторон писалось с разгорячением и многие дела представлены односторонне, а следовательно, и неправильно.

Так, например, о протоиерее Петрове взято одно дело и представлено с действиями по нему Епархиального начальства Высшему начальству. Оказывается: Петров был судим по двадцати делам, из коих по каждому имеется распоряжение Епархиального начальства, и все эти распоряжения находятся в связи между собою: вынутое из среды этих дел одно дело и представленное отдельно, точно не показывая связи между решениями Епархиального начальства, даст решение его одному делу вид странный. В таком положении, каково дело Петрова, находят-

ся некоторые другие дела. Я приказал все такие разнородные дела об одном лице доложить мне вместе и надеюсь уже в правильном виде представить дела, нуждающиеся в представлении Святейшему Синоду. Сами изволите видеть, что такой образ действий требует времени. Но он и весьма точен, и облегчит труды для самой канцелярии Святейшего Синода.

Призывая на Вас благословение Боже и проч.

18 янв. <1858>, № 7

Письмо святителя Игнатия к Наместнику Кавказа князю А. И. Барятинскому[1]

Обозрев средства, которые в настоящее время Кавказский и Черноморский епископский дом имеет для содержания своего, я имею честь повергнуть эти средства на благоусмотрение Вашего Сиятельства. Картина этих средств неминуемо рождает вопросы:

1. Может ли Епископ с присвоенным ему штатом содержать все требуемое от него? 2. Следовательно, самая вновь учрежденная Епархия может ли существовать?

Эти вопросы отчасти уже и разрешены тем, что Святейший Синод доселе давал Епископу тысячу рублей серебром вдобавок к его жалованью и тысячу пятьсот рублей — на содержание его и Архиерейского дома.

К этому считаю нелишним присовокупить нижеследующее: епархиальные штаты утверждены в таком виде в конце прошедшего столетия, когда деньги были несравненно дороже, а предметы потребления несравненно дешевле. С того времени штаты остались неизменными, а недостаток их восполнялся хозяйственными пособиями, то есть разными угодиями и оброчными статьями, которые наиболее выдавались казною, а иногда приобретались и частным образом.

Из прилагаемых при сем двух ведомостей изволите увидеть и микроскопический размер штатного положения для Архиерейского дома, и микроскопический размер выделенных ему угодий в пособие штатному положению. При таковых средствах оказывается решительною невозможностию содержание самого Епископа, содержание в особенности эконома, духовника, иеромонахов и прочих чинов собственно Дома, каковые должны быть монашествующие; также содержание секретаря и чиновников Консистории, которой делопроизводство никак не менее делопроизводства

губернских правлений. Кафедральный протоиерей и прочие лица белого духовенства, как имеющие сверх жалованья содержание от своих приходов, в существовании обеспечены.

Будучи убежден, что Ваше Сиятельство желает существования Кавказской епархии, я счел долгом моим представить воззрению Вашему настоящее состояние средств ее к существованию, единственно с тою целию, чтоб Вы изволили иметь о сем предмете полное и ясное понятие. Позвольте мне, всмотревшись более в дела, взойти к Вашему Сиятельству с покорнейшим представлением об обеспечении содержания Архиерейского дома. Ныне летом надеюсь лично представиться Вашему Сиятельству, и, узнав взгляд Вашего Сиятельства на этот предмет, с одной стороны, а с другой — ознакомившись со способами к обеспечению, я полагаю возможным для меня изложить пред Вами дело со всею отчетливостию.

Призывая на Вас обильное благословение Неба с чувствами отличного уважения и проч.

25 янв. 1858, № 11

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 242об.–244. *Князь Александр Иванович Барятинский* (1814–1879) – генерал-фельдмаршал, Наместник Кавказа (1859–1862).

Представления святителя Игнатия Наместнику Кавказа князю А. И. Барятинскому о Кавказской епархии

№ 1[1]

1. Необходимо развить в Кавказской семинарии преподавание татарского языка, так как это было предположено при учреждении Семинарии. Татарский язык есть общеупотребительный между горскими народами: знание его доставит возможность Кавказскому духовенству иметь близкие сношения с этими народами и ознакомить их с Христианством.

2. Необходимо дать жалованье православному духовенству городов Моздока и Кизляра. В сих двух городах совершается наиболее обращение горцев в Христианство, по причине уважаемых ими икон Иверской Божией Матери в Моздоке и Живоносного Источника в Кизляре. Православное духовенство в сих городах очень бедно, так как большинство жителей состоит из армян. По скудности содержания принимают места в сих городах духовные лица только самого умеренного образования, не

имеющие надежды на получение лучших мест. Чтобы привлечь на эти места людей, удовлетворительно образованных и потому могущих действовать с большею силою в пользу Православной Церкви, необходимо дать безбедное содержание. О сем сделано Кавказским епископом Игнатием представление в Святейший Синод от 30 апреля 1859 года за № 2058-м.

3. Необходимо Кавказскому Епархиальному управлению, то есть Епископу с его штатом, священноцерковнослужителями Кафедрального собора, членами Консистории и Консисторской канцелярии предоставить жалованье Западных епархий, так как лица, составляющие Кавказское Епархиальное управление, не имеют тех домашних источников к содержанию, какими пользуются лица Епархиальных ведомств внутри России, а содержатся единственно окладом, получаемым от казны. В этом отношении положение их точно такое же, как и духовенства Западных епархий, чем логически доказывается, что им должно дать такое же содержание. Хотя Архиерейский дом и получил вместо рыбных ловен и мельницы, что имеют все Архиерейские дома в России, денежное ежегодное вспомоществование в 3800 рублей серебром, но из этих денег самомалейшая часть может быть обращена на содержание лиц, принадлежащих Дому; все деньги поглощаются требованиями Дома и будут поглощаться ими долгое время. Требования сии заключаются в следующем: 1) Временный приют Епископа нужно отщекотурить снаружи и внутри, отделать, меблировать. 2) Крестовую церковь нужно расширить и сделать удобною для праздничных, высокоторжественных, торжественно-траурных служений зимою, ибо город не имеет теплой приличной церкви для сих служений; Кафедральный городской собор — холодный, и служение в нем зимою невозможно. 3) Нужно завести для сих служений соответственную ризницу. 4) Нужно привести в благоустройство братские помещения и устроить помещение для певчих. 5) Нужно завести библиотеку. По окончании такового устройства ремонт вышеупомянутых построек, ризницы, библиотеки и певческих одеяний должен потребовать всю вышеозначенную сумму 3800 рублей. На покупку и устройство помещения для Епископа, на Крестовую церковь, на помещение для епископского штата, на ризницу и библиотеку доселе в течение шестнадцатилетнего существования Кавказской епархии не отпущено от казны ни одного рубля, ни одного гроша, несмотря на бесчисленные представления Епископов и многократное ходатайство светского Кавказского началь-

ства. Все, что сделано поныне, сделано на пожертвования, добровольно принесенные и испрошенные посредством сборщиков у граждан г. Ставрополя, у поселян Ставропольской губернии и у черноморских казаков. Они все сделали, что могли; дальнейшее обременение их о доставлении приношений оказывается вполне неудобным и даже невозможным.

Декабрь 1859

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 347–348об.

№ 2[1]

Как в настоящее время по замирении Левого крыла Вы изволили обратить особое внимание на распространение Христианства между горцами, а Моздок и Кизляр суть единственные на Левом крыле пункты Кавказского Епархиального ведомства, в которых совершается обращение горцев, то я считаю обязанностью своею просить Ваше Сиятельство, дабы Вы благоволили обратить на сие дело милостивое внимание Ваше к ускорению выдачи жалованья вышеупомянутому духовенству. Ибо средства к содержанию оного так скудны, что никто из доброкачественных и удовлетворительно образованных лиц духовенства не изъявляет желания на занятие священнических мест в Моздоке и Кизляре, за исключением Моздокской Успенской церкви, более других доходной. По сей причине в Кизляре и Моздоке священники самого умеренного образования, далеко уступающие сельским священникам Епархии. А потому обращение горцев в Христианство не может быть ими совершаемо с успехом. Искренне желал бы я, чтобы Ваше Сиятельство через кого-либо из доверенных лиц удостоверились в положении кизлярского и моздокского духовенства. Бедность, под игом которой они тщетно стонут, невероятна. Представление в Святейший Синод о назначении моздокскому и кизлярскому духовенству сделано мною от 2 мая 1859 года за № 2058. Копия с сего представления при сем прилагается.

С чувствами отличного уважения и проч.
9 мая 1860, № 19

[1] ОР РНБ Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 349–350.

№ 3[1]

<...> Из этого усматривая, что Святейший Синод находит записку, представленную мною Вашему Сиятельству, основательною, я признаю себя обязанным представить на благоусмотрение Вашему Сиятельству нижеследующее.

С самого учреждения Кавказской епархии гражданское начальство Кавказа ходатайствовало (как это видно из переписки, сохранившейся в гражданском ведомстве и в Консистории) о том, чтобы доставлено было вновь учрежденному Епархиальному ведомству потребное количество денег — как на обзаведение, так и на содержание. Вследствие таких ходатайств отпускаемо было моим предместникам Преосвященным Иеремии и Иоанникию по 1000 рублей серебром в дополнение к их личному жалованью и 1500 рублей серебром на содержание Дома. На обзаведение же ничего не было отпущено.

В такой крайности предместники мои должны были прибегнуть к единственному средству: к приглашению к пожертвованиям. С особенною деятельностию занимался устройством епархии Преосвященный Иеремия. С отбытием его деятельность очень ослабела, и многие дела пришли в запутанное положение. Все, что ни сделано для Епархиального Кавказского ведомства, сделано на сумму, приобретенную пожертвованиями. Епархия учредилась без всякого денежного содействия со стороны Правительства. Между тем капиталист из купечества Волобуев, очень поддерживавший Преосвященного Иеремию, скончался. С кончиною Волобуева пожертвования уменьшились гораздо более, нежели вполовину, а впоследствии, при ослаблении деятельности Духовного начальства, и вовсе прекратились.

По прибытии моем в Ставрополь я нашел Епархиальное ведомство в бедственнейшем положении:

1. По переданным хозяйственным статьям в ведомство Архиерейского дома без должной определенности и оконченности, возникли вопросы, а по лесной даче возник даже процесс, что коротко известно Вашему Сиятельству, так как я для разрешения сих запутанностей должен был неоднократно обращаться к особе Вашей.

2. Временный приют Преосвященного — деревянная теснейшая хижина, пожертвованная Волобуевым уже довольно ветхою, пришла в крайнюю ветхость. Дом Архиерейский во всех отношениях был в самом скуднейшем положении (ибо, как выше

сказано, ходатайство об отпуске суммы на обзаведение в течение четырнадцати лет оставалось тщетным). Положение лиц, состоявших при Доме, было невыразимо бедственное. Ибо нищета, нищета в полном смысле слова, подействовала на нравственность, как она и всегда действует — зловредно, пагубно. В особенности это очевидно на служащих в Консисторской канцелярии чиновниках, которые от скудости содержания и голодны, и наги.

Положение тем более сделалось стеснительным, что отпуск вспомогательной 1000 рублей серебром, которую получали мои предместники, был прекращен. Я был оставлен на 280 рублей серебром годичного содержания, между тем как цены в Ставрополе на все предметы продовольствия после войны необыкновенно возвысились. Ходатайства Вашего Сиятельства о предоставлении мне упомянутой 1000 рублей, которую получали мои предместники, остались безуспешными. 1500 рублей серебром, отпускавшиеся на содержание собственного Дома, отпущены были мне только на 1858 год. Затем отпуск этих денег прекращен в уповании, что Дом получит деньги на замен хозяйственных статей от Черномории.

При приезде моем в Ставрополь я не мог остановиться в хижине, пожертвованной Волобуевым, по тому совершенному состоянию расстройства, в которое она была приведена. Купец г-н Стасенков предложил мне свой дом на полугодичное время, а купечество Ставрополя предложило сделать пожертвование для исправления хижины, пожертвованной г-ном Волобуевым, на каковый предмет оно собрало до 4000 рублей серебром.

Когда прикоснулись к хижине, то оказалось, что лес в ней наполовину сгнил, что исправление ее невозможно, что вполне необходимо выстроить новый приют. Доставленная купечеством сумма оказалась недостаточною для новой постройки по необыкновенной дороговизне строительных материалов в Ставрополе. Почему я должен был прибегнуть — как это и предместники мои сделали — с воззванием к епархиальным церквам о посильном вспоможении из кошельковых сумм и к сбору посредством сборщиков. Медлить было невозможно, потому что наем квартиры при жалованьи в 280 рублей серебром, при прекращении выдач вспомогательных сумм и при совершенном расстройстве хозяйства был невозможен.

При таком пособии, почерпнутом единственно в пределах Кавказской епархии, устроен весьма скромный, но весьма удобный

домик для епископа. Другого, столь скромного, архиерейского дома не имеется в России. Но сей дом, как деревянный, не мог быть выстроен и отделан окончательно в одно лето. По высушке и осадке он нуждается в ощекотурке и в прочей значительной отделке, также в меблировке. Пожертвованная сумма была достаточна только на постройку и необходимейшую мебель. Для окончательной отделки и снабжения мебелью необходимо не менее 4000 рублей серебром.

Сверх того, братские келлии и прочие службы, принадлежащие Дому, находятся в самом недостаточном состоянии. Представляется особенно необходимым распространение Крестовой, находящейся при доме, церкви, так как город Ставрополь имеет крайнюю нужду в поместительном теплом храме, в котором бы могли собираться служащие лица и публика зимою в праздничные и табельные дни для участия в торжественном богослужении. Ныне отправляется торжественное богослужение в церкви, временно устроенной в зале под лавками гостиного двора, — крайне неудобной и уже приходящей в ветхость.

Я был бы очень доволен, если бы описанное мною положение Архиерейского дома и вообще Епископской кафедры в Ставрополе удостоено было личного взгляда Вашего Сиятельства в проезд Ваш через Ставрополь или если бы оно было проверено кем-либо из доверенных лиц, состоящих при Вашем Сиятельстве. Уменьшение же потребностей Дома невозможно. Ибо число служащих при Архиерее исчислено правительством, положено по штату и быть сокращено никак не может, так как при уменьшении числа служащих непременно должен бы был по необходимости измениться самый чин богослужения, отправляемого Архиереем, определенный неизменяемым уставом Православной Церкви.

Я счел себя обязанным изложить пред Вашим Сиятельством с такою подробностию положение Кавказского Епархиального ведомства и служащей основанием сему ведомству Епископской кафедры в дополнение к записке, поданной мною Вашему Сиятельству в проезд Ваш через Ставрополь 15 ноября 1859 года, по той важной причине, что между множеством дел и при удовлетворении всех потребностей вновь возникающих Епархий (это видно из положения дел вновь открытой Таврической епархии) Кавказская епархия, если она не будет подавать голоса о своих нуждах и о своем крайне затруднительном положении, то ее положение может навсегда лишиться благотворного внимания

высшего начальства. Потому что молчание о затруднительнейшем положении может быть признано за устранение этого затруднительнейшего положения какими-нибудь домашними средствами.

На сих основаниях снова повергаю пред Вашим Сиятельством покорнейшую просьбу: примите на себя труд, который неминуемо должен отозваться в духовном и нравственном отношениях самым благотворным образом на всем народонаселении Кавказа! Примите на себя труд и заботу вывести Кавказское Епархиальное ведомство из того положения томительной неопределенности и колебания, в котором оно страждет в течение семнадцати лет во вред себе, во вред православному народонаселению, во вред самому Православию.

При сем имею честь приложить:

1. Копию с 3 пункта записки (с принадлежащими к ней приложениями), поданной мною Вашему Сиятельству 13 декабря 1859 года, в проезд Ваш через Ставрополь.

2. № 14 «С.-Петербургских Сенатских Ведомостей», из которого видно, что оклад, о котором я ходатайствую для Кавказской епархии, именно есть тот, который дан для вновь учреждаемой Таврической и Высочайше утвержден 16 ноября 1859 года, между тем как все предметы продовольствия несравнимо дороже на Кавказе, чем в Тавриде.

3. Сравнительную ведомость, из которой видно, насколько цены на предметы продовольствия повысились на Кавказе в течение последних десяти лет. Из сей ведомости изволите увидеть, в какой крайности находятся лица Кавказского Епархиального ведомства относительно своего содержания. Положение многих из них можно безошибочно назвать бедственным.

Призывая на Ваше Сиятельство обильное благословение Неба с чувствами отличного уважения и проч.

10 июня 1860, № 20

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 350–354об. В письме речь идет о полученном святителем Игнатием уведомлении Департамента общих дел Главного управления Наместника Кавказского от 13 апреля 1860 г. за № 2283, извещающем, что на ходатайство Князя Наместника об увеличении окладов содержания Кавказскому Епархиальному управлению Обер-прокурор Синода отозвался о постоянном внимании к этому обстоятельству и о невозможности в настоящее время увеличить оклады из-за нехватки средств.

№ 4[1]

Милостивейший Государь Князь Александр Иванович!

Снова представляя Вашему Сиятельству ходатайство о назначении удовлетворительных окладов для Кавказского Епархиального ведомства как о не терпящей отлагательства необходимости, я считаю необходимо нужным изложить здесь, в сем конфиденциальном письме, некоторые данные, объясняющие дело, но не имеющие места в официальной бумаге.

Не имею намерения жаловаться на кого-либо как монах, устраняя всякую жалобу и всякий ропот. Вместе с тем, как Епископ, я должен объясниться искренне, потому что мое положение, если оно получит характер фальшивый, должно непременно отозваться в самом исполнении моих обязанностей весьма неблагоприятно, то есть фальшивое положение Епископа должно быть очень вредным для Епархии.

Покорнейше прошу Ваше Сиятельство уничтожить это письмо или сохранить его без всякой огласки как написанное единственно по доверенности к благородным правилам Вашим.

Гражданская история человечества свидетельствует непрерывным рядом фактов, что страсти человеческие постоянно препятствовали преуспеянию человечества. Зависть, недоброжелательство ближнему, близорукое самолюбие, стремясь сделать зло человеку, наносило вред делу и обществу. К несчастью, христианская церковная история представляет то же печальное зрелище.

Святой старец Серафим Саровский, смотря на это зрелище оком ума, очищенного и озаренного святостью, говаривал: «Надо изучать историю христианства не из пустой и тщеславной любознательности, но чтоб ведать, каким обуреваниям подвергались Церковь и различные члены ее во все времена, и из этого ведения черпать силы и мудрость, необходимые для перенесения современных бурь и для управления собою во время этих бурь».

Странно желание испорченного грехом сердца человеческого! Желание сделать зло ближнему, желание насладиться созерцанием затруднительного положения, в которое поставлен ближний удавшеюся злонамеренностию! Странно это желание, но оно существует.

Всякий христианин может и обязан дать должную цену этому желанию. Признак христианского сердца есть любовь. Серд-

це, преисполненное ощущений, противоположных любви, само свидетельствует о своем достоинстве. Христианство требует терпения по отношению к ближним, уклонившимся от любви к злобе. Но оно же, как духовный свет, требует, чтоб око души — ум — ясно видел злобу и предохранил от нее человека и общество. Иначе легко можно увлечься злобою, принести себя в жертву злонамеренных людей, принести в жертву им общественную пользу и благосостояние. Можно даже сделаться участником в их действиях, потому что люди злонамеренные всегда прикрывают свои действия всевозможною ложью, всевозможною хитростью, бессовестным лицемерством. Святой апостол Павел сказал: «Сам сатана принимает вид светлого Ангела» (для удобнейшего погубления человеков), а потому неудивительно, что служители его принимают вид служителей правды (2 Кор. 11. 14–15). Церковная история показывает, что в вышеупомянутый образ действий увлекались и патриархи, и митрополиты, и архиепископы, и прочие первейшие духовные сановники. Причина такого увлечения в духовном мире всегда была одна и та же: забвение Неба и стремление к приобретению земных преимуществ.

Пробыв четверть столетия в Сергиевой пустыни, на самом берегу житейского моря, и по положению, невольно доставшемуся мне на жребий, возбудив внимание многих (то есть зависть и недоброжелательство), я гляжу и на настоящее поведение многих по отношению ко мне отнюдь не как на новость, не как на неожиданную странность. Так должно быть, потому что на сем свете всегда и всегда будет так. Но пусть скажут что-нибудь факты.

Двум предместникам моим к ежегодному жалованью по штату в 280 рублей серебром выдавалась вспомогательная 1000 рублей серебром. Сверх того, на Архиерейский дом выдавалось 1500 рублей серебром. Отъезжая из Петербурга, я просил, чтобы и мне продолжали выдавать эту тысячу рублей, которая выдавалась лицу Епископа, так как известно было Святейшему Синоду, что Епархия вообще пришла в значительное расстройство. Мне дано было честное слово, что просьба моя будет исполнена.

Прождав около года и видя, что эта 1000 рублей не высылается, я снова ходатайствовал о выдаче ее. Ваше Сиятельство изволит также ходатайствовать о том, чтобы она была мне предоставлена. Ходатайство осталось тщетным, несмотря на то, что первенствующий член Синода Митрополит Григорий, муж пра-

ведный, семидесятивосьмилетний старец, желал, чтобы ходатайство было уважено. Другие деньги — 1500 рублей серебром, отпускавшиеся на содержание дома, — были отпущены только в первый год (1858) моего пребывания на Кавказской кафедре, в том предположении, что Ваше Сиятельство доставит на содержание Дома угодья или вместо них деньги.

Доставленные на этот предмет Вашим Сиятельством 3800 рублей серебром начали выдаваться с половины 1859 года. Извольте судить, в какое затруднительное положение я был поставлен таким распоряжением, в котором нельзя не видеть притеснения и недоброжелательства, принадлежащих, разумеется, некоторым лицам в частности.

По прибытии из С.-Петербурга в Ставрополь я просил выдачи двойных прогонов и двойного жалованья по правилу для всех, определяемых на службу в здешний Край. В том и в другом мне отказано. Но ректору и инспектору Семинарии, несмотря на то, что они получают гораздо большее жалованье, чем я, выданы двойные прогоны и двойное жалованье. Так же поступлено относительно секретаря Консистории.

Из этого исключительного поведения по отношению ко мне нельзя не видеть цели привести меня к крайности и вовлечь в какие-нибудь величайшие неприятности. Но Бог послал добрых людей, которые помогли и лично мне, и Архиерейскому дому. Останавливаюсь указать на другие факты по моему служению здесь, которые приводят к тем же заключениям, чтобы не сделать письма моего слишком пространным и не погрешить пред скромностию.

Основываясь на этих фактах, я имею право безошибочно предполагать, что и настоящий уклончивый ответ г-на синодального Обер-прокурора состоялся единственно под влиянием партии, потому что положение Епархии, на обзаведение которой ничего не было отпущено, которой дано содержание непомерно скудное, — такое положение не может не быть ясным.

Положение всех лиц Епархиального ведомства стесненное, положение многих лиц в полном смысле бедственно. Так, например, эконом Дома получает в год жалованья 14 рублей 34 коп., духовник — 8 рублей, каждый крестовый иеромонах — 6 рублей, каждый иеродиакон — 6 рублей, каждый келейник — два рубля. Есть ли в этих окладах смысл? Когда я приехал в Ставрополь, то нашел, что монашествующая братия Дома ежедневно ходила по городу, ища себе обеда и ужина, ибо в Доме, по его бедно-

сти, не было требуемой правилами иноческой трапезы. Какая могла быть при этом беспорядке нравственность иночествующей братии? Какой соблазн для жителей видеть иноков в неопрятнейшей одежде, ежедневно таскающихся по городу, ищущих насущного хлеба! Я тотчас прекратил это, но трапеза для братии потребовала значительной издержки.

В подобном положении находятся чиновники Консистории. Из суммы, назначенной для чиновников и канцелярских служителей (1042 руб. 45 коп.), помощник секретаря может получить 120 рублей, столоначальник — сто рублей, писарь — 72 рубля в год. Чем тут содержаться, особенно семейному человеку? По причине таких окладов взяточничество было чрезвычайно развито в Кавказской Консистории. С обузданием этой нравственной болезни, особенно позорной и вредной в духовном судилище, чиновники Консисторской канцелярии поставлены в тяжкое положение. Я стараюсь им помогать даже из своих крох, но помощь моя не может быть не ничтожною. Эти лица питаются только надеждою, что Ваше Сиятельство исходатайствует им увеличение оклада. Если бы они узнали об отзыве синодального Обер-прокурора, то пришли бы в совершенное уныние, тем более что цены на все потребности непрестанно возрастают в Ставрополе.

Менее других лиц Епархиального управления нуждаются протоиереи члены Консистории, потому что им предоставлен приход, с которого они пользуются доходами от требоисправлений.

Для меня было бы вполне утешительным, если бы сказанное мною о затруднительном положении Кавказского Епархиального ведомства в форменном отношении и в сем конфиденциальном письме было подвергнуто проверке Вашим Сиятельством чрез доверенное лицо. Это лицо представило бы Вам картину непрерывного труда, лежащего на Епархиальном ведомстве, и необыкновеннейшего стеснения, в котором оно находится, — стеснения, неизвестного в светском кругу.

Из такого состояния только Вы, Ваше Сиятельство, можете извлечь Кавказское Епархиальное ведомство и устранить ту невозможность, которая изложена в отзыве г-на синодального Обер-прокурора. Ибо если Святейший Синод не имеет в настоящее время суммы, то, как мне кажется, можно бы было назначить оклад для Кавказской епархии из государственного казначейства, с тем чтобы оклад сей при первой возможности был

внесен в ту сумму, которая отпускается государственным казначейством в ведомство Святейшего Синода. Иначе можно полагать с достоверностью, судя по предшествовавшему образу действий, что для удовлетворения потребностям Кавказской епархии никогда не будет свободной суммы.

Призывая на Ваше Сиятельство обильное благословение Неба с чувствами отличного уважения и проч.

<10 июня 1860>

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 354об.–359 об. Это конфиденциальное письмо написано одновременно с официальным отношением к Наместнику от 10 июня 1860 г., о чем говорит и составитель Жизнеописания (л. 354об.), и текст самого письма. Приведенная в Жизнеописании датировка 13 апреля 1860 г. — по-видимому, описка.

Письмо святителя Игнатия к Обер-священнику Кавказской армии Гумилевскому[1]

Ваше Высокопреподобие,
Милостивейший государь!

Те знаки искренней братской любви, которые Вы мне оказываете, внушают мне сообщить Вам на благоусмотрение нижеследующее.

Кавказское семинарское правление, руководствуясь предписанием Казанского академического правления, в ведении которого находится Кавказская семинария, просило как Кавказского епископа, так и главного священника Кавказской армии доставить сведения о раскольниках, в их ведомствах состоящих, так как это требование по новости своей показалось не довольно ясным, то здесь и смешано было действие Семинарского правления с Кавказским Епархиальным, на основании чего последовала известная Вашему Высокопреподобию переписка и распоряжение, чтоб Семинарское правление относилось о раскольниках к Наказному атаману Казачьего линейного войска. Усмотрев это из журнала семинарского, так как я просматриваю журналы правления, я изложил в письме Его Превосходительству, начальнику штаба Кавказской армии отношения Семинарии к Епископу и к Академическому правлению от 5 июля 1858 года за № 146-м. Эти отношения составляют особенность Духовного ведомства, и весьма естественно, что они неизвестны Кавказскому Военному ведомству. Семинарское правление довело о сделанном распоряжении до сведения казанского академического правления, которое поручило Семинарскому правлению

сноситься с наказным атаманом чрез Кавказского епископа, так как не принято, чтоб Семинарское правление в этих случаях действовало само собою. Сие распоряжение академического правления Семинарскому правлению представило мне в 1-м пункте своего журнала от 14 марта. Я дал следующий отзыв: Не признаю себя вправе переписываться с г-ном наказным атаманом о делах, касающихся церквей и духовенства Казачьего Линейного войска: ибо это было бы явным вмешательством в дело, непосредственно подлежащее Главному священнику Кавказской армии. О делах, касающихся Кавказского Епархиального ведомства, я всегда исполняю эту мою обязанность. Семинарское правление взошло ко мне с представлением, чтоб я указал ему путь к получению сведений, в которых оно нуждается, и к исполнению предписания Академического правления вследствие распоряжения Святейшего Синода.

Так как сие обстоятельство получило большую ясность против прежнего, то я обращаюсь к Вашему Высокопреподобию с покорнейшею просьбою, не благоугодно ли будет Вам принять на себя труд сношения с Наказным атаманом по Вашему ведомству, так как я исполняю это по ведомству Епархиальному. Прилагая при сем копию с предписания Академического правления Кавказскому семинарскому, покорнейше прошу Вас почтить меня уведомлением о Вашем по сему предмету распоряжении.

С чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть и проч.

4 мая 1859, № 37

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 258–259.

Письмо святителя Игнатия к Алексею Александровичу Волоцкому[1]

20 марта был прочитан в Кафедральном соборе города Ставрополя Высочайший Манифест, возвестивший государству великий подвиг и великое дело, совершенное Государем Императором, — переход крепостных людей к состоянию сельских обывателей свободных. Пишу к Вам под свежим влиянием Манифеста; мое письмо, вероятно, будет иметь интерес для Вас, так как дело началось во время управления Вами губерниею.

Манифест великолепен! Выслушан был с величайшим вниманием и благоговением, произвел на все сословия самое благоприятное, спасительное впечатление. Общественное мнение о

деле было искажено проникнувшим во все слои общества журналом «Колокол» и различными печатными статьями в направлении «Колокола». На этом основании многие ожидали Манифеста если не вполне в том же направлении, то, по крайней мере, в подобном или сколько-нибудь близком. Является Манифест! Высокое направление его, величие и правильность мыслей, величие тона, необыкновенная ясность взгляда на дело, прямота и благородство выражения, точное изображение несовместимости и несвоевременности устаревшей формы крепостного права и вместе публичное оправдание дворянства (которое подлые завистники его старались унизить, оклеветать, попрать и даже уничтожить при помощи софизмов по поводу крестьянского вопроса), проповедь Манифеста об истинной свободе с устранением своеволия и буйства, которые невежеством и злонамеренностью смешиваются с идеею о свободе, — все это доставило Манифесту необыкновенную нравственную силу. Понятия ложные, явившиеся и расплодившиеся по причине глупых и злых разглашений, рассеялись и ниспали. Состояние недоумения, обымавшее умы, заменилось состоянием ясного разумения, спокойствия, доверенности и глубокого уважения к действиям Правительства. Манифест решительно отделился характером своим от всех мелких писаний по крестьянскому вопросу и затмил их светом своим: так при появлении солнца скрываются звезды. Они не уничтожаются, продолжают существовать и присутствовать на небе, но их уже не видно. Манифест, служа разумным изображением нашего Правительства, не может не изливать истинного утешения в сердца всех благомыслящих и благонамеренных, фактически доказывая, что Правительство Русское шествует по пути самому правильному, самому благонадежному.

Мне было очень приятно увидеть, что два предложения мои, данные Кавказской Консистории, еще в бытность Вашу в Ставрополе, для преподания духовенству Кавказской епархии должного направления в крестьянском вопросе, решительно сходствуют и по духу своему, и по мыслям с Манифестом, предупредив его двумя годами.

Против предложений были здесь разные толки, особливо после появления ругательной статьи против меня в «Колоколе». Эти противные толки, в которых главную роль играла бессовестнейшая клевета, поневоле заставили духовенство обратить особенное внимание на предложения, как получившие особый интерес по возбудившейся вследствие них полемике. Предложе-

ния были подробно рассмотрены, а потому изучены, и Манифест, явившись, нашел уже духовенство к себе подготовленным. В то время как весь народ благословляет Государя Императора за глубоко разумный Манифест, надо полагать, что издатель «Колокола», с небольшим числом единомысленной братии своей, придет в бешенство и ударит в свой опошлившийся набат. В Манифесте, именно, упомянуты те слова св. Апостола Павла к Римлянам, по поводу которых исступленный Искандер сказал, что Апостол Павел, произнесши их, сделал больше зла, чем Иуда Искариотский, предавши Христа. У Вас есть копия с моих предложений. Во втором из них, от 7 мая 1859 года, Вы увидите развитие понятий о Вопросе, точь-в-точь тех же, какие развиты в Манифесте (стр. 4, 5, 13, 20). В Манифесте с первого слова до последнего выражен принцип Монархический — залог общественного порядка и благоденствия России.

Накануне публикации Манифеста прочитал я в С.-Петербургских ведомостях письмо Фальковского и Рескрипт Государя князю Горчакову по поводу этого письма. Какой спокойный тон в Рескрипте! Какое величественное, открытое изложение благих намерений Царя по отношению к народному прогрессу и твердости Царя по отношению к сохранению порядка в народе. Пред Рескриптом, как пред великаном, письмо Фальковского получает характер такой мелочи, таких пустяков! Рескрипт и Манифест преисполнены нравственной силы: пред ними падают и уничтожаются противные им мнения сами собою. Вот, дорогой мой, строки, которые, уповаю, принесут Вам истинную радость накануне той радости, которую доставит всесвятая Пасха. Слава и хвала Богу, хранящему Россию! Хранение Богом России явствует, для всякого способного видеть, из Манифеста.

[1861 г.]

[1] *Соколов Л. А.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Киев, 1915. Ч. 1. С. 286–288. *Волоцкой Алексей Александрович* (1806–1875) — генерал-лейтенант, до августа 1859 г. — губернатор Ставропольского края; со святителем Игнатием был в дружеских отношениях с детства.

Ответ святителя Игнатия Великому Князю Константину Николаевичу[1]

Ваше Императорское Высочество!

Исполняя волю Вашу, имею честь представить мои примечания на Проект преобразования Морских учебных заведений.

Проект составлен при таком обилии теоретических познаний, доставленных опытом и наблюдательностию, что он представляется внимательно прочитавшему его изящным, стройным, целым, радующим взор ума и прочностию своею, и определенностию, и размерами. Здравая критика должна, по мнению моему, не предпринимать тщетных усилий к изысканию недостатков, но оценить труд и высказать пред публикою полное сочувствие к нему, как к одному из залогов государственного благосостояния. Очень может случиться, что при приведении проекта в исполнение некоторые мелочи потребуют изменения; но потребуют изменения ничтожные мелочи, которые и могут быть примечены при применении проекта к делу. Проект можно уподобить кораблю, тщательно выстроенному на берегу и благовременно обеспеченному против трудностей плавания, против бурь и ветров: таков проект и в отношении к исполнению его, и в отношении к возражениям, если бы они возникли против него.

Этим кратким отзывом я мог бы ограничиться: он вполне и со всею искренностию выражает то сознание, которое образовалось во мне от прочитания проекта. Но не могу воспретить себе и нижеследующих указаний на некоторые частности проекта, возбудившие во мне особенное утешительное сочувствие. Указания послужат фактическим свидетельством пред Вашим Императорским Высочеством того, что я исполняю Вашу волю: говорю со всею откровенностию. Указания эти малочисленные: окажите милостивую снисходительность к неспециалисту! уже тридцать три года отделяют меня от мирской жизни и ее занятий, даже ученых.

1. Проект устраняет прежний порядок приема воспитанников и представляет тому, кто считает себя способным взять, так сказать, штурмом помещение в корпус на публичном состязательном экзамене. Нельзя не порадоваться этой мере, результаты которой должны быть исполнены обильной пользы, общественной и частной. Для ратоборства на экзамене явятся одни способные к морской службе, одни любители моря. Если же явится на экзамен тот, кто имеет о себе ложное понятие, признавая себя способным и будучи неспособен, такому доставится правильное понятие о себе. Это для молодого человека — великое благодеяние. Прежний порядок приема вполне неоснователен. Принимали за заслуги отца, дяди, по протекции; попадало много детей в специальное училище без всякого призвания, без всяких способностей к наукам, преподаваемым в училище. Какие были

последствия? Из сорока, примерно, учеников в классе училось должным образом десять, прочие же не занимались или занимались поверхностно по недостатку способностей, или будучи увлекаемы призванием к другим предметам. Мертвость не способных и не желающих учиться очень вредно действует на способных и любителей науки. По выпуске из специального училища все не чувствовавшие призвания к роду службы и не способные к нему спешили, при первой возможности, перейти в другой род службы, к которому они чувствовали наклонность и способность, тем более, что не способные к одному разряду наук часто бывают весьма способны к другому. Правительство тратилось напрасно, тщетно трудясь над специальным образованием не способных к нему многих молодых людей, а для этих молодых людей драгоценные годы, проведенные в училище, были невозвратно потеряны. Новый способ приема устраняет невзгоды, и служебную и частные. В Морские училища вступает группа молодых людей с односторонним, исключительным направлением, с способностями, соответствующими направлению. Это доставит единство обществу учащихся: оно, как единомысленное общество живых членов, должно оказать несравненно лучшие успехи в науках, нежели общество с направлением разносторонним и с многими мертвыми членами. Чтоб сохранить энергию в обществе учащихся, необходимо без всякой задумчивости исключить из него тех членов, в которых начнет замечаться мертвость.

2. Столько же важен по отношению к служебной и частной пользе тщательный медицинский осмотр вступающих в учебное заведение. Родители, родственники и протекторы отдают в училище дитя, лишь бы поместить его куда-нибудь, по большей части не зная состояние здоровья дитяти, суммы его телесных сил и того, каких сил и какого здоровья требует род службы, предназначенный для дитяти. По этой причине случается, что дети слабых сил и здоровья, но способные и прилежные, усиливаются учиться хорошо, оказывают хорошие успехи, поддерживаются начальством, но постепенно, неприметным образом, истощаются, теряют окончательно здоровье и на всю жизнь делаются бесполезными для себя и для общества.

3. Нельзя не порадоваться от души предполагаемому соединению в Морских училищах теоретического преподавания с обильным практическим. Это предположение Проекта должно быть принято всеми специальными военными учебными заведениями: так оно верно! такой обильнейший плод ясно усматривается в

результатах его всяким, опытно знакомым с недостатками прежнего преподавания! В старинные времена инженерный офицер впервые видел крепость тогда, когда приезжал в нее на действительную службу. Коротко известное ему из науки и по чертежам делалось вполне новым, когда он в первый раз видел — это коротко известное в натуре. Таково свойство способности человека воспринимать впечатления. Получить впечатления от чертежей совсем не точно — получить впечатления от самих предметов. Стяжавший впечатления от чертежей и имеет только впечатления чертежей: впечатления от предметов ему надо приобретать снова, потому что предмет и чертеж предмета суть два различествующие между собою предмета, а отнюдь не одно и то же. Это относится ко всей материальной... и фортификации и артиллерии и мореходного искусства. Даже и изучение деятельной Богословии является совершенно иным в результатах своих, когда не довольствуются одним теоретическим изучением христианских добродетелей, а к теоретическому присовокупляют практическое. Чертежи очень помогают к точнейшему изучению предмета, когда он известен в натуре. По этой причине при осмотре предметов особенно полезна съемка их от руки, как то с решительностию доказал самый опыт. Такая съемка не отнимает много времени, но необыкновенно усиливает впечатление, производимое предметами, развивает понятие о предметах и изощряет способности. Например: кто ознакомился из науки с артиллерийскими орудиями и рассмотрел их по чертежам, тот имеет о них теоретическое полное познание; кто, сверх того, имел возможность осмотреть орудия в натуре, тот имеет о них познание уже более отчетливое и самостоятельное; кто же потрудился заняться съемкой орудий от руки, тот только, можно с достоверностью сказать, изучил их окончательно и вполне удовлетворительно. Правильная съемка отнимает много времени для одного какого-либо предмета и препятствует ознакомлению с другими предметами, столько же нужными; она должна быть известна офицерам, назначенным не для чертежной, в известной степени; но съемке от руки необходимо дать развитие. Способность подчиняться впечатлениям так важна в человеке, что даже при изучении математики те учащиеся, которые изучают ее единственно по книге, оказывают гораздо меньшие успехи, нежели те, которые принимают на себя труд собственноручно на бумаге или на грифельной доске практиковаться в математических выводах. Занимавшиеся при помощи сего способа сознавались и уверяли, что анализ какой-либо теоремы, тщательно ими написанный на

бумаге или на доске, напечатлевался по подобию картины в их воображении и способствовал к самому ясному пониманию истины, заключавшейся в теореме. Способность принимать впечатления особенно сильно действует в детях и молодых людях. Этою способностию, хотя и большею, но ограниченною по ограниченности всех свойств человека, надо пользоваться весьма благоразумно и осторожно, не тратя ее понапрасну, не допуская ей развлекаться по множеству предметов, но сосредоточивая ее на существенно нужном по назначению человека. Надо ожидать величайшей пользы, если стены комнат в Морских училищах будут усеяны правильными рисунками знаменитейших европейских судов, гаваней, приморских крепостей: дитя, в минуты свободы, рассматривая рисунки для удовлетворения любопытства, подвергается, незаметно для самого себя, полезнейшим впечатлениям. Рисунки должны быть правильны: рассматривание рисунков, при составлении которых допущена свобода воображению художника, столько же вредно для правильности понятий о предметах, сколько чтение исторических романов для приобретения и сохранения верных познаний в истории. Самый плац, или двор, где играют дети, должен быть наполнен моделями пушек, батарей и прочих предметов, впечатлениями которых должно наполняться воображение детей. По возможности все эти предметы должны быть в натуральном виде для правильности впечатлений и столько простой работы и дешевой цены, чтоб могли быть удобно починиваемы и заменяемы новыми в случае повреждения. Во времена оные в Инженерном училище имелись весьма дорогие, затейливые модели некоторых европейских крепостей; даже домы, находившиеся в крепостях, были и в моделях, а в домах была мебель. Эти дорогие модели показывались тщательно посетителям училища, а учащиеся почти не видали их, будучи не допускаемы к ним с тою целию, чтоб кто-нибудь из них по неосторожности не повредил столика или стулика в каком-нибудь домике драгоценной модели.

4. Положенное Проектом количество наук для Морских учебных заведений и распределение преподавания их заслуживает полного одобрения. Доселе не обращаемо было должного внимания на то, что излишество познаний отнимает у них качество. Ум человеческий, если предоставлено ему будет обширное поприще деятельности в длину и в ширину, или на поверхности, никак не может действовать в глубину, или, ум, приобретая во множестве познания, не может приобретать познаний основательных. При

таком, можно сказать, великолепном благоустройстве, которое ожидает Морские учебные заведения, нельзя не пожелать, чтоб в свое время учебные руководства явились в печатных книгах, а не в одних литографированных записках. Печатные учебники составятся по естественному ходу дел человеческих несравненно отчетливее, нежели записки, неизвестные публике; преподавание получит большую определенность и положительность.

5. Проект проницательно усмотрел важное условие в душе человеческой, ее естественную логику, отменив телесное наказание, дав прочим наказаниям благородный характер необходимых последствий справедливости и цели исправления, в чем заключаются уважение и любовь к человечеству, воспретив действие по увлечению страстей, в чем заключаются презрение и ненависть к человечеству. Увлекающийся страстию и необдуманностию при выговоре или наказании, во-первых, унижает и попирает человечество в самом себе, и потом в лице, подвергшемся взысканию, смешивая порок с человеком, между тем как существенная цель всякого исправления и состоит в том, чтоб отделить порок от человека. Замечено, что выговор имеет самое спасительное действие, когда делающий его энергически выставляет черную сторону порока и его пагубные последствия пред впадшим в порок, выражая вместе с этим искреннее чувство сожаления и благожелания к впавшему в порок. Столько же спасительно действие наказания, когда при назначении и исполнении его действие проистекает из вышепредложенного взгляда и ощущения. Действующего так можно уподобить вытаскивающему погрязшего в болото, очищающему его от грязи и тины, в которые он попал. Но тот, кто при выговорах и наказаниях смешивает порок с человеком и принадлежащее пороку приписывает лицу, по всей справедливости может быть уподоблен нашедшему своего ближнего погрязшем в болото, пришедшему за это в негодование на ближнего и затем втоптавшему его еще глубже в зловредную грязь и тину, в которых можно даже утонуть[2]. И топят ближних своих, не подозревая этого свойства в своих действиях, многие, думающие исправлять их. При тщательном, долговременном практическом изучении наказаний для молодых людей должно сознаться, что только два наказания должны быть допущены как существенно нужные и полезные: выговор и арест. Арест непременно должен сопровождаться диетою и удалением от всякого самократчайшего по времени общения с товарищами и со всяким лицом, могущим повредить безрассудным соболезнованием и советом тот образ мыслей, который должен сформироваться

у арестованного во время его ареста. Диета необходима по той причине, что при ней только ум виновного может возобладать над своим душевным волнением и ожесточением. Удаление от общения с товарищами и со всеми посторонними лицами необходимо потому, что разумно наказанному чрезвычайно вредно, когда он услышит, что он наказан слишком строго, что он страдает невинно, что подвергнувшие его наказанию — такие и такие. Безрассудное соболезнование уничтожает цель ареста, заключающуюся в том, чтоб молодой человек одумался, сознал свой проступок и раскаялся в нем. Чтоб помочь ему в этом, должен посещать его наставник, который обязан с кротостию внушать ему несообразность и низость его проступка и советовать ему принести чистосердечное раскаяние, потому что только при искреннем раскаянии возможно прочное исправление, относительно подвергшегося аресту необходимо соблюдать кротость, соединенную с твердостию. Кротость спасительно действует на наказанного, фактически удостоверяя его, что к нему нет враждебного чувства, а твердость необходима для того, чтоб наказание принесло плод свой. Иначе оно может быть только вредным. Срок ареста должен быть определен раскаянием арестованного. Когда он принесет раскаяние, то это служит признаком, что врачевство — наказание — произвело спасительное действие; дальнейший прием лекарства был бы вполне нелогичен. Напротив того, выпуск из-под ареста прежде принесения раскаяния арестованным может подействовать на его нравственность весьма вредно. В некоторой иноческой обители настоятель занимался, по преданию Православной Церкви, нравственным воспитанием молодых людей, вступавших в эту обитель. Помощником его был иеромонах весьма благочестивой жизни, сочувствовавший ему в его занятии. Наказаниями были выговор в вышеприведенном духе и арест. Иеромонах посещал трижды в день арестованного, доставляя ему все нужное, наблюдая, чтоб прописанная диета сохранялась в точности, чтоб устранение от общения со всеми, не понимающими таинств исправительной системы, соблюдалось со всею строгостью, увещевая самою кроткою и наблюдательною беседою арестованного, чтоб он сознал себя виновным, а наказание справедливою мерою и раскаялся. После каждого посещения иеромонах приходил к настоятелю и передавал ему о состоянии арестованного, называя его несозревшим или созревшим. Несозревшим назывался тот, кто признавал себя правым, наказанным излишне строго, кто осуждал начальство; созревшим назывался пришедший в сознание виновности своей и в раскаяние. Созревший, по докладе о нем иеромонаха

настоятелю, обязывался написать к настоятелю письмо, в котором излагался взгляд, приобретенный арестованным во время ареста на его проступок, раскаяние и обещание исправления. После сего иеромонах выводил заключенного из уединения его и представлял настоятелю, который уже со всею любовию и участием делал ему наставление о преимуществах добродетельной жизни и о средствах, воспомоществующих молодому человеку стяжать благонравие. После сильного наказания необходимо явление любви, хотя и в весьма серьезной форме, как после операции нужны мягчительные и целительные пластырь и мазь. Таков совет святого Иоанна Лествичника[3]. Выпустить несозревшего из-под ареста — значит нанести ему и его товарищам величайший вред, как доказали единогласно все опыты. Вышедший из уединения с чувствами самомнения и ожесточения усваивает себе эти чувства. Усвоение этих чувств кладет печать на его характер и дальнейшее поведение. Он получает нерасположение к начальству; настроение своего духа он сообщает товарищам. «Нечто взяли!» — в таком роде обыкновенно выражается несозревший по выпуске из-под ареста пред товарищами своими: «Морили целые сутки или двои под арестом, безбожные! сами бы попробовали на одних щах и хлебе с водою побыть! допытывали, допрашивали — ничего не сказал! Прав, да, прав, да и только! Скажи-ка я, что такой-то нищий принес мне водки! Нищего ушлют, оставят без насущного хлеба, и лазейку плотно закупорят: тут и пропадай все. Странное и глупое требование людей, отживающих век, от молодого человека, чтоб он никогда не повеселился в просторе души. Без простора нет веселья. Я сказал им: хоть неделю держите, а я ничего знать не знаю: вам показалось, что я пьян! у вас обо мне, не знаю с чего, самые дурные мысли! между тем я получил письмо, что мой дядюшка, который был мне вместо отца, умер, и я с печали сделался сам не свой... При этих словах я навзрыд заплакал; плачу, а в душе хохочу! Поверили, дураки: выпустили. Вот как надо с ними делать! не то что такой-то! посидел всего восемь часов и расплылся: всё им сказал, а они, уже известно, по-своему распорядились».

Грех имеет свою ломку, свою правду, свою силу слова! Такой яд быстро разливается в обществе юности, а потому одно условие освобождения от ареста есть истинное раскаяние, фактически доказываемое немедленным исправлением. Неспособный к раскаянию должен быть тотчас исключаем из общества, как давший знать о себе, что он неисправим, и как верный залог общественного повреждения. Молодежь сметлива. Если она увидит,

что власть начальника и воспитателя, несмотря на свою кротость, исполнена твердости и решительности, что она не колеблется ни нежностию, ни лестию, заставляющими начальника отступать от требований благоразумия и истинной любви, то получает уважение и доверенность к власти и принимает относительно ее стройное, почтительное положение. Кроткая, вежливая просьба начальника признается приказанием, которое надо исполнить и исполнить.

Свойственно человеку думать о ближнем так, как о нем думали или думают, поступать с ближним так, как с ним поступали или поступают. Особливо дитя смотрит почти всегда на своих воспитателей и учителей без анализа, с доверчивостию, и усваивает себе на всю жизнь их понятия и правила. По этой причине на начальнике Учебного заведения и его помощниках лежит важная обязанность стяжать христианские нравственные правила и со всею тщательностью наблюдать, во-первых, за собою, удерживая себя от увлечения страстями, в особенности удерживая себя от всякого действия в минуту увлечения страстию. Человек не может не иметь страстей: надо научиться владеть ими. Образ обращения и действия воспитателей по отношению к воспитанникам впоследствии будет служить руководством для воспитанников в обращении и образе действий их относительно человечества. Надо иметь убеждение, а оно очень скоро приобретается наблюдением за собою и за другими, что во время увлечения гневом человек говорит и делает одни глупости, — что в то время, когда он увлекается тщеславием, тогда он делается смешным и очень способным к обольщению. Начальники, предающиеся этим двум страстям пред своими подчиненными, теряют их уважение и уничтожают искренность в отношениях с собою. — Телесные наказания, жестокие выговоры, проявление страстей в воспитателе, проявление его эгоизма, действуют убийственно на нравственность воспитанников. Неправильный взгляд на человека видел в таком обращении необходимое условие подчиненности: опыт показывает совершенно противное. Нет ничего вреднее для подчиненности и вообще для нравственности человека, как лишение его прав, принадлежащих ему, может быть, не понимаемых им с отчетливостию, но непременно ощущаемых в духе. Человек, которого права попраны, теряет уважение к правам других. Воспитанник, дитя и юноша, имеет свои права, как человек и гражданин. Ему необходимо дать правильное понятие о этих правах, ввести его в правильное познание прав, принадлежащих его ближним, усвоить ему уважение

прав. Чтоб он уважал права других, необходимо уважать его права. Как гражданское общество должно признать истинно свободным? то, которому доставлены все права, которыми только можно пользоваться на земле человеческому обществу, безвредно для себя, которого члены получили правильное понятие о правах своих и свято хранят эти права во всех своих взаимных отношениях. Такого состояния не может достичь общество иначе, как правильным воспитанием юношества в нравственном отношении. Воспитанный в таком направлении молодой человек сделается наилучшим подчиненным: понимая и уважая права гражданского общества, в том числе и свои, он будет понимать и уважать права своего начальника, он будет ненарушимо хранить их, исполнять его приказания одинаково и пред глазами его, и вне его взоров. Такой образ воспитания формирует характеры благородные, с искренностию и прямотою, не способные к лести. Воспитатель имеет необходимую нужду научиться различению слова искреннего и прямого от слова дерзкого, различению уважения и вежливости от ласкательства, непременно соединенного с неблагонамеренностию. Всему этому может наставить наблюдение за собою при свете евангельского учения. Предпринявший изучение высокой науки в самом себе — христианской психологии — сколько ни будет усовершать себя, всегда найдет необходимым еще большее совершенствование и будет пользоваться всеми способами, доставляющими ему совершенное познание. Одним из важнейших средств к изучению человека в самом себе есть искренность с нами наших близких. Словом прямым никак нельзя оскорбляться, лишь бы оно не было вместе и дерзко. Отвергающий искренность и прямоту ближнего отвергает свое нравственное совершенствование, и, как нравственность не может быть без движения, подвергается нравственному упадку.— Когда при воспитании, при неправильном понятии воспитателя о подчиненности, будут попраны все права воспитанника, будет стоптано в грязь то уважение, которое он должен иметь к себе, как к человеку, как к образу Божию, тогда в воспитаннике уничтожается чувство чести. Здесь говорится не о тщеславии и любви к почестям, но о сознании и чувстве своего назначения и достоинства, своих прав. С утратою чувства чести, с утратою сознания прав своих в молодом человеке уничтожается сознание прав всего человечества. Добросовестность, благонамеренность, стремление к общественному благу заменяются унизительным, мелким эгоизмом. Подчиненность заменяется одною человекоугодливостию, столько порицаемою в Священном Писа-

нии[4], состоящею в угождении страстям начальника при полном презрении к нему, ко всем его предначертаниям, распоряжениям и приказаниям. Человекоугодливость пресмыкается пред начальством в глазах его, льстит ему, лицемерствует и притворяется; за глазами она насмехается над ним, хвастается своим умением обманывать, дурачить его своими нарушениями его воли, своим искусным искажением и уничтожением его планов. Благополучие и достояние ближних, благополучие и достояние государства не составляют неприкосновенной святыни для потерявшего честь и совесть, для потерявшего понятие о правах. Он над всем смеется, как утративший уважение ко всему, и считает глупостию не принести в жертву, когда на то представляется случай и возможность, общественную пользу своим эгоистическим, гнусным по их низости и зловредности, видам. Вся забота утратившего честь заключается в том, чтобы соблюсти некоторую благовидность при помощи лжи, лицемерства, обмана, клеветы и прочих всех подлостей. Воспитание, которое Проект предполагает доставить молодым людям в Морских учебных заведениях, ручается за то, что эти заведения доставят Государству должностных людей, высоко ценящих благо ближнего и общественное. Замечено, что шалунами обыкновенно бывают не занимающиеся науками. Спасительна мера для общества молодых людей — немедленно исключать из этого общества членов, оказавшихся малонадежными по способностям и поведению, а не тратить понапрасну времени и трудов на исправление неисправимых, отравляющих все общество. Скажут: такое исключение из общества может слишком уменьшить общество, а желающих вступить в него напугать и отклонить от вступления. Опыт доказывает противное. Повторим: молодежь сметлива. Можно ручаться, основываясь на опытах, что исключение немногих членов приведет оставшихся к необыкновенной бдительности над собою, сделает наказания почти ненужными и крайне редкими, а через это возвысит общество в нравственном отношении, вселит уважение и доверенность к нему в публике, привлечет в него множество самых полезных членов.

Этим ограничиваю мои замечания. Мне остается принести Вашему Императорскому Высочеству всесовершенную признательность за доставление мне истинного сердечного утешения ознакомлением меня с Проектом преобразования Морских учебных заведений. В нем я нашел опору многим моим думам; нашел отчетливо изложенным то, что сознавал безотчетливо; нашел много наставлений, которые пригодятся мне, если на то последует Божие

благоволение, в моем служении. — Остается мне пожелать, чтоб предначертание Вашего Высочества увенчалось благополучнейшим успехом, по завещанию Священного Писания, которое говорит: *начный в вас дело благое совершите* (Флп. 1. 6).

Призывая на это дело всеобильное благословение Божие с чувствами глубочайшего почтения и всесовершенной преданности имею счастье быть

Вашего Императорского Высочества [покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский].

Декабрь 1861 года

[1] Как человек глубоко образованный, Преосвященный Игнатий был всегда на стороне всего разумного и сочувствовал всякому полезному движению. В 1860 г. председатель Адмиралтейств-совета Великий Князь Константин Николаевич (1827–1892) обратился к нему с письмом от 7 октября 1860 г. за № 2263, в котором, препровождая экземпляр составленного адмиралом Графом Е. В. Путятиным (1804–1883) проекта преобразования Морских учебных заведений с учреждением в Петербурге новой гимназии, просил Владыку Игнатия «принять на себя труд, в особенное личное мне одолжение, сообщить мне, совершенно откровенно, свои замечания на этот проект». Вследствие этого письма явился настоящий ответ Великому Князю. — *Примеч. Л. Соколова.*

[2] Эта мысль принадлежит преподобному Антонию Великому. Достопамятные сказания Отцов, гл. 29.

[3] Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Слово особенное к пастырю, гл. 15.

[4] Пс. 52. 6; Гал. 1. 10; Еф. 17. 6; Кол. 3. 22.

Владимир Воропаев

Обер-прокурор Святейшего Синода граф А. П. Толстой

Письма святителя Игнатия Брянчанинова к графу Александру Петровичу Толстому (1801–1873) относятся ко времени пребывания последнего на посту Обер-прокурора Святейшего Синода. По свидетельству современников, это был один из умнейших и образованнейших людей своего времени[1]. Т. И. Филиппов, служивший при графе Толстом чиновником особых поручений по вопросам Восточных Православных Церквей, вспоминал: «Летом 1855 года мне пришлось чрез заочное посредство познакомить графа с И. В. Киреевским, от которого, по возвращении моем в Москву, вместе с благодарностию за устроенное мной знакомство, я услышал следующие, навсегда сохранившиеся

[1] См.: *Мещерский В. П.* Мои воспоминания. СПб., 1912. Ч. 3. С. 341.

в моем сердце слова: “Легче становится жить после встречи с таким человеком, как граф Александр Петрович”»[1].

Ввиду редкости сведений о графе Толстом приведем о нем подробную биографическую справку. Он происходил из русского дворянского рода середины XIV в. Его отец — член Государственного совета (с 1823), генерал от инфантерии (1814) граф Петр Александрович Толстой (1770–1844); мать — княжна Мария Алексеевна Голицына (1772–1826). Граф Александр Петрович Толстой родился в Санкт-Петербурге, получил домашнее образование и рано начал военную службу: шестнадцати лет юнкером вступил в лейб-гвардии Артиллерийскую бригаду, через два года был переведен в гвардейскую Конную артиллерию, а еще через два года произведен в офицеры с зачислением в Кавалергардский полк и назначен адъютантом начальника штаба 1-й армии генерала И. И. Дибича (впоследствии графа Дибича-Забалканского, генерал-фельдмаршала). В 1824–1826 г. находился в походах с экспедицией по обозрению Каспийского и Азовского морей и истреблению морских разбойников, принимал участие во всех военных действиях отряда и был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. По возвращении из экспедиции он оставил военную службу и в конце 1826 г. поступил в Коллегию иностранных дел и причислен к посольству в Париже (сверх штата), которое возглавлял в то время граф К. О. Поццо ди Борго. В следующем году Толстой был отправлен с дипломатическим поручением в Константинополь, откуда ездил, как сказано в его послужном списке, «в окрестные страны для военно-топографических описаний и с секретными поручениями». Затем, по объявлении в 1828 г. войны Турции, граф Толстой снова вступил в военную службу в тот же Кавалергардский полк и принимал участие в походах и военных действиях под командованием генерала Дибича. За отличие при взятии турецких крепостей Айдаса и Бургаса награжден орденами Св. Анны 3-й степени с бантом и 2-й степени с золотой шпагой с надписью «За храбрость». В августе 1829 г. Толстой назначен флигель-адъютантом к Императору Николаю I, однако после окончания войны решил продолжать службу по Министерству иностранных дел (бывшей Коллегии) и в феврале следующего года вышел в отставку. В 1830 г. он получил придворное звание камергера и назначение первым секретарем Русской миссии в Греции. Это назначение не устроило

[1] Гражданин. 1874. № 4. 29 января. С. 113.

его, и он перешел в Министерство внутренних дел, возглавлявшееся в ту пору графом А. А. Закревским. В 1831 г. Толстой служит сначала управляющим, а затем директором Хозяйственного департамента (впоследствии Министерства государственных имуществ). В 1834 г. он уже действительный тайный советник, занимает пост Тверского гражданского губернатора, а с декабря 1837 г. — военного губернатора в Одессе в чине генерал-майора, с управлением и гражданской частью. Эту должность граф Толстой занимал до февраля 1840 г., когда после конфликта с князем М. С. Воронцовым, новороссийским генерал-губернатором, вышел в отставку и уехал за границу. С той поры в течение пятнадцати лет он стоял в стороне от государственной и общественной деятельности. К службе граф Толстой вернулся в мае 1855 г., во время Крымской войны, когда принял должность начальника Нижегородского ополчения, и в дальнейшем занимал крупнейшие государственные посты — Обер-прокурора Синода (с 1856 по 1862 г.), затем до конца жизни был членом Государственного совета. С декабря 1856 г. — генерал-лейтенант. В 1859 г. награжден знаком отличия беспорочной службы за двадцать лет, орденом Владимира 2-й степени с мечами, крестом греческого ордена Спасителя; в 1862 г. — орденом Белого Орла. В 1839 г. избран почетным членом Одесского общества истории и древностей Российских.

Выразительную характеристику графу Толстому после назначения его Обер-прокурором Синода дал философ и публицист Н. П. Гиляров-Платонов в письме к протоиерею А. В. Горскому, профессору, а впоследствии ректору Московской Духовной академии: «Трудно найти человека, более преданного Церкви, более готового на всякое улучшение и в то же время менее склонного проводить какие-нибудь личные расчеты в управлении столь важною частию. <...> Он принадлежит к разряду тех людей, которых я не умею иначе охарактеризовать, как назвать их *оптинскими* христианами. Это люди, глубоко уважающие духовную жизнь, желающие видеть в духовенстве руководителей к духовной высоте жизни, жаждущие, чтобы православное христианство в России было осуществлением того, что читаем в Исааке Сирине, Варсонофии и проч. И он сам в своей жизни именно таков. Никто менее не способен мириться с казенностью, с формализмом и с мирскою суетой в деле Христианства»[1]. Т. И. Филиппов

---

[1] Русское Обозрение. 1896. № 12. С. 997.

в части воспоминаний о Толстом, оставшейся неопубликованной, пишет: «Назначение графа Александра Петровича Обер-прокурором Св. Синода последовало (20 сентября 1856 г.) во время пребывания Государя (Александра II. — *В. В.*) в Москве по случаю венчания на царство и, при всей своей неожиданности, никого не изумило, напротив, всем показалось совершенно естественным: так успел уже сложиться и отпечататься в общем представлении вполне соответствовавший этому назначению его нравственный образ. Сам он принял это внезапно и мимо его воли совершившееся назначение за призвание, которому он обязан был повиноваться, и в этой мысли находил успокоение от тех внутренних тревог, которых он не мог не испытывать при живом представлении сопряженных с его избранием многоразличных и трудных задач, при его утонченной добросовестности и при ясном сознании неправильности установившихся отношений Обер-прокурора к Св. Синоду»[1]. «Пять с половиною лет его службы в обер-прокурорской должности, — сообщает о графе Толстом Русский биографический словарь, — совпали с началом реформ царствования Императора Александра II, коснувшихся и Духовного ведомства. Изданная переписка его с Московским митрополитом Филаретом свидетельствует, что он принимал живое деятельное участие в разнообразных важных делах синодального и епархиального управления этого времени. Особенное внимание его привлекали вопросы о мерах к возвышению положения лиц Духовного ведомства — об улучшении духовно-учебной части, о правах монашествующих распоряжаться своим имуществом; к предпринятому по мысли Митрополита Филарета переводу Священного Писания на русский язык Т<олстой> относился с крайней осторожностью. “Мы весьма счастливы, что в настоящее время он у нас, — писал о графе митрополит Санкт-Петербургский Григорий, — при всем затруднении, он много помогает нам и много действует в нашу пользу”».

А. О. Смирнова рассказывает о своеобразной ревизии, которую граф Толстой провел в бытность свою тверским губернатором: «Раз он поехал в уездный город и пошел в уездный суд, вошел туда, помолился пред образом и сказал испуганным чиновникам, что у них страшный беспорядок. “Снимите-ка мне ваш образ! О, да он весь загажен мухами! Подайте мел, я вам покажу, как чистят ризу”. Он вычистил его, перекрестился и поста-

[1] Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 1.

вил его в углу. “Я вам изменю киоту, за стеклом мухи не заберутся, и вы молитесь; все у вас будет в порядке”. Ничего не смотрел, к великой радости оторопелых чиновников; и с чем приехал, с тем уехал...»[1]

Толстой с сочувствием отнесся к патриотическому начинанию М. П. Погодина, когда тот начал выпускать журнал «Москвитянин». В 1841 г. Погодин записал в своем дневнике: «Поутру был граф Толстой, с которым много говорили о России нынешней и прошедшей. Журнал ваш запретят, сказал он, потому что в нем слишком ясен Русский дух и много Православия. Есть какая-то невидимая, тайно действующая сила, которая мешает всякому добру в России. Верно, она имеет свое начало в чужих краях, трепещущих России и действующих чрез золото»[2]. В 1832 г. Н. А. Муханов засвидетельствовал в своем дневнике, что граф Толстой нашел общий язык с А. С. Пушкиным в вопросе о патриотизме[3].

В 1833 г. Толстой женился на дочери князя Г. А. Грузинского Анне Георгиевне. Брак этот был не совсем обычен. А. О. Смирнова пишет о Толстых в своих записках: «Тридцати пяти лет княжна вышла замуж за графа Александра Петровича Толстого, святого человека. Он подчинился своей чудовине (чудачке. — *В. В.*) и жил с нею как брат»[4]. Анна Георгиевна была правнучкой грузинского царевича Бакара; как и Толстой, она была прямым потомком Вахтанга VI и приходилась своему мужу четвероюродной сестрой. По отношению к себе графиня была всегда строга и не позволяла никаких прихотей и излишеств. Ежедневно, особенно на склоне лет, посещала церковь; не только неукоснительно соблюдала все посты, но считала своим долгом каждый пост говеть и приобщаться Святых Таин, что в целом было нехарактерно для современников ее круга.

У Толстых была своя домовая церковь, в которой среди многих редких икон находился образ Всех святых Грузинской Церкви, где лики были писаны с изображений, взятых из древних рукописных книг. А. О. Смирнова рассказывает, что у них квартировали семинаристы, которые «составляли препорядочный хор и пели простым напевом. Граф вывез дьяка из Иерусалима;

---

[1] *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 226. || [2] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Кн. 6. С. 53. || [3] См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. СПб., 1998. С. 221–222. || [4] *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 224.

это был такой чтец, что мог только сравниться с дьяком императора Павла Петровича; слова выкатывались как жемчуг»[1].

Интересы святителя Игнатия и графа Толстого пересеклись на имени Гоголя, вернее, на его нашумевшей тогда книге «Выбранные места из переписки с друзьями»[2]. Граф Толстой был другом Гоголя, который умер в его доме. В литературоведении за ним закрепилась репутация человека, сыгравшего в судьбе писателя роковую роль. Нередко можно встретить ссылку на слова С. Т. Аксакова, считавшего знакомство с Толстым «решительно гибельным для Гоголя»[3]. Однако если мы обратимся к личности графа и подробностям его отношений с Гоголем, то увидим иную картину. О необыкновенной скромности Толстого говорят многие факты. Например, он потребовал от М. П. Погодина убрать упоминание о себе из его некрологической статьи о Гоголе. По этому поводу П. А. Плетнев писал В. А. Жуковскому в марте 1852 г., что граф Толстой «по христианскому смирению не желает, чтобы где-нибудь выставлено было имя его как человека, оказывавшего одолжение или помощь Гоголю. На этом основании печатно нигде не упомянуто, что Гоголь и жил у него в квартире»[4]. Только после смерти Толстого стала известна его широкая, но тайная благотворительность. Протоиерей Никандр Брянцев, лично не знавший графа, рассказывает, что ни разу не получал от него отказа в помощи бедным. «Но всякое даяние его, — пишет он, — мы обязаны были передавать, не упоминая о дателе. Это было непременное, непрестанно повторяемое условие от графа. "Если я узнаю, — говорил граф, — что о моих жертвах кто-либо, даже принимающий их, известен (то есть извещен. — *В. В.*), я прекращаю дальнейшее покровительство ведомому вами (то есть мною) делу"»[5].

Гоголя привлекало в Толстом многое, в частности природная доброта, религиозная настроенность души, склонность к аскетизму. Анна Васильевна Гоголь рассказывала В. И. Шенроку со слов брата, что граф Толстой носил тайно вериги[6]. По свидетельству Т. И. Филиппова, «он усердно исполнял все постановления Церкви и в особенности был точен в соблюдении поста, которое доводил до такой строгости, что некоторые недели Великого поста

[1] Там же. С. 224–225. || [2] Отзыв святителя Игнатия о книге Гоголя см.: Т. 3. С. 600–603. || [3] *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем. М., 1960. С. 118. || [4] Сочинения и переписка П. А. Плетнева. СПб., 1885. Т. 3. С. 736. || [5] Церковно-общественный вестник. 1874. 15 февраля. № 20. С. 4. || [6] См.: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 409.

избегал употребления даже постного масла. На замечания, которые ему приходилось нередко слышать о бесполезности такой строгости в разборе пищи, он обыкновенно отвечал, что другие, более высокие требования христианского закона, как, например, полной победы над тонкими, глубоко укоренившимися от привычки страстями, он исполнить не в силах, а потому избирает по крайней мере такое простое и ему даже доступное средство, чтобы выразить свою покорность велениям Церкви...»[1]

Взаимоотношения графа Толстого и Гоголя в корне отличались от всех светских, приятельских и литературных знакомств писателя; если в дружбе Гоголя с Аксаковыми, П. А. Плетневым, М. П. Погодиным, С. П. Шевыревым главную роль играли общие литературные интересы, а также их преклонение перед его талантом, то Толстой, по его собственным словам, «вовсе не являлся поклонником сочинений» Гоголя[2]. Однако ему не была чужда сфера литературы и искусства: он был широко образованным человеком и, например, ценил и понимал поэзию. Генерал А. О. Дюгамель, подружившийся с графом Толстым в 1825 г. во время Аральской экспедиции, вспоминал: «Будучи молоды, мы в часы досуга наслаждались поэзиею. Я читал ему наизусть некоторые стихотворения Шиллера, а он, в свою очередь, знакомил меня со стихотворениями Пушкина и научил ценить их»[3]. А. О. Смирнова пишет, что Толстой дружил «с монахами Греческого подворья, бегло читал и говорил по-гречески; акафисты и каноны приводили его в восторг; они писаны стихами, и эта поэзия ни с чем не может сравниться»[4]. Начитан был граф Толстой и в духовной литературе. По словам Т. И. Филиппова, «он ежедневно и помногу упражнялся в изучении Св. Писания, знаменитых его истолкователей, а также в чтении бессмертных произведений великих отцов Церкви, из коих особенно любил св. Василия Великого как одного из величайших учителей вселенной и недостижимо высоких художников слова...»[5]. При этом святых Отцов Толстой по большей части читал в оригинале (на греческом и церковнославянском). Среди его друзей и знакомых было немало писателей, ученых и государственных деятелей — Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, А. С. Хомяков, В. И. Даль, В. Гумбольдт, граф М. Н. Муравьев, граф И. Каподистрия. По должности Обер-

---

[1] Гражданин. 1874. № 4. 29 января. С. 112. || [2] Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 755. || [3] Русский Архив. 1885. № 2. С. 187. || [4] *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 225. || [5] Гражданин. 1874. № 4. 29 января. С. 112.

прокурора Синода он знал всех иерархов Русской Православной Церкви, а также имел дружеские и официальные связи с церковными деятелями Запада и Востока. Т. И. Филиппов писал графине Анне Георгиевне Толстой в августе 1875 г.: «Память о графе Александре Петровиче хранится благоговейно во всех тех монастырях Православного Востока, которые мне удалось посетить»[1].

В доме графа Толстого Гоголь познакомился с иеросхимонахом Сергием, насельником Афонского Пантелеимоновского монастыря, литератором, писавшим под псевдонимом Святогорец. Книгу его «Письма Святогорца к друзьям своим о Св. Горе Афонской» Гоголь читал с удовольствием и учил автора держать корректуру. Весной 1850 г. отец Сергий вспоминал об одном литературном вечере: «...Тут же мой лучший друг, прекрасный по сердцу и чувствам Николай Васильевич Гоголь... <...> Я в особенно близких отношениях здесь с графом Толстым, у которого принят как домашний... <...> Граф Толстой прекрасного сердца и очень прост. По знакомству он выслал экземпляр моих писем одному из городских священников Тверской губернии, и тот читал мои сочинения в церкви вместо поучений на первой неделе Великого поста...»[2] Этим священником был, по всей видимости, ржевский протоиерей Матфей Константиновский, духовный отец Толстого и Гоголя.

Трудно сказать, в какой мере граф Толстой влиял на Гоголя. Во всяком случае, письма Гоголя к нему проникнуты тем же учительным тоном, что и по отношению к другим адресатам. Так, например, он писал ему 5 марта (н. ст.) 1845 г. из Франкфурта: «Все же, что ни говорил я относительно Великого поста и предстоящих вам подвигов говения и пощения, выполните с буквальною точностью, как бы она ни казалась вам не нужною или не идущею к делу. Наложите также на себя обет добровольного воздержания в *слове* во все продолжение этого времени...»[3]

Со времени знакомства Гоголь неоднократно жил у Толстых — в Париже, в Москве на Никитском бульваре; возможно, он бывал в родовом имении отца Анны Георгиевны в селе Лыскове. В одном из писем к ней Гоголь передает «глубочайший поклон» старому князю. Имение грузинских князей Лысково издавна славилось благолепием своих храмов и находившимися в них святынями.

---

[1] ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 1263. Л. 95. || [2] Собр. соч. и писем Святогорца к друзьям своим о Св. Горе Афонской, Палестине и русских святых местах. СПб., 1865. Т. 4. С. 39. || [3] *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 9. С. 308. (Далее — Собр. соч.).

Около пятидесяти лет здесь сохранялся Крест святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии, который она получила от Матери Божией с повелением идти проповедовать христианство в Иверию. В пяти верстах от Лыскова располагалась знаменитая нижегородская Макарьевская ярмарка, к которой Гоголь проявлял особенный интерес. В его записной книжке содержится выписка «О Нижегородской ярмарке», а также заметка «Сведения о Лыскове» (этими материалами Гоголь намеревался воспользоваться во втором томе «Мертвых душ»). Сразу после нее — запись: «Дела, предстоящие губернатору», навеянная разговорами с графом Толстым. В генерал-губернаторе из второго тома многие видели Александра Петровича. Гоголь относил его к категории людей, «которые способны сделать много у нас добра при нынешних именно обстоятельствах России, который не с европейской заносчивой высоты, а прямо с русской здравой середины видит вещь» (из письма к Н. М. Языкову от 12 ноября н. ст. 1844 г.), и побуждал заняться государственной деятельностью. В книге «Выбранные места из переписки с друзьями» к графу Толстому обращены семь писем-статей — больше, чем к кому-либо из других адресатов. Личная переписка Гоголя с Толстым была весьма обширна, но после смерти писателя Толстой свои письма, возможно, уничтожил. Во всяком случае, весной 1852 г. он сообщает сестре, графине Софье Петровне Апраксиной, что, разбирая гоголевские бумаги, изымает свои и ее письма к покойному — действие, из которого некоторые исследователи вывели заключение едва ли не о «краже» Толстым рукописей второго тома «Мертвых душ». Подобное предположение противоречит мнению современников о личности графа Толстого. Так, например, В. А. Жуковский, чей нравственный авторитет был необычайно высок, справляясь у П. А. Плетнева об обстоятельствах смерти Гоголя, писал в марте 1852 г.: «Где он жил в последнее время в Москве? Верно ли, что у графа? Если так, то бумаги в добрых руках, и ничего не пропадет»[1].

До нас дошли два письма графа Толстого к Гоголю. Одно из них, из Парижа, датированное 5 августа (н. ст.) 1847 г., — ответ на письмо Гоголя из Остенде от 27 июля (н. ст.) того же года. В начале его Толстой передает наставления парижского доктора Груби, затем переходит к положению на Кавказе. Некоторые мысли и даже выражения графа Толстого созвучны Гоголевским инто-

[1] Сочинения и переписка П. А. Плетнева. Т. 3. С. 733.

нациям, особенно в «Выбранных местах из переписки с друзьями». «Дела Кавказские и многие другие, — пишет он, — очень, конечно, грустны, но этого рода события подходят к наказаниям праведнейшего Судии, подобным холере, неурожаям и т. п. Меня не столько огорчают приговоры и наказания, сколько ослепление, ведущее неминуемо к новым неведомым несчастиям. Меня ужасает всеобщее, единодушное и постоянное угождение всем презреннейшим страстям и похотям человеческим. И власти предержащие, и литераторы, и художники, и ученые, и промышленники, а в Риме, кажется, и сама Церковь — все дружно сами пустились и других тащат на широкий путь»[1]. Широкий (то есть легкий) путь — антитеза пути узкому (трудному), как в православной аскетике называют путь ко Христу (см.: Мф. 7. 14).

И далее, упомянув о том, что он прочел новую и довольно подробную историю Испании от времен Филиппа II, граф Толстой сравнивает политику русского правительства с аналогичными моментами в истории испанской: «И на них возложено было многое от Провидения, и им следовало быть устроителями целой части света, и им даны были и многие силы, и великие орудия, и мужество, и богатство; но они богатство обратили в роскошь неслыханную и небывалую, от которой весь высший класс пришел в совершенное расслабление и даже одурел (начиная с Царского дома), как в наказание за беспечность в Америке. Впрочем, что бы я ни читал, везде мне чудится Россия...»[2] В ответном письме к графу от 8 августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь развивает эти темы.

Второе письмо Толстого к Гоголю — черновое и недатированное — писано в Москве и относится, очевидно, к концу зимы — началу весны 1851 г. Толстой сообщает Гоголю о разных московских новостях и общих знакомых, говорит о своей уединенной жизни и занятиях: «Большею частью я читаю и перечитываю давным-давно Вам известное — такое, что всегда ново и всегда питает»[3].

Святитель Игнатий, по-видимому, знал о дружеских отношениях Гоголя и графа Толстого. Напомним отзыв святителя (в ту пору архимандрита, настоятеля Троице-Сергиевой пустыни) о книге Гоголя: «Виден человек, обратившийся к Богу с горячностию сердца. Но для религии этого мало. Чтоб она была истинным светом для человека собственно и чтоб издавала из него

[1] РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 51; см. также: *Гоголь Н. В.* Собр. соч. Т. 9. С. 585. || [2] РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 51; см. также: *Гоголь Н. В.* Собр. соч. Т. 9. С. 585. || [3] РГБ ОР. Ф. 302. К. 5. Ед. хр. 55.

неподдельный свет для ближних его, необходимо нужна в ней *определительность*, и *определительность* сия заключается в точном познании истины, в отделении ее от всего ложного, от всего лишь кажущегося истинным».

«Но одной чистоты, — продолжает святитель, — недостаточно для человека: ему нужно оживление, вдохновение. Так, — чтоб светил фонарь, недостаточно часто вымывать стекла, нужно, чтоб внутри его зажжена была свеча.

Сие сделал Господь с учениками Своими. Очистив их истинною, Он оживил их духом Святым, и они соделались светом для человеков. До приятия Духа Святаго они не были способны научить человечество, хотя уже и были чисты. <...>

Правда, есть у человека врожденное вдохновение, более или менее развитое, происходящее от движения чувств сердечных. Истинна отвергает сие вдохновение как смешанное, умерщвляет его, чтоб Дух, пришедши, воскресил его обновлением состояния. Если же человек будет руководствоваться прежде очищения истинною своим вдохновением, то он будет издавать для себя и для других не чистый свет, но смешанный, обманчивый, потому что в сердце его лежит не простое добро, но добро, смешанное со злом более или менее».

Применив эти основания к книге Гоголя, святитель Игнатий заключает: «...она издает из себя и свет и тьму. Религиозные его понятия не определены, движутся по направлению сердечного вдохновения, неясного, безотчетливого, душевного, а не духовного. <...> Книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы истины. Тут смешано. Желательно, чтоб этот человек, в котором видно самоотвержение, причалил к пристанищу истины, где начало всех духовных благ». В заключение святитель советует своим друзьям читать святых Отцов, «стяжавших очищение и просвещение, как и Апостолы, и потом написавших свои книги, из коих светит чистая истинна и кои читателям сообщают вдохновение Святаго Духа»[1].

Святитель Игнатий сам был превосходным писателем, а став монахом, он сделался и богословом. Его отличает умение с редкой ясностью и стройностью передать сущность сведений, почерпнутых из творений святых Отцов. Из письма видно, что он понял искреннее стремление Гоголя к аскетическому деланию и познанию истины. Но он увидел также, что Гоголь не

[1] См.: Т. 3. С. 601.

очистился еще от страстей, которые и окрасили его книгу, замышлявшуюся им более богословской и учительной, чем художественной и публицистической. Истина, считает святитель Игнатий, и исказилась в этих письмах благодаря страстям автора. Из-за них на всем, что выходит из-под пера писателя, неизбежно будет лежать отпечаток неизжитого греха. Не очистившийся покаянием, не приобретший истинного смирения не может отделить правду от лжи, зло от добра. Его оценки, суждения всегда будут несовершенными, погрешительными. «Человек вверяется лжи, думая, что он доверяет чистейшей истинне», — говорил святитель[1].

В отзыве о книге Гоголя святитель Игнатий точно определяет путь духовного восхождения человека (равно и писателя, дерзающего говорить о предметах духовных): «Сей ход должен совершиться с каждым христианином, христианином на самом деле, а не по одному имени: сперва очищение истинною, а потом просвещение Духом»[2]. Святитель Русской Церкви показывает ту высоту, с которой именно и необходимо браться за подобные труды. Он напоминает об Апостолах, которые до принятия Духа Святого не имели возможности нести истину ближним. За Апостолами стоит святоотеческая литература, то есть богословские и аскетические книги, в которых говорит Дух Святой и не видно личности автора. У Гоголя же наоборот — «смешение», то есть автор предстает со всеми своими страстями, и это наряду со «светом» (то есть крупицами истины).

Святитель Игнатий оценивает книгу Гоголя очень точно. Он пишет, что автор прежде очищения истиной руководствовался своим вдохновением, и поэтому книга его издает для читателя не чистый свет, но смешанный, обманчивый, потому что в сердце его живет не простое добро, но добро, смешанное со злом более или менее. В заключение письма святитель, не говоря этого прямо, советует всем друзьям своим не читать духовных сочинений светских писателей и предлагает им «по отношению к религии заниматься единственно чтением святых Отцев»[3].

Мнение святителя Игнатия о «Выбранных местах из переписки с друзьями», как видно, разделяли и Оптинские старцы. В библиотеке Оптиной Пустыни хранился экземпляр книги Гоголя с вложенным в нее отзывом Святителя, переписанным рукой

[1]См.: ПСТ. Т. 3. С. 44. ‖ [2] Т. 3. С. 601. ‖ [3] Т. 3. С. 601.

преподобного Макария[1]. Неизвестно, каким путем отзыв попал в Оптину; возможно, его привез сам Гоголь, трижды посетивший монастырь. 10 июля 1850 г. он писал графу Толстому из Васильевки: «Я заезжал на дороге в Оптинскую пустынь и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше. Благодать видимо там присутствует. <...> Вы постарайтесь побывать в этой обители...»[2]

Сразу после смерти Гоголя граф Толстой послал в Оптину Пустынь извещение и пятнадцать рублей серебром на помин души новопреставленного. Помня завет Гоголя, Толстой всю оставшуюся жизнь поддерживал дружеские связи со святой обителью. Он переписывался с Оптинским старцем преподобным Амвросием и собирался поселиться в Иоанно-Предтеченском скиту. Промыслительные обстоятельства сопровождали и самую кончину графа. Летом 1873 г. на обратном пути из Иерусалима он умирал в Женеве и отказывался исповедоваться и причащаться у местных священников. Оптинского инока отца Климента (Зедергольма), которому граф ранее много покровительствовал и которого он был крестным отцом, в несколько дней рукоположили в иеромонаха и отправили за границу. В Женеве он исповедал и дважды причастил Александра Петровича, который умер на его руках.

В сороковой день по кончине графа архимандрит Григорий (Палама) сказал о нем в Московском Донском монастыре: «Мне самому пришлось быть свидетелем его теплых молитв, его сердечного умиления при посещении им святых мест в Иерусалиме, его горячих и полных верою, любовью и упованием к Господу Богу слез, которыми он ежедневно орошал живоносный Гроб Спасителя нашего. Такое твердое хранение Православия во всей его неприкосновенной чистоте и теплая вера, какая была у покойного, в наш век всеобщего уклонения от истинного христианства и Православия делали его поистине одним из немногих избранных»[3].

---

[1] См.: Н. В. Гоголь, И. В. Киреевский, Ф. М. Достоевский и К. <Н.> Леонтьев пред старцами Оптиной Пустыни. Начальника Оптинского скита о. Иосифа. М., 1897 / Отд. оттиск из журнала «Душеполезное чтение». 1898. Ч. 1. С. 157–162; см. также: *Богданов Д. П.* Оптина Пустынь и паломничество в нее русских писателей // Исторический вестник. 1910. № 10. С. 332–334. ‖ [2] *Гоголь Н. В.* Собр. соч. Т. 9. С. 482. ‖ [3] Гражданин. 1873. 15 октября. № 42. С. 1131.

Письма святителя Игнатия к графу А. П. Толстому

№ 1[1]

Ваше Сиятельство,

Милостивейший Государь!

Признавая священным долгом прежде моего отъезда принести всеподданнейшую благодарность за все оказанныя мне милости Его Императорскому Величеству Государю Императору Александру Николаевичу, также Государыне Императрице Марии Александровне, покорнейше прошу Ваше Сиятельство, примите на себя труд испросить мне представление Их Величествам.

С чувствами отличнаго уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

Ноября 5 дня 1857 года.

[1] РГИА. СПб. Ф. 797. Оп. 27. 2 отд. 2 ст. Д. 250.

№ 2[1]

Ваше Сиятельство,

Милостивейший Государь!

Отношение Ваше от 4 ноября, коим Вы изволите уведомлять меня, что, по всеподданнейшему докладу Вашему, Государь Император всемилостивейше соизволил пожаловать мне полное Архиерейское облачение, я имел честь получить.

Принося Вашему Сиятельству чувствительнейшую признательность за таковое внимание Ваше ко мне, вместе с тем покорнейше прошу Вас повергнуть к стопам Его Императорского Величества мою всеподданнейшую благодарность за оказываемыя мне милости.

С чувством отличнаго уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою.

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский

Ноября 5 дня 1857 года.

[1] РГИА. СПб. Ф. 797. Оп. 27. 2 отд. 2 ст. Д. 250.

№ 3[1]

Ваше Сиятельство,

Милостивейший государь!

Имел я честь утруждать Ваше Сиятельство покорнейшею моею просьбою лично и на письме, немедленно по рукоположении меня в сан Епископа, находясь еще в Петербурге, о предоставлении мне, по примеру моих предшественников на кафедре Кавказской, тысячи рублей серебром, в вспоможение к моему годичному жалованью в 285 рублей. Желательно, чтоб сей последней суммы стало для меня на лекарства по моей болезненности. Просьба моя — следствие нужды. Она милостиво выслушана Вашим Сиятельством, и я получил от Вас неоднократно повторенное уверение, что Вы не лишите меня необходимого содержания.

Между множеством дел более важных, которыми Вы заняты, немудрено, что Вы не успели еще обратить внимание на мою покорнейшую просьбу, но я, стоя лицем к лицу пред крайнею нуждою, снова позволяю себе беспокоить Вас повторением в письме моем по сей же почте к Его Высокопреосвященству Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому; я просил Его Высокопреосвященство показать это письмо Вашему Сиятельству. Я уверен в доброте Вашего сердца и в том, что Вы не захотите подражать евангельскому богачу, который в краткий срок своего земного обилия не оказал сострадания к затруднительному состоянию ближнего. Так устроилось, что Евангелие о сем событии читалось на той Литургии, на которой я рукоположен во Епископа.

С чувством отличного уважения и проч.

2 февр. 1859, № 11

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 251–251об.

№ 4[1]

Милостивейший Государь,

граф Александр Петрович!

Отношение Вашего Сиятельства от 30 апреля 1861 года за № 2531 с изложением Высочайшего повеления Государя Императора[2] разослано мною в печатных копиях по всем церквам вверенной мне Епархии и объявлено в Кавказской семинарии. Вместе с тем имею честь известить Вас, что в Кавказской епархии не было ни одного неприятного случая вроде тех случаев, о коих изволите говорить в отношении Вашем, по той причине, что при самом открытии дворянского Комитета по крестьянскому вопросу доставлено Кавказскому духовенству должное направление.

Это направление изложено было в предложении моем Кавказской Консистории от 17 января 1859 года[3] и заключает в себе ту же главную мысль о поведении духовенства, каковая изложена в циркуляре Вашего Сиятельства, что изволите усмотреть из прилагаемого при сем экземпляра копии с предложения, разосланного своевременно в таком виде по церквам. Когда же появились в журналах и газетах статьи противного направления, начавшие увлекать некоторых, то мною составлены замечания на сии статьи[4] (замечаниями обнаруживалась неправильность статей и указывался тот вред, который мог произойти от увлечения ими), разосланы по церквам и объявлены в Семинарии, что оказалось особенно нужным.

По объявлении Высочайшего Манифеста по крестьянскому делу Кавказское духовенство увидело в Манифесте те самые основные мысли относительно дела, какие изложены были за два года [до этого] их Архипастырем, и, предуготовленное, направленное замечаниями, не могло давать Манифесту какого-либо произвольного токования. Таким образом, в Крае, в котором недавно возникали беспорядки между помещичьими крестьянами от недоразумений, порождавшихся в среде их, сохранился, при обнародовании Манифеста, ничем не нарушенный порядок.

С чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть

Вашего Сия<тельства покорнейшим слугою

Игнатий, епископ Кавказский и Черноморский>.

22 мая 1861, № 1486

[1] ГАСК. Ф. 135. Оп. 19. Ед. хр. 73. Л. 22–23. (автограф, черновой вариант). Частично опубликовано: *Соколов Л.* Ч. 1. С. 294–295.

[2] В данном циркуляре сообщалось, что из многих мест поступают жалобы на неправильное объяснение Манифеста духовенством, дающее повод к крестьянским волнениям, и предписывалось внушить духовенству мысль, что «главнейшая и существеннейшая обязанность духовных лиц в сем деле быть не судьями, но миротворцами» (ГАСК. Ф. 135. Оп. 19. Ед. хр. 73. Л. 21).

[3] См.: ПСТ. Т. 2. М., 2001. С. 393–396.

[4] Там же. С. 397–431.

№ 5[1]

Милостивейший Государь,

Граф Александр Петрович!

Весьма давно я имел желание вполне уклониться от мира и по полученным мною монашеским воспитанию и направлению,

и при созерцании болезненности моей, не обещающей мне долговременной земной жизни. Более и более рассматривая себя, убеждаюсь, что пустынным моим направлением я разошелся с направлением, требуемым служением посреди мира. Вследствие такового рассматривания и давнишнего расположения я посылаю сего дня рапорт в Святейший Синод о моем положении, с прошением увольнения от управления Епархиею и о предоставлении мне в управление общежительного Николаевского Бабаевского монастыря Костромской Епархии. Уведомляя Вас о сем, покорнейше прошу милостивого содействия Вашего, чем окажете мне истинное одолжение.

Призывая на Вас обильное благословение Божие, с чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства покорнейшим слугою.

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

24 июля 1861го года.

[1] РГИА. Ф. 797. Оп. 31. Д. 209. Л. 1–1об.

№ 6[1]

Милостивейший Государь,

Граф Александр Петрович!

Письмо Вашего Сиятельства от 6-го августа за № 1488, коим по Высочайшему Повелению Вы изволите уведомлять меня, что всеподданнейшее письмо мое от 24-го июля Его Императорским Величеством принято благосклонно и выраженные в нем мои желания удовлетворены, мною получено сего 21-го августа. Всепокорнейше прошу Ваше Сиятельство повергнуть к стопам Его Величества мою всеподданнейшую, неограниченную благодарность за оказанное мне благодеяние, которое по моему положению ветхости признаю благодеянием величайшим.

Призывая на Вас обильное благословение Неба, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства покорнейшим слугою.

Епископ Игнатий.

21го августа 1861го года.

[1] РГИА. Ф. 797. Оп. 31. 2 отд. 2 ст. Д. 209. Л. 23.

№ 7[1]

Милостивейший Государь,

Граф Александр Петрович!

11-го сего сентября получен мною указ Св. Синода о увольнении меня от управления Кавказскою Епархиею и о предоставлении мне в управление Николаевского Бабаевского монастыря на правах Епархиального Архиерея. Я возблагодарил Бога за доставленное мне положение, удовлетворяющее меня до преизбытка во всех отношениях. Позвольте принести и Вашему Сиятельству искреннейшую признательность за содействие Ваше в деле, которое признаю величайшим для меня благодеянием. Полагаю выехать из Ставрополя 15-го сентября.

С чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства покорнейшим слугою.

Епископ Игнатий.

14 сент. 1861 года.

[1] РГИА. Ф. 797. Оп. 31. 2 отд. 2 ст. Д. 209. Л. 24.

Письмо графа А. П. Толстого к князю Г. Д. Орбелиани[1]

Ведомство
Православного
Исповедания
Канцелярия Обер-прокурора
Святейшего Синода
С.-Петербург,
6 августа 1861 г.

Милостивейший Государь,

Князь Григорий Дмитриевич.

Высочайшим указом, данным Святейшему Синоду в 5 день текущего августа, Преосвященный Епископ Кавказский Игнатий, согласно прошению его, Всемилостивейше уволен от управления Кавказскою Епархиею.

Уведомив о сем Ваше Сиятельство, с совершенным почтением и преданностию имею честь быть

Вашего Сиятельства

Гр. Толстой.

Его Сиятельству Князю Г. Д. Орбелиани.

30 апреля 1865 года

[1] РГИА. Ф. 797. Д. 209. Л. 1–1об.

Содержание

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПИСЕМ СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА

Том II

Переписка с монашествующими

Составление
О. И. Шафранова

Обложка
Анна Любавина

Редактор
Александра Доброцветова

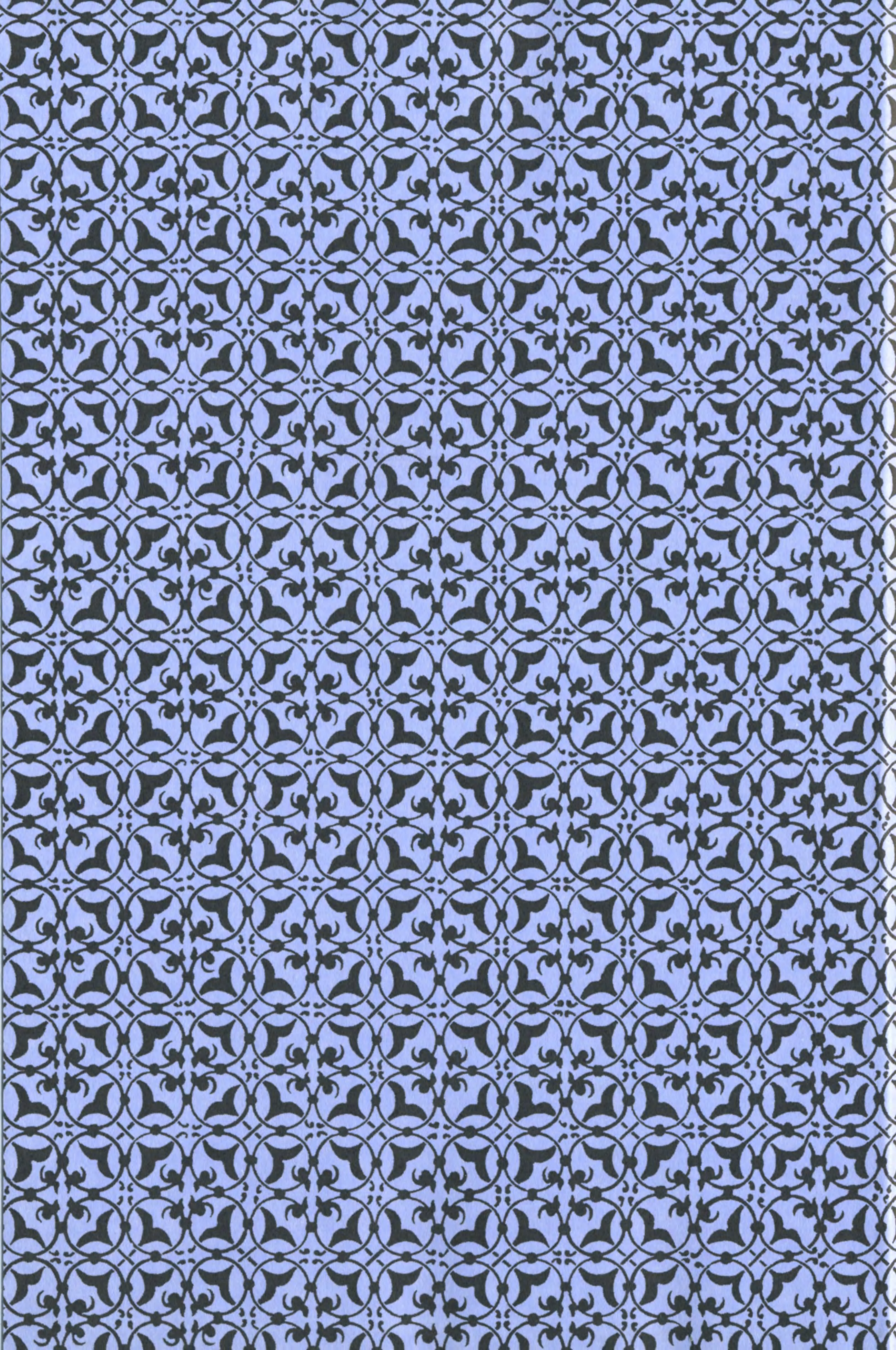
Корректор
Ольга Грецова

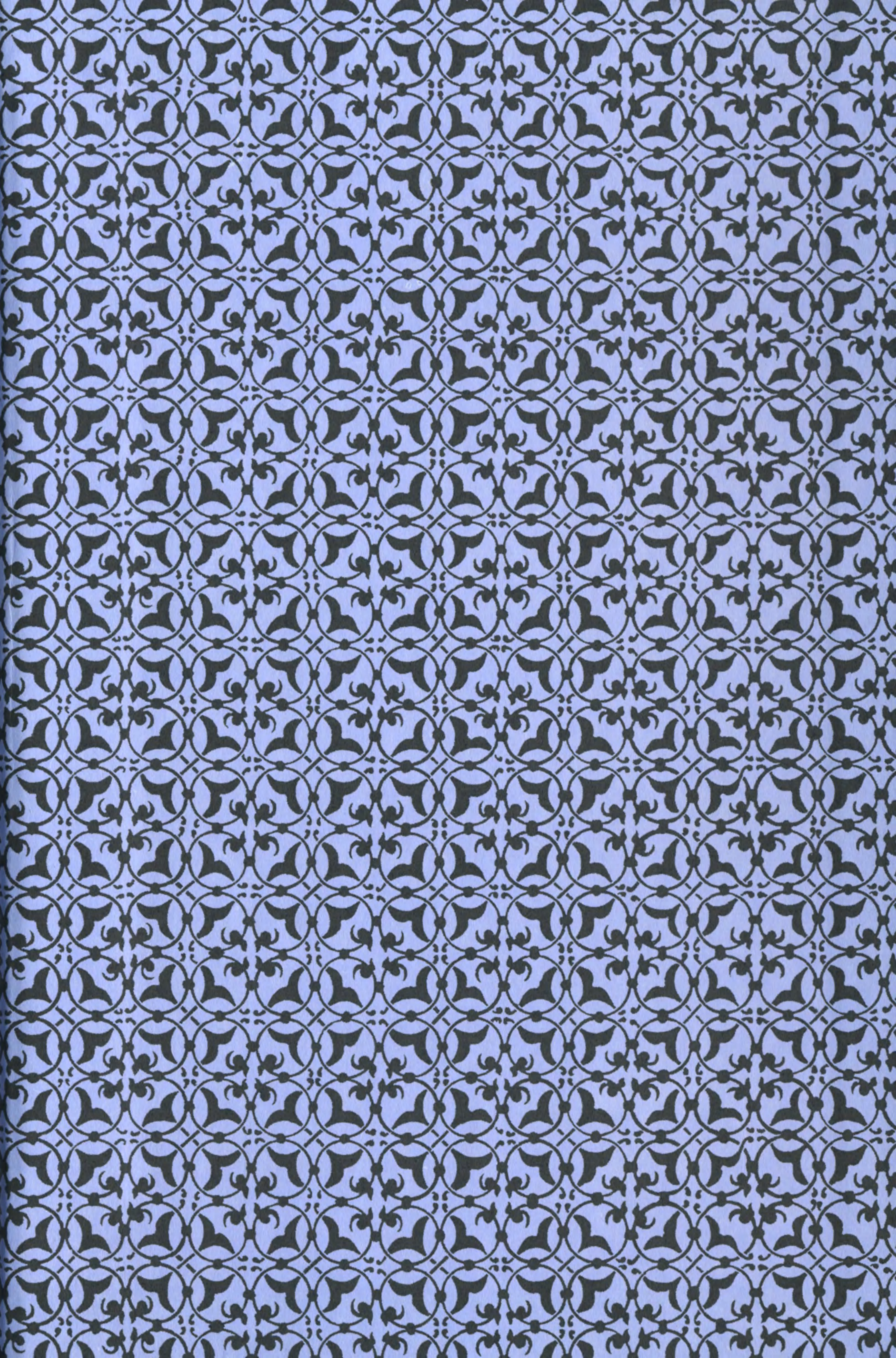
Верстка
Екатерина Белогорцева

Подписано в печать 15.09.2011.
Формат 60x90 1/16. Печать офсетная.
Объем 44 п.л. Тираж 7000 экз. Заказ № 1115500.

Издательство «Православный паломник-М»
111141, Москва, Плеханова, 15.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97





ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПИСЕМ СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ

Том II